Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт психологии Российской академии наук»

На правах рукописи

БОГДАНЧИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИСТОЧНИКИ, УСЛОВИЯ И ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В 1920-1930-е гг.

Специальность: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. Проблемное поле современной отечественной историографии истории советской психологии 18
§ 1. Современные взгляды на советскую психологию и ее историю 18
§ 2. Советская психология в широком историко-научном контексте 25
§ 3. Биографии отечественных психологов как предмет историко-психологического исследования 47
§ 4. Зарубежная историография истории советской психологии (по материалам публикаций 1930-1950-х гг.) 68
Выводы по первой главе 76

ГЛАВА 2. Конкретные источниковедческие и историографические проблемы изучения периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии 78
§ 1. О происхождении понятий «советская психология» и «марксистская психология» 78
§ 2. О научных направлениях и научных школах в отечественной психологической науке 1920-1930-х гг. 99
§ 3. О статьях по психологии в первом издании «Большой советской энциклопедии» 115
§ 4. Концептуально-историографический подход: исходные принципы и констатации 121
Выводы по второй главе 136

ГЛАВА 3. Советская историография истории советской психологии 140
§ 1. Работы советских авторов 1920-х–1930-х гг. по истории советской психологии 140
§ 2. Работы советских авторов 1940-1950-х гг. по истории советской психологии 144
§ 3. Работы советских авторов 1960-1980-х гг. по истории советской психологии 152
§ 4. Работы советских авторов конца 1980-х – начала 1990-х гг. по истории советской психологии 156
§ 5. Методологические итоги советского периода: историографическая концепция советской психологии как особой науки 160
Выводы по третьей главе 175

ГЛАВА 4. Постсоветская и современная российская историография истории советской психологии 177
§ 1. Вопросы изучения истории советской психологии в работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского 1990-х – начала 2000-х гг. 177
§ 2. Современные российские авторы о периоде становления советской психологии 181
§ 3. Методологические итоги постсоветского периода: историографическая концепция советской психологии как репрессированной науки 189

§ 4. Историографическая концепция становления советской психологии как научного направления (общая характеристика) 208
Выводы по четвертой главе 224

ГЛАВА 5. Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг.: тенденция «от психологии субъективной к психологии марксистской»..... 227
§ 1. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым..... 227
§ 2. Проблема диалектического метода в марксистской психологии 267
§ 3. Дискуссия между В.Я. Струминским и К.Н. Корниловым 290
§ 4. Полемика Л.С. Выготского с Г.И. Челпановым 303
§ 5. Дискуссия М. Окуня с Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым..... 320
Выводы по пятой главе..... 343

ГЛАВА 6. Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг.: тенденция «от психологии объективной к психологии марксистской» 346
§ 1. «Теория новой биологии» Э.С. Енчмена, психология и марксизм..... 346
§ 2. Рефлексология, психология и марксизм..... 377
§ 3. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека 382
Выводы по шестой главе 403

ГЛАВА 7. Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1930-е гг.: тенденция «от психологии марксистской к психологии советской» 405
§ 1. Реактологическая дискуссия..... 405
§ 2. Психологическая наука в СССР накануне постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936)..... 414
§ 3. Совещание ведущих советских психологов в редакции журнала «Под знаменем марксизма» летом 1936 г..... 432
§ 4. «Основы психологии» и «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна в контексте эпохи 445
Выводы по седьмой главе 460

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 463

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 468

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация представляет собой опыт целенаправленного историко-психологического исследования процесса становления советской психологии как научного направления в период 1920-1930-х гг.

Актуальность, степень разработанности и изученности темы исследования. В постсоветский период в России было опубликовано большое количество работ, так или иначе касающихся советского периода истории отечественной психологии. Благодаря работам К.А. Абульхановой, О.А. Артемьевой, Б.С. Братуся, А.В. Брушлинского, М.С. Гусельцевой, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлева, Е.Ю. Завершневой, В.П. Зинченко, В.А. Кольцовой, Н.С. Курека, Е.В. Левченко, В.М. Лейбина, Н.А. Логиновой, Т.Д. Марцинковской, И.А. Мироненко, Р.С. Немова, О.Г. Носковой, В.И. Овчаренко, Ю.Н. Олейника, А.В. Петровского, Б.Н. Рыжова, И.Н. Семенова, И.Е. Сироткиной, Е.Е. Соколовой, М.А. Степановой, Н.Ю. Стоюхиной, А.В. Юревича, М.Г. Ярошевского и многих других отечественных исследователей мы стали намного лучше и полнее понимать историю отечественной психологической науки в целом и историю советской психологии – в частности. И все же приходится констатировать, что история советской психологии до сих пор представляет собой сложную и во многих отношениях нерешенную исследовательскую проблему, что находит свое выражение в наличии множества «белых пятен», неясностей, недоговоренностей и нестыковки самых различных интерпретаций на уровне эмпирии.

Такое положение дел можно объяснять тем, что за весь постсоветский период в отечественной историографии психологии не появилось больших, носящих принципиальный и обобщающий характер исследовательских работ, в которых советская психология исходно определялась бы как отчетливо сформулированная и требующая своего решения центральная исследовательская проблема, как предмет глубокого и всестороннего историко-психологического исследования.

Наглядное представление об имеющихся здесь трудностях и возможных путях их преодоления дают такие работы, как коллективная монография «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» (1997), «Общий очерк истории психологии в России» А.Н. Ждан (2009), «История психологии в России: краткий очерк с авторскими акцентами» И.Е. Сироткиной и Р. Смита (2016), статьи И.Н. Семенова к столетию советской психологии (2018), монографии «Психология и время» А.В. Петровского (2007), «Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия» О.А. Артемьевой (2015), «Российская психология в пространстве мировой науки» И.А. Мироненко (2015), антология «Методология советской психологии в период открытого кризиса» (сост. и отв. ред. Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин и А.Л. Журавлев, 2022), а также недавно вышедшая коллективная монография «Советская психология: этап истории науки и менталитет» (отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич, 2024); не менее показательны в этом отношении посвященные истории советской психологии разделы в современных отечественных учебниках и учебных пособиях по истории психологии.

Что такое советская психология как определенный историко-научный феномен – вот вопрос, на который должен быть найден ответ. Имеющийся в настоящее время плюрализм и широчайший разброс подходов, точек зрения, оценочных суждений и мнений в области истории советской психологии не может заменить собой отсутствие принципиальных, методологически выверенных и эмпирически обоснованных ответов на самые главные для понимания феномена советской психологии вопросы – о сущности, структуре, механизмах, этапах развития и историческом значении советской психологии. Необъятные джунгли с редкими и узкими исхоженными тропинками – вот что такое история советской психологии сегодня как объект исследования.

Особенно остро и актуально в изучении развития психологической науки в СССР стоит задача детальной историко-научной реконструкции процесса становления советской психологии на начальном этапе ее развития

(в 1920-1930-е гг.) – главным образом в силу того, что и содержательно, и по особенностям своего развития данный период резко отличается как от предшествующих, так и последующих десятилетий и потому традиционно рассматривается в отечественной (советской, постсоветской и самой современной) историографии в качестве самостоятельного периода, носящего ярко выраженный переходный характер: именно в 1920-1930-е гг. в СССР был осуществлен кардинальный переход от русской дореволюционной («старой», «домарксистской», «досоветской») психологии, во всем ее многообразии и своеобразии, к психологии новой – марксистской, советской, единой.

Нет необходимости специально доказывать, что если в первые послереволюционные годы советской психологии ни в каком виде не существовало (ни как термина, понятия, программы, лозунга, идеи, ни, тем более, как самостоятельного, ясно оформившегося научного направления), то уже к концу 1930-х гг. в СССР не стало никакой иной психологии, кроме советской. Но есть настоятельная необходимость в том, чтобы понять, как произошло это превращение. Ведь советская психология не могла появиться вдруг, ниоткуда и в готовом виде. Какие факторы и обстоятельства выступили в качестве источников, условий и предпосылок возникновения советской психологии? Как следует относиться к этому процессу и к тому, что получилось в итоге? В постижении этого превращения, в понимании структуры, динамики, путей, детерминант и механизмов развития советской психологии в период 1920-1930-х гг. и заключается проблема становления советской психологии, взятая в качестве темы данного диссертационного исследования.

Непосредственно обратившись к истокам, то есть к периоду становления советской психологии, в определенной мере продвинуться в решении этой проблемы – такова, по сути, сверхзадача предлагаемого исследования.

Методология диссертационного исследования. В методологическом отношении диссертационное исследование строилось на тщательном изучении, критическом осмыслении, творческом развитии и конструктивном применении традиций и достижений, содержащихся в работах отечественных (советского

периода и современных) теоретиков, методологов и исследователей истории советской психологии – К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, О.А. Артемьевой, А.В. Брушлинского, Е.А. Будиловой, М.С. Гусельцевой, А.Н. Ждан, В.П. Зинченко, В.А. Кольцовой, Г.С. Костюка, Е.В. Левченко, Н.А. Логиновой, В.А. Мазилова, Т.Д. Марцинковской, О.Г. Носковой, А.В. Петровского, В.А. Роменца, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Рыбникова, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, О.М. Тутунджяна, М.Г. Ярошевского и др. При этом в качестве *общих методологических принципов* были взяты присущие отечественной психологической науке, а также отечественной традиции в изучении истории психологии общие объяснительные принципы: детерминизма, системности и развития.

В качестве *специальных методологических принципов* в основу исследования были положены принципы историко-психологического исследования:

– единства логического и исторического; объективности; конструктивно-позитивного анализа истории психологии; периодизации и преемственности развития психологического знания; единства прошлого, настоящего и будущего; единства коллективного и индивидуального творчества в развитии психологического знания (по В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейнику (1999, 2003));

– принцип трехаспектности – различение, по М.Г. Ярошевскому (1996), в предмете истории психологии трех координат: когнитивной (предметно-логический аспект, логика развития психологических знаний), социальной (социальная ситуация развития науки) и личностной (особенности личности ученого), с добавлением выделенного В.А. Кольцовой (2004) помимо трех указанных аспектов четвертого, процессуального аспекта – «процессуально-динамического компонента»;

– принцип историзма, анализ истории психологии как становления ее предмета, в соответствии с подходом А.Н. Ждан (1994, 2016, 2018).

Данная методологическая база в ходе исследования была осмыслена, конкретизирована и операционализирована в виде ряда непосредственно относящихся к рассматриваемой теме *частных (рабочих) методологических принципов*, отвечающих предмету исследования, поставленной цели, сформулированным задачам и обозначающих исследовательские приоритеты при изучении истории советской психологии. В соответствии с этими принципами история советской психологии изначально понимается как история «большая», деидеологизированная, активная, интеллектуальная, объяснительная, единая, непрерывная, последовательная, системная, историографически обоснованная и концептуально оформленная (подробно эти принципы раскрываются в четвертом параграфе второй главы диссертации).

Взятые в совокупности и рассматриваемые в единстве, указанные частные (рабочие) принципы представляют собой специально разработанную авторскую методологию исследования истории советской психологии – *концептуально-историографический подход*, в котором постулируется, что в основе работ по истории советской психологии всегда лежит определенная *историографическая концепция* – исходная принципиальная схема, описывающая историю советской психологии в общем и целом, по существу.

В рамках и с позиций заявленного подхода была выдвинута гипотеза, осуществлен выбор объекта и предмета, а также сформулированы цель и задачи диссертационного исследования.

Гипотеза исследования. В исследовании предполагается, что советская психология – это определенное научное направление, становление которого хронологически приходится на период 1920-1930-х гг.

Объект исследования: период 1920-1930-х гг. истории психологической науки в СССР.

Предмет исследования: становление советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.

Цель исследования: выявить источники, условия и динамику становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.

Достижение поставленной цели подразумевает последовательное решение следующих задач:

1) проанализировать проблемы и достижения, имеющиеся в настоящее время в изучении истории психологической науки в СССР (в целом и периода 1920-1930-х гг. – в частности), сформулировать основные положения исследовательского подхода, нацеленного на решение выявленных проблем;

2) выявить содержащиеся в отечественной (советской, постсоветской и современной) историографии различные варианты и модификации историографической концепции советской психологии;

3) осуществить критический анализ выявленных концепций, обосновать необходимость выдвижения историографической концепции становления советской психологии как научного направления, изложить основные положения этой концепции;

4) на основе выдвинутой концепции осуществить историко-научную реконструкцию основных источников, условий, тенденций и этапов становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.

Методы исследования: историографический анализ, источниковедческий анализ, теоретический и методологический анализ научных текстов, биографический метод, историко-научная и теоретическая реконструкция значимых проблем, идей и событий в истории науки.

Основные источники исследования: историографические источники – работы отечественных (советских, постсоветских и современных), а также зарубежных исследователей истории советской психологии; первоисточники – работы советских психологов 1920-1930-х гг.

Дополнительные источники исследования: работы отечественных и зарубежных исследователей по истории отдельных наук в СССР, советской науке и культуре в целом; работы по истории, методологии и философии науки; архивные материалы.

Положения, выносимые на защиту

1. В постсоветской и современной российской историографии психологии отсутствуют большие и значимые работы (монографии, диссертации), в которых советская психология выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования. Для решения проблем, имеющихся в настоящее время в изучении истории советской психологии, необходимо выдвижение концептуально-историографического подхода, нацеленного на выявление и анализ имеющихся историографических концепций советской психологии, а также на разработку и обоснование авторской историографической концепции советской психологии как научного направления.

2. В советский период в отечественной историографии была сформирована историографическая концепция советской психологии как «особой науки», возникшей в 1920-1930-е гг. на основе марксизма в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемой всей остальной психологии. В постсоветский период история советской психологии стала описываться как история «репрессированной науки». В рамках этой концепции «российская психология советского периода» характеризуется как репрессированная наука, методологически ориентированная на марксизм.

3. В историографических концепциях советской психологии как «особой» и «репрессированной» науки советская психология, априорно противопоставляемая всей остальной психологии, рассматривается преимущественно в рамках социальной (политической) истории и определяется как наука, возникшая и функционирующая на основе марксизма. Присущие данным концепциям односторонность и априоризм обуславливают необходимость с позиций интеллектуальной истории выдвинуть историографическую концепцию становления советской психологии как научного направления и благодаря этому эксплицировать внутренние, собственно психологические источники возникновения и развития советской психологии.

4. Становление советской психологии как научного направления проходило в 1920-1930-е гг. под воздействием марксизма (в условиях господства марксистской философии и идеологии) в два этапа, главными источниками при этом являлись субъективная психология и объективная психология. На первом этапе (в 1920-е гг.) ведущими были две тенденции – «от психологии субъективной к психологии марксистской» и «от психологии объективной к психологии марксистской». На втором этапе (в 1930-е гг.) ведущей была тенденция «от психологии марксистской к психологии советской».

Достоверность результатов исследования обеспечивается:

– теоретико-методологическим анализом, позволяющим выявить имеющиеся в изучении истории советской психологии проблемы и достижения и разработать адекватную методологию исследования;
– историографическим анализом, позволяющим выявить логическую последовательность и историческую преемственность рассматриваемых проблем;
– совокупностью источников, необходимых для достижения поставленной цели и сформулированных задач исследования;
– применением релевантных предложенному подходу методов и методических приемов в ходе источниковедческого и историографического анализа, при работе с эмпирическим и теоретическим материалом;
– соотнесением полученных в ходе диссертационного исследования результатов и выводов с современными проблемами в изучении истории и теоретического наследия отечественной психологии советского периода.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования

1. В диссертационном исследовании сформулирован, теоретически обоснован и на конкретном материале истории и историографии советской

психологии апробирован концептуально-историографический подход, позволяющий продуктивно решать проблемы историко-психологического исследования на уровне историографических концепций.

2. В рамках и с позиций концептуально-историографического подхода в ходе историко-психологического исследования периода становления советской психологии на конкретном историческом и историографическом материале раскрыты, уточнены и впервые рассмотрены во взаимосвязи понятия «советская психология», «марксистская психология» и «психологическая наука в СССР»; «научное направление» и «научная школа»; «социальная история» и «интеллектуальная история (психологии)», «историографический подход» и «историографическая концепция».

3. Впервые с позиций интеллектуальной истории психологии выдвинут и обоснован тезис об историографической концепции советской психологии, выявлены виды, различные проявления и этапы развития данной концепции с 1920-х гг. и до наших дней.

4. Впервые в рамках авторской историографической концепции описан процесс становления советской психологии как самобытного научного направления в 1920-1930-е гг.: показано, что советская психология как определенное научное направление возникла в СССР в период 1920-1930-е гг. под воздействием марксизма на основе результатов и достижений психологической науки того времени в процессе трансформации от субъективной и объективной психологии к психологии марксистской (в 1920-е гг.), а затем (в 1930-е гг.) от марксистской психологии – к психологии советской.

Практическая значимость исследования

1. Проведенное диссертационное исследование может рассматриваться как важный шаг на пути создания методологически выверенной, эмпирически обоснованной и полной истории советской психологии (в виде соответствующих монографий, а также магистерских, кандидатских и докторских диссертаций).

2. Результаты исследования создают предпосылки для систематизации и системного представления конкретных эмпирических сведений о советской психологии (психологической науке в СССР) и ее истории в виде базы данных в электронном виде (в том числе в Интернете), тем самым способствуя постановке и решению вопросов по нахождению данных и их презентации, а также по формированию и использованию базы данных по истории российской психологии и истории психологии в целом.

3. Материалы, результаты и выводы исследования могут быть использованы в преподавании психологии, прежде всего в курсах по истории психологии и общей психологии, а также могут быть непосредственно включены в учебники, учебные и методические пособия, хрестоматии по истории и теории психологии, энциклопедические справочники и словари.

4. Материалы исследования в качестве определенной суммы знаний, а также инструмента историко-психологического обеспечения и историко-психологического сопровождения могут быть использованы для решения проблем, стоящих в настоящее время перед отечественной психологической наукой в области практической, прикладной, экспериментальной и общей психологии, в области методологии психологии, а также для решения аналогичных проблем в смежных с психологией научных дисциплинах и областях.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования докладывались и обсуждались на международных и всероссийских научных психологических конференциях: Московские встречи по истории психологии (2001, 2006, 2009, 2016, 2021); юбилейная (посвященная 125-летию Московского психологического общества) научная конференция (2010); симпозиум, посвященный 150-летию Г.И. Челпанова (V съезд РПО, Москва, 2012); международная конференция «Человек, субъект, личность в современной психологии», посвященная 80-летию А.В. Брушлинского (Москва, 2013); «Международные Челпановские чтения» (Москва, 2014); международная конференция «Г.И. Челпанов и его роль в развитии психологического

образования и науки славянских государств» (Мариуполь, Украина, 2012); «Международные Челпановские психолого-педагогические чтения» (Киев, 2013); на международных и всероссийских конференциях – в Костроме («Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика», 2009); в Саратове («Проблемы и перспективы социальной психологии образования», 2010; «Актуальные проблемы психологии и педагогики», 2011); в Ярославле («Психология XXI столетия», 2007-2010; «Чтения К.Д. Ушинского», 2012; VI Международная научно-практическая конференция «Системогенез учебной и профессиональной деятельности», 2013); в Арзамасе (всероссийский методологический семинар по истории психологии «Арзамасские чтения», 2008, 2011, 2014, 2019, 2023); на проходивших в Санкт-Петербурге в СПбГУ научных конференциях «Ананьевские чтения – 2014» и «Ананьевские чтения – 2015»; на Международной научно-практической конференции «Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность» Москва, 2016); на научной конференции «Научная деятельность Д.Н. Узнадзе и актуальные проблемы психологии» (Тбилиси, 2016); на Международной научно-практической конференции «Перспективы психологической науки и практики» (Москва, 2017); на Первом Всероссийском форуме историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы» (Москва, 2018); на Международном научно-практическом конгрессе, посвященном 100-летию ГЦОЛИФК «Научно-педагогические школы в сфере физической культуры и спорта» (Москва, 2018); на Второй международной научно-практической конференции «Психология управления персоналом и экосистема наставничества в условиях изменения технологического уклада» (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021); на Круглом столе «Перспективы преподавания истории психологии в вузе» в рамках VII общероссийской онлайн-конференции психологов образования Сибири с международным участием «Психология личностного и профессионального развития человека» (Иркутск, 2022); на Всероссийском симпозиуме с международным участием «Преподавание истории психологии: опыт,

проблемы, перспективы» (посвящается 75-летию доктора психологических наук, профессора В.А. Кольцовой) (Москва, 2022); на Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию Института психологии РАН «История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук» (2022); на Всероссийском симпозиуме с международным участием «История психологии – 2023: Преемственность идей и традиций в дореволюционной, советской и российской психологии» (Москва, 2023).

Результаты исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (2004, 2011), кафедры психологии личности (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014); кафедры педагогики и психологии и на научных конференциях Саратовского государственного социально-экономического университета (2007-2011); на методологическом семинаре ИП РАН (Москва, 2013, 2018); на заседаниях лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН (Москва, 2012, 2013, 2024).

Основное содержание и результаты диссертационного исследования нашли отражение в статьях в *научных журналах*: «Вопросы психологии» (1994-2009, 2014-2015, 2018), «Методология и история психологии» (2006-2009, 2018), «Мир психологии» (2005), «Теоретическая и экспериментальная психология» (2011), «Психология и экономика» (2011), «Приволжский научный вестник» (2014), «Вестник НГУ. Серия: Психология» (2015), «Психологический журнал» (1996, 2006); «История российской психологии в лицах: Дайджест» (2016, 2018); «Известия АСОУ» (2017); «Конференциум АСОУ» (2016, 2017, 2018); «Научные труды Московского гуманитарного университета» (2023); «Ученые записки Института психологии РАН» (2021, 2022, 2023).

Кроме того, результаты диссертационного исследования нашли отражение:

- в *монографиях* «Происхождение марксистской психологии» (2000), «Проблемы изучения истории советской психологии» (2009), «История советской психологии: 1920-1930-е годы» (2011), «Открывая Г.И. Челпанова (Г.И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии:

исследования и материалы)» (2013), «Проблемы истории и историографии советской психологии» (2018);

- в *коллективных монографиях* Института психологии РАН «Взаимоотношения исследовательской и практической психологии» (2015) и «Советская психология: этап истории науки и менталитет» (2024);

- в «Альманахе Научного архива Психологического института» (2012, 2014);

- в *учебных пособиях* «Становление советской психологии (1920-1930-е годы)» (2020) и «Очерки источниковедения истории советской психологии» (2021).

Результаты диссертационного исследования также нашли отражение при подготовке к печати (при составлении, редактировании, написании вступительных статей, составлении библиографии и комментариев) и публикации работ:

Страхов И.В. «Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог)» (Москва-Воронеж, 1998; серия «Психологи Отечества»);

Корнилов К.Н. «Естественнонаучные предпосылки психологии» (Москва-Воронеж, 1999; серия «Психологи Отечества»);

Страхов И.В. «Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией» (Саратов, 2005-2006, в двух томах).

В общем и целом результаты исследований опубликованы в 129 научных работах, в числе которых семь монографий (две из них – коллективные), два учебных пособия и 119 статей и тезисов в научных журналах и сборниках научных работ, из них 21 статья в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования – 165 печатных листов. Опубликованные результаты исследования используются российскими и зарубежными учеными в научных статьях, монографиях, справочниках и учебных пособиях, широко представлены в Интернете.

Структура диссертации определялась в соответствии с целью и задачами исследования. Диссертация состоит из «Введения», семи глав (каждая глава завершается выводами), «Заключения» и «Библиографического списка», включающего в себя 994 источника, из них 69 иностранных.

Общий объем диссертации – 513 страниц.

ГЛАВА 1. Проблемное поле современной отечественной историографии истории советской психологии

§ 1. Современные взгляды на советскую психологию и ее историю

О современных взглядах отечественных авторов на советскую психологию и ее историю можно судить по целому ряду разнообразных материалов, источников и публикаций: это работы советских психологов, переиздаваемые в наши дни (в сериях и продолжающихся изданиях – «Психологи Отечества», «Психологи России», «Живая классика», «Мастера психологии», «Памятники психологической мысли», «Методология, теория и история психологии», «Научные школы Института психологии РАН», «Психологическое наследие» и др.); монографии по истории советской психологии; статьи в научной периодике и в психологических энциклопедиях и словарях, посвященные различным аспектам истории советской психологии (персонам, событиям, теориям, научным школам, проблемам и т.д.); соответствующие разделы в учебниках и учебных пособиях по истории психологии; работы теоретического, методологического, общенаучного и философского плана, с общих позиций затрагивающие вопросы истории советской психологии и всего психологического наследия советских времен.

Вопросы, связанные с пониманием сущности, содержания, механизмов развития и значения советской психологии («психологической науки в СССР», «российской психологии советского периода», «отечественной психологической науки советского периода»), и в наши дни приковывают к себе внимание исследователей истории психологии, озабоченных современным состоянием и судьбой российской психологической науки, о чем можно судить по работам О.А. Артемьевой, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлева, Е.В. Левченко, Н.А. Логиновой, Т.Д. Марцинковской, И.А. Мироненко, О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника, И.Н. Семенова, И.Е. Сироткиной, Н.Ю. Стоюхиной и других современных российских авторов.

Из числа выполненных в постсоветский период больших и значимых работ, носящих исследовательский характер и специально посвященных истории советской психологии, особо следует выделить такие публикации, как коллективные монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» [596], «История и теория психологии» А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [578], «Советская психология: этап истории науки и менталитет» [732], антология «Методология советской психологии в период открытого кризиса» [495], монографии Б.С. Братуся [173], В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника [361], А.В. Петровского [574], [575], [576], В.Н. Помогайбина [587, с. 281-355], «Общий очерк истории психологии в России» А.Н. Ждан [275], монографии и докторская диссертация О.А. Артемьевой [45], [46], [49], М.С. Гусельцевой [241], [242], [243], Е.Е. Соколовой [742], [743] и М.А. Степановой [751], [752], статья [709] и препринт И.Е. Сироткиной и Р. Смита [710], статьи И.Н. Семенова [691]-[695]. К этому списку непосредственно примыкают монографии автора настоящего диссертационного исследования [104], [117], [122], [128], [150].

Отдельным значимым вопросам истории советской психологии посвящены работы К.А. Абульхановой, О.А. Артемьевой, А.Г. Асмолова, Т.В. Ахутиной, Е.Ю. Вороновой, А.Н. Ждан, Е.П. Гусевой, А.Л. Журавлева, Е.Ю. Завершневой, М.С. Игнатенко, В.А. Кольцовой, Н.С. Курека, Е.В. Левченко, В.М. Лейбина, Н.А. Логиновой, В.А. Мазилова, Т.Д. Марцинковской, Н.Ю. Масоликовой, Б.Г. Мещерякова, О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника, В.П. Познякова, О.Е. Серовой, И.Е. Сироткиной, Е.Е. Соколовой, М.Ю. Сорокиной, Н.Ю. Стоюхиной и других современных отечественных исследователей, которые непосредственно работают в области истории психологии и исторической психологии или же так или иначе касающиеся истории советской психологии (в библиографическом списке приводятся наиболее важные публикации указанных авторов).

Кроме того, о современных взглядах на историю советской психологии можно судить по многочисленным статьям, монографиям и диссертациям

отечественных авторов, содержащим анализ творчества выдающихся советских психологов, по материалам юбилейных конференций и сборников, по номерам журналов «Вопросы психологии», «Методология и история психологии», «Культурно-историческая психология», «Теоретическая и экспериментальная психология», «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования», «Психологического журнала», «Национального психологического журнала» и других российских психологических периодических изданий, посвященным научному творчеству отдельных ученых-психологов и научных психологических школ советских времен, а также по статьям о значимых событиях в истории советской психологии и многим другим публикациям, исследованиям и материалам, поток которых не ослабевает.

Изложению истории советской психологии в обязательном порядке посвящены соответствующие разделы, главы и параграфы в постсоветских и современных российских учебниках и учебных пособиях по истории психологии: в работах А.Н. Ждан, А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского 1990-х гг. и в работах последних лет – в учебниках по истории психологии А.Н. Ждан [280], [281], [282], Т.Д. Марцинковской [483], Т.Д. Марцинковской и А.В. Юревича [485], Г.Л. Ильина [315], [316], В.В. Константинова [363], В.К. Шабельникова [860], С.А. Векиловой и С.А. Безгодовой [200], а также в учебных пособиях Б.Ф. Рыжова [682], С.В. Сарычева и И.Н. Логвинова [686], [687] и др. В каждой из этих работ можно обнаружить свои нюансы – порой весьма существенные, хотя далеко не всегда бесспорные – в изложении и интерпретации истории советской психологии, но по этим работам хорошо видно, что их авторы заинтересованы в эмпирически фундированном, логически и методологически обоснованном представлении об истории советской психологии как в общем и целом, так и при изложении научных биографий, отдельных теорий, школ и других частных аспектов и элементов истории советской психологии.

Большой объем сведений по истории советской психологии содержится в современных российских психологических словарях и энциклопедиях: в

справочнике «История психологии в лицах» под редакцией Л.А. Карпенко и А.В. Петровского [326], в словарях Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко [169], И.М. Кондакова [362], Р.С. Немова [521], П.С. Гуревича [604], В.А. Сонина [744] и др. Для нас важно, что современные психологические словари и энциклопедии – это весьма информативные индикаторы как достижений, так и нерешенных проблем, имеющихся в современной историографии советской психологии.

Обращаясь к общепсихологической проблематике, к общим вопросам теории и методологии психологии, следует отметить, что об актуальных методологических проблемах и тенденциях развития в российской психологической науке, тесно связанных с историко-психологическими аспектами и основаниями, наглядно свидетельствуют вышедшие в постсоветский период (за последние тридцать лет) работы В.М. Аллахвердова, Л.И. Анцыферовой, А.Г. Асмолова, В.А. Барабанщикова, М.С. Гусельцевой, А.А. Гостева, Т.В. Корниловой, Д.А. Леонтьева, А.Л. Журавлева, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, В.А. Иванникова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, А.Д. Майданского, В.Ф. Петренко, В.В. Рубцова, И.Н. Семенова, С.Д. Смирнова, Д.В. Ушакова, Н.И. Чуприковой, В.Д. Шадрикова, А.В. Юревича и других российских психологов – теоретиков, методологов, практиков и экспериментаторов.

Из современных зарубежных авторов большое внимание истории советской психологии уделяется в работах Я. Вальсинера, Р. Ван дер Веера, Н.Н. Вересова, Дж. Верча, Л. Грэхэма, Д. Джоравски, И. Имедадзе, М. Коула, П.А. Мясоеда, М.Д. Няголовой, А.П. Стеценко, А. Ясницкого и других зарубежных исследователей.

И все же, переходя к вопросу ***о степени изученности истории советской психологии***, мы должны констатировать, что несомненная актуальность, а также теоретическая и практическая значимость вопросов, так или иначе связанных с советской психологией и ее историей, резко контрастирует со степенью разработанности и изученности истории советской психологии и всего идейного психологического наследия советских времен. Как мы уже отмечали во

«Введении», в настоящее время история советской психологии, выступающая в качестве объекта исследования – это, по сути, необъятные джунгли с кое-где проложенными редкими и узкими, исхоженными тропинками.

Тезис о слабой изученности истории советской психологии разделяется (с теми или иными вариациями и акцентами) многими современными отечественными исследователями истории советской психологии.

Так, в вышедшей в 1997 году коллективной монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» в предисловии подчеркивалось: «В предлагаемой книге, написанной группой авторов, предпринята попытка проанализировать и обобщить лишь некоторые наиболее существенные тенденции, принципы, пути и итоги развития психологической науки в России XX столетия. Такое обобщение – сколько-нибудь полное и систематическое – является исключительно трудной задачей (ввиду гигантского объема подлежащего изучению материала)» [596, с. 3].

В первом десятилетии XXI века отечественные исследователи писали не только о том, что «в последние несколько лет отчетливо стало заметным возрождение интереса к теоретическому и методологическому наследию отечественных авторов» [430, с. 3], не только предупреждали, что идейным наследием советских времен опасно пренебрегать – «ветви без корней чахнут» [169, с. 7], но и прямо указывали на то, что «внешнее почитание деятелей отечественной психологии сосуществует со слабым знанием и фактическим игнорированием их научных вкладов» [455, с. 17].

И.А. Мироненко в 2007 г. указывала на то, что «в сознании отечественного профессионального сообщества существование отечественной психологии как самобытной школы сегодня тоже не является фактом» [496, с. 250-251]. Столь же показательными и информативными являются материалы состоявшейся в феврале 2019 г. в Москве конференции, посвященной столетию советской психологии [323].

А.Н. Ждан, выступая в 2009 г. на пятых «Московских встречах», с тревогой констатировала: «В настоящее время наметилась тенденция недооценки

собственных корней. Это выражается в преобладающем влиянии зарубежных концепций на научное мировоззрение молодого поколения психологов. Чтобы не допустить перерыва преемственности в развитии отечественной психологии, необходимо усилить работу по изучению и осмыслению нашего наследия и его использованию в решении современных психологических проблем» [276, с. 36].

Надо сказать, что и сегодня указанные А.Н. Ждан задачи продолжают оставаться актуальными, особенно с учетом того, что ряд зарубежных монографий и учебных пособий по истории психологии – Т. Лихи [452], Х.Е. Люка [473], Д. Робинсона [628], П. Саугстада [688], Н. Смита [730], Р. Смита [731], М. Ханта [843], Д.П. Шульц и С.Э. Шульц [872] – в настоящее время опубликован на русском языке.

Советская психология в этих работах представлена, как нетрудно убедиться, минимальным образом, к тому же не всегда убедительно. Конкретным примером трудностей, с которыми приходится сталкиваться современным зарубежным и российским исследователям, вписывая историю советской психологии в контекст общей (мировой) истории психологии, может служить книга Х. Люка [473] и в особенности имеющееся в книге «Послесловие» В.П. Зинченко (см. [473, с. 223-231]). Не менее показательны в этом отношении по своим «авторским акцентам» (и в плане подачи материала, по форме, и в плане содержания) статьи И.Н. Семенова [691]-[695] и препринт И.Е. Сироткиной и Р. Смита «История психологии в России: краткий очерк с авторскими акцентами» [709], [710] – работа, изначально предназначенная для зарубежного читателя.

Подведем итоги нашему анализу современных взглядов на советскую психологию и ее историю.

1. Прежде всего мы убедились в том, что история советской психологии и сейчас не остается без пристального внимания исследователей – налицо существенный прогресс, достигнутый в течение всего постсоветского периода в деле изучения истории советской психологии.

2. Несмотря на достигнутый прогресс, у нас есть все основания констатировать, что в настоящее время существует опасный (и к тому же все более увеличивающийся) разрыв между общими рассуждениями о советской психологии и ее истории, с одной стороны, и детальными, но не затрагивающими существа дела и картины в целом исследованиями отдельных явлений, фрагментов и аспектов истории советской психологии, – с другой стороны. Более того, в общем и целом за три прошедших постсоветских десятилетия ситуация в изучении истории советской психологии, с нашей точки зрения, если и изменилась, то, пожалуй, только в сторону количественного наращивания (но отнюдь не качественного обобщения и глобального синтеза) представлений о советской психологии.

3. Несмотря на большое количество различных частных исследований, находок и публикаций, история советской психологии и в настоящее время как на уровне описания и эмпирии, так и в теоретико-методологическом отношении (на уровне общих исследовательских принципов и подходов, в принципиальном плане) все еще остается большой и сложной проблемой. На уровне исходных констатаций это находит свое непосредственное выражение в отсутствии общего и целостного, эмпирически и методологически обоснованного, внятно изложенного и фактически общепризнанного представления об истории советской психологии. И дело здесь, очевидно, не столько в «гигантском объеме подлежащего изучению материала», сколько в самом подходе.

Но о степени изученности истории советской психологии, о разработанности данной области мы можем судить, не только оценивая публикации, непосредственно посвященные истории советской психологии, но и выясняя, что о советской психологии и ее истории знают представители других наук, областей знания и культуры – философы, педагоги, физиологи, социологи, писатели, богословы, физики, филологи и т.д. Этому важному вопросу посвящен следующий параграф нашего исследования.

§ 2. Советская психология в широком историко-научном контексте

В данном параграфе мы сосредоточимся на рассмотрении советской психологии и ее истории в широком историко-научном контексте – на фоне советской археологии, биологии, физиологии, лингвистики и других смежных с психологией наук, в самых общих чертах осуществив, таким образом, сравнительное историко-научное исследование.

О современных представлениях об истории советской психологии прежде всего можно судить по количеству и качеству посвященных данной теме исследований и соответствующих публикаций. В последние два десятилетия вопросы историографии истории отечественной психологии у российских исследователей постепенно все больше выходят на первый план, подтверждением чему служат прежде всего публикации О.А. Артемьевой [49]-[54], И.С. Алексеенко [12]-[15], М.А. Щукиной [876], [877]. Анализ отечественной историографии истории советской психологии, начатый нами в 2006 г., в 2021-2024 гг. был существенным образом дополнен результатами изучения зарубежной историографии истории советской психологии (см. [106]-[163]).

Работа по изучению историографических источников и имеющихся в этой области проблем в принципиальном плане была начата В.А. Кольцовой еще двадцать лет назад, о чем можно судить по ее монографиям «Теоретико-методологические основы истории психологии» [355] и «История психологии: Проблемы методологии» [356]. Подводя итоги рассмотрения ключевых проблем и направлений анализа методологических проблем истории психологии, В.А. Кольцова в первой монографии констатировала, что в нашей историко-психологической литературе «практически отсутствует разработка вопросов историографии и источниковедения истории психологии» [355, с. 156], но уже во второй монографии эти вопросы были всесторонне рассмотрены В.А. Кольцовой в отдельной главе «Историография и источниковедение истории психологии» – в параграфах «Задачи и проблемное поле историографического исследования», «Основные направления исследований в зарубежной

историографии истории психологии», «Тенденции и динамика развития отечественной истории психологии XX столетия», «Развитие современных историко-психологических исследований» и «Исследование истории психологии и его задачи» [356, с. 217-319].

Данную работу в области историографии в настоящее время ни в коей мере нельзя считать законченной, она должна быть (и будет) продолжена – разумеется, в тесной связи с изучением первоисточников и всего социокультурного контекста, то есть с учетом как «внутренней» (интеллектуальной, когнитивной), так и «внешней» (социальной, политической) истории советской психологии.

Для полноты картины добавим, что из современных зарубежных исследователей истории и историографии советской психологии следует особо выделить А. Ясницкого, работы которого посвящены главным образом Л.С. Выготскому и его школе (см. [918]-[923], [987]-[993] и др., а также статью Т.В. Ахутиной [61], содержащую критику как исходных позиций, так и выводов, к которым приходит А. Ясницкий в своих работах).

Другим не менее значимым показателем «освоенности» истории советской психологии является то, насколько о советской психологии и ее истории известно в других науках. Уже сейчас мы не должны игнорировать вопрос о том, что нам может, в конечном счете, дать для понимания истории советской психологии сравнительное изучение «параллельной» истории других наук, функционировавших в советскую эпоху.

В самом деле, что знают об истории советской психологии исследователи, не являющиеся психологами, но профессионально занимающиеся историей советской биологии, физиологии, лингвистики, археологии, советской исторической науки, советской философии и т.д.? И что мы сами – психологи, историки психологии – знаем об этих исследованиях, т.е. о советском периоде истории других отечественных наук?

Чтобы при решении этих вопросов не отрываться от фактов («факты – это воздух ученого», как в свое время выразился И.П. Павлов, сравнивая движение

мысли ученого с полетом птицы [546, с. 19]), свою исследовательскую задачу мы сформулируем достаточно конкретно: в данном параграфе мы рассмотрим всего лишь два частных, но весьма показательных, как нам представляется, вопроса – во-первых, о том, как в книгах, посвященных истории различных наук в эпоху СССР, затрагивается история советской психологии; во-вторых, в какой мере рассмотренные работы могут способствовать более эффективному изучению и более глубокому пониманию истории советской психологии.

С этой точки зрения весьма характерно, что Николай Кременцов в вышедшей в США на английском языке в 1997 г. книге о «stalinist science», т.е. о «сталинской (или все-таки «сталинистской»?!) науке, прямо пишет: «Мой анализ сталинской научной системы и лежащих в ее основе закономерностей можно было бы проиллюстрировать подробностями из истории психологии, физики, химии, лингвистики, геологии и многих других советских дисциплин, но я уделяю особое внимание наукам о жизни, в частности генетике. Конечно, развитие каждой дисциплины имело свои особенности, частично вытекающие из различной природы научных материалов, теорий и традиций, связанных с ними» [947, с. 7].

И действительно, в этой книге мы не находим каких-либо упоминаний о том, что происходило с психологической наукой в СССР в эпоху сталинизма. То же самое можно сказать и о вышедшей в 2001 г. на английском языке книге В.Я. Бирштейна «Извращение знания. Подлинная история советской науки» [928], в которой основное внимание уделяется различным аспектам функционирования советской психиатрии.

Не менее показательна в этом же отношении вышедшая в 2006 г. книга американского историка Э. Поллока «Сталин и советские научные войны» ([952], см. также [166]). В этой книге, вводящей в оборот понятие «научные войны» (science wars), описываются шесть дискуссий – в философии, биологии, физике, лингвистике, физиологии и политической экономии, проходивших в СССР в послевоенный период (конкретно речь идет о событиях 1946-1952 гг.). И здесь мы снова не обнаруживаем каких-либо упоминаний о советской

психологии и ее судьбе, о дискуссиях, проходивших в советской психологии в этот период.

Свой выбор объекта исследования Э. Поллок объясняет следующим образом: «Научные войны конца сталинского периода охватывали темы, имеющие решающее значение для легитимности партии и фундаментальные для советского мировоззрения в начале холодной войны. Марксистско-ленинская “научная философия” обеспечивала фундамент для идеологии, которая лежала в основе государства и общества. Физиология и биология имели непосредственное отношение к новому “советскому человеку”, которого пыталась создать система, и к природе, которую коммунизм обещал преобразовать. Квантовая механика и относительность в физике потенциально бросали вызов марксистско-ленинской материалистической эпистемологии, даже если они казались решающими для разработки атомного оружия. Лингвистика охватывала вопросы сознания, класса и национальности. А политическая экономия требовала критики капитализма, обоснования советского социализма и “дорожной карты” для достижения коммунизма в СССР и во всем мире» [952, p. 3-4].

Таким образом, с точки зрения Э. Поллока «непосредственное отношение к новому “советскому человеку”, которого пыталась создать система», в СССР имела только физиология, но вовсе не психология или какая-либо другая гуманитарная наука (например, педагогика). Однако, как мы знаем, практически во всех современных отечественных работах (учебниках, учебных пособиях, монографиях, статьях) по истории психологии «Павловская сессия» двух академий 1950 г., посвященная вопросам физиологии, тем не менее характеризуется как имеющая непосредственное (и весьма существенное!) отношение к судьбе советской психологии.

Обобщая, можно сказать, что при таком подходе к истории советских наук, который мы обнаруживаем у Н. Кременцова, В.Я. Бирштейна и Э. Поллока, советская психология на фоне остальных наук выглядит своего рода бедной Золушкой, теряющейся на фоне своих весьма представительных сестер и совершенно не заслуживающей внимания – по-видимому, в силу своей

невзрачности и незначительности, причем не столько из-за своей внешности или отсутствия достижений, сколько из-за всей своей истории, о которой и рассказывать-то особенно нечего.

Но, может быть, так оно и есть на самом деле, все дело в нас самих, и даже если исследователь истории какой-либо советской науки (или советской науки в целом) захочет что-то узнать о «параллельной» истории советской психологии, мы, историки советской психологии, фактически мало что сможем ему сообщить интересного и значительного о советской психологии – и по количеству информации, и по исторической значимости событий, и по содержащейся в описываемых событиях человеческой «драматургии»? Чтобы разобраться с этой дилеммой, обратимся к истории вопроса.

Пожалуй, в качестве первой крупной работы интересующего нас формата следует назвать вышедшую еще в советское время (в 1989 г.) книгу «Суровая драма народа» [767]. Все статьи в этой книге сгруппированы в два раздела: «Обращение к истокам» (девять статей) и «Трагедия науки и культуры» (восемь статей). Под рубрикой «Вместо заключения» книга завершается еще одной статьей – «Путь к истине» Александра Зевелева.

Всего в сборнике содержится восемнадцать статей. О проблематике сборника можно судить по фамилиям авторов и темам статей. В первом разделе сборника были, в частности, размещены – в духе царившей тогда перестройки и гласности – статьи историко-политической направленности таких известных авторов, как Г. Шмелев, О. Лацис, А. Ципко, Д.А. Волкогонов, Р.А. Медведев, И. Бестужев-Лада (характерно название статьи И. Бестужева-Лада – «Трудное возвращение к правде»). Но если мы заглянем во второй раздел книги, то и здесь по интересующему нас вопросу мы обнаружим статьи и материалы лишь о нелегкой судьбе (в советское время) исторической науки, генетики и философии (статья А.П. Огурцова «Подавление философии» [767, с. 353-374] и сегодня представляет определенный исследовательский интерес).

Так конкретно в «горбачевские» времена выражался (и утверждался) формат публикаций на тему «наука и власть»: перед нами более-менее

упорядоченный, сгруппированный в несколько разделов, но, по сути, эклектичный сборник статей различных авторов (причем, как нетрудно убедиться, некоторые статьи ранее уже были опубликованы в периодике). Публиковать разнообразные статьи под одной обложкой позволяло лишь то, что их реально объединяло, что действительно было присуще всем им без исключения – их обличительно-разоблачительный настрой, их стремление выразить то, о чем раньше было запрещено говорить, их желание рассказать о том, что и как было на самом деле, т.е. прямо и честно рассказать о репрессиях, запретах, идеологическом давлении, трагических судьбах и т.п.

Неудивительно, что на этой волне в 1991 г. на русском языке вышла книга зарубежного автора – монография Лорена Р. Грэхэма (Loren R. Graham) «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» [237]. В этой книге (ее первое издание на английском языке вышло в 1987 г. [938]) в двенадцати главах дается широкая панорама исторического развития философии и науки в СССР, в том числе речь идет и о развитии советской психологии. Чтобы стало более понятным то место, которое Л.Р. Грэхэм при этом отводил психологии, приведем названия всех двенадцати глав: 1) «Исторический обзор»; 2) Диалектический материализм в Советском Союзе: его развитие в качестве философии науки»; 3) «Проблема происхождения жизни»; 4) «Генетика», 5) «Физиология и психология», 6) Дискуссия по проблеме «Природа – воспитание»; 6) «Биология человека: специальные вопросы»; 8) «Кибернетика и компьютеры»; 9) «Химия»; 10) «Квантовая механика»; 11) «Релятивистская физика»; 12) «Космология и космогония».

Интересующая нас пятая глава «Физиология и психология», будучи достаточно внушительной по объему [237, с. 163-220], включает в себя большое введение в проблему [237, с. 163-173] и десять небольших параграфов: «Л.С. Выготский», «С.Л. Рубинштейн», «А.Р. Лурия», «Совещание 1962 г.», «Проблема сохранения значения павловского подхода», «Проблема определения понятия “сознание”», «П.К. Анохин», «А.Н. Леонтьев», «Советский фрейдизм» и «Советские психологические школы».

Отметим, что, указывая в данной главе в качестве книг о раннем периоде развития советской психологии (т.е. о периоде 1920-1930-х гг.) книги «История советской психологии» А.В. Петровского [568] и «Новый человек в советской психологии» Р.А. Бауэра [926], Л.Р. Грэхэм дает им следующие оценки: «Книга Петровского, опубликованная в тот период советской истории, в который политическое давление со стороны государства было относительно ослаблено, содержит интересный материал о творчестве таких людей, как П.П. Блонский, К.Н. Корнилов и Б.М. Бехтерев. Позднее взгляды этих людей подвергались критике со стороны Коммунистической партии, однако в книге Петровского их попытки реконструировать дореволюционную психологию освещаются с известной симпатией. Что касается книги Бауэра, то в ней, как это ни удивительно, не содержится анализа попыток отдельных советских ученых связать свои взгляды с марксизмом. При этом предполагается, что эти попытки носили чисто конъюнктурный, лицемерный характер. Подход Бауэра к этому вопросу, как представляется, затрудняет понимание того обстоятельства, что некоторые советские психологи, особенно в последние годы, вполне серьезно относятся к марксизму» [237, с. 168-169, прим.].

Нам представляется, со своей стороны, что если Р. Бауэра, действительно, можно упрекнуть за слишком суровую и огульную критику в адрес советской психологии и советских психологов, то Л. Грэхэм впадает, с нашей точки зрения, в другую крайность, принимая на веру многое из того, что писали о советской психологии, ее прошлом и настоящем, сами советские психологи (А.В. Петровский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и другие). Уже сама центрация Л. Грэхэма на вопросе об отношении советских психологов к марксизму здесь весьма красноречива. В этой связи большой интерес представляют сделанные «по горячим следам» рецензии отечественных авторов на книгу Л. Грэхэма (см. [60], [344]).

Обратим внимание и на то, что в книге также имеется статья (фактически – развернутая рецензия) В.С. Степина «Анализ исторического развития философии науки в СССР» [237, с. 424-440]. В этой в целом позитивной статье

В.С. Степин все же высказывает несколько критических замечаний. В частности, В.С. Степин отмечает: «В книге Л. Грэхэма описаны многие значимые вехи в развитии советской философии естествознания в 60-е годы. И все-таки уместно дополнить его изложение некоторыми важными, на мой взгляд, моментами» [237, с. 431]. «И все-таки картина сложного и противоречивого развития философии естествознания в нашей стране в 60-70-е годы могла бы быть полнее, если учесть, что философам “поколения XX съезда” пришлось пройти нелегкий путь, отстаивая свое право на творчество» [237, с. 432-433]. «С меньшей полнотой проанализированы работы советских ученых, посвященные исследованию гносеологических и методологических проблем естествознания, тех изменений, которые произошли в приемах и способах исследовательской деятельности в науке XX в. В книге отмечены лишь некоторые из полученных результатов при обсуждении дискуссии между онтологами и гносеологами, а также философских проблем физики, биологии и психологии» [237, с. 435]. Тем не менее итоговые оценки В.С. Степина, содержащиеся в последнем абзаце его статьи, весьма высоки: «Аналога такой работы, к сожалению, пока нет в нашей литературе по истории науки, и это делает книгу талантливого американского ученого по-своему уникальной, привлекает к ней живой и неподдельный интерес советского читателя» [237, с. 440].

Соглашаясь с оценками В.С. Степина (действительно, ничего подобного ранее у нас не выходило – ни по широте охвата материала, ни по выводам и оценкам), обратим внимание на то, что особую ценность работе Л.Р. Грэхэма придает содержащаяся в ней главная идея, отчетливо выраженный и последовательно реализованный центральный замысел: при характеристике и оценке общего положения дел в советской науке и философии показать в совокупности, взаимодействии и единстве все три базовых компонента – естественные науки, философию и науки о поведении. Это, как мы понимаем, означает, что Л.Р. Грэхэм не озабочен судьбой только какого-то одного из этих трех компонентов; его подход является системным по своей сути. Такой подход глубоко верен и вообще, и в частности – применительно к судьбе советской

психологии. Ведь, в конце концов, советская психология не только подвергалась воздействию со стороны своих «соседей» (других наук, философии, идеологии, политики и т.п.), но и сама оказывала на них обратное влияние, т.е. взаимодействовала с ними.

Своего рода ответом на книгу Л.Р. Грэхэма можно считать вышедшие в 1991 и 1994 гг. под общей редакцией М.Г. Ярошевского два выпуска сборника «Репрессированная наука» [623], [624]. В этих сборниках среди статей, посвященных судьбам самых различных наук в советскую эпоху, были статьи и о советской психологии.

Первый выпуск, вышедший с предисловием Д.С. Лихачева и с большой вводной статьей М.Г. Ярошевского «Сталинизм и судьбы советской науки» [623, с. 9-33], состоял из трех больших разделов – «Судьбы науки», «Судьбы ученых» и «Документы». Среди двадцати девяти статей имеются три статьи, непосредственно относящиеся к истории советской психологии: «Запрет на комплексное исследование детства» А.В. Петровского [623, с. 126-135], «“Начало конца” поведенческой психологии в СССР» В.В. Умрихина [623, с. 136-145] и «Н.А. Бернштейн: годы до и после “Павловской сессии”» И.Е. Сироткиной [623, с. 319-326].

Второй выпуск, вышедший (также под общей редакцией М.Г. Ярошевского) в 1994 г., т.е. три года спустя, включал в себя, как и первый выпуск, двадцать девять статей, среди которых имеются три статьи, непосредственно относящиеся к истории советской психологии: две статьи М.Г. Ярошевского – «Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки)) [624, с. 24-44] и «Как предали Ивана Павлова» [624, с. 76-82] и статья П.Я. Шварцмана и И.В. Кузнецовой «Педология» [624, с. 121-139].

Существенным дополнением к этим двум сборникам являются два тематических номера (№ 3 и № 4) журнала «Философские исследования» за 1993 г., вышедшие под общим заголовком «Наука и тоталитарная власть» (немаловажно, что руководителем проекта был А.П. Огурцов).

Изучение содержания этих сборников показывает, что в третьем номере все статьи были сгруппированы в два раздела – «Наука в системе власти» (четыре статьи) и «Репрессированная наука» (шесть статей). В четвертом номере содержится шесть статей в разделе «Идеологические кампании в науке» и семь статей в разделе «Борьба за автономию науки». Всего, таким образом, в двух номерах «Философских исследований» было опубликовано двадцать три статьи. Для нас важно, что из этих статей прямое отношение к психологии имеет только статья А.М. Эткинда «Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к “новому массовому человеку”)» [518, с. 224-251]. При большом желании и с определенными оговорками (расширяя критерии) к статье А.М. Эткинда можно добавить статью Н.Г. Григорьян «Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И.П. Павлова» [518, с. 399-417] – с учетом того, что судьба И.П. Павлова и его школы традиционно рассматривается в контексте не только истории физиологии, но и истории российской психологии.

Думается, такое небольшое количество статей о психологии в сборниках «Репрессированная наука» и «Наука и тоталитарная власть» следует объяснять тем, что оба выпуска сборника «Репрессированная наука» готовились в Ленинградском (Санкт-Петербургском) филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (ИИЕТ РАН), а сборник «Наука и тоталитарная власть» и формально, и фактически был философским. Поэтому слабую представленность работ психологов в этих сборниках нужно объяснять не столько отсутствием соответствующих исследований о судьбе психологической науки в СССР (напротив, уже тогда, в начале 1990-х гг., российским психологам – и не только А.В. Петровскому и М.Г. Ярошевскому – было что сказать по данной теме), сколько тем, что фактически любой науке, функционировавшей и развивавшейся в советское время (не только биологии, генетике и языкознанию, но и физике, химии, астрономии и многим другим) было что вспомнить драматичного и даже трагического из своего недавнего советского прошлого.

Кроме того, по своему формату оба выпуска «Репрессированная наука» и два тематических номера журнала «Философские исследования» – это сборники, которые в лучшем случае можно оценить как коллективные монографии. Но это вовсе не бьющие в одну точку и имеющие единую концептуальную основу авторские монографии, подобные упомянутой выше работе Л. Грэхэма [237]. Кстати говоря, в этом вопросе за образец можно взять еще одну книгу Л. Грэхэма, также переведенную на русский язык – «Очерки истории российской и советской науки» [238].

В какой мере это замечание можно отнести к еще трем сборникам, вышедшим в начале двадцать первого века: «За “железным занавесом”: Мифы и реалии советской науки» [286], «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки» [517] и «Подвластная наука? Наука и советская власть» [586]? Относительно этих публикаций поставим все те же, что и выше, вопросы ребром: о каких конкретно науках в этих сборниках идет речь? Есть ли в этих сборниках что-то касающееся судьбы советской психологии?

В сборнике «За “железным занавесом”» речь идет о судьбе Российской академии наук (в статьях А.В. Кольцова, В.С. Соболева, Ю.Х. Копелевича, С.С. Демидова, В.Д. Есакова и М.Б. Конашева), о событиях в советской физике (в статье В.П. Визгина), об Институте красной профессуры (в статье Л.-Д. Берендта), о Т.Д. Лысенко (в статье О.Ю. Елиной), в статье В.С. Измозик описываются настроения научной и педагогической интеллигенции в годы нэпа (на основе материалов политического контроля и нарративных источников). При всем желании наиболее подходящими для нас в этом сборнике могут быть признаны только две статьи – статья Ю.И. Кривоносова «Политические игры Сталина под видом философской дискуссии» и статья Э.И. Колчинского «Попытки “советизации” биологии в Ленинграде в годы “культурной революции” (1929-1932)».

Та же картина (минимум сведений об истории нашей психологии) обнаруживается и в сборнике «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки» [517] – в разделах «Наука между коммунизмом, национализмом и

либерализмом», «Вторая мировая война и наука» «Наука и холодная война», написанных главным образом Э.И. Колчинским и Н.Л. Кременцовым.

В том же формате, что и сборники «Репрессированная наука», «Наука и тоталитарная власть», «За “железным занавесом”» и «Наука и кризисы», значительно позже (в 2010 г.) вышел еще один коллективный труд, посвященный вопросам взаимодействия науки и государства – «Подвластная наука? Наука и советская власть» [586]. Книга получилась весьма объемная, содержащая свыше восьмисот страниц. Ее подготовил Институт философии РАН, составителями и научными редакторами были С.С. Неретина и (опять же) А.П. Огурцов. Книга включает в себя четыре раздела – «Наука в системе власти» (шесть статей), «Репрессированная наука» (также шесть статей), «Идеологические кампании в науке» (пять статей) и «Борьба за автономию науки» (еще пять статей), всего двадцать две статьи.

Как же в этой большой работе была представлена история советской психологии? Судя по заголовкам статей – практически никак, если не считать повторной публикации статьи Н.Г. Григорьян «Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И.П. Павлова».

К тем же выводам мы приходим и при ознакомлении с еще одной большой книгой – «Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны», вышедшей в 2018 г. под общей редакцией Э.И. Колчинского [501]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что большую самостоятельную историко-научную ценность для изучения истории отечественной биологии представляет не только эта книга, но и другие книги Э.И. Колчинского (1944-2020), в которых он выступал в качестве редактора, автора или соавтора: «На переломе. Советская биология в 20-30-х годах» [509], «В поисках советского “союза” философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.)» [351], «Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом)» [352].

Особого внимания заслуживает книга С.Э. Шноля (1930-2021) о героях и злодеях российской науки. Первое издание этой потрясающей книги вышло в 1997 г. под названием «Герои и злодеи российской науки» [869], последнее, шестое (уже посмертное) издание вышло в 2022 г. под несколько измененным названием – «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» [871].

В книге дается широкая историческая панорама драматического развития нашей науки в условиях сталинизма, а также в последние годы существования СССР. Рассказывается о судьбах ученых, творивших в области биологии, биофизики, генетики, медицины, химии. Но самое близкое к истории советской психологии, что мы можем найти в этой книге – это небольшая глава, посвященная Павловской сессии [871, с. 506-520]. Разумеется, нельзя объять необъятное, и приоритеты С.Э. Шноля в выборе сюжетов прежде всего следует объяснять его научной специализацией (доктор биологических наук, работавший в области биофизики и биохимии).

Значение книги С.Э. Шноля для нас заключается в том, что после ее прочтения возникает сильное желание написать такую же книгу об отечественных психологах, причем не только о героях, злодеях (были и такие) и конформистах, но и о великих тружениках. До создания целостной картины нам, похоже, еще очень далеко, но уже сейчас надо становиться на этот путь, начинать движение по направлению к полной и объективной истории советской (а затем и всей российской) психологии.

Продолжая свой анализ «больших книг» по истории советской науки, обратимся к книге Е.А. Долговой «Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг.» [258]. Для нас важно, что это книга профессионального историка – в 2020 г. Е.А. Долгова защитила докторскую диссертацию «Советское научное сообщество в 1918-1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты» по специальности 07.00.02 – отечественная история. Какие же науки рассматриваются в книге Е.А. Долговой, есть ли в этой работе какая-либо информация о психологии?

В пяти главах книги речь идет о советском научном сообществе в целом. В первых трех главах с помощью методов социальной статистики рассматривается вопрос о том, кто в 1920-1930-е гг. считался «научным работником», анализируется социально-демографическая структура научного сообщества в 1918-1934 гг., далее научное сообщество в СССР описывается в фокусе социально-экономической политики 1920-1930-х гг. В отдельном параграфе, посвященном политическому профилю научных кадров, ставится вопрос о том, была ли советская наука коммунистической. Четвертая глава посвящена истории Института Красной профессуры (в период 1921-1938). Пятая глава «Публичная роль ученого: социальный запрос к профессии» состоит из трех параграфов: «“Наш, советский”: ученый в кинематографе», «“Наука для всех”: освоение учеными практик популяризации результатов научного труда» и «Как советские ученые забыли иностранный язык». Таким образом, книга Е.А. Долговой дает огромное количество важных сведений общего и частного характера, необходимых для адекватного понимания социального, общенаучного, политического и идеологического контекста, в котором в 1920-1930-е гг. развивалась советская психология.

Было бы непростительной ошибкой обойти вниманием еще одну большую книгу – предпринятое Е.А. Добренко фундаментальное исследование под определенным углом эпохи позднего сталинизма. В книге Е.А. Добренко «Поздний сталинизм: эстетика политики» [252] в первом томе в заключительной (шестой) главе «Gesamtwissenschaftswerk: Романтический натурализм и жизнь в ее революционном развитии» [252, т. 1, с. 567-705] речь идет об агробиологии Т.Д. Лысенко («мичуринская наука» и т.д.), о «живом веществе» О.Б. Лепешинской, об открытиях Г. Бошьяна (о переходах вирусов в бактерии и обратно).

Е.А. Добренко далее рассказывает, как все эти «открытия», сделанные представителями «передовой науки», находили отражение в художественных произведениях (романах), пьесах и фильмах того времени – в частности, в пьесе Н. Погодина «Когда ломаются копья» (1952), а также в книгах Н. Дашкиева – в

научно-фантастическом романе «Торжество жизни» (1950, 1952, 1966, 1973) и биографической повести о О.Б. Лепешинской (1973).

На конкретных примерах Е.А. Добренко показывает, как «наука стала искусством» [252, т. 1, с. 705], то есть идеологией. Во втором томе в седьмой главе «Лингвистический реализм: Власть грамматики и грамматика власти» в том же ключе речь идет об «учении о языке» Н.Я. Марра.

Выбранный автором ракурс – «эстетика политики» – означает, насколько мы можем понять, анализ того, как политика сталинизма (в частности, в области науки) была представлена (находила свое выражение) в художественной литературе, фильмах, пьесах, архитектуре, музыке. Действительно, в советской культуре эпохи позднего сталинизма (1946-1952 гг.) трудно найти художественные произведения, пьесы или фильмы, в которых в центре внимания была бы психология, а не генетика, биология, физиология или языкознание, что, впрочем, неудивительно и вполне объяснимо: в условиях проходившей в первой половине 1950-х гг. тотальной «павловизации» советской психологии иначе и быть не могло (с этой точки зрения показательна книга К.Г. Фрумкина об отражении советской науки в литературе и искусстве [841]). И даже если мы возьмем относящиеся уже к 1960-м гг. такие великие произведения советской фантастики, как романы «Лезвие бритвы» (1963) и «Час быка» (1968) И.А. Ефремова или «Трудно быть богом» (1964) и «Хищные вещи века» (1965) братьев Аркадия и Бориса Стругацких, то, как нетрудно убедиться, научно-психологическая составляющая в этих произведениях весьма незначительна по объему, наивна и, по большому счету, архаична и беспомощна, что, конечно, отражает роль и место советской психологии в советской культуре в то время. Да и формировавшаяся в 1940-1950-е гг. пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева в настоящее время поражает отсутствием какого-либо серьезного научно-психологического фундамента под рассуждениями о пассионарных личностях.

Переходя к книгам, посвященным истории отдельных советских наук, особо следует остановиться на книгах В.Н. Сойфера, посвященных истории генетики в

СССР. В 1993 г. на русском языке вышла книга В.Н. Сойфера «Власть и наука. История разгрома генетики в СССР» [733]. Четвертое издание этой книги (под несколько измененным названием) вышло в 2002 г. [735]. В последующем на тему о псевдонауке в СССР вышли книги В.Н. Сойфера «Красная биология: Псевдонаука в СССР» [734], «“По личному указанию товарища Сталина”: псевдонаука в СССР» [736] и «Сталин и мошенники в науке» [738]. Эти работы интересны прежде всего тем, что В.Н. Сойфер был непосредственным участником и свидетелем описываемых событий – всего того, что происходило в СССР в генетике, растениеводстве в связи с агробиологией («мичуринской биологией») Т.Д. Лысенко. Дело в том, что В.Н. Сойфер какое-то время даже был аспирантом у Т.Д. Лысенко. Об этом В.Н. Сойфер рассказывает сам в параграфе «Встречи и беседы с Т.Д. Лысенко» в автобиографии «Очень личная книга» [737]. Сочетание глубочайшего теоретического анализа и детальной историко-научной реконструкции в работах В.Н. Сойфера просто завораживает и поражает.

Таким же прекрасным образцом исторической реконструкции в сочетании с глубоким проникновением в теорию вопроса является книга академика В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» [17]. Первое издание этой книги вышло в 1991 г., второе, дополненное – в 2004 г. [18]. Для историка советской психологии исследование В.М. Алпатовым феномена Н.Я. Марра и марризма имеет большое значение сразу по нескольким причинам.

Во-первых, речь в ней идет о «советской судьбе» близкой к психологии науки – лингвистики. Во-вторых, даже независимо от степени близости психологии и лингвистики книга В.М. Алпатова полезна тем, что может служить образцом историко-научной реконструкции и подчеркнуто строго научного объяснения всего того, что было связано с Н.Я. Марром и марризмом в советской лингвистике. Было ли нечто подобное в советской психологии? Был ли у нас свой Марр? Кто был в нашей науке в наибольшей степени похож на Марра или мог стать (но не стал) Марром в психологии? Почему у нас не было своего Марра? – Такие вопросы невольно возникают при чтении книги В.М. Алпатова.

Для позиции В.М. Алпатова характерно, что он ясно различает, во-первых, Марра и марризм; во-вторых, обсуждение Марра и марризма в узком кругу специалистов (лингвистов) – и в широкой печати (в газетах, в ненаучных журналах); в-третьих, интересны предлагаемые В.М. Алпатовым по ходу изложения трактовки марксизма. Кроме того, для позиции В.М. Алпатова также характерны такие черты, как стремление к объективным, взвешенным, научным оценкам (это касается и оценки позиции Сталина по вопросам языкознания), максимальный учет историографии вопроса (тщательное изучение того, что говорят о Марре наши и зарубежные ученые). Во втором издании книги хорошо видно, что даже в тех случаях, когда с В.М. Алпатовым не соглашаются и критикуют его, он всегда готов частично согласиться с критикой, признать, что доля правды в их критике есть, то есть он не отбрасывает целиком и с порога точки зрения оппонентов.

Особо следует обратить внимание на тщательную проработку и корректное использование В.М. Алпатовым понятия «миф» (в науке) (см. в особенности [18, с. 33-34], где В.М. Алпатов опирается на определение мифа, в свое время предложенное известным американским лингвистом Р.А. Миллером). Похоже, понятие мифа у нас в постсоветский период стало играть роль, подобную той, которую в советское время у советских идеологов играло понятие «лженаука» (наряду с такими беспощадными критическими формулировками, как «антимарксистская теория», «идеалистическая теория», «буржуазная концепция» и т.п.). Так, например, у А.В. Петровского в публикациях конца 1980-х – начала 1990-х гг. речь шла о необходимости не только «деидеологизации», но и «демифологизации» истории советской психологии, но при этом само понятие «миф» хотя и использовалось, но не вводилось явным образом, не «насыщалось» конкретной эмпирией столь же тщательно и продуманно, как это делает В.М. Алпатов. Заслуживают внимания и другие работы В.М. Алпатова, посвященные истории советской лингвистики (см. [19]-[24] и др.; список научных трудов В.М. Алпатова приводится в [22, с. 434-459].

Современный исследователь истории советской психологии может многое взять – и в качестве образца, и в качестве источника конкретных исторических фактов – также при ознакомлении с историей советской археологии. Прежде всего мы имеем в виду работы А.А. Формозова (1928-2009) и Л.С. Клейна (1927-2019).

А.А. Формозов еще в 1993 г. опубликовал статью «Археология и идеология (20-30-е гг.)» [816]. Многие констатации из этой статьи могут быть перенесены на историю советской психологии. В последующем А.А. Формозов опубликовал еще несколько книг по истории российской и советской археологии [817]-[823]. Из работ Л.С. Клейна в этом же отношении следует особо выделить его книги «Феномен советской археологии» [339], «История российской археологии» [342], а также [340], [341] и др. Нам, психологам, до таких книг, как ставящее все на свои места исследование А.А. Формозова «Русские археологи в период тоталитаризма» [821] или колоссальный труд Л.С. Клейна «История российской археологии» [342], судя по всему, в своей области еще очень далеко.

В области изучения советской историографии древности самого пристального внимания и обязательного изучения заслуживают книги С.Б. Криха [404]-[408].

Работа с архивами, биографический метод, учет социального контекста, глубокое проникновение в чисто теоретические проблемы, прекрасный (не боящийся местами переходить в афористичный) стиль изложения, личный взгляд на историю своей науки в сочетании со строго научным объективизмом – все это, несомненно, можно и нужно брать на вооружение и применять при изучении истории советской психологии.

Слишком много при чтении работ С.Б. Криха обнаруживается параллелей и похожих судеб в жизни людей и идей по сравнению с тем, что происходило в те же годы советской психологии, чтобы их игнорировать. В частности, выделение «периферийной» науки как объекта исследования (периферийной по отношению к научному «мейнстриму», концептуальному центру не столько географически, сколько содержательно, в плане теории) применительно к истории советской

психологии должно оказаться, как нам думается, не менее продуктивным, чем у С.Б. Криха в его недавней замечательной книге (своего рода интеллектуальном детективе) «Другая история: “Периферийная” советская наука о древности» [405].

Из других работ, посвященных судьбе исторической науки в эпоху СССР, в поле нашего внимания в качестве объектов для подражания и источников конкретной исторической эмпирии оказались капитальные исследования А.М. Дубровского [261], В.В. Тихонова [796] и А.Л. Юрганова [890]-[892].

В изучении истории советской философии огромная продуктивная работа проводится С.Н. Корсаковым и другими сотрудниками Института философии РАН (см. [318], [389]-[391], [520]), очень много полезного историк советской психологии может найти для себя также при ознакомлении с работами по истории науки сотрудников Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, но это уже темы, заслуживающие отдельного всестороннего рассмотрения.

Рассмотренные выше материалы убеждают нас в том, что результаты воздействия идеологии на науку в конечном итоге зависят от целого ряда факторов, сопутствующих обстоятельств и причин. Укажем основные.

Во-первых, результаты воздействия идеологии на науку во многом определяются уровнем развития данной науки, степенью ее «взрослости»: чем более развита наука, чем более она является «взрослой», имеющей уходящую вглубь веков долгую историю и давно устоявшиеся, прочные традиции, «славное прошлое», тем больше она способна оказывать сопротивление, отстаивать свою самостоятельность и неприкосновенность.

Во-вторых, результат воздействия идеологии на науку зависит от того, насколько наука является понятной (простой, доступной) для самих идеологов. Так, например, И.В. Сталин вмешивался в языкознание, но при всех своих симпатиях к Т.Д. Лысенко он открыто по поводу генетики не высказывался, в ходе подготовки сессии ВАСХНИЛ летом 1948 г. ограничившись «редакторской» правкой доклада Т.Д. Лысенко. Не менее показательно, что, как

указывает В.С. Степин в послесловии к книге Л. Грэхэма, Сталин делал пометки на тексте доклада Быкова на сессии 1950 г.: «Все крупные кампании по “чистке науки” в этот период были инициированы либо санкционированы непосредственно Сталиным. Характерно, например, что Сталин предварительно просматривал текст доклада Быкова на павловской сессии и делал “руководящие пометки” (см.: “Павловская сессия” 1950 г. и судьбы советской физиологии (Круглый стол) // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 3. С. 133)» [237, с. 429-430]. Однако в те области, где И.В. Сталин чувствовал себя некомпетентным, где ему совершенно нечего было сказать – в области физики, химии, математики и других наук, где требовались специальные знания – он, как мы знаем, не заходил.

В-третьих, результаты воздействия идеологии на науку зависят от того, насколько наука оказывается практичной, т.е. безусловно полезной по своему результату, – хотя, быть может, совершенной непонятной для идеологов по способу и средствам того, как этот результат достигается (атомная бомба полезна, поэтому приходилось терпеть квантовую теорию и теорию относительности, несмотря на то, что эти теории было достаточно легко раскритиковать, объявив их непонятными, абстрактными, буржуазными, немарксистскими, идеалистическими и т.п.).

В-четвертых, результат воздействия идеологии на науку зависит от того, насколько по своему языку (понятиям, терминам) и своей проблематике отдельно взятая наука по своему тезаурусу близка к языку и проблемам самой идеологии. В марксистско-ленинской идеологии таковы понятия «материя», «сознание», «пролетариат», «революция», «развитие», «коммунизм», «язык», «государство» и т.п. Эта терминологическая близость в каждом конкретном случае может сыграть как негативную, так и позитивную роль.

В-пятых, результат воздействия идеологии на науку зависит от наличия высказываний «классиков марксизма-ленинизма» по поводу данной науки (ее представителей, теорий, методов и т.д.), то есть от того, например, что конкретно

писали о Дарвине и дарвинизме Маркс и Энгельс, что писал о психологии Ленин, как высказывался Маркс о Спинозе или Декарте и т.п.

В-шестых, результат воздействия идеологии на науку зависит от того, в какой мере науку можно в случае необходимости обвинить в самых различных грехах, ошибках, неуспехах, которые на самом деле были допущены самой идеологией. Сценарий превращения науки в козла отпущения наиболее наглядно выступает в случае запрета педологии в 1936 г., когда педологов обвинили в неуспехах советской педагогики, в провалах политики партии в области образования.

В-седьмых, результат воздействия идеологии на науку зависит от международного авторитета науки в целом, а также от международного авторитета и мировой известности конкретных ученых (И.П. Павлова, Н.И. Вавилова, А.Д. Сахарова и т.п.).

В-восьмых, результат воздействия идеологии на науку может зависеть и от чисто психологических факторов – от личных или родственных связей, знакомств, психологической совместимости и других личных качеств участников взаимодействия.

Все вышесказанное в данном параграфе позволяет прийти к следующим выводам.

1. В ходе поиска наиболее значимых отечественных публикаций постсоветского периода, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом были выделены три группы источников: 1) сборники статей (коллективные монографии), посвященные различным наукам; 2) работы общего (общенаучного) характера, посвященные проблемам «власть и наука в СССР», «наука и идеология», «социальная история науки» и т.п.; 3) работы, в которых исследуется история какой-либо одной науки в СССР – история советской лингвистики, генетики, археологии и т.п.

2. Сравнительный анализ наиболее значимых постсоветских публикаций, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом (работ В.М. Алпатова, Е.А. Добренко, Е.А. Долговой, А.М. Дубровского,

Л.С. Клейна, Э.И. Колчинского, С.Н. Корсакова, Н.Н. Кременцова, С.Б. Криха, В.Н. Сойфера, В.В. Тихонова, А.А. Формозова, С.Э. Шноля, А.Л. Юрганова и др.) позволил прийти к выводу о том, что в настоящее время изучение истории советской психологии по целому ряду параметров и аспектов (методологически, методически и эмпирически) существенно отстает от уровня, уже достигнутого в исследовании советского периода истории своей науки представителями целого ряда отечественных наук (в частности, биологии, генетики, исторической науки, археологии и лингвистики); вследствие этого многие из рассмотренных публикаций могут выступать как с методологической, так и с методической точки зрения в качестве конкретных образцов для подражания при исследовании истории советской психологии.

3. Минимум сведений по истории советской психологии, обнаруженный в постсоветских и современных публикациях, в которых рассматривается судьба различных наук в советскую эпоху или советской науки в целом, следует объяснять не столько незначительностью этих сведений, сколько их недостаточной проработанностью, обобщенностью и изученностью самими психологами. В качестве одной из главных причин такого положения дел наряду с проблемами сугубо эмпирического характера (исходная неоднозначность, труднодоступность и большой объем до сих пор неизученных данных) является идущая с советских времени и все еще до конца не преодоленная в работах современных российских авторов идеологизация сферы историко-психологических исследований.

4. При обсуждении перспектив дальнейших исследований истории советской психологии следует исходить из того, что негативное воздействие господствующей государственной идеологии на какую-либо конкретную науку в конечном счете зависит не только от силы и направленности этого воздействия, но и от способности самой науки сопротивляться этому воздействию, отстаивать свою автономию, свое право на субъектность и свободу действий, что прежде всего определяется уровнем общего развития данной науки, степенью ее социальной и теоретической зрелости, наличием конкретных путей и форм

реализации ее творческого потенциала, находящем свое выражение не только в сфере теории, эксперимента и практики, но и в как можно более полном и объективном познании собственной истории.

5. В целом рассмотренные материалы и полученные выводы подводят к мысли о том, что в настоящее время назрела необходимость создания всеобъемлющего, методологически выверенного и эмпирически насыщенного энциклопедического справочника, посвященного истории советской психологии. Тем самым и здесь мы снова выходим на тезис о том, что во избежание произвола, субъективизма и эклектики при построении адекватного представления об истории советской психологии мы должны отдавать себе отчет, что дело не только в количестве и качестве имеющихся у нас фактов, но и в самом подходе к этим фактам, в лежащей в основе нашего исследования определенной историографической концепции. Если перед нами исходно стоит задача – «разложить всё по полочкам», то дело заключается не только в количестве и качестве раскладываемого материала, но и в самих «полочках», то есть в методологии.

§ 3. Биографии отечественных психологов как предмет историко-психологического исследования

Еще одним важным источником, позволяющим получить наглядное представление как о достижениях, так и о проблемах, имеющихся в настоящее время в отечественной историографии истории советской психологии, является вопрос о научных биографиях отечественных психологов.

Поставим вопрос предельно остро: сколько в современной российской историографии психологии имеется книг, которые мы могли бы считать полноценными (отвечающими всем формальным требованиям) научными биографиями отечественных (главным образом – советских) психологов?

Как и в двух предыдущих параграфах, данный вопрос для нас выступает в качестве ориентира при ознакомлении с проблемным полем современной отечественной историографии истории советской психологии. И, как и ранее,

ответ на поставленный вопрос будет зависеть не только от конкретной эмпирии (т.е. от фактически имеющихся публикаций), но и от уровня и характера самих требований, другими словами, от изначально заданных – выраженных в явной форме или только подразумеваемых – критериев отбора и оценки.

В частности, что мы должны в данном случае понимать под книгой? Сознательно сужая критерии, можно отличать «полновесную» (например, объемом не менее ста пятидесяти или двухсот страниц) книгу с биографией ученого от других, менее «весомых» видов печатной продукции – небольшой брошюры в мягком переплете, тематического (подготовленного к юбилею ученого) номера научного журнала, книги с всесторонним изложением и анализом теоретических взглядов ученого (что по умолчанию подразумевает более-менее развернутую биографическую составляющую), многостраничной персоналии в электронном или бумажном справочнике и т.д. Общее количество обнаруженных биографий при таком подходе будет, очевидно, минимальным.

Если же, предельно расширяя критерии отбора, не выдвигать жестких требований к структуре и содержанию публикации и обращать внимание только на объем публикации, то под понятие «научная биография» («биография ученого», «интеллектуальная биография») подпадет не только солидная (объемом в несколько сот страниц) монография, написанная одним автором, но и другие, столь же внушительные печатные издания с твердой обложкой – коллективная монография об ученом и его наследии; тезисы и доклады посвященной юбилею ученого научной конференции; подборка биографических материалов в регулярно организуемых в память ученого «Чтениях»; диссертация о жизни и деятельности ученого; не претендующий на создание целостной картины жизни ученого, но в то же время весьма информативный сборник разноплановых статей и очерков об ученом одного или нескольких авторов (актуальный пример такого рода публикаций из области философии – книги серий «Философия России первой половины XX века» и «Философия России второй половины XX века»)… В этом случае итоговый список оказывается предельно широким.

Не менее важно с самого начала определиться и с понятием «научная биография» – соотнося его с близкими по смыслу понятиями и выражениями «интеллектуальная биография», «психобиография» и «психография», противопоставляя научную биографию биографии художественной, документальной или научно-популярной, оценивая – по исходному объекту и конечному результату, по применяемым методам и поставленным задачам – степень научности той или иной биографии, обосновывая выделение присущих научной биографии обязательных структурных элементов (без которых она уже не может считаться таковой) и т. д.

Еще одна большая проблема, с которой приходится иметь дело при работе с научными биографиями – выяснение того, насколько та или иная биография ученого является его биографией именно как психолога (а не как физиолога, философа, педагога или, скажем, психиатра).

Элегантным образом этот гордиев узел в свое время разрубили С.А. Чеснокова и М.Г. Ярошевский – авторы книги об Уолтере Кенноне [917]. В предисловии мы читаем: «О самом Кенноне не написано ни одной книги ни на его родине, ни в другой стране. Приступив к изучению его биографии, авторы разделили материал таким образом, чтобы один из них, будучи психологом и науковедом, рассмотрел кенноновские работы, носящие преимущественно методологический характер и тесно связанные с проблемами теории и психологии научного творчества. На долю другого автора – физиолога по специальности – выпала работа над физиологическими трудами Кеннона. Соответственно, „Введение“ и главы 1, 4, 6, 9, 10 написаны М.Г. Ярошевским, а главы 2, 3, 5, 7 и 8 – С.А. Чесноковой» [917, с. 6].

Блестящим примером слаженной работы большого авторского коллектива при написании непростой научной биографии может служить книга «Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения» [311].

Наконец, следует учитывать и хронологические рамки жизнеописания: ведь в книге речь может идти не о всей жизни ученого, а только об одном из периодов или значимых эпизодов его жизни и деятельности. Такова, например, книга

«Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость» К.А. Абульхановой и А.Н. Славской [5].

Думается, нет нужды специально доказывать, что все вышеуказанные обстоятельства в итоге порождают бесчисленное количество вариаций (и, как следствие, трудностей) при определении объекта исследования, т.е. исходного списка имеющихся научных биографий. И это только начало пути, только вершина айсберга.

Не вдаваясь в означенные методологические тонкости, терминологические нюансы и чисто технические детали (которые рано или поздно, конечно, должны стать темой самостоятельного углубленного исследования), подойдем к вопросу о научных биографиях отечественных психологов с другой стороны – отталкиваясь не от понятий и общих рассуждений о критериях и параметрах, а от фактов.

Чисто методически это означает, что мы будем исходить из конкретных эмпирических данных (т.е. из имеющихся в нашем распоряжении научных биографий), руководствуясь самым общим пониманием научной биографии – как биографии ученого, изданной в виде книги с однозначными формулировками в выходных данных («научная биография», «интеллектуальная биография», «жизнь и деятельность» и т.п.) и соответствующим своему названию и жанру содержанием: в книге подробно описывается жизненный и творческий путь ученого, раскрываются этапы его научной деятельности, оценивается вклад в науку.

Итак, научная биография – это биография ученого, написанная ученым (учеными) и для ученых. Мы полагаем, что в нашем случае этого определения вполне достаточно для поиска ответа на поставленный в начале данного параграфа вопрос.

При рассмотрении вопроса о научных биографиях отечественных психологов в плане эмпирии мы решили за точку отсчета взять недавно вышедшую статью «Биографические исследования истории психологии» [457] доктора психологических наук, профессора Н.А. Логиновой – петербургского

историка психологии, известного своими работами о биографическом методе в психологии, а также статьями и книгами о своем учителе – Б.Г. Ананьеве. Нелишне напомнить, что еще в 1975 г. Н.А. Логинова защитила кандидатскую диссертацию «Биографический метод в психологии и смежных науках», а в 1991 г. – докторскую диссертацию «Становление комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева».

Мы полагаем, что статья Н.А. Логиновой в силу своей многоплановости (комплексный подход в действии!) и подчеркнуто проблемной направленности в настоящее время может рассматриваться в качестве полноценного методологического и методического введения в проблему «научные биографии отечественных психологов». Ознакомимся с основными идеями статьи.

Статья начинается с уточнения понятия «психобиография» [457, с. 39], далее выделяются (с приведением конкретных примеров) три функции психобиографического исследования – исследовательская, прагматическая (пропагандистская) и воспитательная [457, с. 39–41], затем описываются три этапа деятельности психолога-биографа: сначала осуществляется выбор объекта исследования – конкретной значимой персоны, затем идет поиск и анализ текстов и других биографических источников; на третьем, завершающем этапе «решается ответственная задача – как можно объективнее оценить индивидуальность и жизненный путь ученого, его вклад и место в истории науки, перспективность теории, исследовательских программ и отдельных идей» [457, с. 41].

При обсуждении в статье вопроса о видах и жанрах биографических публикаций различаются биографии научные, хроникально-документальные, научно-популярные и художественные [457, с. 42]. Отмечая, что «в наше время чаще стали появляться публикации российских психологов на биографические темы» [457, с. 39], что «в российской психологической литературе накапливаются научные биографии» [457, с. 42], Н.А. Логинова в самых общих чертах затрагивает интересующий нас вопрос – о биографиях отечественных психологов. В связи с этим мы встречаем в статье упоминания о ряде значимых

фигур в истории советской психологии и посвященных им публикациях – биографиях и автобиографиях.

Ссылаясь на статью М.Г. Ярошевского [899] о трехаспектности науки («по М.Г. Ярошевскому, есть три аспекта, или три измерения научного развития: предметно-логический, социально-исторический и личностно-биографический», – [457, с. 39]), Н.А. Логинова переносит идею трехаспектности на изучение биографий: «Исходя из представления о трехмерности научного развития, в биографии сочетают факты и интерпретации всех трех измерений» [457, с. 42].

В соответствии с таким подходом (здесь можно вспомнить и о опубликованной пятьдесят лет назад статье М.Г. Ярошевского «Биография ученого как науковедческая проблема» в сборнике «Человек науки» [900]) в структуре опубликованных научных биографий предлагается различать три «тематические линии» – «личную», «творчество ученого» и «влияние ученого на социум» [457, с. 42–43].

Далее в статье формулируется еще один интересный тезис – о том, что на данный момент уже «сложилась целая научная отрасль – биографическая психология, располагающаяся на границе с экзистенциальной, возрастной, социальной, исторической психологией, а также с исторической наукой и другими гуманитарными науками – философией, социологией, литературоведением, искусствоведением» [457, с. 45].

В двух последних параграфах [457, с. 43-47] (на долю которых, следует отметить, приходится больше половины всей статьи), на конкретном материале научной биографии Б.Г. Ананьева раскрываются два вопроса – «Источники биографического исследования» и «Обработка и интерпретация эмпирического материала».

Таким образом, в рассматриваемой статье можно выделить три большие проблемы (три блока проблем): во-первых, обсуждается понятие «психобиография» (фактически отождествляемое с понятием «научная биография»), описываются виды и функции научной биографии, а также этапы и задачи научно-биографического исследования; во-вторых, перечисляются и

оцениваются имеющиеся в отечественной (советской, постсоветской, современной) литературе научные биографии психологов; в-третьих, Н.А. Логинова достаточно подробно обсуждает вопросы и результаты своего изучения научной биографии Б.Г. Ананьева. Судя по объему, основное внимание в статье уделяется третьей проблеме.

Не ставя перед собой задачи подробно рассмотреть каждую из этих проблем, в данном случае мы сосредоточим свое внимание на выяснении того, о каких именно источниках речь идет при обсуждении второй проблемы – относительно имеющихся в отечественной литературе научных биографий российских психологов. Список здесь получается не очень большой.

Это две книги о С.Л. Рубинштейне – К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского [4] и К.А. Абульхановой и А.Н. Славской [5]; книга Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой о Л.С. Выготском [205]; книга А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой о А.Н. Леонтьеве [431]; книга К.С. Маслова о А.А. Крогиусе [486]; книга Н.А. Логиновой о Б.Г. Ананьеве [170]; две брошюры В.Н. Мясищева о В.М. Бехтереве [505] [506]. Кроме того, упоминаются три автобиографии – В.М. Бехтерева [80], А.Р. Лурии [465] и К.К. Платонова [584]. Таким образом, перед нами список из одиннадцати источников, в котором указаны книги и брошюры с биографиями и автобиографиями восьми отечественных психологов – Б.Г. Ананьева, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.А. Крогиуса, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и К.К. Платонова.

Оценивая эту несложную арифметику и судя об основной направленности статьи, мы должны отдавать себе отчет в том, что Н.А. Логинова не ставила перед собой задачу предложить исчерпывающий список всех имеющихся на данный момент научных биографий отечественных психологов. Мы же, со своей стороны, ставя вопрос о научных биографиях на передний план, здесь и сейчас выдвигаем тезис о том, что при целенаправленном рассмотрении итоговый список книг с научными биографиями отечественных психологов может и должен быть существенным образом уточнен и дополнен как по персонам, так и по посвященным им книгам.

При построении итогового списка мы сознательно не принимали во внимание статьи, диссертации и авторефераты диссертаций отечественных авторов (нас интересовали только книги); помимо этого, мы вовсе не касались зарубежных публикаций. Но затем, определившись со списком, мы сочли необходимым дополнить список найденных научных биографий целым рядом значимых отечественных публикаций, которые при создании полноценных научных биографий обязательно должны, с нашей точки зрения, учитываться в качестве важных источников информации и необходимых подготовительных материалов – в виде отдельных фрагментов-«кирпичиков» (источников информации о конкретных событиях, датах, фактах, идеях), уже готовых массивных «строительных блоков» (параграфов, глав, библиографических списков, сводных таблиц, хронологических указателей и т. д.) или же в виде требующих определенной доработки текстов-«полуфабрикатов».

Вначале посмотрим, как обстоит дело с указанными в статье Н.А. Логиновой научными биографиями восьми отечественных психологов.

Безусловно, книга Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой «Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету» [205], одним из соавторов которой была Г.Л. Выгодская – дочь Л.С. Выготского, была и остается (и долго еще, по-видимому, будет оставаться) для всех нас стимулирующим образцом и главным источником сведений о жизненном пути и творческой деятельности Л.С. Выготского. Но, помимо этой замечательной во всех отношениях книги, при изучении биографии Л.С. Выготского мы должны иметь в виду, что есть еще три книги о Л.С. Выготском, написанные в жанре научной биографии и опубликованные в конце 1980 – начале 1990-х гг.: это две книги М.Г. Ярошевского [908] (см. также второе и третье издания этой книги [914] [915] – с предисловием Е.Е. Соколовой), [986] и книга А.А. Леонтьева [427].

Кроме того, в качестве дополнительных материалов к научной биографии Л.С. Выготского следует указать еще два весьма информативных источника: подготовленные Екатериной Завершневой и Рене ван дер Веером «Записные книжки Л.С. Выготского» [289] (во многом проясняющие начальный период

творчества и генезис мировоззрения Л.С. Выготского), а также удачную подборку ранее публиковавшихся статей о Л.С. Выготском в сборнике «Философия психологии» [810, с. 220–304].

В этом сборнике, вышедшем в серии «Философия России первой половины XX века», содержатся статьи о жизни и творчестве пяти отечественных психологов – Г.И. Челпанова, В.В. Зеньковского, П.П. Блонского, Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна; философско-психологические взгляды Л.С. Выготского реконструируются и интерпретируются в статьях В.П. Зинченко, П.Г. Щедровицкого, М.Г. Ярошевского и С. Тулмина. Кроме того, к этим статьям в сборнике имеются два важных дополнения – «Хроника жизни и творчества Л.С. Выготского» и «Библиография трудов Выготского», что в итоге позволяет читателю сформировать достаточно полное и разностороннее представление о Л.С. Выготском как об одной из ключевых фигур в процессе становления советской психологии и формировании ее методологических основ в 1920–1930-е годы.

О А.Р. Лурии, помимо его автобиографии «Этапы пройденного пути» [465], в отечественной историографии на самом деле имеется еще ряд весьма ценных книг и юбилейных журнальных публикаций.

Прежде всего это великолепная (практически по всем параметрам образцовая) книга Е.Д. Хомской «Александр Романович Лурия. Научная биография» [846], а также насыщенная массой житейских подробностей и личных воспоминаний (и вместе с тем хорошо структурированная) книга Елены Александровны Лурии «Мой отец А.Р. Лурия» [471].

Множество интереснейшего биографического материала о А.Р. Лурии содержат посвященные ему юбилейные выпуски журналов «Вопросы психологии» [331] и «Вестник Московского университета» [330], [332], [334], а также вышедшие в 2002–2008 гг. книги А.Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов» [467] (с четырьмя значимыми с историко-психологической точки зрения источниками: тремя (!) предисловиями – предисловием М. Коула к книге и предисловиями А. Мейера и А.Р. Лурии к первому американскому изданию, а

также с послесловием научного редактора – В.И. Белопольского), «Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии» [468] (с предисловием Ж.М. Глозман, а также с тщательнейшим образом отредактированным Д.А. Леонтьевым списком научных работ А.Р. Лурии), «Лекции по общей психологии» [469] (с предисловием Е.Д. Хомской) и «Высшие корковые функции человека» [470] (с предисловием «От научного редактора» Л.И. Московичюте).

Среди других книг о А.Р. Лурии отметим отлично написанные (научно-популярные не только по замыслу, но и по исполнению) брошюры К.Е. Левитина «Мимолетный узор» [414] [416] и «Личностью не рождаются» [415], которые можно охарактеризовать как материалы к биографии А.Р. Лурии и развиваемой им нейропсихологии, а также материалы к советской психологии в целом, одним из творцов которой, несомненно, был А.Р. Лурия. В совокупности эти источники (еще раз подчеркнем, что мы не затрагиваем публикации зарубежных авторов) дают нам, пожалуй, если не исчерпывающую, то во всяком случае самую необходимую информацию о А.Р. Лурии как о выдающемся отечественном психологе – теоретике и экспериментаторе, учителе и практике, человеке и гражданине.

Переходя к научной биографии А.Н. Леонтьева, следует отметить, что также как и книга Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой о Л.С. Выготском [205], книга А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность» [431] является еще одним конкретным примером образцово написанной научной биографии.

Нам остается только указать на большое количество дополнительных материалов – различных публикаций (журнальных статей, сборников, монографий), посвященных А.Н. Леонтьеву, но прежде всего мы должны иметь в виду опубликованные за последние тридцать лет работы А.Н. Леонтьева, содержащие ценные дополнительные сведения о нем как ученом и человеке советской эпохи (см., в частности, вводные статьи и комментарии в книгах [442], [444], [445], [446], [447], [449], [598], [797], [743] и др.).

О С.Л. Рубинштейне в статье Н.А. Логиновой указываются две книги – о философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна [4] и об основах и этапах научного творчества С.Л. Рубинштейна [713]. Уже по названию этих книг видно, что собственно биография С.Л. Рубинштейна в них стоит все же не на первом месте: в этих книгах прежде всего осуществляется глубокий анализ развития философских, методологических и собственно психологических взглядов С.Л. Рубинштейна на различных этапах его жизненного пути. Помимо этих книг, мы можем указать еще пять источников, содержащих существенные дополнительные материалы к научной биографии С.Л. Рубинштейна.

Книга К.А. Абульхановой и А.Н. Славской «Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость» [5] является, по сути, художественной биографией (жанр весьма редкий в нашей науке), причем в ней описывается, как это видно из названия, начальный период биографии С.Л. Рубинштейна. Еще четыре источника – «Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы» [697] (в серии «Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы»), «Сергей Леонидович Рубинштейн» [698] и «Философия психологии» [810] (обе книги – в серии «Философия России второй половины XX века») и «Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна» [814] (в серии «Методология, теория и история психологии») – при всей их содержательной значимости также никак нельзя назвать в полном смысле слова научными биографиями, так как фактически они являются сборниками статей и очерков многих авторов, освещающих самые разные аспекты биографии, а также философских и психологических взглядов С.Л. Рубинштейна.

Примерно теми же словами можно охарактеризовать и гигантский (в шести томах!) сборник «Психология человека в современном мире», содержащий материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна [611].

Обозревая все известные нам книги о С.Л. Рубинштейне, рискнем сделать вывод, что, как это ни парадоксально, полноценная научная биография С.Л. Рубинштейна до сих пор еще не написана: книги о С.Л. Рубинштейне,

аналогичной упомянутым выше научным биографиям Л.С. Выготского [205], А.Н. Леонтьева [427] и А.Р. Лурии [846], все еще не создано.

О Б.Г. Ананьеве, помимо книги Н.А. Логиновой «Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы» [170], следует указать еще несколько дополнительных информативных публикаций, в большинстве своем также подготовленных Н.А. Логиновой.

В книге Н.А. Логиновой «Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева» [454] последние три главы посвящены формированию научной школы Б.Г. Ананьева, концептуальной системе Б.Г. Ананьева и комплексным исследованиям индивидуальности, проводимым под его руководством в 1963–1972 гг.

Кроме того, в этой книге с историко-научной точки зрения большой интерес представляют, наряду со списком архивных материалов [454, с. 244–246], содержащиеся в приложении 2 «Автобиографические материалы Б.Г. Ананьева и воспоминания о нем»: «Жизнеописание Б.Г. Ананьева, сделанное им собственноручно в 1933 г.» [454, с. 271–273], ранее не публиковавшиеся «Воспоминания А.А. Бодалева о Б.Г. Ананьеве» [454, с. 274–276] и «Мои воспоминания об отце» Н.Б. Ананьевой [454, с. 277–282].

Оценивая капитальную монографию Н.А. Логиновой «Антропологическая психология Бориса Ананьева» [456], направленную преимущественно на освещение вопросов теории, надо иметь в виду, что в этой книге, помимо чисто теоретических глав, содержится также глава, которая представляет собой обширный биографический очерк Б.Г. Ананьева [456, с. 9–51], куда включены уникальные фотографии из семейного альбома (Б.Г. Ананьев – ученик реального училища, молодой ученый в 1932 г., среди сотрудников Института мозга в 1935 г., с женой и дочерью в 1951 г. и др.).

Наряду с перечисленными работами и в настоящее время большое значение имеет составленный Н.А. Логиновой в 2007 г. биобиблиографический указатель работ Б.Г. Ананьева [171].

Ценные сведения о Б.Г. Ананьеве и его школе (в особенности в период 1940–1950-х годов) мы обнаруживаем в книге «Становление психологической школы Б.Г. Ананьева» (2003) Е.И. Степановой [749] – «ученицы, соратника и продолжателя идей Б.Г. Ананьева» [749, с. 5]. В этой книге большой исторический интерес представляют не только главы, рассказывающие о том, как складывалась школа Б.Г. Ананьева, но и раздел «Приложения», где приводятся «Уточненный и дополненный список научных трудов Б.Г. Ананьева» (189 источников) [749, с. 195–207], письма А.А. Смирнова и Н.Ф. Добрынина Е.И. Степановой [749, с. 208–209], список научных конференций и съездов психологов (1945–1993) [749, с. 210–211], составленный Б.Г. Ананьевым план исследования интеллекта взрослых (1968) [749, с. 212–213] и некролог Б.Г. Ананьева, помещенный в «Ленинградской правде» 20 мая 1972 г. [749, с. 214–215].

Особое место среди публикаций, посвященных Б.Г. Ананьеву, занимает вышедший в 2008 г. сборник «Методология комплексного человекознания и современная психология», подготовленный по материалам конференции, приуроченной к столетию Б.Г. Ананьева [494].

Сборник открывается статьей А.Л. Журавлева и В.А. Кольцовой об уникальности научного подхода Б.Г. Ананьева [284]. Далее в четырех разделах оценивается вклад Б.Г. Ананьева в становление комплексного человекознания и формирование Ленинградской научной школы психологии (в первом разделе), рассматриваются различные аспекты проблемы личности и субъекта в концепции Б.Г. Ананьева и в современной психологии (во втором разделе), вопросам психологии развития посвящен третий раздел, в четвертом разделе обсуждаются вопросы реализации принципов комплексного человекознания в современной психологической науке.

Всего в данном сборнике опубликовано свыше семидесяти статей. В дополнение к ним следует также указать подборку статей под рубрикой «К 100-летию со дня рождения Б Г. Ананьева» в «Психологическом журнале» за 2007 г. [333].

О жизни и творчестве еще одного выдающегося психолога – К.К. Платонова мы можем узнать из его автобиографии «Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога)» [584] (при чтении этой книги невольно возникает предположение, что К.К. Платонов еще с 1920-х годов вел достаточно подробные дневниковые записи, в итоге позволившие ему на завершающем этапе своей профессиональной карьеры создать интереснейший, насыщенный множеством подробностей рассказ не только о своей жизни и профессиональной деятельности, но и о развитии советской психологии в целом).

Не будем забывать и о вышедшей в 2007 г. книге «К.К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века» [338], содержащей материалы юбилейной научной конференции, проходившей в Институте психологии РАН 22 июня 2006 г. и посвященной столетию со дня рождения К.К. Платонова. В этой книге, состоящей из трех разделов, силами большого коллектива отечественных авторов (в книге представлены двадцать четыре статьи тридцати одного автора) описываются и анализируются методологические и общетеоретические взгляды К.К. Платонова и их развитие в современной психологии (в первом разделе), оценивается вклад К.К. Платонова в развитие различных областей психологии (во втором разделе), рассматриваются некоторые вопросы исследования психологии личности (в третьем разделе).

Принципиальное значение в данной публикации имеет вводная статья «Основные направления исследований К.К. Платонова и их развитие в современной психологии» ответственных редакторов сборника – А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой и Т.И. Артемьевой [338, с. 9-17]. Завершая статью, ее авторы отмечают: «Проведенная научная конференция, а также представленные в данной книге материалы, конечно, не смогли охватить все направления деятельности К.К. Платонова. Все, кто хорошо знал Константина Константиновича, многократно убеждались в энциклопедическом характере его ума (интеллекта). Многое из его наследия еще профессионально не осмыслено. В перспективе историкам психологии предстоит большая работа по анализу и

представлению его плодотворных научных идей, ожидающих своего использования и развития в современной психологии» [338, с. 17].

Для нас эти слова и сегодня важны, их можно, как нам думается, с полным правом обобщить: историкам отечественной психологии еще предстоит большая работа по анализу, осмыслению и развитию плодотворных научных идей, наработанных в свое время не только К.К. Платоновым, но и многими другими выдающимися отечественными психологами, творившими в советский период. На примере анализа психологического наследия К.К. Платонова хорошо видно, что нам есть с чем работать и на что опираться в своем движении вперед.

К счастью, в настоящее время полноценная научная биография К.К. Платонова уже написана. Мы имеем в виду вышедшую в 2016 г. в издательстве «Института психологии РАН» в серии «Методология, теория и история психологии» книгу Т.В. Зверевой и О.Г. Носковой «Психологическое наследие К.К. Платонова» [305].

В предисловии указано, что «в основу книги положена кандидатская диссертация Т.В. Зверевой, защищенная в МосГУ в 2012 г. на тему «Система психологических взглядов К.К. Платонова», научный руководитель – О.Г. Носкова» [305, с.]. Данное обстоятельство подразумевает высокий уровень работы с материалом и хорошо продуманные, логически и эмпирически обоснованные результаты и выводы. И действительно, книга Т.В. Зверевой и О.Г. Носковой является примером адекватного использования и оптимального сочетания исследовательских методов на всех этапах исследования – в ходе тщательного поиска и отбора исходной эмпирии, последующего упорядочивающего описания и детальной аналитики имеющегося в наличии и доступного для изучения материала. О содержании и логической структуре книги можно судить по названию пяти глав: 1) «Изучение персоналий в историко-психологических исследованиях: подходы и методы»; 2) «Жизненный путь, этапы профессиональной деятельности К.К. Платонова»; 3) Интенсивность научной деятельности К.К. Платонова и ее тематика на разных этапах жизни»; 4) «Систематизация психологического наследия К.К. Платонова по разным

темам и направлениям»; 5) «Эпистолярное наследие К.К. Платонова как источник знаний о его личности и творчестве. Характеристика научной школы К.К. Платонова».

Нельзя не отметить при этом очень важную роль, которую в данной книге играет раздел «Приложения», занимающий почти треть объема и включающий в себя семь насыщенных конкретными историческими сведениями приложений: «Научные публикации по психологии К.К. Платонова»; «Список основных научных докладов и выступлений по психологии труда и авиационной психологии К.К. Платонова (1930–1963) (Фонд К.К. Платонова, архив ИП РАН)»; «Дополнение к списку работ К.К. Платонова»; «Система проблем психологии труда (Платонов, Казаков, 1980); «Диссертации, выполненные под руководством К.К. Платонова»; «Публикации о К.К. Платонове и его научном наследии»; «“Карта личности” и инструкция к ее заполнению, изданная на правах рукописи сектором психологии Института философии АН СССР в 1967 г.» [305, с. 150–213].

Упомянутая Н.А. Логиновой книга К.С. Маслова о А.А. Крогиусе [486] существенным образом восполняет пробелы в наших знаниях об этом замечательном ученом. Позиция автора ясно выражена в начале книги: «Мы даем биографию А.А. Крогиуса на широком фоне развития психологии (и психологии слепых), и, порой, быть может, даже “растворяем” его жизнь в жизни современной ему науки. Однако автору менее всего хотелось бы, чтобы этот труд рассматривали как учебник по истории психологии слепых. В то же время, автор не стремился представить жизнь А.А. Крогиуса как перечень фактов в хронологическом порядке» [486, с. 13].

В качестве дополнительного источника к биографии А.А. Крогиуса следует указать книгу А.Л. Южаниновой «История саратовской психологической школы в лицах» [889], где отдельный параграф посвящен А.А. Крогиусу [889, с. 144–179], работавшему в Саратовском университете в 1919–1932 гг. Кроме того, благодаря эффективно используемому А.Л. Южаниновой приему группировки биографий саратовских психологов по поколениям из параграфа «Ученики

С.Л. Франка и А.А. Крогиуса: саратовские психологи второго поколения» [889, с. 180–199] мы узнаём об учениках А.А. Крогиуса – Э.Л. Берковиче, Г.П. Иванове и Н.В. Касаткине. Кроме того, в книге имеются биографические очерки о многих других психологах, живших и работавших в Саратове – о С.Л. Франке, В.С. Мерлине, И.В. Страхове, Л.П. Доблаеве, Н.В. Крогиусе (внуке А.А. Крогиуса), И.Э. Стрелковой (дочери Э.Л. Берковича), Р.Г. Селивановой, Е.И. Гарбере, А.А. Понукалине, Р.Х. Тугушеве, В.В. Козаче и др.

Завершая обзор научно-биографических сведений о восьми отечественных психологах, упомянутых в статье Н.А. Логиновой, сформулируем интересный вопрос: написана ли научная биография В.М. Бехтерева как психолога? Характерно, что Н.А. Логинова в своей статье указывает только автобиографию В.М. Бехтерева (1928) и две небольшие и к тому же семидесятилетней давности (!) брошюры В.М. Мясищева о нем [505], [506].

Складывается впечатление, что научно-биографическая книга о В.М. Бехтереве как психологе до сих пор не написана (т.е. дело обстоит еще хуже, чем с научной биографией С.Л. Рубинштейна). Разумеется, существует множество биографий В.М. Бехтерева и посвященных его творчеству книг (см., например: [9], [62], [239], [250], [345], [419], [503], [523], [524], [540], [689], [886] и др.), в том числе и в серии «Жизнь замечательных людей» [522], однако во всех этих книгах, насколько мы можем судить, В.М. Бехтерев показан прежде всего как врач, психиатр и невропатолог, но не как психолог, создатель рефлексологии и организатор научных исследований и мероприятий, на котором, что примечательно, держалась вся психологическая наука в России в первое десятилетие советской власти. Так что вопрос о научной биографии В.М. Бехтерева как психолога остается открытым.

К сожалению, то же самое можно сказать и о многих других наших знаменитых врачах, психиатрах, физиологах, биологах, педагогах и философах, работавших на стыке с психологией – П.К. Анохине, И.С. Бериташвили, Л.В. Занкове, Э.В. Ильенкове, А.С. Макаренко, Л.А. Орбели, И.П. Павлове,

А.А. Ухтомском, Г.П. Щедровицком. При желании этот список может быть без особых усилий увеличен в несколько раз.

Теперь мы должны сказать о книгах, вовсе не упомянутых в статье Н.А. Логиновой.

О Н.А. Бернштейне написаны две прекрасные книги – «Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего» И.М. Фейгенберга [809] и «Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна» И.Е. Сироткиной [708]. Обратим внимание на то, что И.Е. Сироткина использует в названии книги выражение «интеллектуальная биография» (вместо привычного для нас выражения «научная биография»), очевидно, ориентируясь на давно сложившиеся в зарубежной историографии традиции и стандарты (еще одним свежим примером интеллектуальной биографии может служить книга А. Ясницкого о Л.С. Выготском [987]).

О В.С. Мерлине имеется книга А.И. Щебетенко «Профессор Вольф Соломонович Мерлин. Жизнь в психологии и среди людей (Историко-психологический очерк)» [873] (обратим внимание на размещенную в книге в качестве предисловия рецензию Е.В. Левченко [873, с. 3-11]).

Научной биографией В.Н. Мясищева можно считать книгу В.П. Стрельцовой «Психологические воззрения В.Н. Мясищева» [761] (являющуюся, как и книга Т.В. Зверевой, результатом диссертационного исследования). В монографии Е.В. Левченко «История и теория психологии отношений» творческий путь и концепция В.Н. Мясищева достаточно подробно описаны в шестой главе «Психология отношений человека В.Н. Мясищева» [419, с. 175–225].

О И.М. Сеченове две книги были в свое время написаны М.Г. Ярошевским – «Иван Михайлович Сеченов. 1829–1905» [897] (в отечественной историографии психологии эту книгу с определенными оговорками следует считать, по-видимому, первой настоящей научной биографией психолога) и «Сеченов и мировая психологическая мысль» [903]; кроме того, в ранее уже упоминавшейся коллективной монографии «Иван Михайлович Сеченов.

К 150-летию со дня рождения» [311] И М. Сеченов показан во всех аспектах своей многогранной научной и общественно-политической деятельности.

О И.А. Сикорском имеется книга В.И. Менжулина «Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии» [490]. В этой увлекательно написанной книге речь идет преимущественно о И.А. Сикорском как о человеке и гражданине, о его общественно-политических взглядах и убеждениях. Подробно рассматриваются такие вопросы, как взаимоотношения И.А. Сикорского с властями и коллегами, его националистические и расистские установки, участие в качестве эксперта в деле Бейлиса и т.п.

Но сведения о И.А. Сикорском как психологе в книге минимальны (да и как психиатре при чтении книги не складывается целостного представления). Между тем у нас есть все основания не обходить вопрос о месте и роли И.А. Сикорского в истории российской психологии – достаточно сослаться на его оригинальные (хотя и далеко не бесспорные из-за субъективных идеологических предпочтений и уклона в сторону психиатрии) книги «Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении» [699], [702], [703], «Начатки психологии» [701]) и «Душа ребенка» [700].

На самом деле уже есть две кандидатские диссертации, посвященные И.А. Сикорскому-психологу – Е.Б. Мурзиной [504] и Д.С. Тимофеева [795], но до издания монографий у этих авторов дело, к сожалению, не дошло – в отличие от ранее упомянутых диссертаций Т.В. Зверевой и В.П. Стрельцовой.

Из книг о Г.И. Челпанове, выполненных в жанре научной биографии, следует указать книгу Н.К. Аджавенко «Георгий Челпанов. Жизненный путь и научный подвиг» [7], а также книгу И.В. Гладковой «Георгий Челпанов. Интеллектуальная биография и философия» [235].

О А.А. Ухтомском имеется книга С.Е. Резника «Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном» [619]. Книга замечательная, но и в ней, как и в книге В.И. Менжулина о И.А. Сикорском, собственно психологические воззрения А.А. Ухтомского освещаются минимально.

О С.Н. Шпильрейн имеется книга В.М. Лейбина «Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней» [423]. В 2007 г. на русском языке была опубликована книга швейцарской писательницы и психолога Сабины Рихебехер «Сабина Шпильрейн: „почти жестокая любовь к науке“» [627]. В качестве дополнительных материалов к биографии Сабины Шпильрейн укажем еще два ценных источника: книгу С.Ф. Сироткина «Сабина Шпильрейн. Материалы к биобиблиографии» [704] и сборник архивных материалов «За кулисами психоанализа: неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн» [287].

За рубежом и в России о психоаналитике и писательнице Луизе Андреас-Саломе (Луизе Густавовне фон Саломе), родившейся и проведшей детство и юность в России, написана уже не одна книга (см., например, книги Франсуазы Жиру [283] и Игоря Талалаевского – [770]), но зададим вопрос: насколько каждая из этих книг является научной, а не художественной биографией?

В любом случае ознакомление с биографией этой удивительной и странной женщины, оставившей большой след в истории науки о душе, следует начинать с ее откровенных воспоминаний «Прожитое и пережитое» [33], а также ознакомиться с ее книгой «Эротика» [684].

Из зарубежных психологов, которых формально (по месту своего рождения) можно считать российскими, следует назвать Е.В. Антипову (1892–1974) – выдающегося педагога, психолога, специалиста по социальной и коррекционной психологии. Е.В. Антипова внесла огромный вклад в развитие психологии в Бразилии, где она жила и работала с 1929 г. и до конца своих дней.

В настоящее время благодаря творческим усилиям Н.Ю. Масоликовой и М.Ю. Сорокиной – сотрудников Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына – мы располагаем научной биографией Е.В. Антиповой [487]; см. также [533], [636], [637].

Завершая аналитический обзор научных биографий отечественных психологов, для подведения итогов вернемся к поставленному в начале параграфа вопросу.

1. По итогам обзора наша арифметика по вопросу о научных биографиях отечественных психологов в общем и целом выглядит следующим образом: к восьми указанным в статье Н.А. Логиновой персонам мы добавили еще десять, обнаружив при этом свыше тридцати книг с научными биографиями. Много это или мало? Думается, это очень мало, если иметь в виду, что общее количество отечественных психологов, достойных полноценной научной биографии, должно быть, пожалуй, не менее ста.

2. Смягчая критерии понятия «научная биография», можно выделить еще целый ряд книг, в которых достаточно глубоко и подробно описывается жизнь и творчество отечественных психологов. Мы не упомянули диссертационные исследования и книги (материалы конференций, сборники статей), посвященные Л. И. Анцыферовой, Е.А. Будиловой, В.А. Вагнеру, А.И. Введенскому, Б.В. Зейгарник, И.А. Ильину, А.Ф. Лазурскому, Б.Ф. Ломову, Н.А. Менчинской, В.Д. Небылицыну, Я.А. Пономареву, Г.И. Россолимо, И.В. Страхову, А.А. Смирнову, Б.М. Теплову, вступительные статьи, комментарии к книгам серий «Психологи Отчества», «Психологи России», «Живая классика», «Мастера психологии», «Памятники психологической мысли», «Методология, теория и история психологии», «Научные школы Института психологии РАН», «Психологическое наследие» и т. п., работы В.В. Большаковой о наших дореволюционных психологах (М.М. Троицком, А.П. Нечаеве, И.А. Сикорском, М.И. Владиславлеве и др.), публикации В.П. Зинченко о советских психологах (Н.А. Бернштейне, Л.С. Выготском, П.Я. Гальперине, В.В. Давыдове, А.В. Запорожце, П.И. Зинченко, Т.П. Зинченко, Ф.Д. Горбове, А.Н. Леонтьеве, М.И. Лисиной, А.Р. Лурия, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейне, А.А. Ухтомском, Г.Г. Шпете, Г.П. Щедровицком, Д.Б. Эльконине), работы Е.П. Гусевой, О.Е. Серовой и С.А. Богданчикова о Г.И. Челпанове и Психологическом институте, публикации о представителях Ярославской психологической школы, работы Н.Ю. Стоюхиной о советских психотехниках и т.д. Все эти и многие другие источники биографической направленности мы рассматриваем как своего рода семена и зародыши будущих научных биографий,

как исходный материал для создания целостной картины. В области научных биографий нам предстоит еще много работы, но уже сейчас можно наметить определенные цели и формы работы.

3. Мы полагаем, что пришло время для подготовки и издания специальной научно-биографической серии книг о российских психологах («Научные биографии психологов России», «Российская психология в научных биографиях», «Российская психология в лицах» и т.п.), формирования исчерпывающей базы данных и соответствующего сайта в Интернете. Как можно более полная информация об отечественных психологах нужна всем – не только историкам психологии, но и психологам-теоретикам, психологам-практикам, преподавателям и студентам, представителям смежных с психологией наук и областей знания, а также нашим зарубежным коллегам.

§ 4. Зарубежная историография истории советской психологии (по материалам публикаций 1930-1950-х гг.)

Еще одним важным элементом, входящим в проблемное поле современной отечественной историографии истории советской психологии, является вопрос о соотношении и взаимодействии отечественной и зарубежной историографии истории советской психологии. Если зарубежная историография истории советской психологии – это своего рода зеркало, то весьма непростой и обоюдоострый вопрос заключается в том, можем ли мы с помощью этого зеркала узнать о себе и о своей истории нечто новое.

В конце 1980-х гг. А.Н. Ждан подчеркивала: «Особенно в связи с активизацией интереса зарубежных психологов к советской науке необходимо осмысление интерпретаций советской психологии за рубежом. Пока можно говорить лишь об отдельных работах советских психологов в этом направлении» [270, с. 10]. Нетрудно убедиться, что и сегодня в деле осмысления зарубежной историографии истории советской психологии у нас мало что изменилось. Приведем несколько характерных высказываний на эту тему, хронологически относящихся уже к двадцать первому веку.

А.В. Юревич в 2004 г. подчеркивал, что «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [894, с. 22-23]. И.А. Мироненко в 2007 г. недвусмысленно заявляла, что «в сознании зарубежных коллег отечественная психология представлена скорее в форме географического понятия», что «отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях» [496, с. 250], что в глазах мирового научного сообщества отечественная школа как собственно научная школа «не воспринимается, ее не только нет, но и не было» [496, с. 251] (см. также [497]-[500] и др.).

А.Н. Ждан, выступая в 2009 г. на пятых «Московских встречах» по истории психологии, пришла к столь же неутешительному выводу: «В трудах по истории психологии зарубежных авторов отечественная мысль, как правило, не освещается, а если и представлена, то лишь несколькими именами, к тому же часто неадекватно рассматриваемыми. … В связи с этим можно констатировать, что за рубежом нашу науку не знают» [276, с. 33-34].

Е.В. Левченко в 2010 г. в статье о прошлом и будущем нашей (советской, российской) психологии с той же минорной интонацией формулировала непростые вопросы об отношении зарубежных ученых к нашей психологии: «Интерес к российской психологии у зарубежных коллег значительно ниже, чем встречный. В чем причины складывающейся асимметрии во взаимодействии российского и мирового психологических сообществ? Всегда ли она имела место? Как ее преодолеть и возможно ли это?» [422, с. 38].

В опубликованной в 2021 году в «Психологическом журнале» статье О.А. Артемьевой [51] была предпринята попытка при изучении вопроса об американской историографии «Павловской» (1950 г.) сессии перейти от общих рассуждений к конкретному анализу некоторых наиболее значимых зарубежных работ – монографий Р.А. Бауэра (1952) [926], Л. Грэхэма (1972) [937], Л. Рамани (1973) [955], А. Козулина (1984) [946] и Д. Джоравски (1989) [943], посвященных советской психологии и ее истории. Именно при ознакомлении с этой статьей

О.А. Артемьевой у нас сформировалась устойчивая метафора зарубежной историографии советской психологии как необъятной, непонятой и до сих пор почему-то неподнятой – и потому зовущей к себе – целины (что и дало название вышедшей в 2021 г. статье «Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930-1950-х гг. о советской психологии» [153]).

В данном параграфе мы укажем наиболее важные, с нашей точки зрения, публикации наиболее значимых зарубежных авторов. Для этого мы будем при изложении материала идти хронологически – по десятилетиям, ограничившись периодом 1930-1950-х гг. В итоге мы должны получить представление о ведущих исследователях истории советской психологии и об их столь же значимых публикациях в эти три десятилетия, а также о содержащихся в этих публикациях проблемах, констатациях и оценках.

В 1930-1950-е гг. авторами наиболее значимых работ (отдельных статей, рецензий, монографий, сборников) о советской психологии и ее истории были Р. Бауэр (R. Bauer) (1916-1977), И.Д. Лондон (I.D. London) (1913-1983), Г. Разран (G. Razran) (1901-1973) и Б. Саймон (B. Simon) (1915-2002). Деятельность этих исследователей была многогранна – они писали книги и статьи о советской психологии, переводили работы советских психологов, редактировали переводы, писали рецензии на работы советских авторов и на работы друг друга.

При рассмотрении *периода 1930-х годов* прежде всего следует отметить две значимые публикации, вышедшие в самом начале 1930-х гг.: «Психологии 1930 года» [953] (с тремя большими статьями – К.Н. Корнилова [945], А.Л. Шнирмана [979] и И.П. Павлова [951]) и «Психологический указатель» (словарь персоналий мировой психологии, где приводятся данные о почти ста советских психологах) [984]. Кроме того, большой интерес представляет опубликованный в январе 1935 г. отчет Г. Разрана о своей поездке в СССР [956]. С этим отчетом Г. Разран выступил в сентябре 1934 г. на одном из заседаний Американской психологической ассоциации. В этой публикации Г. Разран рассказывает о своем шестинедельном пребывании в СССР летом 1934 года. В частности, он выражает благодарность за гостеприимство советским ученым-психологам –

В.М. Боровскому, И.Н. Шпильрейну и С.Г. Геллерштейну. Также примечательны пять ключевых проблем, выделенных Г. Разраном при описании положения дел в советской психологии: «Общий подход, методология и философия»; «Речь и мышление, память и интеллект»; «Дифференциальная психология и тестирование»; «Обуславливание и зоопсихология»; «Аномальная и социальная психология».

Резюмируя, Г. Разран подчеркнул: «Еще совсем несколько лет назад диалектическая психология была в значительной степени теоретической и философской. Она обсуждала проблемы тела и разума, искала тезисы и антитезисы, цитировала Маркса, Энгельса и Ленина. На практике она многое заимствовала из американской и немецкой психологии, часто не придавая большого значения тому, соответствуют ли заимствованные методы, методики и даже интерпретации ее собственным философским принципам и социальным целям. Теперь это изменилось. Диалектическая психология стала целостной, независимой, всеобъемлющей системой с уникальным набором проблем и соответствующими техниками и методами. Ее основными принципами являются материализм, диалектика, психологические уровни и, прежде всего, акцент на социальном, а не на индивидуальном аспекте поведения» [956, с. 23].

Прямым продолжением этой публикации можно считать небольшую заметку, опубликованную Г. Разраном в 1937 г. [957]. Речь в ней идет о процентном соотношении психологических статей, опубликованных на русском языке за десять лет (1926-1935). По подсчетам Г. Разрана, «не менее 15% мировой психологической литературы в настоящее время публикуется на русском языке, и этот процент может достигать 20-25%» [957].

Переходя к следующему десятилетию, среди публикаций 1940-х годов прежде всего выделим две статьи С.Л. Рубинштейна вышедшие на английском языке в 1944 [976] и 1946 гг. [977]. Первая статья представляет собой перевод на английский язык опубликованной в 1943 г. статьи С.Л. Рубинштейна «Советская психология в условиях Великой Отечественной войны» [652]. Вторая статья является переводом на английский язык опубликованной в 1945 г. статьи

С.Л. Рубинштейна «Проблема сознания в свете диалектического материализма (к философским основам психологии)» [653]. Подчеркнем, что какие-либо упоминания об этих двух переводных работах в списке работ С.Л. Рубинштейна отсутствуют.

Большой интерес представляет небольшая (буквально на полстраницы) заметка Г. Разрана, опубликованная в журнале «Science» в 1942 г. [958]. Г. Разран пишет о том, что он «получил письмо, датированное 25 мая 1942 года, от профессора Александра Р. Лурия, выдающегося российского психолога», который «сейчас находится в Челябинской области в Уральских горах. Он руководит клиникой для реабилитации людей, получивших травмы головного мозга во время войны. Он пишет, что он и его коллеги очень нуждаются в оттисках недавних оригинальных американских публикаций в области патологии мозга и аномальной психологии, особенно тех, которые касаются переобучения и нейрохирургии. Он хотел бы получить такой материал как можно скорее» [958].

Здесь же Г. Разран указывает почтовый адрес А.Р. Лурия («Нейрохирургическая реабилитационная клиника ВИЭМ, Санаторий Кисегач, Челябинская область, СССР») и выражает надежду на то, что «американские ученые, располагающие соответствующими материалами, прислушаются к этому призыву» [958].

Среди англоязычных публикаций 1940-х годов также обратим внимание на две рецензии на первое издание учебника Б.М. Теплова «Психология» для средних школ [778]. Обе рецензии вышли в начале 1947 г. в журнале «Synthese» [981], [975]. Особо отметим, что автором первой рецензии был А.А. Смирнов. Он же затем опубликовал (под названием «Хороший учебник») рецензию на этот учебник Б.М. Теплова в «Учительской газете» [714]. Учебник Б.М. Теплова действительно оказался хорошим и в последующем выдержал восемь изданий (в 1946-1954 гг.). Кроме того, учебник был переведен и неоднократно издавался в эти же годы в целом ряде стран социалистического содружества – в Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Польше, ГДР и Китае.

Интересной библиографической находкой является опубликованная в 1951 г. на немецком языке большая статья Б.М. Теплова «Краткая история советской психологии» [983]. Вопрос о том, в какой степени данная статья содержательно (а также «интонационно», по расставляемым при изложении акцентам и оценкам) совпадает со стенограммой публичной лекции и тезисами доклада Б.М. Теплова, опубликованными к тридцатилетию советской психологии четырьмя годами ранее [779], [780], ввиду своей важности заслуживает отдельного изучения.

В 1951 г. вышли две статьи Ивана Д. Лондона – «Психология в СССР» [948] и «Современная психология в Советском Союзе» [949], во многом задавшие тон, стилистику и образец для последующих публикаций зарубежных (главным образом американских) исследователей о советской психологии.

В 1952 г. в США вышла книга Раймонда Бауэра «Новый человек в советской психологии» [926]. Книга явилась одним из результатов большой работы по изучению Советского Союза, организованной в США в условиях холодной войны. В свое время, то есть в 1950-е годы, для советского читателя эта книга оказалась практически незамеченной. А были ли рецензии на эту книгу советских авторов? В 1952-1953 гг. в СССР это было невозможно даже представить. Всего нам удалось обнаружить шесть рецензий на книгу Р. Бауэра, опубликованных в США в 1952-1953 гг. [932], [936], [939], [944], [950], [980].

К этому списку следует добавить еще три рецензии, вышедшие несколько позже во Франции и Германии: это вышедшая в начале 1954 года на французском языке рецензия Поля Фресса [935], а также две рецензии на немецком языке – «Человек из реторты» [933] и опубликованная в 1958 году рецензия [929] на книгу Р. Бауэра, вышедшую в 1955 году на немецком языке [927].

Судя по указанным рецензиям, книга Раймонда Бауэра вызвала большой интерес и весьма положительные оценки. Предисловие Джерома Брунера к книге Р. Бауэра заканчивается словами: «Г-н Бауэр оказал услугу не только своим коллегам-психологам, но и широкому кругу читателей, интересующихся советскими делами. Ибо эта книга – одновременно очерк психологической

истории и исследование политического контроля. Если мы хотим понять истоки советских действий, чтобы реагировать на Россию как на нечто большее, чем на ширму, на которую мы проецируем наши страхи или чаяния, нам придется все больше полагаться на широкую ученость, гуманную чувствительность и живой интеллект, которыми наполнена эта книга. Г-н Бауэру удалось применить к своему предмету зрелое знание как психологии, так и советской истории и идеологии, а также понимание места идей в сфере действия» [926, p. XXIII].

Из других публикаций 1950-х гг. укажем еще вышедшую в 1957 г. на французском языке статью А.А. Смирнова «Успехи в учебе и проблемы психологии» [982]. Здесь же следует упомянуть вышедшую в 1957 г. статью Г. Разрана «Советская психология после 1950 года» [966], а также написанный им некролог – в связи с кончиной «психолога-теоретика и экспериментатора» К.Н. Корнилова [967].

На протяжении 1940-1950-х гг. Г. Разран большое внимание уделял учению И.П. Павлова, о чем свидетельствует ряд его статей, которые с определенными оговорками и уточнениями также следует учитывать при изучении истории и историографии советской психологии (см. [959]-[965], [968]-[974] и др.).

Наибольший интерес с точки зрения истории психологии здесь представляет, пожалуй, статья «Психология и психофизиология» [970], в которой Г. Разран рассматривает жизненно важный в то время для всех советских психологов вопрос о соотношении психологии и психофизиологии. Любопытный штрих приводится в начале статьи: Г. Разран рассказывает о том, как, будучи с научным визитом в 1934 г. в СССР, он встречался с И.П. Павловым и брал у него интервью. Беседа длилась, как вспоминает Г. Разран, около трех часов (см. [970, p. 1187]).

Наряду с книгой Р. Бауэра [926], в 1950-е гг. одной из значимых публикаций стала вышедшая в 1957 г. под редакцией Б. Саймона книга «Психология в Советском Союзе» [954]. Фактически данная книга представляет собой сборник переводов ряда работ советских авторов: в сборник вошли работы Б.Г. Ананьева, Д.Н. Богоявленского, Е.И. Бойко, П.Я. Гальперина, Л.В. Занкова,

А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.А. Люблинской, Н.А. Менчинской, Е.А. Милеряна, Т.В. Розановой, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Славиной, А.А. Смирнова, Е.Н. Соколова, Б.М. Теплова, Л.А. Шварц и Д.Б. Эльконина.

О значимости этого сборника для зарубежных психологов свидетельствует количество рецензий, а также содержащиеся в рецензиях констатации и оценки. Мы обнаружили шесть рецензий, опубликованных в США в 1957-1958 гг. [931], [934], [940], [941], [942], [994]. Наиболее сильное впечатление среди них производит короткая, но разгромная рецензия Ганса Айзенка.

В частности, Г. Айзенк отмечал: «Книга содержит большое количество материала, который либо не имеет отношения к делу, либо его невозможно оценить. Представлено много теоретических дискуссий, на самом элементарном уровне, в которых обсуждаются философские вопросы, которые могли бы представлять интерес пятьдесят лет назад. Политические вторжения и преклонения перед Павловым часты и сильно раздражают. Повторяются краткие резюме больших областей работы, которые настолько сокращены, что они почти полностью бессмысленны. Когда иногда сообщается об оригинальных исследованиях, они привлекают атмосферой новизны, но отчеты никогда не дают достаточной детализации, чтобы можно было оценить результаты» [934].

Подводя итоги, Г. Айзенк не без едкого сарказма констатировал: «В целом эта книга очень разочаровывает, хотя для профессионального психолога она все же содержит достаточно много интересного материала, чтобы оправдать ее прочтение. Не исключено, что недостатки книги отражают недостатки советской психологии; если это так, то редактора и профессора Смирнова следует поздравить с тем, что они дали нам столь верное зеркало советской психологии. Однако мои собственные контакты с российскими психологами приводят меня к убеждению, что данная книга – скорее карикатура, чем точная картина, и что это предприятие придется повторить кому-то, кто лучше подготовлен, чтобы отделить зерна от плевел» [934].

Наш общий вывод относительно представленных в данном параграфе материалов состоит в констатации того, что зарубежная (главным образом – американская) историография истории советской психологии в настоящее время, как мы убедились, действительно представляет собой, метафорически выражаясь, не паханное поле, еще не поднятую целину. И на этой необъятной, не понятой и не освоенной целине нам предстоит еще сделать много открытий и полезных находок, способствующих более глубокому и всестороннему пониманию истории советской психологии.

Выводы по первой главе

Исходя из поставленных во «Введении» задач, в первой главе, носящей проблемно-поисковую направленность, в четырех параграфах был рассмотрен ряд принципиальных проблем, имеющихся в настоящее время в постсоветской и современной историографии истории советской психологии. Обобщая полученные результаты, мы в итоге приходим к следующим выводам.

1. Анализ современных взглядов на советскую психологию и ее историю позволяет сделать вывод о том, что за три прошедших постсоветских десятилетия в отечественной историографии не появилось больших работ (монографий, диссертаций), в которых советская психология непосредственно выступала бы как объект всестороннего историко-психологического исследования. Вследствие этого в настоящее время в отечественной историографии отсутствует целостное представление об истории советской психологии.

2. Как показывают результаты рассмотрения истории советской психологии в широком историко-научном контексте (в ходе сравнительного анализа опубликованных в постсоветский период работ, посвященных советскому периоду в истории отдельных наук – биологии, генетики, археологии, лингвистики, исторической науки и др., а также истории советской науки в целом), изучение истории советской психологии в настоящее время

существенным образом отстает от уровня, уже достигнутого многими другими отечественными науками в изучении советского периода своей истории.

3. Изучение вышедших в России книг с биографиями и автобиографиями отечественных (главным образом советских) психологов свидетельствуют о том, что в этой области имеется множество «белых пятен», неупорядоченных и непроанализированных материалов и других нерешенных задач.

4. Результаты анализа зарубежной (периода 1930-1950-х гг.) историографии истории советской психологии свидетельствуют о том, что в этой области вследствие господствовавшей в советское время идеологизации накопился огромный массив до сих пор совершенно неизученных публикаций.

5. В общем и целом можно сделать вывод о том, что проблемы, в совокупности образующие проблемное поле современной отечественной историографии истории советской психологии, носят, *во-первых*, эмпирический характер, что прежде всего проявляется в отсутствии полноценной базы данных и целостного представления о советской психологии и ее истории; *во-вторых*, методологический характер (налицо недостаточная разработанность теоретико-методологического инструментария – подходов, концепций, принципов и методов, – необходимого для всестороннего изучения истории советской психологии); *в-третьих*, историографический характер (до сих пор слабо изучена не только зарубежная, но и отечественная историография истории советской психологии).

6. История советской психологии, которая бы в полной мере соответствовала современному уровню знаний, требований и возможностей, а также теоретико-методологической и историографической компетентности в этой области, еще не написана. Причиной тому является невероятная сложность самой задачи. Но, как показывает проведенный анализ, в настоящее время для решения этой задачи имеются все необходимые условия.

ГЛАВА 2. Конкретные источниковедческие и историографические проблемы изучения периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии

§ 1. О происхождении понятий «советская психология» и «марксистская психология»

Что такое советская психология? При поиске ответа на этот вопрос заслуживают внимания и осмысления сделанные в начале 2000-х гг. комментарии Ф.Е. Василюка к своей статье «К проблеме единства общей психологии» [198], опубликованной еще в советское время: «Для понимания этого документа нелишне сделать несколько замечаний о специфических языковых нюансах того времени, когда статья писалась. ... Для публикуемого текста важно прежде всего пояснить скрытый идеологический смысл общих эпитетов, характеризовавших развивающуюся в СССР психологию в целом. В научной литературе существовал целый синонимический ряд, выстроенный по шкале “фрондерство – идейная верность” (разумеется, подлинно оппозиционные характеристики, которые могли бы составить “левый” полюс шкалы, в официальную литературу не попадали). Нашу психологию в целом можно было определить как “марксистско-ленинскую”, и такое определение означало высокую степень идеологической преданности автора. Можно было назвать ее советской, и это означало либо простую государственно-географическую привязку (психология, развиваемая в Советском Союзе), либо выражение политической лояльности. Можно было сделать еще шажок в сторону идеологического фрондерства и ратовать за “марксистскую” психологию, скрыто противопоставляя кондовой, примитивной, цинично партийной “марксистско-ленинской”. Однако, чтобы необходимый смысловой нюанс был прочитан, желательно было сослаться при этом на ранние, “сомнительные” работы К. Маркса или – что действовало сильнее – на кого-нибудь из вольнодумных интерпретаторов марксизма, например, М.К. Мамардашвили. Систематическое употребление вместо этих слов определения “отечественная” психология говорило о том, что автор мечтает оказаться вовсе вне

идеологического контекста, но не мечтает при этом уехать из страны» [199, с. 231].

Как видим, Ф.Е. Василюк приводит различные актуальные для своего времени (для середины 1980-х гг.) трактовки понятия «советская психология», не обращаясь, однако, к корням и истокам. А что нам дает прямое обращение к прошлому, к корням, т.е. к истории и историографии вопроса?

Конкретное историко-психологическое изучение вопроса о том, что такое советская психология, было начато автором этих строк в 2006 г., когда в трех журнальных статьях – в «Вопросах психологии» [106], в «Психологическом журнале» [109] и в журнале «Методология и история психологии» [108] – вопрос о понятии «советская психология» был поставлен и проанализирован на материале советской и постсоветской историографии истории советской психологии. В дальнейшем (в 2007-2022 гг.) вопросу о советской психологии был посвящен еще целый ряд наших публикаций (см. [110], [115], [117], [122], [123], [127], [133], [136], [139], [140], [148], [150], [152], [156] и др.). В данном параграфе, подводя итоги своему многолетнему исследованию (в историческом ключе) проблемы советской психологии, мы рассматриваем ранее полученные результаты и выводы в контексте общей логики диссертационного исследования.

При обсуждении вопроса о советской психологии и ее истории уже в самом начале обнаруживается, что в отечественной психологической историографии нет заданного явным образом, ясно сформулированного определения понятия «советская психология». Нетрудно убедиться, что ни в одном словаре (российском, зарубежном, советского периода, постсоветском и самом современном) нет статьи «советская психология».

Максимум того, что можно найти по интересующему нас вопросу – это высказывания о советской психологии в статье «Материализм и идеализм в психологии» (написанной, судя по всему, М.Г. Ярошевским) в «Кратком психологическом словаре», где говорится о том, что «советская психология последовательно реализует философско-методологические принципы диалектического материализма» [402, с. 174]), а также в справочнике

«Психология. Словарь», где указывается, что «советская психология ориентирована на философско-методологические принципы диалектического материализма» [608, с. 204]).

Следовательно, с формальной точки зрения словарной статьи «Советская психология» не существовало и до сих пор не существует. Однако если подходить к этому вопросу с точки зрения содержания, то все не так однозначно. Когда А.Н. Леонтьев и М.Г. Ярошевский в середине 1970-х гг. в «Большой Советской Энциклопедии» определяли психологию как «науку о законах порождения и функционирования психического отражения индивидом объективной реальности в процессе деятельности человека и поведения животных» [451, с. 193], фактически это было определением не столько психологии в целом, «вообще», сколько советской психологии. Но чем же тогда можно объяснить факт парадоксального отсутствия специальной словарной статьи, посвященной советской психологии?

Во-первых, можно попытаться объяснить это тем, что «советская психология» – это понятие ненаучное, чисто идеологическое, лежащее за пределами психологии как науки. Во-вторых, можно выдвинуть тезис о том, что статьи «Советская психология» нет в силу того, что это всего лишь «психологическая наука в СССР». При ближайшем рассмотрении, как показывает анализ [150, с. 25-27], оба эти объяснения не выдерживают критики.

За ответом на вопрос о том, что под советской психологией понимали сами советские психологи, мы должны обратиться к истокам понятия «советская психология», т.е. к истории и историографии вопроса. Здесь мы сразу же наталкиваемся на понятие «марксистская психология».

Изучение первоисточников убеждает в том, что словарная статья «Марксистская психология» имеется только в двух отечественных словарях советских времен – в вышедшем в 1931 г. «Психологическом словаре» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского [195, с. 100], [196, с. 124-125] и в вышедшем в начале 1980-х гг. «Кратком словаре системы психологических понятий»

К.К. Платонова [581, с. 65], [582, с. 64]. Но даже и эти словарные статьи, как нетрудно убедиться, оказываются на удивление бессодержательными.

Так, в «Психологическом словаре» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского говорится буквально следующее: «*Марксистская психология* – особое направление в современной психологии, разрабатывающее проблемы этой науки с точки зрения учения К. Маркса и Фр. Энгельса, т.е. теории диалектического и исторического материализма. Марксистская психология основывается на следующих принципах: монизм, материализм, детерминизм, диалектика. Марксистская психология изучает человека как социальное существо. Идея марксистской психологии возникла в последнее десятилетие в разных местах; наибольшего развития она достигла в СССР (П. Блонский, А. Залкинд, К. Корнилов и др.); в Англии, Австрии, Германии и других странах попытки создания марксистской психологии также делались, но приводили часто к эклектическому соединению марксизма с чуждыми ему идеалистическими системами» [195, с. 100].

Дополнительные нюансы содержатся в работе Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», написанной в 1926 г., где Л.С. Выготский специально разъясняет: «Марксистская психология есть не школа среди школ, а единственная истинная психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть. И обратно: *все*, что было и есть в психологии истинно научного, входит в марксистскую психологию: это понятие шире, чем понятие школы или даже направления. Оно совпадает с понятием *научной* психологии вообще, где бы и кем бы она ни разрабатывалась» [215, с. 435]. Обратим внимание, что почти те же самые слова мы находим в статье Л.С. Выготского «Психологическая наука» (в СССР), вышедшей в 1928 г.: «Слова “марксистская психология” не означают особой какой-нибудь ветви психологии или особого направления в ней; слова эти означают научную психологию в целом, марксистская психология есть синоним научной психологии, и в этом смысле создание марксистской психологии есть

завершение длинного исторического процесса превращения психологии в естественную науку» [206, с. 39].

Так направление марксистская психология у Л.С. Выготского или же нечто совершенно иное – синоним «научной психологии в целом»? Похоже, никто из исследователей творчества Л.С. Выготского не обращал внимания на эти противоположные трактовки. В этом отношении весьма показательно, что А.Н. Леонтьев, уже в 1970-е гг. затрагивая вопрос о марксистской психологии, в соответствии с духом времени однозначно сместил акценты в сторону идеологизации: «Мы все понимали, что марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» [437, с. 5].

Еще более отчетливо свою позицию А.Н. Леонтьев обозначил в статье «Октябрь и психологическая наука» в 1977 г.: «Марксистская психология – это не особое направление среди других, а совершенно новый этап в развитии мировой психологии, который знаменует собой переход от предыстории этой науки к ее истории» [439, с. 9].

Налицо явные противоречия во взглядах на марксистскую психологию у самого Л.С. Выготского, а также между взглядами Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева: либо советская психология – это (всего лишь) одно из направлений в мировой психологии, либо это нечто другое, что-то более значимое и весомое (по Л.С. Выготскому – «синоним научной психологии вообще», по А.Н. Леонтьеву – «совершенно новый этап в развитии мировой психологии»). Взяв эту дилемму в качестве отправной точки исследования, обратимся непосредственно к первоисточникам.

В ходе изучения первоисточников мы достаточно быстро убеждаемся в том, что до революции 1917 г. и в первые послереволюционные годы понятие «марксистская психология» в работах отечественных авторов вообще не

использовалось. Оно просто отсутствовало как таковое, причем не только в отечественной, но и в зарубежной психологии. Тем не менее мы должны подчеркнуть, что уже в этот период в Советской России стали появляться публикации, в которых обсуждался вопрос о значении марксизма для психологии. Прежде всего мы имеем в виду работы П.П. Блонского «Реформа науки» [83] и «Очерк научной психологии» [84]. Укажем на ряд важных моментов в этих работах П.П. Блонского.

В «Реформе науки» П.П. Блонский отмечал: «Поведение человека есть результат двух факторов – географической среды и активности живого организма. При этом активность человека есть активность, как выше доказано, социальная. Наконец, с генетической точки зрения, сопоставляя деятельность человека с деятельностью других животных, мы можем характеризовать деятельность человека, как деятельность такого животного, которое пользуется орудиями. Человек есть homo technicus и homo socialis. Отсюда ясно, в чем видеть ключ к разгадке поведения человека. Этот ключ – техническая деятельность человеческого общества. Общественное производство является тем базисом, на котором основывается поведение человечества. Тем самым мы становимся на марксистскую точку зрения как на единственно научную. Речь идет лишь о том, чтобы обобщить эту точку зрения и считать ее правомерной не только в экономике, но и вообще в обществоведении, и не только в обществоведении, но и в психологии, а также в философии и вообще в науке. Марксизм до сих пор затемнялся противопоставлением экономики и социального бытия психике и сознанию. Поскольку мы устраняем последние понятия, постольку мы рассматриваем самый марксизм, как своеобразную социально-психологическую теорию. Выражаясь яснее и точнее, мы можем сказать, что, стоя только на точке зрения Маркса, мы можем понять и объяснить поведение человечества. Марксизм не только новая политическая экономия: он также новая действительно научная психология. Противопоставление марксизма психологии правильно лишь постольку, поскольку марксизм противопоставляется старой «теоретической» психологии с ее

индивидуалистическими тенденциями. Наука о поведении человека как homo technicus и socialis, может развиваться лишь на почве марксизма, который прекрасно показывает, как на основе общественного производства слагаются правовые отношения и политические организации и как эта основа осознается и чувствуется человечеством в его науке, религии и искусстве» [83, с. 31]. Коротко говоря, «научная психология ориентируется на марксизме» [83, с. 34].

Примечательно, что в этой работе П.П. Блонский говорит лишь о «единой социологической науке на техническом базисе» [83, с. 31] – о «марксистской социологии» (см. [83, с. 42, 43, 46]).

В вышедшем да год спустя (в 1921 г.) «Очерке научной психологии» [84] П.П. Блонский, развивая свои ранее высказанные мысли, во многих местах пишет о значении марксизма для психологии. Но выражение «марксистская психология» (и, тем более, «советская психология») и здесь не встречается. Та же ситуация обнаруживается и в еще одной важной работе П.П. Блонского тех лет – в статье «Психология как наука о поведении» [86], опубликованной в 1925 г., но хронологически и содержательно относящейся к 1923 году.

И только в предисловии к вышедшей в 1924 г. книге Л. Джемсона П.П. Блонский недвусмысленно говорит о марксистской психологии: «Открытия Гельмгольца, Павлова и даже Дарвина далеко не полностью объясняют все многообразие человеческого поведения и, прежде всего, не дают ключа к основной зависимости этого поведения – зависимости его от состояния производительных сил общества в данный момент. Это делает только марксизм, и только марксистская психология есть психология, действительно исчерпывающая свой предмет» [85, с. IX-X].

На следующей странице предисловия П.П. Блонский даже использует выражение «домарксистская психология» (см. [85, с. XI]) – очевидно, по аналогии с широко распространенными в то время выражениями «марксистская философия» и «домарксистская философия».

Но если исходить из хронологии событий, исходным пунктом (датой и местом «рождения») марксистской психологии как понятия и выражения мы

должны считать доклад К.Н. Корнилова на первом психоневрологическом съезде в январе 1923 г. [365], [366]. В этом докладе К.Н. Корнилов при обсуждении вопроса о значении марксизма для психологии счел нужным использовать характерный словесный оборот: как бы пробуя новое, еще не ставшее привычным выражение, он высказался не просто о марксистской, а о «марксистской, если можно так выразиться», психологии: «Марксистская психология, если можно так выразиться...» [366, с. 49].

После этого доклада выражение «марксистская психология» получило широкое распространение, прежде всего ассоциируясь с К.Н. Корниловым и его реактологией, а по отношению к сторонникам идеи марксистской психологии стало широко использоваться выражение «психолог-марксист».

А когда же появилось выражение «советская психология»? По этому вопросу мы должны констатировать, что на всем протяжении 1920-х гг. выражение «советская психология» не употреблялось вовсе. Действительно, если с этой точки зрения посмотреть две обзорно-юбилейные статьи – «Современное состояние психологии в СССР» К.Н. Корнилова [377] и «Психологическая наука» Л.С. Выготского [206], то нетрудно убедиться в том, что выражения «советская психология», «советские психологи», «советский психолог» в них вообще не встречаются.

В частности, при характеристике всей психологической науки в СССР К.Н. Корнилов помимо уточняющих эпитетов («общая», «детская», «субъективная», «объективная» и т.д.) использует понятия и выражения «психология в СССР» (в заголовке статьи), «наша психология» (наиболее часто встречающееся в статье выражение), «наша русская психология» [377, с. 199, 208], «русская психология» [377, с. 209], «марксистская психология» [377, с. 199] (наряду с эмпирической психологией и другими направлениями), «марксистская диалектическая психология» [377, с. 201], «психология у нас в СССР со времени Октябрьской революции» [377, с. 204], «материалистическая психология» [377, с. 206], «современная психология» [377, с. 212], «наша марксистская психология в Советском Союзе» [377, с. 215].

Свое понимание марксистской психологии, изложенное в ряде ранее вышедших статей, К.Н. Корнилов раскрывает, например, следующим образом: «Следует заметить, что все эти методологические статьи, имевшие своей задачей не только обоснование психологии с точки зрения марксизма, но и отмежевание этой марксистской психологии от других течений, главным образом эмпирической субъективной психологии, рефлексологии и механического материализма, вызывали иногда очень жаркую полемику» [377, с. 209].

Примерно те же выражения при описании психологической науки в СССР используются и в статье Л.С. Выготского: «русская психология» (по всему тексту статьи) [206, с. 28, 29 и др.], «современная русская психология» [206, с. 35], «наша психология», «психологическая наука в стране революции» [206, с. 25, 32], «психологическая наука в СССР» [206, с. 32, 40], «марксистская психология», «марксистская дисциплина» [206, с. 38], «новая психология» [206, с. 39], «материалистическая психология» [206, с. 40]. Характерно, что Л.С. Выготский даже пишет о «своеобразии русской психотехники» [206, с. 44], имея в виду, конечно, психотехнику не в дореволюционной России, а в СССР.

Особенно важны часто цитируемые слова Л.С. Выготского, в которых он раскрывает свое принципиальное понимание марксистской психологии (в начале параграфа мы уже приводили часть этой цитаты): «Надо иметь в виду, что марксистская психология есть историческое задание нашей эпохи, задание, которое может быть выполнено только совместными усилиями не одного поколения психологов, потому что слова “марксистская психология” не означают особой какой-нибудь ветви психологии или особого направления в ней; слова эти означают научную психологию в целом, марксистская психология есть синоним научной психологии, и в этом смысле создание марксистской психологии есть завершение длинного исторического процесса превращения психологии в естественную науку. Попытка построить психологию на основе диалектического материализма не является, в сущности, абсолютно новой. За границей такие попытки делались не раз, хотя и не с той серьезностью и не с тем размахом, которые отличают русскую попытку» [206, с. 39].

Подчеркнем, что в 1931 г., Л.С. Выготский и Б.Е. Варшава в «Психологическом словаре» дали несколько иное определение марксистской психологии [195, с. 100], [196, с. 124-125] (выше мы уже приводили это определение). Как нетрудно заметить, по своему содержанию определение Л.С. Выготского и Б.Е. Варшавы близко к тому, что писал о марксистской психологии К.Н. Корнилов в своей обзорной статье: марксистская психология – это одно из направлений.

И только в самом конце 1920-х – начале 1930-х гг. начинает происходить постепенная замена понятий: понятие «марксистская психология» употребляется все реже, и одновременно все чаще используется выражение «советская психология». Несомненно, данная трансформация явилась прямым следствием изменений в официальной государственной политике (изменений «политической моды») в сфере науки, философии, культуры и идеологии в целом. Однако следует понимать, что этот факт «смены вывески» отражал и вполне определенные изменения в самом понятии «советская психология» на уровне содержания. В этом плане показательно, что в начале 1930-х гг. предпринималась попытка ввести понятие «марксистско-ленинская психология», что хорошо видно, например, в статье Б.Г. Ананьева «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии» [25] и в резолюции по итогам реактологической дискуссии [328]. В частности, Б.Г. Ананьевым настойчиво проводится мысль о необходимости «марксистско-ленинского перевооружения психологии» [25, с. 343], о «борьбе за марксистско-ленинскую психологию» [25, с. 338], за «марксистско-ленинскую теорию в психологии» [25, с. 343] и т.п. наряду с этим в статье часто используется выражение «советская психология», причем советская психология рассматривается как антитеза психологии буржуазной.

Точно также во многих местах выражение «марксистско-ленинская психология» используется в резолюции «Итоги дискуссии по реактологической психологии»: «Перед всеми психологами-марксистами надо поставить задачу усиления борьбы за марксистско-ленинскую психологию» [328, с. 2] … «Борьба

на два фронта за марксистско-ленинскую психологию…» [328, с. 6] … «Необходимо неуклонно развивать дальнейшие разоблачения всех псевдомарксистских направлений в области психологии, бороться за марксистско-ленинскую психологию» [328, с. 6]. Однако выражение «советская психология» в резолюции встречается всего один раз (см. 328, с. 2]).

Не менее показательно, что в двух сборниках, вышедших в 1929 и 1930 гг. и содержащих материалы рефлексологической дискуссии, определение «советский» встречается всего два раза, причем безотносительно к психологии: «Наука нигде не окружалась той любовью и сотрудничеством со стороны общественности, нигде так ярко не обнаружила свою коллективистически-трудовую природу, как в советском союзе [так в тексте. – *С.Б.*], в стране, воплощающей в мыслях и делах диалектический материализм» [625, с. 4]; «Буржуазно-индивидуалистическому стилю научной работы нет места в условиях советской действительности» [626, с. 116].

О марксистской психологии К.Н. Корнилова, сближаемой или даже отождествляемой с его реактологией, в этих сборниках говорится исключительно в кавычках (см., например, [625, с. 50], [626, с. 30, 42, 73, 79]). Тем самым подчеркивается, что на самом деле реактология К.Н. Корнилова марксистской психологией считаться не может. Вместе с тем в обоих сборниках определение «марксистско-ленинская» используется всего два раза, причем в самом последнем абзаце второго сборника, где в тезисах И.Ф. Куразова говорится о необходимости идти «под знаменем марксистско-ленинского миропонимания» [626, с. 116].

Данные трансформации происходили, очевидно, вследствие того, что на уровне партийно-государственной идеологии на смену исходному понятию «марксизм» в начале 1930-х гг. пришло понятие «марксизм-ленинизм», в то время как выражение «советская психология» («советская наука», «советские ученые» и т.п.) еще только обретало права гражданства.

Л.М. Шварц в относящейся к 1931 г. словарной статье «Психология» в «Малой Советской Энциклопедии» также не использует выражение «советская

психология», хотя, судя по названию энциклопедии, эпитет «советская» в то время уже использовался – как прилагательное от аббревиатуры «СССР». Но Л.М. Шварц говорит только о «марксистской психологии» и «психологической науке в СССР»: «В СССР психологи работают над созданием марксистской психологии, в основу которой положены принципы *диалектического материализма*» [863, стлб. 23-24].

Из собственно психологических словарей в то время – в начале 1930-х гг. – вышел только один: это «Психологический словарь» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского. Но именно в нем есть уже цитированная выше статья «Марксистская психология» [195, с. 100], в то время как словосочетание «советская психология» отсутствует вовсе.

Что характерно, в относящейся уже к 1933 г. словарной статье Б.Г. Ананьева [26] помимо выражений «психология в СССР», «подлинно материалистическая психология», «марксистская психология» уже используется выражение «советская психология», но сугубо в собирательном значении – как синоним выражения «психология в СССР», о чем красноречиво свидетельствуют следующие рассуждения Б.Г. Ананьева: «До 1923-24 гг. (I и II Психоневрологические съезды) в советской психологии не было существенных перемен: в Москве работала группа Г.И. Челпанова, в Ленинграде – школа В.М. Бехтерева (А.Л. Шнирман, Н.М. Щелованов, В.Н. Мясищев, В.Н. Осипова, Г.Н. Сорохтин) и последователи И.П. Павлова в психологии (А.Г. Иванов-Смоленский, А.К. Ленц, В.В. Савич), психологическая группа М.Я. Басова, развернувшие критику идеалистической эмпирической психологии с механистических позиций» [26, стлб. 785].

Не менее интересна и другая цитата из этой же работы Б.Г. Ананьева: «Задачи марксистской психологии извращались неправильным решением психофизической проблемы, вульгарным пониманием социальной сущности психологии человека, механистической концепцией развития. Такая психология не соответствовала задачам советской психологии, реконструировавшейся на марксистско-ленинских основах, как это вскрыла психологическая дискуссия в

1930-1931 гг. Были также отдельные авторы, пытавшиеся построить советскую психологию лишь с помощью западных течений (П.П. Блонский, В.М. Боровский, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, В.А. Артемов, И.Н. Шпильрейн), что объективно служило пропаганде буржуазной психологии. Некритическое усвоение буржуазной психологии помогало проникать в советскую психологию классово-враждебным влияниям» [26, стлб. 785-786].

Обратим внимание в этих словах Б.Г. Ананьева на фактический отказ от понятия «марксистская психология» и, по-видимому, вообще от эпитета «марксистский» (речь идет не о марксистских, а о марксистско-ленинских основах), а также на использование понятия «буржуазная психология» в качестве противоположного понятию «советская психология».

В таком же ключе словосочетания «советская психология» и «марксистская психология» используются в вышедшей в 1933 г. статье А.Р. Лурия «Пути советской психологии за 15 лет», где отмечается: «Первые упорные бои, которые пришлось выдержать работникам советской психологии еще в 1922-1923 гг., были боями против представителей старого дореволюционного идеализма, фактически державших в руках всю психологическую науку» [463, с. 26-27]. «К эпохе 1922-1925 гг. искания передовых советских психологов представляли далеко неоднородную картину. В борьбе против идеализма школьной психологии объединились течения, стоявшие на позициях “объективного” изучения человеческого поведения, теории, пытавшиеся дать “марксистское” истолкование учениям психоанализа и, наконец, системы, искавшие выхода в объединении учений старой эмпирической психологии с положениями новой физиологической науки. ... К.Н. Корнилов выдвинул лозунг того учения, которое он назвал “марксистской психологией”, и которое должно было встать на место прежней, оставленной позади, идеалистической теории. Примкнув в основном к тому течению марксистской философии, которое возглавлялось Дебориным, это течение выставило ряд положений, чрезвычайно характерных для философии меньшевиствующего идеализма. Основная мысль, которая руководила К.Н. Корниловым во всей его работе, была мысль о том, что марксистская

психология создается путем синтеза субъективной эмпирической психологии и достижений объективной физиологической школы» [463, с. 29-30].

Далее в статье А.Р. Лурия, как и у Б.Г. Ананьева [26], описывается «борьба за подлинную диалектико-материалистическую науку», причем марксистская психология (реактология) К.Н. Корнилова особенно критикуется за ее «неисторичность» и непрактичность (см. [463, с. 30-31]). Отмечается, что благодаря «дискуссии по психологии, проведенной в Московском психологическом институте в 1930-31 г.» [463, с. 33] немарксистская сущность “марксистской психологии” была разоблачена (см. [463, с. 31]) и «процессы исторического формирования психики человека перестали после этого быть частными проблемами в ряду других проблем психики и стали основной позицией, отличавшей советскую психологию от всех, даже передовых, школ буржуазного Запада» [463, с. 33-34].

Работой, в которой словосочетание «советская психология» используется как привычное, общепринятое и господствующее, стало вышедшее в 1935 г. учебное пособие С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» [645], где даже имеется отдельный параграф «Советская психология» [645, с. 35-37]. В частности, в предисловии С.Л. Рубинштейн пишет: «Настоящая книга представляет собой попытку дать целостную систему психологии, охватывающую основной экспериментальный материал и проникнутую единством методологической концепции. Осуществление этого замысла является лишь первым шагом на том пути, на который советская психология только вступает» [645, с. 6].

Приведем еще несколько характерных цитат из этой работы: «Методологические основы современной зарубежной психологии требуют, очевидно, радикальной критики, а все резче обнаруживающиеся в ней фашистские тенденции – заостренной борьбы. Огромный фактический материал, добытый экспериментальным исследованием за последние десятилетия, должен быть переработан советской психологией на основах нашей методологии» [645, с. 35]; «История советской психологии, осложненная наследием прошлого и

отчасти связанными с ними перипетиями своего развития в послеоктябрьский период, теперь лишь подходит к разрешению больших стоящих перед ней задач» [645, с. 35]; «Большой заслугой Корнилова перед историей советской психологии...»; «Вокруг Корнилова объединилась группа советских психологов...»; «Крупное место в советской психологии принадлежит Выготскому...» [645, с. 36]; «Перед советской психологией стоит в настоящее время большая и ответственная задача: освоив весь добытый в предшествующем развитии психологической науки материал, реализовать в психологии марксистско-ленинскую методологию с тем, чтобы на этой новой основе разворачивать экспериментальное исследование, направленное на разработку основных теоретических проблем психологии и на разрешение важнейших вопросов, которые ставит перед психологией практика социалистического строительства» [645, с. 37].

В этом контексте следует обратить внимание на важность различения понятий «советская психология» (как синоним выражения «психология в СССР») и «система советской психологии». Из анализа С.Л. Рубинштейна в «Основах общей психологии» [650] следует, что к середине 1930-х гг. (причем, заметим, до постановления о педологии в 1936 г.) все имевшиеся школы, течения, направления и теории были так или иначе свернуты, ликвидированы (фактически запрещены). Советская психология осталась, но не как система. Поэтому С.Л. Рубинштейн ставил вопрос о создании советской психологии именно как системы – «системы советской психологии».

Из всего вышесказанного следует, что выражение «советская психология» (и связанные с ним выражения «советская психотехника», «советская педология», «советские психологи» и т.п.) появляется в СССР в различных публикациях только в начале 1930-х гг., и появляется оно как описывающее всю психологическую науку в СССР – наряду с выражениями «советская педагогика», «советская физика» и т.п., производными от выражения «советская наука». В таком случае содержательные моменты должны отойти на второй план, ибо советской признается вся психологическая наука в СССР.

И если бы такое (деидеологизированное, «географическое») понимание советской психологии стало господствующим и единственным, то это означало бы прекращение бескомпромиссной борьбы внутри всей психологической науки в СССР, прекращение той боевой («воинствующей») тенденции, которая шла от марксистской психологии.

Очевидно, именно поэтому С.Л. Рубинштейн говорил о необходимости создания не (просто) «советской психологии», а «системы советской психологии». Впрочем, не следует забывать и о том, что К.Н. Корнилов в середине 1920-х гг. использовал выражение не только «марксистская психология», но и «система марксистской психологии».

Можно по-разному относиться к психологии в СССР сразу после революции и в 1920-е годы, но психология в СССР (т.е. советская психология в широком, «географическом» смысле) до появления лозунга о необходимости построения марксистской психологии все же *была*. Отбрасывая прежние наработки и достижения в области марксистской психологии, накопленные на протяжении 1920-х г. (теории К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского и др.), тем не менее кое-что существенное разработчики советской психологии от нее все же взяли в тридцатые годы – а именно, лозунг о том, что психология должна строиться на марксизме (вытекать из марксизма, соответствовать марксизму) остался прежним. Только радикально изменилось само представление о том, что такое марксизм: стали говорить сначала о ленинском (фактически – сталинском) этапе марксистской философии, а затем о «марксизме-ленинизме» (опять же – в сталинской трактовке).

Эта смена терминологии не могла не повлиять на тот смысл, который советские психологи вкладывали в выражения «марксистская психология» и «советская психология» в 1920-1930-е гг. и в последующие десятилетия.

Замена широко использовавшегося на протяжении 1920-х гг. понятия «марксистская психология» на понятие «советская психология» произошла в начале 1930-х годов. Переломным моментом здесь стала состоявшаяся в 1931 г. реактологическая дискуссия, по итогам которой произошла фактическая

ликвидация марксистской психологии (реактологии) К.Н. Корнилова. Поэтому можно утверждать, что произошедший в начале 1930-х гг. отказ от понятия «марксистская психология» знаменовал собой не только смену терминологии (в соответствии с изменившейся «идеологической модой») и появление новых значимых фигур, но и выход процесса становления советской психологии на новый этап своего развития. В середине 1930-х гг. это выразилось, по С.Л. Рубинштейну, в необходимости построения «системы советской психологии».

Этот происходивший в первой половине 1930-х гг. принципиальный переход с понятия «марксистская психология» на понятие «советская психология» в нашей историографии остался, как это ни странно, фактически незамеченным, хотя по своему историческому значению этот переход содержательно не менее важен, чем состоявшийся в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. резкий и решительный отказ от новой экономической политики и переход к построению социализма в его сталинской версии.

Подведем итоги нашему экскурсу в историю. Изучение вопроса о происхождении понятия «советская психология» убеждает в том, что только непосредственное, изначально деидеологизированное обращение к конкретной исторической эмпирии, к реальным историческим фактам (событиям, публикациям и т.д.) позволяет получить исчерпывающие ответы на самые принципиальные вопросы – относительно сущности, содержания и закономерностей развития советской психологии, в данном случае – существенно прояснить вопрос о происхождения понятий «советская психология» и «марксистская психология». И дело здесь, с нашей точки зрения, не столько в труднодоступности фактов или несовершенстве используемых приемов историко-научной реконструкции, сколько в адекватных исследовательских принципах, т.е. в методологии исследования, в самом подходе, в самой исследовательской концепции.

Другими словами, для историка психологии проблема изучения истории советской психологии в настоящее время является проблемой не только

эмпирической (выражающейся в наличии «белых пятен», труднодоступности первоисточников и т.п.), но и проблемой методологической, носящей принципиальный характер, концептуальной – требующей выхода и на концепции, и на концепты.

Наша позиция в вопросе о содержании понятия «советская психология» состоит в том, что «советскую психологию» следует рассматривать как многозначное понятие, содержательно и хронологически соотносящееся с близкими по смыслу понятиями «психологическая наука в СССР» и «марксистская психология».

Целенаправленное изучение (начиная с 2006 г.) первоисточников и историографических источников позволило нам обнаружить три основные трактовки понятия «советская психология». Как показало изучение историографии вопроса, в настоящее время, говоря о советской психологии, фактически используются (по отдельности или, в худшем случае, в смешанном виде, эклектически) три различные трактовки советской психологии, которые отражают ту или иную степень идеологизации (идеологизированности) и научности данного понятия.

Советскую психологию можно трактовать, во-первых, как чисто идеологическое понятие («особая, марксистская наука»); во-вторых, в широком смысле (как предельно широкое, идеологически нейтральное, собирательное понятие – «вся психологическая наука в СССР»); в-третьих, в узком, собственно научном смысле – как вполне определенное научное направление. Поясним, что здесь имеется в виду в каждом конкретном случае.

1. *Трактовка советской психологии как идеологического понятия* означает, что советская психология является разновидностью более общего идеологического понятия «советская наука». С этой точки зрения советская психология – это по своему происхождению, развитию и функционированию наука особая (марксистская, партийная, единая, воинствующая, передовая), являющаяся частью партийно-государственной идеологической «машины», порожденная этой «машиной» и не способная существовать без нее и вне ее

(подробно об этом см. [106], [117], [122]). В этом случае такие идущие с дореволюционных времен теории, как рефлексология В.М. Бехтерева или эмпирическая психология Г.И. Челпанова, советской (марксистской) психологией считаться не могут. Кроме того, важно подчеркнуть, что советская психология как особая наука – это не столько реальная психология «здесь и сейчас», сколько психология, какой она должна быть (материалистической, диалектической, передовой и т.д.), то есть психология как идеологически обусловленный замысел, программа, проект.

2. *Трактовка советской психологии в широком научном смысле* – как собирательного, максимально деидеологизированного (идеологически нейтрального) понятия, обозначающего всю психологическую науку в СССР.

«Советская психология» в широком научном смысле – это собирательное, деидеологизированное понятие, обозначающее всю психологическую науку в СССР (синонимы: «психология в СССР», «психологическая наука в СССР», «советская психологическая наука», «психологическая наука советского периода», «психология в Советской России» и т.п.). Это идеологически нейтральное, собирательное понятие, с помощью которого обозначается вся психологическая наука в географических и хронологических рамках существования СССР (1922-1991). Сюда же обычно включается и период с 1917 г. по 1922 г. (от Октябрьской революции 1917 г. до образования СССР в 1922 г.), когда образовавшееся на месте царской России государство называлось «Советская Россия» (РСФСР). С этой точки зрения разрабатываемая в 1920-е гг. рефлексология В.М. Бехтерева или традиционная эмпирическая психология, которую отстаивал в те же 1920-е гг. Г.И. Челпанов, должны квалифицироваться как составные части советской психологии независимо от наличия или отсутствия в них марксистской ориентации, идеологической лояльности, партийной принадлежности, материалистичности, диалектичности и т.п.

3. *Трактовка советской психологии в узком (собственно научном, содержательном) смысле* – как составной части всей психологической науки (мировой психологии, психологической науки в целом).

В соответствии с развиваемым в нашем исследовании подходом советская психология трактуется как определенное научное направление, возникшее в СССР в период 1920-1930-х гг. Содержательно советская психология при этом определяется как наука о психике («психической деятельности», «психическом отражении»). Кроме того, с позиций развиваемого в нашем исследовании подхода марксистская психология, представленная в работах отечественных психологов 1920-х гг. как «марксистская наука о поведении человека и животных», рассматривается в качестве начальной формы, первой ступени развития советской психологии как определенного научного направления.

К факту различения трех основных трактовок понятия «советская психология» необходимо сделать два важных добавления, касающихся соотнесения этих трактовок между собой.

Во-первых, различение советской психологии как понятия научного и советской психологии как понятия идеологического означает, что мы не должны принимать за «истину в последней инстанции» все то, что писали в советский период о советской психологии как об особой науке С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Б.Г. Ананьев и другие советские психологи. Учитывая различные трактовки советской психологии, мы должны в ходе критического осмысления источников извлекать из идеологизированных текстов советских времен собственно научное содержание, чтобы в итоге дать характеристику советской психологии как определенного научного феномена (научного направления, научной теории, концепции и т.п.). При этом мы должны понимать, что даже абсолютная свобода от идеологического давления еще не является гарантией полноты отображения.

С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия в 1940-1941 гг. даже при самых идеальных условиях (полная свобода от идеологии, доступ к источникам) вряд ли могли бы располагать всей полнотой сведений о советской психологии в тот момент. С высоты нашего времени мы видим, вглядываясь в прошлое, не только больше, но и глубже, чем наши предшественники. Но фактически у творцов советской психологии дело, конечно, прежде всего

осложнялось идеологическими, партийными рамками и запретами. Поэтому мы должны как можно более ясно осознавать свои методы работы и с первоисточниками, и с историографией, не впадая при этом в крайности – либо полностью доверяясь первоисточникам, либо отбрасывая их с порога.

Во-вторых, проблема работы с источниками советских времен во многих случаях заключается в том, что авторы, работающие в русле концепции советской психологии как идеологической или идеологизированной науки, зачастую в своих текстах все указанные нами выше три трактовки используют одновременно, тем самым еще больше запутывая дело и усложняя понимание советской психологии как объекта исследования: когда, например, говорят о том, что будет изучаться «советская психология 1920-1930-х гг.», то имеется в виду вся психологическая наука в СССР или же только марксистская психология? Остается только по контексту догадываться, о каком понимании советской психологии идет речь.

Так, в выражении «советская психология 1920-1930-х гг.» обычно подразумевается *вся* психологическая наука в СССР в этот период. Поэтому неудивительно, что в параграфе с таким названием речь может идти не только о марксистской психологии, но и о рефлексологии, школе Г.И. Челпанова, психоанализе и т.д.

Напротив, в словах о том, что «в 1920-1930-е гг. происходило становление новой, советской психологии» имеется в виду, конечно, советская (марксистская) психология как отдельное, особое направление.

Когда же речь заходит о советской психологии вообще, о том, что советская психология «ориентируется на принципы диалектического материализма», что это «новый этап» и т.п., чаще всего имеется в виду чисто идеологическое понимание советской психологии; последнее видно и потому, что говорится не столько о том, что из себя реально представляет советская психология в тот или иной момент или период своего развития, сколько о том, какой она *должна быть* в соответствии с априорно («сверху») заданными оценочными критериями и

требованиями – в конечном итоге требованиями партийными, идеологическими, вненаучными.

Неразличение трех указанных трактовок советской психологии – идеологической («советская наука»), широкой научной («собирательное понятие») и узко научной (собственно научное понятие и явление) – неизбежно приводит к путанице, затрудняя процесс исследования истории советской психологии на всех уровнях (категориальном, терминологическом, конкретно-эмпирическом).

Думается, именно с этих позиций – отчетливо понимая, какой именно смысл в каждом конкретном случае вкладывается в понятие «советская психология» – следует в настоящее время подходить к истории советской психологии и теоретическому наследию советских времен. Без точного определения содержания понятия «советская психология» все рассуждения о советской психологии и истории советской психологии являются, с нашей точки зрения, в лучшем случае требующими доказательства гипотезами, то есть формулировками и определениями, фактически обозначающими собой не завершение, а, напротив, только начало научного исследования.

§ 2. О научных направлениях и научных школах в отечественной психологической науке 1920-1930-х гг.

Еще один большой и важный вопрос, с которым мы сталкиваемся при изучении начального периода истории советской психологии – это вопрос о структуре психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. Данный вопрос исходно может быть сформулирован следующим образом: из каких элементов (частей, блоков) состояла психологическая наука в СССР в период 1920-1930-х гг.? Впрочем, вслед за этим вопросом неизбежно встают и другие вопросы – о том, как эти элементы развивались и функционировали (какова была их судьба), как они взаимодействовали друг с другом и что получилось в итоге.

При рассмотрении этих вопросов в качестве изначальной «единицы анализа» можно брать самые различные элементы – направления, школы,

течения, подходы, теории, отрасли, учреждения и т.д. В данном случае мы начинаем историографическое исследование вопроса о структуре психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. , идя «сверху», то есть от наиболее крупных элементов – научных направлений и входящих в них научных школ, и наша исходная констатация состоит в том, что в отечественной психологической историографии традиционно различают три основных направления, образующих русскую дореволюционную психологическую науку – психологию философскую (умозрительную, метафизическую), эмпирическую и естественнонаучную.

Данная классификация впервые была предложена А.В. Петровским в самом начале 1960-х гг. в работе «Об основных направлениях в русской психологии начала XX века» [563].

Описывая психологию в России в начале XX века, А.В. Петровский отмечал: «В этот период оформляются и реально противостоят друг другу три основных направления в психологии, которые в свою очередь подразделяются на многочисленные школы. Эти направления могут быть обозначены следующим образом: философская умозрительная (метафизическая) психология, естественнонаучная психология и эмпирическая психология» [563, с. 365].

О том, насколько предлагаемая классификация была в то время новой и по формулировке, и по существу, можно судить по сделанному самим А.В. Петровским примечанию к этим словам: «Предлагая эти условные обозначения, автор отдает себе отчет в том, что они лишь приблизительно соответствуют характерным чертам рассматриваемых направлений и не могут претендовать на законченность» [563, с. 365, прим.].

Тем не менее предложенная А.В. Петровским классификация (см. также его последующие работы: [565], [568], [569] и др.), вскоре прочно утвердилась в отечественной историографии и практически без изменений (лишь с небольшими терминологическими вариациями) продолжает использоваться и в настоящее время (см. [596, с. 19], [275, с. 12], [282] и др.).

В данном случае нас интересует, как сложилась судьба этих направлений в период 1920-1930-х гг. Кроме того, не менее важно выяснить, как мы должны в настоящее время относиться не только с содержательной, фактической, но и с формальной (терминологической) точки зрения к традиционной классификации основных направлений, существовавших в отечественной психологической науке в дореволюционные годы и в первые годы после революции. Для ответа на эти вопросы мы обратились к историографии завершающего этапа одного из этих направлений – отечественной субъективной психологии

С целью получения сведений о том, как представлена в современной отечественной историографии российская субъективная психология 1920-х гг., были проанализированы наиболее информативные с этой точки зрения работы по истории психологии, вышедшие в России в постсоветский период (за последние тридцать лет): монографии «История и теория психологии» А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [578], «Психологическая наука в России XX столетия» [596] и «Психология в России: XX век» А.В. Петровского [574], учебники «История психологии» А.Н. Ждан [278], [280], [282] и Т.Д. Марцинковской [483], С.А. Векиловой и С.А. Безгодовой [200], Г.Л. Ильина [316], В.В. Константинова [363], а также учебные пособия по истории психологии Б.Н. Рыжова [682], С.В. Сарычева и И.Н. Логвинова [686], [687] и М.Г. Ярошевского [910].

В ходе историографического анализа выяснялись содержащиеся в каждой из работ наиболее существенные (выраженные в явной форме или заданные косвенным образом, только подразумеваемые) элементы характеристики отечественной субъективной психологии 1920-х гг.: ключевые фигуры, события и идеи, обобщенные оценки содержания, механизмов и итогов развития всего направления, базисное понятие субъективной психологии, а также близкие к нему или полностью совпадающие с ним по смыслу формулировки и определения психологии «эмпирическая», «интроспективная», «идеалистическая», «ассоциативная» и т.д.). Выяснение этих вопросов позволило понять, с каким исходным представлением авторы рассматриваемых

работ подходили к отечественной субъективной психологии 1920-х гг., в каком методологическом ключе, социокультурном и историко-научном контексте ее рассматривали, как в итоге излагали и оценивали.

Оценивая результаты проведенного историографического анализа (подробности содержатся в наших указанных выше работах), прежде всего следует констатировать, что в современной отечественной психологической историографии отсутствуют специальные работы, в которых история советской психологии выступала бы в качестве самостоятельного объекта исследования.

В постсоветских и самых современных работах мы уже не найдем присущих советской историографии черт: во-первых, дихотомического деления всей психологии на марксистскую и немарксистскую (советскую и несоветскую, диалектическую и механистическую, пролетарскую и буржуазную и т.п.); во-вторых, рассмотрения всей истории психологии в СССР как медленного и непростого, но неуклонного, единственно правильного и неизбежного продвижения к новой – советской, марксистской психологии; в-третьих, оценки всех (старых и новых, отечественных и зарубежных) взглядов, теорий, идей, подходов и направлений в психологии исключительно с точки зрения их близости к искомому идеалу – марксистской (марксистско-ленинской, диалектико-материалистической и т.п.) психологии.

Но в постсоветских и современных работах мы найдем прежнее, как и в работах советского периода, отношение к заключительному периоду субъективной психологии в России как к не заслуживающему вниманию объекту. При всем своеобразии рассмотренных работ общая схема изложения 1920-х гг. в них одна и та же. В основе ее лежит утверждение об отсутствии в России в этот период субъективной психологии: в 1920-е гг. субъективной психологии в России не стало. Свое непосредственное выражение данный постулат находит в четырех тезисах: в соответствии с общепринятыми в отечественной историографии воззрениями утверждается, что отечественная субъективная психология уже к началу 1920-х гг. исчезла (1) мгновенно,

(2) полностью и (3) бесследно, причем этот процесс был (4) естественным и закономерным. Обозначим эти тезисы более конкретно.

1. В соответствии с тезисом о *мгновенном* исчезновении субъективной психологии в России утверждается, что российская субъективная психология исчезла быстро, без какой-либо борьбы и сопротивления, и уже к началу 1920-х гг. ее уже не было. Все современные авторы при описании психологии в России (СССР) в первой четверти XX века исходят из того, что до 1920-х гг. (в первые два десятилетия XX века, до 1917 г.) субъективная психология в России была, но в 1920-е гг. (а именно, уже к началу 1920-х гг.) ее уже не было (не стало), и все произошло настолько быстро (можно сказать, мгновенно), что не приходится даже говорить о необходимости изучения процесса исчезновения, так как процесса как такового не было.

2. В соответствии с тезисом о *полном* исчезновении субъективной психологии в России утверждается, что субъективная психология исчезла не только очень быстро, но и целиком и полностью. С этой точки зрения постановка вопроса об «отечественной субъективной психологии 1920-х гг.» является неадекватной, так как вести речь, собственно говоря, не о чем. Как следствие, все внимание современных исследователей сосредотачивается на характеристике новых направлений, тем и проблем в отечественной психологии 1920-х гг. – на теме марксизма, концепции Л.С. Выготского, событиях в советском психоанализе, советской психотехнике и педологии, судьбе рефлексологии и т.д.

3. В соответствии с тезисом о *бесследном* исчезновении субъективной психологии в России признается факт не только быстрого и полного, но и бесследного исчезновения российской субъективной психологии: она исчезла полностью, не оставив следов, не оставив «потомства». Современные исследователи не видят никаких оснований говорить о ее последователях и продолжателях, значении для последующих этапов, о том, что она в той или иной мере явилась базой, фундаментом, точкой отсчета для последующих теорий, что в отношении к ней была преемственность, было сохранение определенной традиции, что некоторые важные позитивные идеи после нее остались, были

продолжены и развиты и т.д. – ничего этого, согласно современным воззрениям, не было. Из трех указанных тезисов логически вытекает четвертый, обобщающий тезис.

4. В соответствии с тезисом о *закономерном* исчезновении субъективной психологии в России признается факт по сути своей оправданного – естественного, закономерного и неизбежного – исчезновения российской субъективной психологии: она исчезла, потому что была старой, реакционной, отсталой, непродуктивной, потому что она зашла в тупик, не отвечала духу времени и требованиям эпохи, оказалась беспомощной, невостребованной, непоследовательной и т.п. Современными исследователями подчеркивается, что субъективная психология в силу имеющихся у нее существенных недостатков (будучи психологией умозрительной, непрактичной, отжившей свой век) не играла какой-либо значимой роли в генезисе новых теорий, не стала для них исходным фундаментом, строительной площадкой или составной частью. Субъективная психология вследствие своей объективной непригодности должна была быть отброшена полностью. И она была отброшена.

Необходимость объяснения того, что все современные авторы при изложении событий исходят из постулата об отсутствии в отечественной психологической науке 1920-х годов субъективного (идеалистического) направления как такового, заставляет выдвинуть исследовательскую дилемму: либо нам следует согласиться с тем, что субъективное направление на самом деле исчезло (уже к началу 1920-х гг. или даже раньше), и тогда говорить действительно не о чем – либо, напротив, следует признать, что субъективная психология исчезла значительно позже, но в нашей историографической традиции в силу каких-то причин об этом умалчивается.

С нашей точки зрения, в этом вопросе необходимо отделить социальную (политическую) историю науки (политика государства в области науки, репрессии, цензура, общественная атмосфера и т.п.) от интеллектуальной истории науки, когда решающими детерминантами и условиями развития и

функционирования науки выступают знания, идеи и связанные с ними теории, открытия, методологические принципы, традиции и т.п.

В рамках интеллектуальной истории судьба субъективной психологии в России в 1920-е гг. нам представляется стержнем (центром, ядром, сущностным показателем) того, что происходило в отечественной психологии 1920-х гг. в целом. И если не знать и не понимать того, что произошло с субъективной психологией (пусть даже при этом знать и понимать все остальное), то это означает не знать и понимать самого главного, сути и, следовательно, не видеть всей картины 1920-х гг., не понимать ее смысла и значения в целом, в совокупности всех ее составляющих. А это означает – не видеть и не понимать значения периода 1920-х гг. для последующего развития отечественной психологической науки.

В связи с этим наш центральный тезис состоит в том, что отечественная субъективная психология к началу 1920-х гг. (на рубеже 1910-х и 1920-х гг.) и в 1920-е гг. *не исчезла* мгновенно, полностью, бесследно и закономерно. Напротив, 1920-е гг. представляют собой период, в течение которого субъективная психология, отстаивая свое право на существование и дальнейшее развитие, функционировала, боролась и сопротивлялась. Датой ее исчезновения следует считать не начало 1920-х гг., а начало 1930-х гг. Кроме того, исчезновение субъективной психологии не было бесследным. Да, сама субъективная (идеалистическая) психология как социальный институт «сошла со сцены», но ее идеи, принципы, наработки и достижения остались и вошли в той или иной форме в новые теории и направления, возникавшие в 1920-е, 1930-е гг. и последующие десятилетия. И хотя историческое время субъективной психологии в России, как и в других странах, в 1920-1930-е гг. объективно уже истекало (что было одним из проявлений мирового методологического кризиса в психологической науке), то, как это происходило в советских условиях, нельзя назвать процессом естественным, закономерным и оправданным.

Примечательно, что в монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» при описании истории религиозно-

философской (духовной) психологии в России подчеркивается, что духовная психология была направлением «поступательно развивающимся и перспективным», но «после победы Октябрьской революции духовная психология в России прекращает официально свое существование» [596, с. 45].

Эта емкая формулировка (особенно если учесть, что «официально» далеко не всегда означает «на самом деле») с полным основанием может быть отнесена ко всей российской субъективной психологии. В 1920-е гг. многим отечественным психологам, сформировавшимся еще в дореволюционный период, было что сказать по прикладным, теоретическим и философским вопросам психологии, но обстоятельства не способствовали этому: вся традиционная субъективная психология с начала 1920-х гг. оказалась под запретом и прекратила свое «официальное существование»

Не менее показательно, что есть большая исследовательская работа М.Г. Ярошевского «Наука о поведении: русский путь» [911], специально посвященная истории российской науки о поведении (науки объективной, материалистической – в лице И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и др.). В этой работе М.Г. Ярошевский подчеркивает: «Если Германия дала миру учение о физико-химических основах жизни, Англия – о законах эволюции, Франция – о гомеостазе, то Россия – о поведении» [911, с. 29]. Но аналогичная работа по судьбе психологии субъективной, идеалистической отсутствует – по-видимому, потому, что подразумевается, что *в рамках субъективного направления* никакой самобытности, никакого особого «русского пути» не было.

Однако на самом деле субъективная психология в России, повторим, не исчезла мгновенно, полностью и бесследно в самом начале 1920-х гг., а продолжала существовать и бороться, *на всем протяжении 1920-х гг.* отстаивая свое право на существование и дальнейшее развитие. Поставленные в невыносимые условия, психологи-идеалисты в конечном итоге были вынуждены замолчать. Один за одним они переставали публиковаться, изменяли свои взгляды, переходили в другой лагерь или вообще уходили из психологии. Вышедшая в 1927 г. брошюра Г.И. Челпанова «Спинозизм и материализм» [858],

последние работы 1929-1931 гг. В.А. Вагнера, А.П. Нечаева и П.О. Эфрусси, а также ликвидация реактологии К.Н. Корнилова (1931) стали вехами, свидетельствующими о том, что *только к началу 1930-х гг.* субъективное направление в СССР исчезло полностью и окончательно. Но и в 1920-е гг., и в последующие десятилетия основные идеи и принципы субъективной психологии, несмотря на всю критику, не были отброшены полностью, в той или иной мере они были использованы при построении новых теорий в рамках формировавшейся новой, советской психологии в 1920-1930-е гг. – в советской педологии и психотехнике, в теориях и подходах М.Я. Басова, П.П. Блонского, В.М. Боровского, Л.С. Выготского, К.Н. Корнилова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, И.В. Страхова и др.

Для нас важно, что выводы, полученные при изучении историографии вопроса о судьбе отечественной субъективной психологии в 1920-1930-е гг., могут быть с полным правом перенесены и на судьбы остальных двух традиционно выделяемых направлений – на религиозно-философскую психологию и естественнонаучное направление. И эти направления, также, как и субъективная психология, в 1920-1930-е гг. *не исчезли* в нашей стране мгновенно, полностью, бесследно и закономерно. Как и субъективная психология, оба эти направления на протяжении 1920-1930-х гг., отстаивая свое право на существование, «сошли со сцены», но их идеи, принципы, наработки и достижения вошли в той или иной форме в новые теории и направления, возникавшие в 1920-1930-е гг. и последующие десятилетия.

О том, насколько изучение имевшихся в отечественной психологии 1920-1930-х гг. научных направлений в настоящее время является не разработанной областью, красноречиво свидетельствует тот факт, что в отечественной историографии психологии до сих пор нет даже попыток хотя бы в самом первом приближении дать определение понятию «научное направление» («направление в науке»), хотя само это выражение используется, как мы уже могли убедиться, весьма широко. Как следствие, столь же широкими оказываются смыслы и значения, подспудно вкладываемые исследователями в выражение «научное

направление» (впрочем, с понятием «научная школа» в этом плане дело обстоит, как мы убедимся далее, не намного лучше).

В настоящее время у понятия «направление» есть целый ряд близких по смыслу понятий и выражений. Так, например, в учебном пособии по зарубежной социальной психологии XX столетия Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской в предисловии к постсоветскому переизданию говорится об «ориентациях» [35]; В.А. Кольцова писала о «парадигмальных основаниях советской психологии как единой научной школы» [357] и обращалась (вместе с О.А. Артемьевой) «к истории становления советской психологии как “нормальной” науки» [358]; в ряде работ А.В. Юревича бихевиоризм, когнитивизм и психоанализ характеризуются как три наиболее влиятельные психологические «империи» (см. [893, с. 41], [895, с. 17-18, 138-139] и др.).

А.Г. Асмолов предпочитает говорить о «социокультурном движении»: «Культурно-деятельностная психология выступает сегодня в качестве особого общественного движения мысли. Это не просто школа или научное направление, а одно из интеллектуальных движений XX и XXI вв. Среди подобных движений в психологии отметим психоаналитическое движение, гештальтпсихологию, бихевиоризм, гуманистическую психологию, экзистенциальную психологию, когнитивную психологию, а также ряд других направлений, определивших общую картину развития психологии. Эти социокультурные движения, если пользоваться схемой Л.С. Выготского, предложенной в его книге “Исторический смысл психологического кризиса” (Выготский, 1982), достигли в широком смысле слова уровня ценностно-культурного мировоззрения, объединившего ученых самых разных направлений» [59, с. 8].

Не менее симптоматично, что в «Психологическом лексиконе» в томе «Общая психология. Словарь» бихевиоризм определяется как «направление в американской психологии» [535, с. 42], интроспективная психология – как «ряд направлений в психологии...» [535, с. 51], психоанализ – как «теоретическое направление в психологии...» [535, с. 69] и т.д. Однако статьи, специально посвященной понятию «направление», в этом справочнике, как и в других, нет.

Поэтому нас не должен удивлять тот разброс мнений и оценок, который мы обнаруживаем, если мы пытаемся выяснить, о каких научных направлениях в советской психологии 1920-1930-х гг. идет речь в работах современных российских исследователей.

Изучение с этой точки зрения шести ключевых работ [280], [282], [483], [578], [596], [910] показывает, что, например, в работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [578], [910] при описании советской психологии 1920-1930-х гг. речь идет фактически только о двух направлениях – об объективной психологии и марксистской. В коллективной монографии [596] в разделе, написанном под руководством В.А. Кольцовой, описывается пять направлений – психология субъективная, религиозно-философская, объективная, марксистская и психоанализ. В учебнике Т.Д. Марцинковской [483] подробные сведения имеются о двух направлениях – о психологии объективной и марксистской. Наиболее полно представлена психологическая наука в СССР 1920-1930-х гг. в учебниках А.Н. Ждан [280], [281], [282], хотя и здесь, например, о субъективной психологии сказано буквально несколько слов.

Об объективной психологии и марксистской психологии так или иначе говорится во всех шести источниках. При этом надо подчеркнуть, что у всех авторов марксистская психология как отдельное направление не определяется, хотя содержательно речь идет именно о ней. О психоанализе речь идет только в двух работах – у В.А. Кольцовой и А.Н. Ждан; о психологии установки говорится только у А.Н. Ждан. Свои особенности в описании структуры психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг., не меняющие, однако, сути дела, обнаруживаются в современных учебниках и учебных пособиях по истории психологии – С.А. Векиловой и С.А. Безгодовой [200], Г.Л. Ильина [316], В.В. Константинова [363], Б.Н. Рыжова [682], С.В. Сарычева и И.Н. Логвинова [686], [687] и др.

Отсюда мы делаем вывод, что традиционная (идущая от работ А.В. Петровского начала 1960-х гг.) схема изложения основных направлений в русской (российской, советской) психологической науке накануне Октября, в

первые годы после революции и в период 1920-1930-х гг. требует специального исследования и уточнения как с методологической точки зрения, так и по линии эмпирии и используемой терминологии. Другими словами, в вопросе о научных направлениях в отечественной психологической науке 1920-1930-х гг. тоннель необходимо рыть с двух сторон – видя решение и в фактах (из которых вырастает адекватная теория), и в исходных формулировках (позволяющих получить доступ к нужным фактам).

Между тем, как мы могли убедиться, в отечественной историографии при изложении истории психологической науки в СССР дело обычно сводится к характеристикам теоретических взглядов наиболее значимых представителей советской психологии, а также к перечислению наиболее важных событий («переломных моментов»), в лучшем случае упоминаются отдельные научные школы. Если же обратиться к оглавлению и структурированию текста в российских учебниках и учебных пособиях по истории психологии, то в них традиционно применяется способ изложения истории психологии по персонам и их теориям (взглядам, концепциям, подходам).

Все это означает, что вопрос о том, что собой представляла психологическая наука в СССР в целом в 1920-1930-е гг., а также вопросы о том, что конкретно представляли собой традиционно выделяемые исследователями «старые» направления (религиозно-философское, эмпирическое и естественнонаучное) и какой конкретный вклад они внесли в формировавшуюся в 1920-1930-е гг. марксистскую (советскую) психологию, до сих пор остаются в современной отечественной историографии советской психологии, по большому счету, открытыми.

Фактически та же картина и, соответственно, те же «диагнозы» и «рецепты» в исследовании структуры психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. обнаруживаются и при изучении вопроса о научных школах в отечественной психологической науке 1920-1930-х гг. Ввиду важности этого тезиса рассмотрим его более подробно.

Б.Г. Ананьев в 1931 г., ставя вопрос о корнях и источниках советской психологии, утверждал: «Подлинными основоположниками советской психологии как психологии диалектико-материалистической являются, понятно, не отдельные школы и направления, хотя бы и шествующие “под знаменем марксизма” (что буквально относится к Корнилову и его “школе”), а основоположники марксизма-ленинизма. Между тем до настоящего времени имеются попытки вывести советскую психологию не из философского наследства Маркса – Энгельса – Ленина, не из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки, а из отдельных направлений, по своим корням и содержанию, несомненно, буржуазных» [25, с. 332].

А. Козулин (A. Kozulin) уже в 1980-е гг. в посвященной истории советской психологии книге «Психология в Утопии» («Psychology in Utopia») охарактеризовал эти слова Б.Г. Ананьева как «заявление, которому суждено было стать чуть ли не девизом советских психологов в ближайшую четверть века» [946, p. 21]. Для нас сегодня процитированные слова Б.Г. Ананьева – одного из основоположников советской психологии – служат показателем того, как далеко мы в настоящее время ушли от прежнего, идеологизированного взгляда на историю советской психологии. Кроме того, слова Б.Г. Ананьева помогают осознать и хорошо прочувствовать еще и тот далеко неочевидный факт, что на протяжении всего советского периода проблема школ для историков советской психологии фактически находилась под запретом. Пользуясь открывающимися в настоящее время возможностями, мы обратились к историографии проблемы [119], [122].

В общей форме вопрос о научных школах в отечественной психологии был поставлен в 2007 г. А.Н. Ждан на IV Всероссийском съезде РПО в тезисах «Научные школы отечественной психологии в историческом освещении» [274]. В тесной связи с этими тезисами были проанализированы еще три работы А.Н. Ждан: коллективная монография «Психология в Московском университете: 1755-2005» [607] и две статьи А.Н. Ждан – «Л.С. Выготский и научные школы

Московского университета: единство в разнообразии» [273] и «Общий очерк истории психологии в России» [275].

Также были проанализированы две совместные работы А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского – учебное пособие «История психологии» [577] и монография «История и теория психологии» [578]; не упускались из виду другие их работы [579], [580], [574], [575], [576], [910]. Свои нюансы обнаружились в учебнике «История психологии» Т.Д. Марцинковской [483] и в учебниках Т.Д. Марцинковской и А.В. Юревича [484], [485]. По-своему проблема школ при изложении истории советской психологии представлена в работах В.А. Кольцовой [355], [356], [357], [358], [361], [596]. И хотя В.А. Кольцова писала о «парадигмальных основаниях советской психологии как единой научной школы» [357] и обращалась «к истории становления советской психологии как “нормальной” науки» [358], в целом в работах В.А. Кольцовой конкретная «школьная» проблематика также находилась, по сути, на периферии исследовательских интересов.

Основываясь на результатах проведенного анализа [119], [122], данный частный вывод мы можем с полным основанием обобщить, сформулировав тезис о том, что в современной отечественной историографии психологии на уровне монографий, учебников и учебных пособий научная школа не рассматривается в качестве структурирующего признака или несущего элемента всей конструкции при изложении истории психологии.

С целью дополнительного подтверждения данного тезиса были также проанализированы наиболее значимые психологические словари и энциклопедии, вышедшие в России в постсоветский период: «Краткий психологический словарь» [403]; «Большая психологическая энциклопедия» [167]; «Большой психологический словарь» под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко [169]; два тома «Психологического лексикона» – «История психологии в лицах. Персоналии» [326] и «Общая психология. Словарь» [535]; «Психологический словарь» под редакцией П.С. Гуревича [604]; «Психология. Иллюстрированный словарь» И.М. Кондакова [362]; «Краткий психологический

словарь» А.Л. Свенцицкого [690]; «Психологический словарь» Р.С. Немова [521], «Психологи мира от А до Я» В.А. Сонина [744].

Проведенный анализ [119], [122] показал, что в современных российских психологических справочниках с проблемой школ дело обстоит, по большому счету, так же, как и в учебной и монографической литературе: отсутствие выраженного интереса к этой проблеме, нестрогие, многозначные трактовки самого понятия «школа», субъективные, произвольно составляемые списки школ, минимальные подробности по отдельным школам.

В итоге в изучении историографии вопроса о научных школах в отечественной психологии 1920-1930-х гг. (см. также [119, с. 25-29], [122, с. 63-68]) мы пришли к следующим выводам.

1. Ни в одной из рассмотренных работ (в монографиях и учебниках А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, Т.Д. Марцинковской, А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского и др.) а также в современных российских психологических справочниках – не обнаруживается строго очерченного, заданного явным образом понятия «научная школа». В этих работах понятие «научная школа» используется в самых различных смыслах, вплоть до понимания всей советской психологии как особой научной школы.

2. Однозначный ответ на вопрос о научных школах в советской психологии нельзя найти вследствие отсутствия прямой постановки вопроса о школах в современной учебной и монографической литературе. Там же, где речь идет о школах, не прослеживается стремления к строгому, продуманному употреблению этого понятия. Когда же фактически речь идет об определенной научной школе (например, указываются ученики, излагаются программные идеи), в качестве близких по значению или даже синонимов широко используются понятия и выражения «подход», «концепция», «теория», «исследовательский центр», «направление» и т.п., что свидетельствует об остроте и актуальности проблемы школ применительно к истории советской психологии, особенно на фоне множества «белых пятен» и нестыковок в плане эмпирии.

3. Налицо существенный разрыв между более-менее «отшлифованными» трактовками понятия «школа» в науковедении и недостаточной операционализацией этого понятия в конкретном историко-психологическом исследовании.

4. Методически и методологически важный вывод состоит в констатации несогласованности между сведениями о школах в нашей учебной, монографической и справочной литературе, а также между точками зрения на проблему школ у авторов рассмотренных работ.

5. В рассмотренных работах помимо психоанализа можно встретить лишь отдельные упоминания о бихевиоризме, гештальтпсихологии, персонализме и эйдетике. Поэтому специального рассмотрения требует вопрос о зарубежных научных направлениях и научных школах, адаптированных в 1920-1930-е гг. на советской почве.

Наш итоговый вывод состоит в том, что в настоящее время отсутствует ясный и убедительный ответ на вопрос о научных направлениях и научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. Оценивая данную ситуацию на предельно общем (концептуальном) уровне, можно утверждать, что такое положение дел является прямым следствием идеологически обусловленного, вытекающего из общенаучных требований и традиций советских времен невнимания исследователей, работающих в области истории советской психологии, к проблеме научных направлений и научных школ вообще и понятиям «научное направление» и «научная школа» – в частности. Более того, анализ указанных выше источников позволяет также убедиться в том, что столь же неблагополучно дело обстоит и при выборе других структурных элементов и «единиц анализа» – не только научных школ и направлений, но и научных отраслей, теорий, подходов и т.д.

Отсюда вытекает необходимость формирования исследовательского подхода, нацеленного на решение данной проблемы.

§ 3. О статьях по психологии в первом издании «Большой советской энциклопедии»

Среди проблем, имеющихся в настоящее время в изучении периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии, наряду с вопросами терминологическими и методологическими (о чем у нас шла речь в двух предыдущих параграфах) отдельного рассмотрения заслуживают проблемы, возникающие при работе с первоисточниками. С этой точки зрения большой исследовательский интерес представляют статьи по психологии, содержащиеся в различных советских психологиях, начиная с 1920-х гг.

При ближайшем рассмотрении достаточно быстро выясняется, что на протяжении 1920-1940-х гг. ведущие советские психологи (Б.Г. Ананьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, В.Н. Колбановский, К.Н. Корнилов, С.В. Кравков, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Л.М. Шварц и др.) в качестве авторов, редакторов и консультантов проделали большую работу по подготовке словарных статей по психологии для первого издания «Большой советской энциклопедии» (65 томов, 1926-1947), первого (10 томов, 1928-1932) и второго (11 томов, 1937-1947) изданий «Малой советской энциклопедии», первого издания «Большой медицинской энциклопедии» (35 томов, 1928-1936) и «Педагогической энциклопедии», три тома которой вышли в 1927-1929 гг. (в 1929-1930 гг. «Педагогическая энциклопедия» вышла с небольшими изменениями дополнительным пятнадцатитысячным тиражом).

В нашем исследовании (результаты которого ранее были подробно изложены в статье [149] и в одном из параграфов монографии [150, с. 262-278]) в качестве объекта исследования выступило первое издание «Большой советской энциклопедии» (далее – БСЭ).

В ходе исследования нам удалось обнаружить в БСЭ около трехсот психологических статей, среди которых оказалось около двухсот терминологических статей и около ста персоналий. Из этих трехсот статьей мы ограничились изучением ста «авторских статей», то есть статей, в которых был указан автор. Несложные подсчеты показали, что свыше трех статей по

психологии оказалось у восьми авторов – у А.Р. Лурия (19 статей), Л.С. Выготского (13 статей), А.Н. Леонтьева и С.В. Кравкова (по 6 статей), Н.Ф. Добрынина (5 статей), Б.М. Теплова (4 статьи), Н.Ю. Войтониса и А.А. Смирнова (по 3 статьи). На эту группу самых продуктивных авторов пришлось пятьдесят семь статей из ста (две статьи – «Психология» и «Речь» – были написаны А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьевым совместно).

У пяти авторов – К.К. Ансона, П.П. Блонского, С.Г. Геллерштейна, Е.В. Гурьянова и Н.А. Бернштейна – оказалось по две статьи. Еще у пятнадцати авторов в БСЭ оказалось по одной статье – у Н.Е. Акимова, Б.Г. Ананьева, М.Я. Басова, А.В. Веденова, А.Б. Залкинда, А.С. Залужного, Н.Н. Ладыгиной-Котс, Н.Д. Левитова, И.О. Макарова, П.А. Рудика, И.М. Соловьева, А.А. Таланкина, Д. Уотсона, И.Н. Шпильрейна и П.А. Шеварева, всего тринадцать статей (две из них были совместными). Примечательно, что из этих статей в настоящее время хорошо известна отечественным психологам, пожалуй, только одна – статья Д. Уотсона «Бихевиоризм», с 1980 г. включенная в хрестоматии по истории психологии (см. [325], [847] и др.).

Всего была обнаружена восемьдесят одна статья по психологии двадцати восьми авторов-психологов. Кроме того, в ходе поисков было обнаружено еще девятнадцать статей, содержательно относящихся к психологии, но написанных не психологами: это статьи В.Ф. Асмуса («Введенский А.И.», «Гроос К.»), Г.К. Баммеля («Бессознательное», «Время (в психологии)»), Л. Вебера («Жане П.»), А.М. Водена (раздел «Психология Вундта» в статье «Вундт» и статья «Гербарт И.Ф.»), В.Н. Ивановского («Апперцепция», «Ассоциационизм», «Браун Т.», «Вивес Л.»), П.П. Лазарева («Вебера–Фехнера закон» и «Гельмгольц»), М.Л. Левина («Геринг», раздел «Мировоззрение Гельмгольца» в статье «Гельмгольц»), В.П. Осипова («Бехтерев В.М.»), А.П. Пинкевича («Блонский П.П.»), С.Л. Соболя («Вагнер В.А.»), В. Богданова («Характер»), К. Вейдемюллера и А. Щеглова («Фрейдизм»); у большинства из этих авторов имеется еще несколько статьей в БСЭ, не относящихся к психологии.

Размышляя над списком наиболее продуктивных авторов-психологов, прежде всего обратим внимание на то, что фактически перед нами «команда К.Н. Корнилова» – коллектив его сотрудников по Психологическому институту в настоящем или в прошлом – Н.Е. Акимов, А.В. Веденов, А.А. Таланкин, Н.Ю. Войтонис, Л.С. Выготский, Н.Ф. Добрынин, А.Р. Лурия, И.О. Макаров, И.М. Соловьев. Этот список может быть расширен путем добавления П.А. Рудика, А.А. Смирнова и Б.М. Теплова – бывших учеников Г.И. Челпанова, обучавшихся в Психологическом институте в то время, когда К.Н. Корнилов был помощником (ассистентом) Г.И. Челпанова по психологическому практикуму.

Другими словами, сотрудники Московского института психологии составляли костяк авторов психологических статей в БСЭ от первого тома до последнего. В этом мы видим заслугу К.Н. Корнилова, а в 1930-1940-е гг. – также и В.Н. Колбановского и С.Л. Рубинштейна как руководителей Института и, соответственно, редакторов-психологов в БСЭ. В целом состав авторского коллектива, работавшего над статьями по психологии в БСЭ, можно рассматривать как отражение и прямое следствие реальной ситуации с психологическими кадрами в СССР в 1920-1940-е гг.

Для выяснения вопроса о степени изученности обнаруженных в БСЭ авторских статей мы составили список ученых-психологов, у которых в настоящее время имеются наиболее подробные библиографические указатели, содержащие словарные и энциклопедические статьи. Всего в списке оказалось десять авторов (рядом с фамилией ученого указываем наиболее полный библиографический источник его работ): Б.Г. Ананьев [32], М.Я. Басов [70], Н.А. Бернштейн [74], П.П. Блонский [810], Л.С. Выготский [810], С.Г. Геллерштейн [226], А.Н. Леонтьев [431], А.Р. Лурия [468], А.А. Смирнов [729], Б.М. Теплов [786].

В итоге у А.Р. Лурия из обнаруженных нами девятнадцати статей известными (упоминаемыми в его библиографии) оказались только восемь. У Л.С. Выготского из тринадцати статей известной оказалась только одна (исходя из библиографических данных, которыми мы располагали в 2018 г., когда

проводилось исследование [149], [150, с. 262-278]; в 2024 г. вышла книга «Лексикон Л.С. Выготского», в которой все эти тринадцать статей Л.С. Выготского приводятся в полнотекстовом формате – см. [424, с. 133-148]).

У А.Н. Леонтьева из шести статей в настоящее время известны все. У Б.М. Теплова из четырех статей все оказались неизвестными. Похожая ситуация обнаружилась у А.А. Смирнова – из трех найденных нами статей в списке его трудов нет ни одной. Из двух статей Н.А. Бернштейна обе оказались известными. Из двух статей П.П. Блонского в списке его работ упоминается только одна. Из двух найденных нами статей у С.Г. Геллерштейна неизвестными оказалась обе. Найденная нами одна статья у Б.Г. Ананьева оказалась неизвестной. Одна статья М.Я. Басова оказалась известной.

Таким образом, из этих пятидесяти трех статей известными оказались только девятнадцать статей, что составляет 36%; соответственно, ранее неизвестных оказалось тридцать четыре, то есть 64%. Другими словами, из всех содержащихся в БСЭ статей указанных десяти авторов фактически известными на данный момент оказалось чуть больше трети.

Для сравнения мы провели аналогичные подсчеты для статей двух философов – В.Ф. Асмуса и В.Н. Ивановского, основываясь на их библиографических указателях [194, с. 447-466], [453, с. 261-266]. Их показатели оказались достаточно близки к показателям степени известности для статей по психологии: у В.Ф. Асмуса мы нашли двадцать восемь статей, из них известных оказалось двенадцать, неизвестных – шестнадцать; у В.Н. Ивановского мы обнаружили четырнадцать статей, из них пять известных и девять неизвестных. Суммируя, получаем в итоге сорок две статьи, из которых известно семнадцать (т. е. 40%) и неизвестно двадцать пять (60%).

В заключение мы обратили внимание на отсутствие в БСЭ целого ряда статей, которые, если исходить из общих соображений, должны были там быть.

А.В. Брушлинский, обращаясь в середине 1990-х гг. к истории и методологии проблемы субъекта, отмечал, что «советские философы приступили к систематической, весьма плодотворной и все более обобщенной

разработке проблемы деятельности на рубеже 60-70-х годов». Развивая эту мысль, А.В. Брушлинский далее в сноске констатировал: «Даже в таком солидном и в целом хорошем пятитомнике, как “Философская энциклопедия” (М., 1960-1970), еще отсутствовала статья “Деятельность”. Впрочем, ее не было и в I издании Большой Советской Энциклопедии (см. Т. 21, 1931 г.): это значит, что и в 20-ые годы – еще до “сталинизации” наша философия не придавала большого значения деятельностной проблематике» [175, с. 16].

Действительно, статьи «Деятельность» в двадцать первом томе БСЭ нет (что, помимо прочего, означает, что в конце 1920-х и в самом начале 1930-х гг. теории деятельности, действительно, еще не существовало). Но в то же время, как показывает анализ, в БСЭ есть интересные для современного психолога статьи «Поведение» (т. 45, стлб. 740-741, автор статьи – Б.Г. Ананьев), «Активность» (т. 2, стлб. 58) и даже «Субъект» (т. 53, стлб. 90).

Кроме того, в БСЭ отсутствуют статьи «Социальная психология» и «Психология личности». Правда, в БСЭ есть большая статья «Личность», но она носит совершенно непсихологический характер (т. 37, стлб. 259-273, автор – М. Каммари). Совершенно необъяснимо отсутствие в БСЭ статьи «Психоневрология». В ряду персоналий столь же необъяснимо отсутствие статей о Ж. Пиаже и И.А. Сикорском.

В БСЭ также нет статей «Гештальтпсихология» и «Гештальт», хотя в статье «Вертгеймер» в десятом томе (1928) имеется ссылка на несуществующую статью «Структурная психология» (т.е. гештальтпсихология), которая, по идее, должна была быть в томе 53, вышедшем в 1946 г. К этой же несуществующей статье есть ссылка и в статье А.Р. Лурия «Внимание» в одиннадцатом томе (1930).

Переходим к выводам.

1. Значение проведенного исследования «психологической составляющей» в первом издании БСЭ заключается прежде всего в том, что полученные результаты позволяют в значительной мере уточнить и дополнить имеющееся в настоящее время общее представление о психологической науке в СССР в 1920-

1940-е гг., так как в научный оборот вводится большое количество ранее неизвестных публикаций советских психологов 1920-1940-х гг.

2. Не менее значима и методическая сторона вопроса – разработка и апробация конкретных методических приемов изучения психологических статей в таком специфическом историографическом источнике, как «Большая советская энциклопедия». Поэтому полученные результаты можно рассматривать как серьезный эмпирический и методический задел для дальнейших исследований в области источниковедения истории советской психологии, а также других наук и областей знания, существовавших в советский период. В частности, в плане содержания статьи по психологии в БСЭ могут служить серьезным подспорьем для эмпирического обоснования тезиса о том, что к концу 1930-х – началу 1940-х гг. в СССР завершился процесс становления советской психологии как научного направления.

3. В принципиальном плане изучение статей по психологии, содержащихся в первом издании БСЭ, позволяет на данном конкретном материале очертить и оценить в плане эмпирии проблемное поле современной историографии становления советской психологии по таким важным критериям, как доступность и изученность первоисточников, относящихся к рассматриваемому периоду, а также поставить и в первом приближении рассмотреть вопрос о причинах существующего положения дел в данной области.

4. Проведенное исследование показало, что главными причинами неизвестности и прочного забвения многих найденных нами статей являются:

– идеологизация и вытекающие из нее запреты (до 1988 года первое издание БСЭ в наших библиотеках было фактически под запретом);

– идеологически заданные жесткие рамки исследования (даже в случае физической доступности первоисточника);

– исследовательские методические традиции самих историков (пренебрежительное отношение к энциклопедиям как объекту исследования);

– специфический формат энциклопедической статьи (небольшие размеры, универсальный характер энциклопедии);

– авторское отношение (не все авторы хотели и могли вспоминать о своих статьях);

– технические сложности (трудности поиска нужных статей в многотомных изданиях, неудобная справочная система).

5. В настоящее время, как показывает наше исследование, все отмеченные трудности, начиная с методологических и концептуальных и заканчивая чисто техническими и методическими, оказываются вполне преодолимыми.

§ 4. Концептуально-историографический подход: исходные принципы и констатации

Прежде чем переходить к изложению основных принципов развиваемого в нашем исследовании подхода, направленного на решение выявленных проблем, бросим общий взгляд на картину, которая нам открылась при рассмотрении проблемного поля современной отечественной историографии истории советской психологии.

Обобщая материалы, которые были рассмотрены выше (в первой главе и в трех параграфах второй главы), укажем восемь ключевых, с нашей точки зрения, обстоятельств, которые наглядно свидетельствуют о том, что история советской психологии в настоящее время представляет собой сложную и во многих отношениях нерешенную исследовательскую проблему.

1) До сих пор нет больших работ (монографий, диссертаций), в которых советская психология непосредственно выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования. Как следствие, в настоящее время в отечественной историографии нет общепризнанного, убедительно обоснованного представления о развитии советской психологии на различных этапах развития и в целом. За постсоветский период все еще не написана монография по истории советской психологии, которая стала бы адекватной заменой созданным в советский период (в 1960-1970-е гг.) трем

монографиям по истории советской психологии – А.В. Петровского (1967) [568], Е.А. Будиловой (1972) [180] и А.А. Смирнова (1975) [726]. Имеющиеся в настоящее время результаты исследований биографий, событий, идей и других структурных элементов истории советской психологии при ближайшем рассмотрении оказываются, метафорически выражаясь, нестыкующимися друг с другом фрагментами различных пазлов.

2) До сих пор явно недостаточно реконструирована и изучена отечественная и зарубежная историография истории советской психологии. С нашей точки зрения, историографический аспект здесь должен быть вынесен на первый план. Исследование истории советской психологии необходимо начинать с тщательного изучения истории вопроса, т.е. с целенаправленного историографического исследования. Ведь если сражению должна предшествовать рекогносцировка и разведка, а лечению – обследование и диагноз, то точно также исследование истории советской психологии следует начать с изучения того, что уже известно, что уже на данный момент наработано и достигнуто другими исследователями – предшественниками и современниками – как в области эмпирии, так и в области методологии.

3) Все еще остается неисследованным и невыясненным вопрос о том, как относиться к доставшемуся нам психологическому наследию советских времен (идейно-теоретическому, методологическому, методическому, практическому и т.д.) – и целом, и в частностях, как правильно распорядиться этим наследием при решении насущных психологических задач.

4) Не менее показательно, что до сих пор в современной российской историографии нет отчетливого понимания того, как рассматривать советскую психологию в контексте всей (мировой) психологии – как, в частности, должна быть представлена история советской психологии в учебнике, монографии или справочнике по истории мировой психологии. К советской психологии и ее истории в настоящее время отечественными исследователями традиционно осуществляется подход скорее идиографический (показ ее специфики, неповторимости, самобытности и т.д.), чем номотетический (поиск общего у

советской психологии с остальной, мировой психологией). Вследствие такого подхода нет полноценного соотнесения советской психологии с остальной (зарубежной, мировой) психологией.

5) Попытки современных российских исследователей вписать советскую психологию в мировой историко-психологический контекст чаще всего выражаются в показе социальной (политической) истории советской психологии, т.е. в показе того, что Советское государство делало с советской психологией по линии идеологии. Интеллектуальная история советской психологии при этом оказывается оттесненной на второй план. В результате нет целенаправленного выяснения и адекватного понимания того, что делала (что могла, что хотела делать и что сделала) сама советская психология и что у нее получилось в итоге в сфере научного, собственно психологического знания – в форме теорий, методов и т.п.

6) В современной отечественной историографии советской психологии до сих пор не создана полноценная база данных, которая представляла бы собой динамичную совокупность упорядоченных (в идеале – исчерпывающих) и проанализированных сведений о персонах, событиях, публикациях, учреждениях, первоисточниках и других элементах истории советской психологии.

7) До сих пор в отечественной историографии нет исторически и теоретически выверенных и отчетливо сформулированных понятий «марксистская психология» и «советская психология». В современных словарях, статьях, учебниках, монографиях и диссертациях можно найти множество высказываний, рассуждений и мнений о том, что такое советская (марксистская) психология, но в большинстве случаев эти мнения не являются результатом конкретного, детального, основывающихся на конкретных фактах исследования исторического феномена под названием «советская (марксистская) психология».

8) В отечественной историографии советской психологии слабым местом является разработка теоретико-методологического инструментария (подходов, концепций, принципов, частных исследовательских методик и т.п.) – всего того,

что необходимо для адекватной историко-научной реконструкции и интерпретации истории советской психологии. Другими словами, в настоящее время в отечественной историографии отсутствует специально разработанная (явным образом сформулированная, логически и эмпирически обоснованная) историографическая концепция развития советской психологии – очевидно, вследствие того, что от прежних концепций, взглядов и подходов отказались, но к новым все еще не пришли. Но если нет исследовательской концепции, то нет и самого исследования, а если нет исследования, то нет и всего остального, вытекающего из результатов исследования – общего представления и целостной картины, разработанной терминологии и полноценной базы данных, соответствующей учебной и справочной литературы и т.д.

Данные констатации и критические оценки задают конкретные ориентиры для следующего шага в нашем исследовании – выдвижения подхода.

Сущность концептуально-историографического подхода, развиваемого в диссертации, может быть представлена в виде одиннадцати методологических принципов, обозначающих исследовательские приоритеты в области изучения истории советской психологии вообще и периода становления советской психологии (1920-1930-х гг.) – в особенности.

1. «Большая» история советской психологии. Рассмотрение советской психологии в качестве целостного образования и непосредственного объекта историко-психологического исследования означает постановку и рассмотрение проблемы советской психологии в общем и целом, в принципе, по существу. При таком подходе объектом исследования выступает «большая история советской психологии» («макроистория советской психологии») – в отличие от изучения частных вопросов, отдельных сторон, аспектов и фрагментов истории советской психологии.

Свое непосредственное выражение данный подход находит в прямой постановке наиболее общих (предельно общих), принципиальных вопросов и в поиске столь же прямых, принципиальных и честных ответов на поставленные вопросы – о том, что такое советская психология, каковы источники,

детерминанты и этапы ее развития, каковы закономерности и механизмы ее функционирования, в чем состоит ее историческое значение, насколько адекватными, полными и точными являются наши сегодняшние представления о советской психологии и ее истории, как в настоящее время относиться к советскому психологическому наследию, как изучать, описывать и преподавать историю советской психологии.

Поскольку советская психология как исторический феномен берется в самом общем виде, предельно абстрактно, постольку данная область историко-психологических исследований непосредственно соприкасается с областью методологических проблем психологии. Следовательно, можно говорить о наличии на стыке этих двух областей специфической исследовательской области – методологии истории психологии («методологии историко-психологического исследования»; «методологии историографического исследования истории психологии»; области «теоретико-методологических основ истории психологии» [355]).

О важности в настоящее время использования макроподхода в научном исследовании свидетельствуют многочисленные публикации, среди которых особо выделим книгу Р. Коллинза о «макроистории» и «социологии большой длительности» [350], сборник «Макропсихология современного российского общества» (под редакцией А.Л. Журавлева и А.В. Юревича) [474], материалы научной конференции о микроподходах и макроподходах к изучению прошлого в исторической науке (о микроистории и макроистории) [324]. Думается, макропсихологии необходима не только особая, масштабная «макрометодология», но и своя – претендующая на глобальное в*и*дение – макроистория. И если с этой точки зрения посмотреть на изучение истории советской психологии, то невольно создается впечатление, что исследователи словно не замечают проблему советской психологии, обходят ее стороной, полностью ее игнорируют или, в лучшем случае, ограничиваются несколькими общими фразами. Это видно и по названиям книг, вышедших в России за

последние три десятилетия, и по тому, как история советской психологии излагается в публикациях научного, учебного и справочного характера.

2. Деидеологизированная история советской психологии. В общем и целом деидеологизированный подход (к истории советской психологии вообще и периоду 1920-1930-х гг. – в особенности) направлен прежде всего против «идеологического априоризма», и в настоящее время мы рассматриваем деидеологизированный подход к истории советской психологии как прямое продолжение и завершение «перестроечных» процессов в нашей историографии, начатых в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в эпоху распада СССР и освобождения от коммунистической идеологии.

Деидеологизированный подход к истории советской психологии как к истории «нормальной» науки выражается в трех аспектах.

Во-первых, процесс идеологизации советской психологии для нас не выступает в качестве исходной проблемы исследования.

Во-вторых, в ходе историографического анализа эмпирический материал, исходные принципы и вся методология исследования рассматриваются, используются и оцениваются прежде всего по своему научному содержанию – с точки зрения своей научной выраженности и обоснованности. Деидеологизированная история советской психологии – это история психологии как «нормальной», деидеологизированной науки. В исследовании истории советской психологии с самого начала реализуется «презумпция» ее научности, а не идеологизированности.

В-третьих, деидеологизированный подход в исследовании истории советской психологии – это взгляд и подход максимально беспристрастный, объективный, не искаженный субъективизмом, принадлежностью к определенной научной школе, господствующей идеологией, методологическими соображениями и другими внешними факторами и обстоятельствами. Позиция исследователя при таком подходе – «над схваткой» (а не «внутри схватки»), что подразумевает стремление к всеохватывающему «виду сверху», постижению картины в целом.

Принципиальный смысл изучения истории советской психологии при таком подходе заключается вовсе не в том, чтобы реанимировать и защищать обветшавшие и не оправдавшие себя идеологические догмы в области психологии или, напротив, полностью игнорировать «идеологическую составляющую» советской психологии, а в том, чтобы, беспристрастно постигая (изучая, реконструируя и оценивая) прошлое, извлечь из собственной истории необходимые уроки, понять источники и корни современных тенденций, достижений и проблем. Без знания того, как – в силу каких причин, в каких исторических условиях и с какими последствиями – проходил процесс идеологизации отечественной психологии, успешное осуществление обратного процесса деидеологизации не представляется возможным.

Деидеологизированный подход означает последовательно проводимую на всех этапах исследования реализацию принципа невмешательства, строгое соблюдение требования «не навреди» (по отношению к изучаемому прошлому – «не измени»). Дело историка – дать слово истории, не вмешиваясь со своими мнениями, вкусами, возражениями и априорными оценками в события прошлого. Это взгляд наблюдателя, а не участника. Это взгляд непредвзятого и во всем сомневающегося исследователя (который может до самого последнего момента не знать, что у него должно получиться в итоге), а не твердо стоящего на своем, несокрушимо уверенного в своей правоте мудреца, с самого начала обладающего «истиной в последней инстанции».

С точки зрения деидеологизированного подхода работа историка – это не решительная, утилитарно-волюнтаристская, априорная по своей сути реконструкция прошлого (в угоду «текущему моменту», «актуальным задачам» и т.п.), а тщательная реставрация прошлого и его бережное сохранение.

По А.В. Петровскому и М.Г. Ярошевскому, именно вследствие своей идеологизированности и репрессированности советская психология требует особого рассмотрения, особого подхода – в рамках социальной (или политической) истории науки. Но в связи с этим возникает вопрос: советская психология – это «особый случай», «особая наука», неповторимое, уникальное,

несравнимое явление или же, напротив, речь должна идти об общих законах развития и функционирования советской психологии? Возможен ли (в рамках не социальной или политической, а интеллектуальной истории науки) не идиографический, а номотетический подход к советской психологии и ее истории? Мы считаем, что такой подход возможен и даже необходим. С этой точки зрения большой интерес представляет сравнительная история советской психологии, т.е. сопоставительное рассмотрение истории советской психологии на фоне судьбы других наук в СССР – биологии, лингвистики, философии, исторической науки, археологии и т.д. (в первом приближении этот вопрос был затронут во втором параграфе первой главы диссертации).

3. Активная история советской психологии. В соответствии с этим тезисом исследуется не только то, что делалось с советской психологией, но и – прежде всего – что делала сама советская психология, выступая, таким образом, на исторической сцене не столько в пассивной, страдательной, сколько в активной, самостоятельной роли, в качестве субъекта исторического процесса.

4. Объяснительная история советской психологии. Данное положение, реализующее принцип детерминизма, подразумевает, что в ходе исследования осуществляется не только описание, изложение и формулировка более-менее очевидных констатаций, но и поиск причин и механизмов развития советской психологии. Другими словами, история психологии должна быть не только наукой описательной и описывающей, то есть наукой в самом начале своего развития, но и наукой объяснительной, объясняющей и понимающей – находящей причины, ищущей и находящей закономерности и законы, строящей теории и т.п. Должно быть не простое описание, изложение того, что было, но и объяснение. Именно поэтому мы с необходимостью выходим на «большую» историю советской психологии.

5. Интеллектуальная история советской психологии. При реализации данного принципа история советской психологии предстает как история развития и функционирования психологического знания, психологических идей.

С позиций интеллектуальной истории советская психология – это не более-менее четкая фигура на расплывчатом, недифференцированном фоне остальной психологии, а один из элементов, одна из частей общей системы – психологической науки в целом. По отношению к традиционной социальной истории психологии интеллектуальную историю можно рассматривать не столько как противоположный, сколько как дополнительный подход и метод познания прошлого, дополняющий итоговую картину.

6. Единая история советской психологии. В соответствии с данным принципом советская психология в мировом историко-психологическом контексте рассматривается на основе принципа единства, не противопоставляясь всей остальной – зарубежной, мировой – психологии. При такой постановке вопроса мы исходим из того, что история советской психологии – это составная часть истории мировой психологии.

Конкретизируя принцип системности, мы рассматриваем историю советской психологии прежде всего как часть общей (мировой, всемирной) истории психологии, но не как часть истории Советского государства, Коммунистической партии, марксизма-ленинизма, большевистской идеологии, истории марксистской философии и т.п.

Советская психология и мировая психология в своем функционировании и развитии никогда не были абсолютно изолированными друг от друга, поэтому их следует рассматривать не только как противопоставленные друг другу – в исторической реальности они были связаны между собой, влияя друг на друга, взаимодействуя как часть и целое. В ходе рассмотрения истории советской психологии необходимо раскрыть это взаимодействие, показать эту взаимообусловленность и взаимосвязь.

В этом плане весьма показательна позиция Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской, выраженная в предисловии к постсоветскому переизданию своего учебного пособия по зарубежной социальной психологии XX столетия, где авторы отмечают: «Мы “облегчаем” (т.е. сокращаем и удаляем. – *С.Б.*) идеологические экскурсы, отнюдь не

отказываясь от каких бы то ни было апелляций к марксистской методологии, но отбрасывая кажущиеся сегодня наивными обязательные “противопоставления” по каждому поводу отечественной и западной социальной психологии» [35, с. 5].

Принцип единства означает, что советская психология возникла не столько путем отбрасывания и игнорирования зарубежной психологии, сколько путем критического усвоения и использования достижений зарубежной психологии, и даже если мы говорим об особом пути советской психологии, то поиск специфики советской психологии не должен для нас заслонять то общее, что у нее имеется с остальной психологией. Поэтому характеристика советской психологии в обязательном порядке должна включать в себя признаки, отражающие не только ее специфические, но и общие с остальной психологией (с другими «психологиями») черты. Методически это означает отсутствие «двойных стандартов», единый подход к советской и остальной (зарубежной, мировой, всемирной) психологии.

7. Непрерывная история советской психологии. Из признания факта имманентной включенности истории советской психологии в поток мировой психологической мысли логически вытекает тезис об обусловленности советской психологии всем предшествующим развитием психологической науки в нашей стране.

Данный принцип означает, что в контексте истории отечественной психологии советская психология рассматривается на основе принципа преемственности, как прямая наследница и продолжательница предшествующего развития отечественной психологии. В соответствии с этим положением советская психология рассматривается как закономерное продолжение предшествующего развития в рамках определенной традиции, т.е. того, что было раньше – традиций, проблем и достижений русской дореволюционной психологии.

Другими словами, история советской психологии – это, при всей своей специфике, закономерный этап предшествующего развития отечественной психологии, это составная часть, один из этапов истории отечественной

психологии. Поэтому для того, чтобы вскрыть исторические основания и корни советской психологии, выявить ее собственные, идущие «изнутри» источники, необходимо показать ее преемственность с предшествующей русской (дореволюционной) психологией.

Применительно к начальному периоду развития советской психологии это означает выявление тех собственно психологических (имевшихся в отечественной психологии) источников, факторов, условий и предпосылок, на основе и под воздействием которых шло формирование советской психологии. С точки зрения исследовательской методики это означает, что начинать надо с анализа того, что собой представляла советская психология в самом начале, т.е. с чем подошла русская психология к 1917 г. и что она собой представляла в первые послереволюционные годы. Тем самым мы выходим на проблему классификации направлений и отраслей в русской психологии в начале двадцатого века, накануне революции, в 1917 году и в первые пять лет после революции (1917-1922), о чем конкретно у нас шла речь во втором параграфе второй главы.

Именно так, через принципы преемственности и взаимодействия, мы рассматриваем советскую психологию в общем интеллектуальном контексте всей психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг.: в советской (марксистской) психологии по отношению к остальной психологической науке в СССР в то время (в период 1920-1930-х гг.) нас интересуют не столько различия, сколько общее; не столько противопоставление и раскол, сколько единство; не столько доминирование, сколько принципиальное равенство и равноправие.

8. Последовательная история советской психологии. Данное положение, непосредственно вытекающее из принципа периодизации, означает подход к проблеме становления советской психологии в 1920-1930-е гг. как к науке развивающейся и проходящей в своем развитии определенные ступени, закономерные периоды и этапы. Реализация данного принципа означает необходимость обоснования для выделения в истории советской психологии

границ периода становления и последующих периодов, нахождения критериев выделения переломных моментов, движущих сил, этапов.

9. Системная история советской психологии. В соответствии с данным тезисом советская психология рассматривается на основе более общего принципа системности. Применительно к периоду 1920-1930-х гг. это означает, что вся отечественная психологическая наука 1920-1930-х гг. исходно рассматривается как целостное образование, как система, состоящая из ряда находящихся в динамике, взаимодействии и развитии научных направлений (одним из которых является советская психология), с входящими в эти направления более мелкими структурными элементами – школами, теориями, отраслями, учреждениями и т.д. (см. также работы Б.Н. Рыжова о «системной психологии» [682], [683] и др.).

В противовес «атомарному», «поэлементному» (эклектичному, в конечном счете) подходу к истории советской психологии в качестве основного структурного элемента (уровня, «единицы анализа») в изучении истории советской психологии предлагается брать научное направление, включающее в себя более мелкие структурные элементы (научные школы, лаборатории, кафедры, институты и т.п.), которым присуще теоретико-методологическое, организационное и коммуникативное единство.

Структурированный и дифференцированный подход к истории советской психологии для нас означает прежде всего выбор научного направления в качестве «единицы анализа» истории психологической науки. Под научным направлением при этом предлагается понимать совокупность научно-исследовательских групп, коллективов и организаций (научных школ, лабораторий, кафедр, институтов и т.п.), а также отдельных ученых, для которых характерны теоретико-методологическое (выражающееся в едином понимании предмета, методов и задач науки в целом), организационное и коммуникативное (на базе общей терминологии) единство. В соответствии с гипотезой исследования предполагается, что советская психология – это определенное

научное направление, становление которого хронологически приходится на период 1920-1930-х гг.

Осуществляя реконструкцию структуры науки сверху вниз (идя от направлений как наиболее крупных элементов к элементам более мелким и частным), мы избегаем двойных стандартов, так как описываем психологическую науку в СССР также, как и остальную (зарубежную) психологию – путем характеристики различных направлений, ее образующих, а также входящих в эти направления школ, отраслей, теорий и т.д. Разумеется, в ходе изучения истории советской психологии можно взять за основу (в качестве исходной «единицы анализа») какой-либо другой элемент науки – научную школу, отрасль науки (практическую или прикладную), теорию, социальные институты (кафедры, лаборатории, институты), подходы, ключевые идеи и проблемы, методологию, биографии ученых и т.д.

10. Историографически обоснованная история советской психологии. Выдвижение на первый план при рассмотрении проблемы становления советской психологии всеобъемлющего историографического анализа как принципиального методологического требования обусловлено не только тем, что историографический анализ является обязательной составной частью исследования истории науки (как известно, нет полного знания науки без знания ее истории; применительно к самой истории науки это означает, что нет полного знания истории науки без знания ее историографии).

Необходимость детального историографического анализа вызвана еще и тем, что, как показал проделанный анализ положения дел в историографии советской психологии, историографический аспект в области исследования истории советской психологии до сих пор, как это ни парадоксально, остается фактически за пределами внимания исследователей, то есть практически неучтенным, неизученным и неоцененным.

11. Концептуальная (концептуально оформленная) история советской психологии. Данное положение подразумевает осуществление историографического анализа, а также историко-научной реконструкции и

интерпретации истории советской психологии на предельно обобщенном, концептуальном уровне – на уровне историографических концепций. И хотя понятие «концепция» («научная концепция») психологами используется очень часто (в этой связи особого внимания и изучения заслуживает широкое и целенаправленное использование понятия «концепция» в работах Е.В. Левченко – см [417]-[421] и др.), напрасно искать его определение в психологических справочниках (понятию «научная школа» здесь повезло намного больше).

В таком авторитетном современном российском справочнике, как «Энциклопедия эпистемологии и философии науки» большое значение имеют такие близкие по смыслу статьи, как «Концепт» (автор статьи – С.С. Неретина), «Концептуализм» (С.С. Неретина), «Концептуальные структуры (в научном знании)» (В.С. Швырёв), «Концептуальный каркас» (С.С. Гусев) и «Концепция» (С.С. Неретина) (см. [883, с. 387-392]).

В общем виде научная концепция – это принципиальная схема, общий замысел, руководящая идея, совокупность методологических принципов (базовых утверждений) по наиболее важным и фундаментальным вопросам науки, прежде всего относительно предмета науки. Понятия, часто используемые в качестве близких по смыслу или синонимов: «идея», «теория», «подход», «система», «методологические основы», «парадигма». Мы полагаем, что наличие целого ряда синонимов свидетельствует, как и во многих подобных случаях, о неизученности и нерешенности проблемы.

В ходе проводимого в нашем исследовании историографического анализа суть предлагаемого подхода выражается в историко-психологическом исследовании феномена советской психологии на концептуальном уровне, в связи с чем постулируется, что в основе работ, посвященных истории советской психологии, всегда лежит определенная общая схема изложения и оценки истории советской психологии – историографическая концепция, представляющая собой совокупность общих представлений и принципов, которыми исходно руководствуется исследователь истории советской психологии. В историографической концепции заключено обобщенное

понимание сущности, содержания, структуры, механизмов и тенденций развития советской психологии. В выяснении этих вопросов и состоит методика проводимого в нашем исследовании конкретного историографического анализа. Центральным моментом, ядром историографической концепции советской психологии при этом является понятие советской психологии.

Наиболее существенными характеристиками историографической концепции являются, с нашей точки зрения, следующие:

1) обобщенность (абстрактность);

(2) целостность (концепция – это «вид сверху», «общий вид», «картина в целом», это целостное знание в виде совокупности элементов, принципов в их связности и единстве);

(3) первичность (априорность);

(4) активность (концепция стимулирует, настраивает и направляет исследование, то есть несет активирующую – побудительную, ориентировочную, целеполагающую – функцию);

(5) объяснительный характер концепции;

(6) устойчивость (концепция – это основа, придающая устойчивость всей конструкции, картине в целом);

(7) неявность, неосознанность (концепция явным образом и в полном объеме обычно не формулируется, только подразумевается, трактуется и используется как нечто очевидное, само собой разумеющееся, в лучшем случае непосредственно указываются лишь ее отдельные компоненты – принципы, понятия, постулаты и т.п.);

(8) категориальность (сущность концепции всегда может быть кратко выражена в виде центрального понятия – категории, концепта, в нашем это понятие «советская психология»).

Таким образом, включая в себя ряд общих принципов и базовых утверждений относительно сущности, содержания, структуры, а также механизмов развития и функционирования советской психологии, историографическая концепция при изучении, описании, изложении и

интерпретации истории советской психологии задает общее представление и в значительной мере предопределяет конечные результаты (итоговую картину) исследования. коротко говоря, историографическая концепция – это совокупность наиболее общих представлений, принципов и констатаций, которыми исходно руководствуется историк науки в своей деятельности; это абстрактная, максимально «очищенная» от эмпирии исходная схема (модель), с которой историк психологии подходит к изучаемому объекту.

Сущность историографической концепции, самое главное в ней выражается в виде априорно заданного (но явным образом, формально обычно не эксплицированного) определения изучаемого объекта, в нашем случае – концепта «советская психология».

Следовательно, специфика предлагаемого подхода заключается в историко-психологическом исследовании феномена советской психологии на предельно обобщенном, концептуальном уровне – на уровне историографических концепций. В этом смысле историографическая концепция становления советской психологии является центральной исследовательской проблемой и системообразующим фактором всего диссертационного исследования.

Данные положения фактически очерчивают формальные и содержательные рамки нашего исследовательского подхода, который – с учетом главных приоритетов (историографический анализ на концептуальном уровне, т.е. на уровне историографических концепций) – мы и определяем как «*концептуально-историографический подход*». Исходя из указанной во «Введении» гипотезы исследования, в рамках и с позиций данного подхода в диссертации выдвигается историографическая концепция советской психологии как научного направления.

Выводы по второй главе

1. Во второй главе в четырех параграфах были рассмотрены конкретные источниковедческие и историографические проблемы, непосредственно относящиеся к периоду 1920-1930-х гг. истории советской психологии:

1) проблема происхождения понятий «советская психология» и «марксистская психология»;
2) проблема структуры психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. (выяснение вопроса о научных направлениях и научных школах в данный период);
3) проблема доступности и изученности первоисточников 1920-1930-х гг. (на примере анализа статей по психологии в первом издании «Большой советской энциклопедии»);
4) проблема разработки общего подхода в изучении истории советской психологии (проблема выбора и обоснования методологических принципов исследования).

2. Исследование вопроса о происхождении понятий «советская психология» и «марксистская психология» путем непосредственного обращения к публикациям 1920-1930-х гг. (работам К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, Л.М. Шварца, Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна) позволило установить, что замена широко использовавшегося на протяжении 1920-х гг. понятия «марксистская психология» на понятие «советская психология» произошла в начале 1930-х гг. Это знаменовало собой не только смену терминологии, но и выход процесса становления советской психологии на новый этап своего развития, что в середине 1930-х гг. выразилось, по С.Л. Рубинштейну, в необходимости построения «системы советской психологии».

3. Советская психология – многозначное понятие, содержательно и хронологически соотносящееся с близкими по смыслу понятиями «психологическая наука в СССР» и «марксистская психология». Советскую психологию можно трактовать,

во-первых, как чисто идеологическое понятие («особая, марксистская наука»);

во-вторых, в широком смысле (как предельно широкое, идеологически нейтральное, собирательное понятие – «вся психологическая наука в СССР»);

в-третьих, в узком, собственно научном смысле – как определенное научное направление.

4. Традиционная (идущая от работ А.В. Петровского начала 1960-х гг.) классификация основных направлений в отечественной дореволюционной психологической науке и в первые годы после революции требует в настоящее время специального исследования, направленного на уточнение и переосмысление оснований классификации как с методологической точки зрения, так и по линии эмпирии и используемой терминологии.

5. Анализ современной российской историографии, посвященной вопросу о научных школах в отечественной психологической науке 1920-1930-х гг., позволяет сделать вывод о том, что на этот вопрос до сих пор отсутствует ясный и убедительный ответ; более того, в современных работах не обнаруживается заданного явным образом понятия «научная школа».

6. Значение изучения психологических статей в первом издании Большой советской энциклопедии заключается в том, что полученные результаты позволяют в значительной мере уточнить и дополнить имеющееся в настоящее время общее представление о психологической науке в СССР в 1920-1940-е гг., а также выявить и оценить источниковедческие проблемы, имеющиеся в современной отечественной историографии советской психологии.

7. В соответствии с развиваемым в диссертации концептуально-историографическим подходом история советской психологии изначально понимается как история «большая», деидеологизированная, активная, интеллектуальная, объяснительная, единая, непрерывная, последовательная, системная, историографически обоснованная и концептуально оформленная. Центральным тезисом данного подхода является положение о том, что в основе работ, посвященных истории советской психологии, всегда лежит определенная историографическая концепция, т.е. совокупность наиболее общих представлений, утверждений и принципов, которыми фактически руководствуется историк науки в своем исследовании.

8. Общий вывод по результатам проведенного во второй главе анализа состоит, как и в первой главе, в том, что проблемы, имеющиеся в изучении периода 1920-1930-х гг., носят многоплановый и комплексный – эмпирический, историографический и методологический – характер, вследствие чего при изучении периода 1920-1930-х гг., как и при изучении истории советской психологии в целом, необходима согласованная работа по всем этим направлениям: тщательно работая с эмпирией, осуществляя детально историографический анализ и с пониманием дела разрабатывая необходимый теоретико-методологический инструментарий.

ГЛАВА 3. Советская историография истории советской психологии

Третья и четвертая главы диссертации носят преимущественно историографический характер: в них дается ответ на вопрос, как история советской психологии изучалась отечественными исследователями за прошедшие сто лет – с 1920-х гг. и до наших дней.

С этой целью в третьей главе анализируются публикации советских авторов 1920-х – начала 1990-х гг., начиная с работ К.Н. Корнилова и Л.С. Выготского 1920-х гг. и заканчивая работами А.Н. Ждан, А.А. Никольской, О.М. Тутунджяна, А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Методика исследования состояла в выявлении содержащейся в рассматриваемых работах определенной историографической концепции, то есть общего (принципиального, схематичного) представления о сущности, содержании, структуре, механизмах и тенденциях развития советской психологии в общем и целом и в период 1920-1930-х гг. – в особенности.

Кроме того, в ходе исследования фиксировался количественный и качественный прогресс, достигнутый исследователями истории советской психологии на уровне конкретной историко-научной эмпирии.

§ 1. Работы советских авторов 1920-х–1930-х гг. по истории советской психологии

В ходе изучения работ советских авторов, вышедших в 1920-1930-е гг. и посвященных истории советской психологии, были проанализированы следующие источники: приуроченные к юбилею Октябрьской революции обзорные статьи К.Н. Корнилова [377], Л.С. Выготского [206] и А.Р. Лурия [463]; словарные статьи «Психология», содержащие информацию об истории и современном состоянии советской психологии – в «Психологическом словаре» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского [195], [196], в Малой Советской энциклопедии (статья Л.М. Шварца) [863], в Большой Медицинской Энциклопедии (статья

Б.Г. Ананьева) [26] и в Большой Советской энциклопедии (статья А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия) [450]; параграфы «Советская психология» в учебных пособиях С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» (1935) [645, с. 34-37] и «Основы общей психологии» (1940) [650, с. 67-70]; статья Б.Г. Ананьева «О современном состоянии психологической науки в СССР» [29], подводящая итоги развитию советской психологии в период 1920-1930-х гг.

Особо следует сказать о двух докторских диссертациях – Б.Г. Ананьева [28] и П.М. Рубинштейна [639], посвященных истории психологии и защищенных в 1940 г. Хотя диссертация Б.Г. Ананьева называется «Формирование научной психологии в СССР» [28], фактически речь в ней идет об истории психологии в России в XVIII-XIX вв. (до 90-х гг. XIX в.). Напротив, упоминаемая в современных справочниках (см. [37, с. 101], [38] и др.) докторская диссертация Петра Михайловича Рубинштейна «Основные направления в психологии» [639], судя по цитатам из нее, приводимым в обзорной статье Н.А. Рыбникова [679], представляет для нас непосредственный интерес. Поэтому (ввиду недоступности самой диссертации) есть смысл привести цитируемый Н.А. Рыбниковым фрагмент полностью.

В статье, посвященной вопросам историографии советской психологии, Н.А. Рыбников отмечает: «Судьбы русской психологии, ее история теснейшим образом связаны с тем, как росла и развивалась психологическая наука в других странах Старого и Нового Света. Не уточнив вопроса о том, какие ступени и в какой последовательности проходили в своем развитии психологические идеи в Европе и Америке, – трудно понять их судьбу на русской почве. Вот почему остро ощущалась необходимость в работе, которая поставила бы своей целью выяснить основные направления психологической мысли у нас и на Западе, проследить их взаимоотношения. Эту задачу и выполнила диссертация проф. П.М. Рубинштейна “Основные направления в психологии” (Рукопись. 576 стр., Харьков, 1940 г.). В ней дается описание основных направлений в психологии, их оценка с точки зрения диалектического материализма. В диссертацию вошел обзор таких направлений, как спиритуалистическая психология, психология

способностей, ассоциационная психология, вундтовская экспериментальная психология, бихевиоризм, гештальтная психология, психология типов и индивидуальная психология.

Характеризуя то или иное направление, автор освещает главнейшие проблемы психологии, анализирует основные разновидности того или иного направления. Отечественным направлениям в психологии посвящены первая и последняя главы. Сначала автор говорит о методологических предпосылках советской психологии, затем переходит к характеристике этапов, которые проходила советская психология в своем развитии.

Таких этапов автор различает четыре: I. От октября до 1924 года. II. От 1924 до 1931 года, т.е. до так называемого “поворота” на психологическом фронте. III. От 1931 года до опубликования постановления ЦК ВКП(б) о педологических извращениях (5 июля 1936 г.). IV. Настоящий, еще не завершенный, период.

В целом диссертация проф. П.М. Рубинштейна не только дает картину последовательного развития основных психологических направлений, но и подводит читателя вплотную к современности, дает анализ основных этапов развития советской психологии, особенно подробно останавливается на методологических предпосылках советской психологии. Большую ценность представляет приложенный к работе перечень основной литературы, включающий около 900 названий» [679, с. 40].

Как видим, в диссертации П.М. Рубинштейна обобщенная характеристика развития психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. дается с четких, идеологически безупречных позиций, сложившихся в советской науке к концу 1930-х гг.

Помимо перечисленных источников, в итоговый список мы сочли нужным включить еще три журнальные статьи, в которых описывается положение дел в советской психологии во второй половине 1930-х гг.: это отчет о совещании психологов, состоявшемся летом 1936 г. в редакции журнала «Под знаменем марксизма» [233] и две статьи Н.А. Рыбникова – «Тематика советской психологии (1938-1939 г.г.)» [677] и «Литература по психологии (1938-1940)»

[678]. Кроме того, были учтены несколько зарубежных публикаций 1920-1930-х гг., дающих дополнительную информацию о советской психологии того времени – обзорные статьи А.Л. Шнирмана [979], К.Н. Корнилова [945] и И.П. Павлова [951] в книге Мерчисона [953]; вышедший в США в 1932 г. «The psychological register» («Психологический указатель»), содержащий краткие биографические и библиографические сведения о советских психологах (около ста персоналий) [984]; обзорная статья Н.О. Лосского [458] и некрологи в связи со смертью Г.И. Челпанова, написанные В.В. Зеньковским [306] и Н.А. Бердяевым [73].

В рассмотренных работах советских авторов 1920-1930-х гг. обращают на себя внимание две характерные особенности.

Во-первых, все эти работы по своему целевому назначению, как это видно уже по их названиям и выходным данным, исходно являлись не столько историко-аналитическими обзорами, сколько описанием положения дел в современной советской (или, еще шире, мировой) психологической науке, дополненным более или менее подробным освещением предыстории вопроса.

Другими словами, фактически перед нами работы, описывающие не столько историю, сколько актуальное состояние советской психологии и ее недолгую, но весьма насыщенную событиями предысторию – хронологически это максимум два с небольшим десятилетия.

Во-вторых, всем рассмотренным работам советских авторов присуща неизбежная идеологизация, выражающаяся не только в терминологии, но и в исходных принципах, логике изложения и оценочных критериях, что, собственно говоря, и позволяет нам в конечном счете говорить о содержащейся в этих работах специфической концепции изложения советской психологии.

В этом отношении особо следует выделить относящиеся к концу 1930-х гг. основополагающие публикации Б.Г. Ананьева [29], С.Л. Рубинштейна [650], А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия [450], которые, дополняя друг друга, не только дают современному читателю хорошее представление о положении дел в советской психологии в конце 1930-х – начале 1940-х гг., но и в наиболее полном виде содержат в себе основные положения историографической концепции

развития советской психологии как особой науки. Можно сказать, что в этих работах подводится итог всему довоенному этапу развития психологической науки в СССР.

В целом 1920-1930-е гг. следует характеризовать как начальный период развития отечественной историографии советской психологии.

§ 2. Работы советских авторов 1940-1950-х гг. по истории советской психологии

На протяжении 1940-х годов наблюдается существенное увеличение работ, непосредственно посвященных истории советской психологии. Это «юбилейные» статьи В.А. Артемова [39], Н.А. Рыбникова [679], Б.Г. Ананьева [31], Г.С. Костюка [392] и Б.М. Теплова [779], а также параграф «Советская психология» в «Основах общей психологии» (1946) С.Л. Рубинштейна [654, с. 81-86]. В этом списке на первое место следует поставить работу Б.М. Теплова «Советская психологическая наука за 30 лет» [779] как наиболее полно и объективно освещающую развитие советской психологии за тридцать прошедших советских лет.

Кроме того, в 1940-е гг. появились статьи, посвященные истории психологии в отдельных регионах страны (республиках СССР) – в Грузии (статьи Р.Г. Натадзе [511], [512], А.С. Прангишвили [589], Д.Н. Узнадзе [800]) и Украине (статья А.Н. Раевского [614]). Отметим, что спустя десять лет была опубликована еще одна обзорная работа А.Н. Раевского по истории психологии – «Психология речи в советской психологической науке за 40 лет (1917-1957)» [615]. В последующем – в 1960-е и 1970-е гг. – на русском языке были опубликованы еще две обзорные статьи Р.Г. Натадзе по истории психологии в Грузии [513], [514]. И если исходить из очевидного, не требующего доказательства тезиса о том, что та или иная обзорно-аналитическая статья, посвященная истории советской психологии, своим появлением свидетельствует о наличии определенного исследовательского центра (теории, школы, течения), с позиций которого излагается и интерпретируется история советской

психологии, то из факта публикаций 1940-х гг. можно сделать вывод о наличии в СССР в это время не одного, а нескольких научно-исследовательских центров – в Москве, Ленинграде, Грузии и Украине.

Некоторые важные дополнительные сведения о положении дел в советской психологии в 1920-1940-е гг. и в области историографии советской психологии можно обнаружить еще в целом ряде работ, в частности, в статье А.Н. Леонтьева «Советская психология после постановления ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе наркомпросов”» [433] и в статьях А.Д. Добровой [254], [255], [256], Е.Н. Медынского [489] и М.Н. Шардакова [861], посвященных обзору кандидатских и докторских диссертаций по педагогическим наукам (в том числе и по психологии).

Среди работ 1950-х годов, посвященных истории советской психологии, в первую очередь следует отметить работы А.А. Смирнова [718], [719], [720] и Г.С. Костюка [393]-[400]. Данные публикации Г.С. Костюка вместе с его вышедшей в 1947 г. статьей [392] позволяют оценить Г.С. Костюка как одного из ведущих исследователей истории советской психологии, в особенности в конце 1940-х гг. и в 1950-е гг.

Публикации, касающиеся отдельных вопросов истории советской психологии, были в 1950-е гг. у И.А. Арямова [57], Е.С. Кузьмина [409], П.И. Иванова [312], Н.К. Индик [317], С.Л. Рубинштейна [657]-[666], Н.А. Рыбникова [680]-[681], М.В. Соколова [740].

В 1952, 1953 и 1955 гг. в СССР состоялись три всесоюзных совещания по психологии – своего рода предвестники вскоре последовавших всесоюзных психологических съездов (первый из которых состоялся в 1959 г.). О том, насколько важны, но вместе с тем мало изучены материалы этих совещаний, свидетельствует, в частности, статья А.Л. Журавлева и Н.Ю. Стоюхиной, посвященная первому из этих совещаний [285].

На первом всесоюзном совещании по психологии, проходившем в Москве с 30 июня по 5 июля 1952 г. [488], с большим докладом «Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И.П. Павлова» выступил А.А. Смирнов [715],

[716], [717]. Касаясь истории советской психологии, А.А. Смирнов подчеркнул: «Весьма важный по своему значению, хотя и недостаточно широко развернутый, раздел советской психологии – история психологии и в первую очередь история нашей отечественной психологической науки: история развития советской психологии и история передовой дореволюционной русской психологической мысли, с особенной силой выступающей в трудах наших революционных демократов и в том гениальном “взмахе” сеченовской мысли, о котором говорил И.П. Павлов. Советские психологи показали всю лживость попыток историков-идеалистов дореволюционного времени изобразить развитие русской психологии как победоносное шествие идеалистических учений. Они дали правильную картину развития передовой русской материалистической мысли как основной линии развития русской дореволюционной психологии, успешно пролагавшей свой путь в непримиримой борьбе с идеализмом. Они преодолели беспочвенные, вздорные космополитические попытки отрицать самостоятельность русской психологической науки, показали ее бесспорный приоритет в решении многих важнейших вопросов» [717, с. 14-15].

Много ценной информации о советской психологии (как ее истории, так и современном состоянии) можно обнаружить и у других выступавших на совещании – в докладе Б.М. Теплова «Об объективном методе в психологии» [781], а также в прениях по докладам А.А. Смирнова и Б.М. Теплова – в выступлениях Б.Г. Ананьева [488, с. 213-220], В.Н. Колбановского [488, с. 237-241], К.Н. Корнилова [488, с. 210-213], Г.С. Костюка [488, с. 153-159], А.Н. Леонтьева [488, с. 159-166], А.Р. Лурия [488, с. 126-132], С.Л. Рубинштейна [488, с. 201-210] и др.

В 1953 г. с 3 по 8 июля в Москве проходило второе Всесоюзное совещание по психологии, на котором, судя по имеющимся материалам [257], вопросы истории психологии не затрагивались. В 1955 г. на третьем Совещании по психологии А.А. Смирнов выступил с докладом «О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии».

Этот доклад был вскоре опубликован в пятом номере журнала «Вопросы психологии» [718], а в 1957 г. без каких-либо изменений – в «Материалах» совещания [719]. Оценивая положение дел в различных отраслях советской психологии, А.А. Смирнов уделил внимание и исследованиям в области истории психологии. Достаточно жестко А.А. Смирнов сказал о недостатках в области историко-психологических исследований: «Неблагоприятно положение с историей психологии. Совершенно не ведется работа по истории мировой психологической науки. К построению марксистской истории мировой психологии советские психологи (если не считать отдельных курсов, читаемых в вузах, но нигде и никак не опубликованных) не приступали. По истории отечественной психологии ведется работа в Москве М.В. Соколовым (по истории русской психологии с XI по XVII вв.) и некоторыми украинскими психологами, но эти исследования только еще будут опубликованы. В настоящее же время уже вышедших из печати работ почти нет» [718, с. 53]. Эти же слова А.А. Смирнов повторил и в «Материалах Совещания» (см. [719, с. 17]).

Вскоре А.А. Смирнов сам непосредственно взялся за изучение истории советской психологии, уже в 1950-е гг. фактически став ведущим исследователем и экспертом в этой области, и если для 1940-х гг. главным достижением стала брошюра Б.М. Теплова «Тридцать лет советской психологии» [779], то для 1950-х гг. такой вершиной явилась статья А.А. Смирнова «Советская психология за 40 лет» [720]. Более того, если учитывать и содержание, и жанр, и степень идеологизации, и общий объем работы Б.М. Теплова [779] и других упомянутых выше аналогичных работ обзорно-обобщающего характера (Б.Г. Ананьева, В.А. Артемова, Г.С. Костюка, Н.А. Рыбникова и др.), то статья А.А. Смирнова [720] должна быть признана в качестве первой по-настоящему полноценной по всем параметрам исследовательской работой по истории советской психологии. Это огромная статья, общим объемом 48 журнальных страниц (для сравнения: статья Б.М. Теплова в два раза меньше).

В данной статье А.А. Смирнов открыл цикл своих исследований истории советской психологии, что выразилось в его последующих публикациях 1960-1970-х гг. [721]-[725], [727], [728], получивших окончательное завершение и обобщение в его фундаментальной монографии «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» [726].

Поэтому у нас есть все основания рассматривать статью А.А. Смирнова «Советская психология за 40 лет» [720] как своего рода зародыш, предварительный набросок вышедшей в 1975 г. монографии «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» [726]. Несомненно, данная статья вместе со статьей Б.М. Теплова «Тридцать лет советской психологии» [779] в последующем послужила своего рода точкой отсчета, стартовой площадкой и для других исследователей истории советской психологии – А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, Е.А. Будиловой и др. Большую ценность статья А.А. Смирнова представляет и в настоящее время – и как источник обширных сведений об истории советской психологии, и как красноречивый документ своей эпохи.

Статья А.А. Смирнова показательна еще и тем, что она дополняется в этом же номере журнала обзорными статьями по отдельным отраслям и проблемам советской психологии – статьями С.Л. Рубинштейна, Г.С. Костюка, Р.Г. Натадзе по проблемам мышления, статьей Б.М. Теплова о психологических проявлениях свойств нервной системы, К.Н. Корнилова – о личности советского человека, В.Н. Мясищева – о проблеме отношений, Б.Г. Ананьева – по возрастной психологии и Н.А. Менчинской – по психологии обучения. С этой точки зрения весь «юбилейный» пятый номер журнала «Вопросы психологии за 1957 г. можно рассматривать как первое (причем – коллективное) монографическое исследование истории и актуального состояния всей психологической науки в СССР.

В том же 1957 г. вышел дополнительный том «Большой Советской Энциклопедии», целиком посвященный СССР. Автором статьи «Психология» был М.В. Соколов [739].

Еще одной важной ступенью в изучении истории советской психологии стал юбилейный сборник «Советская психологическая наука за 40 лет», вышедший на украинском языке в 1958 г. в Киеве под редакцией Г.С. Костюка [807]. Авторами статей были Д.Г. Элькин («Ощущение и восприятие» [807, с. 7-62]), Е.А. Милерян («Вопросы психологии внимания» [807, с. 63-84]), П.И. Зинченко («Психология памяти» [807, с. 85-136]), Г.С. Костюк («Проблемы психологии мышления» [807, с. 137-225]), А.Н. Раевский («Речь и ее развитие у детей» [807, с. 226-288]), П.М. Якобсон («Вопросы психологии эмоций» [807, с. 289-311]), Д.Ф. Николенко («Психология волевой деятельности» [807, с. 312-340], П.М. Пелех («Вопросы психологии личности» [807, с. 341-371]), П.Р. Чамата («Вопросы самосознания личности» [807, с. 372-392]), Н.А. Менчинская («Психология обучения» [807, с. 393-422]), М.К. Годына («Психология воспитания» [807, с. 423-440]), А.Р. Лурия («Советская психология в изучении мозговых поражений и восстановления нарушенных функций» [807, с. 441-477]).

Еще одним ярким выражением начала нового этапа в развитии отечественной историографии советской психологии стал двухтомник «Психологическая наука в СССР», вышедший в 1959-1960 гг. [597]. Особо следует отметить факт публикации во втором томе фундаментального обзорно-обобщающего исследования М.В. Соколова «Работы советских психологов по истории психологии» [740]. В двухтомник также вошли посвященные отдельным психологическим проблемам работы ведущих советских психологов – Б.Г. Ананьева, Н.Ф. Добрынина, П.И. Зинченко, Г.С. Костюка, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова и т.д.

По опубликованным в двухтомнике работам можно судить о том, что собой представляла советская психология в конце 1950-х гг. и по своим основным областям, и в плане проблем, достижений и наиболее значимых имен. Обратим внимание и на то, что подбор и группировка материала в двухтомнике практически полностью соответствуют оглавлению стандартного учебника по общей психологии: в первом томе последовательно рассматриваются вопросы, связанные с психикой, рефлексами, ощущениями, восприятием, вниманием,

памятью, мышлением и речью, во втором томе говорится о характере, способностях и т.д.

Исходя из оглавления двухтомника, можно составить список наиболее развитых прикладных и практических отраслей, по которым у советских психологов оказалось что сказать в конце 1950-х гг.: это детская и педагогическая психология, психология труда, спортивная психология, патопсихология, сравнительная психология и – что для нас немаловажно – история психологии.

Обзор М.В. Соколова «Работы советских психологов по истории психологии» [740], сам по себе внушительный по объему текстовой части, содержит впечатляющий библиографический список – 469 (по нумерации – 447) источников 221 автора. Анализу работ по истории советской психологии М.В. Соколов посвятил одиннадцатый раздел своего обзора [740, с. 631-636].

Следует подчеркнуть, что работа М.В. Соколова носит не только обзорный, описательный характер, но и затрагивает ряд принципиальных и методологических проблем историко-психологических исследований. Для М.В. Соколова, как мы понимаем, прежде всего важно было показать широкий фронт и большой объем работ по истории психологии, подчеркнуть их разнообразие и значение (в соответствии с общим замыслом всего двухтомника) и наметить пути решения имеющихся проблем. Для понимания общей интонации изложения нужно учитывать и идеологическую ситуацию в стране – период хрущевской «оттепели».

В вышедшей в том же 1960 г. работе Б.М. Теплова «О некоторых общих вопросах разработки истории психологии» [785] следует обратить на точку зрения Б.М. Теплова на соотношение изучения истории мировой и советской психологии. Б.М. Теплов отмечал: «Советские психологи – исключением являются лишь некоторые работы С.Л. Рубинштейна – избегают до сего времени даже косвенно касаться истории мировой психологии. Но ведь важнейшая задача, стоящая перед всеми нашими работниками, занимающимися историей психологии, – это постепенное приближение к созданию подлинно марксистской

истории мировой психологии. Лишь в контексте решения этой задачи можно с полной убедительностью показать все значение советской психологии как качественно нового этапа в развитии психологической науки» [787, с. 198].

При обобщающей характеристике работ, вышедших в СССР в 1950-е гг. и посвященных истории советской психологии, важны оценки, высказанные Е.А. Будиловой в монографии «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX – начало XX в.)» [178].

Для нас важно, что хотя эта работа посвящена истории отечественной психологии до 1917 г., в предисловии к работе Е.А. Будилова высказалась о положении дел и задачах в области изучения истории отечественной психологии в целом: «История отечественной психологии стала изучаться советскими психологами в последние десятилетия. За это время появились исследования по разным вопросам истории психологической науки, главным образом, статьи, посвященные психологическим воззрениям деятелей русской культуры и культуры народов СССР с древних времен до конца XIX в. Все эти исследования значительно обогатили науку. Очередной задачей советских психологов, занимающихся вопросами истории науки, является подготовка трудов, подробно освещающих отдельные периоды истории психологии в нашей стране. Они должны стать первым подступом к будущему коллективному труду – разработке с марксистско-ленинских позиций истории отечественной психологии, а затем и всеобщей истории психологии» [178, с. 4].

Весьма показательно, что Е.А. Будилова здесь не упоминает каких-либо достижений и вообще каких-либо работ в области изучения истории советской психологии.

Итак, в 1940-1950-е гг. в области изучения истории советской психологии наряду с Б.Г. Ананьевым, Н.А. Рыбниковым и С.Л. Рубинштейном появились такие значимые фигуры, как Г.С. Костюк, М.В. Соколов, Б.М. Теплов и А.А. Смирнов. Кроме того, в 1943 г. на кафедре психологии философского факультета МГУ началось преподавание истории психологии (вскоре кафедра была преобразована в отделение психологии). Аналогично дело обстояло и в

Ленинградском университете. Таким образом, история психологии в это время стала в СССР учебной дисциплиной.

В целом в период 1940-1950-х гг., характеризующийся такими значимыми событиями, как Великая Отечественная война, Объединенная сессия АН и АМН СССР 1950 г. («Павловская сессия») и частичная либерализация в стране в послесталинский период, несмотря на далеко не всегда благоприятные для развития науки внешние условия, во многом обусловленные нестабильной государственной научной политикой, отечественными исследователями был достигнут значительный прогресс в деле изучения истории советской психологии. Был накоплен большой эмпирический материал, происходило дальнейшее уточнение общей схемы изложения и интерпретации истории советской психологии, значительно расширился круг исследователей, и они вплотную подошли к задаче по созданию больших – на уровне отдельных монографий – трудов по истории советской психологии.

§ 3. Работы советских авторов 1960-1980-х гг. по истории советской психологии

Для оценки историографических работ 1960-х гг. необходимо иметь в виду, что начало этого десятилетия ознаменовалось такими значимыми для советской психологии событиями, как Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии (Москва, 1962) [813], XVIII Международный психологический конгресс (Москва, 1966), открытие в 1966 г. факультетов психологии в Московском и Ленинградском государственных университетах.

В это десятилетие вышли три важные обзорно-аналитические статьи А.А. Смирнова по истории советской психологии: «50 лет Института психологии» [721], «Пути развития советской психологии» (доклад на XVIII Международном психологическом конгрессе [722]) и «К 50-летию советской психологии» [723].

Еще одним значимым для историографии советской психологии обстоятельством стало то, что А.В. Петровский, приступив к работе над докторской диссертацией, в конце 1950-х и в первой половине 1960-х гг. опубликовал ряд работ по истории русской и советской психологии [561]-[564].

С А.В. Петровского начинается, можно сказать, новая эпоха в изучении истории советской психологии 1920-1930-х гг. А.В. Петровский не был непосредственным очевидцем и участником событий периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии – в отличие от Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, А.А. Смирнова и других творцов советской психологии, при изложении и оценке истории советской психологии во многом опиравшихся на личный опыт и потому на прошлое советской психологии глядевших, образно выражаясь, «изнутри». Другими словами, А.В. Петровский явился представителем нового поколения историков советской психологии. Это обстоятельство не менее важно, чем менявшиеся в стране буквально каждое десятилетие идеологические установки и фактическая принадлежность того или иного историка психологии к определенной научной школе.

В 1964 г. в «Ученых записках МГПИ им. В.И. Ленина» вышла монография А.В. Петровского «На подступах к марксистской психологии» [565], представлявшая собой первое монографическое исследование истории советской психологии. Эта работа А.В. Петровского легла затем в основу защищенной им в 1965 г. докторской диссертации [566], [567], а также его вышедшей в 1967 г. монографии «История советской психологии» [568].

В автореферате диссертации А.В. Петровский подчеркивал: «Настоящая диссертация является первым опытом монографического исследования истории советской психологии. До сих пор этому важному вопросу были посвящены лишь немногочисленные статьи, освещающие некоторые знаменательные события в истории психологии, характеризующие воззрения видных советских психологов, дающие историко-психологические обзоры в связи с различными юбилейными датами» [567, с. 1].

В вышедшей в 1966 г. «Истории психологии» М.Г. Ярошевского А.В. Петровский был автором главы «Развитие советской психологии» [896, с. 521-550]. Кроме того, в написанной коллективом авторов статье «Психология» в «Философской энциклопедии» (1967) [812, с. 420-431] А.В. Петровский был также автором параграфа «История советской психологии» [812, с. 425-426].

Свою лепту в изучение истории советской психологии в этот период внесли и другие исследователи. Автором статьи «Психология» (с обширным разделом по истории психологии) в капитальной четырехтомной «Педагогической энциклопедии» был Г.С. Костюк [553, т. 3, стлб. 575-585]. В 1969 г. вышла в свет книга М.С. Роговина «Введение в психологию» [629], в которой затрагивались вопросы историко-психологических исследований.

С точки зрения историографии советской психологии следует также отметить публикацию в 1966 г. коллективной монографии «Исследования мышления в советской психологии» [322].

Значимой вехой в советской историографии психологии стал доклад А.А. Смирнова «Пути развития советской психологии» [722], представляющий собой вечернюю лекцию, с которой А.А. Смирнов выступил на XVIII Международном психологическом конгрессе. Статья А.А. Смирнова «К 50-летию советской психологии» [723] фактически представляет собой значительно углубленный и расширенный вариант вышедшей десятью годами ранее его статьи «Советская психология за 40 лет» [720].

Важным событием в отечественной историографии психологии стал выход в 1967 г. монографии А.В. Петровского «История советской психологии» [568]. Ценность этой работы состоит не в том, что А.В. Петровский разработал и предложил в ней новую схему, новое виденье истории советской психологии. Несложно убедиться, что фактически А.В. Петровский следовал концептуальной схеме, которая к началу 1960-х гг. была уже хорошо разработана (прежде всего Б.Г. Ананьевым, Г.С. Костюком, А.А. Смирновым и Б.М. Тепловым), устоялась и стала традиционной – но именно как схема. Значение работы А.В. Петровского в том, что он максимально насытил эту схему огромным эмпирическим

материалом, осветив ключевые моменты истории советской психологии 1920-1930-х гг., раскрыв ее структуру и отрасли. Основными субъектами этой истории, судя по названиям глав и параграфов, были, помимо самой советской психологии, идеалистическая психология (с последним этапом в 1922-1923 гг.), психология как «наука о поведении» (в широком смысле), фрейдизм, рефлексология (учение В.М. Бехтерева излагается отдельно от параграфа о психологии как науки о поведении) и реактология.

В 1970-е гг. и в первой половине 1980-х гг. проблемы советской психологии на монографическом уровне и на уровне отдельных публикаций изучали: Е.А. Будилова [179], [180], [181], [184], А.В. Петровский [569], М.Г. Ярошевский [898], [901], [902], [905] (в издании 1985 г. главу по истории советской психологии написал уже сам М.Г. Ярошевский, в первых двух изданиях автором главы был А.В. Петровский), А.А. Смирнов [724]-[728]. Кроме того, в 1984 г. в сборнике «Актуальные проблемы истории психологии» вышла статья К.К. Платонова «Общее, особенное и единичное в критериях периодизации истории отечественной психологии» [583].

Взятые в совокупности, монографии А.В. Петровского, Е.А. Будиловой и А.А. Смирнова и в настоящее время остаются тремя наиболее важными исследовательскими работами («тремя китами») в области изучения истории советской психологии.

Если говорить о других публикациях 1960-1980-х гг., то публикации, касающиеся вопросов истории советской психологии, в рассматриваемый период были у А.Н. Леонтьева – прежде всего это монография «Деятельность. Сознание. Личность» [437], [439] и статья «Психология» в третьем издании БСЭ, написанная в соавторстве с М.Г. Ярошевским [168, с. 193-196].

В эти же годы вопросами истории психологии занимался П.Я. Гальперин [218]-[224]. Важна точка зрения П.Я. Гальперина и А.Н. Ждан на историю психологии в «Хрестоматии по истории психологии» (1980), сформулированная в их вступительных статьях [220], [269]. О П.Я. Гальперине как теоретике и

историке психологии подробно говорится в работах А.Н. Ждан (см. [277, с. 7-8], [279], [280, с. 359-362]).

В 1980-е гг. материал по истории советской психологии был представлен в ряде словарных статей «Психология»: в первом издании «Психологического словаря» (под редакций В.В. Давыдова и др.) [602, с. 291-292]; в статье М.Г. Ярошевского в «Философском энциклопедическом словаре» [904, с. 549-551]; в статьях «Психология» и «Марксистская психология» во втором издании «Краткого словаря системы психологических понятий» К.К. Платонова [582]; в статьях «Психология» и «История психологии» в «Кратком психологическом словаре» под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [402].

Большое количество конкретного исторического материала была опубликовано под рубрикой «К 70-летию Великого Октября» в ряде номеров в журнале «Вопросы психологии» в 1987 г. – статьи о развитии психологической науки в Белорусской ССР, Молдавской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Латвийской ССР, Советской Грузии, Украинской ССР и в других союзных республиках.

§ 4. Работы советских авторов конца 1980-х – начала 1990-х гг. по истории советской психологии

На рубеже 1980-х и 1990-х гг. в связи с начатыми в нашей стране в середине 1980-х гг. радикальными социальными реформами, в условиях перестройки, гласности, демократизации и в контексте общей задачи по деидеологизации и «демифологизации» [573, с. 95] всей общественной жизни наши ведущие исследователи в области истории, теории и методологии психологии – Е.А. Будилова, А.Н. Ждан, В.П. Зинченко, В.А. Кольцова, А.А. Никольская, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский – сформулировали ряд конкретных задач: объективное освещение движения научной мысли, преодоление упрощенного подхода к истории психологической науки [525], изучение роли социокультурных факторов развития науки [359], реконструкция истоков русской психологической науки, выявление ее роли в культуре России [182,

с. 59], введение истории русской психологической мысли во всеобщую историю психологии [183, с. 52], получение объективной картины истории советской психологии в целом и на отдельных этапах ее развития – в частности, раскрытие и осмысление негативных, ранее закрытых для изучения тем (история психологии в СССР как «репрессированной науки» [906, с. 10]), объективный анализ значения марксизма в истории советской психологии [559], [610], [907], адекватное отношение к идейному наследию советских времен, решение проблем периодизации истории советской психологии, классификации направлений, школ, теорий в истории советской психологии и др.

А.В. Петровский в 1988 г. в статье «Непрочитанные страницы истории психологии – тридцатые годы» писал о кризисном состоянии советской психологии и о необходимости перемен к лучшему (см. [570]). Также в 1988 г. в значимом для историографии советской психологии сборнике «Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии» [314] была опубликована имеющая большое методологическое значение статья А.Н. Ждан «Состояние и актуальные задачи истории психологии в СССР» [270].

Среди авторов этого сборника были также такие известные советские психологи (теоретики, историки), как А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, В.В. Давыдов, Б.В. Зейгарник, В.П. Зинченко, Н.С. Лейтес, А.А. Никольская, О.Г. Носкова, В.А. Роменец, О.К. Тихомиров, П. Тульвисте, М.Г. Ярошевский.

В 1988 г. в журнале «Вопросы психологии» были опубликованы материалы «Круглого стола» по проблемам перестройки психологии [559], которые сейчас представляют большой интерес с историографической точки зрения.

В 1989 г. вышла методологически важная статья А.А. Никольской «Задачи разработки истории психологии в России» [525]. Констатируя, что «в психологии пока не наблюдается активного желания разобраться в исторических путях ее развития» [525, с. 14], А.А. Никольская одной из задач ставила пересмотр принципов (критериев) оценки в историко-психологических работах [525, с. 16]. А.А. Никольская призывала отбросить все ненужное, искусственное, догматическое, наносное и возвратиться к тем здоровым традициям, которые

существовали ранее в русской психологии, и как к партнеру обратиться к зарубежной, мировой психологии.

Вышедший в 1990 г. учебник «История психологии» А.Н. Ждан [271] был первым в нашей стране учебником по истории психологии. История советской психологии в учебнике А.Н. Ждан рассматривается в разделе седьмом «Становление и тенденции дальнейшего развития советской психологии» [271, с. 301-345]. Нетрудно заметить, что изложение истории советской психологии в данном учебнике несет на себе явственный отпечаток не только особенностей индивидуального авторского стиля, но и своеобразный «дух времени», присущий тому времени, когда был опубликован учебник, и выражающийся в таких понятиях, как «перестройка», «гласность», «демократизация», «деидеологизация» и т.д.

Отражают дух времени и несут определенную не только оценочную, но и эмпирическую новизну статьи «Психология» и «История психологии» в справочнике «Психология. Словарь» (1990) под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [608].

В том же 1990 г. в журнале «Вопросы психологии» вышла статья О.М. Тутунджяна «О периодизации психологической историографии в СССР» [798], интересная тем, что для решения проблемы периодизации О.М. Тутунджян формулирует в статье три принципа: продуктивности в развитии историографических исследований в разные годы; разработанности теории психологической историографии; новизны и степени разработанности историографической проблематики (см. [798, с. 104]).

В 1991 г. под редакцией М.Г. Ярошевского был опубликован первый том (выпуск) сборника «Репрессированная наука» [623], со статьями по истории советской психологии М.Г. Ярошевского [906], А.В. Петровского [572], И.Е. Сироткиной [705] и В.В. Умрихина [801] (второй том вышел в 1994 г. [624]).

В том же 1991 г. на русском языке вышла (в переводе с английского) книга Л.Р. Грэхэма «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в

Советском Союзе» [237], где истории советской психологии посвящена глава пятая «Физиология и психология» [237, с. 163-220].

В 1992 г. в Москве состоялась первая Международная конференция по истории психологии «Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее» [360]. Конференция была организована и проведена Институтом психологии РАН. Как отмечается в отчете о конференции, «это был первый в нашей стране научный международный форум по проблемам истории психологии» [360, с. 176].

В работе конференции приняли участие более пятидесяти ученых из Германии, США, Великобритании, Венгрии, Испании, ЧСФСР, ЮАР, Китая, Украины, Армении, Казахстана и двенадцати городов России. Были проведены четыре тематических заседания и «круглый стол», на котором обсуждалась тема «Трудные судьбы советской психологии».

Много внимания докладчиками было уделено отдельным отечественным и зарубежным психологам – таким, как М.Я. Басов, А. Бэн, Ф. Бартлетт, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, А.А. Потебня, Д.И. Рейтынбарг, И.А. Сикорский, А.А. Смирнов, М.М. Троицкий, Д.Н. Узнадзе, И.Н. Шпильрейн. Одной из центральных проблем на конференции стала проблема «Психология и марксизм» (в истории советской психологии).

В последующем конференция стала проводиться регулярно (получив общее название «Московские встречи»): вторая конференция состоялась в 1993 г., третья – в 2001, четвертая – в 2006, пятая – в 2009 г., шестая – в 2016, седьмая – 2021 г.

В 1993 г. вышла книга М.Г. Ярошевского «Л.С. Выготский: в поисках новой психологии» [908]. Этой монографией, а по линии учебной и справочной литературы – учебником А.Н. Ждан [271] и справочником «Психология. Словарь» [608] фактически заканчивается советский период не только истории, но и историографии отечественной психологии.

§ 5. Методологические итоги советского периода: историографическая концепция советской психологии как особой науки

Анализ указанных в предыдущих параграфах работ позволяет обнаружить в них нечто общее, – то, с чем так или иначе согласны все советские авторы, писавшие об истории советской психологии, от К.Н. Корнилова и Л.С. Выготского в 1920-е гг. до А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского и А.Н. Ждан в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Этим исходным общим прежде всего является само понятие «советская психология» и тесно связанное с ним представление об истории советской психологии.

Подводя с этой точки зрения методологические итоги проведенного анализа, мы можем сделать вывод о том, что в советский период в работах Б.Г. Ананьева, Е.А. Будиловой, Г.С. Костюка, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, М.Г. Ярошевского и других ведущих советских психологов (историков, теоретиков и методологов) к середине 1970-х гг. окончательно сформировалась вполне определенная историографическая концепция – концепция советской психологии как «особой науки».

В рамках этой концепции (которая в чистом виде никем не формулировалась, так как, будучи идеологической по своим корням, только подразумевалась и не обосновывалась) советская психология понималась как особая (принципиально новая, марксистская, советская) наука о психике (психической деятельности), возникшая и функционирующая на основе марксизма и противопоставляемая всей остальной психологии. В ходе историографического анализа в концепции советской психологии как особой науки были выявлены две составляющие – идеологическая и научная. Рассмотрим эти составляющие более подробно.

Идеологическая составляющая (идеологические признаки) советской психологии как особой науки. Наиболее существенными, априорно заданными, обусловленными идеологически и потому обязательными признаками советской психологии являются следующие.

Марксистская наука. На основе проведенного историографического анализа можно сделать вывод о том, что советская психология – это не просто (вся) «психологическая наука в СССР», это принципиально новая психология, построенная на основе марксизма – это особая, марксистская наука. В основе данного положения лежит тезис о примате идеологической (идущей из марксизма) составляющей по отношению к собственно научной (теоретической) составляющей советской психологии, первичность марксизма как фундамента всей советской психологии. При этом утверждается, что из марксизма советская психология берет общее понимание своего предмета, своих теоретических и практических задач: в соответствии с марксизмом-ленинизмом, с ленинской теорией отражения предметом психологии является психика как отражение, как особое свойство высокоорганизованной материи.

Таким образом, по своим философским основам советская психология – это наука марксистская, причем марксизм здесь следует понимать в предельно широком смысле: это одновременно наука, философия и мировоззрение, а также обобщающее понятие и синоним по отношению к понятиям «марксизм-ленинизм», «диалектический материализм», «исторический материализм», «марксистская философия», «ленинская теория отражения» и прочим, приобретавшим особый смысл и выходившим на первый план в тот или иной период исторического развития.

Советская психология должна иметь марксизм в качестве своей научной, философской, методологической, мировоззренческой и идеологической основы (речь шла также об «основаниях», «фундаменте», «принципах» советской психологии), соответствовать марксизму, опираться на марксизм или даже происходить из него. Марксизм – это источник, но от психологии также требуется не только правильно, не искажая, понимать и усваивать марксизм и основываться на нем, но и постоянно подтверждать его правильность, способствовать его дальнейшему творческому развитию.

Идеологическая наука. А.Г. Авторханов в книге «Технология власти» писал, что «марксизм-ленинизм надо рассматривать не только как систему утопических

догм, которые подверглись ревизии или обанкротились на практике (“коммунистическая идеология”), но и как систему практических приемов по созданию, укреплению и расширению власти нового типа – партократии, основные принципы которой никогда не подвергались ревизии, но методы которой постоянно подвергались модернизации (“коммунистическая доктрина”)» [6, с. 561].

Аналогичным образом можно говорить и о функциях марксизма-ленинизма к советской психологии: он выступал не только как источник идеологического давления и репрессий, но и как система конкретных практических приемов, требований и рекомендаций по созданию психологии нового типа – советской психологии. Поэтому с исторической точки зрения приведенные выше определения марксистской психологии нуждаются в одной существенной поправке: дальнейшее развитие показало, что быть марксистской – не единственное и даже не самое главное качество советской психологии. Более существенным, как мы сейчас понимаем, являлось соответствие психологии господствующей в стране партийно-государственной идеологии.

Это означало, что советская психология могла функционировать и развиваться только под руководством Коммунистической партии, в строгом соответствии с партийными требованиями и указаниями. Другими словами, по своим задачам и механизмам функционирования советская психология обязана была быть наукой идеологической (партийной, классовой, пролетарской).

Единая наука. Советская психология в идеале мыслилась как наука монолитная по своей структуре, сплоченная, унифицированная, централизованная, единая.

Воинствующая наука. Не менее важным был тезис о том, что советская психология противостоит всей остальной психологии, что идет непрекращающаяся борьба двух психологий, в которой советская психология должна рано или поздно победить как психология самая передовая, подлинно материалистическая и научная, диалектическая, прогрессивная и т.д., в отличие

от остальной (зарубежной, буржуазной) психологии, являющейся по своей сути и в конечном счете реакционной, метафизической, ненаучной и т.д.

Советская психология, таким образом, – это наука воинствующая, т.е. борющаяся, критически настроенная, боевая. Будучи особой наукой, советская психология является наукой не только обособленной, но и оппозиционной по отношению ко всей остальной (современной зарубежной, предшествующей русской дореволюционной) психологии, противостоящей всей остальной (буржуазной, реакционной, антимарксистской, идеалистической) психологии.

Вся остальная психология, не обладающая необходимыми с точки зрения марксистской идеологии признаками и потому не являющаяся правильной, истинной и подлинно научной, должна быть в обязательном порядке подвергнута критике, «переведена на марксистские рельсы» и в конечном счете заменена психологией настоящей, истинной, правильной, подлинно научной – советской.

История советской психологии с этой точки зрения – это история непримиримой борьбы со всей остальной психологией – буржуазной, зарубежной, идеалистической, метафизической, механистической, немарксистской и антимарксистской, а также, что немаловажно, с отклонениями и извращениями внутри самой советской психологии.

Поставленный на передний план и развитый до предела, настрой на беспощадную критику и борьбу мог находить в истории советской психологии выражение в агрессивных, деструктивных и самодеструктивных тенденциях, в ксенофобии и самоизоляционизме (феномен «воинственной науки» на материале германской и российской историографии второй половины двадцатого века всесторонне исследован в книге О. Каппеса «Воинственная наука» [336]).

Передовая наука. В оценочном плане советская психология априорно, исходно, по определению считалась, самой лучшей, самой прогрессивной, самой передовой наукой, превосходящей всей остальные теории и направления в психологии. С.Л. Рубинштейн в первом издании «Основ общей психологии» отмечал: «Та подлинно научная методологическая база, которая лежит в основе

советской психологии, поднимает ее на исключительную принципиальную высоту и открывает неограниченные возможности для того, чтобы советская психология, сочетая теоретическую работу с работой экспериментальной, заняла в недалеком будущем такое же почетное и даже ведущее место в мировой науке, какое заняли уже другие, близкие ей, отрасли советской науки. Наша психология должна и может стать подлинно *передовой* наукой» [650, с. 70].

Добавив к исходному «нейтральному» признаку («психология в СССР») пять указанных выше признаков (марксистские философские основы, партийно-идеологические функции и задачи, монолитное единство, передовой и воинствующий характер), мы получим тем самым в виде шести признаков-требований общее формальное определение того, что следует понимать под советской психологией как особой наукой. Советская психология – это не просто «психология в СССР» и не еще одно, наряду с другими, направление в психологии. Это – по аналогии с определением большевистской партии как «партии нового типа» – «наука нового типа», причем данная идеологическая параллель носит совсем не случайный характер, так как наука рассматривается в качестве составной части всей государственной идеологии. Так понимаемая советская психология принципиально, в корне отличается от всей остальной психологии – как современной, зарубежной, так и русской дореволюционной. Особой советскую психологию, делало то, что это была наука марксистская по своим философским основам, идеологическая (государственная, партийная) по своим целям, задачам и по механизмам функционирования, единая по своей структуре, воинствующая (боевая) – не просто обособленная, а активно противостоящая всей остальной психологии; передовая (лучшая) по отношению к остальной (зарубежной, мировой) психологии.

То, что полученное определение советской психологии является абстрактным и формальным, что в нем ничего не говорится о конкретном содержании советской психологии, можно объяснить тем, что данное определение относятся не только и не столько к психологии. Фактически перед нами идеологическое понимание советской науки вообще: в СССР

марксистской, идеологизированной, единой, воинствующей и передовой должна была быть любая наука.

С этой точки зрения весьма показательна цитата из относящегося к середине 1930-х гг. источника, почти в полном виде содержащая определение советской психологии. Красноречивое высказывание (авторство его, судя по всему, принадлежит В.Н. Колбановскому), предельно четко определяет сущность советской психологии как государственного идеологического проекта: «На Западе руководители психологических институтов как правило являются вождями школ. В Стране советов должна идти речь не о “вождях” различных психологических школ, а о построении единой научной психологии, руководящейся марксистско-ленинской теорией, проводящей большевистскую партийность в науке, отвечающей требованиям социалистической практики» [804, с. 399-400].

Конечно, мы должны понимать, что полученное нами определение советской психологии является по своей сути внеисторическим, абстрактным, и в силу этого оно не всегда совпадает в деталях и нюансах с тем, что понималось под советской психологией в тот или иной период ее развития. Кроме того, понятие «советская психология» исходно и по своей сути является двойственным – оно включает в себя и идеологические, и психологические, собственно научные компоненты. Характерны в этой связи ранее процитированные (в начале второй главы диссертации) комментарии Ф.Е. Василюка к одной из своих важных статей, опубликованной еще в советское время [199, с. 231].

В методическом плане вся сложность для современного исследователя истории российской психологии советского периода состоит в том, что действительно существуют две крайности – две сильно пересекающиеся, внешне очень похожие (даже одинаково обозначаемые!), но по сути своей абсолютно различные трактовки понятия «советская психология»: (1) как науки обычной, традиционной, «нормальной» (в смысле – не идеологической и не

идеологизированной) и (2) как науки идеологизированной, марксистской, «особой».

Следовательно, правильное решение состоит не в том, чтобы делать вид, что советской психологии как особой науки не было (конечно, она была) или полностью отождествлять ее со всей психологией в СССР (конечно, это разные вещи, что особенно хорошо видно при изучении периода 1920-х гг.) или, наконец, считать ее сугубо идеологическим образованием, находящимся за пределами настоящей науки (конечно, и такая психология у нас была, но не она делала погоду), а в том, чтобы различать обе «советские психологии», к каждой из них применяя соответствующие методы исследования и оценки.

Научная составляющая (принципы) советской психологии как особой науки. О том, что конкретно представляла собой психологическая наука в СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. (перед началом Великой Отечественной войны), свидетельствуют рассмотренные выше работы Б.Г. Ананьева [29], С.Л. Рубинштейна [650] и А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия [450]. По этим работам – с учетом неизбежных для времени их написания идеологических формулировок, ограничений и запретов – мы можем судить об итогах всего довоенного этапа развития психологической науки в СССР в целом.

С этой точки зрения в теоретическом содержании советской психологии как понятия и определенной общепсихологической концепции можно обнаружить не только философские и чисто идеологические принципы, но и ряд общих (признававшихся практически всеми советскими психологами) относительно устойчивых элементов, в совокупности образующих теоретическую, собственно научную составляющую советской психологии. Научная составляющая советской психологии как определенной общепсихологической концепции представляет собой совокупность признаков (понятий, принципов, утверждений), основными из которых, как показывает анализ, являются следующие.

Психика как предмет психологии. Если бихевиоризм определять как науку о поведении, то столь же коротким определением советской психологии будет ее

определение как науки о психике. Ключевой тезис советской психологии – тезис о том, что предметом психологии является психика – обнаруживается у всех советских психологов, от П.П. Блонского и К.Н. Корнилова в 1920-1930-е гг. до В.В. Давыдова и Б.Ф. Ломова в 1970-1980-е гг. Показательно с этой точки зрения название одной из основополагающих работ советского периода – книги А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» [434].

При выдвижении и обосновании тезиса о психике как предмете психологии утверждалось, что он является конкретизацией на психологическом материале тех более общих и абстрактных понятий и категорий, которые имеются в философии марксизма – сознания, мышления, отражения, идеального, духовного и т.п. В частности, утверждалось, что при решении фундаментальных проблем (и в первую очередь – при рассмотрении вопроса о предмете психологии) советская психология исходит из марксистского решении основного вопроса философии.

При понимании психики как предмета психологии определения психологии как науки о сознании, поведении или бессознательном оказываются неполными и односторонними, так как психика включает в себя все эти элементы в качестве составных частей: психика (психическое) подразумевает не только сознание человека, но и психику животных, бессознательные процессы человека, а также поведение человека и животных. Другими словами, психология как наука о психике не замыкается ни в узкий круг интроспективных явлений сознания, ни в широчайший круг внешних реакций поведения.

Так, С.Л. Рубинштейн в 1940 г. в статье «Мысли о психологии» следующим образом обозначал свое понимание предмета психологии: «Включая вслед за аналитическим изучением психических процессов синтетическую психологию деятельности, мы, однако, изучаем не психику и деятельность, а психику в деятельности. Деятельность не является в целом предметом психологии; предметом психологии может быть только ее психическая сторона. Всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику. Но вопрос заключается в том, как ее изучать – лишь в себе самой, в ее

самоотражении, т.е. в конечном счете лишь интроспективно, или и в деятельности, в которой она формируется и проявляется. Мы идем вторым путем» [649, с. 13].

В это же время (в 1940 г.) А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия в первом издании «Большой советской энциклопедии» определяли психологию как «науку о психической деятельности животных и человека, представляющей собой одну из форм единого высокоорганизованного материального жизненного процесса. Специфическим признаком этой формы жизни является психика как особая форма отражения организмом объективной реальности» [450, стлб. 511]. Там же (в БСЭ) в статье «Психика» А.Н. Леонтьев определял психику как «философский и естественно-научный термин, означающий свойство высокоорганизованной материи (животных и человека) в особенной форме отражать предметы и процессы окружающего объективного мира» [450, стлб. 497].

Надо сказать, что и в современных отечественных психологических словарях (вроде бы максимально деидеологизированных и далеко уже ушедших от марксизма) общая трактовка предмета психологии практически остается той же: психика по-прежнему определяется как «форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникающая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в их поведении (деятельности) регулятивную функцию» [169, с. 420], как «свойство высокоорганизованной материи – субъекта, выраженное его способностью к отражению окружающего мира при активном взаимодействии с ним» [362, с. 457].

Принцип отражения. В 1975 г. в написанной совместно с М.Г. Ярошевским статье «Психология» А.Н. Леонтьев определял психологию как науку «о законах порождения и функционирования психического отражения индивидом объективной реальности в процессе деятельности человека и поведения животных» [451, с. 193]. В соответствии с этим подходом психические явления трактуются «как особая форма отражения субъектом объективной реальности – того, что существует первично и независимо от него». Показательно, что на

XVIII Международном психологическом конгрессе (Москва, 1966) А.Н. Леонтьев выступил с докладом «Понятие отражения и его значение для психологии» [435], [436]. О том, насколько прочно в советской психологии была укоренена трактовка психики как отражения, свидетельствует статья А.Н. Леонтьева «Психика» в третьем издании Большой Советской Энциклопедии [438].

Принцип активности. В первом издании «Основ общей психологии» [650, с. 3-4] С.Л. Рубинштейн в предисловии в качестве второй наиболее актуальной общепсихологической указывал «проблему действенности и сознательности», призывая к преодолению «господствующей в традиционной психологии сознания пассивной созерцательности» [650, с. 3]. Активность психики находит свое выражение в таких терминах и выражениях ведущих советских психологов, как «избирательность», «направленность», «пристрастность», «вычерпывание», «построение образа», «опережающее отражение», «модель потребного будущего» и т.д.

Подробно принцип активности излагается у А.Г. Асмолова [58] – естественно, как следует из заголовка статьи, применительно к теории деятельности («общепсихологической теории деятельности, созданной Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия и их последователями» [58, с. 32]). Но если расширить список упоминаемых при этом авторов (добавив Б.Г. Ананьева, П.П. Блонского, Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе и других), то даваемая А.Г. Асмоловым характеристика принципа активности может быть отнесена ко всей советской психологии.

А.Г. Асмолов подчеркивает, что в противовес принципу реактивности «советские психологи, и в частности представители той школы, о которой мы говорим, с самого начала отстаивали положение о пристрастности, активности психического отражения, опосредующего деятельность субъекта» [58, с. 38]. Далее рассматриваются три подхода в советской психологии, раскрывающие, как пишет А.Г. Асмолов, «разные границы принципа активности» [58, с. 38].

Принцип развития. В первом издании «Основ общей психологии» [650, с. 3-4] С.Л. Рубинштейн, указывая в предисловии три наиболее актуальные (общепсихологические) проблемы, писал о том, что первая проблема – это «проблема развития психики и, в частности, преодоление фаталистического взгляда на развитие личности и сознания, проблема развития и обучения» [650, с. 3]. В соответствии с принципом развития предметом изучения является развивающаяся психика, причем как в онтогенезе, так и в филогенезе, откуда вытекает одна из основных характеристик метода советской психологии – генетический подход.

Основным полем для реализации данного принципа выступают такие отрасли психологии, как возрастная (главным образом детская) психология и патопсихология. В соответствии с принципом развития сознание человека рассматривается как детерминированное в своем развитии и функционировании прежде всего социальными процессами, законами общественно-исторического развития. Примененный в социальном плане, принцип развития может поэтому трактоваться как отдельный принцип социальности (социальный, социально-исторический принцип; принцип внешней, социальной детерминации развития и функционирования психики).

Творцы советской психологии в обязательном порядке подчеркивали социальную детерминированность человеческой психики. Так, Л.С. Выготский писал об одном из наиболее важных законов развития высших психических функций – их превращение из интерпсихической (внешней, социальной, между людьми) функции в функцию интрапсихическую (внутреннюю, умственную). Споря с Ж. Пиаже, Л.С. Выготский отстаивал тезис о первичности социального: индивидуальное возникает из социального.

А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия в 1940 г. отмечали: «Психика человека, составляющая главный предмет изучения психологии, является… изначально историческим продуктом. Она может быть понята только как форма проявления жизни человека, зависящая от конкретно-исторических условий его существования, которые в классовом обществе определяются прежде всего его

классовой принадлежностью. Изучение психики человека не может быть поэтому оторвано от тех внешних объективных условий, в которых осуществляется его деятельность, его жизнь. Психология рассматривает, следовательно, психические явления и процессы не абстрактно, как присущие «человеку вообще», но как принадлежащие конкретным людям, живущим в определенных, конкретно-исторических условиях. Изменение внешних материальных условий жизни людей вызывает изменение и их психики, их сознания… Вместо с тем, отражение действительности в сознании человека, оказывая обратное влияние на его деятельность, ведет к активному преобразованию им окружающего мира. Признание единства психического сознания человека и его деятельности неразрывно связано, с другой стороны, с признанием единства психического и физиологического, ибо первейшим условием всякой деятельности и всякого отражения является известная физическая организация субъекта этой деятельности» [450, стлб. 512].

Кроме того, изучение психики в советской психологии рассматривается как практическая задача, направленная на овладение законами развития и формирования психики, ее изменение и преобразование, вследствие чего одним из основных исследовательских методов оказывается формирующий эксперимент. Области приложения: детская, возрастная психология, теория поэтапного (планомерного) формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина. Следует обратить внимание и на тесную связь с идеологическими задачами – формирование нового человека, активной жизненной позиции личности и т.п.

Принцип психофизического единства. В соответствии с данным принципом утверждается единство психики и поведения (единство деятельности психической, внутренней, умственной и внешней, практической). Фактически это центральный для советской психологии принцип единства сознания и деятельности, только выраженный в более общем виде.

Принцип психофизиологического единства. В соответствии с принципом психофизиологического единства психика не противопоставляется

физиологическим процессам (при выборе гипотез параллелизма или взаимодействия), а рассматривается в единстве с ними.

С.Л. Рубинштейн рассматривал принцип психофизиологического единства как составную часть более общего принципа психофизического единства. Так, в «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейн писал: «Принцип психофизического единства – первый основной принцип советской психологии. Внутри этого единства определяющими являются материальные основы психики; но психическое сохраняет свое качественное своеобразие; оно не сводится к физическим свойствам материи и не превращается в бездейственный эпифеномен. Признанием этих общих философских положений дело психологии в разрешении психофизической проблемы не заканчивается. Не достаточно признать принцип психофизического единства как руководящее начало, надо конкретно реализовать его. Это трудная задача, о чем свидетельствуют многократные попытки как со стороны психологов, так и со стороны физиологов разрешить эту задачу» [654, с. 19].

История советской психологии как особой науки. Из определенного понимания советской психологии – самой по себе, а также в соотношении с остальной, зарубежной психологией – вытекало вполне определенное понимание *истории советской психологии*: история советской психологии понималась как процесс развития (возникновения, становления, формирования и функционирования в ходе борьбы) методологических основ советской психологии («системы советской психологии») и на этой основе – всей советской психологии (ее теорий, методов, отраслей и т.д.), призванной, в конечном счете, заменить собой всю остальную психологию.

Вследствие этого представление о том, какой должна быть история советской психологии как особой науки, оказывается не менее идеологизированным, чем исходное определение советской психологии.

Действительно, если исходить из трактовки советской психологии как особой науки, то следует говорить уже не просто об истории психологии в СССР,

а о становлении, развитии и функционировании новой, особой науки – советской психологии.

История психологии в СССР предстает как «единственно правильный», «особый путь», как целенаправленный и сознательно управляемый процесс развития, постепенного и неуклонного приближения к конечной цели – созданию монолитной психологической науки, отвечающей всем требованиям марксизма, успешно решающей актуальные задачи социалистического и коммунистического строительства в полном соответствии с партийно-государственной идеологией и ведущей неустанную борьбу с остальной (немарксистской и антимарксистской) психологией.

История советской психологии с этой точки зрения рассматриваются как процесс ее постепенного приближения к идеалу – ко все большему соответствию представлению о том, какой должна быть советская психология с точки зрения государственной и партийной идеологии.

Данная схема изложения истории советской психологии представляла собой определенный компромисс между фактами реальной истории науки и идеологическими требованиями эпохи, что прежде всего выражалось в общем понимании советской психологии и этапов ее развития. И при определении понятия «советская психология», и при изложении истории советской психологии утверждался примат внешнего над внутренним, идеологического над научным: собственная история психологии должна была втискиваться в прокрустово ложе жесткой, наперед заданной идеологической схемы общей советской истории (истории СССР, Советского государства, Коммунистической партии). Вследствие этого история советской психологии трактовалась как история формирования и развития всей психологической науки в СССР как «особой науки», с необходимостью сочетающей в себе как научные, собственно психологические, так и вненаучные (философские, идеологические) признаки и предназначенной рано или поздно заменить собой всю остальную психологию.

Таким образом, в СССР на протяжении 1920-1930-х гг. было не только сформировано представление о том, что какой должна быть советская

психология, но и было сделано все необходимое для того, чтобы это представление обрело плоть и кровь, стало реальностью.

В первую очередь это выразилось в устранении в психологии всех несоответствующих марксистской идеологии направлений, теорий и взглядов. Хотя первые попытки создания новой психологии оценивались как неудачные, сама идея (программа, задача) построения советской психологии как особой науки рассматривалась в качестве центрального события 1920-х гг. и руководства к действию для всех последующих поколений советских психологов. В итоге к началу 1930-х гг., после завершения рефлексологической и реактологической дискуссий, в СССР были созданы все предпосылки для перехода к следующему этапу – по С.Л. Рубинштейну, к этапу разработки «системы советской психологии» [650, с. 70].

Суть выявленной историографической концепции советской психологии как особой науки может быть кратко выражена в виде тезиса о происхождении советской психологии из марксизма и на основе марксизма. Марксистская (философская, идеологическая) составляющая советской психологии при таком подходе превалирует над ее собственно научной составляющей, является главной, определяющей и господствующей, что прежде всего непосредственно относится к ключевому для нас вопросу об источниках («фундаменте», «основах», «основаниях», «корнях») возникновения и детерминантах развития советской психологии в период ее становления.

Именно марксистские методологические основы делали советскую психологию «особой» (то есть настоящей, подлинно научной, самой лучшей, передовой и т.д.) наукой; именно в силу своего марксистского происхождения советская психология противопоставлялась всей остальной, немарксистской (и потому старой, устаревшей, идеалистической, механистической, метафизической, «отживающей» и «отжившей свое», реакционной и т.д.) психологии.

Выводы по третьей главе

1. В советский период (в 1920-1980-е гг.) ведущими отечественными психологами (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский и др.) – к середине 1970-х гг. была сформирована историографическая концепция, описывающая генезис, содержание и функционирование советской психологии как «особой науки». Советская психология в этой концепции рассматривалась как особая (принципиально новая, марксистская, советская) наука о психике (психической деятельности), возникшая и функционирующая на марксистской методологической основе в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемая всей остальной (как прошлых времен, так и современной зарубежной) психологии.

2. В ходе исследования были выявлены идеологические и научные составляющие (признаки, принципы) историографической концепции советской психологии как особой науки. Идеологическая составляющая (априорно заданные, обусловленные идеологически и потому обязательные) признаки советской психологии: это наука марксистская, идеологическая, единая, воинствующая, передовая. Научная составляющая советской психологии (ее методологические принципы): психика как предмет психологии; принцип отражения; принцип активности; принцип развития; принцип психофизического единства; принцип психофизиологического единства.

3. Из понимания советской психологии как особой, марксистской науки следовало не менее идеологизированное понимание истории советской психологии. История психологии в СССР трактовалась как «единственно правильный», «особый» путь, как протекающий в полном соответствии с партийно-государственной идеологией целенаправленный процесс создания методологически монолитной психологической науки, строящейся на марксизме и отвечающей всем требованиям марксизма, успешно решающей актуальные задачи социалистического и коммунистического строительства, ведущей

неустанную борьбу с остальной (немарксистской и антимарксистской) психологией и призванной, в конечном счете, заменить собой всю остальную психологию.

4. Период 1920-1930-х гг. – это период становления советской психологии, формирования методологического единства советской психологии на основе марксизма, в полном соответствии с марксистской (марксистско-ленинской) идеологией. В этом отношении следует выделить три публикации: статью Б.Г. Ананьева «О современном состоянии психологической науки в СССР» (1941), учебное пособие «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна (1940) и словарную статью «Психология» (авторы статьи – А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия) в «Большой Советской Энциклопедии» (1940). Фактически в этих работах подводится итог всему развитию психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. Дополняя друг друга, данные работы дают целостное представление о положении дел в советской психологии в конце 1930-х – начале 1940-х гг., а также содержат в себе основные положения историографической концепции развития советской психологии как особой науки.

5. В целом в работах советских авторов 1920-х – начала 1990-х гг. можно выделить четыре периода в изучении истории советской психологии: в первый период (с конца 1920-х гг. до 1957 г.) – разработка главным образом в обзорных и «юбилейных» статьях основных положений историографической концепции советской психологии как особой науки; во второй период (1957-1963) – появление сборников статей и коллективных монографий, посвященных истории советской психологии; в третий период (1964-1975) – окончательное оформление историографической концепции советской психологии на монографическом уровне – в монографиях Е.А. Будиловой, А.В. Петровского и А.А. Смирнова; в четвертый период (1976-1993 гг.) – углубление и конкретизация сформированной на предыдущих этапах историографической концепции советской психологии как особой науки.

ГЛАВА 4. Постсоветская и современная российская историография истории советской психологии

§ 1. Вопросы изучения истории советской психологии в работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского 1990-х – начала 2000-х гг.

В 1990-е гг. в работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского были заложены основы новой историографической концепции советской психологии – концепции советской психологии как «репрессированной науки». Для доказательства и конкретизации этого тезиса в данном параграфе мы рассмотрим с позиций концептуально-историографического подхода вышедшие в 1994-2001 г. совместные работы А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского «История психологии» [577], «История и теория психологии» [578] и «Теоретическая психология» [580], а также учебное пособие «История психологии» М.Г. Ярошевского [910] и три монографии А.В. Петровского – «Психология в России: XX век» [574], «Записки психолога» [575] и «Психология и время» [576].

В вышедшем в 1994 г. учебном пособии «История психологии» [577] А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским была предпринята первая в условиях постсоветской России основательная попытка по-новому изложить историю психологии в целом и отечественной психологии – в частности. Фактически для А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского это означало осуществление радикального пересмотра собственных взглядов на историю советской психологии.

В этой работе мы обнаруживаем трактовку советской психологии как науки, идущей по «особому пути», причем те признаки, которыми обладает такая наука, являются идеологическими по своему источнику и негативными по своим последствиям. Советская психология, идущая по «особому пути» – это идущая в СССР по насильственно навязанному пути марксистская психология, трактуемая как «единственно верная» отрасль знания, находящаяся за «железным занавесом» вне общего контекста мировой науки и развивающаяся с огромным трудом, в условиях жестких запретов, ограничений и репрессий (в этом смысле

не столько благодаря, сколько вопреки марксизму). Советская психология, идущая по «особому пути», является составной частью идеологической машины тоталитарного государства. Именно поэтому для изучения ее истории требуются специфические методы и задачи, образующие политическую историю психологии. Данная точка зрения на историю психологии в СССР нашла свое выражение и дальнейшее развитие в последующих совместных работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского 1996-2001 г. [578], [580].

В «Истории психологии» А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [577] обращают на себя внимание еще два важных момента.

Во-первых, вся история психологии рассматривается как состоящая из двух частей – истории советской и остальной, зарубежной психологии. Это выражается в наличии двух глав, с отдельным рассмотрением советского периода в одной из них. Во-вторых, сведения о советской психологии излагаются дважды (хотя и под разным углом) – сначала в общей части (в главе «Исторический путь психологии»), а затем в отдельной главе «Российская психология в советский период». Мы полагаем, что такое построение материала свидетельствует о принципиальных трудностях в решении проблемы советской психологии, с которыми столкнулись А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, пытаясь сформировать новый подход вместо традиционной для советских времен концепции советской психологии как особой науки.

Наиболее ярко вся сложность и противоречивость такого решения проблемы советской психологии нашла отражение в другой совместной работе А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского – в двухтомной монографии «История и теория психологии» [578]. Данной работе присущи те же два характерных момента, что и учебному пособию [577], но в несколько иной редакции.

Во-первых, вся история психологии представлена, как и прежде, в виде состоящей из двух частей, но уже не советской и зарубежной, а отечественной и зарубежной психологии, причем советский период также, как и ранее, рассматривается в отдельной главе. Но здесь глава о советской психологии является лишь одной из трех глав, посвященных всей российской психологии,

вследствие чего контекстуальное представление советской психологии оказывается проблемой изложения уже не столько мировой, сколько российской психологии.

Во-вторых, сведения о советской психологии излагаются по-прежнему дважды, но не в общей и отдельной главах, как раньше, а в главах, посвященных истории российской психологии, т.е. не в мировом, а в российском историко-психологическом контексте.

Изложение остальных интересующих нас вопросов – касающихся периодизации, классификации и значения советской психологии – осталось в данной работе без каких-либо изменений по сравнению с изданием 1994 г. [577].

Здесь следует добавить, что в большой работе А.В. Петровского «Психология и время» [576], содержательно объединяющей в себе две его предыдущие работы [574], [575], можно найти некоторые интересные сведения по интересующему нас вопросу – советской психологии 1920-х гг., в частности, краткие очерки о К.Н. Корнилове, Б.В. Зейгарник, Э.С. Енчмене и др. (см. [576, с. 19-23, 70-79, 214-216]).

Еще в одной важной работе, относящейся к середине 1990-х гг. – в учебном пособии «История психологии» М.Г. Ярошевского [910] – советский период рассматривается в обширном временно́м диапазоне – как составная часть истории отечественной психологии (главным образом в контексте XIX-XX вв.) – в главе VIII «Развитие психологии в России», причем советская психология не выделяется ни содержательно, ни хронологически, что видно по входящим в данные главы параграфам (данная глава, как указано в сноске [см. 910, с. 310], была написана при участии Т.Д. Марцинковской).

В данном учебном пособии М.Г. Ярошевскому, в отличие от предыдущих работ, написанных в сотрудничестве с А.В. Петровским [577], [578], удалось избежать не только полностью обособленного изложения истории советской психологии, но и дублирования сведений о ней. Это выражается в том, что в общей части никаких сведений о советской психологии не содержится и отдельная, самостоятельная глава, посвященная советской психологии, не

выделяется, а вся информация о советском периоде приводится только в одном месте – в главе, посвященной истории отечественной психологии.

В этой работе советская психология контекстуально рассматривается, как и в двухтомнике «История и теория психологии» [578], в качестве составной части не столько мировой, сколько российской психологии; как и в двухтомнике, вся психология оказывается изначально разделенной на две части – на отечественную и зарубежную, и потому история психологии в общей части (прежде всего это касается глав с четвертой по седьмую) рассматривается без какого-либо упоминания о советских и, даже более того, вообще русских (российских) ученых-психологах.

В итоге проблема отображения советской психологии в мировом историко-психологическом контексте М.Г. Ярошевским в рассматриваемом пособии не столько решается, сколько элиминируется: во-первых, с помощью того, что советский период рассматривается в контексте истории отечественной психологии, как ее составная часть; во-вторых, проблематика «марксистской психологии» и «особого пути» практически нигде не упоминается и не обсуждается, не считая нескольких фраз о значении марксизма и марксистской методологии при изложении концепций К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, М.Я. Басова, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

Отсюда напрашивается вывод, что советская психология не выделяется как особый объект потому, что подразумевается, что ее не было вовсе – была лишь «российская психология советского периода», вынужденная развиваться как «репрессированная наука» в условиях «сталинской инквизиции» [910, с. 391] и содержавшая различные концепции, школы или подходы, в которых по-разному – не очень удачно (реактология К.Н. Корнилова) или достаточно продуктивно (Л.С. Выготский) – использовался марксизм для решения общемировых психологических проблем, для выхода из мирового методологического кризиса.

Проблемы адекватного отображения истории отечественной психологии, о которых можно судить по параграфам, посвященным непростым «судьбам русской психологии» и «русскому пути в науке о поведении», в данном пособии

явно оттесняют на второй план и заслоняют собой проблемы, связанные с пониманием сущности и исторического значения советской психологии.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в опубликованных в 1990-е гг. работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского были заложены основы новой историографической концепции советской психологии – концепции советской психологии как «репрессированной науки».

§ 2. Современные российские авторы о периоде становления советской психологии

В данном параграфе мы рассмотрим работы А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковской и В.А. Кольцовой (1947-2018) – на протяжении трех последних десятилетий ведущих исследователей истории отечественной психологии. В работах этих авторов предложенная А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в начале 1990-х гг. историографическая концепция советской психологии как «репрессированной науки» получила дальнейшее развитие и приобрела современный вид.

В 1994 г. А.Н. Ждан защитила докторскую диссертацию «История психологии как становление ее предмета» [272]. Истории советской психологии в автореферате посвящен параграф «Основные направления периода кризиса в решении проблемы предмета психологии в отечественной науке» [272, с. 50-54], где, в частности, констатируется: «Нельзя не признать, что подлинно научная история отечественной психологии, в том числе советского периода, которая объективно и полно воссоздавала бы этапы исторического пути, пройденного нашей наукой, была бы свободной от идеологических стереотипов, еще не написана» [272, с. 51].

Завершая обсуждение этого вопроса, А.Н. Ждан делает вывод: «В современных социальных условиях в отечественной психологии происходит процесс переосмысления методологических основ психологической науки, важной частью которого являются критические позиции по отношению к марксизму и к возникшей в 20-е годы проблеме “психология и марксизм”.

Психология освобождается от идеологического давления, которое она испытала со стороны марксизма, преодолевается ее изолированность от других течений философской и социальной мысли» [272, с. 53-54].

Заявленные позиции нашли непосредственное отражение в учебнике «История психологии» А.Н. Ждан (второе издание данного учебника вышло в 1997 г.; мы берем для анализа самое последнее, двенадцатое издание, вышедшее в 2024 г. [282]), где советская психология излагается, как и в двух совместных работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [577], [578], в предельно широком научном контексте – при изложении истории мировой психологии. Представления А.Н. Ждан об истории советской психологии в значительное мере дополняются конкретными материалами (первоисточниками), содержащимися в вышедшей под ее редакцией хрестоматией-антологией по истории российской психологии [635] (см. рецензию В.П. Зинченко на эту книгу [307]).

Учебник «История психологии» А.Н. Ждан [282] интересен тем, что вопросы о сущности советской психологии и об интерпретации советской психологии в мировом историко-психологическом контексте в этой работе разрешаются в совершенно ином ключе по сравнению с рассмотренными выше работами А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского: во-первых, в учебнике А.Н. Ждан, в отличие от учебного пособия М.Г. Ярошевского [910], нет раздела, целиком посвященного истории отечественной психологии – сведения о досоветском периоде приводятся в виде небольших глав в разделах, посвященных характеристике мировой психологии в определенные периоды развития, наряду со сведениями о психологии немецкой, французской и т.д.; во-вторых, сведения о советской психологии представлены только в разделе VII «Возникновение и развитие советской психологии. Современное состояние психологии в России».

В целом для позиции А.Н. Ждан характерно, что в то время как российская психология досоветского периода (начиная с XVIII в.) органично вписана в мировой исторический контекст (в виде глав «Психологическая мысль в России

в XVIII в.» и «Развитие психологии в России в XIX в.» в соответствующих разделах, посвященных общему изложению истории психологии), советская психология вместе с современной российской психологией излагается отдельно от остальной психологии XX столетия. Данный подход к отображению истории отечественной психологии мы видим и в учебнике «История психологии» А.Н. Ждан для бакалавров [280].

Перед нами, таким образом, снова не одна психология, а две – но не отечественная и зарубежная, как у М.Г. Ярошевского (и Т.Д. Марцинковской), а советская и зарубежная. Если в работах других авторов весь поток истории изначально разделен на два – на историю зарубежной и отечественной психологии, то в учебнике А.Н. Ждан картина иная – вплоть до советского периода идет один поток, в котором в качестве составной части содержатся сведения о психологии в России в XVIII и XIX вв., но затем, начиная с 1920-х гг. XX в., в связи с появлением советской психологии, этот поток также распадается на два – на психологию зарубежную и советскую (психология в современной России рассматривается в качестве непосредственного продолжения советской).

Следовательно, если у А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского советская психология выступает как чужеродная, идеологическая «вставка» в тело психологии («особый путь» и связанные с ним представления о том, какой должна быть советская психология), то у А.Н. Ждан (а также, как мы убедимся далее, и у Т.Д. Марцинковской) советская психология оценивается как особое, собственно психологическое образование под названием «советская психология».

Но было бы большой ошибкой считать позицию А.Н. Ждан лишь простым повторением и воспроизведением традиционной советской точки зрения на советскую психологию. Дело в том, что А.Н. Ждан отбросила все идеологические, компрометирующие, наиболее одиозные качества, которые раньше приписывались советской психологии. Прежде всего это проявляется в утверждении не противопоставления, а сходства, единства, взаимодействия и преемственности советской психологии как с предшествующей русской

дореволюционной психологией, так и с психологией зарубежной. Советская психология уже не интерпретируется как единственно верное учение и не противопоставляется всей остальной («буржуазной») психологии.

Но как квалифицировать то, что осталось от советской психологии после такой очищающей операции? И если советская психология – это не «новая, марксистская психология», не одно из направлений в мировой психологии XX столетия, а вся психология советского периода, то тогда какие имеются основания уделять ей особое внимание, рассматривая обособленно от истории всей мировой психологии – вырывая, таким образом, из исторического контекста? Этот же самый вопрос, только относительно всей отечественной психологии, мы могли бы задать и раньше, при анализе работ А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского; не в меньшей степени он относится и к учебнику Т.Д. Марцинковской [481], о чем более подробно будет сказано ниже.

О взглядах В.А. Кольцовой на историю советской психологии можно судить по ее работам 1990-х – 2000-х гг. Это, во-первых, вышедшая в 1997 г. коллективная монография «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» [596], где В.А. Кольцова была одним из авторов трех глав, посвященных истории отечественной психологии.

В вышедшей в 2001 г. статье «Уроки развития отечественной психологии в XX столетии» [353] В.А. Кольцова выразила свое понимание советской психологии в аспекте истории. Кроме того, большой исследовательский интерес представляют три ее монографии – «Теоретико-методологические основы истории психологии» [355], «Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)» (в соавторстве с Ю.Н. Олейником) [361] и «История психологии: проблемы методологии» [356], а также ряд статей 2002-2013 гг.: «Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки» [354], «Парадигмальные основания советской психологии как единой научной школы» на пятых (2009) Московских встречах по истории психологии [357] и в особенности написанная совместно с О.А. Артемьевой статья «К истории становления советской психологии как

“нормальной” науки» [358]. Для нас важно, что общее отношение В.А. Кольцовой к пониманию и изложению истории советской психологии в монографии «Теоретико-методологические основы истории психологии» не претерпело каких-либо принципиальных изменений по сравнению со взглядами, изложенными в коллективной монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» [596].

То же самое можно сказать и относительно написанной совместно с Ю.Н. Олейником и вышедшей в 2006 г. монографии «Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)» [361]. В этой монографии имеется небольшая глава «Состояние психологических исследований в СССР накануне Второй мировой войны» [361, с. 15-30], являющаяся вводной к изложению заявленной в названии книги центральной темы исследования. Изучение этой главы позволяет определить, насколько изменились взгляды В.А. Кольцовой (а также и Ю.Н. Олейника) на историю советской психологии спустя почти десять лет после публикации монографии «Психологическая наука в России XX столетия». Отмеченные обстоятельства убеждают в том, что в рассмотренной работе [361] каких-либо принципиально новых моментов по сравнению с предыдущей монографией [596] не обнаруживается. То же самое можно сказать и о монографии В.А. Кольцовой «История психологии: проблемы методологии» [356]: по принципиальным вопросам реконструкции и интерпретации истории советской психологии позиции В.А. Кольцовой также не претерпели заметных изменений.

В целом отношение В.А. Кольцовой (а также и ее соавторов – Ю.Н. Олейника и Б.Н. Тугайбаевой) к истории советской психологии в принципиальном плане не отличается от того, что говорится о советской психологии в рассмотренных выше постсоветских и современных работах А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, А.Н. Ждан и Т.Д. Марцинковской: наряду с признанием репрессий и других негативных явлений подчеркивается значимость достигнутых советскими психологами результатов; различаются марксизм как идеология и как продуктивная методологическая и философская

база; в изложении хорошо прослеживается стремление сохранить баланс между негативными и позитивными страницами истории советской психологии, не впадая ни в одну из крайностей и тем самым обеспечивая беспристрастность и научную объективность.

Из этой констатации можно сделать более общий вывод о том, что, как и в работах других авторов, по всем принципиальным вопросам, касающимся истории советской психологии (понятие, периоды, классификация, значение) позиция В.А. Кольцовой несет на себе все признаки переходного, промежуточного решения этих вопросов. Это видно, например, по тому, как при изложении содержания 1920-х гг. соотносятся поведенческий подход и марксистская психология (одно является частью другого или это разные иерархические уровни?), как решается вопрос о том, по каким основаниям и признакам осуществляется периодизация история советской психологии – по внешним, социальным признакам (революции, войны, репрессии) или по внутренним, теоретическим, собственно психологическим (проблемы, идеи, новые теории), как вообще определять советскую психологию, какие элементы в ней выделять. В то же время следует обратить внимание на достоинства подхода В.А. Кольцовой к истории советской психологии, проявляющиеся в четком вычленении имеющихся в данной области отдельных частных проблем и в целенаправленных попытках в ходе конкретного эмпирического исследования продвинуться в их разрешении.

В учебнике «История психологии» Т.Д. Марцинковской [481] (восьмое издание; девятое [482] и десятое [483] издания были стереотипными; первое издание, вышедшее в 2001 г. [480], позиционировалось как учебное пособие) наряду с главами, посвященными основным направлениям в зарубежной психологии XX столетия, имеется отдельная (заключительная) глава «Развитие отечественной психологии» (хронологически – с середины XIX в. до наших дней), включающая в себя параграфы «Общий обзор развития психологии в России», «Зарождение российской психологии. Две тенденции в ее развитии»,

«Психология на рубеже XIX – XX веков», «Отечественная психология в 20-40-е годы XX века» и «Российская психология во второй половине XX века».

При описании советской психологии в книге Т.Д. Марцинковской картина открывается противоположная по сравнению с учебником А.Н. Ждан: на уровне заголовков речь идет, как и М.Г. Ярошевского, о различных этапах развития отечественной психологии («в 20-40-е годы XX века», «во второй половине XX века»), но непосредственно в тексте речь идет о «становлении новой, советской психологии», о различных теориях, школах, подходах и направлениях всей психологической науки в СССР.

С нашей точки зрения, взгляд Т.Д. Марцинковской на советскую психологию, несмотря на то что в названиях параграфов и при изложении отдельных теорий речь идет об отечественной, а не советской психологии, содержательно близок позиции А.Н. Ждан: «советская психология» у Т.Д. Марцинковской, как и А.Н. Ждан – это не просто синоним к выражению «психология в СССР». Сущность, главный отличительный признак советской психологии в том, что это психология, ориентированная на марксистскую философию, т.е. имеющая в качестве своей методологической основы диалектический материализм, развивающаяся на основе марксистской методологии. Далее Т.Д. Марцинковской уточняется, что основы этой новой психологии были заложены в 1920-1930-е гг. и что конкретно советская психология воплотилась прежде всего в теориях, концепциях, школах и подходах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и других отечественных психологов.

Данный анализ точки зрения Т.Д. Марцинковской на историю советской психологии может быть с полным правом отнесен к написанному Т.Д. Марцинковской совместно с А.В. Юревичем учебнику «История психологии», предназначенному для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук [484], [485], так как в этом издание раздел, посвященный истории советской психологии, практически полностью совпадает с аналогичным разделом в учебнике «История психологии» Т.Д. Марцинковской [481].

Обращаясь к вышедшим уже в постсоветский период работам других российских авторов, следует отметить, что в принципиальном плане к работам В.А. Кольцовой примыкают выполненные О.А. Артемьевой обширные исследования социально-психологической детерминации развития отечественной психологии двадцатого столетия (см. [41]-[55], [358] и др.). Также следует отметить институционально-науковедческий подход к описанию панорамы истории российской психологии, развиваемый в работах И.Н. Семенова [691]-[693]; свои нюансы и акценты обнаруживаются в работах И.А. Мироненко [496]-[500], Н.Ю. Стоюхиной [753]-[759], И.Е. Сироткиной и Р. Смита [709], [710], в коллективной монографии «Советская психология: этап истории науки и менталитет» [732] и антологии «Методология советской психологии в период открытого кризиса» [495]. Кроме того, следует иметь в виду изложение истории советской психологии в учебниках по истории психологии С.А. Векиловой и С.А. Безгодовой [200], Г.Л. Ильина [316], В.В. Константинова [363], В.К. Шабельникова [860], в учебных пособиях по истории психологии Б.Н. Рыжова [682], С.В. Сарычева и И.Н. Логвинова [686], [687] и др., о чем мы уже говорили во «Введении» и в первой главе диссертации.

Переходя к выводам, выделим два основных момента.

1. В целом проведенный в данном параграфе анализ постсоветской и современной историографии (работ А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, Т.Д. Марцинковской и др.) позволяет сделать вывод о том, что в постсоветский период значительно увеличился общий объем конкретных эмпирических сведений об истории советской психологии и произошел фактический отказ от прежнего идеологизированного подхода и лежащей в его основе историографической концепции советской психологии как «особой науки», в новых социальных условиях возник плюрализм подходов, взглядов и оценок.

2. На концептуальном уровне история советской психологии стала описываться главным образом как история «репрессированной науки»,

развивавшейся не столько благодаря, сколько вопреки господствующей государственной идеологии.

Этот принципиальный методологический и идеологический поворот заслуживает того, чтобы рассмотреть его специфические черты в отдельном параграфе.

§ 3. Методологические итоги постсоветского периода: историографическая концепция советской психологии как репрессированной науки

Несмотря на то, у каждого из современных отечественных авторов (А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, Т.Д. Марцинковской, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского и других исследователей истории советской психологии) имеются свои особенности в изложении истории советской психологии (в целом или отдельных ее элементов – направлений, школ, теорий), наличие целого ряда важных общих признаков все же позволяет говорить не о множестве различных подходов к советской психологии, а об одном постсоветском (современном) подходе, в основе которого лежит определенная историографическая концепция – концепция советской психологии как «репрессированной науки». Ее наиболее характерными признаками являются следующие.

Отказ от традиционного советского подхода. Всеми современными отечественными исследователями отбрасывается традиционный (советский, идеологизированный, марксистско-ленинский) подход к советской психологии – как к науке самой передовой, подлинно научной, единственно верной, противопоставляемой всей остальной (зарубежной, несоветской) психологии, наделяемой прямо противоположными признаками (немарксистская, антимарксистская, идеалистическая, реакционная, буржуазная и т.д.). В настоящее время у этого подхода уже нет сторонников и продолжателей.

Однако безоговорочный отказ от традиционного советского подхода (фактически означающий отказ от историографической концепции советской психологии как особой науки!) в рассмотренных работах парадоксальным образом сочетается с отсутствием ясного представления о нем: во всех работах

постсоветского периода изначально подчеркивается принципиальное противопоставление прежнему подходу, но сам этот подход и лежащая в его основе историографическая концепция советской психологии как «особой науки» нигде и никем не эксплицируется и не анализируется.

Объяснить такое положение вещей можно только целенаправленно проводимой с конца 1980-х гг. политикой всеобщей деидеологизации, которая привела к тому, что прежний, идеологизированный подход был не столько преодолен, сколько демонстративно отброшен – весь, целиком, вместе с его проблемой, что выразилось в отказе не только от идеологической трактовки (идеологической составляющей) истории советской психологии, но и от (выяснения) научного содержания понятия «советская психология». Метафорически выражаясь, вместе с грязной водой идеологии выплеснули и ребенка: *вся* советская психология была признана «условно звучащим термином». В итоге в современном подходе проблема советской психологии отсутствует как таковая. Впрочем, не следует сбрасывать со счетов и трудности чисто психологического порядка: для представителей старшего поколения исследователей истории советской психологии критика традиционного подхода неизбежно означала критику собственных воззрений.

Но отказаться при изучении советского периода от советской психологии целиком и полностью – значит, в конечном счете, остаться ни с чем. Поэтому проводимый в жизнь современными авторами отказ от прежнего идеологизированного подхода и, соответственно, от прежней идеологизированной трактовки советской психологии как «особой науки» неизбежно носит половинчатый и непоследовательный характер. Это проявляется, как нам уже приходилось отмечать [106], [107], [109], [110], [117]-[133], в колебаниях, неясностях и противоречиях по самым принципиальным вопросам (причем, что характерно, зачастую в работах одного и того же автора и даже в одной отдельно взятой работе) – о том, что такое советская психология, как излагать ее историю в мировом историко-психологическом контексте, какие периоды выделять в истории советской психологии, как классифицировать ее

содержание и определять ее историческое значение. Немало разногласий, трудностей и парадоксов обнаруживается и в эмпирическом плане, при рассмотрении отдельных частных вопросов.

Каким образом, например, следует излагать историю советской психологии в контексте общей истории психологии? «Постсоветское» решение А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского вначале (в 1994 г.) фактически представляло собой компромисс: в «Истории психологии» [577] были представлены сразу два варианта изложения – и «россыпью», путем перечисления отдельных наиболее значимых имен (в главе «Исторический путь психологии»), и обособленно (в виде отдельной главы «Российская психология в советский период»). Затем (в 1996 г.) этими же авторами [578], а впоследствии и Т.Д. Марцинковской [481] гордиев узел был разрублен самым решительным образом: *отдельно* стала излагаться вся история российской психологии, в контексте которой шла речь и о советском периоде.

Данное решение, является, как это ни парадоксально, возвратом к схеме изложения истории психологии в первом (1940) и втором (1946) изданиях фундаментальных «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна [650], [654], где глава «История психологии» состоит из параграфов «История развития западной психологии» и «История развития психологии в СССР», причем второй параграф включает в себя пункты «История русской научной психологии» (в первом издании – «Психология в России») и «Советская психология». Может быть, действительно, прогресс иногда состоит в том, чтобы вернуться к истокам?!

А.Н. Ждан во всех изданиях своего учебника «История психологии» твердо проводит иную точку зрения: до XIX века включительно история психологии в России отображается как составная часть общей (мировой) истории психологии и ни о какой обособленности речи не идет, и только психология XX столетия описывается как состоящая из двух частей – истории зарубежной и истории отечественной (советской и постсоветской) психологии.

Все эти колебания и нестыковки в сочетании с отсутствием единства и аргументировано обоснованных позиций ясно свидетельствуют о серьезных трудностях в понимании сущности советской психологии.

Отказ от советской психологии как объекта исследования. В современных работах советская психология ни хронологически, ни содержательно уже не рассматривается в качестве самостоятельного объекта исследования. Рассмотренный материал позволяет констатировать у всех без исключения современных отечественных авторов «размывание» и «растворение» (вплоть до полного исчезновения) советской психологии как объекта исследования и предмета изложения.

В современных работах имеется широкий спектр самых различных точек зрения на историю советской психологии, но при этом, что характерно, никто из авторов работ, в которых рассматривается история советской психологии, не претендует на целостное рассмотрение советской психологии, глубокое и всестороннее представление ее теоретического содержания и развития: история советской психологии рассматривается либо в более широком контексте (как часть истории мировой или отечественной психологии, российской психологии XX столетия, как частный случай репрессированной и идеологизированной науки), либо в контексте более узких проблем – при исследовании научных биографий и творчества ученых, истории отдельных научных направлений, течений, школ, подходов и теорий.

Вследствие этого вопросы принципиального, методологического и концептуального характера – относительно понимания сущности, содержания, механизмов развития и значения советской психологии – остаются, несмотря на всю свою актуальность, открытыми. Максимум того, что можно найти о советской психологии в современных отечественных учебниках и учебных пособиях по истории психологии – это традиционно выделяемая часть книги (раздел, глава, параграф), специально посвященная советской психологии. Очевидно, если бы были написаны специальные работы по истории советской психологии, то необходимость в таком выделении отпала бы сама собой.

Это означает, что отбрасывается не только традиционный советский подход, но и вся советская психология в целом, которая уже не признается, как ранее, феноменом и частью истории науки и потому уже не может служить в качестве объекта и проблемы научного (теоретического, историко-научного) исследования в том же смысле, в каком изучаются различные психологические теории, школы, течения и направления – бихевиоризм, генетическая психология, психоанализ, рефлексология, интроспективная психология и т.д.

Так, в учебнике «История психологии» А.Н. Ждан [280], [281], [282] а также в двух совместных работах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [577], [578] советская психология излагается в предельно широком временно́м диапазоне – при изложении истории мировой психологии. При этом у А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского речь идет лишь об отдельных – а именно, социально-политических – аспектах и особенностях развития отечественной психологии советского периода: об «особом пути» марксистской психологии, идеологизации, волнах репрессирования и т.д.

В учебнике А.Н. Ждан советская психология также не берется в качестве самостоятельного объекта, так как в посвященной советской психологии разделе, который начинается с определения советской психологии как имеющей в качестве отличительной черты «методологическую ориентацию на марксизм» [282, с. 361] фактически речь идет обо всей психологии в СССР, в том числе и немарксистской по своему содержанию и корням (что особенно наглядно выступает при изложении периода 1920-х гг.). Некоторые изменения обнаруживаются в учебнике А.Н. Ждан для бакалавров [280], где весь советский период разбивается на два этапа: «Первый этап охватывает период с начала века до Октябрьской революции 1917 г., включая также и несколько первых послереволюционных лет. В эти годы русская психология продолжала развиваться в русле своих сложившихся к этому времени традиций как органичная часть мировой науки. Второй этап начался в начале 1920-х гг. и продолжался до начала 1980-х гг. и проходил параллельно с социокультурными

процессами, завершившимися крахом СССР. Его главным содержанием было становление, развитие и упадок советской психологии» [280, с. 330].

Как видим, первый, переходный этап фактически ограничивается только несколькими послереволюционными годами (до 1923 г.).

В учебниках Т.Д. Марцинковской [481], Т.Д. Марцинковской и А.В. Юревича [484], [485] и в учебном пособии М.Г. Ярошевского [910] советский период рассматривается как составная часть истории отечественной психологии (главным образом в контексте XIX-XX вв.), причем советская психология не выделяется ни содержательно, ни хронологически, что видно по параграфам, входящим в главы, посвященные вопросам развития отечественной психологии.

Относительно работ Б.С. Братуся [173] и В.П. Зинченко и Б.С. Моргунова [309] следует сказать, что они носят отчетливо выраженный «очерковый» (фрагментарный, конспективный) характер и также, как и коллективная монография «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» [596], не претендуют на создание полной и целостной картины истории отечественной психологии советского периода – ни по линии эмпирии, ни по линии постановки вопроса о советской психологии в целом.

Так, в работе В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова историческая часть представляет собой ряд очерков с размышлениями, исходящими из того, что «для понимания сегодняшнего состояния и перспектив психологии важно знакомство не только с ее собственной историей, но и с тем культурным контекстом, который окружал психологию и наполнял психологические исследования новыми идеями» [309, с. 12]. Не ставя перед собой цель дать систематическое изложение истории советской психологии, в качестве главной задачи авторы книги выдвигают поиск путей «к воссоединению психологии с российской культурной традицией» [309, с. 14].

Советская психология предстает в данной работе как «репрессированная наука», выжившая вопреки всему, несмотря ни на какие «потери, погромы, катастрофы, кризисы, жертвы», когда «гибли целые направления, в том числе в

психологии (психотехника, педология, психоанализ, социальная психология)», но в целом психология в России «выстояла, восстановилась, доказала неистребимость мысли даже в ситуации страха» [309, с. 9].

Работа Б.С. Братуся [173], как следует из ее подзаголовка, также не претендует на эмпирическую полноту и всесторонний теоретический анализ феномена советской психологии. Автор формулирует другую задачу – выдвинув гипотезу, согласно которой «общие проблемы человека, прежде всего вопросы его назначения, сущности, нравственности являются центральными, стержневыми для понимания истории и логики развития той или иной психологической системы или эпохи», проверить эту гипотезу «применительно к отечественной научной психологии, кратко и конспективно рассмотрев под данным углом зрения основные ее этапы» [173, с. 3].

В монографии «Психология в России: XX век» А.В. Петровского [574] и коллективной монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» [596] объект исследования, как можно судить уже по названию обеих работ, очерчен рамками всего двадцатого столетия. Обе работы, значительно отличаясь от работ Б.С. Братуся и В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова по объему рассматриваемого материала и детальности анализа, фактически также носят, тем не менее, очерковый, не претендующий на всесторонность и глубину, характер. Этот же вывод относится и к итоговой работе А.В. Петровского «Психология и время» [576].

Как видим, из отказа от прежнего подхода неизбежно следует столь же решительный отказ от признания советской психологии в качестве объекта исследования. Эта логика была бы оправдана, если бы было доказано, что советская психология – это чисто идеологическое образование, псевдонаучный фантом, своеобразная мимикрия под настоящую науку, не более того. Тогда, действительно, советской психологии пришлось бы занять место в одном ряду с «теорией новой биологии» Э.С. Енчмена, «социологической антропофизиологией» А.Б. Залкинда, «новым учением о языке» («яфетидологией») Н.Я. Марра, «агробиологией» Т.Д. Лысенко и прочими

псевдо-, лже-, квази-, анти- и околонаучными построениями в психологии и других науках советского периода.

С нашей точки зрения, отношение к советской психологии как к чисто идеологическому образованию не имеет под собой ни логических, ни эмпирических оснований. Советская психология не была чисто идеологическим феноменом – труды Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и других ее творцов являются наглядным тому подтверждением. То, что прежний идеологизированный подход должен быть заменен на более адекватный, объективный и научный, вовсе не означает элиминации самого объекта исследования.

Советская психология – это психология в СССР. Но если советская психология уже не берется в качестве самостоятельного объекта исследования, то как же тогда описывать и изучать содержание и историю российской психологии советского периода? В соответствии с современным подходом то, что называли советской психологией, на самом деле находится за пределами науки. В современном подходе постулируется, что «советская психология» – это чисто идеологическое понятие, в действительности была лишь *психология в СССР* (отечественная, российская психология советского периода), представлявшая собой, как и психологическая наука в любой другой стране (немецкая – в Германии, американская – в США и т.д.), совокупность различных теорий, направлений, школ, подходов, взглядов и идей, рассматриваемых в определенных государственных границах и в то же время являющихся составной частью мировой психологической науки. Именно поэтому изложение истории советской психологии в современных работах выглядит как простое перечисление различных теорий, имен, отраслей, подходов, событий и проблем. В некоторых случаях эти элементы могут объединяться в более крупные блоки – например, по таким основаниям, как «поведенчество» [596, с. 62-72] или «принцип деятельности» [577, с. 121-122], [578, т. 1, с. 221], [910, с. 380-386], что, однако, не отменяет общей установки на подачу материала «россыпью».

Так, в «Истории психологии» А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [577] теории М.Я. Басова, Л.С. Выготского, К.Н. Корнилова, А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна излагаются в главе «Исторический путь психологии» *в одном ряду* с необихевиоризмом, неофрейдизмом, гуманистической психологией и другими психологическими школами и направлениями XX столетия. В учебнике А.Н. Ждан для бакалавров история советской психологии (психологической науки в СССР) фактически начинается, если мы понимаем правильно, с 1923 года, так как 1917-1922 гг. определяются как «этап сосуществования традиций и новаторства» (см. [280, с. 330]. В другом учебнике А.Н. Ждан в разделе, посвященном возникновению и развитию *советской психологии* и современному состоянию психологии в России [282, с. 361-422], при описании периода 1920-1930-х гг. фактически представлена *вся*, а не только новая, ориентирующаяся на марксизм отечественная психология 1920-1930-х гг.

Ясно выражена позиция по этому вопросу и в монографии «Психологическая наука в России XX столетия»: «Для всех честных и квалифицированных советских психологов представляемая ими наука всегда была частью всей мировой психологии. Поэтому выражения типа “советская психология” звучали для них очень условно. Неслучайно один из главных коллективных обобщающих трудов, опубликованный в конце 50-х гг., получил наиболее адекватное название “Психологическая наука в СССР” (т. I, 1959, т. II, 1960)» [596, с. 7-8].

Это присущее современной отечественной историографии отношение к советской психологии как к «условно звучащему» термину объясняет многое – если не всё. История советской психологии, трактуемая всего лишь как хронологическая часть истории психологии в России XX столетия, предстает как совокупность идей, теорий, подходов, событий и имен, для полноты картины рассматриваемых в сочетании с определенными внешними аспектами – культурными, нравственными, социальными, политическими, идеологическими.

Логика такого подхода очевидна: поскольку то, что скрепляло советскую психологию, придавало ей целостность и единство, на самом деле оказалось

лишь чисто внешними, идеологическими связями (и путами), постольку, убирая эту связь, мы получаем «россыпь» разнообразных теорий, школ, подходов и течений, которые в предметном (теоретическом, собственно психологическом) плане оказываются не настолько связаны между собой, чтобы считать, что в совокупности они представляют собой единство, нечто целое (направление, школу, течение и т.п.). С этой точки зрения изложение истории советской психологии в современных работах выглядит как не обладающее четкой логической структурой (если не сказать больше – эклектическое) перечисление наиболее представительных теорий, имен (М.Я. Басов, Л.С. Выготский, К.Н. Корнилов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), отраслей (педология, психотехника) и соответствующих проблем. Эти элементы могут быть объединить при изложении лишь частично – например, по логическому основанию «принцип деятельности» [577, с. 121-122], [578, т. 1, с. 221], т.е. в конечном счете оказываются сведенными к деятельностному подходу.

Авторов современных работ, стремящихся к полной деидеологизации истории советской психологии, можно понять. Ведь если, с их точки зрения, рассматривать советскую психологию как самостоятельный объект, то это будет возвратом к прежней, советской (идеологизированной, идеологической, марксистско-ленинской, коммунистической) схеме, к ее реанимации и апологии. Именно поэтому советская психология подчеркнуто рассматривается и обозначается как психология в СССР (российская психология советского периода).

Всем хороша эта трактовка, но есть у нее один недостаток – она не соответствует действительности. Психология в СССР предстает либо в виде отдельных имен и теорий, либо описываются определенные внешние аспекты ее развития – культурные, нравственные, социальные, политические, идеологические. Целостное представление о советской психологии, таким образом, утрачивается. Но когда С.Л. Рубинштейн в 1940 г. писал о том, что «система советской психологии выкристаллизовывается в сознании передовых советских психологов в результате длительной и упорной коллективной работы

и борьбы», что «она представляет собой концепцию, которая четко и заостренно противопоставляется теориям традиционной психологии» [650, с. 70], а в 1946 г. – о том, что «в течение последних лет в СССР идет особенно интенсивная работа по построению системы советской психологии» и что «в итоге этой работы система советской психологии уже наметилась в основных своих линиях» [654, с. 84], прежде всего он, имел в виду, как мы сейчас понимаем, теоретико-методологические, а вовсе не социально-политические и, тем более, идеологические аспекты развития советской психологии.

То же самое следует сказать и о Б.М. Теплове, когда он писал о том, что «борьба за создание советской психологической науки началась в 1921-1922 гг.» [779, с. 10], о А.А. Смирнове, говорившем о «советской психологической науке, рожденной Великой Октябрьской социалистической революцией» [726, с. 135], о высказывавшихся в том же духе А.Н. Леонтьеве, Б.Г. Ананьеве, Г.С. Костюке и т.д. Поэтому вполне закономерно, что на деле практически все современные исследователи, стремясь отразить не только все разнообразие, но и сущность советской психологии, используют более содержательные, чем просто «психология в СССР», трактовки советской психологии, включающие в себя различные дополнительные признаки – идеологические, философские, собственно научные.

Таким образом, присущая работам современных исследователей трактовка советской психологии *только* как «психологии в СССР» ведет к путанице из-за непроизвольного «соскальзывания» к прежним, идеологизированным трактовкам советской психологии.

Отказ от понятия «советская психология». Так как утверждается, что в прошлом была лишь «психология в СССР», называемая советской, то тем самым отпадает необходимость не только изучения данного феномена, но и использования понятия (термина) «советская психология». Тенденция к полному отказу от использования советской психологии как термина и рабочего понятия выражается в том, что в современной монографической и учебной литературе явное предпочтение отдается идеологически нейтральным выражениям

«российская психология в советский период», «психология в России в 1920-1930-е гг.», «отечественная психология в 1920-1950-е гг.» – очевидно, для того, чтобы избежать не только удвоения терминов, но и ненужных идеологических ассоциаций. Правда, о советской психологии на уровне заголовков и непосредственно в тексте говорится в учебнике А.Н. Ждан [см. 282, с. 361-422] и в коллективной монографии [596]; кроме того, о формировании в начале 1920-х гг. в СССР советской психологии пишет Т.Д. Марцинковская [см. 481, с. 487]. Однако на содержательном уровне у всех современных авторов, даже когда они используют выражение «советская психология», подразумевается российская психология советского периода, т.е. *вся* психологическая наука в СССР [109].

Та же картина, что характерно, обнаруживается и в современных *российских психологических словарях* (см. [167], [169], [326], [362], [402], [521], [535], [603], [690] и др.), авторы и составители которых старательно избегают не только выражения «советская психология», но и связанной с этим проблематики. Наиболее ярко это проявляется в отсутствии словарной статьи, посвященной советской (марксистской, марксистско-ленинской, диалектической, диалектико-материалистической и т.п.) психологии, на что мы уже обращали внимание в первом параграфе второй главы диссертации). Вряд ли мы сильно ошибемся, если скажем, что дело здесь не столько в положении дел в психологии, сколько в особой идеологической атмосфере, о чем в середине 1990-х гг. в статье с симптоматичным заголовком-вопросом «Все что было – не было?» применительно к советской философии писал В.И. Толстых: «Сложилась странная, прелюбопытнейшая, почти шизофреническая ситуация. Достаточно к чему-либо присоединить прилагательное “советский” – и мигом явление, вещь или событие приобретают отрицательно-нарицательное значение и звучание… Это относится и к такому сложному, противоречивому и многоразличному явлению духовной культуры, как советская философия» [259, с. 8].

Конечно, совершенно в иной плоскости следует искать объяснение того странного на первый взгляд обстоятельства, что специальной статьи о советской психологии не было и в словарях советского периода. Обнаруженные после

самого тщательного поиска статьи «Марксистская психология» (в словаре Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского [195, с. 100] и в словаре К.К. Платонова [581, с. 65], [582, с. 64]) и «Материализм и идеализм в психологии» в первом (еще советском, во всех последующих ее уже не было) издании «Краткого психологического словаря» [402, с. 172-174] – не что иное, как исключения, подтверждающие общее правило. Показательно, что определения марксистской психологии в первом и втором изданиях словаря К.К. Платонова отличаются друг от друга (приводим их целиком). В первом издании словаря марксистская психология определяется К.К. Платоновым следующим образом: «Марксистская психология – направление психологии как науки, опирающейся на марксизм и, следовательно, философию диалектического материализма, в частности, на ленинскую теорию отражения. Разработка марксистской психологии была начата в Советском Союзе в первые же годы после Великой Октябрьской социалистической революции и ведется непрерывно, учитывая все лучшее исторически сложившееся в руслах интроспективной и функциональной психологии, бихевиоризма и гештальтпсихологии и их современных модификаций буржуазной психологии. Марксистская психология воинствующе борется с эмпиризмом в психологии» [581, с. 65]. Во втором издании К.К. Платонов счел необходимым сделать определение более компактным: «Марксистская психология – психология, опирающаяся на марксизм-ленинизм и, следовательно, философию диалектического материализма, в частности на ленинскую теорию отражения. Марксистская психология особенно плодотворно разрабатывается в Советском Союзе» [582, с. 64].

Вследствие убеждения в том, что советской психологии как факта истории науки не только нет сейчас, но никогда не было и ранее (была лишь «психология в СССР», называемая советской), отрицается необходимость не только в изучении данного феномена, но и в использовании данного понятия. С этой точки зрения неудивительно, что во всех современных работах понятие «советская психология» практически не используется.

Таким образом, на основе изучения современных отечественных учебников и учебных пособий по истории психологии, а так же психологических словарей можно сделать вывод, что несмотря на отражение в них отдельных сторон, проблем и истории советской психологии в целом, ни в одном из них не дается четкого, развернутого определения понятия «советская психология». Словарная статья «советская психология» не содержится ни в одном из рассмотренных справочных психологических изданий, относящихся как к советскому периоду, так и постсоветскому и самым последним годам. Более того, с 1990-х гг. от словаря к словарю и от года к году налицо уменьшение исторических сведений о советской психологии, что можно квалифицировать как определенную потерю исследовательского интереса к самой проблеме советской психологии. Не дается определений советской психологии и в работах отечественных авторов, посвященных рассмотрению содержания и развития психологической науки в нашей стране в советский период.

Но «советская психология» – это не легко сменяемая вывеска на здании психологической науки, а имя, за которым стоит результат напряженной творческой деятельности не одного поколения советских психологов. Надежным методологическим ориентиром в этом вопросе могут служить известные слова Л.С. Выготского, сказанные, естественно, по другому поводу, но в очень схожей исторической ситуации – на переломе времен: «Мы не хотим быть Иванами, не помнящими родства; мы не страдаем манией величия, думая, что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя; мы хотим имя, на которое осела пыль веков. В этом мы видим наше историческое право, указание на нашу историческую роль, претензию на осуществление психологии как науки. Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него» [215, с. 428].

Марксизм как обязательная составляющая советской психологии. Постижение специфики советской психологии и изучение того, что происходило в отечественной психологии советского периода в области теоретических, философских и методологических проблем, а также исследование того, каким

образом различные внешние воздействия отражались на результатах теоретической деятельности в психологии, в современном подходе в большинстве случаев осуществляется путем анализа понимания и использования марксизма советскими психологами. Отказываясь от прежней идеологической трактовки советской психологии, современные исследователи, поставленные перед необходимостью изложения истории российской психологии советского периода, не могут обойти вниманием то обстоятельство, что, рассматриваемая в целом, психология в СССР обладала некоторыми общими признаками. В качестве такого отличительного признака советской психологии указывается наличие в ней марксистской составляющей, ее обязательная «методологическая ориентация на марксизм» [282, с. 361].

Принципиальное отличие от прежнего подхода в данном пункте состоит не столько в изменении общего отношения к марксизму, сколько в его исходном понимании: если в советские времена он понимался предельно широко, как всеохватывающая, тотальная идеология, включающая в себя компоненты научные, философские, идеологические, нравственные и прочие, то в настоящее время речь главным образом идет о продуктивном использовании советскими психологами рациональной (философской, методологической, собственно научной) составляющей марксизма.

Но (подчеркнем еще раз) творцы советской психологии не просто повторяли идеологический по своему происхождению и по форме лозунг о построении новой, советской психологии на марксистских основах – они переводили этот лозунг на научный язык, насыщали его конкретным научным содержанием, развивали и уточняли. Вынужденные лавировать в вопросах терминологии, они, тем не менее, *действительно* строили советскую психологию как новую науку (показательно с этой точки зрения название книги М.Г. Ярошевского: «Л.С. Выготский: в поисках новой психологии» [908]), и марксизм, какой бы смысл не вкладывать в это понятие, выполнял в этом процессе вполне определенные эвристические и конструктивные, а не только декоративные и декларативные функции. Мы можем сейчас к этому по-разному относиться, но

представить себе методологические и теоретические построения Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна и других творцов советской психологии без марксистской составляющей попросту невозможно.

В то же время мы должны понимать, что марксизм – это хотя и важный, но все же внешний аспект истории науки, и реконструируя социальную и политическую историю науки, его нужно учитывать и оценивать наряду с многими другими аспектами – экономическими, нравственными, религиозными, практическими. Главными все же следует считать факторы внутренние, собственно психологические – идеи и традиции в русской дореволюционной психологии, актуальное состояние и тенденции развития в самой отечественной психологии 1920-1930-х гг., новейшие разработки в зарубежной психологии того времени и т.д. Поэтому в настоящее время мало говорить о «методологической ориентации на марксизм» и о «творческом освоении марксизма» советскими психологами. Конечно, необходимо выяснять, что такое марксизм, как он трактовался и усваивался психологами, но делать это необходимо для того, чтобы соотнести наиболее существенные внешние факторы (в том числе и марксизм) с положением дел в самой психологии и на этой основе оценить принципиальные сдвиги в области теоретических и методологических проблем психологии.

Да, в современных работах говорится о том, что П.П. Блонский, К.Н. Корнилов и Л.С. Выготский в 1920-1930-е гг. работали в области методологии и выдвигали программы построения новой (марксистской, советской) психологии – но говорится это в самых общих словах, причем дальнейшая судьба этих программ не прослеживается. О том же, что проблемой создания новой, советской психологии были искренне озабочены и непосредственно занимались также С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и другие выдающиеся советские психологи-теоретики и методологи, обычно умалчивается. В этом плане о многом говорят, например, редакторские лакуны в параграфе «Советская психология» в современном издании «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна [672].

Слова К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.М. Теплова, А.А. Смирнова и других творцов советской психологии о необходимости построения новой, советской психологии интерпретируются как ничего не значащие, вынужденно сказанные в угоду господствующей идеологии или вовсе игнорируются.

Примечательно, что из всех современных авторов только А.Н. Ждан характеризует Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева как *основоположников, теоретиков и создателей* советской психологии [см. 282, с. 388, 398, 402]. В остальных случаях методологическая проблематика оказывается сведенной к выяснению непростых взаимоотношений советских психологов с марксизмом в его невероятно изменчивых и оттого трудноуловимых формах и ипостасях. Между тем конечная цель советских психологов заключалась не в том, чтобы творчески использовать марксизм, а в том, чтобы создать марксистскую психологию («систему советской психологии», по С.Л. Рубинштейну). Но вместе с отказом от непосредственного рассмотрения проблемы советской психологии для научного анализа оказывается утраченным целый методологический «пласт» истории советской психологии.

Дело, таким образом, не столько в том, *как* в психологии использовался марксизм (что понималось под марксизмом, насколько правильным было это понимание, насколько адекватным и продуктивным было использование определенным образом понимаемого марксизма), сколько в том, *для чего* использовался марксизм, для решения каких методологических проблем и, соответственно, к каким последствиям в конечном счете это привело. Именно этот аспект является, с нашей точки зрения, в изучении истории советской психологии ключевым.

История советской психологии как история репрессированной и идеологизированной науки. В дополнение к указанному в предыдущем пункте анализу философской и методологической составляющих в советской психологии современные исследователи анализируют и другие аспекты развития

советской психологии. В этом случае не ставится под сомнение, что у психологии в СССР имелся еще ряд дополнительных качеств, что в теоретических взглядах и судьбах всех советских психологов было нечто общее. Но это были внешние (идеологические, социально-политические) аспекты, относящиеся к социальной (по М.Г. Ярошевскому) или политической (по А.В. Петровскому) истории науки.

Изучение истории советской психологии в рамках социальной истории науки приводит, по М.Г. Ярошевскому [906], [907], [909], [910], к рассмотрению советской психологии как репрессированной науки. Столь же значимым является выделение, по А.В. Петровскому, политической истории психологии, что позволяет реконструировать «особый путь» советской психологии [574], [575], [576], [577], [578]. Рассматриваемая с этой точки зрения, социально-политическая история советской психологии предстает как период потерь, утрат, лишений и накатывающихся одна за одной волн репрессий, и если при этом речь заходит о развитии и прогрессе (появлении новых теорий, направлений, отраслей и т.д.), то подчеркивается, что это происходило несмотря на внешние, социальные факторы (неблагоприятная социально-политическая атмосфера, идеологическое и политическое давление, репрессии и т.д.): психология в СССР развивалась не столько благодаря внешним воздействиям (заботе партии, правительства, Советского государства и т.п.), сколько вопреки им. О негативных последствиях идеологического давления и репрессий пишут и многие другие отечественные исследователи.

Подчеркнем, что в постсоветский период, несмотря на все достижения, развернутый, детальный анализ традиционного советского подхода не был осуществлен, в связи чем отказ от историографической концепции советской психологии как особой науки получился неполным, поверхностным, незавершенным. Историографическая концепция советской психологии как репрессированной науки позволяет получить эмпирически намного более точное и полное представление об истории отечественной психологии советского периода по сравнению с традиционной (идеологизированной) концепцией –

концепцией советской психологии как особой науки, но вместе с тем в концепции советской психологии как репрессированной науки имеются серьезные проблемы методологического характера. По сути, утверждается, что в рамках современного подхода история советской психологии невозможна. Однако на деле все попытки решения проблемы деидеологизации либо «в лоб» (отбрасывая и не замечая ее), либо путем «косметического ремонта» (различных пристроек и добавлений в тексте, смещения акцентов, использования альтернативных оценок и т.п.) ни в коей мере не устраняет имевшихся проблем и к тому же приводит к появлению новых, не менее острых проблем.

С нашей точки зрения, деидеологизированная история советской психологии возможна и необходима. Таков наш общий вывод, вытекающий из изучения основных тенденций, присущих современной отечественной историографии советской психологии. Различные географические, идеологические, политические и прочие формы и наслоения не должны заслонять от нас рационального, собственно научного смысла советской психологии как общепсихологической концепции и программы, изначально предназначенной для решения принципиальных методологических проблем психологической науки и постепенно оформившейся в виде самостоятельного научного направления. Сформировавшись под воздействием марксистской идеологии, советская психология включала в себя не только идеологическую, но и собственно научную составляющую и служила методологической основой для всех теоретических построений в отечественной психологической науке советского периода. Поэтому необходимо во всей полноте и конкретности реконструировать многоплановый процесс разработки (возникновения, развития и функционирования) советской психологии как научного направления.

Именно этим задачам отвечает выдвигаемый в диссертационном исследовании концептуально-историографический подход и разрабатываемая на его основе историографическая концепция советской психологии как научного направления.

§ 4. Историографическая концепция становления советской психологии как научного направления (общая характеристика)

Развиваемая в данном диссертационном исследовании историографическая концепция становления советской психологии как научного направления возникла в ходе поиска, изучения и оценки концепций советской психологии, в различном виде представленных в отечественной историографии. Теперь, после того, как мы выявили две историографические концепции советской психологии – как «особой» и «репрессированной» науки, – необходимо провести их сравнительный анализ.

Как мы смогли убедиться в третьей главе, в соответствии с традиционной (характерной для советских времен) историографической концепцией советская психология рассматривалась как особая – принципиально новая, марксистская, советская – наука о психике (психической деятельности), возникшая и функционирующая на марксистской методологической основе в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемая всей остальной психологии.

Помимо неизбежной идеологизации, характерной особенностью данной концепции при описании периода 1920-1930-х гг. была ярко выраженная центрация на судьбе марксистской психологии. Вследствие этого вся психологическая наука в СССР 1920-1930-х гг. рассматривалась не как самостоятельный объект исследования, целостное образование, система, а всего лишь как слабо дифференцированный контекст, как фон, в котором и на котором происходило становление марксистской (советской) психологии.

В постсоветский период произошел решительный отказ от традиционной концепции как концепции идеологизированной, вследствие чего советская психология стала описываться главным образом как история «репрессированной науки». В общем и целом это отношение к истории советской психологии выражается в отказе от традиционного советского подхода и формировании постсоветского подхода, суть которого заключается в отказе от прежней

идеологизированной трактовки советской психологии. Однако осуществленный в отечественной историографии в 1990-е годы «ремонт» на концептуальном уровне оказался не капитальным, а косметическим. Это привело к тому, что на фоне увеличения объема конкретных эмпирических сведений и широкого спектра оценок и переоценок фактически была утрачена проблематика исследования того общего, что объединяло всех советских психологов не только внешне, идеологически, но и внутренне, методологически, содержательно. Советская психология (вся психологическая наука в СССР) большинством отечественных авторов и в настоящее время не рассматривается как исторически развивающееся целостное образование, как определенная система.

Сравнение выявленных историографических концепций советской психологии – концепции советской психологии как особой науки и концепции советской психологии как репрессированной науки – показывает, что заложенная в традиционном советском подходе историографическая концепция является идеологизированной, априорной, «жесткой»; напротив, постсоветская историографическая концепция является деидеологизированной, но плюралистичной, эклектичной, «мягкой», «рыхлой».

Кроме того, в обеих концепциях вместе с тем обнаруживается ряд одних и тех же принципиальных методологических и эмпирических ограничений, обусловленных тем, что, во-первых, советская психология априорно противопоставляется всей остальной психологии; во-вторых, вся история советской психологии трактуется преимущественно как история социальная; в-третьих, при изучении периода 1920-1930-х гг. в качестве объекта исследования берется не вся психологическая наука в СССР в этот период, а только марксистская психология, рассматриваемая на фоне остальных (немарксистских) направлений, течений и школ.

Главная причина такого положения дел, продолжающая действовать и в настоящее время, заключается, с нашей точки зрения, в том, что с самого начала идеологизация в корне препятствовала постановке вопроса о психологической

науке в СССР, так как требовалось изучать судьбу только одной составляющей – советской (марксистской) психологии.

Вследствие такого априорно заложенного подхода вся психологическая наука в СССР 1920-1930-х гг. не рассматривается как целостное образование, как система; реальным, фактическим объектом исследования выступает судьба марксистской психологии, причем трактуемая главным образом как история социальная, т.е. зависящая от внешних, экстернальных факторов. Остальные элементы, в совокупности образующие психологическую науку в СССР в 1920-1930-е гг. (субъективная психология, рефлексология, педология, психотехника и т.д.), при таком подходе рассматриваются лишь как имеющий второстепенное значение фон, как совокупность преходящих моментов, как своего рода антураж, в лучшем случае – как сырье, строительный материал, необходимый для развития марксистской (советской) психологии.

В советское время жесткий, идеологически обусловленный априоризм («идеологический априоризм») требовал не искать, не доказывать объективную истину, а лишь иллюстрировать, всецело принимая и одобряя, наперед (догматически, «сверху») заданные утверждения и оценки. Применительно к истории психологической науки в СССР (в целом и к периоду 1920-1930-х гг. – в особенности) этот подход выражался в тройной (ступенчатой) редукции.

Прежде всего вся психологическая наука в СССР сводилась к марксистской психологии. В соответствии с этим редукционистским, по своей сути, тезисом период 1920-1930-х гг. трактуется как период становления советской психологии. Редукция истории психологической науки в СССР к истории советской психологии наглядно проявляется в том, что прямо формулируется или задается неявным образом (подразумевается, но не озвучивается в силу своей очевидности) тезис о том, что 1920-1930-е гг. – это период становления советской психологии, и не более того.

Подчеркнем, что данная редукция принципиально отличается от идеологически нейтрального подхода, когда исходно ставится задача получить общее представление обо всей психологической науке в СССР в 1920-1930-е гг.,

обо всех образующих ее направлениях, школах, отраслях и т.д., и в этом контексте советская психология и ее становление рассматривается лишь как один из «равноправных» элементов всей психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг., системно.

Далее в ходе редукции вся марксистская психология сводилась к ее методологическим основам. В соответствии с этим тезисом вся проблематика становления марксистской (советской) психологии в 1920-1930-е гг. сводилось к вопросам становления ее методологических основ. Разумеется, основы есть основы, и о них надо говорить, но тем не менее мы должны понимать, что наука в целом состоит не только из своих основ точно также, как здание состоит не только из фундамента, а организм – не только из скелета или нервной системы.

Наконец, на третьей ступени все методологические основы сводились к марксизму, к марксистским методологическим, философским основам. В соответствии с этим тезисом утверждалось и подразумевалось, что до марксизма у психологии то ли не было вообще своих собственных методологических основ, то ли (более мягкий вариант) основы были, но их пришлось полностью отбросить в виду их полной непригодности.

Благодаря такой идеологически обусловленной трехступенчатой редукции различные элементы, в совокупности образующие психологическую науку в СССР в 1920-1930-е гг. (т.е. когда еще сосуществовали различные психологии – субъективная психология, рефлексология, педология, психотехника и т.д.), и в советский, и в постсоветский период (вплоть до наших дней) рассматриваются либо как фон, полуфабрикат, необходимый для развития марксистской (советской) психологии, либо по отдельности, сами по себе, «россыпью», причем те элементы, которые указываются, не представляют собой системы, т.е. даются заведомо эклектично, так что в любом случае психологическая наука в СССР не рассматривается как объект, достойный выступать в качестве непосредственного предмета исследования.

Из вышесказанного становится понятной необходимость формирования исследовательского историографического подхода, который позволил бы

преодолеть крайности имеющихся подходов (их односторонность и эклектику, фрагментарность, априоризм и редукционизм) путем разработки – для исследования советской психологии как исторически развивающейся системы – оптимальный вариант сочетания «жесткости» и «мягкости», экстернальности и интернальности, что в конечном итоге должно обеспечить целостное и системное представление об историческом развитии психологической науки в СССР и становлении советской психологии.

Все это определило выдвижение авторского концептуально-историографического подхода, разработка которого, если исходить из публикаций, началась в 2006 г. с рассмотрения советской психологии в мировом историко-психологическом контексте [109] и с постановки вопроса о понятии (термине) «советская психология» [106], а затем была продолжена путем проведения детального историографического анализа проблемы [117], о чем у нас уже шла речь выше, в первых двух главах диссертации.

В рамках предлагаемого подхода период 1920-1930-х гг. – это время становления советской психологии, время ее появления и утверждения на исторической «сцене» в качестве самобытного научного направления. Это развитие происходило в тесном контакте с другими научными направлениями. Структуру психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. (на уровне научных направлений и научных школ) образуют шесть научных направлений с входящими в них научными школами: субъективная психология (школа Г.И. Челпанова), религиозно-философская психология, объективная психология (школы В.М. Бехтерева и И.П. Павлова), марксистская психология (советская психология в узком смысле – школы М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Харьковская школа [150, с. 181-212]), психоанализ и психология установки (школа Д.Н. Узнадзе).

В совокупности указанные направления представляют собой всю психологическую науку в СССР 1920-1930-х гг., т.е. советскую психологию в широком смысле (подробно об этом см. [150, с. 162-215], а также [112]-[149], [151]-[156], [159], [162], [163] и др.).

В нашем исследовании под научной школой (школой в науке) понимается группа ученых, имеющая ряд обязательных характерных признаков: 1) ученый-лидер и его теория, концепция, программа; 2) ученики, сотрудники и единомышленники; 3) совместная деятельность (внутригрупповое взаимодействие, коммуникация), направленная на производство и воспроизводство научного знания и научных кадров; 4) материальная (учебная, исследовательская) база школы (кафедра, институт, лаборатория, факультет и т.п.); 5) история («биография») школы, т.е. достаточно продолжительное существование и соответствующая хронология событий в генезисе и функционировании школы (возникновение, развитие, трансформации, «уход со сцены» и т.д.); 6) научные результаты и достижения (в области методологии, теории и эксперимента, при решении практических и прикладных проблем, публикации школы – статьи, книги, сборники, диссертации и т.п.); 7) представленность (известность) школы в различных контекстах – общенаучном, культурном, социальном.

Итак, в 1920-1930-е гг. марксистская/советская психология на уровне школ была представлена школами М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, Харьковской школой и школой С.Л. Рубинштейна. Рассмотрим эти пять школ более подробно.

Школа М.Я. Басова (Р.С. Абельская, Е.Д. Герке, Е.Я. Голант, Е.И. Зейлигер-Рубинштейн, М.А. Левина, В.С. Мерлин, А.И. Неклюдова, О.В. Неопиханова, Л.Н. Философова и др.) – основанная и руководимая Михаилом Яковлевичем Басовым (1892-1931) одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. Разностороннее (в том числе и как о методологе и теоретике общей психологии) представление о М.Я. Басове дают статьи В.С. Мерлина [492], В.Н. Мясищева [507] и Н.А. Менчинской [491], а также статьи Е.Д. Герке [234] и В.С. Мерлина [493] в «Избранных психологических произведениях» М.Я. Басова [69]. В 1960-1970-е гг. творчество М.Я. Басова всесторонне изучалось Э.Г. Исаевой [319]-[321]. Наиболее подробно концепция М.Я. Басова описывается в монографии

Е.Д. Левченко [419], в главе «Отношение организма к среде в концепции М.Я. Басова» [419, с. 144-174]. Кроме того, в двух изданных под редакцией Е.В. Левченко в 2007 г. книгах М.Я. Басова [70], [71] помимо работ М.Я. Басова содержится много дополнительных подробностей относительно личности и теоретических воззрений М.Я. Басова. В частности, затрагивая при описании жизненного пути и психологической концепции М.Я. Басова историографию вопроса, Е.В. Левченко отмечает, что «указания на активное участие М.Я. Басова в создании марксистской психологии, в перестройке психологической науки на основах методологии марксизма-ленинизма, на развитие его идей в диалектико-материалистическом направлении имеются в целом ряде работ» [71, с. 13-14].

В этом отношении следует подчеркнуть, что и в педологии, и в психологии М.Я. Басов твердо и однозначно стоял на марксистских позициях. Так, в первом издании «Общих основ педологии» (1928) М.Я. Басов писал: «Правильный научный подход к проблеме сознания и психики можно найти только в философии диалектического материализма, у ее основоположников – Маркса и Энгельса, в трудах Плеханова и Ленина и пр. Здесь дается правильная исходная формула, определяющая психику и сознание как свойство высоко организованной материи. Проблема тем самым приобретает надлежащую постановку и выводится на единственно верный путь» [67, с. 261].

В 1931 гг., во втором издании М.Я. Басов не менее однозначно и решительно утверждал: «Диалектический материализм представляет собою, с одной стороны, цельное мировоззрение, синтезирующее в себе конечные достижения научного познания, а с другой стороны, общую методологию последнего. И в том и в другом своем качестве он имеет решающее значение для всякой научной теории, и, в частности, для психологии» [71, с. 70].

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных М.Я. Басову, *школа* М.Я. Басова во всей (в том числе и постсоветской, и самой современной) литературе о М.Я. Басове как это ни парадоксально, почти не упоминается и не исследуется, хотя еще в вышедшей в 1993 г. (к столетию со дня рождения

М.Я. Басова) статье М.Г. Ярошевского, И.Е. Сироткиной и Н.А. Даниличевой отмечалось, что «начиная с 1920 г. складывается школа Басова» [916, с. 158].

Школа М.Я. Басова сложилась и функционировала под руководством М.Я. Басова на протяжении 1920-х гг. на базе Психоневрологической академии и Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена: с 1922 г. М.Я. Басов руководил психологическим отделом Педологического института Государственной Психоневрологической академии (т.е. работал под руководством В.М. Бехтерева); в 1925 г. был образован Государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, и М.Я. Басов стал основателем и руководителем педологического отделения и заведующим кафедрой педологии [419, с. 145].

При всей своей марксистской «ангажированности» («методологической ориентации на марксизм») школа М.Я. Басова по своим собственно психологическим корням явилась прямым продолжением школы А.Ф. Лазурского. У М.Я. Басова были все возможности – организационные, идейные, личные – создать свою научную школу, и он ее создал, причем, как и у Л.С. Выготского, не только педологическую, но и общепсихологическую, о чем свидетельствует теоретико-методологическая составляющая «Общих основ педологии» М.Я. Басова [67], [68], [71].

На протяжении 1920-х гг. профессиональная карьера М.Я. Басова складывалась вполне успешно: в 1922 г. вышла его монография «Воля как предмет функциональной психологии» [64], [70], в этом же году он стал профессором, в 1928 г. вышло первое издание его фундаментальных «Общих основ педологии» [67], второе издание – три года спустя [68]. Пик активности школы М.Я. Басова приходится на вторую половину 1920-х гг. Но вследствие резко обострившейся в 1930-1931 гг. идеологической критики и последовавшей в 1931 г. смерти М.Я. Басова его школа в одночасье была ликвидирована.

Историческое значение школы М.Я. Басова состоит в том, что она явилась одной из составных частей и важным этапом в развитии санкт-петербургской (ленинградской) научной школы и советской психологии в целом.

Общепсихологические идеи М.Я. Басова оказали большое влияние на концепции В.С. Мерлина, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева – именно в школе М.Я. Басова обнаруживаются истоки деятельностного подхода [916].

Школа К.Н. Корнилова – основанная и руководимая К.Н. Корниловым одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. Именно К.Н. Корнилов в своем докладе на первом психоневрологическом съезде (январь 1923 г.) выдвинул лозунг о необходимости создания марксистской психологии [365], [366]. В школу К.Н. Корнилова, функционировавшую в середине и второй половине 1920-х гг., когда К.Н. Корнилов был директором московского Института психологии, входили, помимо самого К.Н. Корнилова, сотрудники (в том числе и аспиранты) Института психологии – Ю.В. Франкфурт, Н.Ф. Курманов, А.А. Таланкин, В.М. Боровский, А.Б. Залкинд, И.Ф. Куразов и другие.

О результатах деятельности школы К.Н. Корнилова можно судить по выходившим на протяжении 1920-х гг. сборникам «Проблемы современной психологии» [590], [591], [592], [609], [806], а также по публикациям учебной и учебно-методической литературы: «Практикум по экспериментальной психологии» [40], «Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма» [376], «Простейшие школьные психологические и педологические опыты» [387], «Психологическая хрестоматия» [599] и др.

Оценивая школу К.Н. Корнилова в целом, следует констатировать, что если мы вычтем из идейного багажа школы К.Н. Корнилова критическую часть (причем критику в адрес не только Г.И. Челпанова, но и В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, Э.С. Енчмена, В.Я. Струминского, А.Н. Залманзона и др.), то в итоге в позитивной части у нас останутся: во-первых, лозунг (идея, требование) о необходимости построения марксистской психологии и соответствующие публикации; во-вторых, эксперименты в рамках реактологии (в том числе по взрывным реакциям); в-третьих, прикладные исследования (московского пролетария, аудитории взрослых, ребенка дошкольного возраста и т.п.); в-

четвертых, учебная и учебно-методическая литература по психологии; в-пятых, организаторская деятельность К.Н. Корнилова как директора Института и лидера научной школы и вытекающее отсюда значение этой деятельности для консолидации всей психологической науки в СССР на протяжении 1920-х гг.

Не будем в этой связи забывать о том, что главные представители школы Л.С. Выготского (сам Л.С. Выготский, а также А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия) начинали свою профессиональную деятельность в Психологическом институте в начале 1920-х гг., когда директором Психологического института был К.Н. Корнилов.

Однако в 1931 г. состоялась «реактологическая дискуссия», на которой была поставлена (и решена) задача покончить с «реактологической психологией» К.Н. Корнилова, а заодно и с «челпановщиной», «нечаевщиной» и «другими остатками буржуазно-идеалистических теорий» [328, с. 2].

В последующем К.Н. Корнилов уже не возвращался к своим марксистским и реактологическим идеям. В связи с этим «реактологическая дискуссия», после которой школа К.Н. Корнилова прекратила свое существование, а также разгром в это же время школы М.Я. Басова могут рассматриваться в развитии советской психологии как завершение «марксистского» этапа 1920-х гг. и начало перехода в 1930-е гг. к новому этапу – в виде тенденции «от психологии марксистской к психологии советской».

Школа Л.С. Выготского – основанная и руководимая Л.С. Выготским одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. Выделение культурно-исторической теории Л.С. Выготского в качестве одного из основных явлений и событий в истории отечественной общей психологии не требует специального обоснования, тем более, что в настоящее время идеи этой школы не только воспроизводятся, изучаются и обсуждаются, но и всесторонне развиваются и в нашей стране, и за рубежом. Работы Л.С. Выготского заложили основы для дальнейшего развития советской психологии, в первую очередь – в работах его учеников, единомышленников и продолжателей (А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Л.И. Божович, А.В. Запорожца,

Д.Б. Эльконина и др.). поэтому наряду со школами М.Я. Басова и К.Н. Корнилова школу Л.С. Выготского следует рассматривать как важный элемент в структуре становящейся в 1920-1930-е гг. марксистской (советской) психологии.

В 1926 г. в рукописи «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский подчеркивал: «Марксистская психология есть не школа среди школ, а единственная истинная психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть. И обратно: *все*, что было и есть в психологии истинно научного, входит в марксистскую психологию: это понятие шире, чем понятие школы или даже направления. Оно совпадает с понятием *научной* психологии вообще, где бы и кем бы она ни разрабатывалась» [215, с. 435].

О том же Л.С. Выготский писал в 1928 г. в статье «Психологическая наука»: «Слова “марксистская психология” не означают особой какой-нибудь ветви психологии или особого направления в ней; слова эти означают научную психологию в целом, марксистская психология есть синоним научной психологии, и в этом смысле создание марксистской психологии есть завершение длинного исторического процесса превращения психологии в естественную науку» [206, с. 39].

Вместе с тем обратим внимание на то, что в вышедшем в 1931 г. «Психологическом словаре» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского марксистская психология определяется как «особое направление в современной психологии, разрабатывающее проблемы этой науки с точки зрения учения К. Маркса и Фр. Энгельса, т.е. теории диалектического и исторического материализма» [195, с. 100].

Оформление культурно-исторической теории произошло уже во второй половине 1920-х годов. А.Н. Леонтьев во вступительной статье к первому тому собрания сочинений Л.С. Выготского писал: «Период научной деятельности Выготского и его сотрудников в 1927-1931 гг. исключительный по насыщенности и значению для последующей истории советской психологии. Именно тогда были разработаны основы культурно-исторической теории развития психики» [440, с. 19], и далее из самых ранних в этом плане

указываются работы Л.С. Выготского, относящиеся к 1928-1929 г.г. – статьи «Инструментальный метод в педологии», «Проблема культурного развития ребенка» и «Генетические корни мышления и речи». О том же писал и А.А. Леонтьев: «Первой публикацией по культурно-исторической теории является, как известно, статья Выготского “Проблема культурного развития ребенка”» [428, с. 73].

Но уже в первой половине 1930-х гг. в ходе идеологических дискуссий школа Л.С. Выготского была раскритикована и фактически запрещена. Специального рассмотрения требует вопрос о судьбе школы Л.С. Выготского после смерти Л.С. Выготского (дополнительную негативную роль сыграла ликвидация педологии в 1936 г.), в 1950-е гг. и в последующие десятилетия.

Историческое значение школы Л.С. Выготского состоит в том, что из нее возникла крупнейшая в советской психологии школа (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, Д.Б. Эльконин и др.; в современной трактовке – «школа Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурия»), которая оказала и продолжает оказывать существенное влияние как на отечественную, так и на мировую психологическую мысль.

Харьковская школа (В.И. Аснин, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, О.М. Концевая, А.Н. Леонтьев, Г.Д. Луков, А.Р. Лурия, В.В. Мистюк, К.Е. Хоменко и др.) в настоящее время мало изучена слабо в силу ряда причин, прежде всего – из-за недостаточности публикаций и труднодоступности архивных материалов, а также вследствие общей ситуации в советской психологии в середине 1930-х гг., после постановления о педологии.

Б.Г. Ананьев в вышедшей перед самой войной обзорной статье «О современном состоянии психологической науки в СССР» при перечислении ведущих психологических учреждений страны отмечал: «Коллектив харьковских психологов в Педагогическом институте (под руководством А.В. Запорожца) ведет интересную и плодотворную работу по проблемам детской и генетической психологии, по-новому ставя проблемы восприятия, навыков, речи и т.д. Проведенные две научные сессии (в 1939 и 1940 гг.)

Харьковского педагогического института показали значительный рост этого молодого и интересного коллектива психологов» [29, с. 107].

Пожалуй, это первое в нашей историографии внятное упоминание о Харьковской психологической школе.

Информацию о харьковской школе можно также найти в публикациях о других членах харьковской школы – П.И. Зинченко, В.И. Аснине, А.В. Запорожце, в контексте биографий Л.С. Выготского и (особенно) А.Н. Леонтьева: в книге А.А. Леонтьева «Деятельный ум» [428] (что характерно, А.А. Леонтьев в этой книге пишет о «харьковской группе», а не о «харьковской школе»), в статьях [429], [430], в обстоятельной научной биографии А.Н. Леонтьева [431]. В последней работе особенно информативен параграф «Харьков и вокруг него» [431, с. 40-60], где на первый план выводится роль А.Н. Леонтьева как лидера и организатора.

Много новых сведений содержится в статье А. Ясницкого «Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931-1936 гг.» [918] и в других работах этого автора, посвященных Харьковской школе ([991], [992] и др.). В 2011 г. был опубликован любопытный архивный документ – подготовленная А.Н. Леонтьевым (по-видимому, в 1945-46 гг.) справка «Харьковская психологическая школа» [448], с двумя предваряющими комментариями – статьей Е.Е. Соколовой [741] и кратким «Предисловием к публикации» В.П. Зинченко [448, с. 134].

Из других значимых работ, посвященных Харьковской школе, следует назвать вышедший в 2012 г. (к 80-летнему юбилею кафедры психологии в Харьковском национальном педагогическом университете) сборник «Харьковская школа психологии: наследие и современная наука» [844], где в третьем разделе «История Харьковской психологической школы» опубликованы статьи А. Ясницкого [922], Е.В. Заики и М.А. Кузнецова [288], Т.В. Сергеевой [696] и других авторов. Сюда же непосредственно примыкает статья В.П. Зинченко [308], написанная, как сказано в аннотации, на основе доклада, сделанного на Международной конференции, посвященной 80-летию

Харьковской психологической школы (Харьков, октябрь 2012 г.), организованной Харьковским национальным педагогическим университетом им. Г.С. Сковороды.

Наиболее полная на сегодняшний день информация о Харьковской школе содержится в работах Е.Е. Соколовой – в ее докторской диссертации «Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева)» [742] и монографии «Психология деятельности: становление и перспективы развития» [743]. Тем не менее у нас есть все основания утверждать, что при оценке исторического значения Харьковской школы еще очень многое остается невыявленным, неисследованным и неоцененным.

Впрочем, это высказывание в той или иной степени можно отнести и к другим научным школам, функционировавшим в отечественной психологической науке на протяжении советского периода.

Школа С.Л. Рубинштейна – основанная и руководимая С.Л. Рубинштейном одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг.

В жизни и деятельности С.Л. Рубинштейна как ученого и философа отчетливо выделяются четыре периода – марбургский, одесский, ленинградский и московский (см. [4, с. 4-16]). Большинство публикаций С.Л. Рубинштейна 1920-х гг., судя по списку его работ [670, с. 284-286], [632, с. 112-113], посвящено вопросам научной библиографии, и только три непосредственно касаются психологии [640]-[642]. Поэтому период 1920-х гг. в научной биографии С.Л. Рубинштейна с точки зрения генезиса его научной школы следует рассматривать в качестве своего рода «нулевого цикла», подготовительного этапа.

С 1930 г. по 1942 г. С.Л. Рубинштейн возглавлял кафедру психологии Ленинградского государственного педагогического института (ЛГПИ) им. А.И. Герцена. В этот период им было опубликовано одиннадцать статей, а также «Основы психологии» [645] и «Основы общей психологии» [650] – две большие работы, которые в целом удачно (хотя и, судя по всему, вынужденно) совмещали

в себе свойства не только учебника и теоретической монографии, но и методологического исследования, направленного на разработку собственной научно-исследовательской программы. В 1937 г. С.Л. Рубинштейн без защиты (по совокупности работ, главным образом за «Основы психологии») стал доктором наук – в числе первых в психологии, вслед за П.П. Блонским (1935), К.Н. Корниловым (1935) и А.П. Болтуновым (1936).

Так в научной биографии С.Л. Рубинштейна постепенно складывались формальные предпосылки для создания собственной научной школы: заведующий кафедрой – профессор – автор монографии и ряда значимых публикаций – доктор.

Следующим звеном в этом процессе должна была стать организация коллективной научной деятельности, основой которой является научно-исследовательская программа – «консолидирующее основание коллективной научной деятельности, объединяющее научную группу и одновременно выражающее ее социально-психологические особенности» [484, с. 75].

И действительно, в ленинградский период С.Л. Рубинштейном «была развернута большая теоретическая и экспериментальная научно-исследовательская работа» [329, с. 143]. По словам А.В. Брушлинского, на кафедре психологии ЛГПИ С.Л. Рубинштейн «создает большой творческий коллектив научных сотрудников, преподавателей и аспирантов, вместе с которыми он теперь во всей полноте и систематически начинает применять и развивать деятельностный подход в целях преодоления методологического кризиса в психологии и построения психологической науки на основе диалектического материализма» [174, с. 93].

Достоверно можно указать следующий состав школы С.Л. Рубинштейна по состоянию на конец 1941 г.: В.А. Горбачева, А.С. Звоницкая, А.Г. Зоргенфрей, А.Г. Комм, Д.И. Красильщикова, А.М. Леушина, Г.Т. Овсепян, С.Ф. Розенфельд, А.П. Семенова, В.Е. Сыркина, И.А. Френкель, С.Н. Шабалин, М.Г. Ярошевский.

Вряд ли стоит специально доказывать, что события 1940-х гг. – Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, эвакуация института, переезд

С.Л. Рубинштейна в 1942 г. Москву и, в особенности, идеологическая критика в адрес С.Л. Рубинштейна в первые послевоенные годы и последовавшие за этой критикой «организационные выводы» – во многом нарушили личные и деловые связи С.Л. Рубинштейна со своими учениками и единомышленниками, тем самым создав серьезные препятствия для дальнейшего естественного развития научной школы в данном составе.

В послевоенный период в генезисе школы С.Л. Рубинштейна начался второй этап, появились новые ученики, с которыми у нас обычно ассоциируется школа С.Л. Рубинштейна.

А.В. Брушлинский об этом этапе писал: «Принципиально новый этап в дальнейшей разработке данного варианта деятельностного подхода начинается примерно с середины 40-х гг., когда С.Л. Рубинштейн приступает к созданию теории психического как *процесса*... Теперь же Рубинштейн и ряд его московских учеников теоретически и экспериментально доказывают, что само *формирование* психики в деятельности есть *процесс*, т.е. первое из этих понятий конкретизируется через второе» [174, с. 97].

На этом этапе в школу С.Л. Рубинштейна входили К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, Е.В. Шорохова, Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, А.М. Матюшкин и др. О новых лицах в школе С.Л. Рубинштейна уже во второй половине 1950-х гг. хорошее представление дает статья С.Л. Рубинштейна «Принцип детерминизма и психологическая теория мышления» [664], где С.Л. Рубинштейн пишет об экспериментах И.М. Жуковой, К.А. Славской, Д. Туровской, Н.С. Мансурова, Л.И. Анцыферовой, Е.Н. Кринчик и А.М. Матюшкина, проведенных под его руководством

Как и другие школы, относящиеся к марксистской психологии (школы М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского и Харьковская школа), школа С.Л. Рубинштейна в период своего активного функционирования (в 1930-1950-е гг.) сыграла огромную роль в развитии и консолидации всей психологической науки в СССР. В настоящее время на сайте Института психологии РАН (https://ipran.ru) в разделе «Научная школа субъектного подхода в психологии

С.Л. Рубинштейна – А.В. Брушлинского и К.А. Абульхановой» указаны четыре ученика С.Л. Рубинштейна – К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская и Е.А. Будилова.

Это означает, что также как и школа Л.С. Выготского, школа С.Л. Рубинштейна продолжает свое развитие, оказывая существенное влияние на современную отечественную, а так же зарубежную психологическую науку.

Таким образом, к концу 1930-х – началу 1940-х гг. советская психология как научное направление на уровне школ была представлена Харьковской школой и школой С.Л. Рубинштейна.

При описании всей психологической науки в СССР (т.е. советской психологии в широком смысле этого слова) в конце 1930-х – начале 1940-х гг. к этому списку реально существовавших научных школ следует добавить, учитывая последующее развитие советской психологии, находящиеся в самом начале своего развития научные школы (Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и др.), а также по крайней мере еще два крупных научных центра – московский НИИ психологии (А.А. Смирнов, Б.М. Теплов и др.) и стоявшую особняком (примерно до середины 1950-х гг.) школу установки Д.Н. Узнадзе.

Рассмотрению вопроса о том, как конкретно в динамике на протяжении 1920-1930-х гг. проходило становление советской психологии как научного направления, посвящены три заключительные главы нашего исследования.

Выводы по четвертой главе

В четвертой главе, имеющей, как и предыдущая глава, историографическую направленность, в четырех параграфах были проанализированы посвященные истории советской психологии (в целом и периоду становления – в особенности) работы отечественных авторов, опубликованные в постсоветский период.

Как и в предыдущей главе, методика исследования состояла в выявлении в ходе историографического анализа содержащейся в рассматриваемых работах определенной историографической концепции советской психологии. Кроме

того, в ходе исследования фиксировались количественные и качественные изменения в работах исследователей на уровне эмпирии.

В итоге были получены следующие выводы.

1. В постсоветский период в отечественной историографии (в работах А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского и др.) произошел отказ от трактовки советской психологии как «особой науки». История советской психологии стала описываться главным образом как история «репрессированной науки».

2 В историографической концепции советской психологии как репрессированной науки советская психология не рассматривается в качестве объекта научного исследования, термин «советская психология» не используется, речь идет только о «психологии в СССР» или «российской психологии советского периода», которая трактуется как наука, методологически ориентированная на марксизм, репрессированная и идеологизированная. Период 1920-1930-х гг. при этом характеризуется как период становления новаторских теорий, подходов и концепций (Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др.), методологически ориентированных на марксизм.

3. Несмотря на достигнутый в постсоветский период существенный прогресс в деле изучения истории советской психологии, развернутый, детальный анализ традиционного советского подхода не был осуществлен, в связи чем отказ от историографической концепции советской психологии как особой науки получился неполным, поверхностным, незавершенным.

4. Как показал сравнительный анализ, в обеих выявленных историографических концепциях советской психологии (как «особой» и «репрессированной» науки) советская психология априорно противопоставляется всей остальной психологии; вся история советской психологии трактуется преимущественно как история социальная; при изучении периода 1920-1930-х гг. в качестве объекта исследования берется не вся психологическая наука в СССР в этот период, а только марксистская психология,

рассматриваемая на фоне остальных (немарксистских) направлений, течений и школ.

5. В рамках реализуемого в диссертационном исследовании концептуально-историографического подхода выдвигается и обосновывается авторская историографическая концепция становления советской психологии как научного направления. С этой точки зрения структуру психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. образуют шесть научных направлений с входящими в них научными школами: субъективная психология (школа Г.И. Челпанова), религиозно-философская психология, объективная психология (школы В.М. Бехтерева и И.П. Павлова), марксистская психология (советская психология в узком смысле, представленная школами М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Харьковской школой), психоанализ и психология установки (школа Д.Н. Узнадзе). В совокупности указанные направления представляют собой всю психологическую науку в СССР 1920-1930-х гг., то есть советскую психологию в широком смысле.

ГЛАВА 5. Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг.: тенденция «от психологии субъективной к психологии марксистской»

Как показывает изучение первоисточников, в становлении марксистской/советской психологии как научного направления в 1920-е гг. одним из главных источников явилась субъективная психология, что нашло свое непосредственное выражение в тенденции «от психологии субъективной к психологии марксистской» в этот период. На протяжении 1920-х гг. данная тенденция проявилась в таких значимых научных событиях, как дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по проблеме «психология и марксизм», дискуссия о значении диалектического метода для психологии, дискуссия между К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским, дискуссия М. Окуня с Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым о значении марксизма для психологии, а также «заочная» дискуссия между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым. Детальная историко-научная реконструкция этих дискуссий позволяет, в конечном счете, оценить роль и значение субъективной психологии в становлении марксистской (советской) психологии как самобытного научного направления.

§ 1. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

В дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым обсуждался целый ряд вопросов – о дуалистическом и монистическом понимании психики, о пространственности или непространственности психики, о гипотезах параллелизма и взаимодействия, о соотношении психологии и философии, о материализме и идеализме, о методах психологии и о значении марксизма для социальной психологии.

Дуалистическое и монистическое понимание психики. В начале доклада «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов, имея в виду прежде всего взгляды Г.И. Челпанова, критикует «так называемую эмпирическую

психологию» за присущие ей «резкое, коренное разграничение психического от материального, духа от материи» и «дуализм психического и физического» [366, с. 42]. Становясь на точку зрения марксизма, К.Н. Корнилов ясно формулирует свой основной тезис: «Марксизм в корне порывает с этим дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному» [366, с. 42].

Точку зрения по этому вопросу Г.И. Челпанова, основного оппонента К.Н. Корнилова, мы находим уже в его первой полемической брошюре «Психология и марксизм» [855], направленной против рефлексологической экспансии под флагом марксизма. Объединяя в одну группу (по признаку отрицания значимости и самостоятельности психических процессов, следовательно, и психологии как науки) рефлексолога В.М. Бехтерева, сторонника науки о поведении П.П. Блонского и реактолога К.Н. Корнилова, Г.И. Челпанов в четвертом тезисе брошюры писал: «Попытки сводить душевные явления к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс, Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно» [855, с. 15].

Как же К.Н. Корнилов отвечал на эту критику? Об этом мы можем судить по двум статьям К.Н. Корнилова, помещенным в сборнике «Психология и марксизм» [370], [371]. Из содержания этих статей следует, что к июню 1924 г. (эта дата стоит под предисловием К.Н. Корнилова, редактора к сборнику) К.Н. Корнилов все еще настаивал на том, что тезис о сведении психики к материи является марксистским. Как и в докладе в январе 1923 г., К.Н. Корнилов по-прежнему утверждает, что сведение психики к материи – это и есть марксистское понимание психики, а вульгарный материализм заключается в сведении психики к движению материи [371, с. 239-240]. Но вскоре К.Н. Корнилов был все же вынужден отказаться от тезиса о сведении. Случилось это менее чем через полгода, в ноябре 1924 г., когда он выступил в стенах руководимого им института с докладом «О наивно-материалистических тенденциях в

современной психологии» [369]. Свидетельства этому факту мы можем найти еще в двух источниках [856, с. 3], [590, с. 251].

Судя по всему, именно этот доклад на открытой конференции института был в значительно переработанном виде опубликован К.Н. Корниловым под названием «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» [368]. В этой статье К.Н. Корнилов фактически соглашается с Г.И. Челпановым в вопросе о сущности психики, повторяя своими словами суть четвертого тезиса Г.И. Челпанова [855, с. 15]. К.Н. Корнилов пишет: «Наивный материализм, признавая только материю и ее движение, помимо того пространства, в котором существует и движется эта материя, всецело сводит к этой материи и движению и психику» [590, с. 10].

В этой работе К.Н. Корнилова мы уже не встретим мысли о том, что материалистическое, марксистское понимание психики заключается в ее сведении к материи. Правда, утверждая, что марксизм признает реальность и значимость психических процессов и не сводит психику к материи, К.Н. Корнилов все же не уточняет справедливости ради, что именно об этом с самого начала дискуссии говорил Г.И. Челпанов, показывая совпадение позиций о сущности психики в марксизме и эмпирической психологии. Принципиальное изменение К.Н. Корниловым своих взглядов в конце 1924 г. и последовавшая затем одобрительная оценка Г.И. Челпановым этого факта не могли остаться незамеченными научным сообществом.

Ироничный комментарий к словам Г.И. Челпанова, сказанным в предисловии его сборника статей [856, с. 3-4], прозвучал в статье А.Н. Залманзона, который писал: «Не так давно центр тяжести борьбы психологов-марксистов был направлен против субъективной эмпирической психологии … В настоящее время мы переживаем полосу затишья и мучительного искания новых путей. Но природа и история не терпит покоя. Те, кто не в силах идти вперед, вынуждены неудержимо катиться назад. В этом попятном движении бывают нередко неожиданные встречи. К.Н. Корнилов, один из “революционных” вождей, поднявший бунт против своего бывшего

учителя Г.И. Челпанова и отлученный за это из “психологической церкви”, принят обратно в ее лоно за заслуги в борьбе против “механического материализма”» [303, с. 189]. Далее А.Н. Залманзон в статье цитирует слова Г.И. Челпанова из предисловия [856, с. 3-4].

Как видим, Г.И. Челпанов с самого начала отстаивал нередукционистское понимание психики, утверждая, что в этом вопросе между эмпирической психологией и марксизмом расхождений нет. К.Н. Корнилов же в начале утверждал, что в «соответствии с марксизмом» психика, сознание сводится к материи, но в конце 1924 г. он вынужден был отказаться от этого тезиса, признав, что сведение психики к материи есть вульгарный, наивный, но не диалектический материализм. Так что если мы обратимся ко второму изданию сборника статей К.Н. Корнилова [374], то по рассматриваемому нами вопросу получим такую картину: в первой статье К.Н. Корнилов пишет о «марксистском» сведении психики к материи, а в последней статье [368] признает этот тезис вульгарно-материалистическим!

Обладает ли психика пространственной протяженностью? В докладе «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов, противопоставляя свои марксистские взгляды на психику взглядам Г.И. Челпанова, выступает против утверждения Г.И. Челпанова о непространственности психики. При этом, однако, К.Н. Корнилов повторяет, только немного видоизменив, свою прежнюю реактологическую, энергетическую аргументацию. Это подтверждается прямым сопоставлением того, что писал по этому вопросу К.Н. Корнилов в докладе на первом съезде и в «Учении о реакциях».

Действительно, в 1921 г. в первом издании «Реактологии» К.Н. Корнилов писал: «Мозг есть орган психической деятельности, а отсюда не менее правильным является и то, что психика и психические процессы суть, несомненно, явления пространственного порядка, поскольку этот признак может быть применен вообще ко всякому энергетическому процессу и явлению» [364, с. 141]. Здесь логика К.Н. Корнилова ясна: психика есть явление энергетическое, следовательно, пространственное.

В январе 1923 г. ту же мысль о пространственности психики К.Н. Корнилов выводит уже из марксистского понимания психики как свойства наиболее организованной материи [366, с. 44]. Психика материальна, следовательно, пространственна – вот логика К.Н. Корнилова-марксиста. Но даже и здесь, заявляя себя марксистом, К.Н. Корнилов не может обойтись без энергетической трактовки психики, стремясь тем самым показать лишний раз соответствие марксизму своего взгляда на психику как на проявление физической энергии: «Психические процессы должны быть признаны пространственными не в том, конечно, смысле, что относительно психических процессов можно было сказать, что они находятся вправо или влево и т.д., – возражение, обычно приводимое защитниками непространственности психических процессов. На все это можно было бы возразить лишь одно, что если вышеуказанные предикаты неприменимы к психическим процессам, то одинаково они неприменимы и к физическим процессам энергетического порядка: если мы не можем сказать – толстые или тонкие мысли и т.п., то одинаково мы не можем сказать – толстый или тонкий магнетизм и т.д. Пространственное понимание психических процессов говорит лишь о том, что эти процессы (особенно если мы будем понимать их энергетически) локально связаны с тем или иным телом, в данном случае с органическим телом, и этого вполне достаточно, чтобы применить к этим процессам категорию пространственности» [366, с. 44-45].

Если исходить только из этих слов К.Н. Корнилова, то может создаться впечатление, что новым и неожиданным аргументом о магнетизме и энергии К.Н. Корнилов опровергает Г.И. Челпанова, который, как известно, в соответствии с постулатами эмпирической психологии всегда утверждал, что непространственность психики является ее отличительным свойством по сравнению с пространственным, протяженным, материальным миром.

Кроме того, из слов К.Н. Корнилова можно сделать вывод, что Г.И. Челпанов доказывал тезис о непространственности психики с помощью двух критериев (показателей, аргументов): (1) о мысли нельзя сказать, что она

имеет форму («толстая или тонкая») и (2) что она расположена в пространстве («находится справа или слева»).

На самом же деле Г.И. Челпанов в книге «Мозг и душа» указывает не два, а три критерия пространственности (пространственной протяженности): 1) положение или место в пространстве; 2) наличие формы; 3) возможность, способность двигаться, совершаться в пространстве [851, с. 22-23]. О том же, заметим, пишет Г.И. Челпанов и во «Введении в философию» [849, с. 144], во всех, начиная с первого, изданиях работы «Мозг и душа» и даже в «Учебнике психологии» [852, с. 4-5]. Так что К.Н. Корнилов невольно или сознательно исказил аргументацию Г.И. Челпанова. Аргумент Г.И. Челпанова с магнетизмом также содержится во всех изданиях работы «Мозг и душа».

Согласно Г.И. Челпанову психические явления ни одним из этих трех свойств (проявлений пространственности) не обладают. С точки зрения Г.И. Челпанова, психические процессы все же совершаются, происходят, но не в пространстве, а только во времени, в противном случае трудно было бы объяснить, чем же занимаются психологи-экспериментаторы, в частности, при исследовании времени (скорости) реакции.

Мало того, Г.И. Челпанов в книге «Мозг и душа» разбирает также аргумент с магнетизмом (!), доказывая, что энергия так же, как и другие материальные явления, обладает пространственной протяженностью, в данном случае по третьему критерию (совершается в пространстве). В характерной для себя диалогической манере Г.И. Челпанов пишет: «Есть одно явление в физическом мире, которое всех неопытных в философском мышлении в состоянии поставить в большое затруднение. Я имею в виду такое явление, как электричество, магнетизм. Многие не понимают, как это к электричеству и магнетизму применимы категории протяженности. Мне часто приходится слышать возражение: «Ведь не скажете же Вы, что электричество толстое, круглое, четырехугольное, широкое, следовательно, нельзя сказать, что категории протяженности применимы к подобным явлениям». Это затруднение решается следующим образом. Какие явления мы называем явлениями магнетизма? Мы

имеем магнит и кусок железа, и между ними находится маленькое промежуточное пространство. Когда это промежуточное пространство сделается еще меньше, то железо начинает двигаться. Вот это движение в пространстве до соединения с магнитом мы и называем явлением магнетизма. Явление магнетизма, как это легко видеть, есть явление, совершающееся в пространстве» [851, с. 102].

Г.И. Челпанов, будучи опытным полемистом, в споре с К.Н. Корниловым решил просто не повторять свои аргументы многолетней давности и не бросать тем самым своему оппоненту упрек в некомпетентности. Вместо этого Г.И. Челпанов использовал [см. 855, с. 8] более подходящий для того времени прием, взяв себе в сторонники ... Н.И. Бухарина, который в популярном в то время марксистском учебнике писал: «Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами – их можно видеть, слушать, осязать, пробовать на вкус и т.д. Их мы называем материальными явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя нащупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль, или воля, или ощущение. Что они существуют – всякий знает отлично сам по себе» [187, с. 51]. «Такие явления называются психическими, в просторечии духовными» [187, с. 52].

Таким путем Г.И. Челпанов показывает, что К.Н. Корнилов не знаком с точкой зрения Н.И. Бухарина, с его книгой, первое издание которой вышло еще в 1921 г.! Тем самым ставятся под сомнение слова А.В. Петровского о том, что К.Н. Корнилов «с историческим материализмом был знаком очень бегло и главным образом в бухаринском изложении» [568, с. 59], ибо даже о «беглом знакомстве» с работами Н.И. Бухарина здесь говорить не приходится. Следует обратить внимание на то, что если бы Г.И. Челпанов здесь упрекнул К.Н. Корнилова в незнании «Мозга и души», то это могли бы оценить не столько как минус, сколько как плюс корниловской эрудиции. Другое дело Н.И. Бухарин, в первой половине 1920-х гг. активный политический деятель, виднейший теоретик партии большевиков!

Как же К.Н. Корнилов отвечал на эту критику, когда на стороне Г.И. Челпанова оказался (очевидно, совершенно для К.Н. Корнилова) Н.И. Бухарин?

В этой ситуации у К.Н. Корнилова было два разумных выхода: либо признать, что из непространственности психики вовсе не следует жестко и однозначно ее дуалистическое или метафизическое понимание, либо, настаивая на своей логике, объявить дуалистом, метафизиком, идеалистом и т.д. не только Г.И. Челпанова, но и Н.И. Бухарина. К.Н. Корнилов выбирает нечто среднее, тем самым не столько проясняя, сколько еще больше усложняя и запутывая проблему.

Приведя свои слова о пространственности психики, высказанные еще в «Учении о реакциях человека», и цитированные нами выше слова Н.И. Бухарина, К.Н. Корнилов соглашается: «В самом деле, противоречие полное, здесь проф. Челпанов документально устанавливает, что это так. Но вот в чем суть, что это положение о пространственности или непространственности психических процессов есть наиболее спорное положение из всех, ибо на нем и сходятся, и расходятся и марксисты, и немарксисты. В самом деле, вот проф. Челпанов как психолог сходится в этом отношении во взглядах с Бухариным, но любопытно, что и тот рефлексолог, против которого направлены тезисы проф. Челпанова, акад. Павлов тоже держится тех же воззрений о непространственности и даже больше – беспричинности психических процессов. Но то же самое подтверждает и Енчмен. Оказывается, отрицание пространственности психических процессов вовсе не гарантирует того, что человек является последовательным марксистом, ибо таковым никак нельзя назвать ни Енчмена, ни Павлова, ни тем более уже проф. Челпанова с его «Мозгом и душой». С другой стороны, имеется целый ряд авторов, которые, признавая пространственность психических процессов, являются, несомненно, идеалистами: таков известный датский психофизиолог Леман или Ибервег и др., которые признают и мировую душу, и особую психическую энергию, отличную по самой своей сути и природе от физической и т.п.» [371, с. 235-236].

Эта большая цитата дает нам ясное представление о К.Н. Корнилове как о полемисте. Если ранее для подтверждения правильности (с точки зрения марксизма) той или иной формулировки достаточно было сослаться на Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Ф. Энгельса или Н.И. Бухарина, то теперь, в щекотливой ситуации, авторитета Н.И. Бухарина (и других марксистов, марксизма вообще) оказывается уже недостаточно! Характерно, что в своем ответе при изложении различных точек зрения К.Н. Корнилов не сумел назвать хотя бы одного марксиста, который бы говорил о пространственности психики.

Своим ответом К.Н. Корнилов фактически выводит вопрос о пространственности психики за пределы проблемы «психология и марксизм». При этой операции обращает на себя внимание то, что если в докладе на первом съезде тезис о пространственности следует без особых оговорок, как нечто несомненное из понимания К.Н. Корниловым психики как свойства материи (психика материальна, следовательно пространственна), то в статье «Психология и марксизм проф. Челпанова» у К.Н. Корнилова вдруг оказывается, что утверждение о пространственности является «спорным» и его можно рассматривать само по себе, независимо от более общего, исходного вопроса о сущности психики.

Но К.Н. Корнилова, что характерно, больше заботит не логическая, а другая, так сказать, личная сторона вопроса: остается ли он, по-прежнему настаивая на пространственности психики, марксистом? Именно в связи с этим К.Н. Корнилов специально подчеркивает: «От того что я отрицаю беспространственность психических явлений, а проф. Челпанов признает ее, от этого вовсе ни я не являюсь еще «по недоразумению марксистом», как говорит проф. Челпанов, ни он не является “гуманистическим материалистом”» [371, с. 236]. Здесь, очевидно, К.Н. Корнилов имеет в виду слова Г.И. Челпанова в работе «Психология и марксизм» о «полном противоречии» во взглядах «между подлинными русскими марксистами» (В.И. Лениным, Н.И. Бухариным) и «рефлексологами, именующими себя по недоразумению марксистами» – П.П. Блонским, К.Н. Корниловым и В.М. Бехтеревым [см. 855, с. 8]. В шестом

тезисе Г.И. Челпанов материализм Л. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса и И. Дицгена называет «гуманистическим» [855, с. 21].

Для дальнейшей эволюции взглядов К.Н. Корнилова показательно то, что ни в статье «Путь современной психологии» [373], ни в статье о наивном и диалектическом материализме [368] он вообще не упоминает проблему пространственности психики.

На основе вышеизложенных соображений можно сделать вывод, что к ноябрю 1924 г. К.Н. Корнилов все-таки осознал недостаточность своей аргументации: он был не в силах спорить по этому вопросу не столько с Г.И. Челпановым, сколько с Н.И. Бухариным. В целом, как видим, позиция К.Н. Корнилова в вопросе о пространственности психики не была обоснованной, прочной и устойчивой по сравнению с позицией и аргументами Г.И. Челпанова ни с точки зрения марксизма, ни с точки зрения чисто научной, логической.

Психофизическая проблема: гипотезы параллелизма и взаимодействия. Не менее показательна попытка К.Н. Корнилова сформулировать марксистское разрешение психофизической проблемы. К тому времени, т.е. в 1910-1920-е гг., в мировой психологической науке общепринятыми, но конкурирующими между собой гипотезами (теориями, учениями) относительно взаимосвязи психических и физиологических процессов были две – параллелизма и взаимодействия [см., в частности, 413, с. 74-75]. Решение этой проблемы К.Н. Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» начинает с того, что объявляет, что учение о параллелизме находится «в полном противоречии с непосредственным опытом», а теория взаимодействия противоречит «современному естествознанию» [366, с. 46].

Тем самым К.Н. Корнилов в докладе почти дословно повторяет рассуждения, ранее высказанные им в «Учении о реакциях человека». Вся разница заключается только в том, что в 1921 г. все объяснения К.Н. Корнилова основывались на понимании психики как энергии, а в 1923 г. – как свойства материи. В «Учении о реакциях» К.Н. Корнилов с самого начала отбрасывает оба варианта решения психофизической проблемы как неудовлетворительные, но

еще не ради утверждения тезиса о материальности психики, а ради доказательства того, что психика является «проявлением», как он пишет, физической энергии (см. [364, с. 14]).

Отбрасывая оба варианта решения психофизической проблемы, К.Н. Корнилов стремится сформулировать свой, третий вариант решения. Но фактически и в «Учении о реакциях», и в докладе на первом съезде К.Н. Корнилов становится на точку зрения гипотезы взаимодействия, подтверждением чему служат его слова о том, что психика, понимаемая как вид и проявление физической энергии, тем самым должна подчиняться и соответствовать «естественно-научным данным», т.е. закону сохранения энергии [366, с. 47-48].

Так писал К.Н. Корнилов в январе 1923 г. Однако в июне он говорит уже о параллелизме [см. 370, с. 20], а в ноябре 1924 г. он столь же убежденно заявляет, что между психическими и физиологическими процессами существует не причинное, а функциональное взаимодействие [см. 590, с. 13-14]. Это соответствует трактовке Г.И. Челпановым принципа психофизиологического параллелизма.

При обосновании своего решения Г.И. Челпанов опирался на идеи Э. Маха и Р. Авенариуса, указывая: «Когда изменяется физическое явление, то изменяется и соответственное психическое, и наоборот, когда изменяется психическое, изменяется и соответственное физическое явление, и их связь будет только функциональная. В этом смысле мы можем сказать, что мысль есть функция мозга, но с таким же правом мы можем сказать, что и физические явления в мозгу суть функции изменений в психической сфере» [851, с. 144].

Парадоксальность «смены вех» у К.Н. Корнилова от июня 1921 к июню 1923 и ноябрю 1924 г. заключается еще и в том, что буквально в следующем предложении только что цитированной статьи, отбросив оба варианта, он по-прежнему отказывается признавать теории параллелизма и взаимодействия за содержащийся в них «скрытый дуализм» [590, с. 14]! Таким образом, критикуя Г.И. Челпанова за идеализм и метафизику, К.Н. Корнилов в итоге утверждает

точку зрения... Г.И. Челпанова и называет ее при этом марксистским разрешением психофизической проблемы!

В связи с этим стоит привести оценочные суждения Л.С. Выготского, который подчеркивал, что если в формуле «сознание есть функция мозга» функцию понимать в математическом смысле, то перед нами будет теория параллелизма; если же функцию понимать в физиологическом смысле, то «перед нами материализм». Так что, продолжает Л.С. Выготский, «когда К.Н. Корнилов вводит понятие и термин функционального отношения между психикой и телом, хотя и признает параллелизм дуалистической гипотезой, сам незаметно для себя вводит эту теорию, ибо понятие функции в физиологическом смысле им отвергнуто и остается второе» [215, с. 368]; здесь Л.С. Выготский ссылается на статью К.Н. Корнилова «Психология и марксизм» [370].

Более определенную позицию по вопросу о гипотезе взаимодействия занимал в 1921 г. П.П. Блонский, когда писал: «Эта теория взаимодействия находится в коренном противоречии с современной физикой … Если бы мы допустили взаимодействие между телом и душой, то … мы должны были бы отрицать закон сохранения энергии» [96, с. 37]. Собственная неопределенная позиция позволила К.Н. Корнилову лавировать позже, защищаясь от упреков в механицизме, энергетизме и идеализме [378].

При подготовке доклада «Современная психология и марксизм» перед К.Н. Корниловым стояла непростая задача «перекрасить» свой былой энергетизм в материализм и марксизм. К.Н. Корнилов эту задачу понял как задачу по смене не столько методологии, сколько терминологии.

В этом плане характерен совет К.Н. Корнилова В.М. Бехтереву, сделанный в середине 1923 г., т.е. уже после того, как К.Н. Корнилов заявил себя марксистом (этим советом К.Н. Корнилов вполне мог руководствоваться и сам): определяя позицию В.М. Бехтерева, сторонника энергетизма, в форме лозунга «нет материи, а есть энергия», К.Н. Корнилов замечает, что этот лозунг «чреват своими последствиями, толкая на умозрение: гораздо рациональнее, с моей точки зрения, особенно при решении вопроса о сущности психических

процессов, было держаться формулы – «нет энергии без материи», рассматривая психические процессы как свойство материи» [374, с. 22].

Из этих слов хорошо видно, что марксизм был для К.Н. Корнилова не фундаментом, а «броней» для защиты своих реактологических взглядов от внешних критических воздействий. По сути ту же «политику» проводили и другие отечественные психологи, вынужденные как-то разрешать проблему «психология и марксизм».

Эту проблему не мог обойти в своей работе Л.С. Выготский. Показывая ее сложность, он писал: «Итак, одну гипотезу называют то 1) монизмом, то 2) двойственностью, то 3) параллелизмом, то 4) тождеством. Прибавим, что возрождающий эту гипотезу круг марксистов (как будет показано ниже): Плеханов, а за ним Сарабьянов, Франкфурт и другие – видят в ней именно теорию единства, но не тождества психического и физического. Как же это могло произойти? Очевидно, что эта гипотеза сама может быть развита на почве тех или иных еще более общих воззрений и может принять тот или иной смысл в зависимости от них: одни подчеркивают в ней двойственность, другие – монизм и т.д.» [215, с. 367].

Таким образом, К.Н. Корнилову не удалось противопоставить Г.И. Челпанову обоснованные доводы в пользу своей («марксистской») точки зрения на психофизическую проблему. Кроме того, мы смогли убедиться, что та картина, которую мы находим в работах отечественных исследователей (правота К.Н. Корнилова-марксиста), была обусловлена не результатами конкретного исследования, а жесткими рамками наперед заданной схемы изложения дискуссии – схемы, являвшейся, с нашей точки зрения, важной составной частью более общей схемы, находящей свое непосредственное выражение в виде историографической концепции советской психологии как особой науки.

Проблема соотношения психологии и философии. В докладе «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов предпринял попытку обосновать необходимость переоценки (ревизии) психологии с точки зрения марксизма. Стремясь подвести проблему под более общую проблему «психология и

философия», К.Н. Корнилов излагает свое понимание марксизма как определенной философской системы, а психологии – как философской науки. Рассмотрим, из каких же представлений о марксизме и психологии исходил при этом К.Н. Корнилов, насколько логично и аргументировано он обосновывал свою позицию в споре с Г.И. Челпановым. Вначале определим, что понимал К.Н. Корнилов под марксизмом в своем докладе.

По ходу доклада К.Н. Корнилов дает следующие формулировки: марксизм – это «современный материализм» [366, с. 41], «философская доктрина» [366, с. 41], «строго научное или, как говорят, внутринаучное мировоззрение» [366, с. 42], «не просто материализм, а диалектический материализм» [366, с. 43]; К.Н. Корнилов говорит также о своей попытке «применить философию марксизма к психологии» [366, с. 42], о «философских устремлениях марксизма» [366, с. 50]. В конце доклада К.Н. Корнилов не забывает «хотя бы вкратце остановиться и на другой стороне марксизма – социологической, на теории исторического материализма» [366, с. 50].

Уже отсюда можно сделать вывод, что марксизм, по К.Н. Корнилову, – это определенная философская доктрина, имеющая две стороны – диалектический и исторический материализм (социологию марксизма). Такая трактовка была широко распространена в 1920-е гг., достаточно указать, например, на работы П.П. Блонского [98] и Н.И. Бухарина [187]. Это немаловажное обстоятельство всегда следует иметь в виду при изучении работ К.Н. Корнилова 1920-х гг. Заметим также, что в известных (и в то время) работах В.И. Ленина дается иная трактовка марксизма – как совокупности трех составных частей [425], [426], а марксистской философии как одной из них. Но до объявленного И.В. Сталиным в 1931 г. «марксистско-ленинского этапа в развитии философии» [529] основным, главным авторитетом в области марксистской философии считался Г.В. Плеханов, из работ которого исходили А.М. Деборин, Н.И. Бухарин и многие другие советские философы-марксисты той поры.

Не менее ясно в докладе К.Н. Корнилов формулирует свое понимание психологии: оказывается, «с самых давних пор и до нашего времени» она «всегда

рассматривалась как философская дисциплина по преимуществу» [366, с. 42]. Кроме того, поскольку с его точки зрения психология уже не естественно-научная дисциплина, как утверждалось ранее в «Реактологии», а стоит «на грани биологических и общественных наук» [366, с. 41], постольку психология является не только философской, но и биологической и общественной дисциплиной.

Как же Г.И. Челпанов отвечал на смену К.Н. Корниловым (по сравнению с «Реактологией») позиций в вопросе о соотношении психологии и философии?

Г.И. Челпанов, имея в виду первое издание «Учения о реакциях человека» К.Н. Корнилова, указывал, что «через несколько месяцев после выхода книги, в которой содержится запрет психологу заниматься философией, он (К.Н. Корнилов. – *С.Б.*) на первом психоневрологическом съезде в январе 1923 г. заявил, что занятие философией для психолога является обязательным. Но это требование он предъявляет только другим, и именно, к психологам-немарксистам; для себя же это требование он считает совершенно необязательным, ибо за два года он не удосужился изучить философию Маркса и, будучи чистокровным бюхнерианцем, остается в наивном убеждении, что он марксист» [856, с. 23].

В этом плане показательно, что практически нигде Г.И. Челпанов специально не анализирует доклад К.Н. Корнилова на первом съезде, основное внимание при критике уделяя «Реактологии». Очевидно, для Г.И. Челпанова этот доклад К.Н. Корнилова был своего рода продолжением, дополнением к «Учению о реакциях», но никак не нечто такое, что противоположно реактологическим взглядам К.Н. Корнилова образца 1921 г. Это означает, что в докладе 1923 г. Г.И. Челпанов не увидел принципиально ничего нового у К.Н. Корнилова, никакой «огромной теоретической работы» и т.п., и здесь оценки К.Н. Корнилова С.Л. Рубинштейном, Г.И. Челпановым и даже авторами «Итогов...» 1931 г. неожиданно совпадают. Впрочем, точка зрения А.В. Петровского является достаточно гибкой. Соглашаясь с оценками Б.М. Теплова, А.В. Петровский все же признает, что «Корнилов приблизился к

марксизму, но далеко еще не овладел им … Ленинская теория отражения не была ему известна, диалектику он воспринял формально, с историческим материализмом был знаком бегло и главным образом в бухаринском изложении – все это, как мы увидим дальше, становится источником серьезных ошибок, допущенных видным представителем советской психологии в рассматриваемый нами период» [568, с. 58-59].

При реконструкции дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым мы уже имели возможность убедиться, насколько подобная критика в адрес К.Н. Корнилова практически по всем пунктам совпадает с тем, что говорил в ходе дискуссии о взглядах К.Н. Корнилова Г.И. Челпанов. Однако отечественные исследователи стараются не подчеркивать этого совпадения оценок. Но в отношении «Реактологии» К.Н. Корнилова (при оценке ее с точки зрения марксизма) С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.В. Петровский и другие авторы фактически соглашаются с Г.И. Челпановым.

Г.И. Челпанов в ходе полемики писал: «“Учение о реакциях” написано по интроспективному методу, принятому в Психологическом институте Московского университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию К.Н. Корнилова. Может быть, в нескольких фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы» [856, с. 22].

Б.М. Теплов в 1960 г. писал: «“Учение о реакциях человека” – свидетельство искреннего и горячего желания автора порвать с традиционной идеалистической психологией, но в то же время эта книга (несмотря на наличие в ней ценного экспериментального материала) говорит о неподготовленности К.Н. Корнилова к решению тех больших теоретических и практических задач, которые он перед собой поставил» [784, с. 10-11].

Примерно в том же духе высказывается и А.В. Петровский: «Надо сказать, что книга К.Н. Корнилова “Учение о реакциях” действительно давала возможность рассматривать автора как бюхнерианца...» [568, с. 58]. Продолжая эту естественную тенденцию к беспристрастным, объективным, конкретно-

историческим оценкам, нам остается теперь, как мы видим по ходу нашего анализа, сделать еще один шаг: согласиться с челпановскими оценками взглядов К.Н. Корнилова не только 1921, но и 1923 г., тем более что различие это, как нам становится все более отчетливо видно, оказывается чисто терминологическим.

Важно подчеркнуть, что Г.И. Челпанов в ходе дискуссии не только подвергал критике взгляды К.Н. Корнилова, но и стремился найти оптимальные пути разрешения проблемы «психология и марксизм». В докладе на первом всероссийском психоневрологическом съезде 1923 г. Г.И. Челпанов проблему взаимосвязи психологии и философии попытался разрешить следующим образом в третьем тезисе: «Психология может, а по мнению некоторых должна иметь философскую надстройку, а также философскую, физиологическую, биологическую и т.п. подстройку, но сама по себе психология не есть ни философия, ни биология, а есть самостоятельная наука, подобная физике, химии и т.д.» [856, с. 10].

Далее Г.И. Челпанов дает определения вводимых им понятий «надстройка» и «подстройка»: «Есть философские и гносеологические понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии. Таковы понятия “субстанции”, “причинности” и т.п. Философское исследование этих понятий, предваряющее изучение психологии, я называю “подстройкой”. Эта подстройка служит для того, чтобы построить эмпирическую психологию. Понятия “субстанции”, “субъекта”, “я” можно сделать эмпирическими понятиями; тогда их можно перенести в психологию, но не иначе. Эмпирическая психология дает материал для построения этики, эстетики и т.д. Обобщения эмпирической психологии могут служить для философских обобщений, для построения мировоззрения и т.п. Но это уже будет философской надстройкой над психологией и ни в коем случае не может входить в область эмпирической психологии. Она должна лежать вне ее области» [856, с. 11].

К концу 1924 г. Г.И. Челпанов был вынужден в ходе полемики несколько видоизменить и уточнить свою точку зрения, о чем свидетельствуют его рассуждения в последней главе (статье) той же брошюры: «Есть ли психология

наука философская? На этот вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно без того, чтобы не вызвать недоразумений. Но самый вопрос можно поставить иначе. Необходимо ли психологу изучение философии? По моему мнению, безусловно необходимо. Это и имели в виду немецкие ученые, когда настаивали на необходимости для психологии примыкать к кафедре философии, на каком бы факультете кафедра философии ни была» [856, с. 58].

Г.И. Челпанов не только более глубоко и точно, чем К.Н. Корнилов, видел проблему соотношения психологического и философского знания, но и дифференцированно подходил к вопросу о том, что же такое марксизм. В частности, Г.И. Челпанов ясно различал понимание марксизма как идеологии (мировоззрения) и как философской системы.

Отвечая на многочисленные упреки в том, что он заявляет себя марксистом, Г.И. Челпанов писал: «Если бы на том основании, что современная научная психология находится в согласии с идеологией марксизма, я стал утверждать, что я марксист, то я допустил бы ту ошибку, которая в логике известна как ошибка “нераспределенного среднего термина”. В самом деле, марксизм есть широкое мировоззрение, которое предполагает определенные философские, психологические, социологические, экономические, политические и т.п. воззрения. Меня можно было бы назвать “марксистом” только в том случае, если бы у меня было совпадение во всех этих частях мировоззрения Маркса, а раз совпадение имеет место только в психологических воззрениях, то для обозначения меня марксистом нет никаких оснований» [856, с. 30-31].

Подводя итоги дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по вопросу о соотношении психологии и философии, мы можем заключить, что и здесь К.Н. Корнилов не смог противопоставить что-либо серьезное и обоснованное тем взглядам Г.И. Челпанова на психологию, философию и марксизм, которые были сформированы еще задолго до революции. Не обнаружили мы и принципиальных изменений взглядов Г.И. Челпанова на проблему «психология и философия». Оставаясь на своих позициях, Г.И. Челпанов лишь пытался найти общий язык, идя на уступки в сфере

терминологии и не акцентируя внимания на неясностях и противоречиях в самом марксизме, т.е. в трудах Г.В. Плеханова, К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и т.д. Мы считаем это не «хитроумной тактикой борьбы», а проявлением стремления вести научную дискуссию по научным правилам, т.е. оставаясь в рамках чисто научного, предметно-логического аспекта и не выходя без нужды в метафизические и политические плоскости.

В заключение заметим, что спор между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по проблеме «психология и философия» все-таки исходным своим моментом имел различную трактовку у обеих сторон не столько философии или марксизма, сколько психологии, ее проблем и задач.

Материализм и идеализм в философии и психологии. Отдельного изучения заслуживает спор между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по вопросу о материализме и идеализме в психологии. Стоит проанализировать, насколько точны были обе стороны в постановке проблемы, использовании ключевых понятий, понимании точки зрения оппонента, убедительности своей аргументации. Вначале рассмотрим, насколько был точен К.Н. Корнилов в вопросе о материализме (вообще и его трактовке в психологии в частности) при критике взглядов Г.И. Челпанова.

Корнилов критикует в докладе «Современная психология и марксизм» Г.И. Челпанова за «извращение учения материалистов», в качестве подтверждения напоминая читателю о книге Г.И. Челпанова «Мозг и душа», имевшую, как известно, подзаголовок «Критика материализма и очерк современных учений о душе» [851]. Не упуская случая напомнить, что до революции Г.И. Челпанов выступал (конечно же, говорили, что «боролся») против материализма, К.Н. Корнилов пишет: «Критикуя материализм и выясняя, почему материализм пользуется популярностью, проф. Г.И. Челпанов говорит, что это объясняется “простотой учения, при которой понятия вроде души, сознания, мысли совершенно упраздняются”. Что понятие души устраняется с точки зрения материализма, это не подлежит никакому сомнению, но чтобы

упразднялось понятие мысли, это можно объяснить только ничем иным, как стремлением в корне извратить учение материалистов» [366, с. 43].

Попробуем разобраться в этом споре. Действительно, именно так, как и сказано у К.Н. Корнилова, Г.И. Челпанов характеризовал материализм в работе «Мозг и душа», цитата приведена почти дословно [851, с. 17]. Не менее верно, что марксизм – это материализм, а не что-либо иное, и в нем признается реальность сознания, мысли и т.д. Выходит, К.Н. Корнилов был прав, упрекая Г.И. Челпанова в неправильной трактовке материализма вообще и марксизма в частности? Вся суть, как видим, заключается в понимании того, что такое материализм. Что же понимал под материализмом Г.И. Челпанов в своей книге «Мозг и душа»?

В первой лекции «Что такое материализм?» Г.И. Челпанов характеризует три основных учения «о природе души» [851, с. 22-23], которые являются монистическими, т.к. признают только одну субстанцию: это материализм, спиритуализм (идеализм) [851, с. 22] и спинозизм, он же психофизический монизм [851, с. 23]. При этом Г.И. Челпанов не отрицает наличия множества переходных и промежуточных подходов. Он подчеркивает также, что эти три точки зрения являются метафизическими, а не эмпирическими; при эмпирическом (физиологическом или же собственно психологическом – частнонаучном, как мы сказали бы сейчас) подходе можно ограничиться, не входя в область метафизики, лишь утверждением о параллельности психических и физических (физиологических) процессов, никак не объясняя эту параллельность (одновременность) их протекания.

Классификация философских направлений у Г.И. Челпанова имеет чисто внешнее, терминологическое сходство с делением философов на материалистов и идеалистов в работе Ф. Энгельса [882], где говорится, что, решая «высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, … о том, что является первичным: дух или природа, … философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, …

составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [882, с. 283]. И далее Ф. Энгельс добавляет слова, которые показывают, что фактически им вводилось свое понимание материализма наряду с другими, традиционными пониманиями материализма, а также идеализма и всего основного вопроса философии: «Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение» [882, с. 283].

У Г.И. Челпанова мы не находим такой – с точки зрения развития, диалектики, истории – формулировки всего вопроса. Необходимо учитывать, что Г.И. Челпанов, конечно, излагал общепринятую в то время классификацию, внося в нее свое понимание нюансов. Свои вариации в изложении основного вопроса философии мы находим, например, в уже не раз цитированной работе Н.Н. Ланге [413]. Для Г.И. Челпанова вопрос заключается не в том, чтобы определить, что первично, а что вторично, а в том, чтобы «объяснить все сущее» [851, с. 22], указать «основной принцип вещей», т.е. понять, как устроен мир, что лежит в его основе. Соответственно понятия «материализм» и «идеализм» приобретают у Г.И. Челпанова и Ф. Энгельса (а также Г.В. Плеханова и др.) различный смысл.

Отметим, что хотя Г.И. Челпанов цитирует [851, с. 24] только что приведенное нами определение материализма и идеализма по Ф. Энгельсу, он все же не выходит на принципиальное различение в самой постановке основного вопроса у себя и у Ф. Энгельса. Г.И. Челпанов не принимает классификацию Г.В. Плеханова и Ф. Энгельса не из принципиальных соображений, а скорее из соображений удобства, что видно из следующих слов Г.И. Челпанова: «Если принять классификацию г. Бельтова (псевдоним Г.В. Плеханова. – *С.Б.*), то мы не будем знать, к какой группе философов следует отнести Герберта Спенсера. Говорить в наше время, что существуют только две системы – материалистическая и спиритуалистическая – совершенно неправильно, и

поэтому мы должны при классификации систем всегда помнить, что существует третья группа учений – это именно психофизический монизм» [851, с. 24].

Таким образом, К.Н. Корнилов увидел «извращение» там, где на самом деле речь шла о материализме в другом, не менее (если не более) общепринятом, чем в гегелевской и марксистской традиции, смысле. К.Н. Корнилов был бы прав, если исходить из того, что только в марксизме понимание материализма является истинным, а все остальные трактовки являются искажениями и извращениями.

Впрочем, даже и здесь К.Н. Корнилов идет вслед за Г.В. Плехановым, который, встретившись с другой трактовкой материализма и основного вопроса философии, оценил в одной из своих работ понимание материализма не по Ф. Энгельсу как «нелепое» [585, с. 74].

Весьма показательная получается эволюция оценок другого понимания материализма, если идти от Ф. Энгельса через Г.В. Плеханова к К.Н. Корнилову: Энгельс пишет о «путанице», возникающей при неправильном соотнесении (отождествлении) двух трактовок, Г.В. Плеханов другую точку зрения оценивает как «нелепую», а К.Н. Корнилов ведет речь уже об «извращении»; на этом, как мы знаем из нашей истории, процесс не закончился...

Г.И. Челпанов с самого начала дискуссии ясно осознал терминологический аспект всего вопроса о значении марксизма для психологии. Основным приемом и защиты, и нападения для Г.И. Челпанова стало четкое различение двух видов материализма – «по Марксу» и «вульгарного». Г.И. Челпанов доказывал, как мы не раз уже видели, что его психологические взгляды соответствуют марксизму, а воззрения К.Н. Корнилова на психику являются вульгарно-материалистическими.

Возвращаясь, вслед за К.Н. Корниловым, к своим взглядам и оценкам, высказанным ранее в «Мозге и душе», Г.И. Челпанов в работе «Психология и марксизм» писал: «Я отвергал материализм Бюхнера (а его отвергал и Маркс) и признавал материализм Спинозы (Маркса). Но до 1922 г. мы называли материализмом вульгарный (Бюхнера), а с 1922 г., по примеру Маркса и Энгельса, мы должны (по старой терминологии) и психофизический

параллелизм называть материализмом, но должны в то же время решительно отличать этот материализм от материализма Бюхнера» [855, с. 30].

Как видим, две классификации (в философии и психологии) Г.И. Челпанов попытался сопоставить между собой следующим образом: 1) идеализм в марксизме соответствует идеализму (спиритуализму) у Г.И. Челпанова; 2) материализм К. Маркса (диалектический и т.п.) соответствует психофизическому монизму (спинозизму); 3) вульгарный, по К. Марксу, материализм, отрицающий реальность сознания и психики, соответствует просто материализму в прежней классификации Г.И. Челпанова; 4) эмпирическая (а не философская, метафизическая и т.д.) точка зрения в марксизме на психику соответствует гипотезе (теории) психофизического (психофизиологического) параллелизма у Г.И. Челпанова.

В этой связи приведем цитату из работы Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», которая впервые была опубликована в 1982 г. [215], но писалась, скорее всего, в середине 1920-х годов: (В.В. Давыдов и Л.А. Радзиховский в статье [245] датировали рукопись Л.С. Выготского 1926 г., а в более поздней биографии Л.С. Выготского говорится, что рукопись была закончена в 1927 г. [см. 205, с. 100]; наиболее полная информация по данному вопросу содержится в опубликованных в 20177 г. «Записных книжках Л.С. Выготского» [304]).

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский по поводу рассуждений Г.И. Челпанова о смене терминологии высказался следующим образом: «Не так уж не прав Челпанов, когда говорит, что до 1922 г. он называл эту доктрину параллелизмом, а с 1922 г. – материализмом. Он был бы вполне прав, если бы его философия не была приноровлена к сезону несколько механически» [215, с. 368]. Но был ли у Г.И. Челпанова другой способ исследовать проблему «психология и марксизм», оставаясь в рамках науки и официальной философии и идеологии?

Можно спорить с правомерностью подобного соотнесения в вопросе о классификации основных направлений точки зрения челпановской (наверное,

точнее будет здесь говорить – вундтовской или даже традиционной) и марксистской философии, но нельзя не видеть самой попытки Г.И. Челпанова соотнести и как-то согласовать две философские системы, найти точки соприкосновения между ними, установить общий язык.

В целом Г.И. Челпанов, насколько мы можем судить, достаточно успешно, в отличие от К.Н. Корнилова, разводил философское и собственно психологическое понимание проблемы соотношения духа и тела. Впрочем, судя по фундаментальной работе Н.Н. Ланге [413], в то время, в конце XIX – начале XX века, различение философского и собственно психологического «языков», плоскостей анализа через различение метафизической (рациональной) и эмпирической психологии стало и было обычным правилом при теоретизировании в области философских вопросов психологии.

Насколько ясно Г.И. Челпанов осознавал несовпадение своих и марксистских взглядов в области философии, показывают его слова: «Я был идеалистом в философии и остаюсь таковым и в настоящее время. Но своего философского идеализма я в настоящее время не выявляю» [856, с. 30]. В то же время в области эмпирической взгляды К. Маркса (марксистов), по Г.И. Челпанову, совпадают с точкой зрения эмпирической психологии: в обоих случаях признается реальность сознания, а больше ничего и не надо Г.И. Челпанову как психологу. Ведь его критиковали прежде всего как психолога.

Если К.Н. Корнилов, как и в других вопросах, лишь запутывает проблему соотношения психологии и марксизма, не различая философского и психологического языков и уровней анализа, то Г.И. Челпанов, помимо указания границы между философией и психологией как границы между метафизическим и эмпирическим подходами, идет в анализе дальше и глубже, стремясь соотнести язык марксизма и язык психологии: во-первых, сопоставляя их как два различных философских языка, во-вторых, соотнося марксизм и эмпирическую психологию как два частнонаучных, эмпирических языка. В последнем случае для профессионального подхода Г.И. Челпанова очень характерно то, что он

доказывает соответствие марксизма эмпирической психологии, а не наоборот – психологии марксизму, как это делал К.Н. Корнилов. Это наглядно видно, например, при сравнении формы изложения и подачи материала в работах Г.И. Челпанова [855] и К.Н. Корнилова [366].

Если же рассматривать вопрос о динамике взглядов К.Н. Корнилова на вопрос о материализме и идеализме в психологии, то прежде всего следует указать, что хотя в докладе «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов заявляет, что он стоит на точке зрения диалектического, а не вульгарного материализма, фактически его позиция состоит в вульгаризации марксизма: К.Н. Корнилов отождествляет диалектический и вульгарный материализм, причем за счет низведения первого ко второму.

И только в статье о наивном и диалектическом материализме [368], т.е. в конце 1924 г., К.Н. Корнилов стал на правильную точку зрения в этом вопросе, тем самым соглашаясь с Г.И. Челпановым. Уже само название статьи «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» говорит о многом. Мы здесь не затрагиваем вопрос, что, начиная с доклада на втором психоневрологическом съезде [366], К.Н. Корнилов придерживается определения психологии как «науки о поведении», о чем у него не было речи в докладе на первом съезде.

Изучение статьи [368] показывает, что «наивный материализм» – это характеристика К.Н. Корниловым главным образом своих собственных (домарксистских, реактологических, энергетических) взглядов, а «диалектический материализм» у К.Н. Корнилова во всем совпадает с пониманием марксизма и его значения для психологии Г.И. Челпановым.

Правда, в самой статье К.Н. Корнилов нигде не говорит открыто о радикальной смене своих взглядов. Но если судить со слов Г.И. Челпанова, то К.Н. Корнилов в сделанном 30 ноября 1924 г. докладе «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии» прямо заявил, что «отказывается от точки зрения наивного материализма, на которой он до сих пор

стоял, и переходит к диалектическому материализму (этим термином он обозначает материализм Маркса)» [856, с. 3].

Г.И. Челпанов писал эти слова предисловия в январе 1925 г. В связи с этим представляет интерес, как к тому времени Г.И. Челпанов описывал эволюцию материалистических взглядов К.Н. Корнилова. Это становится ясно из примечания Г.И. Челпанова к только что приведенным словам: «Корнилов, начав с вульгарного материализма в первом издании “Учения о реакциях”, постепенно стал отходить от него и уже в книжке «Современная психология и марксизм» (вышла в июне 1924 г.) отвергал как наивный материализм, так и рефлексологию. Но в сентябре того же года вышла книга Франкфурта “Рефлексология и марксизм”, в которой защищается и наивный материализм, и рефлексология, с рекомендующим предисловием К.Н. Корнилова» [856, с. 3, прим.].

Говоря об эволюции взглядов Г.И. Челпанова на проблему материализма в психологии, следует отметить, что в своей последней полемической работе «Спинозизм и материализм» Г.И. Челпанов пришел к идее о «психофизическом материализме», видя в этом понятии разрешение проблемы. В предисловии Г.И. Челпанов писал: «Мне неоднократно ставили в упрек, что я, пытаясь установить характер материализма Маркса, совершенно не касаюсь вопроса о диалектическом материализме. Делал я это потому, что, по моему мнению, разъяснение понятия диалектического материализма у Маркса совсем не дает ответа на вопрос о сущности марксистской психологии. Нужно дать себе ясный отчет о существенном различии между двумя видами материализма: диалектическим и психофизическим. Диалектический материализм относится ко всей действительности, а психофизический материализм только к некоторой вырезке действительности – именно к психической области» [858, с. 4].

Резюмируя в конце брошюры свои основные мысли как обычно в виде тезисов, Г.И. Челпанов еще более четко выражает ту же мысль: «При определении места психологии в системе марксизма следует пользоваться не понятием диалектического материализма, а понятием психофизического

материализма, так как закон диалектического развития, будучи универсальным законом, не указывает специфических признаков, присущих психической области» [858, с. 45].

Насколько закономерным было движение мысли Г.И. Челпанова в направлении особого, психологического материализма (речь идет не о содержании этого понятия, а именно о направлении, которое оно характеризует) показывают рассуждения Л.С. Выготского.

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский пишет: «Непосредственное приложение теории диалектического материализма к вопросам естествознания, и, в частности, к группе наук биологических или к психологии, невозможно, как невозможно непосредственно приложить ее к истории и социологии. У нас думают, что проблема “психология и марксизм” сводится к тому, чтобы создать отвечающую марксизму психологию, но на деле она гораздо сложнее. Так же как история, социология нуждается в посредующей особой теории исторического материализма, выясняющей конкретное значение для данной группы явлений абстрактных законов диалектического материализма. Так точно нужна еще не созданная, но неизбежная теория биологического материализма, психологического материализма как посредующая наука, выясняющая конкретное применение абстрактных положений диалектического материализма к данной области явлений» [215, с. 419-420].

И далее у Л.С. Выготского следуют слова, которые почти буквально совпадают с приведенными выше словами Г.И. Челпанова – Л.С. Выготский заключает: «Диалектика охватывает природу, мышление, историю – она есть самая общая, предельно универсальная наука; теория психологического материализма или диалектика психологии и есть то, что я называю общей психологией» [215, с. 419-420]. Однако парадоксально здесь то, что Л.С. Выготский все это говорит в противовес ... Г.И. Челпанову! Позицию последнего Л.С. Выготский характеризует как «путь Челпанова» (почему не К.Н. Корнилова?), который приведет «к попытке отрицать все исторические

тенденции развития психологии, к терминологической революции, – короче, к грубому искажению и марксизма, и психологии. Это и есть путь Челпанова. Не навязывать природе диалектические принципы, а находить их в ней – формула Энгельса [881, с. 384] здесь сменяется обратной: в психологию вводятся принципы диалектики извне. Путь марксистов должен быть иным» [215, с. 419]. После этого следуют слова о психологическом материализме.

Думается, было бы слишком просто да и неверно по существу объяснять этот парадокс – приписывание Г.И. Челпанову взглядов К.Н. Корнилова – случайной оговоркой или небрежностью Л.С. Выготского. Скорее всего, в такой форме Л.С. Выготский выражал тезис о том, что при всех своих идеологических разногласиях с Г.И. Челпановым К.Н. Корнилов фактически оставался, осознавал ли он это или не осознавал, выразителем взглядов своего бывшего учителя.

В целом по существу спора между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым о материализме и идеализме мы можем сказать, что позиция Г.И. Челпанова была более правильной и продуктивной, чем позиция К.Н. Корнилова, ибо позволяла вести диалог, уточнять и развивать позиции спорящих сторон, учитывая как терминологический, так и эмпирический аспекты проблемы.

Марксистская философия и методы психологии. В докладе «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов обосновывает свое понимание вопроса о соотношении (значимости) субъективного и объективного методов в психологии с помощью марксизма. Приоритет объективного метода, по мысли К.Н. Корнилова, вытекает из материалистической позиции в психологии: «Материалистическое понимание психики, ставя психологию в ряды естественно-научных дисциплин, определяет и методы психологии. Бытие определяет сознание, объект определяет субъект, и с этой точки зрения, если психика есть свойство органической материи, то естественно применить к изучению психики в первую очередь и раньше всего те методы, при помощи которых изучается это бытие, т.е. методы объективного и экспериментального наблюдения» [366, с. 45].

При этом К.Н. Корнилов особо подчеркивает, что метод интроспекции им не отвергается полностью: «Вся суть опять-таки заключается не в элиминировании этого самонаблюдения, а лишь в регулировании и контролировании его при помощи объективного и экспериментального метода» [366, с. 46]. Отсюда становится ясно, что для К.Н. Корнилова идея сочетания субъективного и объективного методов «автоматически» следовала из более общей идеи марксистской психологии (реактологии) как синтезе субъективной и объективной психологии и соответственно из понимания предмета психологии (реакции) как синтеза субъективной (психическое переживание) и объективной (физиологическая реакция) сторон «реакции». Насколько была нова и оригинальна для самого К.Н. Корнилова эта идея сочетания («синтеза») субъективного и объективного методов в работе психолога?

Полутора годами ранее ту же мысль К.Н. Корнилов формулировал, вовсе обходясь без марксизма: «Там, где между этими субъективными и объективными данными возникает хотя бы малейшая шероховатость, не говоря уже об открытой разноречивости, ни одной секунды не может быть сомнения в том, что столь чреватые ошибочностью своих показаний данные самонаблюдения должны всегда отступить на задний план перед объективной стороной эксперимента. Задача, которую психологу приходится выполнять при этом, является почти аналогичной той, которую выполняет врач при постановке диагноза болезни. Подобно тому, как последний стремится согласовать и поставить в тесную связь субъективные показания больного с объективными признаками болезни, перенося, однако, центр тяжести всецело на объективные данные и лишь под контролем их ставя тот или иной диагноз болезни, подобно этому и в экспериментально-психологических исследованиях нам приходится согласовывать данные самонаблюдения с объективными оценками, контролируя при помощи последних первые» [364, с. 45].

Оказывается, там, где в 1921 г. для доказательства мысли было достаточно аналогии психолога с врачом, в 1923 г. К.Н. Корнилову понадобилось привлекать ни больше ни меньше как материалистическое разрешение

основного вопроса философии! Вполне естественно, что у Г.И. Челпанова мы нигде не находим ответа на эту, с позволения сказать, аргументацию и из-за того, что сама мысль о приоритете объективных методов и показателей была банальной уже в то время (для психологов самых различных школ и направлений), и из-за того, что марксизм при этом оказывается не при чем.

Челпанов свое отношение к методу и марксизму, которые применял К.Н. Корнилов в «Учении о реакциях», выражал вполне определенно: «“Учение о реакциях” написано по интроспективному методу … Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию К.Н. Корнилова» [856, с. 22].

За подтверждением этих оценок Г.И. Челпановым сущности (методологической и методической) книги К.Н. Корнилова далеко ходить не приходится. В предисловии к первому изданию «Реактологии» К.Н. Корнилов писал: «В смысле методики экспериментально-психологического исследования я считаю себя последователем школ Вундта и Титченера, с их ограничением данных самонаблюдения при помощи объективной стороны эксперимента» [364, с. 8]. Сравнив в эксперименте методики Н. Аха и В. Вундта, К.Н. Корнилов в четвертой главе приходит к выводу: «Все это заставляет меня отвергнуть технику, принятую Н. Ахом, и предпочесть ей технику, принятую Вундтом и Титченером» [364, с. 33].

В следующей главе К.Н. Корнилов также однозначно высказывает свое мнение: «Я полагаю, что в этом столкновении двух экспериментально-психологических школ школа Вундта и Титченера занимает более крепкую позицию, нежели Вюрцбургская школа» [364, с. 46]. Кроме того, в книге К.Н. Корнилова мы можем найти и несколько фраз, имеющих, как пишет Г.И. Челпанов, «отношение к идее классовой борьбы» [856, с. 22].

Говоря о педагогическом значении реактологии, К.Н. Корнилов увязывает свой принцип однополюсной траты энергии с принципом гармоничного воспитания личности, поясняя при этом: «При классовом делении общества, где одни готовились по преимуществу к занятию физическим трудом, а другие – к

занятию трудом умственным, воспитание никогда не было, да и не могло быть гармоничным: оно было классовым, односторонним и дисгармоничным. И только с происшедшим социально-экономическим переворотом, уничтожающим классовое деление общества, этот принцип (гармоничности физического и психического развития ребенка, синтеза физической работы и умственного труда – 364, с. 157. – *С.Б.*) получит все данные для своей реализации» [364, с. 158].

Так что и здесь нам приходится согласиться с Г.И. Челпановым, что в вопросе о методах К.Н. Корнилов в докладе на первом психоневрологическом съезде не сказал ничего нового ни по отношению к тому, что уже было традиционным в психологии в то время, ни даже по отношению к тому, что говорил К.Н. Корнилов по этому вопросу в 1921 г. и в других своих более ранних работах (обходясь без марксизма). С нашей точки зрения, К.Н. Корнилов пытался в неубедительной форме придать методическому вопросу о том, какие данные являются более достоверными и точными, принципиальный, методологический смысл. Но уже примера К.Н. Корнилова с врачом достаточно, чтобы понять это.

В самом деле, разве для врача объективные данные всегда имеют преимущество перед данными самонаблюдения и самоотчета больного? Очевидно, соотношение тех или иных данных по объективности и достоверности является ситуативным. Думается, дело здесь в том, что К.Н. Корнилов не различает нюансов в использовании понятий «субъективное» и «объективное», трактуя «объективное» то как относящееся к области физиологии нервной системы и поведения всего организма, то как характеристику нашего познания (объективное, значит, точное, достоверное знание в отличие от знания субъективного, т.е. случайного, неточного). К.Н. Корнилов не чувствует границу между психологией и ее научными, эмпирическими и экспериментальными понятиями, с одной стороны, и философией – с другой. Впрочем, К.Н. Корнилов здесь снова не оригинален, идя в своей критике субъективного метода в психологии вслед за В.М. Бехтеревым.

Социальная психология и марксизм. К.Н. Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» критикует эмпирическую психологию за то, что она является не социальной, а индивидуальной, индивидуалистической.

Останавливаясь (вкратце) в конце доклада на социологической стороне марксизма, т.е. теории исторического материализма, К.Н. Корнилов пытается поставить и разрешить проблему социальности психики и психологии, исходя из марксистских постулатов.

К.Н. Корнилов пишет: «В теории диалектического материализма мы имели дело с основной формулой марксизма – бытие определяет сознание. Это основное положение в применении к теории исторического материализма говорит о том, что экономическими и социально-экономическими факторами определяется общественная психология того или иного класса. И лишь на этом фоне классовой психологии нам становится более понятной и та индивидуальная психология, психология личности, которой по преимуществу занимается современная психология. Вот почему полная система современной психологии не должна замыкаться в узкие рамки только индивидуальной психологии, а должна включить в себя прежде всего социальную психологию» [366, с. 50].

О том, насколько оригинальными были подобные идеи, можно судить по словам П.П. Блонского, сказанным двумя годами ранее: «Традиционная общая психология была наука о человеке как индивидууме. Но поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни. Поэтому научная психология есть та психология, которая раньше называлась социальной психологией и в качестве таковой влачила самое жалкое существование. Мы же должны поступать наоборот: исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или иного индивидуума. Поведение индивидуума есть функция поведения окружающего его общества» [81, с. 12].

Вопрос о социальной психологии, безусловно, важен для понимания всей дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, поэтому есть смысл тщательно оценить позиции каждой из сторон. Советские исследователи истории отечественной психологии при изложении и оценке взглядов сторон однозначно

становились на точку зрения К.Н. Корнилова. В то же время позиция Г.И. Челпанова оценивается как уловка, тактический или даже стратегический ход с целью спасти свою эмпирическую, идеалистическую психологию. Реконструкции дискуссии, рассмотрения взглядов К.Н. Корнилова и Г.И. Челпанова в сопоставлении опять не получается, хотя вывод о том, кто победил в этом споре, делается однозначный.

А как же сам Г.И. Челпанов реагировал на критику эмпирической психологии как индивидуальной и индивидуалистической?

Г.И. Челпанов не оставил без ответа упрек К.Н. Корнилова, брошенный на первом всероссийском психоневрологическом съезде в адрес «современной эмпирической психологии» (т.е. в адрес Г.И. Челпанова прежде всего), в том, что она замыкается в «узкие рамки только индивидуальной психологии».

Показывая положение социальной психологии в системе современного психологического знания, Г.И. Челпанов в брошюре «Социальная психология или “условные рефлексы”?» писал: «В особенности заслуживает внимания колоссальная работа в области коллективной психологии, совершенная Вундтом. Он подразделяет психологию на индивидуальную и коллективную, которую он называет Völkerpsychologie. “Так как индивидуальная психология имеет своим предметом связь душевных процессов в единичном сознании, то она пользуется абстракцией... Область психологических исследований, относящихся к тем процессам, которые связаны с психическими общениями, мы назовем коллективной психологией (Völkerpsychologie)... Индивидуальная психология только взятая вместе с коллективной образует целое психологии”, т.е. душевная жизнь человека может быть вполне понята только в том случае, если будет рассмотрена и ее социальная сторона. Из этого можно видеть, до какой степени ложно информировал русских читателей проф. Корнилов, когда он сообщал, что то направление психологии, к которому принадлежит Вундт, грешит тем, что рассматривает человека абстрактно и совершенно игнорирует социальную сторону душевной жизни человека. Очевидно, для Корнилова десять огромных томов коллективной психологии, написанных Вундтом, совершенно

недостаточно для того, чтобы признать, что психология Вундта считала необходимым дополнить экспериментально-психологическое изучение человека, имеющее индивидуальный характер, изучением коллективной психологии» [857, с. 8].

Этого ответа Г.И. Челпанова, как нам представляется, совершенно достаточно, чтобы считать спор между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по поводу социальной психологии исчерпанным. Однако заслуживает внимания, как Г.И. Челпанов обосновывал и развивал свое собственное понимание вопроса о социальной психологии в контексте более общего вопроса о социальной психологии в контексте более общего вопроса «психология и марксизм». Выше, при анализе отечественных работ по истории психологии, мы уже видели, какое большое значение придают исследователи этому вопросу.

Из предыдущего изложения нам уже известно, что Г.И. Челпанов доказывал, что эмпирическая психология не противоречит требованиям марксистской философии. Но если в своих основных постулатах эмпирическая психология соответствует марксизму, то не означает ли это, что марксизм не находит в психологии вообще никакого применения, не имеет никакого значения? Г.И. Челпанов на этот вопрос отвечал отрицательно, сферой приложения марксизма в психологии считая социальную психологию. Об этом Г.И. Челпанов писал уже в своей первой полемической работе «Психология и марксизм», которая была издана в 1924 г., но была написана по следам устных дискуссий 1922 г.

В восьмом тезисе брошюры, который мы приводим целиком, Г.И. Челпанов писал: «Специально марксистская психология есть психология социальная, изучающая генезис «идеологических форм» по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме. В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно такие психологические исследования. Они будут представлять собой

марксистскую психологию в собственном смысле слова. Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т.п.» [855, с. 26-27].

Любопытно сопоставить этот тезис Г.И. Челпанова с рассуждениями Л.С. Выготского по поводу учебника психологии К.Н. Корнилова [376]. Подчеркивая мысль о необходимости создания специальной теории («общей психологии», «методологии психологии») в психологии – того, что сейчас можно назвать «теорией среднего уровня», Л.С. Выготский писал: «К. Маркс назвал “Капитал” критикой политической экономии. Вот такую критику психологи хотят перепрыгнуть ныне. “Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма”, в сущности, должно звучать так же, как “Учебник минералогии, изложенной с точки зрения формальной логики”. Ведь это само собой разумеющаяся вещь – рассуждать логически не есть особенность данного учебника или всей минералогии. Ведь диалектика не есть логика, даже шире. Или: “Учебник социологии с точки зрения диалектического материализма” вместо “исторического”. Надо создать теорию психологического материализма, и нельзя еще создавать учебники диалектической психологии» [215, с. 421].

Насколько естественной была позиция Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского по отношению к идее «марксистской психологии» показывает цитата из работы современного автора, французского философа-марксиста Л. Сэва. В книге, изданной во Франции в начале 1960-х гг., Л. Сэв писал: «То, что марксизм должен иметь – и давно уже имеет, о чем свидетельствуют выдающиеся труды, на которые мы выше ссылались (Труды А. Валлона и Р. Заззо – *С.Б.*) – марксистскую позицию в психологии, это очевидно. Но что он должен иметь под угрозой несостоятельности психологию марксизма (а почему не химию или астрономию марксизма?), можно утверждать, лишь имея о философии, истории и самой психологии идеалистическое представление» [769, с. 362]. Яснее не скажешь.

Г.И. Челпанов в подтверждение своего тезиса далее в брошюре ссылается, демонстрируя изрядную эрудицию, на работу Ф. Энгельса о Людвиге Фейербахе, на тезисы К. Маркса о Л. Фейербахе, на работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство...», на «Нищету философии» и «Капитал» К. Маркса, на работу Г.В. Плеханова «Монистическое понимание истории». Развивая свою точку зрения на соотношение психологии (общей) и марксизма, психологии теоретической и прикладной, Г.И. Челпанов в докладе на первом психоневрологическом съезде в шестом тезисе писал: «Научная разработка эмпирической психологии имеет огромное культурное значение, потому что именно на ней базируются все виды прикладной психологии и все новые отрасли психотехники. Эмпирическая психология служит основой для построения социальной психологии, психологии хозяйства, педагогической психологии и т.д.» [856, с. 17].

В этой же брошюре в параграфе «Положение вопроса об отношении научной психологии к философии марксизма» [856, с. 19-31] Г.И. Челпанов, ссылаясь на доклад М.А. Рейснера [622], отмечал: «Правильно описывает и Рейснер марксистскую психологию, когда центр тяжести в реформе психологии переносит на социальную психологию...» [856, с. 27].

Цитаты из работ К. Маркса и В. Вундта, которые Г.И. Челпанов берет в качестве эпиграфа к своей работе [857, с. 1], показывают, что он мог пользоваться методом цитирования намного тоньше и убедительнее своих оппонентов: он приводит две цитаты, явно совпадающие между собой не только по общему смыслу, но и по используемым их авторами понятиям. Справедливости ради необходимо уточнить, что два высказывания, которые Г.И. Челпанов объединил в одну цитату и приписал К. Марксу, на самом деле взяты из двух работ. Первое высказывание у Г.И. Челпанова выглядит следующим образом: «Так как Фейербах рассматривает людей не в их данной общественной связи, ... то... он... остается при абстракции человека». Это значительно сокращенная цитата из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», где критикуется понимание человека у Л. Фейербаха [см. 478, с. 44].

Кроме того, Г.И. Челпанов цитирует слова К. Маркса, также не указывая источника: «Только в обществе человек обнаруживает свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, но на целом обществе». В оригинале (очевидно, в другом переводе) это место выглядит несколько по-иному (см. [479, с. 146]). Подчеркнем, что если продолжить эту мысль К. Маркса и Ф. Энгельса далее, то становится ясно, что, утверждая такую точку зрения на человека и общество, К. Маркс и Ф. Энгельс были не оригинальны, прямо указывая: «Эти и им подобные положения можно найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов. Здесь не место входить в их оценку» [479, с. 146].

Эти высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса Г.И. Челпанов на первой странице брошюры ставит рядом с цитатой из «Логики» В. Вундта. Разумеется, при внимательном взгляде в высказываниях К. Маркса и В. Вундта можно обнаружить существенные различия. Но тем не менее из их сопоставления становится очевидно для читателя (к чему, собственно, и стремился Г.И. Челпанов), что трактовка человека как социального существа в научном плане уже для В. Вундта не была откровением.

Г.И. Челпанов ссылается на «Психологию народов» и «Логику» В. Вундта (на немецком языке). К.Н. Корнилов в свое время мог ознакомиться с точкой зрения Вундта на социальную психологию если не из этих работ, то хотя бы из изданной на русском языке в 1912 г. брошюры В. Вундта «Проблемы психологии народов» [203].

Далее Г.И. Челпанов в первой главе, красноречиво названной «Необходимость организации исследований по социальной психологии», пишет: «Огромные социальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии... На основании моих предшествующих сочинений вопрос о месте психологии в системе Маркса получает решение, которое я могу формулировать в следующих трех тезисах:

1. Современная научная психология остается без изменений и по методу и по содержанию.

2. На основе научной психологии заново строится специально-марксистская психология, именно социальная психология по марксистскому методу.

3. Заново строится прикладная психология, представляющая приложение научной психологии к марксистской социологии» [857, с. 4].

Завершает главу Г.И. Челпанов словами: «Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии» [857, с. 10]. На первый взгляд, из этих слов можно сделать вывод, что Г.И. Челпанов выступает против изучения психики, поведения и высшей нервной деятельности с помощью метода условных рефлексов И.П. Павлова. Однако это не так.

Г.И. Челпанов имел в виду совсем другое, о чем свидетельствуют его слова: «Учение об условных рефлексах, учение о внутренних секрециях, фрейдовское учение о сексуальных ощущениях, как выясняющие индивидуальные причины человеческого поведения, никакого отношения к марксизму не имеют. Это есть дело прежней индивидуальной психологии. Я ни в малейшей степени не отрицаю важного научного значения учения об условных рефлексах, эндокринологии и прочего для психологии, но утверждаю, что они совершенно не нужны для специально марксистской психологии, которая является социальной психологией и которая идет не на смену прежней индивидуальной психологии, а должна работать наряду с нею. Поэтому реформа психологии должна была бы состоять в организации изучения социальной психологии. Только этот вид психологии может являться характерным для марксистской идеологии» [857, с. 7].

Коротко указав основные моменты в развитии идей социальной психологии в XIX веке [857, с. 7-9], Г.И. Челпанов прямо ставит вопрос о необходимости организации в стране «специального Института социальной психологии» [857, с. 9]. В завершение второй главы Г.И. Челпанов делает вывод, апеллируя к обрисованной им в главе тенденции развития психологии в XVIII и XIX веках: «Психология в эпоху Великой французской революции сделалась

физиологической, потому что в этом заключались итоги научной мысли XVIII века. Физиологизм служил оппозицией религиозной метафизике XVIII века. Чтобы понять задачу психологии текущего XX-го века, мы должны подвести итоги научной мысли XIX века. Что нового в психологии выдвинул XIX век? По моему мнению, идею коллективной психологии. Было понято, что природа человека может быть полностью изучена только в социальной жизни. С того момента, как будет осознано, что именно социальная психология есть «свое слово» XX века, тотчас кризис в психологии разрешится. Для нас сделается ясным, что нужно делать и чего не нужно делать. Не нужно заботиться о введении физиологизма в психологию, ибо это уже превосходно сделали больше чем за 100 лет до нас психологи эпохи Французской революции. Нужно организовать в широком масштабе изучение коллективной психологии» [857, с. 28].

Точку зрения Г.И. Челпанова на вопрос о марксистской психологии дополнительно проясняет оценка им книги Л. Джемсона «Очерки психологии» [249]. Г.И. Челпанов пишет: «Книжка Джемсона, как я сказал, правильно решает вопрос о марксистской психологии. Именно, английские социалисты думают, что при реформе психологии в духе марксизма все отделы прежней эмпирической психологии остаются и по содержанию, и по методу без изменения, но только к ним присоединяется социальная психология в духе марксовской философии и применение психологии к марксистской социологии. И то и другое присоединение базируется на прежней психологии. Если в психологии Джемсона выделить все то, что имеет отношение к марксистской социологии и к историческому материализму, то останется самая общепринятая психология, как ее теперь пишут американские психологи. Это есть то решение, на котором я настаиваю с 1922 г. и которое я формулировал в восьмом тезисе, в книжке “Психология и марксизм”» [858, с. 38].

Непосредственное ознакомление с содержанием книги Л. Джемсона подтверждает точку зрения Г.И. Челпанова. Так, в авторском предисловии к «Очеркам психологии» Л. Джемсона сказано: «Эта книга, таким образом,

является первой попыткой изложить (но не «отбросить» и т.п.! – *С.Б.*) в пролетарском освещении основные факты и теории современной психологии, совершенно избегая при этом извращений буржуазной идеологии» [249, с. XIII].

Таким образом, и в вопросе о превращении эмпирической психологии из индивидуальной науки в науку социальную К.Н. Корнилов, образно выражаясь, «ломился в открытые ворота», в лучшем случае ставя в виде марксистских те цели и задачи, над которыми уже шла работа в мировой психологической науке.

Заканчивая на этом рассмотрение философских и методологических проблем в дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, мы должны, по сути, лишь повторить тот вывод, к которому мы пришли ранее: в своих марксистских изысканиях К.Н. Корнилову не удалось убедительно сформировать свою собственную («марксистскую») позицию по обсуждаемым вопросам, вследствие чего факт победы Г.И. Челпанова в дискуссии с К.Н. Корниловым о значении марксизма для психологии мы можем считать эмпирически подтвержденным, так как мы установили, что К.Н. Корнилову в ходе дискуссии не удалось отстоять свои позиции: от ряда своих исходных марксистских идей К.Н. Корнилов отказался вообще и никогда к ним уже не возвращался позже (таков, например, тезис о материальности психики); по большинству же других спорных вопросов К.Н. Корнилов фактически был вынужден перейти на позиции своего оппонента.

Такой исход дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым во многом делает понятной дальнейшую судьбу не только марксистской психологии (реактологии) К.Н. Корнилова, но и, как нам думается, судьбу всех последующих попыток построения марксистской психологии в нашей стране.

Подведем общие итоги исследования дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым.

1. В 1920-е гг. в СССР происходила широкомасштабная общенаучная дискуссия о значении марксизма для психологии, о возможности и необходимости построения особой науки – марксистской психологии, и одним из основных элементов этой «большой» дискуссии была дискуссия между двумя

психологами – представителем эмпирической психологии Г.И. Челпановым и его бывшим учеником К.Н. Корниловым.

2. Результаты, полученные в ходе историко-научной реконструкции и теоретического анализа дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, позволяют прийти к выводу о том, что ни по одному из выдвинутых в начале дискуссии утверждений (следовательно, и по проблеме «психология и марксизм» в целом) К.Н. Корнилов не сумел сказать чего-либо нового, убедительного и оригинального по сравнению со своими взглядами, ранее (до 1922 г.) высказанными в «Учении о реакциях». Для взглядов К.Н. Корнилова в ходе дискуссии были характерны неустойчивость, противоречивость и необоснованность взглядов практически по всем вопросам дискуссии, неявный отказ в ходе дискуссии от своих исходных представлений и переход на позиции, фактически совпадающие с челпановскими.

3. Реконструкция дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым вскрывает наиболее существенные стороны процесса возникновения и разработки концепции марксистской психологии в отечественной психологической науке 1920-х гг.: отсутствие у сторонников марксизма в психологии сложившейся позиции по актуальным для того времени теоретическим, методологическим и философским вопросам психологии; теоретическая необоснованность и несостоятельность претензий марксизма в деле разрешения актуальных психологических проблем; утверждение марксистских идей в психологии с помощью вненаучных и ненаучных аргументов и мер административного, организационного, идеологического и политического характера.

§ 2. Проблема диалектического метода в марксистской психологии

Проблема метода, понимаемого в широком, философском смысле, а именно, с точки зрения марксистской философии, впервые была поставлена К.Н. Корниловым в докладе «Современная психология и марксизм» [366].

Делая первую попытку «применить марксизм к области психологии» [366, с. 41] и ставя вопрос о том, во что «должна превратиться психология под влиянием марксизма» [366, с. 42], К.Н. Корнилов, помимо переосмысления с точки зрения марксизма «самого объекта психологии» [366, с. 42], затрагивал также проблему современной психологии, «требующую разрешения и могущую найти такое разрешение в марксизме, которая касается выяснения принципов, которым подчиняется течение психических процессов» [366, с. 49]. Марксистская психология должна подойти к разрешению этой проблемы «с точки зрения того диалектического метода, который оказался столь плодотворным в применении как к процессу течения общественной жизни, так и вообще биологического развития. Поскольку же психические процессы являются лишь частным видом общебиологических процессов, постольку и основные принципы течения психической жизни могут быть вскрыты именно на этом пути применения метода диалектического материализма к области психологии» [366, с. 49-50].

Далее К.Н. Корнилов указывал: «Я не даю разрешения этой проблемы сейчас, ибо это требует специального исследования, но едва ли может быть сомнение в том, что основной метод марксизма окажется плодотворным и в разрешении этой основной проблемы современной психологии» [366, с. 49-50].

Более конкретно подойти к проблеме применения диалектики в психологии К.Н. Корнилов попытался в докладе «Диалектический метод в психологии», с которым он выступил на втором Всесоюзном съезде по психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 г., т.е. спустя год после первого психоневрологического съезда.

Перечисляя четыре принципа диалектического метода, К.Н. Корнилов к каждому из них привел ряд примеров-иллюстраций из различных областей и направлений психологии. Согласно К.Н. Корнилову диалектический метод включает в себя следующие четыре принципа: 1) принцип непрерывной изменчивости всего сущего [367, с. 107]; 2) принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности [367, с. 107]; 3) принцип скачкообразного развития

процессов, с переходом от количественных определений к качественным [367, с. 108]; 4) принцип прогрессивного развития, триада Гегеля (тезис – антитезис – синтез) [367, с. 111].

Такое понимание диалектического метода, в рамках марксизма традиционно представленного в виде трех законов диалектики, вызывает ряд вопросов. В частности, каково происхождение этих принципов? Взял ли их К.Н. Корнилов в готовом виде или же они были его собственной интерпретацией диалектического метода? На каких источниках основывался Корнилов, из каких представлений о диалектике и диалектическом методе он исходил?

Критика в адрес К.Н. Корнилова с точки зрения диалектичности его варианта марксистской психологии (реактологии) шла (особенно после 1931 г.) по линии оценки его теоретических взглядов как далеких от истинно марксистских ввиду их механистического и эклектического, т.е. в конечном счете не диалектического или даже антидиалектического характера. Но чем была обусловлена эта механистичность представлений К.Н. Корнилова о диалектике? Насколько в упрощенном понимании диалектики (и марксизма в целом) следует винить самого К.Н. Корнилова? Не были ли его представления о марксизме и диалектике типичными для того времени? Думается, разрешение этих вопросов позволит увидеть общие пути и механизмы проникновения марксизма в советскую психологию в начальный период ее становления.

За ответом вначале обратимся к научным публикациям, либо в целом посвященным второму съезду по психоневрологии, либо непосредственно содержащим анализ доклада К.Н. Корнилова.

В обзорных статьях, посвященных второму съезду по психоневрологии, в лучшем случае содержится более-менее подробный пересказ содержания доклада К.Н. Корнилова «Диалектический метод в психологии» и приводятся некоторые мысли, высказанные К.Н. Корниловым в прениях на съезде. Таковы статьи И.А. Арямова [56], М.Я. Басова [65], А.П. Болтунова [165], Г. Даяна [246], А.Л. Шнирмана [868]. Кроме того, оценку представлений К.Н. Корнилова о диалектике содержат статьи В.М. Бехтерева и А.В. Дубровского [81],

В.Я. Струминского [764], [765] и Л.С. Выготского [206]. Рассмотрим эти работы более подробно.

В статье И.А. Арямова [56] четыре диалектических принципа вообще не упоминаются. М.Я. Басов [65] просто указывает, что «в первом докладе докладчик имел целью доказать, что четыре основных принципа диалектического метода (изменчивость всего существующего, всеобщая связь или закономерность существующего, скачкообразность развития и прогрессивность развития) всецело приложимы в области психологии, что он иллюстрировал соответствующими примерами» [65, с. 47].

Ненамного определеннее выразился по поводу доклада К.Н. Корнилова Л.С. Выготский. В статье, подводящей итог десятилетнего развития советской психологии, Выготский высоко оценил шаг, предпринятый К.Н. Корниловым: «На втором Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 году в Ленинграде были Корниловым формулированы основные принципы марксистской психологии, на основе которых началась теоретическая и экспериментальная разработка отдельных психологических проблем» [206, с. 38].

В более поздней статье [207] Л.С. Выготский меняет тональность, резко критикуя К.Н. Корнилова именно за понимание диалектического метода как совокупности принципов. Л.С. Выготский пишет: «Стоит только на мгновение представить себе, что мы должны были бы применять диалектический метод к конкретному историческому или экономическому исследованию, пользуясь только общими, абстрактными положениями теории диалектического материализма (принцип скачкообразности в развитии, принцип перехода количества в качество и т.д.) без той системы конкретных понятий, которую дает исторический материализм (развитие производительных сил, теория базиса и надстройки, классовая структура общества и т.д.), для того, чтобы представить себе, что еще предстоит сделать психологии, чтобы стать марксистской наукой» [207, с. 106-107].

Обратим внимание, что в данном высказывании Л.С. Выготский не сводит философию марксизма к диалектическому материализму, стремясь проследить

значение для психологии и исторического материализма; другие составные части марксизма при этом не упоминаются.

В более цельном виде – не только как философия, но и как наука – понимается марксизм Л.С. Выготским в работе «Исторический смысл психологического кризиса», где, в частности, говорится: «Стоит только представить себе, что Маркс оперировал бы общими принципами и категориями диалектики, вроде количества-качества, триады, всеобщей связи, узла, скачка и т.п. – без абстрактных и исторических категорий стоимости, класса, товара, капитала, ренты, производительной силы, базиса, надстройки и т.п., чтобы увидеть всю чудовищную нелепость предположения, будто можно непосредственно, минуя “Капитал”, создать любую марксистскую науку. Психологии нужен свой “Капитал” – свои понятия класса, базиса, ценности и т.д., – в которых она могла бы выразить, описать и изучить свой объект, а открывать в статистике забывания оттенков серого цвета у Лемана подтверждение закона скачков – значит ни на йоту не изменить ни диалектики, ни психологии» [215, с. 420].

Таким образом, если К.Н. Корнилов в «диалектизации» психологии двигался вслед за Ф. Энгельсом, идя по аналогии с тем, что делал Ф. Энгельс в области философии, Л.С. Выготский, достаточно быстро пройдя этот этап, вышел на понимание марксизма уже не столько как философии, сколько как науки. Это выразилось в том, что Л.С. Выготский выдвигал требование и затем предпринимал попытки превратить психологию в науку по аналогии с тем, что сделал К. Маркс в области политической экономии. Этого уровня понимания марксизма К.Н. Корнилов не достиг ни к 1931 г., ни позже.

К пониманию К.Н. Корниловым марксизма и его значения для психологии вполне можно отнести слова, сказанные М.Я. Басовым в середине 1920-х гг.: «Аналогично тому, как Маркс и Энгельс сумели из-под идеалистической и мистической оболочки гегелевской философии извлечь рациональное зерно материалистической диалектики и, таким образом, перевернуть всю эту философию с головы на ноги, так и современная материалистическая психология

во многих случаях должна поступать в отношении к своему прошлому. Нам однажды уже пришлось высказывать ту же мысль, и здесь мы можем повторить ранее сказанное: “Не в смысле полного подобия, а лишь в виде некоторой аналогии можно сказать, что операция, которую проделал Маркс с идеалистической философией Гегеля, должна служить для каждого психолога-материалиста прообразом его собственной задачи по отношению ко всему положительному, что может содержать в себе субъективная наука о сознании”» [69, с. 232].

Г. Даян [246] лишь кратко пересказывает содержание доклада К.Н. Корнилова наряду с другими материалами съезда. Таким же образом поступает и рефлексолог А.Л. Шнирман: в обзорной статье он вкратце пересказывает содержание доклада К.Н. Корнилова, вслед за автором перечисляя четыре диалектических принципа и приводя некоторые примеры и иллюстрации к ним [868].

А.В. Дубровский в статье «Материя и дух» [260], будучи сторонником рефлексологии В.М. Бехтерева, начисто отрицает попытку К.Н. Корнилова создать марксистскую психологию: «Не надо забывать, что ввести диалектический метод в психологию – все равно, что сказать, что Гегель, введя диалектику в свою идеалистическую философию, дал материалистическую философию. Как нельзя создать строго монистическую систему, совмещая материализм с идеализмом, так нельзя и в психологию, в основе которой лежит метод интроспекции, самонаблюдения, вводить диалектический материализм. В противном случае получится не марксистская наука о человеческой личности, а винегрет» [260, с. 25].

В статье, написанной совместно с В.М. Бехтеревым спустя два года, сформулированные К.Н. Корниловым принципы А.В. Дубровский не только не ставит под сомнение, но и прямо использует их в интересах своей науки: «Из вышеизложенного ясно, что метод диалектического материализма вполне применим к рефлексологии. Принципы диалектики: 1) принцип непрерывной изменчивости всего существующего, 2) принцип всеобщей связи явлений,

3) принцип скачкообразности развития процессов с переходом от количества к качеству и 4) принцип прогрессивного развития вполне приложимы к рефлексологии и вскрывают основные законы течения соотносительной деятельности человека» [81, с. 86].

Наибольшее значение из всех статей, посвященных в частностях или целиком докладу К.Н. Корнилова, имеет обширная работа В.Я. Струминского [764], [765]. Ее общий объем составляет свыше семидесяти страниц. Докладу К.Н. Корнилова о диалектическом методе В.Я. Струминский посвящает целую главу под названием «Диалектический метод в “марксистской психологии”» [765, с. 174-183]. Но и в этой работе, несмотря на ее критичность и детальность, мы не находим постановки вопроса о происхождении четырех принципов: В.Я. Струминский тщательно анализирует примеры-иллюстрации к каждому из принципов, указывает на ряд порочных моментов в подходе К.Н. Корнилова, но не более того. Так, по поводу примеров К.Н. Корнилова В.Я. Струминский замечает, что «такие иллюстрации еще не представляют применения диалектики к психологии. Они являются скорее вульгаризацией диалектики, конструированием психической действительности по упрощенным схематическим формулам, придумыванием диалектики для психологии вместо того, чтобы открывать ее в самой этой психологии» [765, с. 176].

Затем В.Я. Струминский бросает еще один общий упрек в адрес К.Н. Корнилова, отмечая, что «ссылка на диалектический метод превратилась в употреблении проф. Корнилова в какой-то талисман, с помощью которого неясное должно сделаться ясным, вернее, – казаться таковым» [765, с. 181].

Это означает, что В.Я. Струминский, как и упомянутые выше авторы, оценивает четыре диалектических принципа К.Н. Корнилова как не требующие обоснования и объяснения, не ставит вопрос об их обоснованности, происхождении и т.д. При всей своей критичности и «въедливости» В.Я. Струминский в основном критикует К.Н. Корнилова за качество примеров и иллюстраций к четырем принципам, лишь в самой общей форме указывая на качество понимания К.Н. Корниловым самой диалектики: диалектический метод

у К.Н. Корнилова представляет собой набор «упрощенных схематических формул».

Таким образом, мы видим, что ни в одной из работ 1920-х гг. – в посвященных второму съезду по психоневрологии статьях И.А. Арямова [56], М.Я. Басова [65], Г. Даяна [246], А.В. Дубровского [260] и А.Л. Шнирмана [868], а также в статьях Л.С. Выготского [206] и В.Я. Струминского [764], [765], непосредственно касающихся доклада К.Н. Корнилова о диалектическом методе, – вопрос о происхождении четырех диалектических принципов у К.Н. Корнилова не ставится. Ни у кого из авторов мы не обнаруживаем указания и критики источников представлений К.Н. Корнилова о марксизме. Все авторы так или иначе оценивают лишь то, насколько правильно прикладывает эти принципы Корнилов к области психологии.

Но, может быть, в статьях советских философов и ученых – представителей других наук мы найдем упоминания об этих принципах и даже их оценку?

В 1920-е гг. о диалектике и марксизме говорили, писали и спорили не только психологи, но и философы, политики, биологи и т.д. В работах тех лет философы и представители естественных наук, анализируя популярную тогда проблему связи диалектики с различными науками (в частности, с естественными науками – об этом шел многолетний спор между «механистами» и «диалектиками»), в том или ином виде упоминают и пресловутые четыре принципа, оценивая суть такого подхода к диалектике, когда ученые или философы пытаются свести диалектику к схематическому набору того или иного количества принципов, правил, сторон, предпосылок, требований, положений и т.п. Не претендуя на полноту обзора данной литературы, ниже мы в хронологическом порядке рассмотрим несколько наиболее типичных работ, дающих представление об уровне и направленности теоретической работы тех лет.

Б.Э. Быховский вполне определенно заявлял: «Ленин широко пользовался в своих работах, в обобщениях и предвидениях диалектическим методом, никогда не опускаясь до “догматической”, вульгарной диалектики, “конструирующей” действительность по упрощенным схематичным формулам (“количество

переходит в качество", "отрицание отрицания", "тезис – антитезис – синтезис"), он искал имманентную диалектику действительности» [190, с. 247].

По-видимому, В.Я. Струминский в приведенной выше цитате воспользовался этими словами, вполне в духе того времени и уровня научности, не указав автора. Это было типично для того времени, ведь и сам К.Н. Корнилов, расчленяя диалектический метод на четыре принципа, не указал автора или источник такого толкования диалектики.

В статье Д. Гульбе «Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма» проблемы, возникающие при сравнительном анализе теорий Дарвина и Де-Фриза, рассматриваются через призму «основных положений» диалектики: все течет, все изменяется, явление следует рассматривать не изолированно, а в тесной связи [240, с. 160] и т.д., что, по существу, совпадает с корниловской схемой. Вероятнее всего, такое совпадение говорит не о том, что для Д. Гульбе изложение диалектики К.Н. Корниловым явилось образцом для подражания, а о том, что представления о диалектике у них обоих имеют один и тот же общий источник.

В нашем обзоре нельзя обойти стороной глубокие и точные мысли И.К. Луппола, пример которого показывает, что в 1920-е гг. среди советских философов-марксистов были не только пришедшие с фронтов гражданской войны «люди в кожаных тужурках», но и ученые, искренно, сознательно и на высоком уровне научности работавшие в рамках марксистской философии (кстати, в упомянутом выше сборнике «Общественные науки СССР» И.К. Луппол был автором статьи о философии).

«Прежде чем применять диалектику, надо ее хорошо изучить» – к этим словам можно свести мысль И.К. Луппола, высказанную в рецензии на книгу О.В. Трахтенберга «Беседы с учителем по историческому материализму».

И.К. Луппол писал: «Говорить о диалектике, будучи недостаточно знакомым (или не желая выявлять этого знакомства) с Гегелем – тоже как будто не пристало. Мировой процесс, связь явлений, переход в противоположность, триада, ведь не исчерпывают, вопреки утверждению автора (О.В. Трахтенберга.

– *С.Б.*) на с. 38, сущности диалектики. Это только те элементы или стороны диалектики, о которых черным по белому писали основоположники марксизма. Между тем, все богатство диалектического метода, которым они пользовались, богатство, элементы которого не поддаются практикующейся у нас теперь нумерации их, ускользнуло от внимания О. Трахтенберга» [459, с. 302].

Эти слова И.К. Луппола бьют К.Н. Корнилову не в бровь, а в глаз. Кстати говоря, по мнению Г.И. Челпанова, основная причина неудачи корниловского варианта марксистской психологии заключается именно в незнании марксизма: «Очевидно, Корнилов никогда не имел случая ознакомиться с сочинениями Маркса. Это видно не только из того, что он нигде не цитирует Маркса, но и из того, что он под видом материализма Маркса предлагает материализм Бюхнера» [856, с. 21].

В статье «Диалектика диалектики...» [460] И.К. Луппол еще более определенно высказывается против схематизации (пусть даже и с педагогическими целями) диалектики: «Диалектику нужно изучать. В самом деле, если диалектика Маркса есть поставленная на ноги диалектика Гегеля, то нельзя в наши дни ограничиваться тем, что буквами написано у Маркса и Энгельса. В своих произведениях Маркс и Энгельс черным по белому писали, – так что слепым было видно, – о многих, но не обо всех диалектических категориях. Эти их высказывания в наши дни в целях педагогических (вот она, «школьная философия») пронумеровываются, прошнуровываются и, мы бы сказали, замораживаются. Первое – все движется, второе – все в связи, третье – количество переходит в качество, четвертое – отрицание отрицает отрицание и т.д. Так и хочется спросить: а почему сие важно в-пятых? То бишь: а какая пятая заповедь диалектики? Все это есть самое дурное третирование диалектики Маркса» [460, с. 42].

Косвенную критику постановки К.Н. Корниловым проблемы диалектического метода в психологии мы находим и в статье В. Егоршина «К вопросу о политике марксизма в области естествознания» [262].

В. Егоршин пишет, что есть целый ряд естественников, которые «предлагают некритически перенять отдельные элементы современного естествознания, пусть лучшие элементы, но такие, которые выросли вне сознательного приложения диалектического материализма. Задача марксизма в области естествознания, по их мнению, будет закончена, когда мы все успехи, уже достигнутые современным естествознанием, изложим при помощи марксистской терминологии. «Вот здесь – скачок, здесь – переход количества в качество», – а все в общем это было известно задолго до всякого марксизма. Недаром один старый профессор, когда он услышал такое упрощенное изложение метода диалектики, воскликнул: «Да ведь мы в таком случае всегда были диалектиками!» [262, с. 124].

Под «естественником» здесь можно понимать Корнилова и целый ряд аналогично мысливших в то время ученых, а слова старого профессора вполне могли быть сказаны Челпановым. Л. Грэхэм [см. 237, с. 167], ссылаясь на работу П.К. Анохина о И.П. Павлове [36], пишет о том, что когда П.К. Анохин, будучи одним из учеников И.П. Павлова, однажды попытался показать И.П. Павлову глубоко диалектичный характер его учения об условных рефлексах, убедительно подтверждающего истинность принципа единства и борьбы противоположностей, И.П. Павлов, по словам П.К. Анохина, воскликнул: «Вот и оказывается, что я диалектик!» [см. 36, с. 352].

В то время сводить весь смысл постановки на марксистские рельсы науки вообще и психологии в частности к смене терминологии, но не содержания и принципов мог не только «целый ряд ученых-естественников», но и «сам старый профессор». Так, например, в работе «Психология или рефлексология?» Г.И. Челпанов в диалогической форме раскрывает свои взгляды на перестройку в психологии и в своих взглядах.

Отвечая своим оппонентам, Г.И. Челпанов пишет: «Ответ на последнее возражение: “Если Вы утверждаете, что современная научная психология стоит на той же точке зрения, на какой стоит психология Маркса, то Вы должны быть материалистом. Как же это примирить с тем, что Вы прежде всегда критиковали

материализм во всех видах?” На что я могу сказать: здесь есть очень серьезное терминологическое недоразумение. Я критиковал только вульгарный материализм, психофизический же параллелизм, на котором базируется марксизм, мы не называли материализмом. Теперь, при перемене терминологии, мы нашу точку зрения психофизического параллелизма, лежащего в основе психологии, должны называть материализмом, ничего, однако, не изменяя в наших взглядах» [856, с. 31].

Сущности и эволюции философских и марксистских взглядов К.Н. Корнилова нельзя понять не зная общей картины многолетней дискуссии между «механистами», с одной стороны, и «диалектиками»-деборинцами – с другой, не учитывая того места, которое вольно или невольно занял К.Н. Корнилов в этом споре.

Положение К.Н. Корнилова (а он явно тяготел к редакции журнала «Под знаменем марксизма», где главным редактором до 1931 г. был А.М. Деборин) в этом споре позволяет понять и происхождение четырех принципов диалектики, и пути проникновения марксизма в психологию в то время.

В частности, один из наиболее активных сторонников «механической диалектики» И.И. Скворцов-Степанов, подводя в 1928 г. итоги затянувшейся дискуссии о марксистской диалектике, писал: «Поразительная свистопляска разыгрывается на нашем идеологическом фронте. Вот, например, проф. Г. Челпанов (Проф. Г. Челпанов. Психология и марксизм. Второе (!) изд. М., 1925). С радостным изумлением он открывает, что всегда, с самого начала своей профессорской деятельности, был марксистом в психологии. И он пишет свои тезисы, которые “доказывают” это цитатами из Маркса и Энгельса, явным образом заимствованными из литературы деборинцев» [746, с. 48].

Достается от И.И. Скворцова-Степанова и К.Н. Корнилову, причем именно за работу «Диалектический метод в психологии». И.И. Скворцов-Степанов пишет: «Но почему же в таком случае должен остаться неиспользованным проф. Корнилов, который как был, так и остался талантливым представителем идеалистической психологии? В разросшемся деборинском хозяйстве всякая

вещь пригодится, в особенности когда ее можно направить против “механистических материалистов”. И проф. Корнилов назидательно рассказывает нам, что такое марксистский метод в применении к психологии. Надо ли удивляться всему этому?» [746, с. 48].

Таким образом, К.Н. Корнилов оказался втянутым не только в научный спор (с Г.И. Челпановым – с одной стороны, с В.М. Бехтеревым – с другой), но и в спор философский. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что в те времена спор нередко приобретал идеологическую окраску, далеко не всегда необходимую и адекватную. Приведем лишь один штрих, характеризующий обстановку на «философском фронте» тех лет.

В сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм» И.А. Боричевский, один из участников дискуссии, говорит: «Смею думать, что т. А.К. Тимирязев и здесь дает нам поучительный пример. Общеизвестно, что наш почтенный физик сохраняет неизменно строгое научное беспристрастие до тех пор, пока не произнесено одно небезызвестное имя: Эйнштейн. Здесь приговор тов. Тимирязева неумолим: расстрелять немедленно, без права апелляции во ВЦИК (А.К. Тимирязев с места: «Я вовсе не предлагаю расстреливать Эйнштейна». – Смех)» [747, с. 53].

Столь же многозначительны (в свете дальнейших событий в нашей науке) и слова А.К. Тимирязева из этой книги: «Я слышал в беседах (в печати еще, правда, не видел) нападки на тов. Степанова за то, что он, соглашаясь с мнением многих биологов, не придает того исключительного значения «мутациям», какие придавал им Де-Фриз и, таким образом, не делает будто различия между буржуазным учением о постепенном развитии и революционном марксизмом! (Тов. Степанов с места: «Да, действительно!»)» [747, с. 18-19].

Идеологизация научной проблемы налицо. С этих позиций упоминание в своем докладе К.Н. Корниловым мутационной теории Де-Фриза, как подтверждающей правильность диалектического метода, выглядит не случайным и довольно ответственным шагом.

В качестве еще одного «философского документа» той эпохи приведем выдержку из статьи Ю.В. Франкфурта «Учение В.М. Бехтерева и марксизм» [838]. В седьмом параграфе статьи, озаглавленном «Рефлексология и диалектический материализм», Ю.В. Франкфурт пишет: «Прежде всего несколько слов о понимании Бехтеревым диалектического метода в рефлексологии. Перечисляя в статье “Диалектический материализм и рефлексология” указанные им ранее в “Общих основах рефлексологии человека” те пять путей, с помощью которых достигает своих целей, он добавляет, что “наряду с приведенными методами рефлексология включает и метод диалектического материализма” (с. 86). Тут Бехтерев допускает ту же ошибку, которую, как это указал т. Луппол, допустил и Корнилов. Применить диалектический материализм как метод в рефлексологии не значит ввести его как особый отдельный метод наряду с указанными методами, а пронизать последние диалектикой, сделать их диалектически-материалистическими» [838, с. 77-78].

По-видимому, именно такого рода критика в итоге повлияла на общую позицию К.Н. Корнилова. В 1926 г. вышло в свет первое издание его «Учебника психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма», где во второй главе «Методы психологии» говорится, что «в науке о реакциях человека в настоящее время применяются следующие основные методы: а) метод объективного простого и экспериментального наблюдения; б) сравнительно-генетический метод; в) диалектический метод; г) метод самонаблюдения и словесного отчета; д) метод тестов и е) метод анкет» [376, с. 18].

Далее К.Н. Корнилов раскрывает диалектический метод через те же четыре принципа – непрерывной изменчивости, всеобщей связи явлений, прогрессивного развития и скачкообразности в развитии процессов, порой почти дословно повторяя положения и примеры из своего доклада на втором съезде по психоневрологии [см. 376, с. 24-26]. Однако в последующих изданиях этого учебника диалектический метод упоминается уже не как отдельный наряду с

другими методами психологии, а в полном соответствии с замечанием Ю.В. Франкфурта как «пронизывающий» другие методы психологии.

Следовательно, было бы ошибкой считать, что трактовка К.Н. Корниловым диалектического метода была нейтрально или положительно встречена марксистами-философами, представителями других наук. Содержание этой критики является, с нашей точки зрения, еще одним подтверждением того, что автором «четырех принципов» был сам К.Н. Корнилов.

В то же время определенные трудности, неувязки и ошибки при решении К.Н. Корниловым проблемы применения диалектического метода в психологии следует относить, конечно, не только к самому К.Н. Корнилову (его философский и общенаучный уровень, мотивация действий и т.д.), но и понять их как носящие объективный, независимый от личности К.Н. Корнилова характер, прежде всего имея в виду положение дел в области марксистской идеологии и марксистской философии в нашей стране в середине 1920-х гг.

Какими же источниками руководствовался К.Н. Корнилов, формулируя четыре принципа диалектического метода? Почему, в частности, при написании доклада, т.е. в конце 1923 – начале 1924 г. К.Н. Корнилов не воспользовался тем пониманием диалектики, которое мы встречаем у Гегеля, Маркса, Энгельса или Ленина? Как известно, Энгельс в «Диалектике природы» в главе «Диалектика» прямо указывает, что законы диалектики сводятся к трем: перехода количества в качество и обратно, взаимного проникновения противоположностей и отрицания отрицания [881, с. 384].

При ответе на вопрос о первоисточниках, которыми мог воспользоваться К.Н. Корнилов, многое проясняет знание времени их публикаций. В частности, с указанной работой Энгельса дело обстоит просто: «Диалектика природы» была впервые опубликована на немецком языке вместе с параллельным русским переводом во второй книге выходившего под редакцией Д.Б. Рязанова «Архива Маркса и Энгельса» только в 1925 г., т.е. спустя год или полтора после выступления К.Н. Корнилова с докладом «Современная психология и марксизм».

По той же причине К.Н. Корнилов не мог в 1923 – начале 1924 г. воспользоваться «Философскими тетрадями» В.И. Ленина, так как большинство фрагментов, входящих в них, были опубликованы лишь в «Ленинских сборниках» за 1929-1930 гг., а заметка «К вопросу о диалектике», впоследствии вошедшая в «Философские тетради» Ленина, впервые была напечатана в журнале «Большевик» только в 1925 г.

Тем не менее у К.Н. Корнилова была реальная возможность взять более-менее полную характеристику материалистической диалектики и диалектического метода из других первоисточников. Мы имеем в виду такие работы В.И. Ленина, как «Карл Маркс», «Еще раз о профсоюзах...», «Три источника и три составных части марксизма», имевшиеся в наличии в начале 1920-х гг. Кроме того, из других «классиков марксизма» К.Н. Корнилов мог воспользоваться работами Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Основные вопросы марксизма», «Критика наших критиков», работами Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах…» и др.

Подчеркнем, что ни в одной из этих работ мы не находим понимания диалектического метода как состоящего из четырех принципов или такой группировки материала при изложения диалектики, которая позволяла бы осуществить такое сведение, что заставляет предполагать, что К.Н. Корнилов при формулировке четырех принципов исходил не из трудов Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина или Плеханова, а из работ рангом ниже. К.Н. Корнилов получал свое представление о марксистской диалектике не из первых, а из вторых или даже третьих рук, что, впрочем, согласуется с уровнем представлений большинства других советских психологов о марксизме в 1917-1923 гг.

О каких же работах здесь может конкретно идти речь? В свете вышеизложенного мы выделили из всей многочисленной научной и философской литературы того периода, посвященной проблемам марксистской

философии, три работы – В.В. Адоратского [8], Н.И. Бухарина [187] и А.М. Деборина [247].

В.В. Адоратский в своем пособии «для студентов и кружков повышенного типа» по интересующему нас вопросу писал: «При изучении метода диалектического материализма надо обратить внимание на следующие пункты: 1. Различие между логикой формальной и диалектической; различие между диалектикой и метафизикой; различие между диалектикой и эклектикой; различие между диалектикой и эволюцией. 2. Два основных принципа диалектики: движение и всеобщая связь. 3. Борьба противоположностей. Переход в противоположность. Противоречия неразрывно связаны. 4. Отрицание отрицания. 5. Переход количества в качество. 6. Чтобы быть последовательной, диалектика должна быть материалистической» [8, с. 12].

Затем В.В. Адоратский излагал «основные правила диалектического мышления»: «1. Изучать действительность во всей ее полноте. Стараться принять во внимание все. Изучать подробно и детально. Помнить о всеобщей связи. 2. Изучать в движении. Обращать внимание, как происходит диалектическое движение и совершается переход. Искать противоречия, следить за борьбой. 3. Помнить, что нет отвлеченной истины, что истина конкретна. Как можно меньше схем, как можно больше положительной работы мысли. 4. Не разрывать теорию и практику. Не только познавать, но и переделывать окружающее. Основательное познание без практики невозможно. Не только наблюдать и созерцать борьбу, но и принимать в ней участие» [8, с. 13].

В этой работе В.В. Адоратского обращают на себя внимание два момента. Во-первых, В.В. Адоратский непосредственно говорит о принципах диалектики, но указывает всего два принципа, а не четыре, как у К.Н. Корнилова. Далее он пишет о трех законах диалектической логики, не называя их, однако, законами. Почему бы в таком случае их для удобства изложения и дальнейшего использования не объединить вместе с двумя принципами и не назвать все их принципами? Тогда принцип движения у В.В. Адоратского оказывается принципом непрерывной изменчивости у К.Н. Корнилова; принцип всеобщей

связи – принципом всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности; два принципа у В.В. Адоратского – борьбы противоположностей и отрицания отрицания – одним принципом прогрессивного развития, «известной триадой Гегеля», по К.Н. Корнилову, а принцип перехода количества в качество – принципом скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным.

С целью уточнения и дальнейшей детализации вывода об основном источнике представлений К.Н. Корнилова о диалектическом методе есть смысл обратиться к работе Бухарина, который по интересующему нас вопросу писал: «Диалектический метод, диалектический способ рассматривать все сущее требует рассмотрения всех явлений, во-первых, в их неразрывной связи, во-вторых, в их движении» [187, с. 67].

Налицо, таким образом, два принципа диалектики по В.В. Адоратскому. В связи с этим можно предположить, что Н.И. Бухарин при изложении элементов диалектики руководствовался непосредственно «Программой...» В.В. Адоратского. Далее, описывая диалектический характер движения как непрерывный процесс нарушения и восстановления равновесия, Н.И. Бухарин переходит к «известной триаде Гегеля»: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия – антитезисом, т.е. противоположением, восстановление равновесия на новой основе – синтезисом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу (“триаду”), он и назвал диалектическим» [187, с. 76].

Логике изложения Н.И. Бухариным диалектики соответствует и четвертый принцип у К.Н. Корнилова. В книге Н.И. Бухарина параграф, идущий за рассуждениями о триаде, называется «Теория скачкообразных изменений и теория революционных изменений в общественных науках» [187, с. 81].

Дополнительным подтверждением того, что К.Н. Корнилов руководствовался книгой Н.И. Бухарина, служит тот факт, что в своем докладе

К.Н. Корнилов характеризует скачкообразность развития процессов как «принцип» и почти дословно повторяет формулировку Н.И. Бухарина, вместо принципа называя скачкообразность «теорией». Мы имеем в виду то место, где К.Н. Корнилов пишет: «В области психологии теория перехода количественных определений в качественные имеет первостепенное значение при разрешении многих проблем» [367, с. 113].

Трактовка К.Н. Корниловым в докладе мутационной теории Де-Фриза также, «по Бухарину», является еще одним подтверждающим фактором.

Судя по вышеизложенному материалу, влияние работ В.В. Адоратского и Н.И. Бухарина на формирование у К.Н. Корнилова представлений о диалектическом методе обнаруживается достаточно наглядно.

Не менее важно оценить, какое воздействие на К.Н. Корнилова мог оказать А.М. Деборин, прежде всего – книгой «Введение в философию диалектического материализма» [247]. Эта книга (первым изданием вышедшая еще до революции с предисловием Г.В. Плеханова) представляет сборник статей, посвященных проблемам диалектического материализма. Книга, написанная «тяжелым» философским языком, для К.Н. Корнилова, судя по всему, оказалась слишком сложной. Характерно, что П.П. Блонский в 1917 г. свою рецензию на эту работу А.М. Деборина без обиняков начал словами: «Самое ценное в рецензируемой книге – предисловие Плеханова» [82, с. 413]. В конце рецензии П.П. Блонский делает вывод: «Словом, мы имеем не введение в диалектический материализм, но случайный набор шаблонных, скучных и многословных очерков… Никакого удовлетворительного введения ни в материализм, ни в диалектику, ни, тем более, в диалектический материализм книга Деборина не дает» [82, с. 415].

Такие высказывания во многом делают понятным, почему П.П. Блонский в марксистской дискуссии не пошел по «пути Корнилова» или где-то рядом с ним.

Из книги А.М. Деборина К.Н. Корнилов смог взять лишь два положения – оценку теории мутаций и определение диалектики. Действительно, А.М. Деборин в книге оценивает теорию мутаций Де-Фриза как вполне диалектическую: «Учение о превращении элементов, о переходе “количества в

качества” путем скачков представляет, наряду с теорией мутаций (т.е. скачкообразного развития видов) в биологии, блестящее подтверждение правильности и истинности диалектического материализма» [247, с. 237].

В другом месте А.М. Деборин прямо противопоставляет диалектической теории мутаций метафизическую теорию Ч. Дарвина: «Кому, например, неизвестно, что теория эволюции (возьмем хотя бы учение Дарвина о происхождении видов) исходит именно из понятия постепенности изменений? Между тем как диалектика настаивает на необходимости признания скачков в процессе развития» [247, с. 323].

Есть смысл сравнить и определения диалектики у А.М. Деборина и К.Н. Корнилова. В своем докладе К.Н. Корнилов пишет: «Вот почему Энгельс был глубоко прав, когда, давая определение диалектическому методу, он определил его как «весьма общий и потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления» [367, с. 107]. К.Н. Корнилов здесь не указывает, откуда он цитирует слова Ф. Энгельса.

Наш поиск соответствующего определения диалектики в работах Ф. Энгельса оказывается безуспешным, выражение «общий и широко действующий» при характеристике диалектики у Ф. Энгельса не встречается. Мы можем лишь предположить, что это выражение взято К.Н. Корниловым из книги А.М. Деборина. Скорее всего, К.Н. Корнилов использовал следующее место в книге А.М. Деборина: «Диалектика есть “наука об общих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления”, и поскольку все процессы обнимаются “схемой” отрицания, то она выражает общую формулу процесса развития и есть “общий и широко действующий закон”» [247, с. 323-324].

Следовательно, К.Н. Корнилов ошибается, приписывая Ф. Энгельсу определение диалектики, которое тот на самом деле давал лишь закону отрицания отрицания. Действительно, у Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» говорится: «Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории

и мышления» … «Диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [880, с. 145].

К.Н. Корнилов, как мы видим, вслед за А.М. Дебориным из этих двух высказываний сделал одно. В итоге получилась формулировка: диалектика – это весьма общий и потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления. Дело не в том, насколько такая синтетическая формулировка верна – важно то, что она показывает конкретные пути и механизмы процесса усвоения марксизма советской психологией в самом начале ее исторического развития.

Но если содержание принципов диалектического метода К.Н. Корнилов мог взять у В.А. Адоратского или Н.И. Бухарина, то в качестве непосредственного образца увязки этих принципов с данными конкретной науки К.Н. Корнилов мог использовать статью А.К. Тимирязева «Диалектический метод и современное естествознание».

Статья А.К. Тимирязева первоначально была опубликована в апреле 1923 г. (т.е. более чем за полгода до второго съезда по психоневрологии) в журнале «Под знаменем марксизма» [793], а затем в сборнике работ А.К. Тимирязева «Естествознание и диалектический материализм» [794]. Для подтверждения тезиса о наличии такого «канала» проникновения марксизма в психологию приведем слова А.К. Тимирязева об элементах диалектики, которые прямо перекликаются с соответствующими местами доклада К.Н. Корнилова.

А.К. Тимирязев пишет: «Когда приходится говорить о применении диалектического метода в естествознании, часто указывают, что об основной предпосылке диалектического метода, что «все течет, все изменяется», говорить не приходится, т.к. это знает всякий, даже не изучавший вплотную естественных наук» [794, с. 141]. «Что касается второй предпосылки диалектического метода, о том, что все явления стоят в связи друг с другом, то и о ней многие товарищи говорят, что в области естествознания она представляет собой положение до того очевидное, что не стоит на ней останавливать внимание» [794, с. 144]. «Теперь

переходим к вопросу о триаде. Это один из спорных вопросов в области естествознания. Известен спор Плеханова с Михайловским» [794, с. 150]. «Теперь перехожу к последней части моего доклада, в которой позволю себе задать несколько вопросов. Это о переходе количества в качество и скачках» [794, с. 154]. Этих цитат, думается, достаточно, чтобы сделать однозначный вывод о подражании К.Н. Корнилова А.К. Тимирязеву.

Итак, работы В.В. Адоратского, Н.И. Бухарина, А.М. Деборина и А.К. Тимирязева – таковы источники представлений о диалектическом методе, содержащихся в докладе К.Н. Корнилова [367] на втором психоневрологическом съезде в январе 1924 г.

Выяснение вопроса об источниках происхождения представлений К.Н. Корнилова о диалектическом методе позволяет нам понять последующую судьбу высказанных К.Н. Корниловым диалектических идей. В своей трактовке диалектического метода К.Н. Корнилов опирался не на незыблемые, общепризнанные авторитеты и труды, поскольку таковых не было. Была разноголосица, были самые различные мнения, точки зрения и варианты интерпретации высказываний «классиков».

Для того чтобы добраться до истинного понимания сути проблемы, требовались большие интеллектуальные усилия, высокая философская культура, по крайней мере склонность к теоретическому мышлению. Этими качествами, насколько мы понимаем, К.Н. Корнилов не обладал. К.Н. Корнилов опирался на представления о марксизме и диалектике на суждения и мнения из вторых или даже из третьих рук. Когда же в последующем теоретическая и идеологическая «мода» изменилась, К.Н. Корнилова оказалось очень легко упрекать в искажении, извращении, незнании марксизма и т.д.

Эти обвинения только усиливаются тем, что К.Н. Корнилов в статье о диалектическом методе во многих случаях не указывает на источники своих представлений о марксизме. Немаловажно и то, что, опираясь на определенные первоисточники, К.Н. Корнилов конструировал свое понимание диалектического метода, во многом отходя от исходных текстов, вследствие чего

невозможно уловить, где кончается использование К.Н. Корниловым первоисточников и где начинается его собственная интерпретация.

Знание того, как К.Н. Корнилов пришел к формулировке четырех принципов диалектического метода, позволяет лучше понять дальнейшую судьбу его диалектических и реактологических идей. Здание оказалось возведено на слишком ненадежном фундаменте, чтобы долго простоять.

Весь вопрос, следовательно, заключался в том, как быстро будет развенчано понимание К.Н. Корниловым диалектического метода и его значения для психологии. Очевидно, такая критика могла идти с двух сторон. С марксистских философских позиций можно было упрекать К.Н. Корнилова за неправильную (искаженную, неполную и т.п.) исходную трактовку диалектического метода. В научном плане не менее обоснованно можно было критиковать К.Н. Корнилова за неубедительность использованных примеров, отсутствие реальных результатов предложенной «диалектизации» психологии, ошибочность конечных выводов и т.д., акцентируя, таким образом, все внимание на собственно психологических взглядах К.Н. Корнилова.

Подведем краткие итоги нашему анализу проблемы диалектического метода в становящейся марксистской психологии.

1. Изучая и оценивая конкретные пути ассимиляции идей марксизма в советской психологии 1920-х гг., выясняя, сам ли К.Н. Корнилов сформулировал четыре принципа диалектического метода или же он их взял в готовом виде, мы убеждаемся еще и в том, что дело было не только (и не столько) в К.Н. Корнилове, его интеллектуальных возможностях, его психологической и философской эрудиции. Уровень развития, распространения и понимания марксизма в СССР в то время, необходимость усвоения марксистских идей десятками тысяч людей, ранее никак не сталкивавшихся с марксизмом (К.Н. Корнилова, без сомнения, следует отнести к их числу) – все это неизбежно приводило к упрощению всего марксизма, его огрублению и вульгаризации при попытках понять и применить на практике в качестве «революционного учения».

2. В то же время в докладе К.Н. Корнилова следует видеть не только ошибки и недостатки, его следует оценивать как один из первых шагов в постановке вопроса о диалектическом методе в психологии – вопроса, который с той поры стал одним из традиционных для советской психологии.

3. Исследование вопроса о том, как К.Н. Корнилов пришел к формулировке четырех принципов диалектического метода – позволяет лучше понять дальнейшую судьбу его диалектических и реактологических идей. Полученное в итоге представление о К.Н. Корнилове-диалектике может быть по многим позициям перенесено на К.Н. Корнилова-марксиста в целом.

4. В общем плане изучение вопроса о четырех принципах диалектического метода у К.Н. Корнилова раскрывает конкретные пути и формы ассимиляции психологами идей марксизма и разработки особой, марксистской психологии в отечественной психологической науке 1920-х гг.

§ 3. Дискуссия между В.Я. Струминским и К.Н. Корниловым

Проходившая в СССР в середине 1920-х гг. дискуссия по проблеме «психология и марксизм» между К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским примечательна тем, что обе участвующие в ней стороны исходно позиционировали себя в качестве психологов-марксистов. Вначале скажем несколько слов о В.Я. Струминском и его книге «Психология» [762].

Об основных вехах биографии Василия Яковлевича Струминского (1880-1967) – отечественного (дореволюционного и советского периодов) теоретика и историка педагогики, профессора (1926), доктора педагогических наук (1961), члена-корреспондента АПН РСФСР (1945) – можно судить по биобиблиографическому указателю [192], справочной литературе и ряду других публикаций, посвященных истории советской педагогики и советской психологии (см. [164], [197], [550], [766], [885] и др.).

Окончив в 1903 г. Московскую духовную академию, В.Я. Струминский преподавал в различных учебных заведениях Перми, Оренбурга и Казани (в духовной академии, учительском институте и др.). С 1932 г. В.Я. Струминский

работал в области педагогики старшим научным сотрудником в различных научно-исследовательских институтах Москвы. Основные труды В.Я. Струминского посвящены истории педагогики (педагогика Древнерусского государства, наследие К.Д. Ушинского, В.Ф. Одоевского и др.).

В «Российской педагогической энциклопедии» В.Я. Струминский характеризуется как «теоретик и историк педагогики». В статье говорится: «В 20-е гг. разрабатывал проблемы теории и практики единой трудовой школы II ступени, в том числе вопросы содержания образования в рамках комплексной системы обучения, а также политехнизма, дифференциации образования и др. В 30-х гг. обратился к проблематике истории педагогики. Предложил классификацию педагогических течений, основанную на взаимосвязи их социальных и педагогических характеристик. Сформулировал положение о социальном значении и общественно-преобразующей роли педагогики; при этом считал социально-классовые факторы в ее развитии доминирующими. По Струминскому, педагогический процесс должен быть активным, основанным на “взаимодействии между воспитателями и воспитанниками”, которое направлялось бы на развитие личности учащегося. С середины 30-х гг. занимался историей русской школы и педагогической мысли. Изучая период Киевской Руси, пришел к выводу, что отечественное педагогическое знание формировалось не только под византийским и западноевропейским влиянием (как было принято считать), но и на основе народной педагогики. Важнейшая научная заслуга Струминского – публикация педагогического наследия В.Ф. Одоевского, П.Г. Редкина, Н.Х. Весселя и др. В цикле статей о педагогах-гуманистах, а также по истории начального образования в России в 19 – начале 20 вв. показал развитие демократических идей в отечественной педагогике, противопоставленных официальной школе (общественно-педагогическое движение 70-80-х гг. 19 в., деятельность земских учреждений, обществ народного образования и др.). Исследовал жизненный путь и педагогическое творчество К.Д. Ушинского. Провел большую текстологическую работу над его произведениями, открыл ряд неизвестных рукописей. Струминский подготовил

к печати наиболее полное и систематическое собрание сочинений Ушинского в 11 тт. (1948-1952), ввел в научное обращение архив Ушинского в 4 тт. (1959-1962). Показал вклад Ушинского в разработку психологических и теоретико-познавательных основ обучения, в особенности вопросов построения содержания образования [164, с. 394].

В истории советской психологии В.Я. Струминский известен книгой «Психология» [762] и полемикой с К.Н. Корниловым [764], [765].

В 1923 г. В.Я. Струминский опубликовал книгу «Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Выпуск 1. Введение к изучению психологии» (Оренбург, 1923). Информативным является предисловие (отзыв о книге) А.И. Вайнштейна [762, с. V].

Предисловие автора к ней написано 1 августа 1923 г. [762, с. VIII], но сама книга писалась еще до доклада К.Н. Корнилова на первом психоневрологическом съезде в январе 1923 г., то есть до того, как К.Н. Корниловым с высокой трибуны был выдвинут лозунг о необходимости построения марксистской психологии. Поэтому книгу В.Я. Струминского можно считать первой серьезной (и по объему, и по значимости поднимаемых проблем) работой в рамках марксистской психологии. Это было теоретическое исследование с сознательной опорой на марксизм в сочетании с суровой критикой в духе и с позиций марксизма.

На последнем этапе работы над книгой, как можно судить по предисловию, В.Я. Струминский, учитывая состоявшийся в январе 1923 г. психоневрологический съезд, смог только скорректировать название книги и дополнить предисловие. В книге очень много существенных дополнительных нюансов, достойных включения в основной текст, содержится в обширных примечаниях (некоторые из них занимают больше страницы убористого текста), сделанных, по-видимому, на последнем этапе работы над книгой, когда в сам текст вносить какие-либо изменения уже не было возможности.

Работа В.Я. Струминского дает представление о литературе того времени по марксистским вопросам психологии, в частности, о работах Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого. Но, в отличие от марксистских статей К.Н. Корнилова, брошюр Э.С. Енчмена, рефлексологических идей В.М. Бехтерева, этой книге не повезло. Основные идеи этой работы не получили дальнейшего развития ни у самого В.Я. Струминского, ни у других авторов. Книга была очень быстро, уже к концу 1920-х гг., забыта всеми, в том числе и ее автором. По-видимому, ее нельзя было вспоминать прежде всего из-за широко упоминаемых в тексте фамилий Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина.

В то же время подзаголовок книги – «Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма» – не должен вводить в заблуждение. На самом деле ключевое слово в книге В.Я. Струминского – не «психология», а «идеология», использующееся в тезисе о революции в сфере идеологии, духа, психологии и в тезисе о приоритете класса, коллектива, а не личности, индивидуальности.

В этом смысле точка зрения В.Я. Струминского была для 1920-х гг. актуальной, прикладной и практической: исходя из практической заинтересованности, В.Я. Струминский обращался к теории. Но, развенчивая идеологические иллюзии, В.Я. Струминский сам исходил, как мы сейчас понимаем, из иллюзии – из того, что социалистическая революция произошла в России «по Марксу», т.е. так, как это предсказывал и предвидел Маркс, что революция в области производства имеет своим неизбежным следствием «революцию в идеологической области» [762, с. 63] и т.д.

Так, например, В.Я. Струминский пишет о том, что «торжество революции – это торжество диалектического метода» [762, с. 56]. Связь науки и экономики у В.Я. Струминского настолько жесткая и однозначная, что даже у точных наук, «несмотря на свой точный характер», основные положения «формулировались и развивались все-таки применительно к потребностям буржуазного общества» [762, с. 63].

В этой книге для В.Я. Струминского важен Маркс не как ученый (политэконом, экономист) и даже не как философ, а как революционер. Отсюда сближение и отождествление Маркса с современными вождями – Лениным, Троцким, Бухариным. У В.Я. Струминского Маркс, марксисты – это «вожди», и надо обязательно выполнять их «руководящие указания» [762, с. 68]. Психологию В.Я. Струминский понимает как науку, которая изучает идеологию, «идеологическую жизнь сознания» ([762, с. 6]; см. также [762, с. 371-372].

В общем и целом у В.Я. Струминского резко негативное отношение к «старой» психологии. В качестве альтернативы у него выступает понятие «научная психология» [762, с. 10 и др.].

Основной пафос В.Я. Струминского – направленность против эмпирической психологии. В своей книге В.Я. Струминский собрал, наверное, все (или почти все) критические высказывания о психологии – что в психологии кризис, что в ней «нет почти ничего прочного и устойчивого» [762, с. 12] и т.п. Для самого В.Я. Струминского основная проблема – это создание новой идеологии. Коротко говоря, В.Я. Струминский выступает против сознания [762, с. 14 и др.]. Тезис об исходной, если можно так выразиться, неполноценности сознания В.Я. Струминский высказывает в книге многократно. Например, он пишет, что «сознание отражает бытие с опозданием и сплошь и рядом дает снимки неверные и обманчивые…» [762, с. 28], что психика, «разумеется, отстает и запаздывает» [762, с. 66 и др.]. Однако, заметим, такая точка зрения на сознание не мешает В.Я. Струминскому говорить о неотделимости друг от друга процессов познания и изменения действительности [762, с. 29].

Психику В.Я. Струминский трактует как особое, психическое бытие [762, с. 68]: «Психика – это особого рода бытие…», «психическое бытие» … [762, с. 66]. Один из важных тезисов В.Я. Струминского заключается в том, что для изучения «*психического бытия*» надо изучать не само это психическое бытие, а бытие (вообще, физическое, материальное) [762, с. 17]. Отсюда можно уже предвидеть логику В.Я. Струминского при решении психофизиологической проблемы: надо изучать не психику, а те физиологические (материальные,

физические) процессы, которые лежат в ее основе. Так В.Я. Струминский понимает монизм.

Итак, предмет ясен: идеология, идеи (в обществе), идеология классов, связь идей с политикой. А как же обстоит дело с методом? Марксистский метод В.Я. Струминский понимает как проведение аналогии между исследованием идеологии в работах Маркса, Энгельса, Троцкого и т.д. – и исследованием идеологии предшествующих формаций. Таким путем В.Я. Струминский легко обнаруживает буржуазию, народные массы, демократию и прочее уже в Афинском обществе, что напоминает соответствующие места из брошюр Э. Енчмена или работ советского историка-марксиста М.Н. Покровского.

Книга В.Я. Струминского получила резко негативные рецензии со стороны философов-марксистов (Г.К. Баммеля, А.И. Троицкого [см. 763] и др.). В статье «Марксизм в современной психологии» В.Я. Струминский пишет о том, что «в первое время» его книгу “Психология” «усиленно привлекали в качестве материала для студенческих докладов и рефератов, трактуя ее содержание как возвращение к вульгарному материализму» [765, с. 184]. Можно предположить, что речь идет о студенческих докладах и обсуждениях в стенах московского (челпановского, а затем корниловского) Психологического Института.

В 1926 г. В.Я. Струминский выступил с резко критикой взглядов К.Н. Корнилова. Дискуссия проходила на страницах журнала «Под знаменем марксизма»: сначала в третьем номере за 1926 г. была опубликована первая часть большой статьи В.Я. Струминского «Марксизм в современной психологии» [764], направленной главным образом против марксистской психологии К.Н. Корнилова. В следующем номере (1926, № 4-5) было опубликовано окончание статьи В.Я. Струминского [765], и тут же был напечатан ответ К.Н. Корнилова – статья «Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому)» [375]. В целом дискуссия оказалась весьма серьезной и обстоятельной: в совокупности все три дискуссионные статьи заняли сто страниц убористого журнального текста.

В конце статьи В.Я. Струминский раскрывает некоторые подробности, связанные с предысторией вопроса. В.Я. Струминский напоминает о своей книге «Психология» [762], о рецензиях на нее А.И. Троицкого и Г.К. Баммеля и о своем ответе Троицкому. В.Я. Струминский соглашается с «суровым отзывом» Троицкого, признавая «громадные недочеты» своей работы. Но, подчеркивает В.Я. Струминский, оба отзыва были даны со стороны философской [765, с. 183], «а психологи обошли полным молчанием работу» [765, с. 184]. По-видимому, прежде всего В.Я. Струминский имел в виду К.Н. Корнилова. Здесь же В.Я. Струминский рассказывает, как он пришел к К.Н. Корнилову (по-видимому, в 1923 или в 1924 гг.) за рецензией на свою «Психологию» (с целью выпустить книгу вторым изданием), но К.Н. Корнилов ответил отказом. Можно предположить, что это послужило В.Я. Струминскому одним из поводов для того, чтобы доказать, что взгляды и идеи К.Н. Корнилова не могут быть признаны марксистскими.

Поэтому ответные действия В.Я. Струминского – это, с одной стороны, апология собственных взглядов на то, какой должна быть психология с точки зрения марксизма, а с другой – контратака с целью доказать, что взгляды Корнилова и предлагаемые им решения ни в коей мере не могут считаться марксистскими. Соответственно, в статье В.Я. Струминского можно различать две части: во-первых, критику в адрес К.Н. Корнилова и, во-вторых, изложение своих взглядов на марксистскую психологию (которые можно сравнить с его более ранними взглядами в «Психологии», что и делает затем К.Н. Корнилов в ответе на критику В.Я. Струминского).

Статьи В.Я. Струминского и по объему (две статьи – свыше 70 страниц) и по месту публикации (журнал «Под знаменем марксизма») представляют собой наиболее развернутую критику марксистской психологии (реактологии) К.Н. Корнилова, причем с позиций марксизма. В последующем критика в адрес К.Н. Корнилова прозвучала только в 1929-1930 гг. в рамках рефлексологической дискуссии (причем намного менее нацеленная и развернутая) и в 1931 г. в ходе реактологической дискуссии, причем уже с новых партийных – марксистско-

ленинских – позиций (полемика К.Н. Корнилова и Г.М. Челпанова практически по всем основным вопросам была завершена уже к 1926 г.).

Если говорить об авторской позиции, заявленной В.Я. Струминским в статье «Марксизм в современной психологии» [764], [765], то следует подчеркнуть, что при всей своей критичности В.Я. Струминский с самого начала был согласен с К.Н. Корниловым относительно того, что современная психология расколота на субъективную и объективную, что субъективная и объективная психологии противоположны друг другу и что надо создавать марксистскую психологию (делать психологию марксистской). Но дальше, при трактовке и уточнении этих тезисов у В.Я. Струминского обнаруживаются серьезные разногласия с К.Н. Корниловым.

Признавая значимость и актуальность самой темы марксистской психологии, В.Я. Струминский критикует К.Н. Корнилова за «спекулятивные комбинации», выделяя три основные идеи К.Н. Корнилова – во-первых, относительно трактовки марксистской психологии как синтеза субъективной и объективной психологий; во-вторых, понимания материализма в психологии; в-третьих, значения диалектического метода для психологии.

Таким образом, оценка К.Н. Корнилова как психолога-марксиста определялась по трем вопросам: а) относительно «метода построения грядущей системы марксистской психологии в целом», б) «материалистической установки на объект психологического исследования», в) «конкретного применения диалектики к исследованию материалистически трактуемого объекта психологии» [764, с. 208]. О значимости для самого В.Я. Струминского каждого из этих пунктов можно судить по их объему: пункт «а» занимает 11 страниц, пункт «б» – 51 страницу (!), пункт «в» – 8 страниц. Таким образом, наибольшее внимание уделено второму пункту.

По первому пункту своей критики В.Я. Струминский резюмирует: «С изложенной выше точки зрения позиция проф. К.Н. Корнилова по вопросу о методе построения системы марксистской психологии в целом не может быть признана марксистской» [764, с. 217].

При этом В.Я. Струминский подчеркивает, что «если бы необходимо было диалектически подойти к построению новой системы психологии, то, конечно, нужно было бы начать с изображения диалектики человеческого поведения, а не с тех, только по видимости диалектических комбинаций, которые заменяют у проф. К.Н. Корнилова настоящую диалектику материализма» [764, с. 217-218].

Другими словами, В.Я. Струминский отказывает К.Н. Корнилову в материалистичности его диалектики. В плане понимания предмета психологии основной порок К.Н. Корнилова, по В.Я. Струминскому, состоит в признании психических процессов, а не поведения предметом психологии. Отсюда (и в этом) весь идеализм К.Н. Корнилова.

В начале раздела «Материалистическая установка на объект психологического изучения» [764, с. 218-233], [765, 140-174] В.Я. Струминский в соответствии со своим пониманием материалистической и идеалистической установок всех психологов делит на психологов-марксистов и не марксистов: «Марксист-психолог, изучая поведение человека, пытается в первую очередь подойти к этому поведению как к объективному факту в ряду других объективных фактов» [764, с. 218].

Психолог-немарксист, по В.Я. Струминскому, «имея перед собой тот же объект, т.е. факты человеческого поведения, воспринимает не эти факты сами по себе, а то освещение, то отражение, какое они получили в его собственном или чужом сознании и, таким образом, вместо действительности имеет дело с ее более или менее отдаленным отражением» [764, с. 218].

В этих словах для нас важно не само деление В.Я. Струминским всех психологов на марксистов и немарксистов, а то, какие критерии при этом используются. В этой связи В.Я. Струминский констатирует, что К.Н. Корнилов, идя к марксизму, «протаскивает с собой и старый багаж субъективной психологии, который с марксизмом, конечно, ничего общего не имеет» [764, с. 219]. Это отсутствие надлежащей (т.е. марксистской) материалистической установки у К.Н. Корнилова В.Я. Струминский видит в общем в следующих трех моментах: 1) К.Н. Корнилов на точку зрения марксизма становится не

полностью, во многих случаях ограничиваясь только словесными декларациями о слиянии психологии с марксизмом, 2) К.Н. Корнилов подвергает прямой критике «не только бесспорные материальные достижения последнего времени в области науки о поведении», но и 3) «некоторые принципиальные предпосылки материалистического мировоззрения, без которых уже нельзя говорить о марксизме» [764, с. 219].

Далее В.Я. Струминский показывает это конкретно по следующим пяти пунктам: а) «Отмежевание от врагов справа, или – шаг вперед, к марксизму, и два шага назад, к идеализму» [764, с. 219-225], б) «Психика по-марксистски» [764, с. 225-233], в) «Как для защиты идеалистических позиций могут быть используемы марксистские авторитеты?» [765, с. 140-147], г) «Борьба с вульгарным материализмом или отмежевание от друзей слева» [765, с. 147-153], д) «Особая качественность психики и движение материи» [765, с. 153-174].

Следовало бы проследить, в какой мере эти пункты пересекаются с челпановскими в критике взглядов К.Н. Корнилова, но В.Я. Струминский критикует так, как будто раньше никто не критиковал К.Н. Корнилова – ни В.М. Бехтерев, ни Г.И. Челпанов, ни кто-либо еще.

Последовательно конкретизируя каждый из этих пунктов, В.Я. Струминский стремится показать, что у К.Н. Корнилова вместо освобождения от «старого субъективистического хлама» [764, с. 228] и «отмежевания» от субъективной психологии осуществляется ее протаскивание под видом марксистской и идет критика «бесспорных достижений в области материалистической науки о поведении, например, метода Павлова» [764, с. 225]. В.Я. Струминский прямо обвиняет К.Н. Корнилова в том, что тот, выступая от имени марксизма, остается верен в психологии «старым традициям идеализма» [764, с. 255]. В.Я. Струминский насчитывает три камня, «которые кладутся проф. Корниловым в основу будущей марксистской психологии» [764, с. 230]: реальность психики, ее непространственность, значимость самонаблюдения. В.Я. Струминский подчеркивает, что эти камни и в

трансформированном своем виде носят все следы своего идеалистического происхождения» [764, с. 230].

Суть критики В.Я. Струминским логических построений К.Н. Корнилова хорошо видна в вопросах: «Чем все это отличается от старой субъективной психологии и от идеалистической метафизики? И на каком основании мы стали бы называть эти построения марксистскими?» [764, с. 231].

В.Я. Струминский саркастично замечает, что в марксистской психологии (реактологии) по К.Н. Корнилову «никакой помеси нет», так как от марксизма здесь только термины, сочетающиеся с позициями «старой субъективной психологии». В целом построения К.Н. Корнилова не имеют ничего общего «ни с марксизмом, ни с объективной наукой о поведении» [764, с. 231].

Главным авторитетом в деле «отбрасывания» «всевозможных субъективных примышлений» для В.Я. Струминского выступает «гениальный физиолог И.П. Павлов». При этом, заметим, В.Я. Струминский не видит ничего странного в поиске решения *психологических* проблем у *физиолога* Павлова.

Попытку К.Н. Корнилова представить «эту субъективную реальность как нечто равноправное с объективной реальностью..., как нечто неотделимое от объективного мира должна быть квалифицируема как попытка абсолютно реакционная в науке» [764, с. 233]. Эта «старая сказка о субъективной, внутренней стороне бытия» [764, с. 233], пишет В.Я. Струминский, еще недолго проживет, как бы ее не пропагандировали защитники субъективной психологии (очевидно, прежде всего К.Н. Корнилов) и «как бы ни прикрашивали они ее под цвет марксизма» [764, с. 233].

Так В.Я. Струминский заканчивает первую часть своей статьи. Окончание (вместе с ответной статьей К.Н. Корнилова) было опубликовано в следующем номере журнала «Под знаменем марксизма» [765]. Казалось бы, все уже ясно из предыдущих 27 страниц, приговор объявлен, но В.Я. Струминский продолжает свою критику еще на 45 страницах [765], конкретизируя свой общий вывод о немарксизме и даже реакционности взглядов К.Н. Корнилова.

Позиция В.Я. Струминского заключается в том, что К.Н. Корнилов «материалистическую формулу» пытается «использовать для обоснования идеалистического уклона в психологии» [765, с. 141]. Характерно, что В.Я. Струминский отождествляет понятия у К.Н. Корнилова и Г.И. Челпанова [765, с. 162]. Наивный, вульгарный материализм по К.Н. Корнилову – это и есть материализм Бюхнера по Г.И. Челпанову, т.к. в обоих случаях психика понимается как материальный процесс. В то же время диалектический материализм по К.Н. Корнилову тождественен материализму Спинозы и Фейербаха (по Г.И. Челпанову), ибо здесь в обоих случаях психика трактуется как нечто особое, несводимое к движению материи.

В.Я. Струминский открывает секрет Полишинеля, который заключается в том, что принципиальные позиции Корнилова – марксиста и его К^{o} «изумительно совпадают» с точкой зрения ... идеалиста – Г.И. Челпанова [765, с. 162], говоря, что и Г.И. Челпанова, и у К.Н. Корнилова «бесспорная качественность психики трактуется как самостоятельная и несводимая ни к чему другому реальность» [765, с. 163], а это уже идеализм, субъективизм и т.д.

Подводя итоги предпринятой им «проверки тех позиций, которые пытаются занять современные представители “марксистской психологии”», В.Я. Струминский еще подчеркивает, что К.Н. Корниловым «марксизм используется для обоснования явно реакционных позиций в психологии» [765, с. 183]. В.Я. Струминского особо задевает то, что К.Н. Корнилов, «объявляя с именем марксизма на устах войну врагам справа, ... на самом деле все время борется против врагов слева» [765, с. 183]. Фактически К.Н. Корнилов защищает («протаскивает») старую, субъективную психологию, привлекая для этого марксизм. При этом К.Н. Корнилов решает свою задачу, «используя все возможные спорные пункты и вопросы как в марксизме, так и в психологии» [765, с. 183].

В ответной статье «Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому)» К.Н. Корнилов тщательно (на двадцати восьми страницах) разбирает (и, естественно, разбивает) все аргументы

В.Я. Струминского. Противники оказались достойны друг друга: по ходу дискуссии К.Н. Корнилов, приводя множество цитат из работ Г.В. Плеханова, Н.И. Бухарина и Ф. Энгельса, обвиняет своего противника в тех же самых смертных грехах, которые звучали и у В.Я. Струминского – в подмене тезисов, извращении позиций, передергивании, неправильном цитировании и неправильном толковании цитат, «утверждении заведомой лжи» и т.п.

Главный прием и контраргумент К.Н. Корнилова состоял в том, что он вписывал дискуссию с В.Я. Струминским в более широкий контекст – в находившуюся тогда в полном разгаре дискуссию между «диалектиками-деборинцами» и представителями «механического материализма».

В качестве основных признаков механистического материализма, представляющего собой, ни много ни мало, «уклон от позиций ортодоксального марксизма», К.Н. Корнилов указывает «антидиалектичность в понимании природы» и «ревизионизм в отношении к основоположникам марксизма» [765, с. 185] и, «следуя в своей статье шаг за шагом за механистами в естествознании, В. Струминский по существу повторяет их аргументацию в применении к психологии» [765, с. 186].

В итоге К.Н. Корнилов делает вывод о том, что «как механисты-естественники пришли к отрицанию философии, отождествляя ее с современным естествознанием, так механист-психолог В. Струминский пришел к отрицанию психологии, отождествляя ее с физиологией» [765, с. 200], и в этой связи К.Н. Корнилов прямо сближает позицию В.Я. Струминского с позицией Э.С. Енчмена (к тому времени уже полностью раскритикованного и сошедшего со сцены) – ибо в обоих случаях налицо стремление «растворить социологию в биологии» [765, с. 211].

В целом рассмотренная дискуссия, несмотря на подробное обсуждение множества отдельных частностей и деталей, носила весьма абстрактный и схоластический характер. Тем не менее она интересна тем, что показывает одинаковую слабость К.Н. Корнилова и В.Я. Струминского как психологов-марксистов в позитивной части, но, вместе с тем, их большую разрушительную

силу в плане критики. В любом случае полемика вряд ли прибавила авторитет К.Н. Корнилову. В настоящее время критические аргументы обеих сторон вполне могут быть использованы при оценке слабых мест и сильных сторон формировавшихся тогда марксистских позиций в психологии.

§ 4. Полемика Л.С. Выготского с Г.И. Челпановым

В качестве еще одного значимого элемента, входящего в тенденцию «от психологии субъективной к психологии марксистской» в отечественной психологической науке 1920-х гг., следует рассматривать «заочную» полемику между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым, содержащуюся в ряде их отдельных работ.

В современных работах можно найти самые высокие оценки Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова – выдающихся отечественных ученых-психологов, организаторов науки и лидеров научных школ. Но как соотносятся по своим научным взглядам и убеждениям эти две столь значимые для нас фигуры друг с другом? Должны ли мы в вопросе о своих исторических корнях по-прежнему исходить, как это было принято в не столь уж давние советские времена, из признания неразрешимого антагонизма между Г.И. Челпановым и Л.С. Выготским и, соответственно, ограничиваться чем-то одним: либо мы «челпановцы», либо – «выготчане»?

Или же следует исходить из того, что у Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского было нечто их сближающее и объединяющее – нечто общее, что позволило бы нам сейчас не противопоставлять Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского и их научные школы друг другу, а рассматривать их в исторической связи и единстве и на законных основаниях считать себя, таким образом, наследниками и продолжателями дела *обоих* ученых [912]? Можем ли мы, другими словами, видеть здесь не противопоставление, разрыв и раскол, а, наоборот, сохранение и продолжение традиции, связь и единство?

Трудность при разрешении этой дилеммы состоит прежде всего в том, что если в работах Л.С. Выготского фамилия Г.И. Челпанова упоминается довольно

часто, то в работах Г.И. Челпанова 1920-х гг. ссылок на Л.С. Выготского нет. Дополнительную трудность в поисках общего между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым придает то обстоятельство, что работа Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», о которой и пойдет речь ниже (в других работах Л.С. Выготского можно найти лишь самые краткие упоминания о Г.И. Челпанове), была впервые опубликована только в 1982 г. [215]. Вследствие этого у Г.И. Челпанова, естественно, не было никакой возможности ознакомиться с ней и дать ответ в своих последних публикациях 1924-1927 гг. Тем не менее и в имеющихся источниках обнаруживается достаточно информативный материал, позволяющий судить о взглядах Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова в их соотношении друг с другом.

Общее отношение Л.С. Выготского к Г.И. Челпанову. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский многократно упоминает фамилию Г.И. Челпанова. Общее отношение Л.С. Выготского к Г.И. Челпанову можно охарактеризовать как очень эмоциональное и личное, высвечивающее кардинальное несовпадение взглядов. Негативизм в выражениях и оценках, демонстрируемый при этом Л.С. Выготским, поражает своей нацеленной избирательностью, силой и экспрессивностью, резкостью и прямолинейностью. Примеров тому можно привести великое множество.

Л.С. Выготский характеризует Г.И. Челпанова как эмпирика, эклектика, популяризатора, консерватора и соглашателя (см. [215, с. 409]), причем всем этим определениям придается исключительно негативный смысл. Порочность взглядов Г.И. Челпанова проявляется в том, что он не приемлет нового, выступает против реформы психологии, «приноравливает» свои тезисы к текущему моменту, не видит и не понимает кризиса в психологии [215, с. 370], пытается отрицать все исторические тенденции развития психологии и сводит все проблемы только к терминологической революции [215, с. 419]. При обсуждении одного из важных вопросов Г.И. Челпанов демонстрирует «изрядную долю нижегородского провинциализма» [215, с. 426-427]. В другом случае Г.И. Челпанов использует такие аргументы и рассуждения, на которые

способен только «безграничный невежа или рассчитывающий на чужое невежество» [215, с. 429-430].

Не менее показательно и то, что, поднимая проблемы общей науки и общей психологии, отстаивая право рассуждать «просто о психологии» [215, с. 430] и анализируя различные эпитеты психологии (общая, научная, марксистская и др.), Л.С. Выготский упоминает работы Л. Бинсвангера, Г. Геффдинга, Г. Мюнстерберга, А.И. Введенского, В.Н. Ивановского, Н.Н. Ланге, но совсем не говорит о том, как ставил и решал эти проблемы Г.И. Челпанов. Л.С. Выготский совершенно не замечает у Г.И. Челпанова рассуждений о соотношении философии и психологии (близких, кстати, к рассуждениям охотно и с симпатией цитируемого Л.С. Выготским С.Л. Франка) и не касается того, как в работах Г.И. Челпанова обсуждаются понятия «философская психология» и «теоретическая психология», а также соответствующие проблемы. Для Л.С. Выготского И.П. Павлов оказывается более значимым авторитетом в психологии, чем В. Вундт – что уж тут говорить о Г.И. Челпанове! Л.С. Выготский даже защищает И.П. Павлова от критических высказываний со стороны Г.И. Челпанова (см. [215, с. 364-365]).

Л.С. Выготский стремится подчеркнуть несостоятельность Г.И. Челпанова во всем, даже в формально-логическом плане (не будем забывать, что Г.И. Челпанов был автором выдержавшего несколько изданий учебника логики). Так, например, с точки зрения Л.С. Выготского два утверждения Г.И. Челпанова – о том, что психология нуждается в предварительной (предваряющей) философской подстройке и о том, что психология должна быть свободна от какой-либо философии – противоречат друг другу. Точно также слова Г.И. Челпанова о том, что в основу объективных экспериментальных методов должен быть положен метод феноменологический [215, с. 385], противоречат раннее сделанному Г.И. Челпановым утверждению о том, что «психология только эмпирична, исключает по самой природе своей идеализм и независима от философии» [215, с. 386]. Случаи, когда Л.С. Выготский положительно

отзывается о Г.И. Челпанове, можно пересчитать по пальцам, причем речь в них идет о незначительных вопросах.

С нашей точки зрения, такое отношение Л.С. Выготского к Г.И. Челпанову во многом определялось имевшимися у Л.С. Выготского представлениями о психологии в целом. Все дело в том, что общее состояние современной психологии Л.С. Выготский оценивал как кризисное. Вообще, понятие «кризис» – одно из центральных в работе Л.С. Выготского. Оно содержится уже в названии работы и очень часто встречается в тексте.

Уже в самом начале работы Л.С. Выготский пишет о методологическом кризисе как о «некотором поворотном пункте» на пути развития психологии как «общей науки» [215, с. 292]. В другом месте Л.С. Выготский пишет о том, что «первое, от чего мы отправляемся, – это признание кризиса» [215, с. 370]. Л.С. Выготский хочет постичь объективный смысл «происходящего в психологии кризиса» [215, с. 324], овладеть «настоящим и верным смыслом происходящей катастрофы» [215, с. 324] и даже построить «теорию кризиса» [215, с. 377].

При этом на протяжении *всей* работы речь идет о кризисе исключительно как о негативном явлении – болезни науки, катастрофе в науке: исследуется «инфекция» и «патология» в науке [215, с. 355], рассматриваются «вопросы жизни и смерти» для психологии, психологии ставится «диагноз» [215, с. 356], указывается на то, что «смутное состояние языка в науке отражает смутное состояние науки» [215, с. 357], что «слово отражает общую болезнь науки» [215, с. 368]. Л.С. Выготский прямо пишет: «Мы уподобляли вслед за Спинозой нашу науку смертельно больному в поисках за безнадежным лекарством; теперь мы видим, что только нож хирурга может спасти положение. Предстоит кровавая операция; многие учебники придется разодрать надвое, как завесу в храме, многие фразы потеряют голову или ноги, иные теории будут разрезаны как раз по животу. Нас занимает только грань, линия разрыва – черта, которую опишет будущий нож» [215, с. 411]. Не менее показательны и слова Л.С. Выготского о

том, что «мы все время, не напоминая, держимся сравнения, подсказанного Спинозой, психологии наших дней с тяжелобольным» [215, с. 355].

Л.С. Выготский, таким образом, строит представление о развитии и функционировании психологии с помощью «медицинской метафоры»: психология больна, вследствие чего ей требуется поставить правильный диагноз и прописать адекватные средства лечения. При этом медицинская метафора в руках Л.С. Выготского выражается преимущественно в негативных определениях психологии, т.е. в подчеркивании того, чего у психологии нет по сравнению с другими, более развитыми науками – физикой, биологией, математикой, геометрией.

Кризис (он же болезнь) – таков безапелляционный вердикт Л.С. Выготского. А как же обстоит дело с преодолением кризиса, т.е. с лечением? И в этом пункте Л.С. Выготский настроен не менее решительно и революционно.

Ставя вопрос о том, «идет ли психология к соглашению или к разрыву» [215, с. 376], Л.С. Выготский отвергает выход из кризиса путем соглашения, примирения, синтеза, взаимного дополнения противоборствующих точек зрения. Сведя все многообразие «психологий» к двум психологиям, а взаимоотношения между ними – исключительно к противопоставлению и противоборству, Выготский спрашивает: «Но как возможна *одна* наука о *двух* принципиально, качественно разнородных и несводимых категориях бытия?» [215, с. 398]. В этом вопросе Л.С. Выготский отстаивает тезис о разрыве и расколе внутри психологии и выживании только одной из противоположных точек зрения. Отметим, что тезис о двух психологиях был уже в то время банален. Да и сам Л.С. Выготский это осознавал, констатируя: «В сущности, мы пришли к давно установившемуся в нашей науке мнению о глубокой двойственности ее» [215, с. 386]. Также без обиняков и уверток Л.С. Выготский отмечает в работе, что «историческая и методологическая догма о растущем разрыве двух психологий как формула динамики кризиса» «оспаривается многими» [215, с. 393].

Указывая, что смысл кризиса понимают по-разному, Л.С. Выготский выделяет ряд «важнейших типов истолкования этого смысла» [215, с. 370]. Те, кто не видит кризиса – это эмпирики, эклектики, популяризаторы [215, с. 370]. По этой классификации Торндайк, Пиллсбери и Коффка – это эклектики, пытающиеся осуществить синтез старого и нового языков, тенденций, противоборствующих сил [215, см. с. 359]. Челпанов здесь, что характерно, един в трех лицах, являясь объектом критики по всем направлениям, но прежде всего он не приемлющий нового эклектик. Если же попытаться свести воедино все высказывания Л.С. Выготского о том, как известные психологи относились к кризису, то окажется, что Титченер был эклектиком, В. Вундт ошибался и потерпел неудачу в привнесении метода эксперимента в психологию, У. Джемс ждет своего Галилея в психологии, Н.Н. Ланге видит кризис, но не понимает его сущности, В.А. Вагнер тоже видит кризис, но представляет «всю картину в ложном свете» [215, с. 376]… – а Г.И. Челпанов вообще не видит кризиса.

При этом жало проводимой Л.С. Выготским критики направлено против дуализма. Дуализм в психологии, по Л.С. Выготскому, – это и есть сущность кризиса в психологии. Дуализм есть настоящая причина кризиса, т.е. болезни, катастрофы в современной психологии. Но где же тогда, спросим, анализ работ В. Вундта, У. Джемса, Г.И. Челпанова и других представителей эмпирической психологии, в которых они ставят этот вопрос о дуализме и предлагают свои решения, оценивая гипотезы параллелизма и взаимодействия? Что писали эти авторы об исходной проблеме, как они разрешали для себя «основной вопрос психологии»? Парадоксальным образом Л.С. Выготский сначала не замечает всю уже имеющуюся традиционную методологию психологии, а затем с жаром начинает доказывать, что решение методологических вопросов в психологии – это «вопрос жизни и смерти», что необходимо создание методологии психологии и т.д.

Обратим внимание, что Л.С. Выготский, критикуя Г.И. Челпанова, фактически критикует всю эмпирическую психологию. Это означает, что отношение Л.С. Выготского к Г.И. Челпанову во многом определялось

отношением к эмпирической психологии вообще. При этом Л.С. Выготский изначально отбрасывает тезис о существовании психологии как единой науки даже на уровне самых общих принципов – в частности, принципа эмпиризма.

Выготский прямо пишет: «Обычно эмпиризм принимают на веру, без дальнейшего анализа, и трактуют все многообразие психологий как некоторое принципиально осуществленное научное единство, имеющее общий фундамент, – и все разногласия понимаются как вторичные, происходящие внутри этого единства. Но это ложная мысль, иллюзия. На деле эмпирической психологии как науки, имеющей хотя бы *один* общий принцип, нет, а попытка создать ее привела к поражению и банкротству самой идеи создать только эмпирическую психологию» [215, с. 377].

Для Л.С. Выготского история психологии (точнее, та ее часть, которая непосредственно соприкасается с современной психологией) начинается с 1910-х гг. – в виде бихевиоризма, психоанализа и других современных теорий и подходов. Поэтому вполне закономерно, что когда Л.С. Выготский указывает четыре основные психологические идеи (психоанализ, рефлексология, гештальтпсихология, персонализм) (см. [215, с. 306]), среди них отсутствует эмпирическая психология и ее идея (сознание, психика, интроспекция, ассоциация и т.п.).

Более того, эмпирическая психология относится к современной психологии также, как алхимия к химии или астрология – к астрономии (тезис Д. Уотсона, очевидно, разделяемый и самим Л.С. Выготским). Эмпиризм в психологии ведет к эклектике [215, с. 380], у эмпирической психологии «перешиблен хребет», ее «методологическая конструкция» порочна [215, с. 381]. «Что же такое эмпиризм современной психологии? Прежде всего, это понятие чисто отрицательное и по историческому происхождению, и по методологическому смыслу, и по тому одному не может объединять что-либо» [215, с. 377]. Эмпиризм, подчеркивает Л.С. Выготский, цитируя Введенского, означает «отказ от выбора определенного философского принципа, отказ выяснить свои конечные посылки, осознать собственную научную природу» [215, с. 378].

Тем самым эмпирическая психология, указывает далее Л.С. Выготский, хочет уподобить себя естествознанию, но про естествознание нельзя сказать, что оно и не материалистично, и не идеалистично (что оно «приемлемо» для этих направлений, как говорится в цитате А.И. Введенского).

На самом деле, утверждает Л.С. Выготский, опираясь на понимание материализма по Ленину, естествознание «стихийно материалистично». Л.С. Выготский приводит также ленинское суждение о том, что признание в качестве предпосылки «объективно, вне нас закономерно существующей и познаваемой действительности» есть «существо материализма» [215, с. 378]. В другом контексте Л.С. Выготский восклицает: «Где границы между материализмом и идеализмом? Есть психологические теории и даже много учебников, которые, несмотря на то что говорят только об элементах сознания, бездушнее, бессмысленнее, тупее, материалистичнее, чем растущее дерево» [215, с. 395]. Вряд ли стоит сомневаться, что это отношение Л.С. Выготского к учебникам по психологии может быть полностью перенесено и на учебники Г.И. Челпанова.

Крайности, с точки зрения Л.С. Выготского – это А.И. Введенский (только интроспекция) и В.М. Бехтерев (только объективный метод). Аналогичным образом – указывая крайности – Выготский поступает при определении границы между материалистической и идеалистической психологией: «Мы утверждаем, что эта линия проходит между формулой Гуссерля и Фейербаха» [215, с. 411]. Ясно, что Г.И. Челпанов со своей средней, неопределенной, промежуточной и эклектической позицией попадает в поле зрения только во вторую очередь.

Позиция Г.И. Челпанова. Впервые фамилия Г.И. Челпанова упоминается только на 345-й странице работы, и это неслучайно, ибо для Л.С. Выготского эмпирическая психология была всего лишь одной из школ, причем школой, уже отжившей свое. Ведь для В. Вундта эксперимент – «корректив самонаблюдения», «эксперимент не расширяет познания, а контролирует его» [215, с. 346]. «Ошибка Вундта» [215, с. 351] состояла в том, что надо было освободиться от интроспекции, а не связывать себя ею. Кроме того, В. Вундт

«слепо» (?!) перенес метод эксперимента, математический метод из естественных наук в психологию, что означает «полное бессилие перед изучаемыми явлениями» [215, с. 354]. «Только эмансипация от интроспекции, выключение ее, как глаза в физике; только разрыв и выбор одной психологии дают выход из кризиса» [215, с. 393].

Но разве Г.И. Челпанов не утверждал (а вслед за ним и К.Н. Корнилов с П.П. Блонским), что самонаблюдение – это вовсе не единственный метод, что самонаблюдение необходимо проводить под контролем объективных методов?! Здесь самое время перейти к рассмотрению позиции Г.И. Челпанова по всем этим вопросам.

В целом создается впечатление, что у Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова речь идет о каких-то двух совершенно разных психологиях. Если и можно у Г.И. Челпанова в дореволюционных работах и в работах 1920-х гг. найти какую-либо метафору, то это будет вовсе не медицинская метафора. Психологическая наука у Г.И. Челпанова – это здоровый, развивающийся организм, это наука, которую ждет блестящее будущее в XX столетии.

В 1926 г. Г.И. Челпанов писал: «Для меня нет никакого сомнения в том, что психологии в будущем принадлежит первенствующее место среди других наук. Если XVIII век был веком «просвещения», если XIX век был веком «естествознания», то XX век будет веком «психологии». Огромные социальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии. Научная мысль будет направлена на изучение не природы, а человека. Не природа, а человек и его социальная структура будет главным предметом научного интереса» [857, с. 4].

Как видим, по Г.И. Челпанову психология – наука о сознании, изучаемом с помощью интроспекции. При этом психология, как и любая другая наука, развивается кумулятивно и постепенно, расширяя свою область, накапливая материал, выдвигая все более совершенные теории. Поэтому смысл всей полемики с многочисленными оппонентами – В.М. Бехтеревым, П.П. Блонским, К.Н. Корниловым, Н.Н. Ланге, А.П. Нечаевым и другими – для Г.И. Челпанова

заключался в том, чтобы не просто отстоять свое представление о науке, а отстоять психологию как самостоятельную науку, защитить ее от редукционистских, как мы сказали бы сейчас, тенденций, т.е. от попыток свести ее к физиологии, рефлексологии, физике или биологии, полностью растворить ее или же сделать ее составной частью, одним из разделов этих наук.

Понятно, что из столь различных исходных диагнозов (у одного врача пациент практически здоров, у другого – тяжело болен) вытекают столь же различные средства и способы лечения, а также представления о ближайших и отдаленных перспективах в судьбе «пациента». Точки несовпадения взглядов Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова налицо: во-первых, Г.И. Челпанов никогда не оценивал состояние современной психологии как кризисное; во-вторых, Г.И. Челпанов видел разрешение определенных проблем психологии не в разрыве, расщеплении психологии на две (с дальнейшей победой одной из них), а в синтезе, объединении и примирении.

Заметим, что Л.С. Выготский пишет об эклектике в психологии, когда говорит, например, о попытках соединить К. Маркса и З. Фрейда, и сам не хочет быть эклектиком. Но ведь того же не хочет, только на свой лад, и Г.И. Челпанов! Позиция Г.И. Челпанова (в изложении Л.С. Выготского): не нужно никакой реформы психологии, в крайнем случае, можно ограничиться терминологической революцией; но простая смена терминологии и перемена слов – это «смешное дело» [215, с. 359].

В этой связи напомним, что исходный тезис Г.И. Челпанова заключался в утверждении, что психология не больна, она вообще не находится в кризисе и тупике. Г.И. Челпанов и до революции, в отличие от Ланге и Франка, не писал о кризисе в психологии. Почему же ему надо было это делать в 1920-е гг.? Далеко не у всех психологов, занимавшихся глобальными проблемами психологии как до революции, так и уже в 1920-е гг., было «кризисное» мышление.

Л.С. Выготский выступает в роли спасителя психологии, которая оказалась в кризисе, и чем сложнее задача, тем величественнее его подвиг по спасению психологии из кризиса, пропасти, тупика. У Г.И. Челпанова дело обстоит по-

другому: психология не находится ни в каком тупике и кризисе, ни в какой пропасти. Проблемы, конечно, есть (в частности, терминологические и идеологические), но в целом все идет как надо, постепенный прогресс налицо и психологию в XX веке ждет блестящее будущее. Может быть, именно из-за такой разницы в «диагнозе» (откуда автоматически следует разница и в курсе «лечения») Г.И. Челпанов был органически невыносим для Л.С. Выготского.

Г.И. Челпанов с самого начала дискуссии с новоявленными психологами-марксистами (К.Н. Корниловым, П.П. Блонским и другими) ясно осознал значение терминологического аспекта проблемы «психология и марксизм». Основным приемом и защиты, и нападения для Г.И. Челпанова стало последовательное различение двух видов материализма – по Марксу и вульгарного. Г.И. Челпанов доказывал, что его психологические взгляды соответствуют марксизму, а воззрения психологов-марксистов на психику являются вульгарно-материалистическими. Вслед за своими критиками возвращаясь к взглядам и оценкам, высказанным ранее в книге «Мозг и душа», Г.И. Челпанов, в частности, писал: «Я отвергал материализм Бюхнера (а его отвергал и Маркс) и признавал материализм Спинозы (Маркса). Но до 1922 г. мы называли материализмом вульгарный (Бюхнера), а с 1922 г., по примеру Маркса и Энгельса, мы должны (по старой терминологии) и психофизический параллелизм называть материализмом, но должны в то же время решительно отличать этот материализм от материализма Бюхнера» [855, с. 30].

Л.С. Выготский, что характерно, по этому поводу вынужден был признать: «Не так уж не прав Челпанов, когда говорит, что до 1922 г. он называл эту доктрину параллелизмом, а с 1922 г. – материализмом. Он был бы вполне прав, если бы его философия не была приноровлена к сезону несколько механически» [215, с. 368]. Но был ли у Г.И. Челпанова другой способ заявить свою позицию, оставаясь одновременно в рамках науки, философии и официальной (т.е. обязательной) идеологии?! Здесь мы выходим на некоторые принципиально важные общие моменты во взглядах Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова.

Общее во взглядах Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова. Развивая мысль о необходимости создания методологии психологии, Выготский писал: «К. Маркс назвал “Капитал” критикой политической экономии. Вот такую критику психологии хотят перепрыгнуть ныне. “Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма” (см. [376] – *С.Б.*), в сущности, должно звучать также, как “Учебник минералогии, изложенной с точки зрения формальной логики”. Ведь это само собой разумеющаяся вещь – рассуждать логически не есть особенность данного учебника или всей минералогии. Ведь диалектика не есть логика, даже шире. Или: “Учебник социологии, с точки зрения диалектического материализма”, вместо “исторического”. Надо создать теорию психологического материализма, и нельзя еще создавать учебники диалектической психологии» [215, с. 421].

Г.И. Челпанов, со своей стороны, доказывал, что эмпирическая психология не противоречит требованиям марксистской философии. Но это не означало, однако, для Г.И. Челпанова, что марксизм вообще не находит в психологии никакого применения. Сферой приложения марксизма в психологии Г.И. Челпанов считал социальную психологию.

В своей первой полемической работе «Психология и марксизм», которая была издана в 1924 г., но была написана по следам устных дискуссий, начавшихся еще во второй половине 1922 г., Челпанов писал: «Специально марксистская психология есть психология социальная, изучающая генезис “идеологических форм” по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме. В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно такие психологические исследования. Они будут представлять собой марксистскую психологию в собственном смысле этого слова. Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т.п.» [855, с. 26-27].

Налицо, как видим, сходство позиций Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского в вопросе о сущности и понятии марксистской психологии. Оба ученых фактически утверждают одно и то же: нет нужды в этом определении (в конструировании какой-то особой «марксистской психологии»), речь должна идти о психологии вообще.

Не менее показателен и вопрос о соотношении психологии и философии, где Л.С. Выготский критикует идею Г.И. Челпанова и о надстройке и подстройке. Именно, Л.С. Выготский утверждает, что два тезиса Г.И. Челпанова противоречат друг другу: (1) психология нуждается в подстройке, т.е. в философских понятиях, терминах «до психологии» и (2) психология должна быть свободна от какой бы то ни было философии (см. [215, с. 379]). Однако если эту подстройку понимать как систему, то фактически это то, что Л.С. Выготский называет опосредующей теорией, методологией. Эту философию в психологии Л.С. Выготский называет общей наукой, общей психологией, методологией психологии, диалектикой психологии, опосредующей теорией, теорией психологического материализма [215, с. 419-420]. Г.И. Челпанов называет ее общей психологией, философской психологией, философской подстройкой, психофизическим материализмом.

Л.С. Выготский не замечает, что то, к чему он призывает – создание общей психологии, методологии и диалектики психологии – по сути своей является непосредственным продолжением и развитием проблем эмпирической психологии, только, естественно, на новом этапе, в новых условиях, на другом эмпирическом материале, являющемся и более обширным, и более разноплановым, чем двадцать или тридцать лет назад.

Л.С. Выготский ставит вопрос так, как будто вообще нет и не было в психологии никакой общей психологии, никто ранее в психологии не ставил философских и методологических вопросов и т.п. В лучшем случае, признавая наличие в прошлом таких исследований, Л.С. Выготский относится к ним как к не заслуживающему внимания старому и устаревшему, сегодня уже не имеющему никакого значения материалу.

Что интересно, в одном месте Л.С. Выготский пишет о том, что различные теории в геометрии – Евклида, Лобачевского, Римана – не развенчивают в ходе развития науки одна другую, а сосуществуют, дополняя друг друга (см. [215, с. 371]). Вполне закономерно, что в конечном счете Л.С. Выготский, говоря о «камне, который презрели строители», приходит к тому же тезису, что и Г.И. Челпанов – о пользе и необходимости философии для психологии.

Позицию Г.И. Челпанова Л.С. Выготский характеризует как путь, который приведет «к попытке отрицать все исторические тенденции развития психологии, к терминологической революции, – короче, к грубому искажению и марксизма, и психологии. Это и есть путь Челпанова. Не навязывать природе диалектические принципы, а находить в ней – формула Энгельса здесь сменяется обратной: в психологию вводятся принципы диалектики извне. Путь марксистов должен быть иным» [215, с. 419].

Каким же должен быть путь марксистов в психологии, с точки зрения Л.С. Выготского? Выготский пишет: «Непосредственное приложение теории диалектического материализма к вопросам естествознания, и в частности к группе наук биологических и к психологии, невозможно, как невозможно непосредственно приложить ее к истории и социологии. У нас думают, что проблема “психология и марксизм” сводится только к тому, чтобы создать отвечающую марксизму психологию, но на деле она гораздо сложнее. Так же как история, социология нуждается в посредующей особой теории исторического материализма, выясняющей конкретное значение для данной группы явлений абстрактных законов диалектического материализма. Так точно нужна еще не созданная, но неизбежная теория биологического материализма, психологического материализма как посредующая наука, выясняющая конкретное применение абстрактных положений диалектического материализма к данной области явлений». Заканчивает это рассуждение Л.С. Выготский выводом: «Диалектика охватывает природу, мышление, историю – она есть самая общая, предельно универсальная наука; теория психологического

материализма или диалектика психологии и есть то, что я называю общей психологией» [215, с. 419-420].

Г.И. Челпанов, со своей стороны, в своей последней полемической работе «Спинозизм и материализм» [858] пришел к идее об особом «психофизическом материализме», видя в этом понятии разрешение проблемы. В предисловии к брошюре (которая еще не была опубликована, когда Л.С. Выготский писал свою работу) Г.И. Челпанов писал: «Мне неоднократно ставили в упрек, что я, пытаясь установить характер материализма Маркса, совершенно не касаюсь вопроса о диалектическом материализме. Делал я это потому, что, по моему мнению, разъяснение понятия диалектического материализма у Маркса совсем не дает ответа на вопрос о сущности марксистской психологии. Нужно дать себе ясный отчет о существенном различии между двумя видами материализма: диалектическим и психофизическим. Диалектический материализм относится ко всей действительности, а психофизический материализм только к некоторой вырезке действительности – именно к психической области» [858, с. 4].

В виде тезисов Г.И. Челпанов выражает свою мысль следующим образом: «При определении места психологии в системе марксизма следует пользоваться не понятием диалектического материализма, а понятием психофизического материализма, так как закон диалектического развития, будучи универсальным законом, не указывает специфических признаков, присущих психической области» [858, с. 45].

Л.С. Выготский, как мы убедились, считал несколько по-иному. У Л.С. Выготского первичным был тезис о кризисе в психологии, а вопрос о месте и роли марксизма в его преодолении – вторичным. Л.С. Выготский утверждал, что психология находится в кризисе, для выхода из которого надо создавать методологию психологии, особую общепсихологическую теорию, и марксизм здесь может быть использован при построении этой теории в качестве средства и образца для подражания, указывая при этом на «Капитал» К. Маркса.

В отличие от Г.И. Челпанова, понимающего марксизм как мировоззрение, т.е. совокупность различных воззрений (научных, философских, политических),

Л.С. Выготский, различая в марксизме философию и науку, уходит от анализа воздействия марксизма в качестве идеологии на психологию. Л.С. Выготский сознательно оставлял как не заслуживающую внимания борьбу в СССР на идеологическом фронте, борьбу в психологии в контексте этой общегосударственной борьбы, факты идеологического принуждения и насилия в сфере науки и философии в 1920-е гг. в СССР. Л.С. Выготский даже иронизировал над словами Г.И. Челпанова о том, что некоторые лица (Г.И. Челпанов имел в виду В.М. Бехтерева, П.П. Блонского и К.Н. Корнилова) затеяли реформу психологии с помощью марксизма, и в этом состоит вся проблема. Л.С. Выготский возражал против такой трактовки, подчеркивая, что о необходимости реформ в психологии в связи с кризисом в ней писали и пишут сейчас за рубежом Д. Уотсон, Г. Мюнстерберг, Л. Бинсвангер, а в России еще до революции писали Н.Н. Ланге, С.Л. Франк, В.А. Вагнер.

Таким образом, в вопросе о значении марксизма для психологии и о марксистской психологии позиции Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова, различаясь по форме, содержательно были во многом близки. Оба они считали необходимым доказать (а не принимать на веру или брать в качестве аксиомы) тезис о том, что марксизм нужен психологии – в отличие, например, от К.Н. Корнилова, который приятие марксизма и возможность построения марксистской психологии основывал на идеологических соображениях и субъективной убежденности в правоте своих новаторских идей.

Г.И. Челпанов всячески убеждал своих оппонентов, что психология уже является научной, уже соответствует марксизму, поэтому в ней ничего менять не надо. Г.И. Челпанов утверждал, что можно обойтись без марксизма, так как психология соответствует марксизму – точнее, марксизм соответствует психологии (впрочем, добавлял Г.И. Челпанов, в определенных вопросах, касающихся психологии, марксизм должен быть дополнен и исправлен, чтобы соответствовать современному уровню психологических знаний).

Л.С. Выготский об этом говорил по-другому, но по сути логика у Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского одна и та же: марксизм (диалектический

материализм) является знанием абстрактным, поэтому необходимо опосредующее звено, которое Г.И. Челпанов называл «психофизическим материализмом», а Л.С. Выготский – «психологическим материализмом». Трудно найти более убедительное доказательство, свидетельствующее о принципиальном сходстве взглядов Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова.

Переходя к выводам и обобщениям, выделим следующие важные моменты.

1. Проведенное исследование позволило осуществить историко-научную реконструкцию «заочной» (в реальности не состоявшейся) дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым по ключевым проблемам психологии: относительно кризиса в психологии, значения философии вообще и марксистской философии в частности для психологии, дальнейших перспектив развития психологической науки. На основе анализа работы Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» и работ Г.И. Челпанова 1920-х гг. мы вскрыли основные причины расхождения научных взглядов Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова, а также продемонстрировали близость и даже совпадение их взглядов по отдельным принципиальным вопросам.

2. Детальное изучение вопросов, по которым Л.С. Выготский противопоставляет свои взгляды взглядам Г.И. Челпанова, показывает, что во многих случаях в глубине лежит не различие, а сходство и совпадение этих взглядов. Это совпадение не могли нивелировать даже такие сильнодействующие факторы, как марксизм и общая идейно-политическая атмосфера в стране в 1920-е гг. Поэтому при рассмотрении соотношения взглядов Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского обе крайности (либо полное противопоставление, либо преемственность и единство) являются односторонними. Внешнее противопоставление не должно заслонять от нас внутреннего единства.

3. В России в 1920-е гг. произошел разрыв, разлом между русской дореволюционной и последующей советской психологией, конкретным выражением чего может служить, с одной стороны, Г.И. Челпанов, а с другой – Л.С. Выготский. В значительной мере характер связи между ними можно

обобщить и перенести на отечественную психологию в целом: если мы видим только разрыв, разлом, противоречивость, противопоставление между Г.И. Челпановым и Л.С. Выготским, то это можно сказать и об отношениях между русской дореволюционной и советской (1920-х гг. и последующих десятилетий) психологией. Но на самом деле у нас есть не меньше оснований и для того, чтобы видеть между Г.И. Челпановым и Л.С. Выготским преемственность, традицию, нечто общее, единое, их сближающее. А это значит, что точно также мы можем охарактеризовать и отношение между русской дореволюционной и последующей советской психологией.

4. Подводя итоги заочной дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым, следует сказать, что те или иные сходства и различия во взглядах Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского являются, как мы сейчас понимаем, производными от более общего явления, заключающегося в том, что марксистская (советская) психология – впрочем, как и вся мировая психология двадцатого века в период открытого кризиса (в первой трети XX в.) – не только от многого отказалась, но и многое взяла из предшествующей эмпирической психологии.

§ 5. Дискуссия М. Окуня с Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым

В советской историографии психологии есть одно странное противоречие: при описании событий 1920-х гг. все время речь идет о двух основных борющихся в психологии лагерях – материалистическом (во главе с К.Н. Корниловым) и идеалистическом (во главе с Г.И. Челпановым), но если в качестве представителей материалистического лагеря при этом упоминается еще целый ряд фамилий помимо самого К.Н. Корнилова, то из представителей идеалистического лагеря за исключением Г.И. Челпанова конкретно и напрямую не указывается никто! Лишь при самом тщательном и внимательном поиске (образно выражаясь, с помощью микроскопа) можно обнаружить еще нескольких, если пользоваться терминологией тех лет, «представителей немарксистского лагеря» – это А.П. Нечаев, Ю.В. Португалов и П.О. Эфрусси,

высказывавшие в 1920-е гг. отдельные критические замечания в адрес марксизма и марксистской психологии.

Тщательное изучение с этой точки зрения психологической литературы 1920-х гг. позволяет обнаружить еще одну фамилию: автором двух статей, содержащих прямую апологию ряда идей Г.И. Челпанова (правда, не всех идей и не по всем позициям), был некто М. Окунь [538], [539]. Изучение этих статей М. Окуня и связанных с ними полемических работ Ю.В. Франкфурта и К.Н. Корнилова дает основания утверждать, что дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым фактически (т.е. судя по публикациям) закончилась не в 1927 г., когда были опубликованы итоговые работы К.Н. Корнилова [377] и Г.И. Челпанова [858], а двумя годами позже.

Предысторию и актуальный контекст двух упомянутых статей М. Окуня в общем и целом можно реконструировать следующим образом.

В 1924 г. вышла в свет брошюра Г.И. Челпанова «Психология и марксизм» [853], в которой Г.И. Челпанов критиковал за неправильное (редукционистское, как мы сказали бы сейчас) понимание психики работы не только своего давнего оппонента В.М. Бехтерева, но и своих бывших учеников – П.П. Блонского и К.Н. Корнилова, имея в виду их работы, вышедшие в период 1917-1921 гг. [76], [81], [364]. Г.И. Челпанов писал: «Научная психология в России в 1922 году должна была подвергнуться реформе в согласии с идеологией марксизма. Некоторые лица (Блонский, Корнилов) [здесь Г.И. Челпанов ссылается на работы П.П. Блонского «Психология как наука о поведении» [86] и «Учение о реакциях» К.Н. Корнилова [364]. – *С.Б.*] предложили провести реформу таким образом, чтобы вместо психологии, будто бы содержащей какие-то идеалистические элементы, ввести рефлексологию. Другими словами, психологию, которая имеет исходным пунктом внутренний опыт, заменить исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений. Этот взгляд в качестве подлинно марксистского пользуется широким распространением в научных кругах. Но он является ошибочным пониманием идеологии марксизма» [853, с. 7].

Именно эта брошюра Г.И. Челпанова, вышедшая с небольшим добавлением через год вторым изданием [855], послужила началом той «брошюрной войны», о которой спустя несколько лет иронически отзывался Л.С. Выготский: «Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии» [215, с. 422] ... «Работы Корнилова кладут начало этой методологии, и всякий, кто хочет развивать идеи психологии и марксизма, вынужден будет повторять его и продолжать его путь. Как путь эта идея не имеет себе равной по силе в европейской методологии. Если он не будет загибаться к критике и полемике, не будет переходить в путь брошюрной войны, а будет подниматься к методологии; если он не будет искать готовых ответов; если он осознает задачи современной психологии, он приведет к созданию теории психологического материализма» [215, с. 423].

Впрочем, устная полемика началась раньше – в январе 1923 г. на первом всероссийском съезде по психоневрологии в Москве, чему, в свою очередь, предшествовали дискуссии в стенах Психологического института осенью 1922 г., вызванные, очевидно, изменениями в государственной политике в области науки и образования. Как указывает А.Т. Павлов, «летом 1922 г. последовали аресты И.А. Ильина, С.Л. Франка, начались гонения на любые попытки свободомыслия и настойчивое внедрение марксизма во все области обществознания» [544, с. 232].

Следует также учитывать, что в отличие от обычной практики, материалы первого (1923), а также второго (1924) Всероссийских психоневрологических съездов не были опубликованы. Как следствие, при изучении этих съездов в распоряжении исследователя имеются только газетные материалы (прежде всего и главным образом – в газетах «Правда» и «Известия») и обзорные статьи об этих съездах, помещенные в научной периодике тех лет. Исключением (подтверждающим правило) является, пожалуй, только вышедшая отдельной брошюрой работа П.О. Эфрусси о первом психоневрологическом съезде [884].

В 1924 г. в полемику в печати включились психологи, физиологи, педагоги, философы, партийные и государственные руководители – В.М. Боровский,

Н.И. Бухарин, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, А.Н. Залманзон, И.К. Луппол, В.Я. Струминский, Ю.В. Франкфурт, З.И. Чучмарев и др.

Полемика Г.И. Челпанова с В.М. Бехтеревым, П.П. Блонским и К.Н. Корниловым достаточно быстро (судя по публикациям – к началу 1926 г.) угасает. Действительно, первая (она же – и последняя) работа П.П. Блонского, содержащая полемику с Г.И. Челпановым, относится к 1925 г. [86]. К.Н. Корнилов после своих вышедших в 1923-1925 гг. работ [365], [370], [371], содержащих критику в адрес Г.И. Челпанова, в последующих публикациях [377], [378], [379] ограничивался только общими фразами о Г.И. Челпанове.

В.М. Бехтерев продолжил свой дореволюционный спор с Г.И. Челпановым на первом Всероссийском съезде по психоневрологии [78], а затем подвел итоги этому спору в вышедшей в 1925 г. работе «Психология, рефлексология и марксизм» [79]. Поэтому не только В.Я. Струминскому, выступившему в 1926 г. с критикой «марксистской психологии» К.Н. Корнилова [764], [765], но и Л.С. Выготскому, писавшему в 1926-1927 гг. работу о кризисе в психологии [215] (где, в частности, затрагивался вопрос и о дискуссии вокруг марксистской психологии К.Н. Корнилова) и опубликовавшему в 1928 г. обзорную статью о психологической науке в СССР [206], уже можно было пользоваться более-менее устоявшимися констатациями и выводами относительно позиций сторон, давая новые оценки, но, как бы то ни было, относясь к этой полемике как к чему-то уже закончившемуся, свершившемуся.

Схематично цепочка дискуссионных работ, приведших к статье К.Н. Корнилова [378], которой была завершена полемика между Ю.В. Франкфуртом и М. Окунем, выглядит следующим образом.

Работа Г.И. Челпанова «Психология и марксизм» [853], [855] подвергается детальной и беспощадной (но обоснованной разве что только идеологически) критике в статье Ю.В. Франкфурта [827], [828]. Здесь неожиданно включается в полемику М. Окунь, который в статье «О духе марксизма и о букве его», опубликованной в «Вестнике Коммунистической Академии» [538], взял под защиту тезис Г.И. Челпанова о марксизме как разновидности спинозизма.

Остановимся более подробно на основных положениях, логике и аргументах этой весьма любопытной статьи.

В начале статьи М. Окунь, напомнив, что в брошюре «Психология и марксизм» Г.И. Челпанов «изобличил» К. Маркса в «идеализме, спиритуализме, эмпирическом дуализме, субъективизме, позитивизме и спинозизме-гилозоизме», отмечает, что в статье «В защиту революционно-марксистского взгляда на психику» Ю.В. Франкфурт «легко разбил все эти обвинения, легко разоблачил челпановские извращения марксизма», за исключением одного – «обвинения в спинозизме-гилозоизме» [538, с. 113].

М. Окунь однозначно становится на точку зрения Г.И. Челпанова, которая состоит в утверждении, что «основоположники марксизма, последовательные диалектики-материалисты во всех областях знания, допустили в психологии спинозистский уклон», что «в психологии взгляды основоположников марксизма являются спинозизмом-гилозоизмом» [538, с. 113]. В настоящее время, подчеркивает М. Окунь, это противоречит «как установленным принципам диалектического материализма, так и твердо установленным анатомо-физиологическим фактам» [538, с. 113].

Поэтому следует отказаться от «традиционно-марксистского взгляда на психику», т.е. от спинозизма, составляющего сущность психологических воззрений марксизма. М. Окунь прямо пишет: «Челпанов прав, марксизм в своих психологических воззрениях гилозоистичен, т.е. наделяет материю до самых ее элементов психическими явлениями, пусть самыми элементарными» [538, с. 114-115]. Между тем Ю.В. Франкфурт держится этих взглядов «во что бы то ни стало», защищая, таким образом, «букву марксизма во вред духу его, во вред его основным принципам» [538, с. 113].

Итак, по М. Окуню, «спинозистские» взгляды на психику в марксизме устарели, поэтому их необходимо изменить и подправить в нужном направлении, поставив их в соответствие с новыми, современными данными наук – анатомии, физиологии, и, очевидно, психологии.

Для доказательства того, что психологические воззрения марксизма фактически являются спинозизмом, М. Окунь использует цитаты из работ Г.В. Плеханова [538, с. 113], И. Дицгена [538, с. 113-114], В.И. Ленина [538, с. 114] и даже Ю.В. Франкфурта [538, с. 114], защищавшего марксизм от обвинений в спинозизме. Суть спинозизма, по М. Окуню, заключается в признании «двух независимых друг от друга рядов явлений, являющихся атрибутами единой субстанции» [538, с. 114].

Цитируя В.И. Ленина, Г.В. Плеханова и К. Маркса [538, с. 114-115], М. Окунь показывает, что Ю.В. Франкфурт весьма неудачно «защищал Маркса от обвинения в гилозоизме, т.е. в одушевлении всякой материи» [538, с. 114]. В частности, опираясь на цитаты, М. Окунь утверждает, что между точкой зрения В.И. Ленина и воззрением его предшественников на гилозоизм «существует явное противоречие, Ленин начал отходить от гилозоизма» [538, с. 115].

Свою задачу М. Окунь формулирует следующим образом: «Итак, психологические воззрения основоположников марксизма являются спинозизмом-гилозоизмом. Совместимо ли это учение с основными принципами диалектического материализма? Задача настоящее статьи – доказать, что спинозизм и гилозоизм с марксизмом не совместимы» [538, с. 115].

Затем М. Окунь с помощью многочисленных цитат осуществляет доказательство своего тезиса. Цитируя Ф. Энгельса, упоминая открытия А. Эйнштейна, ионную теорию возбуждения П.П. Лазарева и теорию И.П. Павлова, М. Окунь пишет о том, что «надо охранять не букву марксизма, не каждую фразу его классиков, не отдельные их теории, когда таковые приходя в противоречие с научными фактами, а дух марксизма, его основы, перестраивая их в соответствии с достижениями науки» [538, с. 116].

Вопрос о том, в чем состоит «противоречие спинозизма-гилозоизма с марксизмом» [538, с. 116], М. Окунь более подробно раскрывает в виде *четырех тезисов* [538, с. 116-121].

Приведя *в первом тезисе* [538, с. 116-117] определение психических явлений как функции нервной системы и психики – как функции организованной

материи, М. Окунь утверждает, что это понимание психики означает (в частности, у В.И. Ленина) отход «от гилозоизма первых марксистов» [538, с. 117]. В этом тезисе М. Окунь настаивает на том, что «появление изначальных психических свойств, а также многих вторичных – физических и химических – в организованной материи связано и обусловлено усложнением и увеличением движений в такой организованной материи», что «все явления природы сводятся к движению» [538, с. 117].

Во втором тезисе [538, с. 117-119] М. Окунь отстаивает позицию, что психические явления являются материальными и сводятся к движению (как и вся материя). Психические явления, пишет М. Окунь, как и материальные явления вообще (в частности, движение колеса в примере Ю.В. Франкфурта), совершаются в пространстве (т.е. являются пространственными), но протяжения не имеют (т.е. являются непротяженными). Движение колеса происходит в пространстве, оно (движение) пространственно, но само это движение не является протяженным, протяженным является колесо, которое движется.

Попутно во втором тезисе М. Окунь отмечает, что принимаемое Н.И. Бухариным принципиальное различие психических и материальных явлений «есть прямое следствие априорного утверждения идеалистической психологии об абсолютном различии между психикой и материей» [538, с. 119]. Другими словами, в вопросе о сущности психики Н.И. Бухарин, сам того не подозревая, оказывается выразителем идеалистической точки зрения.

В третьем тезисе [538, с. 119] М. Окунь настаивает на том, что в соответствии с современными науками – физиологией, физикой (теорией А. Эйнштейна) – «единственным основным изначальным свойством материи является движение во времени и пространстве» [538, с. 119]. Между тем в традиционном марксизме (и у Спинозы) утверждается, что «материя обладает двумя основными изначальными свойствами – движением и сознанием» [538, с. 119]. Таким образом, сущность марксистской (точнее, традиционно-марксистской) точки зрения (она же – точка зрения Спинозы, она же –

гилозоизм), по М. Окуню, заключается в том, что «сознание или сходное свойство присуще всем материальным телам» [538, с. 119].

Точка зрения самого М. Окуня заключается в утверждении о том, что «если какое-либо материальное тело обладает психикой или ее подобием, то, конечно, самое психику мы не видим, но ее деятельность, приводящую к изменению материальной деятельности организма, мы должны бы видеть и учитывать» [538, с. 119].

В четвертом тезисе [538, с. 119-121] М. Окунь утверждает, что «психология, исходящая из несводимости психических явлений к движению, как неприкрыто-идеалистическая, так и якобы марксистская – обнаружила свое полное бесплодие и непригодность» [538, с. 119-120]: нет четких определений основных психологических понятий, не разрешены вопросы о бессознательной психике, ощущении, разграничении явлений психических и нервных и т.д. [538, с. 120]. Ссылаясь на слова Г.В. Плеханова из предисловия к книге А.М. Деборина – о том, что «мы никогда не будем знать, каким образом возникают ощущения» [538, с. 120], М. Окунь делает следующий шаг, утверждая, что «психологические воззрения классиков марксизма и не могут не быть бесплодными, так как они ведут к агностицизму» [538, с. 120]. Объективно (научно) изучать психику (тем более – у другого человека, у других людей) можно только, с точки зрения М. Окуня, путем сведения психических состояний к движению [538, с. 120].

В связи с этим М. Окунь напоминает, что К.Н. Корнилов в статье «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» [368] писал о том, что сведение психики к движению противоречит марксизму, так как это означало бы отождествление психики «с другими свойствами материи», отождествление сознания и бытия, субъекта и объекта, между тем как в марксизме признается «единство субъекта и объекта, но не тождество их» [538, с. 120]. В ответ на это М. Окунь спрашивает: «Но разве сознание не является частью бытия? И разве отождествляются физические и химические явления друг с другом, хотя и те и другие сводятся к движению? Не отождествляются, так как это разные движения. Так же и субъект не будет отождествлен с объектом, если

мы сведем его к движению (так как это будет движение, отличное хотя бы только количественно и по среде, в которой оно происходит, от всех других движений)» [538, с. 121].

Из признания психики как движения следует, по М. Окуню, что психика является «не неотделимым свойством объективных мозговых процессов, а самостоятельными, особого вида, объективными мозговыми процессами, так как имеется очень много высших мозговых процессов, протекающих бессознательно, т.е. без психики» [538, с. 121].

Завершая обсуждение, М. Окунь делает вывод: «Изложенная точка зрения является последовательным диалектическим материализмом, так как она монистична, диалектична и материалистична» [538, с. 121]. Монизм заключается в том, что признается «единственное основное свойство материи – движение, а психические явления есть результат усложнения строения материи и движений ее» [538, с. 121]. Диалектичность своей позиции М. Окунь видит в том, что психические явления рассматриваются им «в процессе их появления и исчезновения в зависимости от торможения рефлексов (один рефлекс тормозится другим, вследствие чего энергия возбуждения, не находя выхода на периферию, например, в двигательный акт, попадает в ассоциативный центр Флексига, где трансформируется в психическое явление)» [538, с. 121-122].

Наконец, материалистичность своей позиции М. Окунь видит в том, что психические явления рассматриваются им так же, как и физические, которые являются пространственными, временными (происходящими во времени) и сводимыми к движению [538, с. 122].

На последних страницах статьи [538, с. 122-124] М. Окунь обращается к анализу так называемого «принципа однополюсной траты энергии», сформулированного К.Н. Корниловым в «Учении о реакциях». С точки зрения М. Окуня, этот принцип является «частным случаем закона сохранения энергии» [538, с. 123]. Закон сохранения энергии, как известно, устанавливает, что «энергия не уничтожается и не образуется, а лишь один ее вид трансформируется в другой», поэтому «психические явления есть результат какой-то

трансформации в нервных клетках коры мозга электородинамической энергии движения ионов» [538, с. 123].

Следовательно, заключает М. Окунь, психические явления «сводятся к движению и объясняются им» [538, с. 123]. Это означает, что «экспериментальная работа проф. Корнилова, доказывая применимость закона сохранения энергии и к психическим явлениям, вызывает необходимость пересмотреть воззрения классиков марксизма» [538, с. 123]. К этому же, как считает М. Окунь, ведут работы сотрудников Государственного института экспериментальной психологии, как это видно в сборнике «Проблемы современной психологии» [590].

Для подтверждения этого М. Окунь приводит, вдобавок ко всему, определение Л.С. Выготским сознания как «рефлекса рефлексов» (т.е. рефлекса на другой рефлекс) – хотя, как не без иронии подчеркивает М. Окунь, сам К.Н. Корнилов, будучи редактором этого сборника, в принадлежащей его перу первой статье сборника утверждает, что «сводить психические явления к движению – наивный материализм» [538, с. 124].

Из всего вышеизложенного, по М. Окуню, явствует, что «психологические воззрения классиков марксизма, будучи спинозизмом-гилозоизмом, противоречат его основным принципам и что возможны психологические воззрения, вполне совместимые как с основными принципами марксизма, так и с современными научными данными» [538, с. 122]. Общий вывод М. Окуня таков: «Итак, чтобы избегнуть гилозоизма-спинозизма, надо отбросить пережитки идеалистической психологии, результат некритического отношения к интроспекции, показывающей нам, что психически явления абсолютно отличны от физических, и заставляющей сделать из этого необоснованный вывод, что и объективно психические явления к движению не сводимы. Только тогда наука разгадает тайну психической жизни, когда она будет базироваться и при изучении психики на законе сохранения энергии» [538, с. 124].

Возражения Ю.В. Франкфурта содержатся в помещенной в этом же номере статье [836]. Основная идея Ю.В. Франкфурта выражена в названии статьи –

«Механистический “дух” ревизует психологические взгляды основоположников марксизма». Это означает, что Ю.В. Франкфурт изначально вписывает свою дискуссию с М. Окунем в контекст походившей тогда дискуссии о механицизме и диалектике (деборинцы-«диалектики» против «механицистов» – ученых-естественников). Позиция самого Ю.В. Франкфурта при этом, естественно, оказывается позицией настоящего марксиста-диалектика, а позиция М. Окуня – выражением механицизма и идеализма.

В начале статьи Ю.В. Франкфурт, отдавая должное своему оппоненту, констатирует, что статья М. Окуня, во-первых, представляет собой «храбрый, мужественный наскок» против «традиционного» марксизма Маркса-Энгельса, Ленина, Плеханова в области психологии в сочетании с «четким, ясным призывом отказаться от некоторых “старых”, “отживших”, “ненаучных” и даже “идеалистических”, “дуалистических”, “противоречащих” диалектическому материализму взглядов» [836, с. 125].

Во-вторых, в своей статье Окунь, этот «нетрадиционный марксист», защищает идеалиста Челпанова. В-третьих, «в идеологической борьбе на психологическом фронте» статья Окуня открывает собой, ни много ни мало, «новую страницу, новую стадию» [836, с. 125] – по линии «борьбы марксизма с субъективной эмпирической психологией, с одной стороны, и механическим материализмом, с другой» [836, с. 125]. В этой борьбе Ю.В. Франкфурт выделяет пять стадий (до революции, первые годы после революции, 1920-1923 гг., 1924 г., 1925 г.), подчеркивая, что статьей М. Окуня открывается шестая стадия борьбы [836, с. 125-126]. Весь смысл статьи Ю.В. Франкфурта состоит в конкретизации и всяческого обоснования тезиса о том, что позиция М. Окуня является однозначно идеалистической и механистической.

М. Окунь не остался в долгу и снова контратаковал, на этот раз опубликовав статью уже в журнале «Под знаменем марксизма» [539]. В этой статье М. Окунь прямо заявляет, что «несмотря на искреннее желание раскаяться в своих “идеалистическо-механистических” прегрешениях, ни педагогические советы

тов. Франкфурта, ни его софизмы не подействовали на механистическую нашу логику, но еще более укрепили в механистической ереси» [539, с. 48].

Об аргументах М. Окуня можно судить по заголовкам параграфов, входящих в данную статью: «Противоречит ли диалектике сведение психики к движению?», «О ревизиофобии консерваторов от марксизма», «Тов. Франкфурт “невдумчиво” читает Ленина и фальсифицирует Энгельса», «О голых абстракциях и объективной реальности», «Марксизм не спинозизм, но род его», «Как стопроцентный диалектик в борьбе с механистом потерял основной закон диалектики», «О теоретико-познавательной предпосылке марксизма», «Тов. Франкфурт хочет познавать неопределимое», «Что теряет марксизм, приемля сведение психики к движению». Завершает М. Окунь свою статью словами: «В заключение необходимо отметить, что тов. Франкфурт снова защищал не дух, а букву марксизма, и применял при этом методы, не соответствующие, мягко выражаясь, важности задачи, выдавая свои низкосортные софизмы за стопроцентную диалектику; он обвинил оппонента в фальсификациях, а сам так “истолковал” Маркса, Энгельса и Ленина, что иначе, чем фальсификацией, трудно назвать эти толкования» [539, с. 63].

В чью пользу склоняется чаша весов? Как ответит Ю.В. Франкфурт? В этот критический момент в дискуссию неожиданно вмешивается К.Н. Корнилов, критикуя обе статьи М. Окуня и беря под безусловную защиту Ю.В. Франкфурта [378], [379].

В статье «Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику» К.Н. Корнилов утверждает: «Посмотрим, имеются ли достаточные основания как в методологии диалектического материализма, так и в науке для признания особого рода психической энергии, которую, наряду с известными видами энергии – кинетической, тепловой, электрической и т.п., можно было бы подчинить закону сохранения энергии? Мы должны будем признать, что таких оснований не имеется» [378, с. 5]. Завершая статью, К.Н. Корнилов подчеркивает: «Я рассматриваю психику не как категорию объективного порядка, а как субъективное выражение физических и физиологических

процессов, происходящих в организме, с особой качественной характеристикой. Иначе говоря, и в своих теоретических, и в своих экспериментальных работах я всецело примыкаю к “традиционному марксизму” и никак не могу последовать ни за И. Скворцовым-Степановым, ни за М. Окунем с их учением о подчинении психики закону сохранения энергии, ибо все это их учение является сплошной спекуляцией, не имеющей под собой никаких научных оснований, а тем самым и никакого отношения к марксизму» [378, с. 14].

В тезисах вышедшего чуть позже доклада «Психика и закон сохранения энергии» К.Н. Корнилов, не называя фамилий, предельно четко выражает свои позиции по вопросу о психической энергии: «Попытка современных нам механистов возобновить это учение о “психической энергии” с подчинением ее закону сохранения энергии находится в резком противоречии с диалектическим материализмом. Это противоречие заключается в том, что, считая психику одним из видов физической энергии, механисты тем самым смазывают различие между психикой и движением и тем самым пролагают путь к идеализму, ибо признавать психику энергией, т.е. особым родом движения, это значит признать, что психика может быть причиной в естественнонаучном смысле, т.е. первичной как и материя, а не производной и вторичной от материи, продуктом материи, как об этом учит диалектический материализм. Признавать же психику первичной – это и есть чистейший идеализм. “Назвать мысль материальной – значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом” (Ленин)» [379, с. 223-224]. Более того, «учение механистов о “психической энергии” не согласуется и с современным естествознанием, которое никакой “психической энергии” и никакого “механического эквивалента” последней не знает» [379, с. 224].

Так что, делает вывод К.Н. Корнилов, «возобновляемое современными механистами учение о “психической энергии” с подчинением последней закону сохранения энергии имеет такой же идеалистический и антинаучный характер, как и у их вышепоименованных предшественников и др.» [379, с. 224].

На этом, можно считать, дискуссия заканчивается, так как в последующем статьи Г.И. Челпанова, Ю.В. Франкфурта и М. Окуня, где бы они спорили друг с другом, не выходили. Не нашла продолжения эта дискуссия и в работах других авторов.

Таким образом, если брать во внимание дискуссию, участниками которой были, с одной стороны, М. Окунь и Г.И. Челпанов, а с другой – Ю.В. Франкфурт и К.Н. Корнилов, то можно считать, что полемика между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым закончилась не в 1927 г., а шла еще на протяжении всего 1928 г. и закончилась публикацией статьи К.Н. Корнилова «Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику» в 1929 г. [378] и тезисами его доклада «Психика и закон сохранения энергии» в 1930 г. [379, с. 223-224].

Эта странная, необычная дискуссия, в которой статьи Ю.В. Франкфурта и М. Окуня хронологически оказываются как бы «вложенными» между статьями Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова, не анализируется, не оценивается и вообще не упоминается в работах отечественных историков психологии, в той или иной степени, с той или иной точки зрения рассматривающих марксистскую полемику в советской психологии 1920-х гг.

Странный характер этой полемики становится хорошо ощутимым при попытке получить ответы, например, на следующие вопросы: кто такие М. Окунь и Ю.В. Франкфурт и какое отношение они имели к К.Н. Корнилову и Г.И. Челпанову? Почему на критику Г.И. Челпанова в адрес К.Н. Корнилова отвечает Ю.В. Франкфурт, а не сам К.Н. Корнилов? Почему на критику Ю.В. Франкфурта в адрес Г.И. Челпанова отвечает М. Окунь, а не сам Г.И. Челпанов? Почему в конце дискуссии К.Н. Корнилов все-таки включился в дискуссию, не указывая, однако, Г.И. Челпанова? Кто оказался в итоге прав и в какой мере эта дискуссия повлияла в конечном счете на позиции ее участников?

Исходя из имеющихся материалов, попробуем в первом приближении разобраться с этими вопросами.

Сведения о Ю.В. Франкфурте минимальны. Это был сотрудник корниловского института, по данным на октябрь 1924 г. – «научный сотрудник второго разряда» по общей психологии [461, с. 245]. В середине 1920-х гг. Ю.В. Франкфурт был ученым секретарем Института экспериментальной психологии. И.Е. Сироткина отмечает: «Но вернемся в Институт экспериментальной психологии. Обстановка там становилась все более нерабочей: все большую роль играли ученые секретари: сменивший А.Р. Лурию философ-марксист Ю.В. Франкфурт, назначенный в начале 1925 г. (он был настолько “идеологически выдержан”, что его кандидатуру даже предлагали в ученые секретари всей Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам – преемницы Ассоциации институтов ФОНа [40; Оп. 1. Ед. хран. 26. Л. 57]), а затем, в 1927 г., И.Д. Сапир, разрабатывавший тематику высшей нервной деятельности [40; Оп. 1. Ед. хран. 42. Л. 26]» [706, с. 26].

В списке работ Ю.В. Франкфурта [825]-[840] наиболее значимыми являются большая работа о Г.В. Плеханове [840] и вышедшая в двух частях книга «Рефлексология и марксизм» [825], [830]. О Ю.В. Франкфурте как продолжателе плехановских идей в психологии упоминает Л.С. Выготский [215, с. 367]. Ю.В. Франкфурта можно рассматривать как наиболее последовательного сторонника реактологических идей. Впрочем, не следует упускать из виду, что в понимании сущности психики как предмета психологии позиция Ю.В. Франкфурта далеко не во всем совпадала с позицией К.Н. Корнилова.

Но кто такой М. Окунь?! Рассуждая логически, можно выдвинуть следующие гипотезы.

Первая гипотеза: М. Окунь – реальное лицо, действительно ученик (последователь) Г.И. Челпанова. Против этого предположения свидетельствует то, что в имеющихся источниках 1920-х гг. (и о 1920-х гг.) мы не находим о М. Окуне никаких сведений и упоминаний: при самом тщательном изучении исторического пути развития школы Г.И. Челпанова [101], [114] и проходившей

в 1920-е гг. дискуссии о марксистской в психологии [99], [100], [104] фамилии М. Окуня мы нигде не встречаем.

На это можно возразить, что М. Окунь мог появиться на дискуссионной арене достаточно поздно, только во второй половине 1920-х гг., закончив обучение в вузе или аспирантуре. Однако этот аргумент трудно принять, так как выше мы убедились, что у статей М. Окуня слишком высок теоретический уровень, чтобы относить их автора к неофитам, только начинающим свой путь в науке. Но все-таки полностью гипотезу о М. Окуне как о реальном лице, действительном ученике и последователе Г.И. Челпанова, нельзя сбрасывать со счетов, так как не исключен вариант, что сформировавшийся в начале 1920-х гг. в недрах школы Г.И. Челпанова его ученик, стремительно повышая на протяжении 1920-х гг. свой теоретический и философский уровень, тем не менее вплоть до 1928 г. нигде и никак не проявлял себя (ни в печати, ни в устных дискуссиях), и только в 1928 г. счел необходимым энергично вступить в полемику, причем на стороне Г.И. Челпанова.

Вторая гипотеза: М. Окунь – это ученик или последователь Г.И. Челпанова, скрывающийся, однако, под псевдонимом. Эта гипотеза многое объясняет – и высокий теоретический уровень М. Окуня, и сам факт выступления в защиту Г.И. Челпанова. Но сразу же встают два нелегких вопроса. Во-первых, кто именно скрывался под псевдонимом «М. Окунь»? И, во-вторых, зачем нужно было использовать псевдоним, почему бы не дискутировать под собственным именем?

Если попытаться ответить на первый вопрос, то сразу же станет ясно, что круг предполагаемых претендентов на роль защитника челпановских идей достаточно велик: это мог быть П.П. Блонский, Г.О. Гордон, Н.Ф. Добрынин, С.В. Кравков, А.П. Нечаев, Ю.В. Португалов, Г.Г. Шпет, П.О. Эфрусси... В основном это, как видим, непосредственные ученики Г.И. Челпанова.

Любопытно в этом плане, что М. Окунь, дискутируя с Ю.В. Франкфуртом, ссылается (впрочем, без указания выходных данных) на свою статью «Попытка обобщения теории Джемса-Ланге» [538, с. 115]. Если это не очередная уловка

автора статьи скрыть свое истинное имя, а ссылка на реально существовавшую статью, то, может быть, по ее названию мы сможем идентифицировать самого автора? Но статья с таким названием у П.П. Блонского, Г.О. Гордона и других «претендентов» нам неизвестна.

Если же предположить, что речь идет о периферической теории эмоций Джемса-Ланге, то надо отметить, что в школе Г.И. Челпанова проблемой эмоций до революции занимался А.А. Каэлас: в сборнике «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев...» имеется статья А.А. Каэласа «К вопросу о генезисе эмоций» [232, с. 372-401].

Однако из статьи Ю. Аллика и П. Тульвисте нам известно, что жизнь А.А. Каэласа оборвалась в 1920 г.: «В 1919 г. Юрьевский университет был преобразован в национальный Тартуский университет... На должность профессора философии был приглашен ученик и ассистент Г.И. Челпанова А.А. Каэлас (1880-1920), который в 1917-1918 гг. был доцентом Московского университета, а затем профессором Иркутского университета. (А.А. Каэлас плодотворно занимался теоретическим и экспериментальным изучением эмоций). Из-за гражданской войны А.А. Каэлас не смог добраться до родины и умер в Иркутске в 1920 г.» [16, с. 129].

Наиболее вероятным кандидатом в рамках второй гипотезы является, с нашей точки зрения, Г.О. Гордон. Здесь мы учитываем воспоминания Г.О. Гордона [236], предваряемые краткой биографической справкой, в которой, в частности, сообщается, что Гавриил Осипович Гордон (1885-1942) окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1909 г., затем участвовал в Первой мировой войне. В 1920 г. Г.О. Гордон «был назначен членом Коллегии Наркомпроса РСФСР и заместителем председателя Совета по делам вузов, одновременно читал лекции в 1-м МГУ, 2-м МГУ и Академии коммунистического воспитания. Был одним из создателей издательства “Работник просвещения”, организовал выпуск серии “Педагогические курсы на дому”, а впоследствии “Педагогический университет на дому”. В 1929 г. был арестован и сослан на Соловки. В 1933 г. по постановлению Прокурора СССР

был освобожден и вернулся в Москву. С 1933 по 1936 г. сотрудничал в нескольких издательствах, много переводил, а также преподавал в школе и был консультантом при РОНО. В августе 1936 г. был вновь арестован и осужден на пять лет. В 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны освобожден не был и в январе 1942 г. умер от голода в лагере» [236, с. 84-85].

В современном справочнике сообщается: «Гордон Гавриил Осипович (1885 – середина 1930-х гг.), педагог, профессор (1926). В 1921-25 преподавал в МГУ; в 1926-1929 во 2-м МГУ (профессор, ученый секретарь Института научной педагогики). Член Научно-педагогической секции ГУСа (1921-1930). Ученик и последователь П. Наторпа. Развивал идеи социальной педагогики. Разрабатывал методологические основы общеобразовательной политехнической трудовой школы. Предложил примерный план изучения истории в 7-летней школе как самостоятельного предмета (1928). В начале 30-х гг. необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно» [555, с. 351].

Как отмечается в работе А.Т. Павлова, посвященной истории преподавания философии в Московском университете, в августе 1921 г. кафедра философии Московского университета была переведена на факультет общественных наук «в сильно сокращенном составе» – фактически «на ней числились только Л.И. Аксельрод, Г.О. Гордон, А.В. Кубицкий, Г.И. Челпанов и Г.Г. Шпет» [544, с. 230]. Весьма подробно (с привлечением архивных данных) биография Г.О. Гордона представлена в монографии Н.А. Дмитриевой [251, с. 314-326].

К этим сведениям, практически ничего не говорящим об интересе Г.О. Гордона к психологии, следует добавить, что фамилия Г.О. Гордона стоит в выходных данных челпановского «Основного курса» по психологии, вышедшего в Москве в 1909 г. [848].

Из ознакомления с биографией Г.О. Гордона можно сделать вывод, что в 1920-е гг. областью его интересов была не философия или психология, а педагогика. Однако ознакомление с воспоминаниями Г.О. Гордона [236] показывает, насколько была близка и интересна для него еще со студенческой скамьи философия Спинозы и насколько хорошо он разбирался

психофизической проблеме, а также в проблемах, связанных со спинозизмом, монизмом, гилозоизмом и т.п. Можно сказать, спинозизм был для Г.О. Гордона своего рода коньком в области философии и философских вопросов психологии. В этом смысле журнальная полемика М. Окуня с Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым является вполне логичным продолжением изучения начатого Г.О. Гордоном еще в студенческие годы философии Спинозы.

Еще больше у нас оснований напрямую увязать полемику М. Окуня и Ю.В. Франкфурта с описываемой Г.О. Гордоном в «Воспоминаниях» своей бурной устной полемикой с П.П. Блонским и К.Н. Корниловым, где Г.О. Гордон встал на защиту Г.И. Челпанова (см. [236, с. 93-96]).

Вдобавок к этому мы должны учитывать, что в таких журналах, как журнал «Под знаменем марксизма» и особенно «Вестник Коммунистической академии» мог публиковаться (тем более – позволить себе публиковаться под псевдонимом) только человек, имеющий достаточно высокий статус в партийной и государственной иерархии, каковым и был в то время Г.О. Гордон.

Вопрос о том, почему все-таки Г.О. Гордон выступил не под своим именем, а взял псевдоним, оставим в данном случае открытым, ограничившись лишь простой констатацией того, что в 1920-е гг. публикация статей под псевдонимом вовсе не была редкостью.

Третья гипотеза: М. Окунь – это сам Г.И. Челпанов. В этом плане прежде всего обращает на себя внимание подчеркнуто архаичный язык, которым написаны обе статьи Окуня («коей» вместо «которой» и т.п.) О профессиональной эрудиции автора и его почтенном возрасте говорит сам характер обсуждаемых проблем и центральные понятия полемики: «гилозоизм», «спинозизм» и т.п. Но близки не только язык, но и позиции Окуня и Челпанова. Отдельные высказывания и рассуждения Челпанова и Окуня совпадают почти дословно. Поэтому можно предположить, что в статье «О духе марксизма и о букве его» [538] Челпанов под псевдонимом «Окунь» в очередной раз уточнил и изменил свои понятия с целью победить в споре, сущность своей позиции оставив неизменной. Так, он согласен считать, что психические явления

совершаются (происходят) в пространстве (в мозгу), но, тем не менее (в то же время), они не имеют протяжения. Другими словами, психические явления являются пространственными, но не протяженными [538, тезис 2, с. 118-119].

Стиль и язык Г.И. Челпанова мы узнаем в статьях Окуня по строго формально-логической манере ведения полемики, по точным фразам-афоризмам. Например, Окунь по поводу использования идей основоположников марксизма современными психологами-марксистами Окунь замечает: «Великие мертвецы тем и хороши, что их можно истолковывать всякого рода диалектическим софистам вкривь и вкось без опасения взбучки: слой могильной земли – лучшая гарантия от протестов» [539, с. 52]. Этот афоризм по краткости и точности можно поставить рядом со следующими двумя, как мы считаем, классическими афоризмами Г.И. Челпанова.

В первом из них Г.И. Челпанов, сопоставляя методы И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, пишет: «Разница между методами Павлова и Бехтерева заключается в том, что у Павлова изучаются такие рефлексы, в конечном результате которых получается истечение слюны, а у Бехтерева – сокращение каких-либо мышц» [854, с. 7]. Во втором афоризме Г.И. Челпанов выражает свою точку зрения о сущности марксистской реформы в психологии: «Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии» [857, с. 10].

Челпановская позиция обнаруживается и в отношении Окуня к марксизму. В отличие от К.Н. Корнилова, Ю.В. Франкфурта и, можно сказать, почти всех остальных психологов, Окунь оценивает не психологию с точки зрения марксизма, а, наоборот, марксизм с точки зрения психологии. Даже по внешней форме статей Окунь выдает себя с головой. Слишком его стиль совпадает с челпановским, когда во второй статье он резюмирует все возможные «за» и «против» в вопросе о сведении психики к движению в виде двух колонок с

противоположными высказываниями-аргументами у «диалектика» и «механициста» [539, с. 61-63].

Дело в том, что точно такой же методический прием содержится в челпановской работе «Психология и марксизм», где Г.И. Челпанов сопоставляет как прямо противоположные друг другу «предпосылки марксистской психологии» (высказывания из работ Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Бухарина) и «предпосылки русской рефлексологии» (Бехтерев, Корнилов, Блонский) [855, с. 8-9].

Такие же четко выделенные тезисы мы находим в докладе Г.И. Челпанова на первом психоневрологическом съезде в 1923 г. (шесть тезисов в докладе «Предпосылки современной эмпирической психологии» [856, с. 5-18]. Кроме того, тезисы-пункты являются несущей конструкцией в брошюре Г.И. Челпанова «Демократизация школы», посвященной критике программы реформы школы, выдвинутой Временным правительством [850].

В связи с этим показательна позиция Ю.В. Франкфурта. В статье «Механистический “дух” ревизует психологические взгляды основоположников марксизма» Ю.В. Франкфурт многократно подчеркивает сходство, если не тождество взглядов М. Окуня и Г.И. Челпанова. Так, Франкфурт отмечает, что т. Окунь (обращение к Окуню как к «товарищу» по идее означает, что он является членом ВКП(б), большевиком) «...понимает, точнее, извращает марксизм в том же идеалистическом, дуалистическом духе, как и Челпанов. Но в то время как Челпанов фактически извращает марксизм с тем, чтобы призвать к отказу от марксизма, эмпирик Челпанов формально не смеет отвергать марксизм, а механист Окунь позволяет себе такую роскошь и возвращает нас к стадии енчменизма своей открытой борьбой против основоположников марксизма» [836, с. 126].

В этих высказываниях видна попытка Ю.В. Франкфурта показать не только сходство, но и различия взглядов Г.И. Челпанова и М. Окуня. Но в целом ряде других высказываний Ю.В. Франкфурт вольно или невольно подчеркивает прежде всего элементы сходства. Укажем наиболее показательные из них.

Ю.В. Франкфурт пишет: у М. Окуня «механистические, в конечном счете, бессознательно-идеалистические очки»; ... «может быть, т. Окунь не знает этих мыслей Энгельса и не привел их потому, что единственным источником его познаний является Челпанов, а последний не привел этих мыслей потому, что ему это невыгодно? Тогда совет наш: чтобы не попасть в тяжелое, неприятное положение, надо учиться марксизму не по брошюре Челпанова!»; ... «тов. Окунь, как и Челпанов, не видит у Маркса того, что есть, но видит то, чего нет»; ... «или учитель Челпанов скрыл от ученика Окуня этот факт?»; ... «тов. Окунь, как и Челпанов, взял эту мысль...»; ... «нельзя же из-за желания поддержать Челпанова превратить Плеханова, колеблющегося в вопросе о гилозоизме, в безоговорочного сторонника его»; ... «но т. Окунь этого не понимает. Находясь в плену у эмпирика-субъективиста Челпанова и понимая вместе с последним под психикой только сознательное, воспринимаемое интроспекцией».

Ю.В. Франкфурт также пишет о «некритическом отношении т. Окуня к идеалисту Челпанову...»; ... «о чем говорит приводимая т. Окунем, вслед за Челпановым, цитата Дицгена»; ... «но ведь марксисты так не рассуждают. Так рассуждает, вслед за идеалистом дуалистом Челпановым, т. Окунь. Ясно, что т. Окунь не имеет никакого основания...» и т.д., и т.п. [836].

Как видим, на протяжении *всей* статьи Ю.В. Франкфурт весьма недвусмысленно показывает тождественность позиций М. Окуня и Г.И. Челпанова по существу затрагиваемых вопросов. Это заставляет нас думать, что Ю.В. Франкфурт знал, кто скрывается под фамилией М. Окунь, но, очевидно, по условиям «джентльменского соглашения» с редакцией не раскрывал этот «секрет Полишинеля».

Правда, в ряде мест Ю.В. Франкфурт характеризует М. Окуня как *ученика* Г.И. Челпанова. Но, как мы уже сказали, мы нигде не находим каких-либо указаний и сведений о существовании в школе Г.И. Челпанова ученика с такой фамилией. Во-вторых, даже если бы это действительно был ученик Г.И. Челпанова, то это мало бы что меняло. В обоих статьях М. Окуня мы от

«ученика» находим только фамилию. Все остальное – форма, стиль, содержание, аргументы, логика – явно челпановское.

Любопытно посмотреть, как во второй (ответной) статье, иронически названной «Механические комментарии к диалектической критике», М. Окунь выступает против утверждения о близости, если не тождестве его взглядов с челпановскими. М. Окунь пишет: «Ревизиофобия – вот имя недугу, которым поражен тов. Франкфурт, который заставляет его приписывать нам защиту проф. Челпанова, фальсификацию Ленина и марксизма, извращение марксизма с целью отказа от него и т.д. Вряд ли проф. Челпанов признателен тов. Франкфурту за такого защитника, вряд ли кто поверит, что “механист” Окунь защищает идеалиста Челпанова, т.к. невозможно считать защитой идеализма сведение психики к движению на основе превращения количества в качество и т.д.».

Для подтверждения предположения об М. Окуне – Г.И. Челпанове не менее, чем статьи и реплики Ю.В. Франкфурта, показательно содержание статьи К.Н. Корнилова «Воззрения современных механистов...» [378], завершившей дискуссию. Ранее, в работах 1922-1927 гг. нигде не упускавший возможности «зацепить» Г.И. Челпанова, в данной статье К.Н. Корнилов, как мы уже указывали выше, ни разу (!) не упоминает фамилии Г.И. Челпанова, подчеркнуто резко сближая взгляды М. Окуня со взглядами И.И. Скворцова-Степанова, главы «механицистов». Нам думается, что тем самым К.Н. Корнилов как бы исправлял и сглаживал ошибку Ю.В. Франкфурта, придававшего в своих статьях слишком большое значение тождеству взглядов М. Окуня и Г.И. Челпанова.

Таковы основные гипотезы. Впрочем, не исключен определенный компромиссный, синтетический вариант, получаемый при суммировании второй и третьей гипотез: мы не удивимся, если в конечном итоге (прежде всего – на основе дальнейшего изучения архивных материалов) выяснится, что статьи М. Окуня были написаны одним из учеников Г.И. Челпанова (скорее всего, Г.О. Гордоном) непосредственно при участии самого Г.И. Челпанова или – что, конечно, не меняет сути дела – наоборот, Г.И. Челпановым при участии какого-то своего ученика, а именно, Г.О. Гордона.

Но в любом случае, на какой бы из указанных гипотез мы не остановились, сам факт глубокой и страстной полемики конца 1920-х гг., в центре которой оказались актуальные проблемы психологии, является наглядным свидетельством исторического значения и принципиальной правоты челпановских идей.

В целом же дискуссия М. Окуня (сторонника Г.И. Челпанова в вопросе о значении марксизма для психологии) с психологами-марксистами Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым, показывает сильное и глубокое влияние субъективной психологии на формирующуюся в 1920-е гг. в СССР марксистскую психологию.

Выводы по пятой главе

1. Реконструкция дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым демонстрирует наиболее существенные стороны процесса становления марксистской психологии в отечественной психологической науке 1920-х гг.: отсутствие у сторонников марксизма в психологии сложившейся позиции по актуальным для того времени теоретическим, методологическим и философским вопросам психологии; теоретическая необоснованность и несостоятельность претензий марксизма в деле разрешения актуальных психологических проблем; утверждение марксистских идей в психологии с помощью вненаучных и ненаучных аргументов и мер административного, организационного, идеологического и политического характера.

2. Исследование вопроса о том, как К.Н. Корнилов пришел к формулировке четырех принципов диалектического метода, позволяет лучше понять дальнейшую судьбу его диалектических и реактологических идей. Полученное в итоге представление о К.Н. Корнилове-диалектике может быть по многим позициям перенесено на К.Н. Корнилова-марксиста в целом. В общем плане изучение вопроса о четырех принципах диалектического метода у К.Н. Корнилова раскрывает конкретные пути ассимиляции идей марксизма в становящейся марксистской/советской психологии 1920-1930-х гг.

3. Дискуссия между К.Н. Корниловым В.Я. Струминским, несмотря на подробное обсуждение в ней множества отдельных деталей и нюансов, в целом носила абстрактный и схоластический характер. Дискуссия демонстрирует слабость К.Н. Корнилова и В.Я. Струминского как психологов-марксистов в позитивной части, но, вместе с тем, обнаруживает их большую разрушительную силу в плане критики. В настоящее время критические аргументы обеих сторон вполне могут быть использованы при оценке слабых мест и сильных сторон формировавшихся в середине 1920-х гг. марксистских позиций в отечественной психологии.

4. В «заочной» дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым обсуждались ключевые проблемы психологии: относительно кризиса в психологии, значения философии вообще и марксистской философии в частности для психологии, дальнейших перспектив развития психологической науки. Реконструкция дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым (на основе сопоставления работы Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» и работ Г.И. Челпанова 1920-х гг.) позволила обнаружить во взглядах Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова не только кардинальные различия, но и глубокое внутреннее единство и совпадение взглядов по ряду принципиальных вопросов. Сходство и различия во взглядах Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского следует рассматривать как производные от более общего явления, заключающегося в том, что становящаяся марксистская/советская психология не только от многого отказалась, но и многое взяла из предшествующей эмпирической психологии.

5. Историко-научная реконструкция дискуссии М. Окуня (сторонника Г.И. Челпанова в вопросе о значении марксизма для психологии) с психологами-марксистами Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым показывает глубокое и сильное влияние субъективной психологии на формирующуюся в 1920-е гг. в СССР марксистскую психологию.

6. В общем и целом историко-научная реконструкция и анализ имевшейся на протяжении 1920-х гг. тенденции «от психологии субъективной к психологии

марксистской» убеждает в том, что нарождавшаяся марксистская психология, противопоставляя себя субъективной психологии, на самом деле очень многое взяла от нее путем прямого наследования, а также в ходе многочисленных дискуссий. Это обнаруживается в таких присущих советской (марксистской) психологии чертах, как антиредукционизм, повышенное внимание к философским проблемам психологии, признание особой доказательной роли эксперимента, приоритеты в изучении психических процессов («высших психических функций»), а также удержание и разработка традиционной для психологической науки проблемы сознания. Поэтому у нас есть все основания утверждать, что в 1920-1930-е гг. субъективная психология не была отброшена и не исчезла бесследно. Своими многими важными частями она вошла в марксистскую и затем в советскую психологию.

ГЛАВА 6. Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг.: тенденция «от психологии объективной к психологии марксистской»

В становлении советской психологии как научного направления одним из ключевых источников наряду с субъективной психологией в 1920-е гг. стала отечественная объективная психология, что выразилось в тенденции «от психологии объективной к психологии марксистской». Свое конкретное выражение данная тенденция нашла в таких значимых событиях, как дискуссия о «теории новой биологии» Э.С. Енчмена, дискуссия по вопросам соотношения рефлексологии, психологии и марксизма, а также Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека.

§ 1. «Теория новой биологии» Э.С. Енчмена, психология и марксизм

В данном параграфе речь пойдет о судьбе и творчестве Эммануила Семеновича Енчмена (1891-1966) – «члена ВКП(б), автора “теории новой биологии” – своеобразного утопического проекта реорганизации общества на основе открытых Енчменом “новых” принципов» [267, ст. 524].

В отечественной историографической литературе теория Енчмена традиционно рассматривается как одна из крайних форм проявления вульгаризаторских и редукционистских тенденций в советской психологии 1920-х гг. Так, в работах Е.А. Будиловой [180, с. 23] и А.А. Смирнова [726, с. 138] указывается на антипсихологизм, позитивизм и механицизм взглядов Енчмена. В.С. Мерлин характеризовал Енчмена как «одного из многих» (!), в 1920-е гг. «вульгаризировавших учение И.П. Павлова» [493, с. 12].

В наиболее развернутом виде тезис о Енчмене-редукционисте представлен в монографии А.В. Петровского [568, с. 109-111], где, в частности, подчеркивается, что «теория новой биологии» Енчмена «в преувеличенной, гротескной форме выявила многие типичные черты рефлексологического, или вульгарно-физиологического, течения поведенческой психологии» [568, с. 109];

Енчмен в своей теории доводил «до логического конца претензии рефлексологов на преобразование общественной жизни на основе открытых им “законов” человеческого поведения» [568, с. 110] и в действительности преподносил «карикатуру на учение Павлова» [568, с. 111].

Противоположная точка зрения содержится в статье американского исследователя Джорджа Виндхолца «Эммануил Енчмен – советский бихевиорист и общность “духа времени”» [985]. Рассматривая теоретические взгляды Енчмена в контексте социально-политической атмосферы 1920-х гг. и приводя при этом множество ранее неизвестных сведений из биографии Енчмена, полученных в ходе изучения первоисточников и обширных архивных изысканий, Виндхолц характеризует Енчмена как творца оригинальной версии бихевиоризма, а партийную критику, в одночасье сокрушившую теорию Енчмена – как пример деструктивного воздействия государства и государственной идеологии на науку. В этой связи стоит вспомнить, что еще в 1929 г. В.П. Протопопов (представитель рефлексологической школы В.М. Бехтерева), отвергая адресованные рефлексологам упреки К.Н. Корнилова в агностицизме в воззрениях на психику, писал, что «отождествление воззрений на психику Енчмена с воззрениями Павлова и Бехтерева совершенно фактически не обосновано; скорее уже можно в этом отношении сблизить с Енчменом Уотсона» [595, с. 94].

Дж. Виндхолц в своей статье приходит к выводу о том, что «в то время как инспирированный Уотсоном бихевиоризм мог свободно развиваться в Америке, достигнув своего апогея в 1930-е и 1940-е гг. в необихевиористских парадигмах К.Л. Халла и Б.Ф. Скиннера, бихевиоризм Енчмена увял в Советском Союзе под мертвым грузом тоталитарного режима с его контролем за свободным выражением» [985, с. 531].

В отечественной (не только советской, но и постсоветской и современной) историографии оценка насильственного и скорого конца «теории новой биологии» является, естественно, прямо противоположной. Поэтому предпринятое исследование феномена Енчмена во многом явилось следствием

обнаруженного принципиального несовпадения между точками зрения на его сущность в советской историографии (у А.В. Петровского и других) и у Дж. Виндхолца.

Кем же был Енчмен на самом деле – малограмотным, но агрессивным и честолюбивым дельцом от науки (вроде Т.Д. Лысенко в биологии, только не столь удачливым в плане карьеры) или же творцом оригинальной научной теории, оказавшимся жертвой господствующих в тоталитарном государстве разрушительных сил? Поставив перед собой задачу по определению сущности феномена Енчмена и его значения в контексте событий, относящихся к периоду становления советской психологии, сначала рассмотрим основные вехи биографии Енчмена, главным образом основываясь на упомянутой статье Дж. Виндхолца [985].

Жизненный путь и теоретические воззрения Енчмена. Родился Эммануил Семенович Енчмен в 1891 г. в еврейской семье в Тбилиси. После окончания гимназии он в 1910-1914 гг. обучался в Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге, где специализировался в области биологии [985, с. 518]. Еще будучи студентом, Енчмен задумал написать книгу «Новая эволюционная теория», но фактически ему удалось в 1913 г. написать только одну главу из этой книги – статью «Психология перед судом возрождающегося позитивизма». Впрочем, эта работа так никогда и не была опубликована.

У Н.И. Бухарина, многократно цитирующего в «Енчмениаде» эту работу Енчмена, можно найти указание, что источником ему служит машинописный текст статьи [185, с. 129], [189, с. 192]. Дж. Виндхолц, опираясь на архивные материалы, отмечает, что в этой статье Енчмен критикует вундтовскую методологию и отстаивает тезис об изучении человеческого поведения с помощью объективного метода, используемого в естественных науках [985, с. 521]. Как видим, уже в самом начале своей научной биографии Енчмен испытывал интерес к психологическим проблемам, причем с уклоном в бихевиоризм.

В 1914 г. Енчмен был призван в армию, что, очевидно, заставило его отложить творческие изыскания до лучших времен. В 1917 г. Енчмен присоединился к Красной Армии в Закавказье [859, с. 519]. По-видимому, в этой время Енчмен стал членом партии большевиков. По окончании гражданской войны Енчмен, оставаясь партийным функционером, занимался, судя по всему, преподавательской и научной деятельностью. Так, имя Енчмена упоминается при изложении событий, связанных с судьбой И.П. Павлова в начале 1920-х гг. (см. [268], [985, с. 519-520]). В конце 1919 г. Енчмен возобновил разработку собственной теории, названной им «теория новой биологии». Эта теория содержится в двух его работах, опубликованных в 1920 г. [263] и 1923 г. [264]. Обе брошюры вышли, что примечательно, с коммунистическим лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на обложках, тем самым заявляя о себе как о партийных изданиях.

Первая брошюра [263] после выхода в свет не вызвала какой-либо реакции, поскольку она была опубликована в 1920 г., еще во время гражданской войны, к тому же местом издания был Пятигорск, а не Петроград или Москва. Вторая работа [264], опубликованная в Петрограде в 1923 г., когда уже шли яростные сражения на «идеологическом фронте», тут же попала под массированный огонь большевистской критики, в связи с чем вспомнили и первую работу. В результате «теория новой биологии» была полностью раскритикована и фактически запрещена. В течение последующей жизни Енчмен стремился отстаивать и развивать свои взгляды, но никакой возможности публиковаться у него не было.

В начале Великой Отечественной войны Енчмен был призван в Красную Армию, но в 1942 г. был демобилизован по состоянию здоровья. В январе 1943 г. Енчмен был назначен на должность старшего научного сотрудника биологической секции АН СССР, а в октябре 1948 г. он был переведен в биофизическую секцию Физиологического института им. Павлова [985, с. 520]. П.В. Алексеев сообщает, что одно время Енчмен даже работал «помощником физиолога Л.А. Орбели» [266, с. 317]. В 50-60-е гг. Енчмен, обращаясь с

письмами в ЦК КПСС и АН СССР, пытался добиться разрешения на публикацию своих новых работ, но безуспешно [985, с. 520-521]. Остается только удивляться, что, если не считать запрета на публикации, Енчмен, дожив до брежневских времен, не подвергался, как отмечает Дж. Виндхолц, каким-либо репрессиям.

Впрочем, здесь все не так просто. П.В. Алексеев в статье о Енчмене пишет: «В середине 60-х гг. мне удалось разыскать Енчмена. Был я у него “в гостях” несколько раз и имею его книги с дарственными надписями. О многом удалось с ним поговорить. Он был словоохотлив, особенно, когда вопрос касался неопубликованных его новых книг, его “мытарств” по издательствам, его встреч с академиками и проч., но свою биографию он обходил стороной. Я понял лишь, что в его жизни была то ли Чукотка, то ли Колыма» [266, с. 317].

В 1965 г., незадолго до своей кончины, Енчмен с горечью констатировал, что за прошедшие годы было издано более шестисот (!?) статей, чтобы показать, что его представления были антимарксистскими, в то время как ему не давали даже возможности хотя бы одного возражения [985, с. 526]. О некоторых других интересных деталях биографии Енчмена и оценках «енчмениады» можно узнать из уже упомянутой статьи В. Есакова [268] и работ А.В. Петровского [571], [575, с. 221-224].

Переходя к изложению теоретических воззрений Енчмена, следует сказать, что теория Енчмена, содержащаяся в работах «Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» [263] и «Теория новой биологии и марксизм» [264] – это, во-первых, широкомасштабная критика имевшихся в то время (в философии, физиологии, рефлексологии, социологии, психологии и других науках) представлений о психике, сознании, личности, обществе и идеологии; во-вторых, это учение о пятнадцати анализаторах.

В первой брошюре [263] пятнадцать изобретенных Енчменом «анализаторов» излагаются в виде восемнадцати тезисов. Во второй брошюре [264] с позиций «теории новой биологии» рассматривается только одна проблема – «великий», «вечный» дуализм пространственного и непространственного.

Достаточно цельное представление о содержании этих работ, давно уже ставших библиографической редкостью, современный читатель может получить, ознакомившись с «Енчмениадой» Бухарина [185], [188], [189], статьей Виндхолца [985] и материалами хрестоматии «На переломе» [265].

В хрестоматии содержатся обширные выдержки из обеих брошюр Енчмена под общим, данным составителем хрестоматии, названием «Наука и философия – эксплуататорская выдумка» [265, с. 224-226, 226-231] и в сокращенном виде приводится статья Бухарина «Енчмениада» [265, с. 232-243]. Стоит также обратить внимание на весьма информативные примечания составителя к этим работам [265, с. 508-509] и на биографическую справку о Енчмене [265, с. 517] (в которой, что характерно, в датах жизни приводится только год рождения).

Отправной точкой для Енчмена является классовый подход, т.е. представление о том, что в обществе существуют классы – эксплуататоров и эксплуатируемых. Эксплуататоры с целью сохранения и упрочения своего господства осуществляют обман в сфере идеологии, чем и объясняется философская болтовня, вздор «эксплуататорских агентов», таких, как, например, Гоббс, Локк, Беркли, Юм, Мах [264, с. 79], а также «сумасшедший бред» о материи и духе [264, с. 45]. Для преодоления этой эксплуатации и обмана необходима пролетарская революция с целью установления диктатуры пролетариата. Дальнейшее осуществление пролетарской революции заключается в реализации – на основе учения Карла Маркса, этого «величайшего ненавистника и разоблачителя всякого эксплуататорского обмана» [264, с. 68] и «буржуазной лжи» [264, с. 79] – революционных идей и установление диктатуры пролетариата в сфере идеологии путем вскрытия, разоблачения тайны «величайшего обмана эксплуататорских классов» [264, с. 45]. Рабочий класс в ходе революции разоблачает «перед всем миром» весь философский эксплуататорский обман и не останавливается «перед решительным, полным уничтожением этого обмана во всем мире» [264, с. 77].

Необходимой составной частью всей революции, по Енчмену, является всеобщая революция (взрыв, органические катаклизмы, органические

перерождения) во всех отдельных личностях («организмах») в ходе внедрения в сознание людей пятнадцати «анализаторов» – сформулированных Енчменом принципов, понятий и правил мышления. Это такие анализаторы, как «анализатор пространственного», т.е. способность организма различать во всей сумме явлений своего опыта пространственные (материальные, объективные) явления [263, с. 16], анализаторы «непространственного», «взаимно-физической зависимости», [263, с. 17], «психофизической зависимости» (невозможность какого бы то ни было влияния пространственных явлений на непространственные явления) и «взаимно-психической зависимости», как невозможность какого бы то ни было влияния непространственных явлений на непространственные [263, с. 18], анализаторы «структуры» и «двигательных реакций структур» [263, с. 19], «органических структур» и «органических реакций» [263, с. 20], «образования цепей, сочетаний рефлексов» [263, с. 46], «образования в организме анализаторов» [263, с. 47], «стенического отбора в организме цепей рефлексов и анализаторов», согласно которому все вообще реакции в организме бывают или стеничны (радостны) или астеничны (нерадостны) [263, с. 48], «естественного отбора цепей рефлексов и анализаторов» [263, с. 49], анализаторы «коэффициентов раздражителей, как точное определение силы и продолжительности действия раздражителей» и «коэффициентов цепей рефлексов в анализаторов» (точное определение единиц измерения прочности, консервативности цепей рефлексов) [263, с. 50].

Для управления делом перевоспитания масс и управления ими Енчмен предлагал ввести специальные «физиологические паспорта», в которые бы вносился периодически измеряемый «коэффициент стенизма (радостности)». Данный коэффициент служил бы главным критерием, на основе которого человек получал бы свою долю общественного продукта. Для проведения в жизнь своего плана по введению в организмы пятнадцати анализаторов Енчмен намечал создать Революционно-Научный Совет Мировой Коммуны – с собой во главе. Все эти меры Енчмена несут на себе отпечаток своего времени (эпохи гражданской войны и военного коммунизма): идею мировой революции (правда,

у большевиков был Коминтерн, а не Революционно-Научный Совет Мировой Коммуны), идею о распределении в зависимости от социального положения (то, что в период «военного коммунизма» и гражданской войны нашло вполне материальное выражение в «классовом пайке»).

В качестве панацеи от всех бед Енчмен на первый план выдвигает науку, что можно было бы квалифицировать как сциентизм и позитивизм (вспомним о статье Енчмена «Психология перед судом нарождающегося позитивизма»), если бы фактически у Енчмена под наукой не понималась научная лишь по форме («биология», «анализаторы», «коэффициенты»), но по сути своей квазирелигиозная доктрина, предназначенная для спасения человечества. Об этом наглядно свидетельствуют многостраничные рассуждения Енчмена о Моисее, Иисусе Христе, сущности религии и «всеобщей радостности», изложенные на языке «теории новой биологии».

Также бросается в глаза аскетичность Енчмена в выборе и использовании понятий, которых у него очень мало. Его основные понятия: «организм» (а не личность, лицо, индивидуальность, персона и т.п.), «анализатор» (а не «понятие», «принцип», «правило», закон, постулат, аксиома и т.п.), «структура» и еще несколько. Себя Енчмен величает в посвященной восемнадцати тезисам брошюре не просто «я», «мы» или «автор», а исключительно «автор теории новой биологии».

Дело в том, что введение понятий производится у Енчмена не путем сужения и уточнения их смысла, а, напротив, путем расширения. Так, «организмом» Енчмен называет то, что обычно называют «личностью», «лицом», «человеком». Можно сказать, что у Енчмена классовый подход к словам, понятиям, терминам, теориям. Его задача – на основе классового подхода отделить зерна от плевел, отбросить все лишнее и неправильное. То, что другие большевики делали по отношению к людям, определяя, свой или чужой, трудящийся или буржуй, друг или враг, каковы убеждения (отношение к революции, к партии большевиков и т.п.), Енчмен делал по отношению к словам, теориям, наукам.

Стиль, язык, сам подход, мировоззрение Енчмена напоминают то, что мы видим в фантастическом романе-антиутопии «Мы» Е.И. Замятина или у Андрея Платонова в «Чевенгуре» и «Котловане». Впрочем, возможны и другие параллели при оценке теории Енчмена. Так, с точки зрения авторов коллективной монографии «Социология в России», «в западной общественной мысли нечто похожее можно найти в инженерно-поведенческой утопии Б. Скиннера “Уолден-2”» [745, с. 22]. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что понятийный анализ у Енчмена проводится (по заверениям самого Енчмена) по образцу и аналогии с «методом критики Марксом в “Капитале” фразеологических особенностей теоретических работ Адама Смита и Д. Рикардо» [264, с. 72].

Таким образом, Енчмен, в отличие от многих советских марксистов 1920-х гг., за образец и за основу (пусть хотя бы и в критике, а не в конструктивной части) берет не философию Маркса, а научную составляющую марксизма – политэкономию, «Капитал» Маркса. Относительно психологии и ее проблем теоретические взгляды Енчмена нашли свое выражение в тезисе о непосредственной (интроспективной) данности человеку только собственной психики. Оборотной стороной этого тезиса у Енчмена было утверждение о непознаваемости психики другого человека. Принципиальная позиция Енчмена по отношению к психологии состояла в том, что в своей теории он недвусмысленно проводил линию на полный отказ от психологии, редуцируя ее к физиологии (точнее, к своей «теории новой биологии»). Разумеется, эту позицию уже в то время нельзя было назвать ни новой, ни оригинальной.

Рассмотрение обеих работ Енчмена как единого целого не снимает задачи сравнительного анализа этих работ. При внимательном рассмотрении между первой и второй работами Енчмена обнаруживается существенная разница, свидетельствующая о том, что для Енчмена оставалось по-прежнему главным и неизменным, а что потребовало изменения, модификации. Прежде всего следует отметить, что во второй работе Енчмен отказался от своих «анализаторов». В работе «Теория новой биологии и марксизм» речь идет не о восемнадцати

тезисах или пятнадцати анализаторах, а фактически только об одном «анализаторе», выраженном в одном тезисе: «Непространственные явления не существуют, и поэтому не существуют и реакции (суждения) по их поводу».

Таким образом, от пропаганды многих идей Енчмен перешел к агитации одной идеи. Разумеется, с педагогической точки зрения, при работе с массами, в студенческой и рабочей аудиторией (среди рабфаковцев) (особенно учитывая низкий исходный уровень грамотности этой аудитории) агитация должна быть по форме более понятной и доступной для аудитории, не создающей дополнительных трудностей при усвоении материала. Второй важный момент заключается в объеме обеих брошюр: объем первой – 55 страниц, объем второй – 82 страниц. Учитывая, что в первой работе освящаются 18 тезисов и 15 анализаторов, а во второй – только один «анализатор» (постулат, суждение, утверждение) в двух-трех тезисах-пояснениях, разница оказывается, действительно, существенной.

Как была опубликована эта работа? Как вообще стала возможной публикация такой работы? В выходных данных второй работы (на второй странице обложки) указано: «Набор и печатание книги выполнены вечерними и ночными работами студентов Рабфака Петербургского Государственного Университета» [264]. По-видимому, Енчмен вел занятия среди студентов-рабфаковцев в Петрограде, в университете, и с достаточно большой степенью вероятности можно предположить, что среди них оказалось несколько человек (или даже один), работающих в типографии. Увлеченные идеями Енчмена, они дали согласие на подготовку рукописи к печати – добровольную (т.е. бесплатную) работу по подготовке рукописи к печати (набор, правка, печать). Разрешение от Главлита была также получено, по-видимому, без особых хлопот в силу ясно выраженной классовой (пролетарской) позиции автора. Большую (если не сказать – огромную, главную) роль в факте публикации играло и то, что Енчмен был большевиком – членом ВКП(б). Неслучайно, как уже отмечалось выше, на обеих брошюрах на обложках в надзаголовке стоит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Хотя Енчменом цитируется, упоминается и оценивается достаточно широкий круг авторов (Н.К. Крупская [264, с. 59-60], А.В. Луначарский [264, с. 60], М.Н. Покровский [264, с. 61], К.А. Тимирязев [264, с. 61], Н.И. Бухарин [264, с. 62-66], Е.В. Де-Роберти [264, с. 66-67], В.Н. Сарабьянов [264, с. 67-68], Г.В. Плеханов, Ф. Энгельс, К. Маркс, В.И. Ленин, Демокрит [264, с. 71-75], Б. Горев [264, с. 73], Р. Декарт [264, с. 76-77], А.М. Деборин [264, с. 79], Д.Б. Рязанов [264, с. 79] и др.), в целом современную ему советскую марксистскую философию (идеологию) в итоге Енчмен оценивает как «сплошное, сплоченное “наступление буржуазной идеологии” на революцию» [264, с. 80-81].

Рассматривая свою вторую брошюру как «Введение», в ближайшем будущем Енчмен планировал издать еще три главы в виде отдельного «второго выпуска». Енчмен воображает, что в «большом энциклопедическом словаре» далекого коммунистического будущего будет рассказываться о том, как «передовые революционные рабочие, – простые рабочие в блузах, – сначала России, а затем всего мира, вооруженные теорией новой биологии и ее разоблачениями, решительно двинулись на завоевание и уничтожение считавшихся до того “священными” таких специальных орудий эксплуататорского обмана, как кафедры по философии и психологии буржуазных или социалистических университетов и академий» [264, с. 80].

В разных местах работы Енчмен говорит также о «втором томе», «второй части первого тома». Создается впечатление, что одна из основных проблем Енчмена заключается в том, что ему все время не хватает места. Он мог бы много еще чего сказать, написать, но объем книги ограничен, да и времени совершено нет! Поэтому он много пишет о том, о чем он хотел бы написать и о чем он еще будет писать. Однако этой возможности он был вскоре лишен по причинам, вполне явственно обнаруживаемым в последовавшей критике в адрес брошюры «Теория новой биологии и марксизм» со стороны Н.И. Бухарина, В.Л. Коппа и других критиков-марксистов.

Критика «теории новой биологии» в 1920-е гг. Из обширной марксистской критики 1920-х гг. прежде всего следует отметить большую работу Н.И. Бухарина «Енчмениада» [185], [189], рецензии И. Вайнштейна [193] и Н. Карева [337] и сборник «Очередное извращение марксизма» [543] со статьями «Марксизм дыбом» С. Гириниса [543, с. 53-91], «Неслыханные открытия» В. Коппа [543, с. 17-52], «Непроизводительный труд» Л. Ческиса [543, с. 11-16] и «Хлестаковщина или наивность?» В.Н. Сарабьянова [543, с. 92-139].

Характерно, что В.Н. Сарабьянов, в конце статьи отвечая на поставленный в заголовке вопрос, приходит к выводу: «Енчмен такой же марксист, какой Хлестаков – ревизор» [543, с. 139], тем самым лишний раз подтверждая сказанные еще в 1918 году слова Н.А. Бердяева о том, что «сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России» [313, с. 60].

Заметим, что аналогичных взглядов придерживался и В.И. Вернадский. Ф.Ф. Перченок в статье о судьбе Академии наук, оказавшейся под прессом в годы сталинского «великого перелома», пишет: «Необузданное самодурство власти – привычная норма. В новой социальной пирамиде пробиваются вверх не лучшие, культ мозолистых рук служит прикрытием для них. “И откуда вы выбираете гоголевски-щедринских типов!” – скажет вскоре Вернадский Г.М. Кржижановскому» [560, с. 167].

Енчмену была посвящена отдельная статья в первом издании Большой Советской Энциклопедии [267]. Большое внимание теории Енчмена уделили Г. Баммель [63], А.Ф. Самойлов [685] и А.М. Деборин [248, с. 360-362].

Н.И. Бухарин в статье «Енчмениада» доказывает, что Енчмен – не марксист. Но признал бы, например, А.И. Введенский Енчмена за своего? Вряд ли. В отличие от других критиков, Бухарин цитирует, помимо двух, еще и третью работу Енчмена, имевшуюся только в машинописном виде – «Психология перед судом возрождающегося позитивизма». Бухарин пишет: «Это – маска, под которой Енчмен протаскивает старый буржуазный хлам» [189, с. 206].

Но почему бы не сказать и наоборот: все это – философствование о непространственности психики – маска, под которой Енчмен протаскивает

марксизм?! Для самого Енчмена марксизм, буржуазная философия, современная рефлексология, а также современная революционная идеология – всего лишь полуфабрикаты, строительный материал его теории. Именно под маской всего этого – под маской философии, марксизма, рефлексологии, идеологии – Енчмен протаскивает свою теорию (фактически – содержание своего сознания).

Поэтому Бухарин прав: суть Енчмена в том, что он индивидуалист. Чтобы быть марксистом, Енчмен заявляет себя сторонником идей Маркса; чтобы быть своим среди ученых – пользуется словами из теории Павлова; в области религии – текстами и сюжетами из Библии и т.п. И везде он пытается провести свои идеи. Но есть ли у него это свое? Что у него есть в результате своего, кроме стремления, попытки сотворить великий синтез или, наоборот, доказать, что в то, что у него есть (то, что было ему дано сразу и целиком, как откровение) составными частями входят марксизм, христианство, биология?

Енчмен назвал свою теорию «теория новой биологии», но точно также, с таким же правом он мог бы назвать ее и теорией новой философии, новой религии, нового марксизма, новой идеологии и т.п. Все эти элементы представлены на равных, и в этом суть. Но при этом не следует забывать и о том, что во всякой революции имеются две тенденции – разрушительная и созидательная. Это относится в полной мере и к революции 1920-х гг. в области культуры (идеологии, науки, философии и т.д.). У Енчмена присутствуют обе тенденции, но вторая (созидательная, творческая) – в минимальной степени. Прежде всего Енчмен является ярко выраженной персонификацией разрушительной тенденции революционной деятельности в области философии, науки и культуры и, в частности, в психологии.

Поэтому неслучайно, что во всех работах советских партийных критиков-марксистов – естественно, отстаивавших позиции ортодоксального, т.е. официального, общепризнанного марксизма (впрочем, тогда еще только складывающегося в качестве не только партийной, но и государственной идеологии) – подчеркивается неоригинальность (вплоть до плагиата), нелепость

и вульгарность взглядов Енчмена, но в то же время указывается на чрезвычайную опасность этих взглядов.

Так, Н.И. Бухарин в речи на пятом всемирном конгрессе Коминтерна (июнь 1924 г.) даже счел нужным подчеркнуть интернациональный характер опасности, исходящей из теории Енчмена [186]. В. Копп считал, что внимание к творениям Енчмена следует объяснять главным образом силой «великого интереса, проявляемого нашим студенчеством к вопросам психологии в освещении школы Павлова. Бросаясь направо и налево терминами “рефлекс”, “реакция”, “анализатор”, Енчмен придал себе вид провозвестника нового учения, преподнеся в действительности его изуродованную карикатуру» [543, с. 44].

В Большой Советской Энциклопедии сообщается, что Енчмен «на короткое время сгруппировал вокруг своей «теории» некоторые элементы учащейся молодежи, поддавшиеся мелкобуржуазным влияниям, в частности – троцкистских идей об исключительной роли молодежи. Тогда же (1924) “енчмениада” была разгромлена», и далее в статье сущность взглядов Енчмена определяется как «вульгарно-механистический материализм, сочетающий плохо переваренные идеи рефлексологической школы Павлова со взглядами кантианцев, махистов и пр.» [267, ст. 525].

В 1926 г. авторы статьи о двух уклонах в марксистской философии (либо полностью отрицающих философию, либо превращающих ее в самоцель) уже могли с полным основанием писать о Енчмене в прошедшем времени: «Первый уклон состоит в полном отрицании философии как самостоятельной научной дисциплины. Впервые эту точку зрения выдвинул достаточно крикливо и бестолково т. Минин… Пресловутый Енчмен оказался еще “решительнее” и предложил отказаться от всякой идеологии вообще. Енчменизм представил собой вырожденческие тенденции в марксистской теории и сводился к теоретическому обезоруживанию пролетариата. Объективно он выразил собой напор на партию мелкобуржуазной стихии, питающей чисто животную органическую ненависть к ясной и четкой пролетарской идеологии» [558, с. 265-266].

А.М. Деборин, ретроспективно оценивая итоги «енчмениады», в 1927 г. писал: «Мы уделили столько места Енчмену не потому, чтобы его взгляды сами по себе заслуживали особого внимания. На всей его работе лежит печать дилетантизма, ужасающей путаницы и невежества. У современного читателя, мы уверены, “идеи” Енчмена способны вызвать только гомерический смех. Но в свое время они своим “радикализмом”, теоретическим нигилизмом увлекли часть учащейся молодежи. В некоторых наших вузах образовались специальные кружки “тэ-энбистов” (т.е. последователей ТНБ – «теории новой биологии» Енчмена – *С.Б.*), в которых усердно изучались писания новоявленного пророка. Не будет преувеличением сказать, что енчменизм угрожал самым основам марксизма. Это обстоятельство и заставило революционных марксистов, в том числе и т. Бухарина, выступить с резкой отповедью Енчмена. Тов. Бухарин в своей прекрасной работе “Енчмениада” вскрыл социальные корни енчменизма и показал его теоретическую несостоятельность. Тов. Бухарин показал, что енчменизм ничего общего не имеет с марксизмом» [248, с. 361]. Обращают на себя внимание и слова Деборина о том, что енчменизм «ныне почти забыт», но «отдельные элементы енчменизма не изжиты по сей день», в том числе и в психологии [248, с. 362].

Очевидно, что негативное отношение партийных критиков к теории Енчмена прежде всего заключалось в ее мимикрии под настоящий (ортодоксальный, революционный) марксизм. Действительно, даже сейчас при сопоставлении работ Енчмена и его критиков 1920-х гг. порой бывает очень трудно понять, где кончаются радикальные взгляды Енчмена и где начинаются взгляды представителей ортодоксального марксизма.

Общие черты у Енчмена и его марксистских критиков видны в том, что свою позицию партийные критики-марксисты не определяют в каких-либо определенных рамках (философии, биологии, психологии, физиологии или идеологии) и не проводят ясного разграничения областей компетенции по обсуждаемым вопросам (о соотношении субъективного и объективного бытия, сущности психики). Все эти позиции для критиков-марксистов слиты в одну

позицию – позицию коммуниста, большевика и марксиста. Но то же самое мы видим и в «теории новой биологии» Енчмена, которая является сразу всем: наукой, философией и руководством к действию.

Немаловажно и то, что Енчмен был членом партии большевиков, и поэтому с его взглядами и теорией самим большевикам было намного труднее бороться, чем с противниками «по ту сторону баррикады». В то же время слушателям и читателям работ Енчмена было гораздо легче доверять ему, верить в то, что его взгляды и теория являются марксистскими, отвечают духу и букве большевизма.

Енчмен, несомненно, обладал не только определенным литературным даром, но и даром пропагандиста, организатора и проповедника, он знал рабочую и студенческую аудиторию, мог заражать ее своими идеями. Нельзя не отметить наличия у Енчмена деловых, организационных качеств, благодаря которым он сумел издать две свои работы в непростых условиях начала 1920-х гг. Все эти обстоятельства способствовали тому, что работы Енчмена и содержащиеся в них идеи действительно могли ввести в заблуждение неподготовленных читателей и слушателей из числа «партийного молодняка», которые увлеклись взглядами Енчмена, считая его теорию составной частью партийного мировоззрения и дальнейшим развитием марксистской теории.

Изучение работ критиков Енчмена позволяет также получить представление о том, как отвечали в то время большевики-марксисты на важные философские и психологические вопросы: о соотношении духа и материи, психики и мозга, о сущности психики и сознания, предмете и методах психологии. При этом, что характерно, обнаруживаются разногласия – и порой очень сильные – во взглядах между самими критиками по вопросам изложения и интерпретации марксистских идей.

Так, опровергая формулировку Енчмена «сначала – материальное и никогда – духовное», В.Н. Сарабьянов отстаивает материалистический тезис «сначала материальное, а затем – духовное» [543, с. 127]. Однако С. Гиринис в статье, опубликованной в том же (!) сборнике, отказывается признать в качестве марксистской не только формулу «сначала духовное, а потом материальное», но

и формулу «сначала материальное, а потом духовное» – в силу того, что последняя «есть только искаженное отображение действительности в кривом зеркале» теории Енчмена [543, с. 60]. Единственной правильной формулой марксизма, по С. Гиринису, является монизм (единство) материального и духовного, бытия и сознания [543, с. 61]. И таких примеров несовпадения и разночтений можно найти в работах критиков Енчмена немало.

В.Н. Сарабьянов, как бы извиняясь за разноголосицу в стане марксистов и в собственных воззрениях, очень хорошо обрисовывает общее положение дел в советской марксистской литературе первой половины 1920-х гг.: «В современной же марксистской литературе, в отличие ее от классической, можно встретить много неудачных и неверных выражений и даже построений. Объяснение этому найти совсем не трудно: с одной стороны, мы торопимся, мы не вынашиваем работ, как это делали Маркс, Плеханов, и даже Энгельс (мы в месячный срок выполняем задание в несколько печатных листов). С другой стороны, обращаясь к очень неподготовленной аудитории, мы популяризуем и сплошь да рядом неудачно, а когда приходится объяснять очень трудные места (например, психофизический параллелизм в спинозовском смысле слова), мы невольно допускаем ошибочные шаги, например, от неверного к верному, но трудно поддающемуся популярному изложению, мы перекидываем мостик отчасти верный, отчасти ложный. Вот почему, опираясь на теперешнюю популярную литературу, нельзя разносить марксизма в целом» [543, с. 118-119, прим.]. Пожалуй, эти слова мог бы сказать и Енчмен, будь у него та же степень критичности, что и у В.Н. Сарабьянова.

Нельзя не обратить внимание и на то, что очень часто те решения обсуждаемых проблем, которые критики Енчмена квалифицируют как самые новые и марксистские, при внимательном изучении оказываются с точки зрения психологии на самом деле либо уже ставшими общепризнанными постулатами (например, ясное различение в вопросе о сущности психики метафизического, философского подхода и подхода собственно научного, эмпирического, экспериментального), либо уже устаревшими и преодоленными к тому времени

в психологии (в частности, сведение психофизической проблемы только к психофизиологической проблематике). В целом же все марксистские критики сближали взгляды Енчмена с теорией И.П. Павлова (исходя из терминологии Енчмена: анализаторы, организм, пространственные явления) и подчеркивали немарксистский и антимарксистский характер взглядов Енчмена.

Как видим, основная критика в 1920-е гг. и после шла вовсе не по линии вычленения психологических проблем во взглядах Енчмена. Критиковались его философские, идеологические, марксистские взгляды. Исключение представляет только статья К.Н. Корнилова [372], а уже в наше время, в 1988-1989 гг., – статья А.В. Петровского [571]. Если, как мы убедились, уже в 1920-е гг. взгляды Енчмена были достаточно подробно и широко проанализированы с партийных, идеологических позиций, то иная картина открывается в плане того, как теория Енчмена была встречена научным сообществом. Из всей научной литературы 1920-х гг. специально посвящена теории Енчмена пожалуй, только одна работа – статья К.Н. Корнилова [372]. В ряде психологических работ того времени встречаются отдельные краткие упоминания о Енчмене – у К.Н. Корнилова [377], В.Я. Струминского [762], П.П. Блонского [86], Ю.В. Франкфурта [833], Г.И. Челпанова [856], З.И. Чучмарева [859] и др.

Итак, как же оценивали советские психологи 1920-х гг. теорию Енчмена?

Оценки К.Н. Корнилова, в то время психолога-марксиста номер один в советской психологии (в виду занимаемого им поста директора Института психологии в Москве), являются двойственными. В принципиальном, методологическом плане К.Н. Корнилов оценил работы Енчмена как «чрезвычайно ценные искания и построения», – прежде всего ввиду проведенного в них принципа монизма, близкого К.Н. Корнилову в те годы [99], [104]. Это же отмечал в 1923 г. и другой новоявленный психолог-марксист – В.Я. Струминский: «С особой и настойчивой последовательностью подходит к вопросу об абсолютной пространственности всего, что имеет отношение к живому существу, и о несуществовании непространственных явлений Енчмен в своей оригинальной работе (“Теория новой биологии и марксизм”, вып. 1, Пбг.,

1923 г.). Вероятно, именно в этой настойчивой последовательности и заключается причина, почему положения автора вызвали отрицательное отношение к себе даже в некоторых марксистских кругах, несмотря на их полное соответствие духу марксистской идеологии. Так живучи еще пережитки старого мировоззрения в нашу эпоху» [762, с. 406].

В другом месте своей работы В.Я. Струминский еще раз подчеркивает: «Дуалистическая исходная точка зрения является непревзойденной даже в современной литературе марксизма. Именно поэтому необходимо считать очень характерной и показательной для современности работу Енчмена, пытающуюся устранить дуализм в самом его корне» [762, с. 407].

В то же время К.Н. Корнилов при всем своем положительном отношении к общему монистическому подходу, содержащемуся в «теории новой биологии», резко критикует Енчмена за то, что тот не нашел возможности, оставаясь монистом и материалистом, признать реальность и значимость психических процессов. Отвлекаясь «от многих странностей изложения автора теории новой биологии» [372, с. 33], К.Н. Корнилов основное внимание уделил анализу трактовки Енчменом психических (субъективных, непространственных) явлений. Для К.Н. Корнилова как психолога было важно подчеркнуть, что Енчмену «не удалось ликвидировать психические процессы, а удалось лишь их изолировать от всякого познания, закапсулировав в самонаблюдении воспринимающего их субъекта» [372, с. 47], поэтому в психологии Енчмен – агностик и дуалист.

Причиной непоследовательности и противоречивости в суждениях и выводах у Енчмена, как и у И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, считает К.Н. Корнилов, «является только одно – это боязнь включить в число научных объектов то, что мы называем психическими состояниями». Енчмен «всю стройность» своей монистической системы «нарушил не чем иным, как стремлением отделаться все от тех же «субъективных» «непространственных» явлений, закапсулировавши их в непознаваемый, но данный в самонаблюдении объект» [372, с. 51].

Енчмен, как правильно подчеркивает К.Н. Корнилов, совершенно по-своему трактует понятие «анализатор». Но это значит, что Енчмена ни в коей мере нельзя считать физиологом, рефлексологом, «павловцем» только за используемые им понятия «анализатор», «реакция» и «организм». Важна трактовка, важен смысл, вкладываемый Енчменом в эти понятия. Согласимся, что Енчмен – не сторонник и не представитель учения И.П. Павлова. Но точно также Енчмена нельзя считать и марксистом, так как Енчмен вкладывает совсем другой, свой смысл в понятие «пролетариат», «эксплуататоры», «революция» и т.д. Поэтому Енчмена нельзя считать и марксистом.

По той же логике (через выяснение смысла и значения используемых им понятий) Енчмен, говоря о религии, Христе и т.п., не является теологом. Точно также Енчмен – не философ-идеалист (хотя он говорит о том, что не знает, одушевлены ли другие люди) и не вульгарный материалист (хотя и говорит о том, что все существующее протяженно, пространственно).

В этом плане весьма показательно, что К.Н. Корнилов неоднократно обращает внимание на противоречивость и даже абсурдность используемой Енчменом психологической терминологии. Так, часто встречающееся у Енчмена выражения «непространственные явления, наблюдаемые в себе самом» и «непространственные явления опыта» Корнилов оценивает как «абсурдные сочетания понятий». К тому же трактовка Енчменом понятия «анализатор» «резко отличается от понимания анализатора Павловым, поскольку под понятие анализатора Э. Енчмен подводит и то, что обычно именуется логическим мышлением, т.е. образованием понятий, суждений, умозаключений и т.п.» [372, с. 35], что не мешает, однако, Енчмену «трактовать анализаторы как явление чисто пространственное, в частности органическое, т.е. физиологическое» [372, с. 35-36].

Ценность проведенного К.Н. Корниловым анализа теории Енчмена заключается в демонстрации ненаучности и абсурдности целого ряда используемых Енчменом понятий и выражений. Подчеркнем, что эти понятия и выражения в теории Енчмена являются стержневыми, чем фактически сводится

на нет отмеченное К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским все позитивное и правильное в теории Енчмена.

Кроме того, вывод К.Н. Корнилова о признании Енчменом некоего «полусуществования психических явлений» вполне приложим, с нашей точки зрения, и ко всем другим проблемам, так или иначе рассматриваемым Енчменом. Действительно, такую же половинчатую, двойственную позицию Енчмен занимает практически везде – по отношению к марксизму, науке, философии, психологии, биологии и т.д.

П.П. Блонский в редакторском предисловии к вышедшему в 1924 г. на русском языке «Очерку психологии» Л. Джемсона следующим образом высказался по поводу «уклона» в лице Енчмена: «Нет сомнения, что “Очерк психологии”, изданный английской лигой “Плебс”, сыграет большую роль и в истории русской психологии в качестве очерка марксистской психологии. Несмотря на несомненный идеологический сдвиг русской интеллигенции, в частности русских психологов, старая спиритуалистическая психология еще до сих пор значительно распространена. Сойти окончательно со сцены ей мешают, между прочим, и те ошибки и уклоны, те “детские болезни”, которые переживает нарождающаяся новая психология. Один из этих уклонов уже почти изжит нами. Это – то увлечение психологией Авенариуса и Маха, которое в свое время некоторыми культивировалось у нас. Пожалуй, о нем уже нет нужды писать. Второй уклон еще изживается: это – та причудливая смесь авенариусовщины и ленинградской объективной психологии, которая была с таким шумом проповедуема Енчменом. В конце концов, это – довольно безобидная для старой психологии вещь, поскольку она внимание концентрирует преимущественно на терминах, а не на существе дела. В то же время это – определенно вредная вещь для материалистической психологии, как компрометирующая ее абсурдной формой изложения, так и содержащимся в ней замаскированным идеализмом – определением, подобно Декарту, материальных явлений исключительно как пространственных явлений (игнорирование физического понятия массы); сведением так называемых “непространственных” явлений к какой-то

кантовской “вещи в себе” и, наконец, ярко идеалистическим à la Беркли-Авенариус аргументированием от “невысказываемости”. Я не говорю уже о невероятной сбивчивости и массе недосказанностей, которые так характерны для Енчмена. Но этот уклон уже изживается» [85, с. VII-VIII].

В этих словах обратим внимание на предельно сжатое, но в то же время точное определение сути теоретических взглядов Енчмена, а также на оценку общего положения дел: представленный Енчменом уклон «еще изживается». Эти высказывания П.П. Блонского важны для реконструкции феномена Енчмена, особенно если учитывать, что в конце предисловия цитируемой работы П.П. Блонского указана дата – 10 апреля 1924 г.

Однозначно негативно высказался о Енчмене в 1927 г. Ю.В. Франкфурт: «Марксисты-психологи считают, что отрицание внутренних переживаний или эклектические путаные сомнения в вопросе об их признании и необходимости их изучать есть недостаток, ошибка объективистов. Эта ошибка, этот недостаток объективистов и послужили исходной точкой енчменизма, “теории новой биологии”, чуждой лишенной всего богатого фактического материала, имеющегося в учениях Бехтерева и Павлова, но возведшей в принцип путаное, ошибочное отрицание объективистами субъективного и представляющей собой карикатуру на учение наших объективистов рефлексологов и пасквиль на марксизм, для чего достаточно прочесть “Енчмениаду” Бухарина. Впрочем, такие “откровения” не новы, ибо еще Плеханову пришлось по сходному поводу отчитать Шулятикова» [833, с. 176].

Очевидно, эта однозначность во многом объясняется тем, что к 1927 г. все точки над «i» в отношении Енчмена были уже расставлены.

Для психофизиолога З.И. Чучмарева, также опирающегося в своей работе при оценке взглядов Енчмена на выводы Бухарина, было важно подчеркнуть, что Енчмен «не мог найти у марксистов доводов в пользу отрицания психики и науки о ней», что аргументация Енчмена «против психофизиологии за полную замену ее рефлексологией может найти опору только в идеалистических источниках» (у Введенского, Пирсона, Риккерта и др.) [859, с. 130]. С точки зрения Чучмарева,

«отрицание психики и ее познаваемости (т.е. отрицание психофизиологии) необходимо приводит не только к вульгарному материализму, но и к прямым заимствованиям идеалистических взглядов» [859, с. 130].

При изучении вопроса об отношении советских психологов 1920-х гг. к теории Енчмена наиболее показательной является точка зрения Г.И. Челпанова, который счел нужным в работе «Психология или рефлексология?» уделить теории Енчмена несколько строк: «Ярким представителем этого же направления, объективно-рефлексологического, является Енчмен. По моему мнению его бесспорная заслуга заключается в том, что он в очень отчетливой форме выразил сущность объективно-рефлексологического направления. Он решительно отверг реальность сознания и психического. “Для нас”, говорит он, слова “знание”, “познание” обозначают собой только физиологические реакции без всякого участия психики, т.е. без всякого участия не пространственных явлений» [264, с. 24]. «Обсуждая формулу “сначала материальное, а потом духовное”, он говорит: нашей собственной формулой может быть только: “сначала материальное и никогда духовное”» [264, с. 56]. «Такое доведение до абсурда является очень полезным, потому что дает возможность легче вскрыть ошибку. Во всяком случае за ним та большая заслуга, что он осуществил мечту психологов, стоящих на точке зрения вульгарного материализма» [856, с. 25].

Таким образом, и психологи, и партийные критики 1920-х гг. при всей разнице в подходах были единодушны в оценке взглядов Енчмена, указывая на то, что в научном плане «теория новой биологии» не заслуживает серьезного внимания ввиду своей необоснованности и ненаучности, в лучшем случае являясь лишь эклектическим повторением чужих идей.

Сущность феномена Енчмена. Хотя Енчмен не был психологом и его теорию нельзя считать чисто психологической, изучение имевшего место в первой половине 1920-х гг. феномена Енчмена в настоящее время представляет определенный интерес для историка психологии прежде всего потому, что в теории Енчмена большое место занимали психологические проблемы – о сущности психики и сознания и методах их изучения, о соотношении

субъективной (интроспективной) и объективной (рефлексология) психологий, о практическом и прикладном значении разрешения теоретических проблем психологии, о соотношении психологии и марксизма, психологии и философии вообще, психологии и идеологии. Все это означает, что феномен Енчмена является важной составной частью рассматриваемой нами тенденции «от психологии объективной к психологии марксистской».

С этой точки зрения при изучении работ Енчмена и вызванной ими полемики невозможно не впасть в иронический тон. То же чувство возникает и при ознакомлении с тем, что собой представляли в научном плане такие деятели сталинской эпохи, как Г.М. Бошьян, О.Б. Лепешинская, Т.Д. Лысенко, И.И. Презент и им подобные [733]-[738], [869]-[871]. Деятельность этих людей часто оборачивалась трагедией для настоящих ученых, однако в случае с Енчменом этого не произошло – по-видимому, потому, что в партии нашлись люди (Н.И. Бухарин и другие), которые дали ему отпор. Напротив, в случае с Т.Д. Лысенко (и иже с ним) в партии не нашлось специалистов по сельскому хозяйству, генетике, растениеводству и селекции, которые могли бы правильно оценить Т.Д. Лысенко.

Но гораздо более важным обстоятельством, заставляющим нас обратиться к изучению феномена Енчмена и его места в истории советской психологии 1920-х гг., является то, что помимо Енчмена еще была целая «енчмениада» – реакция на идеи (брошюры) Енчмена, и именно она нас удивила и продолжает удивлять. С самого начала складывается впечатление, что Енчмен со своими необычными по форме и нелепыми по содержанию идеями оказался тем воробьем, из которого большевики были готовы стрелять из пушки – и стреляли, учитывая кампанию критики и невозможность Енчмена что-либо опубликовать в ответ. Можно сказать, что также как о Е. Дюринге марксисты знали только по «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельса, так и о Енчмене после 1988 г. в нашей психологии знают только по «Енчмениаде» Н.И. Бухарина. Конечно, надо знать статьи и книги критиков, но все-таки с идеями тех, кого критикуют, в первую очередь надо знакомиться по первоисточникам, не так ли?

По своему происхождению и основным идеям (классовый поход, необходимость пролетарской революции) теория Енчмена была, безусловно, марксистской. Другое дело, что марксистскую доктрину Енчмен трактовал совершенно по-своему, начиная от исходных терминов и понятий и кончая конкретными мероприятиями в ходе революционных преобразований. Будучи в значительной степени порождением самого марксизма, теория Енчмена заключала в себе мощную, не останавливающуюся ни перед чем и не перед какими-либо авторитетами деструктивную тенденцию, направленную в том числе и против самого марксизма во всех его обличьях (как науки, философии, партийной и государственная идеологии, мировоззрения), а, значит, и против партии. Разумеется, у Енчмена можно обнаружить и творческую, созидательную тенденцию, но прежде всего он является ярко выраженной персонификацией разрушительной тенденции в самом марксизме как революционном учении и руководстве к действию. И именно в этой деструктивной тенденции заключалась главная опасность теории Енчмена для правящей большевистской партии.

О сущности подхода Енчмена хорошо высказался В.Н. Сарабьянов: «Енчмен все рушит, начиная с марксизма, как он представлен Марксом, Энгельсом, Плехановым, Лениным, и кончая биологией» [543, с. 104].

Не из-за того большевики так ополчились на Енчмена, что в его теории формулируются лозунги о ликвидации психологии, логики и других наук. Это не самое главное в теории Енчмена. Все дело заключается в том, что теория Енчмена – это атака прежде всего на сам марксизм, на партию. Енчмен прямо писал о том, что марксизм скоро выйдет «на широкую дорогу теории новой биологии» и что современные кафедры философии и психологии не только буржуазных, но и социалистических (!) университетов и академий являются «специальными орудиями» эксплуататорского обмана [264, с. 80].

В деле воздействия на рабочую аудиторию Енчмен, будучи сам плоть от плоти марксистом и членом партии, выступал как конкурент другим марксистам, всей партии большевиков. Поэтому следует не только учитывать – наряду с научной – идеологическую составляющую взглядов Енчмена, но и признать

последнюю в качестве определяющей сущность «теории новой биологии» и всего феномена Енчмена. Отсюда становится ясной принципиальная недостаточность отмеченных выше точек зрения на феномен Енчмена.

В «теории новой биологии» Енчмена можно обнаружить, как это делает Виндхолц, ряд идей, очень близких к идеям бихевиоризма Уотсона и Скиннера, а также, добавим, Бехтерева и Павлова (отношение к сознанию и методу интроспекции, рассмотрение поведения как совокупности рефлексов), но все эти идеи были Енчменом вульгаризованы и идеологизированы, что существенно уменьшило их позитивное, научное значение. Преобладающее значение в «теории новой биологии» имела разрушительная, а не созидающая тенденция – по отношению к науке, философии (в том числе и марксизму) и идеологии (в том числе и марксистской). В отечественной историографии (Е.А. Будилова, А.В. Петровский, А.А. Смирнов) эта разрушительная тенденция, присущая взглядам Енчмена, верно отмечается и выносится на первый план, но оценивается как исходящая исключительно из сферы науки – бихевиоризма, рефлексологии, физиологии, биологии.

Можно согласиться с партийными критиками 1920-х гг. относительно того, что Енчмена нельзя считать правильным, ортодоксальным марксистом, так как марксизм и марксистскую терминологию он трактует совершенно по-своему. Но тогда по этой же логике Енчмена точно также нельзя считать и выразителем идей школ В.М. Бехтерева или И.П. Павлова.

Сущность феномена Енчмена заключается в том, что это была попытка невежественного и бесцеремонного вмешательства в жизнь науки, причем идеологическая составляющая (марксистское учение, атмосфера войн и революций, большевистская партийная идеология) у Енчмена оказалась сильнее, чем научная составляющая «духа времени» (теории Ч. Дарвина, И.П. Павлова, позитивизм), к которой апеллирует Виндхолц [985].

Слишком многое пришлось бы разрушить в науке, чтобы утвердить теорию Енчмена (думается, и американскому бихевиоризму тогда не поздоровилось бы). Отличие нашей позиции от позиции Виндхолца состоит в том, что, определяя,

как и Виндхолц, феномен Енчмена как проявление деструктивного воздействия идеологии на науку и не отрицая всего того, что сделали советские критики-марксисты по отношению Енчмену, мы все же рассматриваем Енчмена не в качестве объекта, жертвы, а в качестве *субъекта* деструктивного воздействия на психологию со стороны марксистской идеологии.

Очевидно, вся сложность оценки феномена Енчмена заключается в том, что автору «теории новой биологии» удалось парадоксальным образом совместить обе ипостаси – и объекта, и субъекта деструктивного воздействия на науку. Но без помощи марксистской (идеологической, партийной) составляющей «теория новой биологии» никогда не смогла бы дорасти до «феномена Енчмена», т.е. до одного из значимых символов того, чтó стоящая во главе государства партия большевиков пыталась делать с наукой (и, если смотреть шире, культурой и всем обществом), и в этом все дело.

Разрабатываемая и предлагаемая Енчменом «теория новой биологии» – это не просто новая теория (как он сам подчеркивает) и даже не сверхнаука (комплексная, синтетическая наука, объединяющая в себе целый ряд наук), а нечто большее, гораздо большее. «Теория новой биологии» – это теория, которая является *всем*, поскольку это одновременно наука и совокупность наук (биология, психология, логика), а также еще и философия, идеология, революционная теория, теория познания, мировоззрение и религия.

Фактически «теория новой биологии» – это идеология в самом широком (предельном широком) смысле и масштабе. Но разработкой такой идеологии и занимались как раз большевики в то время, именно в 1920-е гг. Поэтому теория Енчмена оказалась конкурирующей. Как могла отнестись к теории Енчмена, к его попытке создать новую идеологию партия большевиков? В принципе были возможны несколько вариантов.

Отношение власти тоталитарного государства к какой-либо теории (И.П. Павлова, Э.С. Енчмена, Н.Я. Марра, педологической, А. Эйнштейна, А.Д. Сахарова, С.П. Королева и т.п.), по сути своей являясь идеологическим (т.е. исходя из вопроса о том, как эта теория вписывается в существующую

идеологию) складывается, с нашей точки зрения, из четырех аспектов: чисто *теоретического* (содержательного), *личного*, *практического* (утилитарного) и *идеологического* (в узком, политическом) смысле.

1. *Теоретический аспект* – это отношение к самой теории исключительно как к теории, т.е. к ее содержанию (законам, правилам, закономерностям, предмету, объекту, методам) и форме (понятиям, терминам, категориям). В этом случае теория может быть оценена как понятная или непонятная, правильная или неправильная, новая или старая и т.п. Естественно, основной показатель здесь – насколько теория может быть понятной, доступной по своей сути и в деталях. В частности, теория может быть отвергнута, если она является слишком «заумной», выраженной непонятно, на языке религии, идеалистической философии и т.п.

2. *Личный* (личностный) аспект – это отношение власти к автору теории, ответ на вопрос о том, что он из себя представляет как человек, легко ли с ним работать, общаться, является ли автор послушным или скандалистом, конформистом или нонконформистом, своим или чужим, другом или врагом.

3. *Практический* (утилитарный) аспект – отношение к теории с точки зрения ее практического использования (естественно, здесь и сейчас или, в крайнем случае, в ближайшем будущем). Так, теория И.В. Курчатова (или А.Д. Сахарова) могла быть для властей абсолютно непонятной, автор этой теории неприемлемым как личность, но на основе его теории создается атомная или водородная бомба, что заставляет власть принять эту теорию и терпеть ее автора.

4. Собственно *идеологический* (политический аспект) – определение чисто идеологического значения теории. Так, например, теория Т.Д. Лысенко могла не работать в области науки, теории и общественной практики, но со своими лозунгами и обещаниями сказочных урожаев, статусом народного академика, народным движением «мичуринцев», народными лабораториями и открытиями, сделанными «в гуще народа», «простыми советскими людьми» и т.п. она очень удачно вписывалась в качестве элемента в систему сталинской идеологии, то есть *работала* и приносила весомые плоды в области идеологии.

С этой точки зрения Енчмен со своей теорией проигрывал по всем позициям. Вся совокупность представлений Енчмена состоит из блоков, плохо устроенных сами по себе и к тому же плохо стыкующихся друг с другом: в философии – солипсизм, тезис о непознаваемости психики другого человека (в духе А.И. Введенского); в науке – отказ от психологии, редукция ее к физиологии («теории новой биологии»); в идеологии – революция в науке (в философии, вообще в сфере познания) как следствие и продолжение революции в обществе, социальной: пролетариат должен завоевать не только социум, но и культуру, сферу познания, идеологию (мало победить врага физически, надо победить его и идеологически; мало уничтожить враждебную идеологию, надо взамен ее выставить более сильную, более совершенную). Но, похоже, как и в других случаях, когда налицо не система, а эклектика (причем на низком, дилетантском уровне), вряд ли признали бы Енчмена за «своего» и А.И. Введенский, и И.П. Павлов, да и сами марксисты (что они и сделали).

Соответственно, можно выделить несколько «ликов» Енчмена: 1) критик марксизма, 2) апологет марксизма, 3) позитивист и сциентист, выступающий против философии и идеологии вообще, 4) идеолог (выступающий против науки вообще, а не только наук о духе).

Но кто же он на самом деле, какой «лик» у него был главным, ведущим? Таковым был у него еще не названный нами пятый лик Енчмена. Действительно, что самое главное для Енчмена во всех его размышлениях? Самое главное для Енчмена – это борьба, война с эксплуататорским обманом (разоблачение его, замена его истинной теорией и т.п.). Идеал Енчмена – отсутствие обмана, т.е. (высоко) нравственное, моральное общество. А это означает, что сфера деятельности Енчмена – не наука, философия, религия и даже не идеология, а этика, мораль, нравственность.

Характерно, что в справочнике «Философы России» И.И. Презент (одиозная личность, сыгравшая большую роль в философском и идеологическом обосновании учения Т.Д. Лысенко) в самом начале статьи определяется как «политизирующий “биолог”» [10, с. 780] – причем, обратим внимание, слово

биолог поставлено в кавычки. Очевидно, примерно также – двойственно и с негативным оттенком, в кавычках – можно характеризовать и Енчмена: идеологизирующий «биолог», «биологизирующий большевик», «философствующий идеолог» и т.п. Типаж по сути один и тот же, разница только в специализации (биология, философия, психология и т.д.).

Во взглядах Енчмена следует различать две стороны: во-первых, то, что он предлагал в принципе, вообще, как идеал, конечную цель и, во-вторых, то, что он предлагал вполне конкретно, «заземляя» свои общие цели, задачи и рассуждения – также, как К.Н. Корнилов мог в общем выступать с требованием создания марксистской психологии, а конкретно предлагать в качестве марксистской психологии свою реактологию. С этой точки зрения следует сказать, что максимально к идеалу «по Енчмену» советская наука (психология, педагогика, физиология) приблизилась, по-видимому, в 1950-1952 гг. – в виде «павловской психологии».

Оценивая Енчмена и его теорию в целом, можно подобрать два рода цитат из его работ. В первой группе цитат Енчмен перед нами предстает как человек странный, больной, некомпетентный, смешной, недалекий и т.д. Но во второй группе цитат Енчмен может быть показан как глубокий критик, в том числе и марксизма (!), оригинальный мыслитель, даже творец оригинальной теории.

В чем же, исходя из вышеизложенного, заключается «феномен Енчмена» и какое значение для отечественной психологии он имел? Подведем итоги предпринятого в данном параграфе анализа.

1. Историко-психологический анализ позволяет сделать вывод о том, что по своему происхождению, содержанию и направленности «теория новой биологии» является не столько научным или философским, сколько идеологическим феноменом, лежащим, таким образом, за пределами (по ту сторону) науки и философии. Феномен Енчмена заслуживает изучения в контексте изучения истории советской психологии – прежде всего потому, что психологическая составляющая в его теоретических построениях играла весьма существенную роль. Но квалификация «теории новой биологии» Енчмена

прежде всего как идеологического феномена не означает, однако, что теория Енчмена не стремилась оказать и не оказала никакого влияния на науку (биологию, психологию, рефлексологию).

2. В контексте истории советской психологии 1920-х гг. феномен Енчмена, раскрывающий механизмы и движущие силы взаимодействия науки и государства, следует расценивать как одно из проявлений внешнего, *деструктивного* по своей сути воздействия на психологическую науку (с целью ее подчинения путем идеологизации и вульгаризации) со стороны государственной (марксистской, большевистской, партийной) идеологии в рамках тоталитарного государства.

3. Понять сущность, генезис и значение феномена Енчмена можно, только учитывая не только научную составляющую (позитивистские идеи, рефлекторная теория, дарвинизм и т.п.), но и идеологическую (марксистскую, большевистскую, партийную) составляющую взглядов Енчмена.

4. По своим источникам феномен Енчмена является прямым следствием государственной политики, проводимой в то время в СССР с целью утверждения марксизма в качестве *господствующей* партийной и государственной идеологии. Но в своей теории Енчмен противопоставил себя не только буржуазной и идеалистической философии и науке, но и марксизму и всей государственной (большевистской, партийной) идеологии. Поэтому попытка Енчмена по утверждению «теории новой биологии» с помощью разрушительных тенденций в области науки, философии и идеологии не удалась из-за резкой критики со стороны большевиков и принятых ими жестких мер запретительного характера.

5. В эмпирическом плане феномен Енчмена наглядно демонстрирует ряд важных качеств и закономерностей, присущих советской психологии 1920-х гг. (революционный настрой, сочетание созидательного и деструктивного начал, языков науки и идеологии, вульгаризаторские тенденции), которые можно обнаружить и у других ученых и партийных деятелей того периода, но не всегда в столь ярко выраженной, доведенной до крайности форме.

§ 2. Рефлексология, психология и марксизм

В первой половине 1920-х гг. большое значение в общепсихологическом плане имели дискуссии В.М. Бехтерева с Г.И. Челпановым, а затем с К.Н. Корниловым и Ю.В. Франкфуртом. Материалы этих дискуссий нашли отражение в сборнике статей В.М. Бехтерева «Психология, рефлексология и марксизм» [79].

В предисловии, подписанном 6 мая 1925 г., В.М. Бехтерев подчеркнул, что отстаивать рефлексологические идеи ему приходится в спорах не только с представителями «субъективного подхода к изучению человеческой личности»; «попутно разъясняются и те разноречия, которые возникли среди лиц, держащихся такого же объективного метода в области изучения поведения животных и человека» [79, с. 4].

Подход В.М. Бехтерева характеризуется тщательной проработкой истории вопроса. Главными «старыми» (еще с дореволюционных времен) оппонентами В.М. Бехтерева в этой работе выступают И.П. Павлов и Г.И. Челпанов. При этом упоминаются и цитируются работы: «Объективная психология в России и Америке» Г.И. Челпанова [854], «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» И.П. Павлова [545], «Основы физиологической психологии» В. Вундта [79, с. 21].

При этом В.М. Бехтерев обширно цитирует свои предыдущие работы, в том числе дореволюционные, главным образом опираясь на «Общие основы рефлексологии» (второе издание) [77].

В.М. Бехтерев также ведет полемику с Г.П. Зеленым [79, с. 10-12] и М.Я. Басовым [79, с. 12-30] (рассматриваются выступления и дискуссия на втором психоневрологическом съезде в Ленинграде в январе 1924 г.). Наиболее подробно в брошюре анализируется доклад М.Я. Басова на втором Всероссийском психоневрологическом съезде (1924) (в этой связи необходимо обратить внимание на две публикации М.Я. Басова, непосредственно посвященные второму психоневрологическом съезду и его итогам [65], [66]), затем дается столь же детальный ответ на брошюру Ю.В. Франкфурта

«Рефлексология и марксизм» (1924) [825], а также на марксистскую критику со стороны К.Н. Корнилова. Вскользь упоминаются Л.С. Выготский, З.И. Чучмарев и А.Б. Залкинд.

В этой связи весьма симптоматичны слова В.М. Бехтерева о том, что «теперь ведь нет психолога, который не хотел бы укрыться за флагом марксизма, чтобы удержать субъективистическую точку зрения» [79, с. 63]. Вывод В.М. Бехтерева по этому вопросу таков: «После всего сказанного да позволено будет спросить, нужно ли нам пересоздавать вновь нашу старую субъективную психологию, приспособляя ее к марксизму, и гоняясь в то же время за субъективизмом в смысле оценки «психических процессов, как таковых» или же нам нужно поддерживать и развивать рефлексологию, – это строго объективное построение учения о человеческой личности, как биосоциального явления, развитие которого стоит в связи с законами как генетики, так и социологии. В ответе, кажется, не может быть двух мнений» [79, с. 64].

На последних страницах работы [79, с. 67-80] В.М. Бехтерев вступает в полемику с представителями субъективной психологии – Г.И. Челпановым и Ю.В. Португаловым и в итоге приходит к следующему выводу: «В заключение скажу, что область исследования И. Павлова «Объективное изучение высшей нервной деятельности животных» есть строго физиологическая область, моя же область есть область рефлексологии или «объективно-биологического исследования личности человека, как био-социального существа» (см. мой доклад в научных собраниях врачей клиники душ. и нервн. бол. 1907 г., см. также дисс. д-ра Протопопова и Молоткова (из моей лаборатории) и др.). Мы разграничены, таким образом, с И. Павловым различными объектами исследования, ибо не одно и то же объективно исследовать высшие нервные отправления животных (для более низших из них такие исследования велись даже и много ранее Edward’a Thorndik’a) и объективно исследовать личность человека, где субъективный метод всегда признавался и до сих пор большинством авторов признается неизбежным, а субъективное толкование явлений – неотъемлемым правом исследователя. К тому же человек, как био-

социальное существо, в своих высших проявлениях должен быть изучаемое физиологически только, но и био-социологически, что и входит в прямую задачу рефлексологии человека» [79, с. 9-10].

В целом брошюра В.М. Бехтерева «Психология, рефлексология и марксизм» [79] позволяет сформировать хорошее представление о положении дел внутри всей психологической науки в СССР в середине 1920-х гг., и прежде всего в столкновении по принципиальным вопросам между тремя ведущими направлениями – психологией объективной, субъективной и марксистской. К этой работе и хронологически, и содержательно тесно примыкает статья В.М. Бехтерева и А.В. Дубровского «Диалектический материализм и рефлексология» [81].

Масштабы проходившей в 1920-е гг. рефлексологической дискуссии значительно расширяются, если речь вести не только о самом В.М. Бехтереве, но и о его научной школе – о его учениках, последователях, единомышленниках и продолжателях, т.е. о судьбе рефлексологии в целом. К ученикам и последователям В.М. Бехтерева в 1920-е гг., принявшим в 1920-е гг. непосредственное участие в обсуждении дискуссионных вопросов о соотношении рефлексологии, психологии и марксизма, прежде всего следует отнести А.Л. Шнирмана (1899-1960), Б.Г. Ананьева (1907-1972), В.Н. Мясищева (1893-1973) и В.П. Протопопова (1880-1957). Однако после смерти В.М. Бехтерева и последовавшей в 1929-1930-х гг. «рефлексологической дискуссии» рефлексология как научное направление прекратила свое существование. В этой связи необходимо сказать о содержании двух посвященных этой дискуссии сборников – «Рефлексология или психология» [625] и «Рефлексология и смежные направления» [626].

Первый сборник [625] представляет собой, как значится на обложке, «материалы дискуссии, проведенной Методологической Секцией Общества рефлексологии, неврологии, гипнологии и биофизики с 4 по 10 июня 1929 года». В предисловии сказано, что данная секция была создана при Обществе рефлексологии, гипнологии, неврологии и биофизики в 1928 г., поставив своей

целью «систематическую разработку на разнообразных конкретных материалах всех смежных наук диалектической методологии рефлексологии». «Эта секция, объединив всех активных работников Института Мозга, представителей различных областей, учреждений и даже направлений, наметила методологическую программу, пути и формы ее проработки» [625, с. 7].

В сборник вошли тезисы девяти авторов – «Рефлексология или психология» В.Н. Осиповой [625, с. 13-18], «Предмет и метод рефлексологии» Г.Н. Сорохтина [625, с. 19-30], «Предмет и метод рефлексологии» Б.Г. Ананьева [625, с. 31-38], «Сознание как предмет рефлексологии» А.В. Дубровского [625, с. 39-41], «Рефлексология и смежные дисциплины» В.Н. Мясищева [625, с. 42-45], «Рефлексология или психология» А.Л. Шнирмана [625, с. 46-53], «Рефлексология, психология и диалектика» Л.Л. Васильева [625, с. 54-58], «Физиология и рефлексология» В.П. Осипова [625, с. 59-62] и «Предмет и метод рефлексологии» И.Ф. Куразова [625, с. 63-77].

Кроме того, материалы сборника предваряются достаточно большой вступительной статьей «От редакции» [625, с. 3-11] и завершаются «Заключением Методологической Секции» [625, с. 78-79].

Аналогичной была структура второго сборника [626], который представляет собой, как значится на обложке, материалы проходившей 24-30 сентября 1929 г. II конференции методологической комиссии Государственного рефлексологического института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева.

В сборник вошли тезисы четырех авторов – И.Ф. Куразова [626, с. 7-27], [626, с. 110-116], Б.Г. Ананьева [626, с. 71-83], [626, с. 28-43], В.Н. Мясищева [626, с. 44-70] и А.Л. Шнирмана [626, с. 84-106]. Сборник также предварялся вступительным словом «От редакции» [626, с. 3-5] и завершался «Заключением методологической комиссии» [626, с. 107-109]. В предисловии «От редакции» говорится, что «с сентября 1929 года методологическая секция Общества рефлексологии, неврологии, гипнологии и биофизики перешла в организационную структуру Государственного рефлексологического института на правах постоянной комиссии» [626, с. 3, прим.].

О самой конференции во втором сборнике сообщается следующее: «В октябре 1929 года методологическая комиссия Государственного рефлексологического института по изучению мозга имени В.М. Бехтерева провела вторую научную конференцию на тему: «Методологические основания рефлексологии». На ней были заслушаны и подробно обсуждены следующие доклады: 1) доклад И.Ф. Куразова – Категория развития в поведении животных, 2) его же – Исторический материализм как метод рефлексологии человека, 3) доклад Б.Г. Ананьева – Социогенетический метод в рефлексологии, 4) его же – Реактология и рефлексология, 5) доклад А.Л. Шнирмана – Рефлексология и учение об условных рефлексах, 6) доклад В.Н. Мясищева – Gestaltpsychology и рефлексология, 7) доклад В.Н. Осиповой – Педология и рефлексология, 8) доклад В.П. Осипова – Объективное направление в психиатрии. Перед конференцией были зачитаны тезисы о предмете и методе рефлексологии В.М. Бехтерева, найденные в его предсмертных трудах. Кроме того, были намечены доклады: Ю.П. Шейна – Логика и психология и Р.И. Чарановского – Методики рефлексологического исследования, но по объективным причинам эти доклады не состоялись. Все заслушанные доклады были обработаны и в форме цельного сборника подготовлены к печати, причем его издание приурочивалось к предстоящему съезду по поведению. Но по условиям издательской практики издание сборника задержалось и возникло реальное опасение в том, что сборник к съезду не выйдет. В связи с этим президиумом секции было решено сборник сократить, ряд докладов отложить и издать только некоторые из них – те, которые помещены ниже» [626, с. 3].

В целом рефлексологическая дискуссия дает хорошее представление о положении дел в школе В.М. Бехтерева после кончины В.М. Бехтерева. Считается, что именно после этих двух дискуссий рефлексология «сошла со сцены», будучи раскритикованной за свои ошибки. По-видимому, так считают по аналогии с другими дискуссиями до и после, и прежде всего реактологической дискуссии. Вроде бы прослеживается один и тот же сценарий: сначала раскритиковали, а затем ликвидировали (запретили, закрыли). Такой подход

построен на рассуждениях по аналогии, т.е. фактически на догадках и на суждении «после того – значит, вследствие того».

Но на самом деле с рефлексологической дискуссией все было наоборот. Не было никакого разгрома, да и дискуссии, собственно, не было. Как видно из материалов двух сборников, сотрудники института изолированно друг от друга написали тезисы или статьи с выражением своей точки зрения, выступили с докладами, обсудили их в своем кругу, а затем собрали все тексты и опубликовали под одной обложкой, точнее, в двух сборниках. Но даже если бы мы не знали этих деталей (кто и зачем организовал дискуссию, в чем именно выражались точки зрения авторов и т.п.), то все равно можно было поинтересоваться о последствиях этой дискуссии – кого обвинили, раскритиковали, уволили, репрессировали и т.п. Фактически получается – никого. Одной из первых статей по вопросу о последнем этапе рефлексологии является статья Б.В. Беляева [72]. Однако следует учитывать, что она была написана с позиций еще бывшей тогда в силе реактологии.

Хронологически и содержательно рефлексологическая дискуссия сильно пересекается с Первым Всесоюзным съездом по изучению поведения человека («поведенческим съездом»), можно даже сказать, плавно перетекает в него, вследствие чего оба сборника можно рассматривать как подготовительные материалы к Поведенческому съезду.

§ 3. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека

В данном параграфе реконструируется один из значимых, но в настоящее время малоизвестных эпизодов, относящихся к периоду становления советской психологии – Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека (Ленинград, 1930 г.). На основе изучения первоисточников раскрываются организационные и содержательные аспекты работы съезда, что позволяет оценить его место и значение в движении от психологии объективной к психологии марксистской.

Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека («поведенческий съезд»), проходивший в Ленинграде с 25 января по 1 февраля 1930 г., сегодня практически забыт: нет специально посвященных ему исследований, а встречающиеся в отечественных и зарубежных работах упоминания о нем носят предельно общий и фрагментарный характер (см. [180, с. 28-29], [568, с. 120-121], [634, т. 2, с. 410], [726, с. 338], [801], [864, с. 134], [943, с. 356-358] и др.). Первому (1923) и второму (1924) всероссийским психоневрологическим съездам в этом плане повезло намного больше, о них упоминается гораздо чаще (хотя специально посвященных им работ также нет). В отсутствии адекватного представления о съезде и состоит, собственно говоря, вся проблема. В общем плане актуальность обращения к Первому Всесоюзному съезду по изучению поведения человека непосредственно вытекает из необходимости создания в настоящее время объективной, эмпирически полной, деидеологизированной истории отечественной психологии.

Итак, обратимся к первоисточникам. Основной материал по съезду сосредоточен в сборнике тезисов «Психоневрологические науки в СССР» [612] и стенографическом отчете [613]. Сборник тезисов и стенографический отчет хорошо дополняют друг друга, однако содержащаяся в них информация о съезде все же не является полной, так как в стенографическом отчете не приведены протоколы заседаний секций. В значительной степени этот недостаток компенсируется статьями, опубликованными на протяжении 1930 г. в журналах «Педология» [292], [297], [508], [620], [253], «Психотехника и психофизиология труда» [225], [557], «Вопросы изучения и воспитания личности» [410], «На путях к новой школе» [2], «Научное слово» [675], в «Журнале невропатологии и психиатрии» [594], [631], [638], в научно-популярных журналах «Молодая гвардия» [593] и «Человек и природа» [1], [411], [633], [799], [808], [866].

Заметки о съезде были также опубликованы в центральных газетах «Известия» [296], [768], «Учительская газета» [295] и «Красная Звезда» [301], [302], [673], [674], [773], [845], в столичной газете «Вечерняя Москва» [477], [516], в ленинградских газетах «Красная газета» [510], [862], [865] и

«Ленинградская Правда» [291], [519], [534], в одесских [294] и харьковских газетах [515]. Бóльшая часть этих газетных материалов вскоре после их публикации была перепечатана в виде специальной подборки в журнале «Психотехника и психофизиология труда» [217]. Как это ни парадоксально, ход съезда и его итоги практически не нашли никакого отражения в журнале «Психология», что было отмечено год спустя: «Журнал прошел мимо съезда, мимо общественности» [343, с. 14].

Сначала мы остановимся на таких сторонах и этапах работы Первого Всесоюзного съезда по изучению человека, которые касаются его подготовки, количественного и качественного состава участников (делегатов и гостей съезда), общей тематики и порядка работы на пленарных и секционных заседаниях. Далеко не просто в полном объеме показать все разнообразие и богатство прозвучавших на съезде идей – теоретических, методических, прикладных, общепсихологических, психотехнических, педологических, рефлексологических, психоаналитических и т.д.

Обратившись к содержательной стороне съезда, мы проанализируем доклады, сделанные на пленарных заседаниях, а также наиболее значимые идеи, содержащиеся в опубликованных тезисах. При этом мы постараемся выяснить и показать, что содержательно было на съезде, какие прозвучали теории, концепции, взгляды, подходы. Немаловажное значение имеет учет при этом идеологической и политической атмосферы в стране в годы «великого перелома» (1929-1930-1931 гг.).

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что «душой» съезда, его инициатором, организатором и руководителем был А.Б. Залкинд. Поэтому необходимо сказать несколько слов об этой неординарной личности, сыгравшей весомую роль в истории советской психологии 1920-1930-х гг.

А.Б. Залкинд (1888-1936) [634, т. 1, с. 320-321] в 1920-1930-е гг., вплоть до 1936 г., был одним из самых крупных педологов в СССР. Кроме того, на протяжении 1920-х гг. он был, наряду с К.Н. Корниловым и Ю.В. Франкфуртом, одним из основных проводников марксистских идей в формировавшейся

советской психологии. Он скоропостижно скончался 16 июля 1936 г. [299], [300], по-видимому, потрясенный постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» и последовавшей критикой в адрес педологии и в свой адрес. Вполне естественно, что после 1936 г. советским психологам вспоминать о А.Б. Залкинде и поведенческом съезде было далеко не безопасно.

Подготовка съезда. Организационный комитет во главе с А.Б. Залкиндом проделал большую работу по подготовке съезда. Съезду предшествовала «значительная подготовительная работа, проходившая в Обществе психоневрологов-материалистов при Комакадемии с участием других организаций, в том числе Всероссийского психотехнического общества» [557, с. 225]. Кроме того, «при основных психоневрологических школах и научных институтах, клиниках, обществах СССР создавались за 1-1,5 года до съезда марксистские семинары, кружки, строились методологические секции, созывались обобщающие конференции» [293, с. 21-22]. Большую роль в подготовке съезда сыграли ленинградские рефлексологи, о чем мы можем судить по годовому отчету о деятельности Института мозга им. В.М. Бехтерева, где, в частности, говорится: «Период работы с октября по январь 1930 г. посвящен подготовке к съезду по изучению поведения человека» [541, с. 71].

На первом пленарном заседании при открытии съезда 25 января А.Б. Залкинд поделился некоторыми подробностями относительно исходного замысла и процесса подготовки съезда. В качество стержневой проблемы съезда была сформулирована проблема «Психоневрологические науки и социалистическое строительство» [612, с. 8], что означало решение двух задач. Первая задача – «практически-плановая» – заключалась в том, чтобы «связать научные исследования во всех психоневрологических областях в общую систему по путям социалистической практики» [612, с. 9]. Вторая задача заключалась в «максимально возможном синтезе» [612, с. 9], методологическом объединении (естественно, на марксистской, диалектико-материалистической основе) всех психоневрологических наук, т.е. «целого ряда научных дисциплин, изучающих

нервно-психические процессы человека» [675, с. 64] – психологии, рефлексологии, педологии, психотехники, нейрофизиологии, невропатологии, педагогики, дефектологии и т.д.

Из этих задач вытекала необходимость рассмотрения трех «центральных, общих методологических вопросов»: во-первых, это «учение о личности, в связи с психофизической проблемой»; во-вторых, «учение о личности в связи с проблемой развития»; в-третьих, «учение о личности и проблемы социальной психологии и коллективного поведения» [612, с. 10].

Вследствие таких жестко очерченных рамок организаторам и потенциальным участникам съезда пришлось столкнуться с серьезными трудностями при подборе необходимого материала. Как мы понимаем, не так-то просто было подобающим образом совместить в научном исследовании практическую направленность не только с идеологическими установками, но и марксистскими методологическими требованиями, столь же изменчивыми и неопределенными.

Во вступительном слове А.Б. Залкинд отмечал: «Совершенно естественно, товарищи, что нам было чрезвычайно трудно подбирать материал, строго согласованный с этими жесткими предварительными принципами. Мы имеем десятки научных работников, травматизированных отказом в представлении им докладов. Обусловлено это было тем, что сплошь и рядом очень ценные, но слишком узкие доклады для методологического синтезирующего съезда не годились. Нам приходилось обращаться к десяткам авторов со специальным заказом на определенные темы: мы предъявляли им в порядке заданий проработку определенных, синтезирующих тем. Ясно, что несмотря на принятые нами активные меры, мы в итоге не получили, конечно, на все 100 % необходимый материал, но во всяком случае лучшее из того, что возможно было в этих областях получить в СССР, мы на этот съезд собрали. Все основные, руководящие, наиболее ценные школы, работающие в области психоневрологии, наиболее серьезные коллективы, институты и лица у нас максимально и

авторитетно представлены своими материалами, которые и будут демонстрироваться здесь» [612, с. 12-13].

Сборник тезисов [612] был издан, как и полагается, к началу съезда. В предисловии к сборнику указывалось, что публикуемые материалы были предварительно проработаны «редакционными президиумами» Оргкомитета в составе: по общей секции – К.Н. Корнилов, И.Д. Сапир, Г.С. Тымянский, Б.А. Фингерт, Л.Н. Федоров, В.А. Артемов (отв. секретарь), по педологической секции – М.Я. Басов, Л.С. Выготский, С.С. Моложавый, Н.М. Щелованов, по психотехнической секции – С.Г. Геллерштейн, В.П. Осипов, Б.М. Розенцвейг, И.Д. Сапир, Е.К. Сепп, ответственным секретарем Оргкомитета был А.Д. Печатников [612, с. 4]; фактически перед нами в полном составе Оргкомитет съезда. Украинский материал редактировали Л. Гейманович и И.А. Соколянский; материал пленарных заседаний был в основном отредактирован в особой комиссии при Коммунистической Академии [612, с. 4].

Столь же оперативно, к началу съезда, был выпущен «Спутник делегата», содержащий всю самую необходимую информацию о съезде.

Всего на съезде было зарегистрировано 1402 делегата, из них с решающим голосом – 429 человек, остальные – с совещательным [612, с. 372]. Кроме того, было роздано около 1800 «гостевых билетов». Всего в работе съезда, таким образом, приняло участие свыше 3200 человек. В ряде случаев организаторам пришлось в ходе работы съезда перемещать доклады из одних аудиторий Военно-медицинской академии в другие, бóльшие, т.к. некоторые аудитории не могли вместить громадного наплыва слушателей.

Большинство делегатов было из РСФСР – 69,5 %, с Украины было 13 %, из Белоруссии – 2,5 %, из Закавказской Федерации – 2,5 %, остальные 12,5 % приходились на представителей других республик и автономных областей. Из городов на съезде первенствовала Москва – 20 % всех делегатов, на втором месте был Ленинград – 18,9 % [1, с. 47-48]. Гостями съезда в основном были, естественно, ленинградцы, составляя примерно половину от общего числа делегатов и гостей съезда [557, с. 225].

Высоким был общий образовательный уровень участников съезда: 97,5% всех делегатов съезда составляли лица с высшим образованием, 45 % делегатов имели научный стаж свыше 6 лет [1, с. 47]. По возрасту преобладающее большинство составляли делегаты от 26 до 45 лет – 69 % [612, с. 372]. Разнообразен был съезд по своему профессиональному составу. Большинство делегатов съезда составляли врачи – 38,5 % от общего числа участников, педологи – 19,7 %; педагоги – 17,2 %, физиологи – 7,5 %, психотехники – 7,2 %, психологи – 4,7%, дефектологи – 2,5 % и рефлексологи – 1,7 % [1, с. 47].

Весьма представительным был съезд и в плане персоналий. Перечислим наиболее известных советских психологов и представителей смежных наук, принявших участие в работе съезда: Б.Г. Ананьев, В.А. Артемов, И.А. Арямов, М.Я. Басов, П.П. Блонский, А.П. Болтунов, В.А. Вагнер, Н.Ю. Войтонис, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн, А.С. Грибоедов, Н.Ф. Добрынин, А.Б. Залкинд, А.С. Залужный, Л.В. Занков, К.Н. Корнилов, С.В. Кравков, А.К. Ленц, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.С. Моложавый, В.Н. Мясищев, В.П. Осипов, В.Н. Осипова, М.С. Певзнер, К.И. Платонов, П.М. Рубинштейн, Н.А. Рыбников, Д.Н. Узнадзе, А.А. Ухтомский, П.А. Шеварев, И.Н. Шпильрейн, Н.М. Щелованов и др.

Докладчиками на съезде, наряду с такими учеными – специалистами в своих областях, как А.Б. Залкинд, К.Н. Корнилов, С.С. Моложавый, И.Д. Сапир и И.Н. Шпильрейн, были высокопоставленные партийные и государственные деятели: Н.А. Карев был членом редакции журнала «Под знаменем марксизма», членом коллегии Института философии, заместителем председателя правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков; И.К. Луппол был начальник Главнауки. А.В. Луначарский (1875-1933) в 1917-1929 г. возглавлял Народный Комиссариат Просвещения (Наркомпрос) РСФСР, но незадолго до поведенческого съезда, летом 1929 г. он и несколько других членов коллегии Наркомпроса отказались участвовать, как пишет Т.Э. О’Коннор, «в акциях культурной революции и подали в отставку» [528, с. 119]. Отставка была принята, и на поведенческом съезде А.В. Луначарский выступал уже в качестве

Председателя Ученого Комитета ЦИК СССР. И.Д. Сапир в то время был ученым секретарем московского Института экспериментальной психологии.

Можно было бы сказать, что на съезде под эгидой марксизма был представлен весь цвет советской психологии и других наук, изучающих поведение человека, если бы не отсутствие в списке авторов в материалах съезда ряда крупных ученых – таких, как А.П. Нечаев, И.П. Павлов (особенно учитывая тот прием, которого был удостоен Павлов в сентябре 1929 г. на съезде в Нью-Хейвене – овации и т.д. [462]), С.Л. Рубинштейн, Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет… Это заставляет нас с полной серьезностью отнестись к цитированным выше словам А.Б. Залкинда о «десятках научных работников», которым было отказано в представлении им докладов [612, с. 12].

По мнению Д. Джоравски, А.П. Нечаев и Г.И. Челпанов были «scandalously» (скандальным, возмутительным образом) не включены в число участников съезда из-за своих антимарксистских убеждений [943, с. 357]. Разумеется, А.Б. Залкинду и другим членам Оргкомитета было еще очень далеко до детальной режиссуры образца 1950 г., но и опыт семи лет, прошедших после состоявшегося в 1923 г. первого всероссийского психоневрологического съезда, не пропал даром. Если бы не резко изменившиеся в стране в начале 1931 г. идеологические приоритеты и последующие события, поведенческий съезд вошел бы в историю советской психологии как образец для подражания, будучи идеологически безупречным по всем параметрам: организационным (подбор тем и участников), содержательным (тщательные отбор и проверка поступивших тезисов), а также формальным – по своим формам, целям и задачам.

Пленарные и секционные заседания. Съезд проходил в Ленинграде в течение восьми дней – с 25 января по 1 февраля 1930 г. на базе Военно-медицинской академии. Структура съезда была обычной для мероприятий подобного рода и включала в себя пленарные и секционные заседания. Пленарные заседания (утренние и вечерние) были проведены 25, 26, 27 января и 1 февраля; в остальные дни проходили секционные заседания. Пленарные заседания проходили во Дворце им. Урицкого.

В день открытия съезда 25 января был избраны и утверждены президиум и другие рабочие органы съезда. В *почетный президиум съезда* были выбраны Сталин, Молотов, Калинин, Бубнов, Крупская, Киров, Кадацкий [612, с. 14].

В *президиум съезда* были выбраны В.А. Артемов, М.Я. Басов, К.М. Быков, В.А. Вагнер, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн, А.Б. Залкинд, А.С. Залужный, К.Н. Корнилов, И.Ф. Куразов, А.К. Ленц, С.С. Моложавый, В.П. Осипов, А.П. Пинкевич, В.П. Протопопов, И.Д. Сапир, А.А. Таланкин, А.А. Ухтомский, И.Н. Шпильрейн, Н.М. Щелованов и другие, всего 53 человека.

Бюро президиума было образовано в составе пяти человек: А.Б. Залкинд (председатель), Н.М. Щелованов, Л.Н. Федоров, И.А. Соколянский, В.П. Осипов (члены бюро). В *секретариат съезда* вошли десять человек: Ананьев, Антонюк, Боген (ответственный секретарь), Макаров, Майоров, Моносова, Печатников, Ранчевский, Рохлин, Эльконин. *Мандатная комиссия* была образована из девяти человек: Виленкина, Ковтунов, Карганов, Левина, Пономарев, Рахмель, Синицкий, Сыркин, Фальк (председатель комиссии) [612, с. 14-15].

Организационная часть открытия съезда завершилась тем, что профессор М.С. Маргулис внес предложение послать от имени съезда приветствие ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, что было принято «под аплодисменты» [612, с. 15]. После этого с докладом «Наука и реконструктивный период» выступил И.К. Луппол [612, с. 15-40], а затем (после 10-минутного перерыва) – Н.А. Карев с докладом «Дискуссия диалектиков с механистами и науки о поведении человека» [612, с. 41-78]. Обсуждения этих докладов не проводилось.

26 января на утреннем пленарном заседании были заслушаны три доклада: доклад А.Б. Залкинда «Психоневрологические науки и социалистическое строительство» [612, с. 78-127], доклад К.Н. Корнилова «Психология и социалистическое строительство» [612, с. 127-149] и доклад И.Н. Шпильрейна «Задачи психотехники в реконструктивный период» [612, с. 150-175].

На вечернем заседании состоялась дискуссия по докладам А.Б. Залкинда, К.Н. Корнилова и И.Н. Шпильрейна, на которой выступили И.С. Горелик, Б.Г. Ананьев, И.С. Беритов, Л.М. Розенштейн, Ю.П. Фролов, С.И. Гинцбург,

Н.Ф. Курманов, Р.И. Черановский и др. [612, с. 175-222]. После дискуссии с докладом «Искусство как вид человеческого поведения» выступил А.В. Луначарский [612, с. 222-250]. Этот доклад был внеплановым и обсуждения по нему не проводилось. Только М.Я. Басов выступил с призывом («от имени ряда членов президиума») поддержать кандидатуру А.В. Луначарского в выдвижении в действительные члены Академии наук, что было принято «под бурные аплодисменты» [612, с. 344] – трудно сказать, какую роль сыграл этот факт, но вскоре А.В. Луначарский на общем собрании Академии наук был избран действительным членом АН СССР.

С заключительными словами выступили И.Н. Шпильрейн [612, с. 250-251], К.Н. Корнилов [612, с. 251-259] и А.Б. Залкинд [612, с. 259-262]. Работа съезда в этот день завершилась принятием «Обращения съезда к пролетариату Ленинграда» [534], [612, с. 262-264].

На пленарных заседаниях 27 января были заслушаны и обсуждены два доклада: доклад И.Д. Сапира «К вопросу о марксистской методологии в науке о поведении» [612, с. 264-289] и доклад С.С. Моложавого «Вопросы диалектики в педологии» [612, с. 289-314]. В дискуссии по этим докладам выступили А.Л. Шнирман, М.Я. Басов, Л.С. Выготский, В.Н. Мясищев, В.А. Артемов, А.С. Залужный и Л.Я. Пинес [612, с. 314-338]. С заключительным словом выступил И.Д. Сапир [612, с. 338-344].

Некоторые любопытные подробности работы съезда содержатся в приведенных в стенографическом отчете выдержках из протоколов пленарных заседаний съезда [612, с. 344-346]. Так, например, были зачитаны приветствия съезду от Московской психиатрической больницы и других учреждений и утверждены ответные приветствия, а на пленарном заседании 27 января была оглашена записка члена оргбюро съезда Ю.П. Фролова, содержащая полемику с К.Н. Корниловым по вопросам психофизиологии военного труда [612, с. 344-345]. В последующие дни участники съезда работали по секциям, а также на межсекционных и внутрисъездовских совещаниях.

Съезд был разделен на четыре секции: (1) психологии, рефлексологии и физиологии нервной системы (секция называлась также «общеметодологической», «методологической» или «общей» (П.А. Рудик в статье о съезде называет эту секцию «психолого-рефлексолого-физиологической» [675, с. 64]), (2) педологическую, (3) психотехническую и (4) патолого-клиническую (патологической психоневрологии).

Секция психологии, рефлексологии и физиологии нервной системы включала разделы: структура личности (17 тезисов), формы поведения (27), социальная психология и изучение поведения (4), судебная психология (2), сравнительная психология и физиология (5) [612, с. 22-128], дополнительно (тезисы, поданные с опозданием, но включенные при публикации в материалы съезда) – 3 [612, с. 347-348]. Всего на этой секции, таким образом, было заявлено 58 тезисов.

Педологическая секция включала тезисы по разделам: среда и проблема развития (9), типология детства (4), возрастные особенности ребенка (21), проблема детского коллектива (5), проблема трудновоспитуемого детства (7) [612, с. 129-200], дополнительно – 5 [612, с. 348-355]; всего 51 тезис.

Работа педологической секции была всесторонне освещена в журнале «Педология» (см. [502], [508], [620] и др.).

В *секции психотехники* тезисы были распределены по разделам: основные принципы психотехники (4), одаренность и профпригодность (18), проблема изменчивости (10), соматология, характерология и психология профессий (4) [612, с. 201-272], дополнительно – 4 [612, с. 355-361]; всего – 40 тезисов. Подробное описание работы психотехнической секции содержится в журнале «Психотехника и психофизиология труда» [557, с. 226-231].

Патолого-клиническая секция содержала тезисы докладов и выступлений по разделам: методология (13), учение о раннем артериосклерозе, нажитая психическая инвалидность (4), алкоголь и нервная система (4), профессия и патология (5), психотерапия и терапия (8), экзогения и эндогения (6) [612, с. 273-337], дополнительно – 16 [612, с. 361-383], всего 56 тезисов. Итоги работы патолого-клинической секции представлены в «Журнале невропатологии и

психиатрии»: это резолюция съезда [621], отчет Б.М. Розенцвейга [631] и обзор С. Рончевского [633]. Любопытный штрих: год спустя Б.М. Розенцвейгу пришлось уточнять один из своих тезисов о преступности в ответ на суровую критику Д. Футера [842], причем редакция журнала оценила помещенное здесь же разъяснение Б.М. Розенцвейга как «удовлетворительное», а выводы Д. Футера – как «необоснованные» [842, с. 141].

Кроме работы в секциях, с целью «закрепления единства различных отделов психоневрологических наук» на съезде был проведен ряд объединенных межсекционных заседаний, а также особых внутрисъездовских совещаний по ряду актуальных прикладных проблем – по *работе с комсомолом* (см. резолюцию по изучению бытовых коммун молодежи [612, с. 419-421]), *работе со взрослыми* (см. резолюцию по педологической работе среди народов своеобразной культуры [612, с. 418-419]) и *военной психоневрологии* (см. резолюцию военного совещания съезда [612, с. 409-417]). Военное совещание проходило на двух заседаниях психотехнической секции и было посвящено вопросам психофизиологической работы в Красной Армии [557, с. 226, 231-233].

Помимо этого, на двух специальных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады *школы И.П. Павлова* [557, с. 226]. В статье Н. Проппера говорится, что на пленуме трех секций съезда была сделана «целая серия докладов» учеников павловской школы, причем эти доклады, не предусмотренные программой работы съезда, вызвали «большой интерес» со стороны всего съезда, и обсуждение их велось «весьма оживленно» [594, с. 9].

Всего на съезде было заслушано свыше 170 докладов и выступлений; в материалах съезда было опубликовано, включая тезисы четырех пленарных докладов, 209 тезисов.

На заключительном пленарном заседании 1 февраля 1930 г. были приняты резолюции съезда [612, с. 346-348] и выступили с приветственными речами представители партийных, комсомольских, пионерских, рабочих организаций, предприятий и учреждений Ленинграда, участники съезда – профессора В.П. Осипов, А.М. Мандрыка, К.Н. Корнилов, Ю.В. Каннабих и М.Я. Басов, а

также председатель мандатной комиссии [612, с. 355-372]. С докладом об итогах съезда выступил Залкинд [612, с. 373-379].

В разделе «Резолюции съезда» стенографического отчета приводятся тексты всех *девяти* резолюций: по пленарному циклу «Психоневрологические науки и социалистическое строительство», в ответ на декларацию ЦБ ДКО ЦК ВЛКСМ, по общеметодологической секции, по педологической секции, по психотехнической секции, по патолого-клинической секции, военного совещания съезда, по педологической работе среди народов своеобразной культуры, по изучению бытовых коммун молодежи [612, с. 380-421].

Если судить по названию съезда и тематике секций, его можно посчитать полностью психологическим. Но даже если, исходя из указанного выше процентного состава участников съезда, отнести к психологам (в широком смысле) представителей педологии (19,7 %), психотехники (7,2 %), рефлексологии (1,7 %) и психологии (4,7 %), то съезд окажется психологическим всего лишь на одну треть – 33,3 %.

В этом отношении съезд продолжал традицию предыдущих российских съездов, которые, как известно, также были не чисто психологическими, а съездами по педагогической психологии (1906, 1909), экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916) и психоневрологии (1923, 1924). Но, несмотря на столь разнородный состав, поведенческий съезд, с точки зрения организаторов и участников, все же выполнил свою основную задачу – он «был весь проникнут единой методологической установкой» и в силу этого «явился мощным организующим фактором в развитии советской науки» [462, с. 99].

В одном из отчетов отмечается, что «съезд прошел под знаком приближения психоневрологов к марксизму» и что «все научные работники различных научных отраслей психоневрологии, как показал съезд, серьезно обратились к изучению диалектического материализма» [1, с. 48-49]. «Съезд полностью оправдал возлагаемые на него надежды и безусловно дал мощный толчок для дальнейшей практической и научной работы многочисленных научных институтов Советского Союза. Съезд дает основания полагать, что в дальнейшем

все внимание советских психоневрологов будет направлено на развитие и изучение нервно-психических особенностей пролетариата и его смены в условиях реконструктивного периода нашей страны» [1, с. 49].

Материалы первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека убеждают нас в том, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в качестве синтетической науки, объединяющей все науки о человеке, подразумевалась психоневрология, в которой в качестве центральной категории выступало «поведение», включающее в себя как индивидуально-психологические, так и физиологические и социальные компоненты.

Характерны в этом отношении слова А.Р. Лурия. В обзоре, посвященном итогам Международного конгресса психологов в Америке (Нью-Хейвен, 1-7 сентября 1929 г.), участником которого он был (в составе советской делегации из четырех человек – вместе В.М. Боровским, С.Г. Геллерштейном и И.Н. Шпильрейном), А.Р. Лурия проводит параллель между этим конгрессом и Всесоюзным съездом по изучению поведения человека [462, с. 97-99] – естественно, в пользу последнего, т.к. поведенческий съезд «был весь проникнут единой методологической установкой и … в силу этого явился мощным организующим фактором в развитии советской науки» [462, с. 99] – в отличие от съезда в Америке, на котором, правда, было представлено 450 докладов, но содержащих «совершенно “случайную” комбинацию проблем» [462, с. 98].

Важен один из основных тезисов (лозунгов), настойчиво звучавших на съезде, – что сейчас (т.е. в 1930 г.) в стране принципиально новые условия («реконструктивный период») и, соответственно, новые требования, выражающиеся в новом социальном заказе в связи с проблемой воспитания и перевоспитания, «выделки» и «перековки» человека. Это нашло выражение в тезисе об ускорении темпов реконструкции, а по отношению к проблеме личности – о возможности такой же быстрой перестройки на основе пластичности личности (организма), что, очевидно, означало убежденность в превосходстве внешнего, социального фактора над инертным наследственным фактором.

Значение съезда. Почему же, несмотря на столь представительный характер, Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека до сих пор оставался неизученным и почти забытым? Понятно, почему съезд оказался забытым после 1936 г. – слишком явно в нем выделялись такие компоненты, как педология и психотехника. Но что происходило в 1930-1936 гг.? Понятно, почему съезд оказался раскритикованным и забытым уже в 1931 г. – ведь в январе 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма». Но ведь был еще год – с января 1930 г. по январь 1931 г.! Что говорили о съезде в это время?

Многое, если не всё, объясняют последовавшие вскоре после съезда события. Мы имеем в виду те изменения, которые произошли в СССР в сфере партийной и государственной идеологии в 1930-1936 гг. и которые косвенно, а иногда и самым непосредственным образом повлияли на психологическую науку. Перед нами три резко отличающихся друг от друга по содержанию этапа.

На *первом этапе* – на протяжении всего 1930 г. – в рецензиях, заметках, отзывах съезд в целом оценивался в самых восторженных тонах (эти источники – статьи в журналах, заметки в газетах – мы уже указывали в начале статьи). Д. Джоравски обращает наше внимание на тот весьма симптоматичный – уже на этом этапе – негативный факт, что поведенческий съезд не получил практически никакого отражения в центральной партийной печати – в журнале «Большевик», в газетах «Правда» и «Известия» [943, с. 357]. Это утверждение не совсем точно: выше мы уже указывали, что в «Известиях» была опубликована одна заметка о съезде (А.Б. Залкинда); правда, вышла эта заметка спустя неделю после окончания съезда – 8 февраля [296].

Показательно и то, что ход съезда и его итоги практически не нашли никакого отражения и в журнале «Психология», что вполне справедливо отмечалось в уже цитированной статье Т. Коган: «По ряду важнейших решений научных съездов и конференций отсутствуют даже информации, не говоря уже о подготовке и проработке этих решений. Ярким примером тому – первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека, происходивший в

Ленинграде в январе 1930 г. Журнал прошел мимо съезда, мимо общественности» [343, с. 14].

На *втором этапе* (1931-1936) оценки сменились на противоположные. В этой связи характерно, что в отчете о деятельности бехтеревского института за 1929-1930 гг. (с сентября 1929 по сентябрь 1930 г.) довольно сдержанно говорится о данном съезде, – приводится только количественная сторона (кто участвовал, сколько было сделано докладов) [541, с. 75].

Все дело в том, что 26 января 1931 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» [529, с. 264-265], где, в частности, упоминалась фамилия Н.А. Карева: «Журнал “Под знаменем марксизма” исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией тт. Деборина, Карева, Стэна и др.» [529, с. 264] … «В области философии журнал должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др.» [529, с. 265].

Этого оказалось вполне достаточно для полной дискредитации поведенческого съезда. Свою роль сыграло и то, что И.К. Луппол также оказался причисленным к группе «меньшевиствующих идеалистов» – деборинцев, а А.В. Луначарский фактически находился в опале еще с середины 1929 г., после смещения с поста наркома [528, с. 119]. Из всей литературы, последовавшей после январского постановления ЦК ВКП(б), мы ограничимся двумя красноречивыми цитатами.

В резолюции ячейки ВКП(б) московского Института психологии, педологии и психотехники (июнь 1931 г.) говорилось: «Бывшее руководство в области психологии исходило методологически, с одной стороны, из механистических философских теорий Спенсера – Богданова – Бухарина, с другой стороны, тесно смыкалось и руководилось Дебориным и его группой, с характерным для меньшевиствующего идеализма формализмом и отрывом

теории от практики. Линия бывшего философского руководства ярко сказалась примиренческом характере работы и резолюций “Первого съезда по поведению человека”, который возглавлялся тт. Каревым, Залкиндом и Сапиром» [328, с. 3].

Б.Г. Ананьев в том же 1931 г. писал: «Руководство поведенческим съездом (Карев, Залкинд, Сапир) еще раз, надо полагать, в последний раз в советской психологии, провело размежевку “школ” и направлений, объективно культивируя эклектическое отношение к марксистско-ленинской методологии и укрепляя империалистические тенденции отдельных “позитивных” школ» [25, с. 330]. В статье Б.Г. Ананьева подчеркивается, что «...“конец рефлексологии” необходимо датировать по-настоящему не временем и деятельностью поведенческого съезда, а развернутой дискуссией по реактологической психологии» [25, с. 328], проходившей, как известно, в начале июня 1931 г. Обратим внимание и на то, что резкой критике съезд и его результаты были подвергнуты в это время самим А.Б. Залкиндом (см. [298] и др.).

На *третьем этапе* (после 1936 г.) съезд фактически был вытеснен из памяти науки. Кардинально ухудшилась ситуация в 1936 г. – после запрета педологии и психотехники вспоминать о съезде стало просто опасно. В последующие десятилетия это самым непосредственным образом влияло (в сочетании с труднодоступностью первоисточников) на отечественных исследователей, так или иначе касавшихся истории советской психологии 1920-1930-х гг. В этом отношении показательно, что первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека вообще не упоминается, например, в брошюре Б.М. Теплова 1947 г., посвященной истории советской психологии [779].

После 1936 г. в СССР, как известно, целенаправленно уничтожалась всякая педологическая и психотехническая литература. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что имена А.Б. Залкинда, И.Н. Шпильрейна и других организаторов и активных деятелей съезда (за исключением, пожалуй, К.Н. Корнилова) упоминались в списке авторов, чьи книги надлежало хранить в минимальном количестве в спецхране или полностью уничтожать.

Вследствие этого в настоящее время обе книги с материалами съезда [612], [613] представляют собой величайшую библиографическую редкость. Более того, в цитированной выше историографической литературе о съезде (отечественной и зарубежной) стенографический отчет вообще ни разу не упоминается. Характерно в этом плане, что Д. Джоравски, фактически цитируя стенографический отчет (в частности, правильно указывая страницы докладов Н.А. Карева, И.К. Луппола и А.В. Луначарского) [943, с. 520], в качестве первоисточника тем не менее ошибочно указывает выходные данные не стенографического отчета [613], а сборника тезисов [612].

Прежде всего отсутствием первоисточников следует объяснять туманные рассуждения многих авторов о том, что в действительности произошло на съезде и в чем состояло его значение. Так, одни авторы пишут о том, что на съезде была подвергнута критике реактология К.Н. Корнилова; другие авторы пишут о том, что на съезде критиковалась (была «разгромлена» и т.п.) рефлексология, что на самом деле не подтверждается материалами съезда.

Можно было бы сказать, что выбор докладчиков оказался на редкость неудачным. Но мог ли он быть удачным в принципе? Для сравнения укажем, что на I Педологическом съезде в 1928 г. в качестве докладчиков выступали Н.К. Крупская, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский и Н.А. Семашко. Л.В. Иванова в статье о А.В. Луначарском пишет, что «устранение его с поста наркома в 1929 году нельзя, по-видимому, объяснить только состоянием здоровья. Этот вопрос предстоит еще исследовать. Бесспорно другое – после смерти А.В. Луначарского издание его работ прекратилось на долгую четверть века. Огромное творческое наследие марксиста-ленинца оказалось за бортом, а роль Луначарского как государственного и партийного деятеля путем длительного замалчивания была искажена» [556, с. 195].

Л.Д. Троцкий в «Бюллетене оппозиции» (Париж, 1934, № 38-39) в некрологе на смерть А.В. Луначарского подчеркивал, что А.В. Луначарский до конца оставался в высших эшелонах правящей партии «инородной фигурой». Л.Д. Троцкий писал: «Луначарский слишком хорошо знал прошлое революции

и партии, сохранил слишком разносторонние интересы, был, наконец, слишком образован, чтобы не составлять неуместного пятна в бюрократических рядах. Снятый с поста народного комиссара, на котором он, впрочем, успел до конца выполнить свою историческую миссию, Луначарский оставался почти не у дел, вплоть до назначения его послом в Испанию» (с. 370).

Следует отметить, что 1930 год был не самым лучшим годом для различных идеологических мероприятий. Как известно, шла первая пятилетка. 6 января 1930 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». 15 марта в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». 26 июня – 13 июля 1930 г. состоялся XVI съезд ВКП(б).

Вообще годы первой пятилетки были временем процессов: в августе 1930 г. по обвинению в организации конского падежа закрытым судом судят группу бактериологов во главе с проф. Каратыгиным, в сентябре 1930 г. сообщается о расстреле 48 руководителей пищевой промышленности, в том числе проф. Рязанова, по обвинению в организации продовольственных трудностей. В ноябре-декабре 1930 г. в Москве организуется второй – после Шахтинского дела – показательный процесс-спектакль: процесс Промпартии.

Репрессии продолжались и после процесса «Промпартии». Шла подготовка к организации процесса так называемой «Трудовой крестьянской партии», но этот процесс по неизвестным причинам не состоялся. Арестованные – в том числе Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов – погибли в тюрьмах или лагерях. В марте 1931 г. в Москве состоялся процесс меньшевиков; процессы «вредителей», массовые аресты «вредителей» продолжались и далее.

«В июне 1930 года три молодых философа, из которых два – будущие сталинские академики М.Б. Митин, П.Ф. Юдин и вместе с ними В. Ральцевич, опубликовали в “Правде” статью “О новых задачах марксистско-ленинской философии” … В октябре 1930 года на президиуме Комакадемии и в Институте красной профессуры устраивается “дискуссия” с представителями группы

Деборина. Окончательная и полная победа группы молодых сталинистов наступила после беседы Сталина с бюро ячейки ИКП. Именно в этой беседе Сталиным была предложена политико-идеологическая квалификация взглядов группы Деборина как “меньшевиствующего идеализма”. Эта квалификация вошла затем и в постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года о журнале “Под знаменем марксизма”» [536, с. 364].

Таким образом, состоявшийся в Ленинграде в 1930 г. первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека оказался значимым событием в истории советской психологии периода ее становления. Исходя из количественного и качественного состава его участников, из содержания выступлений, докладов, прений и резолюций данный съезд следует оценивать как крупное событие в советской психологии конца 1920-х – начала 1930-х гг.

На съезде под руководством А.Б. Залкинда была предпринята попытка методологического объединения наук о человеке (психоневрологических наук) на едином основании – как изучающих один и тот же объект – поведение человека с марксистских позиций. Это можно оценивать как свидетельство стремления решить актуальные для того времени психологические проблемы (методологический кризис, прикладные и междисциплинарные проблемы и т.д.). Л.С. Выготскому, писавшему в 1926-1927 г. работу «Исторический смысл психологического кризиса», наверное, и в самом кошмарном сне не могло присниться, чем обернутся в действительности всего лишь через несколько лет его призывы к созданию «диалектики психологии» как «общей науки», призванной стать путем и средством выхода из методологического кризиса. Но, с другой стороны лозунг создания единой науки о поведении можно рассматривать как показатель форм и методов воздействия государственной (партийной) идеологии на науку. Следовательно, можно говорить как об идеологизации науки (со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями – вульгаризацией, потерей самостоятельности, регрессе и т.д.), так и об определенном прогрессе. Идеологизация на съезде выражалась в форме – в формулировках обсуждаемых на съезде тем, проблем и вопросов; прогресс

выражался в содержании – в методологии, теории, экспериментах. Насколько далеко в тот момент (январь 1930 г.) зашел процесс идеологизации («терминологической революции»), затрагивая уже не только формальную, но и содержательную, сущностную сторону психологического знания, ее «геном»? Для ответа на этот вопрос требуется обратиться непосредственно к содержанию всех имеющихся в нашем распоряжении материалов о съезде (этого аспекта мы в данном случае не касаемся).

Завершая параграф, сформулируем итоговые выводы.

1. В исследовательских работах, в современной справочной и учебной литературе при изложении истории отечественной психологии советского периода Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека должен занять подобающее ему место. При всей своей несомненной идеологической «загруженности» съезд продемонстрировал все лучшее, что было наработано в СССР к началу 1930-х гг. в психологии, педологии, психотехнике и других науках о поведении человека, вместе с тем став одним из последних звеньев в недолгой истории отечественной объективной психологии в лице В.М. Бехтерева и его рефлексологической школы.

2. Материалы съезда убеждают в том, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в качестве синтетической науки, объединяющей все науки о человеке, подразумевалась психоневрология, в которой в качестве центральной категории выступало «поведение», включающее в себя как индивидуально-психологические, так и физиологические и социальные компоненты.

3. Изучение историографии вопроса оказывается не менее поучительным, чем история вопроса. Отсутствие в настоящее время адекватного представления о Поведенческом съезде следует объяснять причинами, связанными с происходившими в СССР в 1930-е гг. изменениями в сфере идеологии: в 1931 г. после постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» была объявлена борьба против «механицистов» и «меньшевиствующих идеалистов» (к которым были причислены организаторы и руководители съезда), а в 1936 г. были запрещены педология и психотехника. Все это в сочетании с

труднодоступностью первоисточников на долгие годы привело в советской историографии к негативной оценке и фактическому забвению прозвучавших на съезде идей и съезда в целом.

4. На примере Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека мы видим, что в настоящее время в отечественной историографии психологии имеются не только проблемы, связанные с наличием множества «белых пятен» и сохранившихся с советских времен методологических стереотипов, но и все необходимые условия и возможности для продуктивной работы по созданию не идеологизированной, объективной и полной истории отечественной психологии советского периода.

Выводы по шестой главе

1. Изучение дискуссии о «теории новой биологии» Э.С. Енчмена показало, что по своему происхождению, содержанию и направленности «теория новой биологии» являлась не столько научным или философским, сколько идеологическим феноменом. Тем не менее феномен Енчмена заслуживает изучения в контексте изучения истории советской психологии – прежде всего потому, что психологическая составляющая при этом играла весьма существенную роль. В контексте истории советской психологии 1920-х гг. феномен Енчмена, раскрывающий механизмы и движущие силы взаимодействия науки и государства, следует расценивать как одно из проявлений внешнего, деструктивного по своей сути воздействия государственной идеологии на психологическую науку (с целью подчинения путем идеологизации и вульгаризации) В эмпирическом плане феномен Енчмена наглядно демонстрирует ряд важных качеств и закономерностей, присущих советской психологии 1920-х гг.: революционный настрой, сочетание созидательного и деструктивного начал, языков науки и идеологии, вульгаризаторские тенденции.

2. Рефлексологическая дискуссия, представленная в сборниках «Рефлексология или психология» (1929) и «Рефлексология и смежные направления» (1930), дает хорошее представление о положении дел в школе

В.М. Бехтерева после кончины В.М. Бехтерева. Данная дискуссия по времени пересекается с Первым Всесоюзным съездом по изучению поведения человека («поведенческим съездом»), вследствие чего оба сборника можно рассматривать как подготовительные материалы к Поведенческому съезду.

3. Состоявшийся в Ленинграде в 1930 г. первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека был значимым событием в истории советской психологии периода ее становления. Съезд следует оценивать как крупное событие в советской психологии конца 1920-х – начала 1930-х гг. На съезде под руководством А.Б. Залкинда была предпринята попытка методологического объединения наук о человеке (психоневрологических наук) на едином основании, как изучающих один и тот же объект – поведение человека с марксистских позиций. Лозунг создания единой науки о поведении можно рассматривать как показатель форм и методов воздействия государственной (партийной) идеологии на науку.

4. При всей своей несомненной идеологической «загруженности» Поведенческий съезд продемонстрировал все лучшее, что было наработано в СССР к началу 1930-х гг. в психологии, педологии, психотехнике и других науках о поведении человека, вместе с тем став одним из последних звеньев в недолгой истории отечественной объективной психологии в лице В.М. Бехтерева и его рефлексологической школы.

5. Как и в случае с субъективной психологией, становящаяся марксистская психология в ходе борьбы с объективной психологией на самом деле многое очень унаследовала от нее. Прежде всего это выразилось в таких присущих советской психологии чертах, как особое внимание к психофизиологической проблематике, признание роли лабораторного эксперимента, а также выход на проблему деятельности, причем не только через бихевиоризм и понятие «поведение», но и через «высшую нервную деятельность» в учении И.П. Павлова и «соотносительную деятельность» в рефлексологии В.М. Бехтерева.

ГЛАВА 7. Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1930-е гг.: тенденция «от психологии марксистской к психологии советской»

§ 1. Реактологическая дискуссия

Данный параграф посвящен одному из ключевых драматических событий в истории советской психологии 1920-1930-х гг. – так называемой «реактологической дискуссии», проходившей в Московском Государственном Институте психологии, педологии и психотехники в июне 1931 г. Для К.Н. Корнилова эта была третья (после дискуссий с Г.И. Челпановым и В.Я. Струминским) большая и важная дискуссия, проходившая на страницах научных журналов. Но она оказалась и последней – после нее «реактология» (она же – «марксистская психология») К.Н. Корнилова окончательно «сошла со сцены».

Как это ни странно, данная дискуссия при всей своей значимости до сих пор практически не проанализирована. О ней говорится всего в нескольких историографических работах, да и то в самых общих чертах. Наиболее информативной на настоящий момент является статья В.В. Умрихина, в которой внимание уделяется главным образом социальному (идеологическому) контексту дискуссии [802]. Поэтому есть смысл обратиться непосредственно к первоисточникам.

Материалы дискуссии содержатся в журнале «Психология» за 1931 г. (Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1). В этом номере дискуссии посвящено сразу несколько публикаций: статья «Итоги дискуссии по реактологической психологии», представляющая собой (как сказано в ее подзаголовке) «резолюцию общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6 июня 1931 года» [328]; статья А.А. Таланкина «О “марксистской психологии” проф. Корнилова» [774]; ответная статья К.Н. Корнилова «К итогам психологической дискуссии» [380];

пространное добавление «От редакции» [380, с. 75-77] к этой статье К.Н. Корнилова; «Письмо в редакцию» А.А. Таланкина [775].

Дополнительным источником к этим материалам является вышедшая несколько позже в журнале «Психология» статья А.А. Таланкина «Против меньшевиствующего идеализма в психологии» [776]. Кроме того, в 1994 г. в журнале «Вопросы психологии» под заголовком «Реактологическая дискуссия в Психологическом институте» были опубликованы ценные архивные материалы о дискуссии [618]. В этой публикации были представлены тексты трех выступлений: «О реактологическом искажении марксизма в области психологии» А.А. Таланкина [777], «Реактология и марксистская психология (контр-тезисы)» К.Н. Корнилова [386] и «Об изучении реакций и историческом развитии поведения человека» А.Р. Лурия [466]. В 2024 г. была опубликована стенограмма выступления Л.С. Выготского [216].

Как видим, наряду с К.Н. Корниловым одной из центральных фигур дискуссии был А.А. Таланкин (1898-1937). В «Психологическом указателе», опубликованном в США в 1932 г., имеется статья о А.А. Таланкине, очевидно, по состоянию на 1930-1931 гг. [984] (в частности, в статье о М.Я. Басове [984, с. 1189], умершем, как известно, 6 октября 1931 г., в «Указателе» приводится только дата рождения М.Я. Басова). В статье указывается, что Таланкин Александр Александрович (Психологический Институт, Москва, СССР) родился в 1900 г. в Уфе. Образование: Академия политического воспитания (Москва, 1923-1925), затем (или в эти же годы) аспирантура в московском Психологическом Институте. С 1928 г. А.А. Таланкин работал в Психологическом Институте в должности доцента, с 1930 г. – также в должности доцента в Коммунистической Академии. На момент подачи сведений о себе А.А. Таланкин состоял в двух научных обществах – в «Обществе психоневрологов-материалистов» и в «Обществе психотехники и прикладной психофизиологии». Далее указываются выходные данные его публикаций: «Военная психология» (Москва, 1929, «На повороте» (Москва, 1931) и четыре статьи: «О военной психологии» (журнал «Война и революция», 1926), «О

военной рефлексологии» (журнал «Война и революция» 1927), «Марксистская психотехника в Красной Армии» («Военный журнал Коммунистической Академии», 1931) и «О марксистской психологии профессора Корнилова» (журнал «Психология», 1931); все публикации на русском языке.

Согласно сайту «Жертвы политического террора в СССР», «Таланкин Александр Александрович родился в 1898 г. в Башкирии, русский, член ВКП(б) в 1917-1937 гг., был арестован 4 июня 1937 г. На момент ареста А.А. Таланкин жил и работал в Ленинграде, занимал должность старшего преподавателя философии в Военно-политической академии им. Толмачева, имел воинское звание бригадный комиссар. 31 августа 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу на выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде по статье 58-8-10-11 УК РСФСР и в тот же день расстрелян (Источник: Ленинградский мартиролог: 1937-1938)» [924].

А.А. Таланкин специализировался в области военной психологии, о чем свидетельствуют его публикации: статья «Проблема военной психологии в нашей военной литературе» [771] (1926), брошюра «Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА» (1929) [772] и другие. Характерно, что именно А.А. Таланкин писал об итогах Первого Всесоюзного съезда по изучению человека в связи с вопросами психологической работы в Красной Армии (см. его заметку «Итоги поведенческого съезда и Красная армия» в газете «Красная Звезда» за 13 февраля 1930 г. [773]). Судьба А.А. Таланкина как философа и психолога исследуется в ряде содержательных публикаций С.Н. Корсакова и С.И. Данилова (см. [389]-[391] и др.).

Статья А.А. Таланкина «О “марксистской психологии” проф. Корнилова” [774] является образцом схоластической критики: А.А. Таланкин упрекает К.Н. Корнилова в незнании марксизма, в неправильных трактовках цитат из работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, приводимых К.Н. Корниловым («перевернул с ног на голову» и т.п.). Борьба ведется с помощью кавычек: К.Н. Корнилов оказывается уже не материалистом, а «материалистом», не марксистом, а «марксистом», о марксистской психологии (по К.Н. Корнилову)

также говорится в кавычках и т.п. Диагноз А.А. Таланкина: «реактологическое извращение марксизма» [774, с. 28]. К.Н. Корнилов обвинялся в том, что фактически он стоит на позициях Г.И. Челпанова: Г.И. Челпанов еще до революции в работе «Мозг и душа» писал о «наивном реализме», а К.Н. Корнилов теперь пишет о «наивном материализме».

А.А. Таланкин обильно цитирует работы В.И. Ленина, прежде всего «Материализм и эмпириокритицизм», а также «К вопросу о диалектике». Кроме того, цитируется Г.В. Плеханов, работы К. Маркса и Ф. Энгельса из «Архива Маркса и Энгельса». При этом К.Н. Корнилов обвиняется в том, что диалектический материализм он «судя по всему, изучал по Бухарину и Богданову» [774, с. 34]. Заметим, что когда К.Н. Корнилов начинал говорить о марксистской психологии, т.е. в 1922-1923 гг., многих из этих публикаций Маркса, Энгельса, Ленина тогда еще не было.

А.А. Таланкиным по ходу критики цитируются и собственно психологические первоисточники (все-таки пройденная у К.Н. Корнилова в Психологическом институте школа дает о себе знать): «Общие основы рефлексологии» В.М. Бехтерева, «Основы физиологической психологии» В. Вундта и даже докторская диссертация Г.И. Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности».

Об эрудиции А.А. Таланкина говорит, например следующее суждение: «Правда, всякий вдумчивый читатель может сказать, что все эти магические формулы сведения всех сложных психологических процессов человека к простейшим механистическим реакциям – очень не оригинальное открытие: его пропагандировал еще проф. Бехтерев» [774, с. 36]. Говоря о «теории равновесия» Н.И. Бухарина и А.А. Богданова, упоминается работа Г. Спенсера «Основные начала» и даже цитируется работа Н. Аха на немецком языке. Цитируется Г.В. Плеханов [774, с. 38], Де-Роберти [774, с. 38], Архив Маркса и Энгельса [774, с. 39, 40].

Помимо К.Н. Корнилова, под горячую руку достается и другим психологам, претендующим на звание марксистов в психологии: «...Или так называемая

“культурно-психологическая” точка зрения в ее советской редакции (Л. Выготский и А. Лурье)» [774, с. 40]. Здесь же за неисторичность критикуется гештальтпсихология: «Созерцательность, внеисторичность являются отличительными чертами такого крупного современного направления в психологии, как Gestaltpsychologie. Огромная работа последней над восприятием упирается теперь в тупик. Выход из этого одни видят в физикализме (Келер, Курт Левин), другие – в идеализме и метафизике (лейпцигская школа). Только материалистическая диалектика может вывести из такого тупика» [774, с. 40].

Теоретические позиции К.Н. Корнилова А.А. Таланкин напрямую увязывает с взглядами к тому времени уже раскритикованного А.М. Деборина: «“Корниловщина” разделяет общий основной недочет деборинской группы философов: отрыв теории от практики всего социалистического строительства» [774, с. 43]. Не забывает А.А. Таланкин покритиковать и свои собственные прежние взгляды: «В порядке самокритики должен указать, что моя работа “Военная психология и вопросы военно-политического воспитания РККА”, написанная мной в конце 1927 г. и вышедшая из печати в 1929 г., имеет ряд реактологических ошибок: расчленение поведения на реакции как элементарные единицы, признание принципа однополюсной траты энергии, применение теории равновесия к поведению бойца в условиях боевой обстановки» [774, с. 27, сноска].

В конце статьи А.А. Таланкин в кратком виде резюмирует свои выводы по поводу системы взглядов К.Н. Корнилова: «Мы можем подвести некоторые итоги реактологическому извращению марксизма в области психологии. Система взглядов К.Н. Корнилова ни в малейшей степени не может считаться марксистской психологией. Корнилов упорно скатывается в вопросах теории познания к идеализму. Он борется против подчинения психики основному закону движения материи. “Марксистская психология” К.Н. Корнилова антидиалектична: она вся пронизана механистической теорией равновесия; ей чужда точка зрения развития и историзма. Человек в “марксистской психологии” – реагирующий автомат. Нет никакого самодвижения. Биологическое и

социальное в человеке противопоставлены друг другу как два начала: нет монизма. На область социальных явлений переносятся энергетические формулы, что ведет к политически недопустимым вредным выводам. Вся реактология – это отрыв теории от практики. Эта система взглядов вредна, ибо она несомненно выражает влияние буржуазной идеологии на фронте борьбы марксизма за овладение психологией» [774, с. 43].

К.Н. Корнилов ответил А.А. Таланкину пространной статьей «К итогам психологической дискуссии» в журнале «Психология» (1931. Т. IV. Вып. 1) [380]. Подробно разбирая обвинения А.А. Таланкина в области «общеметодологических вопросов» (отрыв психологии от практики социалистического строительства, сущность психики т.п.), К.Н. Корнилов приходит к выводу: «Таким образом, из этих четырех выше изложенных методологических проблем мою ошибочность я признаю только в вопросе о психике и законе сохранения энергии. Что же касается трех остальных проблем, то в проблеме “зеркального, отображения” мой оппонент стоит в прямом противоречии с Лениным, во второй, психофизической проблеме – в противоречии с Плехановым и Лениным, а в третьей проблеме об ощущениях и восприятиях его утверждение о том, что я совершенно ликвидировал эти проблемы, стоит в противоречии с фактически имеющимся у меня материалом» [380, с. 53].

Затем К.Н. Корнилов столь же подробно разбирает обвинения А.А. Таланкина, касающиеся реактологии. В частности, К.Н. Корнилов подчеркивает, что в 1927 г. вышло «третье издание моей книги “Учение о реакциях человека”, которое принципиально отличается от предшествующих изданий тем, что в нем устранено это энергетическое понимание психических процессов, которое мне было присуще в прежнее время» [380, с. 54]. Остальная часть статьи посвящена вопросам, касающимся корниловской реактологической методики и интерпретации полученных на ее основе экспериментальных фактов.

В итоге К.Н. Корнилов приходит к следующим выводам: «Мы можем подвести некоторые итоги нашей психологической дискуссии с моим основным

оппонентом А.А. Таланкиным. Мы думаем, что доказать наличие “реактологического извращения марксизма в области психологии” и тем самым выявить свое исключительное право на “подлинно марксистскую перестройку психологии” моему оппоненту ни в малейшей мере не удалось. Его выводы относительно того, что “система взглядов Корнилова антиматериалистична”, являются совершенно необоснованными, так как в вопросах теории познания я, надеюсь, достаточно показал, что в проблеме “зеркального отображения” не я, а мой оппонент встал в прямое противоречие с учением Ленина; в разрешении психофизической проблемы я не сделал никаких отступлений от основоположников марксизма. Что же касается сделанной мной ошибки относительно психики и закона сохранения энергии, то она осознана и оговорена мной далеко ранее замечаний моего оппонента.

Неверным является и второй заключительный вывод моего оппонента, что система взглядов Корнилова антидиалектична, так как в теории равновесия я исхожу из взглядов основоположников марксизма на это равновесие, а вовсе не стою на механистических позициях Бухарина. В теории обусловленности человеческого поведения я, надеюсь, достаточно обосновал, что “социальное” является главным и основным фактором, определяющим поведение человека, а вовсе не единственным, как это утверждает мой оппонент. В вопросах теории и техники реактологического эксперимента я, надеюсь, достаточно показал окончательную несостоятельность выдвинутых против меня возражений. Но ни в какой мере я не могу считать, что в области применения диалектики к психологии у меня все обстоит благополучно. Здесь мной допущено много ошибок и промахов, которые должны быть исправлены, и в основе этого лежит вовсе не “борьба” с диалектикой, как это хочет изобразить мой оппонент, а только неумение органически включить диалектику в свои тем более экспериментальные исследования. Здесь все мы еще учимся, и потому ошибки неизбежны.

Ничего “вредного” в моей системе взглядов установить моему оппоненту не удалось, несмотря на все его желание, так как основной дефект – отрыв наших

научно-исследовательских работ от социалистического строительства – это дефект, присущий не только одному мне, не только одному нашему Институту, но всему фронту научно-исследовательских учреждений. И задача здоровой критики, которая нам в настоящий момент нужна, заключается вовсе не в том, чтобы пикироваться вокруг вопросов, кто является “вождем” и основателем “школы” марксистской психологии, а задача разумной критики заключается в том, как преодолеть наше неумение включиться в социалистическое строительство. Надо окончательно изжить эти отзвуки старого академизма, полагающего, что в марксизме могут быть такие же замкнутые “школы”, “школки” и их “вожди”, как это мы наблюдаем в любом буржуазном университете любой буржуазной страны. Поэтому не следует претендовать кому бы то ни было на исключительный патент “подлинно марксистской перестройки психологии”, так как надо понять, что марксизм, как философия пролетариата, интернационален, и какая-нибудь Вилли Холл, немецкий марксист-психолог, может быть неизмеримо ближе к нашей “школе” марксистской психологии, нежели человек, работающий с нами в одном институте. Вот эти-то все ни на чем не основанные претензии и все эти разговоры о “школах” и “вождях”, – как доказательство не изжитого еще и сейчас академизма, и являются одной из основных причин затхлой атмосферы наших научно-исследовательских учреждений и тем самым их отрыва от рабочего класса и социалистического строительства» [380, с. 74-75].

Характерным является вывод, сделанный в дополнительной заметке «От редакции»: «Редакция в заключение вынуждена отметить, что все основные ошибки К.Н. Корнилова, его псевдомарксизм, механицизм, переходящий иногда в идеализм, отмеченные в резолюции ячейки ВКП(б) Института психологии, педологии и психотехники, статья “К итогам психологической дискуссии” ни в какой мере не устраняет и не разоблачает. Критика ошибок К.Н. Корнилова не снята с порядка дня и редакция считает необходимым продолжать борьбу с реактологической психологией как извращением марксизма. Редакция выражает уверенность, что К.Н. Корнилов, принадлежащий к числу советских, в лучшем

смысле этого слова, деятелей науки, отнесется в достаточной мере чутко к основным результатам и итогам психологической дискуссии и решительной переоценкой своих взглядов и самокритикой поможет общей борьбе за марксистско-ленинскую психологию» [380, с. 77].

Статью «О “марксистской психологии” проф. Корнилова” [774] А.А. Таланкин был вынужден дополнить «Письмом в редакцию» [775]. Любопытная дополнительная информация о дискуссии содержится в книге «Университеты и научные учреждения» [804], [925]. В этой книге в главе «Научные учреждения Москвы и Ленинграда» имеется большой параграф (очерк) «Государственный научно-исследовательский институт психологии». Автор очерка не указан, но судя по содержанию и хронологии, автором был В.Н. Колбановский.

В целом состоявшаяся в 1931 г. реактологическая дискуссия по своему содержанию, формату, а также по своим результатам и последствиям может рассматриваться как завершение периода 1920-х гг. и начало перехода к новому этапу, состоящему в движении от психологии марксистской к психологии советской. Данный вывод вытекает прежде всего из того, что фактически реактологическая дискуссия была направлена не только против реактологии К.Н. Корнилова, но и против всех остальных существовавших в то время в СССР теорий и школ – не только «остатков буржуазно-идеалистических теорий», но и различных «псевдомарксистских течений». Как следствие, этот рубеж обозначил не только смену терминологии в соответствии с изменившимися идеологическими требованиями, но и выход процесса становления советской психологии как научного направления на новый этап, выразившийся в середине 1930-х гг. в постановке С.Л. Рубинштейном задачи по формированию «системы советской психологии».

§ 2. Психологическая наука в СССР накануне постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936)

При изучении истории науки объект исследования обычно рассматривается в достаточно широких хронологических рамках, обозначаемых как периоды, эпохи и измеряемых годами, десятилетиями или даже столетиями. Однако в некоторых случаях – прежде всего это относится к переломным моментам и исторически значимым событиям в развитии науки – объект исследования хронологически оказывается сведенным к минимуму, что позволяет говорить о применении в историко-научном исследовании «метода срезов». Одним из таких переломных моментов в истории советской психологии стал июль 1936 г., когда вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». О том, с чем подошла советская психология к этой дате, и пойдет речь в данном параграфе.

«Die Psychologie im Kampf ums Dasein» – «Психология в борьбе за существование» – так в начале XX в. назвал одну из своих статей В. Вундт. В предисловии к работе указана дата – февраль 1913 г.; вскоре работа была переведена на русский язык и опубликована в сборнике № 10 «Новые идеи в философии» [204]. В этой статье В. Вундт на материале общей ситуации в немецкой психологии и собственных профессиональных проблем проанализировал общие закономерности и особенности далеко не всегда гладко идущего процесса формирования психологии как самостоятельной науки – вопросы, связанные с «отпочкованием» психологии от философии, спецификой предмета и метода психологии, самоопределением психологии как учебной дисциплины, подготовкой профессиональных кадров в области психологии и т.д.

В Советской России под воздействием новых социально-политических условий данный процесс, описываемый с помощью понятия «институционализация», претерпел весьма необычную трансформацию.

В общем плане институционализация науки представляет собой процесс, в ходе которого «формируется социальный институт науки с присущей ему системой ценностей и норм», а также «устанавливается соответствие между этой

системой и нормативно-ценностной системой, характерной для общества в целом» [888, с. 88]. Но для истории отечественной науки советского периода, по Б.Г. Юдину, характерен феномен «вторичной институционализации» [887], [888], тесно связанный с разрушительной тенденцией (деинституционализацией): «Процесс деинституционализации науки по своей протяженности, конечно, не ограничивается периодом с 1917 по 1927 годы. Разрушение основополагающих норм научного этоса, скажем, продолжалось и в последующие годы. Уже в этот период, однако, начинается процесс вторичной институционализации, во всяком случае, дают о себе знать его главные действующие силы. Этот процесс в конечном счете и привел к созданию такого социального образования, как советская наука» [888, с. 99].

Применительно к психологии феномен вторичной институционализации выражался в том, что «грандиозная работа по перестройке методологических основ психологической науки» в СССР в 1920-1930-е гг. происходила, как отмечается в учебнике А.Н. Ждан, «в условиях идеологического давления, оказываемого на науку сверху» [282, с. 377], и для доказательства своего права на существование и дальнейшее развитие советским психологам было необходимо помимо (а иногда даже и вместо) собственных методологических, теоретических и прикладных проблем решать проблемы совсем другого рода – идеологические, политические, сугубо партийные. Иначе было не выжить. Психология в СССР неотвратимо идеологизировалась и политизировалась, чтобы в итоге стать особой, идеологизированной наукой, представляющей собой сплав научных (собственно психологических) и вненаучных, идеологических по своей сути признаков.

В этой связи в монографии А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского в параграфе с характерным названием «“Особый путь” советской психологии и тактика ее выживания» подчеркивается: «Развитие психологии в России в советский период приобрело драматический характер. В условиях тоталитарного режима культивировалась версия об “особом пути” марксистской психологии как “единственно верной” отрасли знания. На этот путь она вступила в начале

20-х годов и на протяжении нескольких десятилетий не имела возможности свернуть с него. Все факты и концептуальные построения советских психологов 20-50-х годов должны рассматриваться с учетом данных обстоятельств» [578, т. 1, с. 227].

На «особом пути», по которому была вынуждена идти советская психология, ее ждал перманентный идеологический прессинг в сочетании с периодически накатывающимися волнами репрессий: «Уже в начале 20-х годов, став объектом жесткого идеологического прессинга, психология в советской России обрела черты, которые не могут быть поняты без учета политической ситуации, в которой оказались как теоретики, так и практики психологии. То, что произошло с психологией в 20-е годы, выступило в качестве своего рода прелюдии к ее дальнейшему репрессированию. Первая волна репрессий ударила по психологии на рубеже 20-х – 30-х годов» [578, т. 1, с. 229]. В начале 1930-х гг. уже можно было подводить некоторые итоги.

В.П. Зинченко, обращаясь к этому времени при изложении истории харьковской школы, отмечал: «К началу 1930-х гг. идеологическая атмосфера в Москве начала сгущаться. Относительно безопасней было на периферии. Это стало главным мотивом отъезда (бегства) ученых из Москвы» [169, с. 588].

К сожалению, новый виток идеологизации изначально имел тотальный характер, и положение дел в психологии стало стремительно ухудшаться на всем советском пространстве – «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей», говоря словами популярной песни тех лет. О ситуации, сложившейся в самом начале 1930-х гг. в советской психологии, красноречиво свидетельствует резолюция собрания партийной ячейки Института психологии [328], посвященная итогам так называемой «реактологической дискуссии», поставившей жирную точку в судьбе реактологии («марксистской психологии») К.Н. Корнилова.

В заключительной части резолюции с большевистской прямотой констатируется: «К проблеме психологических кадров и роли самой психологии существует пренебрежительное отношение как со стороны соответствующих

отделов Наркомпроса и президиума РАНИМПа (РАНИМП – Российская ассоциация научных институтов марксистской педагогики. – *С.Б.*), так и руководителей многих вузов. Например, в программах Наркомпроса совершенно отсутствуют психология и психотехника; психологические кафедры пытаются ликвидировать даже в таких передовых педвузах, как Академия коммунистического воспитания или Институт им. Либкнехта, причем психология и психотехника рассматриваются как часть педологии, и их преподавание или совершенно исключается, или же сокращается ниже всяких минимумов… В Институте психологии, педологии и психотехники заканчивают аспирантуру в этом году лишь три человека по психологии, из них ни одного по психотехнике, а в следующем году выпуску подлежат всего-навсего один психотехник и один психолог» [328, с. 8].

Но это был только 1931 г., и авторы резолюции еще могли строить далеко идущие планы, уповая на всемогущий партийный ресурс: «Ближайшими необходимыми практическими мероприятиями в отношении подготовки кадров в области психологии и психотехники является нижеследующее: а) обратить внимание на скорейшую ликвидацию прорыва в создании коммунистических кадров психологов и психотехников путем плановой вербовки аспирантов из оканчивающих соответствующие вузы партийцев, выделения определенного процента из парттысячников, организации специального психоневрологического отделения при Институте Красной профессуры естествознания и философии, а также объединения имеющихся разрозненных психологов, работающих в различных других областях; б) поставить вопрос об организации специального вуза для подготовки психологов, психотехников и педологов; в) необходимо включить в программы вузов, особенно педагогических, психологию и психотехнику как обязательные предметы, отводя на них нормальное количество часов; г) необходимо организовать при вузах самостоятельные психологические кафедры, с тесной увязкой их с работой кафедр смежных дисциплин; д) подготовку аспирантов психологов и психотехников необходимо проводить с непрерывной производственной практикой, с закреплением определенных баз

для психологической и психотехнической работы на крупных заводах, совхозах, колхозах, в учебных заведениях, издательствах, учреждениях военного ведомства (ввиду того, что дискуссия на педологическом фронте проходит особо и еще не закончена, итоги по ней будут подведены в самостоятельной резолюции, а настоящая резолюция совершенно не касается педологических вопросов, в том числе и подготовки аспирантов); е) необходимо пересмотреть квалификацию работников психологических кафедр в вузах и техникумах с точки зрения их подготовки в области марксистско-ленинской методологии, причем назначение заведующих кафедрами не должно проводиться без санкции компетентного партийного методологического центра» [328, с. 9].

В общем, и здесь «хотели как лучше». В реальности все получалось намного проще и страшнее. После первого (оказавшегося и последним) Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (1930) следующий психологический съезд в СССР – I съезд Общества психологов СССР – состоялся только в 1959 г.; даже если датой возобновления считать 1952 г. (когда состоялось Первое Всесоюзное совещание по психологии), то все равно срок получается немалый. После 1931 г. в СССР перестали проводиться съезды по педологии и психотехнике. В 1932 г. были закрыты (очевидно, за ненадобностью) журналы «Психология» и «Педология», в 1934 г. перестал выходить журнал «Советская психотехника». Вследствие этого до начала выхода в 1937 г. журнала «Советская педагогика» наиболее профильным для психологов и педологов был журнал «Педагогическое образование», где были опубликованы, в частности, статьи П.П. Блонского, К.Н. Корнилова и С.Л. Рубинштейна (разумеется, лишь в незначительной мере проблему публикаций по психологии в то время снимали различные «Труды», «Ученые записки» и сборники университетов, педагогических и научно-исследовательских институтов).

С 1929 по 1954 гг. советские психологи не принимали участия в международных психологических конгрессах. В 1935 г. были репрессированы А.П. Нечаев, Г.Г. Шпет и И.Н. Шпильрейн: Г.Г. Шпет (1879-1937) был расстрелян в Томске в 1937 г. [244], [874]. И.Н. Шпильрейн (1891-1937) был

расстрелян также в 1937 г. [527], [748]. А.П. Нечаев (1870-1948) был приговорен к ссылке в Семипалатинск (Казахстан), где занимался преподавательской деятельностью [526], [805]. В 1944 г. он был утвержден в ученой степени доктора педагогических наук [526, с. 20]. По воспоминаниям Е.И. Степановой, в 1947 г. А.П. Нечаев в качестве заведующего кафедрой педагогики и психологии Семипалатинского пединститута приезжал в Ленинград на Всесоюзную научную конференцию университетов СССР по психологии [749, с. 29-30].

Если же говорить о негативных изменениях и тенденциях в сфере теории, то следует констатировать, что в результате непрекращающейся на протяжении всего послереволюционного периода беспощадной борьбы «со всякими антимарксистскими, антиленинскими теориями» [328, с. 1] к 1933 г. в СССР камня на камне не осталось не только от сумасбродной «теории новой биологии» Енчмена [105], [571], но и традиционной эмпирической психологии (главным образом в лице Г.И. Челпанова) [99], [100], [104], а затем и реактологии К.Н. Корнилова [102], рефлексологии В.М. Бехтерева [801], «структурного анализа деятельности» и всей концепции М.Я. Басова [916], социальной психологии [34], [596], психоанализа [103], [542]. Совсем немного оставалось жить угасавшему в безвестности В.А. Вагнеру (1849-1934) – основоположнику сравнительной психологии в России [335], [573]. А на очереди уже стояли педология и психотехника, «психология с точки зрения материалиста» советского бихевиориста В.М. Боровского [476], [616], культурно-историческая теория Л.С. Выготского [617] и другие теории, отрасли и подходы, которые появились уже в послереволюционную эпоху и должны были, по идее, на все сто процентов олицетворять собой новую – марксистскую, советскую – психологию.

На этом фоне кажется почти чудом, что середина 1930-х гг. в истории российской психологии ознаменовалась выходом в свет целого ряда работ, свидетельствующих о больших достижениях советских психологов в решении фундаментальных и прикладных проблем. К наиболее значимым работам, вышедшим накануне постановления о педологии (в 1934-1935 гг. и первой половине 1936 г.), прежде всего относятся работы П.П. Блонского – монографии

«Память и мышление» [93], «Развитие мышления школьника» [94] и «Очерки детской сексуальности» [92], учебник «Педология» [91], [95], статьи в журналах «Педагогическое образование» и «Народный учитель» [87]-[90].

Кроме того, в 1935 г. под редакцией П.П. Блонского вышел сборник «Эйдетизм и школьный возраст» [878], основу которого составило выполненное Г. Фейманом под руководством П.П. Блонского экспериментальное исследование эйдетизма [878, с. 13-66]. В этом сборнике П.П. Блонский был автором «Введения» [878, с. 5-6] и статьи «Э. Йенш как психолог» [878, с. 7-12].

В 1934-1935 гг. был опубликован ряд важных работ Л.С. Выготского (почти все они вышли уже посмертно): прежде всего это монография «Мышление и речь» [208] и сборник статей «Умственное развитие детей в процессе обучения» [213], о котором в предисловии говорится: «Книга включает ряд статей, написанных Л.С. Выготским, а также стенограммы докладов, прочитанных им в различных научных учреждениях. Стенограммы не были выправлены лично Львом Семеновичем, а обработаны уже после его смерти. Сборник подготовлен к печати Л.В. Занковым, Ж.И. Шиф и Д.Б. Элькониным» [213, с. 2]. Кроме того, следует указать еще ряд таких значимых работ Л.С. Выготского, как учебное пособие «Основы педологии» [209], [212], статья «Проблема развития в структурной психологии» [210], тезисы доклада «Психология и учение о локализации психических функций» [211], предисловие к книге Ж.И. Шиф [867] (исследование было выполнено под руководством Л.С. Выготского), сборник «Умственно-отсталый ребенок» под редакцией Л.С. Выготского и И.И. Данюшевского, с некрологом Л.С. Выготского, его статьей «Проблема умственной отсталости» и статьями Л.В. Занкова и И.М. Соловьева) [803].

К работам С.Л. Рубинштейна, опубликованным в 1934-1936 гг., относятся «Основы психологии» [645], теоретическая статья «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» [643], а также несколько статей, посвященных вопросам преподавания психологии в вузе [644], [646]-[648].

Среди наиболее значимых публикаций других авторов следует назвать работы К.Н. Корнилова 1935-1935 гг. (учебник «Психология» [382], статьи [381],

[383], [384]), работы «Психология педагогической оценки» Б.Г. Ананьева [27], «Психическая деятельность животных» В.М. Боровского [172], «Глаз и его работа» С.В. Кравкова [401], «Практикум по экспериментальной психологии» П.С. Любимова [472], «Цвет в архитектуре» Б.М. Теплова (с соавторами) [11], учебник «Педология» для школьных отделений педологических техникумов Г.А. Фортунатова и М.В. Соколова [824]. В 1935 г. была опубликована монография 1935 г. Н.Н. Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» [412].

К этому же ряду непосредственно примыкают два сборника экспериментальных исследований: «Зрительные ощущения и восприятия» [310] (со статьями Б.М. Теплова, С.В. Кравкова, А.А. Смирнова, В.А. Артемова, А.И. Богословского, Е.Н. Семеновской, М.А. Севрюгиной, И.М. Соколовой, С.П. Яковлевой, М.Н. Волокитиной) и двухтомник «Психологических исследований» – «Инстинкты, навыки» [600] и «Рефлексы, инстинкты и навыки» [601], где ведущими авторами выступили В.М. Боровский и Н.Ю. Войтонис (остальные авторы – Н.Е. Акимов, Т.И. Бибикова, М.А. Воинов, Л.С. Кобозева, А.В. Крекнина, Е.С. Покровский, Г.А. Скребицкий, Н.А. Тих). Всего в двух томах «Психологических исследований» содержится 28 статей, из них 15 статей В.М. Боровского (по страницам это примерно 35 % от общего объема) и пять статей Н.Ю. Войтониса.

Необходимо также отметить вышедшие в 1934-1935 гг. статьи В.Н. Колбановского: он был автором вступительных статей к трем важным публикациям середины 1930-х гг. – к книге Л.С. Выготского «Мышление и речь» [208] и к двум сборникам экспериментальных работ: «Зрительные ощущения и восприятия» [310] и двухтомнику «Психологические исследования» – «Инстинкты, навыки» [600] и «Рефлексы, инстинкты и навыки» [601].

Впечатляющий список, особенно если учитывать разнообразную – теоретическую, экспериментальную, прикладную, учебную – направленность всех этих работ!

По-видимому, совсем неслучайно к середине 1930-х гг. относится пик творческой активности Харьковской школы (А.Н. Леонтьев, В.И. Аснин, П.Я. Гальперин, Т.О. Гиневская, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, Г.Д. Луков, О.М. Концевая, К.Е. Хоменко и др.). Примечательно, что в 1936 г. кандидатами наук среди них стали А.Н. Леонтьев (без защиты), А.В. Запорожец (диссертация «Роль элементов практики и речи в развитии мышления ребенка») и П.И. Зинченко («О забывании и воспроизведении школьных знаний»). В вышедшей в 2003 г. работе А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев и Е.Е. Соколова подчеркивали: «Научная история Харьковской группы еще не написана. Более того, лишь ничтожная часть выполненных ею исследований доступна в виде публикаций» [430, с. 16].

Для полноты картины следует также указать на большое количество переведенных на русский язык и изданных к тому времени работ – Ж. Пиаже, Дж. Уотсона, А. Гезелла, К. Бюлера, В. Келера, К. Коффки, Э. Торндайка, В. Штерна, З. Фрейда, К. Юнга и других выдающихся представителей зарубежной психологии. Столь же показательными для проводимого «хронологического среза» являются сведения о работах, написанных в середине 1930-х гг., но изданных значительно позже или вообще так и оставшихся неизданными. Именно тогда была написана выдающаяся работа Н.А. Бернштейна [75]; необычной судьбе – «почти детективной истории» – этой книги посвящена статья И.Е. Сироткиной [707].

До сих пор остается неизданной большая работа «Сравнительная психология. Область ее исследования и предмет», подготовленная В.А. Вагнером в последние годы жизни. Также в рукописи осталась работа П.Я. Гальперина «Система исторической психологии Л.С. Выготского» (1935); только в 2009 г. в журнале «Культурно-историческая психология были опубликованы тезисы П.Я. Гальперина к этой своей работе [224] (см. также информативное предисловие М.А. Степановой к этой публикации [750]).

В 1934-1936 гг. повышенный интерес к проблемам психологии проявлял И.П. Павлов, в беседах со своими учениками и сотрудниками затрагивая

вопросы, находящиеся на стыке психологии и физиологии (эксперименты Келера и Торндайка, теоретические положения и методы интроспективной психологии, бихевиоризма, гештальтпсихологии и т.д.) [142], [547], [548], [549].

На монографическом уровне из всей совокупности публикаций середины 1930-х гг. в первую очередь заслуживают внимания три новаторские, фундаментальные во всех отношениях работы: «Мышление и речь» Л.С. Выготского [208], «Память и мышление» П.П. Блонского [93] и «Основы психологии» С.Л. Рубинштейна [645].

В предисловии Л.С. Выготский так оценивал значение своей работы: «Новое в нашем исследовании может быть сведено к следующим пунктам: 1) экспериментальное установление того факта, что значения слов развиваются в детском возрасте, и определение основных ступеней в их развитии; 2) раскрытие своеобразного пути развития научных понятий ребенка по сравнению с его спонтанными понятиями и выяснение основных законов этого развития; 3) раскрытие психологической природы письменной речи как самостоятельной функции речи и ее отношения к мышлению; 4) экспериментальное раскрытие психологической природы внутренней речи и ее отношения к мышлению» [208, с. 2-3].

Не менее важным проблемам была посвящена монография П.П. Блонского «Память и мышление» [93]. Согласно предложенной П.П. Блонским генетической теории памяти четыре вида памяти – моторная, аффективная, образная и вербальная – являются этапами и уровнями в развитии памяти (в филогенезе и онтогенезе). При этом П.П. Блонский не упускал из виду и обратные процессы (забывание, различные расстройства памяти) и даже сформулировал «закон деградации памяти из высшего вида в низший» [93, с. 337], когда «по мере забывания начинает более заметно выступать деятельность памяти низшего с генетической точки зрения уровня» [93, с. 254].

В связи с этим некоторые психопатологические явления П.П. Блонский предлагал рассматривать по механизму регрессии мышления к памяти или воображению. Работе П.П. Блонского присущи теоретическая глубина,

тщательность теоретического и историографического (начиная с самых древних времен) анализа, широкое использование иностранных источников, свободное обращение как с классическими, так и с современными, относящимися к первой трети XX в. работами (Ф. Бартлетта, К. Бюлера, В. Вундта, П. Жане, Э. Торндайка, З. Фрейда и др.), привлечение дополнительных – философских, лингвистических, литературоведческих – источников, скрупулезный анализ эмпирических данных, в том числе результатов собственных экспериментов и наблюдений, включая интроспективные данные.

Работа С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» [645] вышла с грифом «пособие для высших педагогических учебных заведений», но прежде всего это фундаментальная исследовательская работа. Еще в большей степени это относится к последовавшим через несколько лет «Основам общей психологии», где С.Л. Рубинштейн писал: «Эта книга по существу (плохая или хорошая – пусть судят другие) *исследовательская* работа, которая по-новому ставит целый ряд основных проблем» [650, с. 3].

Между тем только в монографии [4] рассматриваются отдельные (хотя и, безусловно, важные) аспекты работы С.Л. Рубинштейна, хотя тезис о том, что «Основы психологии» явились важным этапом на пути к «Основам общей психологии», вряд ли требует особых доказательств. Уже в «Основах» 1935 г. С.Л. Рубинштейн недвусмысленно заявлял: «Единство сознания и объективной деятельности является методической основой в построении психологии» [645, с. 52]… «Преобразованное понимание психики и деятельности вскрывает подлинное внутреннее единство между ними… Психология изучает психику через посредство деятельности и тем самым психологические особенности деятельности» [645, с. 53].

Большую ценность работа С.Л. Рубинштейна представляет и как учебное пособие, как хорошо продуманный и удобный для использования источник сведений по различным вопросам психологии. Не стоит забывать и о том, что именно за «Основы психологии» С.Л. Рубинштейну в 1937 г. была присуждена ученая степень доктора педагогических наук (по психологии).

Примечательно, что каждый из авторов хорошо осознавал методологическую новизну и принципиальную значимость своего исследования.

Коротко и ясно свой общий замысел охарактеризовал С.Л. Рубинштейн: «Настоящая книга представляет собой попытку дать целостную систему психологии, охватывающую основной экспериментальный материал и проникнутую единством методологической концепции. Осуществление этого замысла является лишь первым шагом на том пути, на который советская психология только вступает» [645, с. 6].

Л.С. Выготский, определяя проблему мышления и речи как «узловую проблему всей психологии человека, непосредственно приводящую исследователя к новой психологической теории сознания» [208, с. 3], подчеркивал, что «систематическая экспериментальная разработка этой проблемы, сколько нам известно, вообще не предпринималась еще никем из исследователей… Помимо экспериментальных исследований мы неизбежно должны были обратиться к теоретическому и критическому исследованию» [208, с. 1].

В том же духе высказывался и П.П. Блонский: «Проблема “память и мышление” – одна из самых трудных в психологии» [93, с. 335]. «До сих пор в специальной психологической литературе эта проблема, как таковая, не подвергалась систематическому исследованию… Свое исследование я стремился строить на эксперименте и историко-лингвистических данных» [93, с. 118].

Немаловажно было и то, что это были работы, созданные уже по новому, советскому образцу. Точнее говоря, в той мере, в какой они использовали понятийный аппарат и проблематику марксистской философии и были проникнуты большевистским духом, они сами волей-неволей претендовали на роль такого образца в области психологии. Эти работы были советскими и марксистскими не только географически и политически, но и на самом деле, содержательно. И для Л.С. Выготского было вполне естественно сказать, подводя итоги исследования: «Мы стремились экспериментально изучить

диалектический переход от ощущения к мышлению и показать, что в мышлении иначе отражена действительность, чем в ощущении, что основной отличительной чертой слова является обобщенное отражение действительности» [208, с. 318].

Еще более категорично о роли марксизма высказывался П.П. Блонский: «Основная мысль, красной нитью проходящая через всю книгу, та, что проблема “память и мышление” разрешается лишь на почве *диалектического* рассмотрения ее» [93, с. 118]. «Проблема может быть разрешена только на почве диалектического *материализма*, и необходимо использовать имеющиеся по этому вопросу указания Маркса, Энгельса и Ленина. Автору в своем исследовании постоянно приходилось обращаться к философским работам основоположников марксизма и находить в них ключ к решению вопроса. В противоположность ошибочным и бесплодным идеалистическим конструированиям психологических процессов ленинская теория отражения является основой того, как надо исследовать данную проблему. Только при полном проведении ее проблема может быть разрешена» [93, с. 119].

Аналогично С.Л. Рубинштейн, завершая в «Основах психологии» главу, посвященную истории психологии, подчеркивал: «Перед советской психологией стоит в настоящее время большая и ответственная задача: освоив весь добытый в предшествующем развитии психологической науки материал, реализовать в психологии марксистско-ленинскую методологию с тем, чтобы на этой новой основе разворачивать экспериментальное исследование, направленное на разработку основных теоретических проблем психологии и на разрешение важнейших вопросов, которые ставит перед психологией практика социалистического строительства» [645, с. 37].

При общей оценке работ П.П. Блонского, Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна не стоит сбрасывать со счетов и такие информативные количественные показатели, как объем в печатных листах и солидный – даже по тем временам – тираж каждого из изданий (десять тысяч экземпляров). Сегодня мы должны по достоинству оценить и то обстоятельство, что эти работы при всей

своей оригинальности и критичности ни в коей мере не претендовали на монопольное владение истиной и могли уживаться друг с другом в тесном пространстве марксистской идеологии.

В целом можно без преувеличения сказать, что данные работы стали не только широким обобщением и непосредственным продолжением, но и *вершиной* всего того, что было создано, накоплено, критически осмыслено и усвоено (включая традиции и достижения русской дореволюционной психологии, а также богатого зарубежного опыта) отечественными психологами в области фундаментальных исследований за пятнадцать мирных лет, т.е. уже в новых социальных условиях, за годы Советской власти.

Судя по всему, к 1935 г. советские психологи в лице своих лучших представителей наконец-то, несмотря ни на что и вопреки всему, вышли (по крайней мере, в плане публикаций, в области теории) на оптимальное сочетание самых различных интересов, факторов, источников и тенденций (идеологических и научных, традиционных и новаторских, отечественных и зарубежных, теоретических и практических), столь необходимое для выживания и функционирования науки в условиях тоталитарного государства. С этой точки зрения вполне объяснимо, что после того как в 1934 г. было опубликовано постановление Советского правительства «Об ученых степенях и званиях» (отмененных в 1917 г.), докторами педагогических наук (по психологии) без защиты, по совокупности работ и заслуг, в 1935 г. стали П.П. Блонский, В.М. Боровский, К.Н. Корнилов и С.В. Кравков [37, с. 100], в 1936 г. – А.П. Болтунов [475, с. 219].

Кандидатами наук в это же время стали Б.М. Теплов (1935) и А.А. Смирнов (1936), а также, как указывалось выше, «харьковчане» А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и П.И. Зинченко (ученые степени кандидата и доктора *психологических* наук были введены в СССР только в 1966 г. [см. 584, с. 203]).

Однако сразу за достигнутой вершиной вместо новых сияющих высот и захватывающих дух перспектив перед советскими психологами неожиданно открылась пропасть: нелегкий процесс вторичной институционализации, в

идеологическом плане находивший выражение в превращении всей психологии в СССР в особую, идеологизированную науку – советскую психологию, в июле 1936 г. был самым кардинальным образом прерван Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» [530], [531], [630].

Постановление обозначило собой ту грань, за которой говорить о существовании в СССР психологической науки стало весьма проблематично – причем во всех смыслах. И один из этих смыслов состоял в том, что вскоре после публикации работы «Память и мышление» П.П. Блонского [93], «Мышление и речь» Л.С. Выготского [208] и «Основы психологии» С.Л. Рубинштейна [645] оказались повисшими в воздухе, раскритикованными и надолго забытыми.

Ни одна из этих выдающихся (каждая – по-своему, в своей «номинации») работ уже не могла быть опубликованной после постановления о педологии. Так, второе издание работы Л.С. Выготского «Мышление и речь» вышло только в 1956 г. [214], второе издание работы Блонского – в 1964 г. [97], а попытка С.Л. Рубинштейна выпустить в 1939 г. второе (как нетрудно предположить, исправленное, и причем значительно) издание «Основ» закончилась неудачей: «С.Л. Рубинштейн предполагал в 1939 г. опубликовать второе издание своих “Основ психологии” (1935), но это произошло лишь год спустя, и книга вышла под измененным названием “Основы общей психологии”. Причина задержки, по его словам, была та, что К.Н. Корнилов с двумя другими крупными психологами написали резко отрицательную рецензию на рукопись “Основ…” 1939 г.» [3, с. 281].

В результате в вышедших в 1940 г. «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейну пришлось уже на первых страницах работы всячески открещиваться от своих «Основ» образца 1935 г. и затем уже стараться не вспоминать о них, – «пронизанных», если верить самому С.Л. Рубинштейну, какими-то невероятными грехами в виде «созерцательного интеллектуализма» и «традиционного абстрактного функционализма»: «Настоящая книга выросла из работы над предполагавшимся вторым изданием моих “Основ психологии”, вышедших в 1935 г. Но по существу – как по тематике, так и по ряду основных

своих тенденций – это новая книга. Между ней и ее предшественницей лежит большой путь, пройденный за эти годы советской психологией вообще и мною в частности. Мои “Основы психологии” 1935 г. были – я первый это подчеркиваю – пронизаны созерцательным интеллектуализмом и находились в плену традиционного абстрактного функционализма. В настоящей книге я начал решительную ломку ряда устаревших норм психологии, и прежде всего тех, которые довлели над моим собственным трудом» [650, с. 3]. В итоге до сих пор книга С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» является, как это ни парадоксально, наименее проанализированной из всех его больших работ.

Как видим, к середине 1930-х гг. советскими психологами был проделан большой объем исследовательской работы и достигнуты значительные результаты в области фундаментальных и прикладных проблем. В период, предшествующий партийному постановлению 1936 г. о педологии, в СССР был опубликован целый ряд работ большой теоретической и практической значимости – монографий, учебников и учебных пособий, сборников статей экспериментальной и прикладной направленности, журнальных статей.

Изучение всей совокупности этих работ позволяет сделать вывод, что в это время основными фигурами были П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, К.Н. Корнилов, В.М. Боровский, С.В. Кравков, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов. Данные работы явились закономерным результатом всего предшествующего развития в первой трети XX в. Этот взлет творческой активности (причем несмотря на неблагоприятные социально-политические условия) может быть объяснен только как результат предшествующего развития психологии в России – в 1920-е гг. (период нэпа), дореволюционного развития, а также влияния зарубежной психологии 1920-1930-х гг. (ее самых современных достижений в лице В. Штерна, К. Коффки, К. Левина, Ж. Пиаже и т.д.).

Из всей совокупности публикаций середины 1930-х гг. в первую очередь заслуживают внимания три фундаментальные работы: «Мышление и речь» Л.С. Выготского [208], «Память и мышление» П.П. Блонского [93] и «Основы психологии» С.Л. Рубинштейна [645]. Авторы этих работ – наиболее

представительные, значимые фигуры в советской психологии (и в то время, и вообще). Все эти работы были обобщением сделанного ими ранее и, как следствие, значительным рывком вперед, еще одной вершиной в научной биографии каждого из их авторов, в их научном творчестве. Кроме того, это были психологические работы наиболее общего (общепсихологического, теоретического, методологического, философского) плана, в которых рассматривались не отдельные и частные психологические проблемы, а проблемы фундаментального характера, которые касались всей психологии.

Следует также подчеркнуть, что эти работы не были по сути своей критическими и разрушительными. Эти элементы в них должны были присутствовать «по определению», и они присутствовали, но они не были главными и определяющими. Главным был элемент позитивный (конструктивный, созидающий, творческий). От уничтожающей критики и общих рассуждений о том, какой должна быть психология, П.П. Блонский, Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн перешли к позитивным, конструктивным построениям и предложили не только свое видение актуальных проблем, но и пути решения проблем. Не менее важно и то, что все эти работы были советскими и марксистскими не только географически, политически и декларативно, но и на самом деле, содержательно. Именно по этим работам в первую очередь можно судить, насколько реальными, подтвержденными на практике оказались заявленные в контексте марксистской идеологии цели, задачи, планы, программы и обещания.

Все это позволяет рассматривать 1935 г. как одну из вершин в развитии отечественной психологии. Однако вскоре это поступательное движение было самым кардинальным образом прервано Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г., что отрицательно сказалось на дальнейшем развитии всей психологической науки в СССР. Ни одна из этих выдающихся (каждая – по-своему, в своей «номинации») работ уже не могла бы быть опубликованной после этого постановления. Подтверждением этому служит дальнейшая судьба этих работ: при обращении к

советской истории – принижение их значения или даже полное замалчивание (в том числе и самими авторами работ!), переиздание в лучшем случае спустя двадцать лет и позже, или даже с тех пор работы вообще не переиздавались и не вспоминались.

Таким образом, если в 1931 г. советской психологии запретили думать (и придумывать свое, новое), то в 1936 г. запретили делать. Что остается науке, которой запретили думать и делать? Наверное, только преподавание, созидание «в стол», скрупулезный поиск у классиков и в окружающей реальности хоть каких-то поводов для того, чтобы говорить о психологии и разрабатывать детальные – но утопические именно в своей детальности – чертежи, создавать «методологические» и «философские тетради», заполненные пространными рассуждениями о том, какой должна быть психология.

Последствия постановления для психологии оказались столь разрушительными потому, что педология наряду с психотехникой была основной точкой приложения психологии к практике (одна небольшая область приложения все же оставалась – медицина, психиатрия, что проявилось в годы Великой Отечественной войны).

Выше мы уже отмечали отсутствие публикаций Харьковской школы, приводя в сноске соответствующую цитату из статьи А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой. Здесь есть смысл привести эту цитату целиком, так как она прекрасно символизирует, как нам думается, общую ситуацию в советской психологии после постановления о педологии: «Научная история Харьковской группы еще не написана. Более того, лишь ничтожная часть выполненных ею исследований доступна в виде публикаций. Основная их масса либо не предназначалась для печати, либо публикация не была осуществлена по вненаучным причинам (после постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. “О педологических извращениях в системе наркомпросов” Харькове был рассыпан набор уже готового к печати сборника статей), либо результаты исследований публиковались в малотиражных, совершенно недоступных сейчас материалах местных конференций» [430, с. 16]. Весьма

показательно, что только спустя двадцать лет Е. Е. Соколовой удалось в значительной мере продвинуться в решении этой проблемы (мы имеем в виду ее докторскую диссертацию «Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева)» [742] и монографию «Психология деятельности: становление и перспективы развития» [743]).

Подводя итоги, следует сказать, что у нас есть все основания середину 1930-х гг. в истории советской психологии считать пиком творческой активности, беспрецедентным по своей силе и результативности решительно во всех областях – в теории, эксперименте, на практике. И только из-за совершившегося 4 июля 1936 г. «великого перелома» этот процесс был прерван самым кардинальным образом.

§ 3. Совещание ведущих советских психологов в редакции журнала «Под знаменем марксизма» летом 1936 г.

Интересные подробности, суждения и факты, наглядно свидетельствующие о положении дел в советской психологии в середине 1930-х гг., приведены в отчете о совещании психологов [229] (см. повторную публикацию «Отчета» [532] и подробные – в виде статьи – комментарии к нему [134]), организованном редакцией журнала «Под знаменем марксизма» летом 1936 г., незадолго до публикации партийного постановления о педологии – по-видимому, в мае или июне, так как в конце статьи говорится: «Насколько своевременным был созыв такого совещания, свидетельствует тот факт, что после совещания на педагогическом фронте произошли события исключительного значения. Мы имеем в виду историческое постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля сего года “О педологических извращениях в системе Наркомпросов”» [229, с. 98].

В конце статьи из подводящего итоги выступления М.Б. Митина (в то время – главного редактора журнала «Под знаменем марксизма») становится понятен исходный замысел совещания: «Редакция “Под знаменем марксизма” подняла эти вопросы, для того чтобы мобилизовать работников психологического фронта на преодоление имеющихся недостатков, для создания работ по психологии в

соответствии с требованиями социалистической практики и воспитания нового человека сталинской эпохи. Редколлегия считает необходимым освещение важнейших вопросов психологии на страницах журнала и надеется, что это совещание послужит толчком для развернутого обсуждения этих проблем в коллективах психологов и в печати» [229, с. 98]. В отчете нет фамилия автора, лишь на последней странице указаны инициалы – «Г.Ф.». Кроме того, те же инициалы несколько раз указываются непосредственно в тексте в приводимых в скобках примечаниях (в одном случае – «Ф.Г.»). Можно предположить с достаточно большой долей вероятности, что автором отчета был Ф.И. Георгиев.

В справочнике К.А. Залесского о М.Б. Митине сообщается следующее: «Митин (настоящая фамилия Гершкович) Марк Борисович (22.6.1901, Житомир – 15.1.1987, Москва), философ, академик АН СССР (28.1.1939), лауреат Сталинской премии (1943), доктор философских наук. Образование получил в Институте красной профессуры (1929). В 1919 вступил в РКП(б). Специалист по диалектическому и историческому материализму и критике буржуазной философии. В 1930-1944 редактор журнала “Под знаменем марксизма”. Некоторое время Митин был заместителем директора Академии коммунистического воспитания, Института философии АН СССР. В 1939-1944 директор Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). В 1939-1961 член ЦК партии. В 1950-1956 шеф-редактор газеты “За прочный мир, за народную демократию”. В 1950-1962 депутат Верховного Совета СССР. После смерти И.В. Сталина сохранил свои позиции. В 1956-1960 председатель правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1960-1967 редактор журнала “Вопросы философии”» [290, с. 395-396].

Георгиев Филипп Игнатьевич (1904-1974) – российский (советского периода) философ и психолог, профессор (1943), доктор педагогических наук (по психологии) (1943), доктор философских наук (1967), специалист в области теории познания и диалектики (работал в области диалектического материализма и над философскими проблемами естествознания). Окончил Высшие пед. курсы при МГПИ им. В.И. Ленина (1931), Институт Красной

профессуры (1936) и аспирантуру Московского института психологии (1936). В 1936-1944 – научный сотрудник московского Института психологии. Кандидатская диссертация: «Психофизическая проблема по Фейербаху» (1936). С 1938 г. преподавал философию в Московском университете. Докторская диссертация (по психологии): «Психологические взгляды Гегеля и их влияние на развитие психологии» (1942). В 1956-1958 преподавал философию в Китайской Народной Республике, в 1967 г. защитил докторскую диссертацию по философии (см. [10, с. 216-217]).

По мнению О.А. Артемьевой (см. [42, с. 109, сноска]), за инициалами «Г. Ф.» стоит Ф. Горохов, входивший в состав редколлегии журнала «Под знаменем марксизма».

Горохов Федор Александрович (1902-1954) – российский (советского периода) философ, доктор философских наук (1935), профессор (1935). В 1929 г. окончил философское отделение Института Красной профессуры, в 1931 г. был заместителем директора Института философии Коммунистической академии, в 1931-1938 гг. – на партийной и советской работе. Защитив докторскую диссертацию, Ф.А. Горохов вел педагогическую работу в МИФЛИ. В 1938-1941 гг. – научный сотрудник ИФ АН СССР. Основной сферой научной деятельности Ф.А. Горохова были актуальные вопросы социального развития и методологии социального познания – трактовка структуры производительных сил (он включал в их состав и духовные свойства производителей, выделяя духовный аспект производительных сил), интерпретация им диалектики общественного бытия и общественного сознания и др. Ф.А. Горохов был осужден 19.02.1944 г. особым совещанием при НКГБ СССР к 10 годам ИТЛ, умер 06.02. 1954 г. Реабилитирован в 1955 г. (см. о нем [10, с. 244], где приведен список его основных работ, а также [327, с. 237-240], [520, с. 511]).

В пользу того, что автором отчета был Ф.И. Георгиев, свидетельствует, однако, то, что именно Ф.И. Георгиев в 1930-е гг. специализировался в области психологии. В эти годы он заявил о себе прежде всего как автор критических рецензий на работы Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Ж. Пиаже и на учебник

«Психология» под редакцией К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова, Л.М. Шварца [228], [227], [230], [231]. В 1936 г. он закончил не только Институт Красной Профессуры, но и аспирантуру Московского института психологии. С середины 1940-х гг. Ф.И. Георгиев полностью переключился на философские проблемы. Разумеется, вопрос об авторстве «Отчета» в данном случае не является принципиальным, важнее само содержание отчета.

По своей сути совещание было ярко выраженным идеологическим мероприятием. Однако это не исключает и его собственно научного, психологического наполнения. Показателен уже сам состав психологов, приглашенных на совещание. Судя по отчету, на совещании присутствовали и выступили: В.Н. Колбановский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, К.Н. Корнилов, Б.М. Теплов, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, П.П. Блонский, А.Б. Александровский; по-видимому, какое-то участие в обсуждении принимал и автор отчета. В конце мероприятия М.Б. Митин подвел итоги обсуждения.

Относительно А.Б. Александровского необходимо заметить, что в тексте «Отчета» инициалы Александровского не указаны. Но, скорее всего, речь идет о психиатре Анатолии Борисовиче Александровском. Согласно современному справочнику, А.Б. Александровский (1899-1961) окончил медицинский факультет Ростовского университета и Институт красной профессуры (ИКП), затем работал врачом-психиатром. В 1937-1944 гг. он был начальником Главного лечебно-профилактического управления и членом Коллегии Министерства Здравоохранения СССР (см. [676, с. 14]). Следует обратить внимание и на то, что Ф.И. Георгиев, Ф.А. Горохов и В.Н. Колбановский также, как и А.Б. Александровский, были выпускниками ИКП.

Если при анализе текста «Отчета» отбросить чисто идеологические наслоения, то основными научными (собственно психологическими) проблемами на данном совещании были следующие:

(1) соотношение теоретической и практической психологии (что является более важным, что и как необходимо развивать в первую очередь);

(2) соотношение советской и остальной (зарубежной, иностранной) психологии (как относиться к современной иностранной психологии, как оценивать ее влияние на советскую психологию);

(3) оценка актуального состояния психологической науки в СССР; отношение к лозунгу о марксистской психологии: построена ли? Если что-то уже сделано, то как оценить результаты? А если марксистской психологии еще нет, то в чем причины и что делать дальше? В этом контексте обсуждаются проблемы метода и единства психологии.

По всем этим вопросам в ходе обсуждения обнаружился очень широкий спектр мнений и оценок. Стоит обратить внимание и на то, что в выступлениях не обнаруживается какой-либо озабоченности психологов положением дел в педологии или психотехнике. Тем более ничего не говорится о рефлексах по И.П. Павлову или В.М. Бехтереву, также нет озабоченности психофизиологической проблематикой, рефлекторными механизмами и детерминантами психических явлений и т.п. – нет, короче говоря, всего того, чем дальше будет жить советская психология. Отчет интересен еще и тем, что его автор, не ограничившись простым пересказом дискуссии, добавил свои весьма обширные комментарии и рекомендации.

На ключевые вопросы обсуждения (отношение к иностранной психологии, к тезису о построении марксистской психологии) по-своему смотрел В.Н. Колбановский: его как директора Института психологии волновала прежде всего организационная сторона. В выступлении В.Н. Колбановского содержится общая оценка психологической науки в СССР: «Тов. Колбановский в своем докладе уделил немалое место вопросу подготовки кадров в области психологии. Лозунг товарища Сталина “кадры решают все” на нашем участке имеет исключительно важное значение. Основными работниками психологического фронта являются старые специалисты; у нас нет психологического вуза в Союзе; имеющаяся аспирантура комплектуется, как правило, из людей без всякой предварительной подготовки по вопросам психологии. В заключение докладчик подчеркнул, что несмотря на все исключительно благоприятные условия для ее

развития и возможности сплочения советских психологов на основе марксизма и непримиримости к различным враждебным марксизму течениям, наука психологии стоит у нас на низком уровне. До сих пор продолжают существовать различные группки и школки психологов, между которыми нет единства по основным вопросам психологии» [229, с. 90].

Оценивая это выступление В.Н. Колбановского, автор отчета указывает на то, что, по его мнению, должен был сделать сам В.Н. Колбановский – в ходе «краткого обзора некоторых антимарксистских школок в области психологии» [229, с. 94] должны были быть повергнуты критике существующие в советской психологии неправильные, ошибочные теории, а именно, реактология К.Н. Корнилова и «направление Выготского–Лурия» [229, с. 92]; здесь же упоминаются и «представители меньшевиствующего идеализма в психологии (Куразов, Франкфурт и др.)…» [229, с. 93].

В этом контексте показательна оценка реактологии: «Во время психологической дискуссии (1931 г.) реактологическая концепция Корнилова была раскритикована и совершенно правильно квалифицирована как вредная теория. Тогда проф. Корнилов вынужден был на словах признать критику в основном правильной. Однако несмотря на известный пересмотр своих теоретических позиций он в основном остался верен механистическому мировоззрению. Подтверждением этому может служить учебник “Психология”, изданный в 1935 г.» [229, с. 92] (имеется в виду учебник К.Н. Корнилова [382]).

Столь же резко оценивается и школа Л.С. Выготского: «Другое психологическое направление, которое “имеет хождение” у нас и которого тов. Колбановский коснулся только вскользь, в то время как оно требует развернутой марксистской критики, – это направление Выготского–Лурия. Эта школка, прикрываясь цитатами из классиков марксизма-ленинизма, на деле протаскивает немарксистские теории в советскую психологию. Эта школка до сих пор не получила надлежащей критики и разоблачения. Ее представители: Лурия (Медико-генетический институт), Леонтьев (Высший коммунистический институт просвещения), Занков (Экспериментальный дефектологический

институт), Эльконин (Ленинградский педологический институт) и др. – развивают большую активность в защите этой, так называемой культурно-исторической теории» [229, с. 92].

Далее в отчете идет критика – малограмотная и к тому же чисто идеологическая – работ («Мышление и речь» и др.) и идей Л.С. Выготского и его школы. Все это свидетельствует о месте и значимости школы Л.С. Выготского в середине 1930-х гг.

Представляется весьма ценным, что кроме имен автор отчета перечисляет еще и научные (учебные, исследовательские) учреждения, относящиеся к психологии: это, помимо Института психологии, Медико-генетический институт, Высший коммунистический институт просвещения, Экспериментальный дефектологический институт, Ленинградский педологический институт «и другие» (т.е. список неполный). Все эти учреждения, заметим, располагаются исключительно в Москве или Ленинграде.

О многом говорит спектр мнений ведущих советских психологов о психологической науке в СССР в целом. Так, «проф. Лурия (Медико-генетический институт) не согласен с докладчиком, что состояние науки психологии находится на низком уровне» [229, с. 94]. Более того, «далее на совещании отмечалось, что психологи не смогут создать научную основу психологии до тех пор, пока не отбросят идеалистические и механистические теории и твердо станут на почву марксистско-ленинской теории отражения» [229, с. 94].

В качестве примера критикуются взгляды К.Н. Корнилова: «Стоя на точке зрения механистического представления о психике, проф. Корнилов не мог понять несводимости психических процессов к внешним, объективным свойствам организма, не понял относительной самостоятельности развития сознания, его активной роли. Он игнорирует основное положение марксизма-ленинизма, что сознание есть социально-исторический продукт и целиком определяется общественными отношениями людей, борьбой классов (в классовом обществе)» [229, с. 95].

Интересна позиция Б.М. Теплова, который, критически отзываясь об оценках А.Р. Лурия, тем самым косвенно критикует всю школу Л.С. Выготского: «Проф. Теплов (Институт психологии) высказывает мысль, что советская психология не есть продолжение и развитие буржуазной психологии. Она принципиально отлична от нее в своей основе и в своих частях. Он считает, что все те работы, о которых с восхищением говорил проф. Лурия, укладываются в рамки тех исследований, над которыми работают западноевропейские психологи. Теплов заявил, что здесь нет еще марксистской психологии. Центральным моментом своего выступления проф. Теплов считает постановку вопроса о невозможности изучения сложного психического процесса конкретной личности посредством лабораторного эксперимента. При лабораторном методе психологи подходят к человеку абстрактно, схематично, надуманно. Таким методом, по мнению проф. Теплова, нельзя построить марксистскую психологию, а между тем в наших лабораториях этот метод является основным» [229, с. 95-96].

Похоже, что напрямую увязывая вопрос о марксистской психологии с вопросом о методе, Б.М. Теплов прозрачно намекает на то, что если у марксистской психологии нет специфического метода, то и самой марксистской психологии еще нет (другими словами, школа Л.С. Выготского не признается марксистской).

По сути это достаточно близко к позиции Г.И. Челпанова в споре с К.Н. Корниловым в середине 1920-х гг. Правда, из отчета не видно, предлагал ли Б.М. Теплов в своем выступлении что-либо в позитивном плане, говорил ли о том, что именно должно стать специфическим методом марксистской психологии вместо лабораторного эксперимента? Все это, если смотреть в перспективе, близко к тому, что Б.М. Теплов напишет шестнадцать лет спустя в свое известной статье «Об объективном методе в психологии» [782], [783].

Для характеристики «духа времени» показательно различное отношение к иностранной психологии. Для А.Р. Лурии, например, контакт с ней, опора на нее, выход на ее уровень – это свидетельство развития, прогресса. Но для

Б.М. Теплова это скорее является недостатком и препятствием, так как мешает собственным (опирающимся на опыт отечественной психологии) разработкам при построении марксистской психологии. Столь же важно несовпадение точек зрения Б.М. Теплова и В.Н. Колбановского.

Обращает на себя внимание прозвучавшая на совещании точка зрения П.Я. Гальперина: «Дело не в том, что лабораторный метод сам по себе плох, а в том, что нужно создать новую экспериментальную методику на основе марксистской методологии» [229, с. 96]. «Нужно» – значит, еще нет «новой экспериментальной методики», еще не смогли ее создать за прошедшие годы Советской власти. Здесь же П.Я. Гальперин дает классификацию основных элементов советской психологии середины 1930-х гг.: «Доцент Гальперин констатирует множественность психологических направлений: эмпирическая психология (Блонский), бихевиоризм (Боровский), реактологическое направление (Корнилов), физиологическая психология, культурно-историческая теория (Выготский – Лурия) и др.

По мнению П.Я. Гальперина, причина такой раздробленности сил в области психологии заключается в том, что 1) наша психология в значительной степени является отражением влияния и множественности направлений, которые существуют среди психологов капиталистических стран, 2) то, что наши психологи, желая приблизиться к практике социалистического строительства, идут различными путями» [229, с. 96].

В отечественной историографии принято считать, что реактология К.Н. Корнилова «сошла со сцены» сразу после реактологической дискуссии, т.е. в 1931 г. Однако, судя по отчету, не только автор отчета, но и П.Я. Гальперин в середине 1936 г. относятся к реактологии К.Н. Корнилова как к по-прежнему актуально существующей теории. Столь же показательно отнесение взглядов П.П. Блонского к эмпирической (т.е. идеалистической, вундтовской, челпановской) психологии. Под «физиологической психологией», скорее всего, имеются в виду работы школы И.П. Павлова на стыке физиологии и психологии. Обратим внимание на то, что П.Я. Гальперин указывает на большое

(позитивное?!) влияние зарубежной психологии и на поиски «единого пути» в сочетании с желанием «приблизиться к практике социалистического строительства» [229, с. 96].

Свои акценты расставил еще один участник совещания – А.Б. Александровский: «Тов. Александровский убедительно, на примерах, показал, насколько психологам необходимо пользоваться данными психопатологии и невропатологии. Наряду с этим он отметил два основных извращения в психологии: теория Выготского – Лурия и реактологическое учение Корнилова. Александровский считает, что эти извращения остались до сегодняшнего дня, но в замаскированной форме. Психологии угрожает опасность скатиться в болото формализма, пустых и надуманных абстракций. Вывод – нужно изучать конкретного человека» [229, с. 97].

В разгоревшейся на совещании дискуссии интересно то, что одни («теоретики») призывали к созданию единой теории, решению теоретических проблем (по П.Я. Гальперину, «нужно создать новую экспериментальную методику на основе марксистской методологии» [229, с. 96]), предостерегали об угрозе погрязнуть в мелочах (П.Я. Гальперин даже говорил о «ложном практицизме» [229, с. 96]), другие же («практики»), наоборот, выступали против формализма, пустых абстракций, теоретизирования, требуя изучать «конкретного человека», не отрывать теории от практики, быть ближе к практике социалистического строительства и т.п.

Не менее интересны были и выступления Д.Б. Эльконина и П.П. Блонского: «Эльконин большую часть своей речи посвятил руководству Наркомпроса психологическими лабораториями», но при этом, оказывается, «очень неудачно хотел снять ответственность с психологов за состояние психологического фронта и перенести ее целиком на работников аппарата Наркомпроса» [229, с. 96], а П.П. Блонский «заострил внимание на необходимости журнала “Психология”, своевременного печатания работ, уже написанных и представляющих несомненную ценность для науки и педагогической практики. Он отметил опасность проникновения идеализма в психологию и шатание

некоторых психологов в сторону механицизма. По его мнению, боязнь постановки теоретических проблем влечет за собой ползучий эмпиризм, вредный для науки» [229, с. 96-97].

По этим высказываниям видно, что ведущие советские психологи пытались на совещании конкретизировать, «заземлить» общие идеологические лозунги, переведя разговор в русло продуктивного обсуждения ключевых проблем советской психологии. Так, обсуждая один из центральных тезисов того времени – не допустить отрыва теории от практики, – психологи говорили о теоретической и практической психологии и их соотношении, о проблеме метода в психологической теории и практике.

Обобщающая картина вырисовывается довольно мрачная – сплошные проблемы, недостатки, противоречия, ошибки... Наверное, поэтому М.Б. Митин, подводя итоги обсуждения, отметил, что «это отнюдь не значит, что психологическая наука находится в безнадежном состоянии. Некоторые достижения, несомненно, имеются, но нужно осознать, что нет оснований для оптимизма и самоуспокоенности. Необходимо психологам серьезно овладеть марксистским методом и не возлагать надежд, что кто-то извне придет и создаст эту науку» [229, с. 98].

В конце отчета упоминается уже ставшее ко времени публикации отчета свершимся фактом Постановление о педологии: «Таков краткий обзор совещания, которое состоялось при редколлегии журнала. Насколько своевременным был созыв такого совещания, свидетельствует тот факт, что после совещания на педагогическом фронте произошли события исключительного значения. Мы имеем в виду историческое постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля сего года “О педологических извращениях в системе Наркомпросов”. Это постановление имеет прямое и непосредственное отношение к психологической науке. Центральный комитет партии обязывает “раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов”. Это указание ЦК в значительной степени относится и к работам психологов. Большинство крупных психологов одновременно являются

и педологами (Блонский, Выготский, Василейский, Узнадзе и др.); вышедшие психологические работы носят печать педологической лженауки (Блонский “Память и мышление”, Выготский “Мышление и речь” и др.). Есть такие реакционные психологические работы, которые до сих пор не получили соответствующей критики. Так, например, работы Гурьянова, Соколова, Смирнова, Шеварева “Скала Бинэ-Термена для измерения умственного развития детей” (изд. 1930 г.) были совершенно обойдены критикой, в то время как авторы своей книгой причинили немало вреда нашей советской школе» [229, с. 98].

Кратко остановившись затем «на отдельных положениях этой работы», автор отчета делает вывод: «Реакционность этой “работы” совершенно очевидна. Антинаучность этой “работы” заключается в том, что авторы исходят из сведения сложных мыслительных процессов к простой количественной характеристике, а сама способность ими понимается, как изначально данная, неизменная сущность. Авторы исходят из фаталистического представления о решающей роли биологических, наследственных предрасположений, определяющих умственное развитие ребенка, что логически прямым путем ведет к признанию фашистской расистской теории. И таких психолого-педологических антинаучных работ немало. Это обязывает психологов развернуть серьезную критику подобных реакционных, антинаучных измышлений, а также развернуть самокритику в своих собственных рядах, без чего невозможна положительная разработка марксистской психологии» [229, с. 98-99].

В целом отчет, являясь информативным «срезом», представляет собой ценный исторический документ, так как дает хорошее представление о том, что же собой представляла советская психологическая наука непосредственно накануне партийного постановления о педологии по таким параметрам, как ключевые фигуры, основные идеи, научные школы, исследовательские и учебные учреждения, актуальные проблемы, достижения и перспективы. Суть «среза», который дает отчет, состоит, как нам думается, в том, что в середине 1936 г. единой «советской психологии» (как концепции, направления,

методологической платформы, разделяемой всеми или большинством) еще не было: советская психология еще не была ни единой, ни боевой (противопоставляемой всей остальной, зарубежной психологии).

Пожалуй, только А.Р. Лурия был наиболее оптимистичен в оценке существующего положения и дальнейших перспектив развитии советской психологии. Не менее хорошо видно, что участники совещания, не являющиеся психологами (и прежде всего Б.М. Митин, олицетворявший политику партии в области науки вообще и психологии – в частности), мало чем могли помочь психологам в их дискуссии по самым принципиальным вопросам психологии.

Подведем итоги рассмотрения вопроса о том, что собой представляла советская психология в середине 1930-х гг. (в 1935-1936 гг., непосредственно накануне постановления о педологии).

1. К середине 1930-х гг. советскими психологами был проделан большой объем исследовательской работы и достигнуты значительные результаты в области фундаментальных и прикладных проблем. Поэтому есть все основания середину 1930-х гг. в истории советской психологии считать пиком творческой активности, беспрецедентным по своей силе и результативности решительно во всех областях – в теории, эксперименте, на практике. И только из-за совершившегося 4 июля 1936 г. «великого перелома» этот процесс был в значительной степени заторможен и прерван.

2. Помимо выявления чисто содержательного аспекта, значение изучения общего положения дел в советской психологической науке накануне 1936 года заключается еще и в в том, что оно демонстрирует продуктивность в историко-психологическом исследовании метода «исторических срезов»: на примере данного метода хорошо виден не только методически, но и методологически важный отход от «жанра» репрессированной науки, – отход, выражающийся в акцентировании внимания не на репрессиях и потерях, а на позитивных результатах (достижениях и успехах), на внутренних, присущих самой психологии механизмах и факторах развития.

§ 4. «Основы психологии» и «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна в контексте эпохи

Предпринятое в данном параграфе исследование представляет собой широкомасштабную (и хронологически, и по охвату первоисточников) попытку как можно более полно и объективно реконструировать и осмыслить непосредственную реакцию советских психологов на выход в свет трех «Основ» С.Л. Рубинштейна – «Основ психологии» 1935 г. [645] и «Основ общей психологии» (первое издание вышло в 1940 г. [650], второе – в 1946 г. [654]).

В центре исследования ввиду своей значимости оказались восемь рецензий: К.Н. Корнилова [385] и Ф.И. Георгиева [227] – на первые «Основы» [645]; В.Н. Колбановского [346], А.Р. Лурия [464], Б.М. Теплова и Л.М. Шварца [790] – на вторые «Основы» [650]; Б.Г. Ананьева [30] и В.Н. Колбановского [348], [347] – на третьи «Основы» [654].

О том, насколько мало изучена данная тема, можно судить по работе А.Н. Славской [713], где с опорой на архивные данные приводится целый ряд новых сведений о реакции советского научного сообщества (ученых, философов), а также деятелей культуры на выход в свет «Основ психологии» (1935) и «Основ общей психологии» (1949, 1946) С.Л. Рубинштейна. В этой связи заслуживают внимания предшествующие публикации А.Н. Славской на эту тему (см., в частности, [711], 712] и др.).

Рецензии на «Основы психологии» (1935). Как образно выразился в своих воспоминаниях К.К. Платонов, «мало кому ранее известный и уже не очень молодой одесский профессор Сергей Леонидович Рубинштейн в середине 1930-х годов могучим броском вышел на передний край психологической науки и остался там до последних минут своей жизни» [584, с. 164]. Далее К.К. Платонов поясняет: «Вышедшая в 1934 г. статья Сергея Леонидовича “Проблемы психологии в трудах Карла Маркса” и в 1935 г. его книга “Основы психологии” стали для меня, как и для ряда других психологов моего поколения, подлинно настольными книгами» [584, с. 165]… «Я понял, что вот это и есть та новая

марксистская психология, которой мне еще предстоит учиться и учиться!» [584, с. 166].

Обращение к рецензиям на «Основы психологии» позволяет лучше оценить значение этой работы как начального этапа разработки «Основ общей психологии» и важного элемента всей советской психологии 1930-х гг.

В рецензии К.Н. Корнилова [385] вначале кратко перечисляются положительные моменты «Основ психологии» С.Л. Рубинштейна: книга актуальна в качестве пособия для «аспирантов и преподавателей», ей присущи «широкий и систематический охват всех более или менее основных проблем современной психологии, всестороннее использование иностранной литературы, вдумчивое отношение к методологическому обоснованию рассматриваемых проблем с точки зрения диалектического материализма» [385, с. 1]. Переходя к критическим замечаниям, в качестве первого серьезного недостатка книги К.Н. Корнилов отмечает ее абстрактный, тяжелый, трудный для понимания язык (упрек, звучащий практически у всех рецензентов). Далее К.Н. Корнилов указывает еще целый ряд недостатков: непропорционально большой объем книги, неравномерность распределения материала (в книге имеются большие главы о восприятии, памяти и мышлении и «как бы только вкрапленные» – главы об эмоциях, воображении, внимании и «особенно собирательная глава о влечениях, потребностях и интересах» [385, с. 2]), некоторые зарубежные теории (Ф. Крюгера, Э. Шпрангера, З. Фрейда) изложены слишком коротко. Весьма спорным, по мнению К.Н. Корнилова, является рассмотрение вопроса об образовании навыков в теме «Память», а также отнесение проблемы внимания к учению о воле.

Итоговый вывод К.Н. Корнилова оказывается не без ложки дегтя: «Несмотря на некоторые недочеты, а иногда и спорные места, а может быть иногда и промахи, имеющиеся в книге, труд проф. С.Л. Рубинштейна является исключительно ценным руководством для аспирантов, преподавателей и всех других лиц, желающих изучить психологию в ее углубленном, строго научном изложении. Ощущавшаяся столь настоятельно нужда в подобного рода

руководстве удовлетворена в значительной мере появлением означенной книги С.Л. Рубинштейна» [385, с. 3]. Большое учебное пособие, и не более того, к тому же не лишенное недостатков – в таких словах можно резюмировать точку зрения К.Н. Корнилова.

В рецензии Ф.И. Георгиева [227] вначале, как и у К.Н. Корнилова, говорится о достоинствах рецензируемой работы. Попытка С.Л. Рубинштейна создать «стройную теорию советской психологии», большой фактический материал, критика буржуазной психологии, ценные педагогические указания – все это, бегло перечисляемое в первых нескольких абзацах, приветствуется и одобряется. Остальная часть рецензии Ф.И. Георгиева (а это более 90% текста) посвящена анализу обнаруженных в книге С.Л. Рубинштейна недостатков: «книга написана исключительно неудобоваримым, трудным языком» [227, с. 134], в оценках различных психологических школ не реализуется классовый подход, «очень слабо отражена в книге история советской психологии, в частности, автор не дает никакой критики антимарксистских направлений в психологии» [227, с. 135], психофизическая проблема трактуется неправильно, «личность берется абстрактно, вне конкретных социально-классовых условий, психологизируется, т.е. рассматривается в отрыве от определяющих ее общественных отношений» [227, с. 136] и т.д. и т.п. (все это, как ни странно, будет почти без изменений повторено через двенадцать лет – правда, в рецензиях уже на третьи «Основы» [348], [347]).

В книге «История философской мысли в Московском университете» в главе «Видные деятели философской науки, работавшие на философском факультете» приводится официальная научная биография Ф.И. Георгиева [327, с. 254-255]. О Ф.И. Георгиеве есть словарная статья в «Философской энциклопедии» [811, с. 350] и справочнике «Философы России XIX-XX столетий» [10, с. 216-217]. Весьма нелицеприятную характеристику Ф.И. Георгиеве дает М.Г. Ярошевский: «… Еще в годы войны… В то время заместителем Рубинштейна был Георгиев (это такой проходимец, который удрал с фронта, каким-то образом сумел оформить себе докторскую степень, хотя текста его диссертации не нашли ни в

одном архиве; будучи в Москве, он назначил себя директором). С.Л. Рубинштейн сумел избавиться от Георгиева. И встал вопрос, кому быть заместителем директора Института психологии. С.Л. Рубинштейн сам выбрал А.А. Смирнова. У них установились тесные, добрые, дружеские отношения» [913, с. 50].

На заседании президиума Совета МГУ 17 января 1949 г., когда С.Л. Рубинштейн отчитывался о работе кафедры, Ф.И. Георгиев выступал с содокладом и участвовал в дискуссии (см. [760]).

Впрочем, обобщающий вывод в рецензии Ф.И. Георгиева оказывается все же достаточно сбалансированным: «Не останавливаясь на других ошибках, имеющихся в книге, сделаем общий вывод. Книга проф. Рубинштейна при нашей бедности психологической литературой заслуживает большого внимания и, несомненно, является известным шагом вперед на пути создания советского руководства по психологии. Хотя, как мы указали выше, книга имеет огромное количество недостатков, но это по существу первая серьезная попытка создать солидное советское руководство по психологии… В книге собран богатый фактический материал, изучение которого необходимо нашему студенчеству» [227, с. 139].

Как продолжение рецензии Ф.И. Георгиева можно рассматривать выступление В.Н. Колбановского, в то время – директора московского НИИ психологии (см. [201], [576, с. 70-75], [584, с. 194-204]) на совещании психологов, состоявшемся в 1936 г. в редакции журнала «Под знаменем марксизма» незадолго до выхода постановления о педологии, о чем мы подробно говорили в предыдущем параграфе. На совещании также выступали П.П. Блонский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.М. Теплов, Д.Б. Эльконин, М.Б. Митин (главный редактор журнала, руководитель совещания) и невропатолог А.Б. Александровский (см. [229]).

Общее отношение В.Н. Колбановского к «Основам» С.Л. Рубинштейна, пожалуй, лучше всего охарактеризовать с помощью известного из истории Древнего Рима выражения: «Карфаген должен быть разрушен». Дело в том, что, начав с обвинений Наркомпроса в «утилитарном отношении к институту» и в

выпуске учебной литературы, страдающей «существенными недостатками», В.Н. Колбановский, перейдя затем к «Основам психологии», не нашел в книге вообще ничего положительного: работа Рубинштейна «не является марксистским трудом, хотя и претендует на это» [229, с. 88]; проф. Рубинштейн игнорирует марксистско-ленинскую теорию; «история советской психологии представлена проф. Рубинштейном абстрактно, схематично»; «проблема личности в работе Рубинштейна дается абстрактно, антиисторически (кстати сказать, это относится к рассмотрению автором всех психологических проблем)» [229, с. 89], и все остальное в том же духе. Судя по тексту отчета, позиция В.Н. Колбановского не была поддержана никем из участников совещания (может быть, за исключением самого автора отчета).

Рецензии на «Основы общей психологии» (1940). В вышедших в конце 1940 г. «Основах общей психологии» [650] Рубинштейн счел нужным подчеркнуть: «Настоящая книга выросла из работы над предполагавшимся вторым изданием моих “Основ психологии”, вышедших в 1935 г. Но по существу – как по тематике, так и по ряду основных своих тенденций – это новая книга. Между ней и ее предшественницей лежит большой путь, пройденный за эти годы советской психологией вообще и мною в частности. Мои “Основы психологии” 1935 г. были – я первый это подчеркиваю – пронизаны созерцательным интеллектуализмом и находились в плену традиционного абстрактного функционализма. В настоящей книге я начал решительную ломку ряда устаревших норм психологии, и прежде всего тех, которые довлели над моим собственным трудом» [650, с. 3].

Сразу же после выхода новые «Основы» оказались в центре внимания научной общественности.

В марте 1941 г. «Основы общей психологии» обсуждались на расширенном заседании кафедры психологии ЛГПИ им. А.И. Герцена: «Незадолго до начала войны, 22-24 марта 1941 г., кафедра психологии организовала научную сессию, предметом обсуждения которой были “Основы общей психологии” (М., 1940) Рубинштейна и четыре доклада сотрудников кафедры по конкретно-научным

проблемам… На сессии присутствовали крупные психологи, которые дали высокую оценку работы кафедры» [552, с. 41]. Далее в цитируемой статье приводятся фрагменты выступлений Б.Г. Ананьева и А.Н. Леонтьева, *содержащие высокие оценки* книги С.Л. Рубинштейна.

В марте и апреле 1941 г. редакцией «Учительской газеты» была проведена дискуссия на тему «Насущные проблемы советской педагогики». В ходе дискуссии некоторые из участников касались и новой работы Рубинштейна. В статье московских психологов во главе с К.Н. Корниловым [388] Рубинштейн критикуется за то, что, правильно выдвигая требование изучать психику в деятельности, в конкретном решении этой проблемы он останавливается на полпути, так как он «фактически рассматривает все психические процессы вне какой бы то ни было деятельности». «Такое понимание в корне неверно» [388], делают вывод авторы статьи.

Статья А.Н. Леонтьева [432] интересна тем, что в ней Леонтьев защищает Рубинштейна от критики от стороны москвичей, указывая, в частности, на недостатки учебного пособия «Психология» под редакцией К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова и Л.М. Шварца [605].

Полемика А.Н. Леонтьева-ленинградца с психологами-москвичами была через неделю продолжена в статье С.Л. Рубинштейна [651], где в ходе обсуждения общих проблем С.Л. Рубинштейн (опираясь, в частности, на статью А.Н. Леонтьева) обратил внимание на то, что «в опубликованной “Учительской газетой” дискуссионной статье группы московских психологов, возглавляемой проф. Корниловым, я неожиданно нашел ряд моих тезисов, против которых они до сих пор вели борьбу» [651]; здесь же С.Л. Рубинштейн предъявил встречные претензии к их новому учебному пособию.

Уточним, что в конце статьи А.Н. Леонтьева указано: «проф. А. Леонтьев. Ленинград». В это время Леонтьев совмещал работу в Москве и Ленинграде (см. [431, с. 74-75]) и «почти каждый приезд посещал С.Л. Рубинштейна» [879, с. 246]. В мае 1941 г. Леонтьев защитил в ЛГПИ им. А.И. Герцена докторскую диссертацию, причем С.Л. Рубинштейн был одним из оппонентов (наряду с

Л.А. Орбели и Б.М. Тепловым) (см. [431, с. 78], [879, с. 247]). Примечательно, что даже в 1946 г. в идеологически важной обзорной статье [433] А.Н. Леонтьев упомянул С.Л. Рубинштейна всего один раз (да и то не по поводу «Основ»).

С 19 по 28 апреля 1941 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция по педагогическим наукам [202]. На конференции работали четыре секции – педагогики, истории педагогики, психологии и дошкольной педагогики. На пленарном заседании среди семи докладов был заслушан доклад С.Л. Рубинштейна «Психология и педагогика». На секции психологии первым стоял вопрос: «Анализ пособия проф. Рубинштейна С.Л. “Основы общей психологии” и учебного пособия по психологии под ред. проф. Корнилова – докладчики профессора: Ананьев, Теплов, Добрынин, Корнилов, Лурия и доц. Шнирман» [202, с. 23]. В отчете о конференции какие-либо подробности состоявшегося обсуждения, к сожалению, не приводятся.

В рецензии В.Н. Колбановского [346] отмечается: «Несмотря на множество конкретных работ, еще мало имеется обобщающих теоретических исследований. Этот пробел заполняется изданием книги С.Л. Рубинштейна “Основы общей психологии”. Это солидное учебное пособие является первой обстоятельной сводкой психологических знаний, отражающей уровень развития современной психологии. В книге представлен не только богатый фактический материал из работ зарубежных психологов, но впервые с достаточной полнотой освещены работы советских психологов, в том числе и еще не опубликованные» [346, с. 173]. Отмечая положительные моменты в изложении отдельных вопросов (развитие речи ребенка, развитие мышления), общий подход С.Л. Рубинштейна В.Н. Колбановский оценивает весьма скептически: «Весь этот план создает впечатление двойственности. Автор подходит к строению человеческого действия, исходя из тех психологических процессов, которые, сами оставаясь независимыми, лишь “проявляются” в деятельности» [346, с. 181].

В ходе анализа В.Н. Колбановский обнаруживает в «Основах общей психологии» множество самых различных недоработок, ошибок и недостатков (тяжелый язык, опечатки, «туманные» формулировки, недостаточный учет

современных работ других советских психологов и т.д.) и делает вывод о том, что «автор еще не создал в своей книге той концепции, в которой весь фактический материал с логической необходимостью приводит к высказанным им вначале верным положениям» [346, с. 178].

Тем не менее итоговая оценка у В.Н. Колбановского звучит, как это ни удивительно, вполне позитивно: «При всех этих недочетах книга проф. С.Л. Рубинштейна остается значительным явлением в советской психологической литературе. Она должна быть оценена как фундаментальная попытка наметить пути советской психологии и представить под новым углом зрения достижения современной научной психологии» [346, с. 183].

Рецензия А.Р. Лурия [464] интересна тем, что если авторы предыдущих рецензий примерно 90 % текста посвящали недостаткам, а оставшиеся 10 % – достоинствам, то А.Р. Лурия, наоборот, 90 % посвящает изложению достоинств и лишь 10 % – недостатков, к тому же подчеркивая, что недостатки легко устранимы. Но фактически в рецензии А.Р. Лурия речь идет о тех же самых достоинствах и недостатках, что и в других рецензиях.

Критические замечания сосредоточены в конце рецензии: С.Л. Рубинштейном не используются новейшие концепции П.К. Анохина и Н.А. Бернштейна (Л.С. Выготский в этом ряду у А.Р. Лурия не упоминается), «очень слабо представлены в книге указания на конкретные работы советских психологов, работающих вне Ленинграда (Москва, Киев, Харьков, Одесса, Тбилиси)». Однако «эти недостатки могут быть легко устранены» и «книга в целом остается серьезным вкладом в советскую психологическую науку» [464].

Содержащийся в рецензии итоговый вывод, несмотря на весь ее поразительно восторженный тон, вполне объективен: «Книга проф. С. Рубинштейна слишком объемиста и местами слишком сложно написана, чтобы быть учебником для вузов. Однако она дает тот материал, который необходим каждому преподавателю психологии и который с вниманием будет прочитан педагогом, врачом, советским интеллигентом» [464].

Рецензия Б.М. Теплова и Л.М. Шварца [790], [791], [792] (о Л.М. Шварце (1901-1941) см. [554, с. 681], [584, с. 152-154], [744, с. 348-349]) написана, пожалуй, с максимально возможной для того времени степенью научности, что выражается в объективности оценок (в том числе и в плане самокритики!), точности формулировок и глубине понимания затрагиваемых проблем. Оценка принципиальных качеств рецензируемой работы при этом органично сочетается с вниманием к самым мелким деталям работы, с невероятной тщательностью, даже скрупулезностью ее прочтения и осмысления.

Рецензия интересна еще и тем, что она позволяет увидеть, как деятельностный подход Рубинштейна оценивали другие советские психологи, не менее убежденные психологи-марксисты и «деятельностники», чем сам С.Л. Рубинштейн. С этой точки зрения обращает на себя внимание, что в провозглашенном С.Л. Рубинштейном принципе единства сознания и деятельности авторы рецензии не видят «какой-либо принципиально новой идеи» [790, с. 99].

Относительно «Основ» как *учебного пособия* Б.М. Теплов и Л.М. Шварц высказываются предельно категорически – «пособием для студентов эта книга служить не может» [790, с. 96], в подтверждение приводя уже известные нам аргументы (слишком большой объем, недоступный для студентов язык и т.п.).

Признавая в целом такие достоинства книги, как «большое количество материала, привлеченного автором» и «смелость мысли, позволяющая автору не обходить ни одного острого, дискуссионного вопроса» [790, с. 106], Б.М. Теплов и Л.М. Шварц утверждают, что «построить систему марксистской психологии С.Л. Рубинштейну в своих “Основах” не удалось» [790, с. 106].

В качестве важнейших причин этого указываются три обстоятельства: отсутствие четкости в определении психологических понятий (в том числе ключевого понятия «деятельность»); ошибочность выбора С.Л. Рубинштейном действия как отправной точки, «клеточки» психологии; не раскрыты реальные взаимоотношения между различными «психическими функциями», «процессами», «образованиями» и т.д. [790, с. 106].

Вывод Б.М. Теплова и Л.М. Шварца нам уже знаком: «Каковы бы ни были, однако, недостатки и пробелы книги С.Л. Рубинштейна, в целом она должна быть расценена как положительное явление в нашей психологической литературе. Выход в свет этого труда бесспорно способствует продвижению вперед советской психологии» [790, с. 107].

Теперь следует сказать об одном из важных событий в биографии С.Л. Рубинштейна – Сталинской премии. А.В. Брушлинский, ссылаясь на архивные данные, пишет: «В апреле 1942 г. первое издание его “Основ” было удостоено высшей, в то время – Сталинской – премии по представлению ряда психологов, а также выдающихся ученых В.И. Вернадского и А.А. Ухтомского, издавна и глубоко интересовавшихся проблемами психологии, философии и методологии, внесших свой оригинальный вклад в развитие этих наук и высоко оценивших философско-психологический труд Рубинштейна» [176, с. 54].

В газете «Правда» (то же – в «Известиях») 11 апреля 1942 г. было опубликовано Постановление СНК СССР от 10 апреля 1942 г. «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки», где, в частности, говорилось: «Во исполнение Постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 20 декабря 1939 г. и 11 января 1942 г. о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1941 год, Совет Комиссаров СССР постановляет: присудить Сталинские премии за выдающиеся научные работы в области: … философских наук премию второй степени в размере 100000 рублей Рубинштейну Сергею Леонидовичу, профессору Ленинградского педагогического института им. Герцена, за книгу “Основы общей психологии”, опубликованную в конце 1940 года» [**588**, с. 1]. Естественно, фактом присуждения Сталинской премии все дискуссионные вопросы по поводу «Основ общей психологии» были сняты – но, как оказалось, ненадолго.

Рецензии на «Основы общей психологии» (1946). В предисловии ко второму изданию С.Л. Рубинштейн отметил: «Во второе издание настоящей книги я внес лишь небольшие исправления и дополнения, направленные только на возможно более четкую и последовательную реализацию ее исходных установок» [654,

с. 4]. Да и странно было бы что-то сильно менять в книге, получившей Сталинскую премию – как говорится, от добра добра не ищут.

Рецензия Б.Г. Ананьева [30] построена по той же схеме, что и рецензия А.Р. Лурия (очень много – о достоинствах, в конце очень коротко – о недостатках), но является даже еще более позитивной и в частных оценках, и общих выводах. Все сделанные С.Л. Рубинштейном во втором издании исправления и дополнения Б.Г. Ананьев оценивает исключительно высоко, используя такие выражения, как «богатый новый экспериментально-психологический материал», «значительное развитие», «цельное идейно-теоретическое понимание» [30, с. 31] и т.п. Последовательно рассмотрев каждую из пяти частей книги, Б.Г. Ананьев делает вывод: «Второе издание “Основ общей психологии” не только показывает дальнейший теоретический рост самого автора, выдающегося советского ученого, но говорит и о значительных успехах всей советской психологической науки за последние пять лет» [30, с. 33].

В конце рецензии Б.Г. Ананьев все же указывает на ряд недостатков. Эти замечания и сейчас поражают своей точностью и объективностью. Чего стоят, например, слова Б.Г. Ананьева о том, что «проблема исторического развития сознания ставится в книге С.Л. Рубинштейна, как во всей психологической науке, абстрактно, в значительной степени формально» [30, с. 33].

Интересны, оригинальны и глубоки, при всей своей идеологической нагруженности, критические замечания Б.Г. Ананьева о нерешенных проблемах в области нравственного воспитания, о необходимости изучения развития сознания советских людей и «конкретных форм трудовой деятельности» [30, с. 34]. В заключение, однако, Б.Г. Ананьев обнаруженные у С.Л. Рубинштейна недостатки сводит к общей ситуации в советской психологической науке, что в значительной степени снижает силу высказанных критических замечаний.

С 26 марта по 4 апреля 1947 г. проходило открытое обсуждение «Основ общей психологии» (1946) С.Л. Рубинштейна в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Обсуждение было проведено кафедрой логики и психологии

Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), оно заняло «четыре вечера, в течение которых выступило тридцать человек» [191].

По поводу этого обсуждения в монографии Е.А. Будиловой дается ссылка на архивный источник: Стенограмма обсуждения книги С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», 26, 29 марта, 1 и 4 апреля 1947 г. // Архив С.Л. Рубинштейна. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ОР ГБЛ), п. 642. (см. [180, с. 204]).

Далее в цитируемой заметке сообщается: «Среди выступавших были научные сотрудники Института философии Академии наук СССР и Института психологии Академии педагогических наук, профессора Академии общественных наук, руководители и преподаватели ряда московских кафедр психологии, группа ленинградских психологов и другие. Большинство участников обсуждения, отметив, что труд С.Л. Рубинштейна, вышедший первым изданием в 1940 г., сыграл в свое время положительную роль в развитии советской психологии, подвергло острой критике недостатки этой книги. В качестве важнейших недостатков указывали следующие: объективизм в подходе в психологическим теориям буржуазных авторов и отсутствие партийной остроты в критике этих теорий; крайне абстрактный разбор большинства вопросов психологии; темный, запутанный и трудный язык книги, делающий ее совершенно недоступной для широкого круга читателей и, в частности, для студентов. Был отмечен ряд важных ошибок, допущенных автором при решении некоторых философских проблем психологии. Содержательный анализ книги Рубинштейна был дан в выступлениях ряда видных психологов (профессора А.А. Смирнов, В.Н. Мясищев, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и др.) и некоторых научных сотрудников Института философии (Д.И. Красильщикова, П.Е. Вышинский, А.А. Чудов). Менее плодотворными были выступления некоторых участников дискуссии, и автора книги в том числе, ставших на позицию защиты книги не только от отдельных несправедливых обвинений, отвергнутых большинством участников, но и от всякой острой и глубокой критики. Большинство выступавших отмечало большое значение для

разрешения актуальных задач, стоящих перед советской психологией, той коллективной работы философов и психологов, которая развернулась в связи с обсуждением книги С.Л. Рубинштейна» [191]. В настоящее время опубликованы конспект выступления А.Н. Леонтьева на этом совещании [441], [443] и фрагмент стенограммы выступления Б.М. Теплова 4 апреля 1947 г. [788].

Для нас важно подчеркнуть, что это обсуждение стало своего рода водоразделом: авторы всех последующих рецензий и работ, касаясь «Основ», должны были соответствовать установкам, оценкам и, самое главное, итоговым выводам, прозвучавшим на этом обсуждении – тем более, если сами авторы были непосредственными участниками обсуждения. Прежде всего это относится к двум последовавшим рецензиям В.Н. Колбановского.

В рецензиях В.Н. Колбановского [348], [347] всесторонне обосновывается тезис о том, что С.Л. Рубинштейн в своей книге «попытался рассмотреть данные психологии в свете марксистско-ленинской теории, но в ряде вопросов, имеющих первостепенное методологическое значение, он допустил непоследовательность в изложении и отступления от марксизма» [347, с. 50].

Критика «грубых ошибок», допущенных С.Л. Рубинштейном, идет по следующим направлениям: (1) «двойная детерминация психического» и «двоякая форма существования психического» (вместо единства и монизма) в трактовке Рубинштейном психофизической проблемы; (2) при изложении истории психологии критика буржуазных психологических концепций «дается автором без необходимой партийной заостренности, в объективистском, сугубо академическом стиле, принятом за рубежом» [348, с. 107]; «черной краской покрывает Рубинштейн вчерашний день советской психологии» [348, с. 108]; (3) «из поля зрения Рубинштейна и других советских психологов выпала такая актуальная проблема, как психология советского человека» [347, с. 55]; (4) «серьезными недостатками страдают стиль и язык книги С.Л. Рубинштейна» [347, с. 56].

Обратим внимание и на то, как В.Н. Колбановский неуклюже пытается продемонстрировать, что высказываемые им суровые и резкие оценки всего

лишь выражают общую точку зрения: «Книга С.Л. Рубинштейна подверглась обсуждению на совещании, созванном по инициативе кафедры логики и психологии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и Института философии Академии наук СССР. Выступавшие в прениях (товарищи Ананьев, Васецкий, Вышинский, Георгиев, Добрынин, Ерошкин, Каммари, Корнилов, Красильщикова, Леонов, Леонтьев, Лурия, Мясищев, Смирнов, Теплов, Чернаков, Шардаков, Шифман, Эльконин и другие) отмечали крупные ошибки и недостатки, допущенные автором в изложении основ общей психологии» [347, с. 50]. Итоговый вывод В.Н. Колбановского вполне предсказуем: «Отсутствие партийности, некритическое, а в ряде случаев раболепное отношение к зарубежным психологическим теориям, начетничество, сочетающееся с грубыми ошибками и отступлениями от марксизма, туманный стиль – все это не дает ей права претендовать на изложение системы советской научной психологии. Только при условии партийного подхода к вопросам психологии можно создать учебное пособие по психологии, отвечающее принципам марксистско-ленинской философии» [347, с. 56].

По поводу первой из этих рецензий [348] в журнале «Советская педагогика» было опубликовано письмо С.Л. Рубинштейна [655]; здесь же была опубликована ответная реплика В.Н. Колбановского [349].

Интересен заключительный комментарий редакции, выступившей в качестве третейского суда: «Помещая письма С.Л. Рубинштейна и В.Н. Колбановского, редакция считает затронутый в них вопрос исчерпанным. Вместе с тем редакция считает неправильным утверждение С.Л. Рубинштейна, что рецензия В.Н. Колбановского продиктована личными мотивами. Равным образом упрек С.Л. Рубинштейна в грубом извращении В.Н. Колбановским ленинской теории отражения не подкреплен автором письма никакими доказательствами». Так сказать, боевая ничья.

По словам К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского, «при первом обсуждении, проходившем в Институте философии с 26 марта по 4 апреля 1947 г., Рубинштейну и тем немногим, кто его поддерживал, удалось как-то

“отбиться”. Отчасти помогло заключительное слово Б.М. Теплова» [3, с. 274]. В этом плане показательно, что в 1947 г. к большому юбилею (тридцатилетию Октябрьской революции) вышли две обзорные статьи – Б.М. Теплова [779], [789] и Б.Г. Ананьева [31], содержащие достаточно мягкую критику С.Л. Рубинштейна. Карфаген, таким образом, устоял. Но впереди у Рубинштейна были тяжелейший период опалы – 1948-1953 гг. В 1949 г. он был уволен со всех постов, ему только «разрешили остаться в Институте философии в качестве старшего научного сотрудника» [671, с. 41]. Заметим, что до лишения Сталинской премии, как это произошло с Г.Ф. Александровым, дело все же не дошло (подробности содержатся в статье Т.И. Ойзермана [537]; интересно, что летом 1947 г. С.Л. Рубинштейн принимал непосредственное участие в обсуждении книги Г.Ф. Александрова [656]).

В качестве символа примирения С.Л. Рубинштейна со своими оппонентами во второй половине 1950-х гг. можно рассматривать капитальный учебник «Психология» [606], где С.Л. Рубинштейн был не только одним из редакторов, но и выступил в качестве автора первой главы «Предмет, задачи и методы психологии» [606, с. 5-29].

В заключение укажем две наиболее существенные, с нашей точки зрения, причины, приведшие с самого начала к формированию вокруг рубинштейновских «Основ» устойчивого оппонентного круга, оснащенного специфическим набором неоднозначных, преимущественно амбивалентных критериев и оценок.

Одна из важных причин того, что «Основы» С.Л. Рубинштейна воспринимались научным сообществом неоднозначно, критически и далеко не всегда с пониманием, состояла в том, что в варианте советской психологии, который создавал С.Л. Рубинштейн, на первом плане стояла философия; это была философская психология, ориентированная на изучение субъекта, под которым подразумевался прежде всего взрослый человек – в отличие от остальной советской психологии, ориентированной в первую очередь на педагогику, на ребенка.

Вторая причина состояла в том, что на протяжении 1930-1940-х гг. «Основы психологии» и «Основы общей психологии» были для С.Л. Рубинштейна главным средством достижения поставленной цели – построения философски фундированной «системы советской психологии». И, разумеется, не от хорошей жизни, а только из-за суровой необходимости С.Л. Рубинштейну пришлось изобретать для своих «Основ» особый «формат», совмещающий в себе свойства исследовательской работы и учебного пособия. Это решение заключало в себе силу, но в то же время было и слабым местом «Основ», так как служило источником постоянной напряженности в оппонентном круге С.Л. Рубинштейна, удобным поводом для критики и серьезным препятствием для ведения конструктивного диалога при рассмотрении различных дискуссионных проблем.

Тем не менее у нас есть все основания констатировать, что в общем и целом С.Л. Рубинштейн во второй половине 1930-х гг. своими работами «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1940) сыграл выдающуюся роль в становлении советской психологии как научного направления.

Выводы по седьмой главе

1. Состоявшаяся в 1931 г. реактологическая дискуссия по своему содержанию, формату, а также по своим результатам и последствиям может рассматриваться как завершение периода 1920-х гг. и начало перехода к новому этапу, состоящему в движении от психологии марксистской к психологии советской. Фактически реактологическая дискуссия была направлена не только против реактологии К.Н. Корнилова, но и против всех остальных существовавших в то время в СССР теорий и школ – «остатков буржуазно-идеалистических теорий», а также различных «псевдомарксистских течений». Поэтому реактологическая дискуссия обозначила не только факт смены терминологии в соответствии с изменившимися идеологическими требованиями, но и выход процесса становления советской психологии как научного направления на новый этап, который в середине 1930-х гг. выразился в

постановке С.Л. Рубинштейном задачи по формированию «системы советской психологии».

2. Результаты исследования вопроса о том, что собой представляла советская психология в середине 1930-х гг. (в 1935-1936 гг., непосредственно накануне постановления о педологии), позволяют сделать вывод о том, что к середине 1930-х гг. советскими психологами был проделан большой объем исследовательской работы и достигнуты значительные результаты в области фундаментальных и прикладных проблем. Прежде всего это три фундаментальные работы: «Мышление и речь» Л.С. Выготского (1934), «Память и мышление» П.П. Блонского (1935) и «Основы психологии» С.Л. Рубинштейна (1935). Поэтому есть все основания середину 1930-х гг. в истории советской психологии считать пиком творческой активности, беспрецедентным по своей силе и результативности решительно во всех областях – в теории, эксперименте, на практике. Но из-за осуществленной в 1936 г. ликвидации на государственном уровне педологии и фактического запрета метода тестов этот процесс был в значительной степени заторможен и в значительной степени прерван.

3. Во второй половине 1930-х гг. выдающуюся роль в становлении и консолидации советской психологии как научного направления сыграл С.Л. Рубинштейн, прежде всего своими работами «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1940). На протяжении 1930-1940-х гг. «Основы психологии» и «Основы общей психологии» были для С.Л. Рубинштейна главным средством достижения поставленной перед собой цели – построения философски фундированной «системы советской психологии». Изучение непосредственной (как позитивной, так и критической) реакции советских психологов (рецензий К.Н. Корнилова, Ф.И. Георгиева, В.Н. Колбановского, А.Р. Лурия, Б.М. Теплова, Л.М. Шварца и Б.Г. Ананьева) на выход в свет «Основ психологии» (1935) и «Основ общей психологии» (1940, 1946) позволяет лучше понять «Основы» С.Л. Рубинштейна и оценить их значение в контексте всей истории советской психологии и в особенности в процессе становления советской психологии как научного направления на протяжении 1920-1930-х гг.

4. В тенденции «от психологии марксистской к психологии советской» также, как и в рассмотренных ранее тенденциях «от психологии субъективной к психологии марксистской» и «от психологии объективной к психологии марксистской» главным механизмом и ведущей формой перехода от русской дореволюционной психологии к психологии новой (марксистской, затем советской) для психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. являлись дискуссии, которые выступили в качестве средства и механизма не только устранения «отживших свое» оппонентов, но и передачи наследия, сохранения традиции, преемственности и непрерывности исторического развития науки.

Таким образом, к концу 1930-х – началу 1940-х гг. советская психология как самостоятельное и самобытное научное направление в психологической науке двадцатого столетия завершила период своего становления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги предпринятого нами целенаправленного историографического исследования периода становления советской психологии, в заключение схематично обозначим логику и основные этапы исследования, а также оценим – с учетом заявленных во «Введении» принципиальных позиций – полученные результаты.

Все семь глав диссертационного исследования можно представить в виде четырех ясно очерченных этапов, логически связанных между собой (каждый последующий этап вытекает из предыдущего) и в совокупности представляющих собой единое целое.

В первых четырех главах общая логика диссертационного исследования заключалась в последовательном движении от постановки проблемы на первом этапе (в первых двух главах) к критическому анализу проблемы (в ходе изучения историографии) на втором этапе – в третьей и четвертой главах.

В первых двух главах решалась первая задача нашего исследования, которая состояла в том, чтобы проанализировать проблемы и достижения, имеющиеся в настоящее время в изучении истории психологической науки в СССР, и затем, исходя из полученных результатов, сформулировать основные положения исследовательского подхода, нацеленного на решение выявленных проблем.

В результате выяснилось, что в постсоветской и современной российской историографии психологии отсутствуют большие и значимые работы (монографии, диссертации), в которых советская психология выступала бы как объект целенаправленного историко-психологического исследования, вследствие чего до сих пор не сформировано целостное представление об истории советской психологии, деидеологизированная история советской психологии не написана, а понятие «советская психология» остается неопределенным и многозначным.

Далее было показано, что для решения проблем, имеющихся в настоящее время в изучении истории советской психологии, в диссертационном

исследовании требуется выдвижение специального концептуально-историографического подхода, нацеленного на выявление и анализ имеющихся историографических концепций советской психологии, а также, в конечном счете, на разработку и обоснование авторской историографической концепции советской психологии как научного направления. В четвертом параграфе второй главы были сформулированы основные положения данного подхода. Тем самым было доказано первое положение, вынесенное на защиту.

На втором этапе решалась вторая задача нашего исследования, состоявшая в том, чтобы выявить содержащиеся в отечественной (советской, постсоветской и современной) историографии различные варианты и модификации историографической концепции советской психологии. Предпринятое в этой связи исследование позволило выйти на две присущие отечественной историографии концепции – концепцию советской психологии как «особой науки» (в работах советского периода) и концепцию советской психологии как «репрессированной науки» (в работах постсоветского периода). Тем самым была успешно решена вторая задача нашего исследования и доказано второе положение, вынесенное на защиту.

Опираясь на полученные результаты и выводы, в последнем параграфе четвертой главы, составляющем содержание третьего, конструктивного этапа, был осуществлен критический анализ выявленных концепций и были сформулированы основные положения авторской историографической концепции становления советской психологии как научного направления.

При этом было показано, что в историографических концепциях советской психологии как «особой» и «репрессированной» науки советская психология, априорно противопоставляемая всей остальной психологии, рассматривается преимущественно в рамках социальной (политической) истории и определяется как наука, возникшая и функционирующая на основе марксизма.

Для преодоления – с позиций интеллектуальной истории – присущих данным концепциям односторонности и априоризма выдвигается историографическая концепция становления советской психологии как научного

направления, позволяющая выйти на внутренние, собственно психологические источники возникновения и развития советской психологии.

С этой точки зрения в период 1920-1930-х гг. структуру психологической науки в СССР образуют шесть научных направлений: субъективная психология, объективная психология, религиозно-философская психология, психоанализ, марксистская психология и психология установки. В совокупности указанные направления представляют собой всю психологическую науку в СССР в 1920-1930-е гг., то есть советскую психологию в широком смысле. При этом марксистская психология (советская психология в узком смысле) в 1920-1930-е гг. была представлена пятью научными школами – М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Харьковской школой. Тем самым была успешно решена третья задача диссертационного исследования и было доказано третье положение, вынесенное на защиту.

На четвертом (эмпирическом, завершающем) этапе исследования – в пятой, шестой и седьмой главах – в ходе реализации заявленного подхода и понимания советской психологии была проведена историко-научная реконструкция основных этапов и тенденций становления советской психологии как научного направления, что обеспечило достижение стратегической цели исследования: не только на концептуальном, но и на конкретно-эмпирическом уровне были выявлены и описаны источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в период 1920-1930-х гг. Было показано, что в качестве ее главных источников были выступили два ведущих направления в отечественной психологической науке того времени – субъективная психология и объективная психология.

На этом этапе становление советской психологии как научного направления дается в динамике – путем реконструкции основных этапов и тенденций процесса становления, в связи с чем в периоде 1920-1930-х гг. выделяются два больших этапа (подпериода) – 1920-х и 1930-х годов. Предлагаемый в этих главах общий взгляд («вид сверху») на отечественную психологическую науку 1920-1930-х гг. основывается на историко-научной реконструкции процесса

трансформации двух главных направлений в отечественной психологической науке начала 1920-х гг. – психологии субъективной и объективной – в психологию марксистскую (советскую).

Тем самым была успешно решена четвертая задача нашего исследования – на основе выдвинутой концепции была осуществлена историко-научная реконструкция основных источников, условий, тенденций и этапов становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.). Было показано, что становление советской психологии как научного направления проходило в 1920-1930-е гг. под воздействием марксизма (в условиях господства марксистской философии и идеологии) в два этапа, главными источниками при этом являлись субъективная психология и объективная психология. На первом этапе (в 1920-е гг.) ведущими были две тенденции – «от психологии субъективной к психологии марксистской» и «от психологии объективной к психологии марксистской». На втором этапе (в 1930-е гг.) ведущей была тенденция «от психологии марксистской к психологии советской».

Тем самым было доказано четвертое положение, выдвинутое на защиту.

В результате в конце 1930-х – начале 1940-х гг. советская психология представляла собой совокупность научно-исследовательских коллективов – научных школ, лабораторий, кафедр и институтов, для которых было характерно теоретико-методологическое и организационное единство, что и позволяет говорить о советской психологии как об определенном научном направлении. На уровне научных школ советская психология в конце 1930-х – начале 1940-х гг. была представлена школой С.Л. Рубинштейна и Харьковской школой.

Таким образом, в ходе исследования были последовательно рассмотрены и доказаны все положения, вынесенные на защиту, успешно решены все поставленные задачи, выдвинутая гипотеза (в соответствии с которой советская психология рассматривается как определенное научное направление, становление которого хронологически приходится на период 1920-1930-х гг.) получила свое подтверждение; цель, сформулированная в начале исследования

(выявить источники, условия и динамику становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.), достигнута.

Наше исследование показало, что выдвинутая концепция позволяет преодолеть принципиальную методологическую и эмпирическую ограниченность имеющихся концепций, обеспечивая формирование более полной и непротиворечивой, чем ранее, картины исторического развития советской психологии как научного направления на этапе своего становления в период 1920-1930-х гг.

Оценивая полученные результаты и выводы с эмпирической точки зрения, следует подчеркнуть, что материалы проведенного исследования создают реальную возможность для совершенствования и расширения базы данных по истории российской психологии советского периода, а также подготовки соответствующих монографий, статей, учебных пособий и справочной литературы. В методологическом отношении разработанная в ходе исследования технология историко-научной реконструкции определенного периода в развитии науки (обязательный историографический анализ, работа на концептуальном уровне (с различными историографическими концепциями), выделение основных тенденций развития и составляющих их значимых событий, определение и классификация структурных элементов – прежде всего научных направлений и научных школ – с дальнейшим отслеживанием их динамики, взаимодействия и трансформаций, разработка соответствующей базы данных путем реализации принципов системного подхода), может быть развита, адаптирована и применена не только к изучению истории психологической науки в СССР, но и к другими периодам и направлениям в истории психологии.

Перспективы дальнейших исследований истории советской психологии в русле концептуально-историографического подхода нам видятся прежде всего в изучении последующих периодов развития советской психологии, имея в виду конечной целью разработку и охват с заявленных позиций всей истории советской психологии как самобытного научного направления в системе мировой психологической науки XX столетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *А.Б.* Науку о поведении человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 47-49.
2. *А.П.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // На путях к новой школе. 1930. № 2. С. 54-55.
3. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Исторический контекст и современное значение фундаментального труда С.Л. Рубинштейна // *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1989. – С. 250-283.
4. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
5. *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2010. – 224 с.
6. *Авторханов А.* Технология власти. – М.: СП «Слово» – Центр «Новый мир», 1991. – 638 с.
7. *Аджавенко Н.К.* Георгий Челпанов. Жизненный путь и научный подвиг. – Мариуполь: ЧАО «Газета „Приазовский рабочий“», 2012. –256 с.
8. *Адоратский В.В.* Программа по основным вопросам марксизма: Пособие для студентов и для кружков повышенного типа. – 2-е изд., доп. – М., 1922. – 152 с.
9. *Акимов Г.А., Спивак Л.И.* Владимир Михайлович Бехтерев. – Л.: Изд-во ВМедА им. С.М. Кирова, 1982. –32 с.
10. *Алексеев П.В.* Философы РоссииXIX-XXстолетий. Биографии, идеи, труды. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.
11. *Алексеев С.С., Теплов Б.М., Шеварев П.А.* Цвет в архитектуре. – М., 1934. – 133 с.
12. *Алексеенко И.С.* Из истории историографии психологии // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 69.– М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – С. 131-141.
13. *Алексеенко И.С.* Историографическое направление историко-психологического знания // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 237-240.
14. *Алексеенко И.С.* Очерк истории отечественной историографии и психологии // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: сб. статей. – М.: Изд-во МосГУ, 2012. – С. 5-14.
15. *Алексеенко И.С.* Развитие отечественной историографии как направления историко-психологического знания в XX веке // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня – 02 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 19-27.
16. *Аллик Ю., Тульвисте П.* Психология в Тартуском университете: история и современное состояние: К 350-летию основания университета // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 129-133.
17. *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 240 с.
18. *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 284 с.
19. *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 432 с.
20. *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. – М., 2012. – 374 с.
21. *Алпатов В.М.* Жизнь лингвиста: воспоминания. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2023. – 216 с.

22. *Алпатов В.М.* Избранные труды XX века / сост. П.М. Аркадьев, А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, С.Г. Татевосов. – М.: Языкознание, 2023. – 459 с.
23. *Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д.* «Дело славистов»: 30-е годы. – М.: Наследие, 1994. – 284 с.
24. *Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. – М.: Восточная литература, 2002. – 296 с.
25. *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 3-4. С. 325-344.
26. *Ананьев Б.Г.* Психология // Большая Медицинская Энциклопедия. Т. 27. – М.: Советская энциклопедия. 1933. – Стлб. 763-791.
27. *Ананьев Б.Г.* Психология педагогической оценки. – Л., 1935. – 146 с.
28. *Ананьев Б.Г.* Формирование научной психологии в СССР: Докторская диссертация. Рукопись (в 2-х ч.). – Л., 1939. – 832 с.
29. *Ананьев Б.Г.* О современном состоянии психологической науки в СССР // Советская педагогика. 1941. № 5. С. 106-117.
30. *Ананьев Б.Г.* Рецензия на книгу С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (2-е изд. М., 1946) // Советская книга. 1946. № 12. С. 31-34.
31. *Ананьев Б.Г.* Тридцать лет советской психологии // Советская педагогика. 1947. № 11. С. 41-55.
32. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: В 2-х т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1980. – 288 с.
33. *Андреас-Саломе Л.* Прожитое и пережитое / Пер. с нем. и предисл. В. Седельника..– М.: Прогресс-Традиция, 2002. –448 с.
34. *Андреева Г.М.* К истории становления социальной психологии в России // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 6-17.
35. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 286 с.
36. *Анохин П.К.* Иван Петрович Павлов: жизнь, деятельность и научная школа. – М.-Л., 1949.
37. *Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М., Тимченко Г.Н., Харитонов А.Н.* Проблемы психологического исследования. Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935-2007 гг. / Под ред. профессора Анцупова А.Я. – М.: Студия «Этника», 2007. – 232 с.
38. *Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Тимченко Г.Н.* Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций 1935-2019 гг. – М.: Проспект, 2022. – 368 с.
39. *Артемов В.А.* Психология в СССР за 25 лет // Советская педагогика. 1942. № 10. С. 24-30.
40. *Артемов В.А., Бернштейн Н.А., Выготский Л.С., Добрынин Н.Ф., Лурия А.Р.* Практикум по экспериментальной психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. – М.-Л.: Госиздат РСФСР, 1927. – 231 с.
41. *Артемьева О.А.* Методологические основы изучения социально-психологической детерминации развития психологии: монография. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 165 с.
42. *Артемьева О.А.* Был ли симбиоз? (по поводу статьи А. Ясницкого «Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-1930-х гг.») // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 101-110.
43. *Артемьева О.А.* Социальная биография русской духовной психологии (историко-психологический анализ) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия «Педагогика и психология». – М.: ПСТГУ, 2011. № 1. – С. 153-169.
44. *Артемьева О.А.* К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2012. Т. 1. № 2. С. 28-35.

45. *Артемьева О.А.* Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 382 с.
46. *Артемьева О.А.* Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия: дисс. … д-ра психол. н. – М., 2013. – 745 с.
47. *Артемьева О.А.* Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия: автореф. дисс. … д-ра психол. н. – М., 2013. – 45 с.
48. *Артемьева О.А.* Предыстория «диагонального разрыва»: уроки социальной истории психоанализа, педологии и психотехники в России // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 311-336.
49. *Артемьева О.А*. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 534 с. (Методология, теория и история психологии)
50. *Артемьева О.А.* Отечественная психологическая практика на страницах российских газет первой половины XX века // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С. 167-175.
51. *Артемьева О.А*. К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2021. Том 42. № 1. С. 122-131.
52. *Артемьева О.А., Синева О.В.* Национальные особенности развития научно-практических течений отечественной психологии в первой половине XX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 21. С. 4-12.
53. *Артемьева О.А., Синева О.В.* Социальная детерминация развития научно-практических течений советской психологии в первой половине XX века: результаты исследования // Психолог. 2017. № 6. С. 11-20.
54. *Артемьева О.А., Щелокова М.В.* Историография советской зоопсихологии: герои, достижения и этапы развития в представлениях авторов академических учебников // Психология и психотехника. 2017. № 3. С. 23-35.
55. *Артемьева Т.И., Кольцова В.А.* Е.А. Будилова – историк и методолог психологии [Послесловие] // Будилова *Е.А.* Труды по истории психологии / Отв. ред. Т.И. Артемьева, А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Наука, 2009. – С. 480-497.
56. *Арямов И.* Второй всесоюзный съезд по психоневрологии в Ленинграде // На путях к новой школе. 1924. № 2. С. 99-102.
57. *Арямов И.А.* Из истории советской психологии // Ученые записки Московского областного пединститута. 1955. Т. XXIX. Труды кафедры психологии. Вып. I. – М., 1955. – С. 5-15.
58. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.
59. *Асмолов А.Г.* Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии // Национальный психологический журнал. 2014. № 1(13). С. 5-19.
60. *Ахундов М.Д., Баженов Л.Б., Игнатьев В.Н.* Естествознание и философия в СССР глазами американского ученого // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 161-168.
61. *Ахутина Т.В*. О «ревизионизме в выготсковедении». Комментарий к статье А. Ясницкого и Э. Ламдана «В августе 1941-го» (2017) // Российский журнал когнитивной науки. 2019. Т. 6. № 1. С. 70-79.
62. *Бальдыш Г.М*. Бехтерев в Петербурге-Ленинграде. – Л.: Лениздат, 1979. – 320 с.
63. *Баммель Г.К.* На философском фронте после Октября. – М.-Л.: Госиздат, 1929.
64. *Басов М. Я.* Воля как предмет функциональной психологии. – Пг.: Начатки знаний, 1922. – 116 с.

65. *Басов М.Я.* К итогам Всероссийского Съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии 3-10 января 1924 г. в Ленинграде // Просвещенец. – Л., 1924. № 2. С. 43-50.
66. *Басов М.Я.* Кризис психологии (К итогам Второго Всесоюзного съезда по психоневрологии) // Просвещение / Под общ. ред. Г.Г. Тумима, Р.Г. Лемберг, Г.И. Левина и Д.Н. Ангерта. 1924. Вып. 4. С. 231-242.
67. *Басов М.Я.* Общие основы педологии. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. – 744 с.
68. *Басов М.Я.* Общие основы педологии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.-Л.: Госиздат, 1931. – 802 с.
69. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1975. – 432 с.
70. *Басов М.Я.* Воля как предмет функциональной психологии. Методика психологических наблюдений над детьми / Отв. ред. Е.В. Левченко. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.
71. *Басов М.Я.* Общие основы педологии / Отв. ред. Е.В. Левченко. – СПб.: Алетейя, 2007. – 776 с.
72. *Беляев Б.В.* Начало конца рефлексологии // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 1. С. 134-144.
73. *Бердяев Н.А.* Памяти Георгия Ивановича Челпанова // Путь. 1936. № 50 (январь – март – апрель). – С. 56-57.
74. *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность / Под ред. акад. О.Г. Газенко. Издание подготовил проф. И.М. Фейгенберг. – М.: Наука, 1990. – 495 с.
75. *Бернштейн Н.А.* Современные искания в физиологии нервного процесса / Под ред. И.М. Фейгенберга, И.Е. Сироткиной. – М.: Смысл, 2003. – 330 с.
76. *Бехтерев В.М.* Общие основы рефлексологии человека. – Пг., 1917.
77. *Бехтерев В.М.* Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективному изучению личности. – 2-е изд. – М., Пг., 1923. – 408 с.
78. *Бехтерев В.М.* Субъективное или объективное изучение личности? (Автореферат доклада) // Известия ВЦИК Советов. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.
79. *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. – Л.: Типография Института по изучению Мозга, 1925. – 80 с.
80. *Бехтерев В.М.* Автобиография. – М.: Библиотека «Огонек», 1928. – 51 с.
81. *Бехтерев В.М.*, *Дубровский А.В.* Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 69-94.
82. *Блонский П.П.* Рецензия на кн.: *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916 // Мысль и слово. Философский ежегодник, издаваемый под редакцией Г.Г. Шпета. – М., 1917. – С. 413-415.
83. *Блонский П.П.* Реформа науки. – М.: Издание отдела Народного Просвещения М.С.Р. и К.Д., 1919. – 50 с.
84. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии. – М.: Госиздат, 1921. – 94 + II с. (Труды Московской Академии социального воспитания. Т. 1)
85. *Блонский П.П.* Предисловие редактора // *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. – М.: Госиздат, 1924. – С. VII-XII.
86. *Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 225-229.
87. *Блонский П.П.* Вопросы психологии школьника. Лекция 1. Как образовывается характер ребенка и как в нем разобраться. Лекция 2. Элементы характера и основные недостатки его // Народный учитель. 1934. № 3. С. 33-36; № 4. С. 25-27.
88. *Блонский П.П.* Как обеспечить будущим учителям знание возрастных особенностей детей // Педагогическое образование. 1934. № 6. С. 40-44.
89. *Блонский П.П.* Когда ребенок не понимает // Народный учитель. 1934. № 1. С. 60-62.
90. *Блонский П.П.* Наглядность и практика на уроках педологии в педтехникумах // Педагогическое образование. 1934. № 5. С. 41-43.

91. *Блонский П.П.* Педология. Учебник для высших педагогических учебных заведений. Допущен Наркомпросом РСФСР. – М.: Учпедгиз, 1934. – 338 с.
92. *Блонский П.П.* Очерки детской сексуальности. – Л.-М.: Издание Центрального ин-та охраны здоровья детей и подростков, 1935. – 125 с.
93. *Блонский П.П.* Память и мышление. – М.-Л., Соцэкгиз, 1935. – 214 с. [Наркомпрос. Государственный научно-исследовательский институт психологии. Психологические исследования. Т. III. Под ред. В.Н. Колбановского.]
94. *Блонский П.П.* Развитие мышления школьника. – М.: Учпедгиз, 1935. – 128 с.
95. *Блонский П.П.* Педология. Учебник для высших педагогических учебных заведений. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1936. – 336 с.
96. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения. – М.: Просвещение, 1964. – С. 31-131.
97. *Блонский П.П.* Память и мышление // *Блонский П.П.* Избранные психологические произведения. – М.: Просвещение, 1964. – С. 285-502.
98. *Блонский П.П.* Марксизм как метод решения педагогических проблем // *Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1979. – С. 181-186.
99. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123-131.
100. *Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85-96.
101. *Богданчиков С.А.* Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 126-135.
102. *Богданчиков С.А.* О К.Н. Корнилове и его научном наследии // *Корнилов К.Н.* Естественнонаучные предпосылки психологии / Авт. вступит. ст. и сост. С.А. Богданчиков. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – С. 5-20.
103. *Богданчиков С.А.* А.Р. Лурия и психоанализ // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 84-93.
104. *Богданчиков С.А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000. – 232 с.
105. *Богданчиков С.А.* Феномен Енчмена // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 144-155.
106. *Богданчиков С.А*. К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 80-88.
107. *Богданчиков С.А.* К характеристике отечественной общей психологии 1920-х годов // Материалы Пятнадцатых Страховских Чтений. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – С. 46-58.
108. *Богданчиков С.А.* Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х годов // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 21-30.
109. *Богданчиков С.А*. Советская психология в мировом историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 89-96.
110. *Богданчиков С.А.* Актуальные проблемы изучения истории советской психологии // Материалы Шестнадцатых Страховских Чтений. – Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – С. 51-69.
111. *Богданчиков С.А.* От Л.С. Выготского к Г.И. Челпанову и обратно // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 68-78.
112. *Богданчиков С.А.* Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152-160.
113. *Богданчиков С.А.* К вопросу о персональном составе школы С. Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 4. С. 159-179.

114. *Богданчиков С.А.* Сквозь время: школа Г.И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 2. С. 33-50.
115. *Богданчиков С.А.* Советская психология накануне 1936 года // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 156-164.
116. *Богданчиков С.А.* Обращаясь к основам (анализ рецензий на «Основы психологии» и «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 119-130.
117. *Богданчиков С.А.* Проблемы изучения истории советской психологии / Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов, 2009. – 132 с.
118. *Богданчиков С.А.* Современные исследования советской психологии 1920-х годов (историографический анализ) // Актуальные проблемы истории психологии: материалы Всероссийского методологического семинара, г. Арзамас, 25-27 сентября 2008 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.С. Минькова, Э.В. Тихонова, под общ. ред. Е.П. Титкова; ИП РАН, АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2009. С. 47-56.
119. *Богданчиков С.А.* Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 7-31.
120. *Богданчиков С.А.* К вопросу о парадигмальной динамике в советской психологии 1920-1930-х гг.: концепции П.П. Блонского и Д.Н. Узнадзе // Вестник интегративной психологии. 2010. Выпуск 8. С. 40-41.
121. *Богданчиков С.А.* К вопросу о парадигмальной динамике в советской психологии 1920-1930-х гг. // Методология современной психологии. Вып. 1 / Сб. под ред. Козлова В.В., Петренко В.Ф. – М.: МАПН, ЯрГУ, ЛКИИСА РАН, 2010. – С. 43-47.
122. *Богданчиков С.А.* История советской психологии: 1920-1930-е годы. – Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011. – 252 с.
123. *Богданчиков С.А.* Советская психология 1920-1930-х годов глазами ее основателей: от многообразия к единству // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. Вып. 2. С. 88-99.
124. *Богданчиков С.А.* Изучение творческого наследия М.Я. Басова и его научной школы в отечественной истории психологии // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 84-87.
125. *Богданчиков С.А.* «Челпанов прав: спинозизм и гилозоизм с марксизмом не совместимы...» (опыт реконструкции одной необычной дискуссии в советской психологии 1920-х гг.) // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. Вып. 5. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. – С. 60-77.
126. *Богданчиков С.А.* К истории школы Г.И. Челпанова: бремя учеников // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. Вып. 5. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. – С. 110-128.
127. *Богданчиков С.А.* О необходимости системного подхода к изучению истории советской психологии (десять тезисов) // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VI международной научно-практической конференции, 19-21 ноября 2013 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2013. – С. 55-57.
128. *Богданчиков С.А.* Открывая Г.И. Челпанова (Г.И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы). Научная монография. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 428 с.
129. *Богданчиков С.А.* Бихевиоризм в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 7. Вып. 2. С. 119-121.

130. *Богданчиков С.А.* Школа Узнадзе в системе советской психологии // Вопросы психологии. 2014. № 3. С. 131-141.
131. *Богданчиков С.А.* Историография советской психологии: проблемы, достижения, перспективы // Ананьевские чтения – 2014: Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: материалы научной конференции, 21-23 октября 2014 г. / отв. ред. Г.С. Никифоров. – СПб.: Скифия-принт, 2014. – С. 302-304.
132. *Богданчиков С.А.* К вопросу о научных направлениях и научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. // Психологический институт в современном научно-психологическом пространстве: Международные Челпановские чтения 2014: Московская научно-практическая конференция к 100-летию Торжественного открытия Психологического института им. Л.Г. Щукиной (1914-2014). Москва, 22-23 апреля 2014 года / Альманах Научного архива Психологического института / Сост., научн. ред. О.Е. Серова, Е.П. Гусева / Под общ. ред. В.В. Рубцова. – М.: Алькор Паблишер, 2014. Вып. 7 юбилейный. – С. 36-41.
133. *Богданчиков С.А.* Так что же такое «советская психология»? // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 15-19. [Труды Всероссийского методологического семинара по истории психологии (с международным участием) «Арзамасские чтения – 3: история и актуальные проблемы социально-психологического знания» (24-26 сентября 2014)]
134. *Богданчиков С.А.* Отчет о совещании психологов (Москва, 1936): современные комментарии // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2015. Т. 9. Вып. 1. С. 40-49.
135. *Богданчиков С.А.* Советская военная психология накануне Великой Отечественной войны // Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20-22 октября 2015 г. / отв. ред. В.М. Аллахвердов. – СПбГУ. Скифия-принт, 2015. – С. 252.
136. *Богданчиков С.А*. Советская исследовательская и практическая психология 1920-1930-х годов (к историографии вопроса) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 337-384.
137. *Богданчиков С.А.* Школа Д.Н. Узнадзе в контексте советской психологии 1950-1960-х гг.: время дискуссий (по материалам журнала «Вопросы психологии») // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 106-116.
138. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и В.Я. Струминским в отечественной психологии 1920-х гг. // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ»,2016. – С. 68-73.
139. *Богданчиков С.А*. История советской психологии: прямой взгляд // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня – 02 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 46-57.
140. *Богданчиков С.А.* О многозначности понятия «советская психология» // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. – С. 61-67.
141. *Богданчиков С.А.* К вопросу об особенностях развития психологической науки в СССР в 1930-е годы // Научная деятельность Д.Н. Узнадзе и актуальные проблемы психологии: Труды научной конференции. – Тбилиси, 2016. – С. 49-61. [К 130-летию со дня рождения Д.Н. Узнадзе]

142. *Богданчиков С.А.* Академик И.П. Павлов о психологии и психологах (по материалам «Павловских сред», 1929-1936) // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А.Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2017. – С. 35-38.
143. *Богданчиков С.А.* О научных направлениях в советской психологии 1920-1930-х годов // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А.Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2017. – С. 26-31.
144. *Богданчиков С.А.* Понятие «деятельность» в советской психологии 1920-1930-х годов (к истории вопроса) // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А.Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2017. – С. 31-35.
145. *Богданчиков С.А.* Детализация прошлого: реактологическая дискуссия в советской психологии 1920–1930-х гг. // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 4. – Москва: АСОУ, 2017. – С. 52-60.
146. *Богданчиков С.А.* Вопросы истории советской психологии в работах советских исследователей 1960-1980-х годов // Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2018. Вып. 2. С. 421-430.
147. *Богданчиков С.А*. Неизвестная публикация А.Р. Лурии о Л.С. Выготском: подробности и комментарии // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 124-137.
148. *Богданчиков С.А.* Проблема генезиса советской психологии (юбилейные размышления) // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 229–232.
149. *Богданчиков С.А*. Статьи по психологии в первом издании «Большой советской энциклопедии» (1926-1947) // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 122-132.
150. *Богданчиков С.А.* Проблемы истории и историографии советской психологии: монография. – М.: АСОУ, 2018. – 348 с.
151. *Богданчиков С.А*. П.П. Блонский как сторонник марксистской психологии в 1920-1930-е годы // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии: сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием (Арзамасские чтения по истории психологии – 4) / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Ю.Н. Олейник, Э.В. Тихонова; РФФИ, Арзамасский филиал ННГУ, ИП РАН, МосГУ. – Саров: Интерконтакт, 2019. – С. 232-240.
152. *Богданчиков С.А*. Становление советской психологии (1920-1930-е годы): учеб. пособие. – М.: АСОУ, 2020. – 86 с.
153. *Богданчиков С.А.* Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930-1950-х гг. о советской психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021. Т. 1. № 1. С. 12-22.
154. *Богданчиков С.А.* Очерки источниковедения истории советской психологии: учебное пособие. – М.: АСОУ, 2021. – 101 с.
155. *Богданчиков С.А.* Актуальность прошлого: вопросы психологии труда в двухтомнике «Психологическая наука в СССР» (1959-1960) // Психология управления персоналом и экосистема наставничества в условиях изменения технологического уклада. Вторая международная научно-практическая конференция (11–12 ноября 2021 г., Нижний Новгород): сборник статей / под ред. проф. Л.Н. Захаровой, доц. И.С. Леоновой. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 56-63.

156. *Богданчиков С.А*. Не время для школ: к вопросу о научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 1. С. 43-53.
157. *Богданчиков С.А*. Зарубежная историография истории советский психологии: случай Т.Р. Пейна // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 3. С. 50-64.
158. *Богданчиков С.А*. Сравнительный анализ советских и зарубежных рецензий на книгу Т. Р. Пейна о советской психологии // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Н.Е. Харламенкова, А.В. Юревич, И.И. Ветрова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. – С. 114-116.
159. *Богданчиков С.А*. Размышления о современной отечественной историографии истории советской психологии с точки зрения преподавателя // Научные труды Московского гуманитарного ун-та. 2022. № 6. С. 58–65.
160. *Богданчиков С.А*. Вопросы психологической теории и практики в монографии А.В. Запорожца и А.Н. Леонтьева «Восстановление движения» // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», 01 июня – 03 июня 2021 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 114-123.
161. *Богданчиков С.А*. Советская психология в широком историко-научном контексте (обзор ключевых отечественных публикаций постсоветского периода) // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 2. С. 62-72.
162. *Богданчиков С.А*. Советская психология как предмет и проблема историко-психологического исследования: концептуально-историографический подход // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. – С. 15-34.
163. *Богданчиков С.А*. Биографии отечественных психологов как предмет историко-психологического исследования (краткий путеводитель) // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. – С. 155-180.
164. *Богуславский М.В.* Струминский Василий Яковлевич [биографическая справка] // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 2. – С. 394.
165. *Болтунов А.П.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) в Петрограде с 3-го по 10-е января 1924 г. // Педагогическая мысль. 1924. № 1. С. 100-101.
166. *Большакова О.В*. Поллок Э. Сталин и советские научные войны. (Реферат) // Наука в СССР: Современная зарубежная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Большакова О.В. – М., 2014. – С. 112-118.
167. Большая психологическая энциклопедия / Авт. колл.: А.Б. Альмуханова, Е.С. Гладкова, Е.В. Есина и др. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
168. Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. Т. 21. Проба – Ременсы. – М.: Советская Энциклопедия, 1975. – 640 с.
169. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: прайм-Еврознак, 2007. – 672 с.
170. Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы / Авт., сост. Н.А. Логинова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 376 с.

171. Борис Герасимович Ананьев, 1907–1972: Биобиблиографический указатель / Российская акад. образования, гос. науч. учреждение «Ин-т образования взрослых». – СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2007. – 47 с.
172. *Боровский В.М.* Психическая деятельность животных. – М.-Л.: Биомедгиз, 1936. – 324 с.
173. *Братусь Б.С.* Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2000. – 88 с.
174. *Брушлинский А.В.* Школа С.Л. Рубинштейна: концепция деятельности и психического как процесса // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 92-100.
175. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. – М.: Ин-т психологии РАН, 1994. – 109 с.
176. *Брушлинский А.В.* Первая психологическая лаборатория в системе Академии наук СССР // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 53-60.
177. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. – М.: Институт психологии РАН, СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
178. *Будилова Е.А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 348 с.
179. *Будилова Е.А.* К вопросу о периодизации истории советской психологии // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов (Тбилиси, 21-24 июня 1971). – Тбилиси: Мецниереба, 1971. – С. 925-926.
180. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. – М.: Наука, 1972. – 336 с.
181. *Будилова Е.А.* О периодизации истории психологии в СССР // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Проблемы психологии творчества. (Материалы конференции. 19-20 ноября 1976 г., г. Ереван). – Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1976. – С. 12-18.
182. *Будилова Е.А.* Психологические исследования русского географического общества (40-50-е годы XIX в.) // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – С. 51-59.
183. *Будилова Е.А.* История русской психологии XVIII и первой половины XIX веков // Методология и история психологии. Экономическая психология и психология хозяйственного управления. Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. – М., 1989. – С. 59-60.
184. *Будилова Е.А., Славская К.А.* Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога [Рец. на кн.: *Payne T.R.* S.L. Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology. Dordrecht (Holland), 1968] // Вопросы психологии. 1973. № 2. С. 174-179.
185. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // *Бухарин Н.И.* Атака: Сборник теоретических статей. – М.-Пг.: Госиздат, б/г (1924). – С. 128-170.
186. *Бухарин Н.И.* Речь на пятом Всемирном конгрессе Коминтерна // Правда. 1924. № 145. 29 июня. С. 3.
187. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». – М.-Пг., б/г. – 390 с.
188. *Бухарин Н.И.* Опасность перерождения (В связи с «теорией» Енчмена) // Борьба за кадры. Речи и статьи. – М.-Л.: Госиздат, 1926.
189. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // *Академик Н.И. Бухарин*. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. – М., 1989. – С. 191-224.
190. *Быховский Б.Э.* Материализм и диалектика в творчестве В.И. Ленина // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 240-255.
191. В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) // Культура и жизнь. 1947. 20 апреля. С. 2.

192. В.Я. Струминский. Биобиблиография / Вступит. статья М.Ф. Шабаевой, М.Н. Колмаковой; библиография составлена Л.Е. Богомоловой. – М.: Педагогика, 1980. – 32 с. (Академия педагогических наук СССР).
193. *Вайнштейн И.* Рец. на кн. Э. Енчмена «Теория новой биологии и марксизм» // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 285-293.
194. Валентин Фердинандович Асмус / Под. ред. В.А. Жучкова, И.И. Блауберг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 479 с.
195. *Варшава Б.Е., Выготский Л.С.* Психологический словарь. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1931. – 206 с.
196. *Варшава Б.Е., Выготский Л.С.* Психологический словарь / Вступит. ст. А.А. Шевцова. – СПб.: Тропа Троянова; Иваново: ИТ «Роща Академии», 2008. – 256 с.
197. Василий Яковлевич Струминский (к 75-летию со дня рождения) // Советская педагогика. 1955. № 3. С. 115-117.
198. *Василюк Ф.Е.* К проблеме единства общей психологии // Вопросы философии. 1986. № 10. С. 76-86.
199. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – 240 с.
200. *Векилова С.А., Безгодова С.А.* История психологии: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 324 с.
201. Виктор Николаевич Колбановский [Некролог] // Вопросы психологии. 1970. № 6. С. 184-185.
202. Всесоюзная конференция по педагогическим наукам // Советская педагогика. 1941. № 7-8. С. 21-32.
203. *Вундт В.* Проблемы психологии народов / Пер. с нем. – М.: Космос, 1912. – 132 с.
204. *Вундт В.* Психология в борьбе за существование / Пер. с нем. // Новые идеи в философии. Непериодическое издание, выходящее под ред. Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова. Сб. № 10. Методы психологии. 2. – СПб.: Образование, 1913. – С. 93-131.
205. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. – М.: Смысл, 1996. – 424 с.
206. *Выготский Л.С.* Психологическая наука // Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. – М.: Работник просвещения, 1928. – С. 25-46.
207. *Выготский Л.С.* Генетические корни мышления и речи // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 106-134.
208. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования / Под ред. и со вступительной статьей В. Колбановского. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 324 с.
209. *Выготский Л.С.* Основы педологии. – М.: Изд-во 2-го Моск. мед. ин-та, 1934.– 211 с.
210. *Выготский Л.С.* Проблема развития в структурной психологии // *Коффка К.* Основы психического развития. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – С. IX-LVI.
211. *Выготский Л.С.* Психология и учение о локализации психических функций // Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров. Тезисы докладов. – Харьков, 1934. – С. 34-41.
212. *Выготский Л.С.* Основы педологии. – Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1935.
213. *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. Сборник статей. – М.-Л.: Учпедгиз, 1935. – 135 с.
214. *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.– 519 с.
215. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 291-436.
216. *Выготский Л.С.* Стенограмма выступления на реактологической дискуссии (1931 год) // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 3. С. 136-139.

217. Газеты и журналы о психотехнике. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2-3. С. 304-310.
218. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 150 с.
219. *Гальперин П.Я.* Проблема деятельности в советской психологии // Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть I. – М., 1977. – С. 19-40.
220. *Гальперин П.Я.* Предисловие // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 3-4.
221. *Гальперин П.Я.* Идеи Л.С. Выготского и задачи психологии сегодня // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. Тезисы докладов всесоюзной конференции. Москва, 23-25 июня 1981 г. / Ред. колл.: В.В. Давыдов (отв. ред.), В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, Л.А. Радзиховский. – М., 1981. – С. 46-50.
222. *Гальперин П.Я.* К воспоминаниям об А.Н. Леонтьеве // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. ред.), О.К. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 240-244.
223. *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука / Под ред. А.И. Подольского / Вступ. ст. А.И. Подольского. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 480 с.
224. *Гальперин П.Я.* Система исторической психологии Л.С. Выготского и некоторые положения к ее анализу (тезисы) // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С.118-123.
225. *Геллерштейн С.Г.* К вопросу о профессиональной типологии // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 6. С. 489-502.
226. *Геллерштейн С.Г.* Методология психотехники. Предвосхищение. Эволюция. Труд. Избранные психологические труды: В 2 т. Том 1 / Ред.-сост. А.Г. Асмолов, О.Г. Носкова, О.Н. Чернышева. – М.: Когито-Центр, 2018. – 442 с.
227. *Георгиев Ф.И.* К вопросу о развитии психологии // Книга и пролетарская революция. 1935. № 11-12. С. 134-139.
228. *Георгиев Ф.И.* О книге Выготского «Мышление и речь» // Книга и пролетарская революция. 1935. № 4. С. 100-105.
229. *Георгиев Ф.И.* О состоянии и задачах психологической науки в СССР (отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 87-99.
230. *Георгиев Ф.И.* Проблема причинности в работе Пиаже «Речь и мышление ребенка» // Советская педагогика. 1937. № 4. С. 121-131.
231. *Георгиев Ф.И.* [Рец. на кн.:] «Психология» под ред. К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова, Л.М. Шварца // Начальная школа. 1941. № 6.
232. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. Статьи по философии и психологии. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916. – 425 с.
233. *Г.Ф. [Георгиев Ф.И.]* О состоянии и задачах психологической науки в СССР (отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 87-99.
234. *Герке Е.Д.* Профессор М.Я. Басов. Биографический очерк // Избранные психологические произведения / Под ред. В.Н. Мясищева и В.С. Мерлина. – М.: Педагогика, 1975. – С. 400-403.
235. *Гладкова И.В*. Георгий Челпанов. Интеллектуальная биография и философия / Федер. агентство по образованию. Урал. гос. унт им. А.М. Горького. –Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. –137 с.
236. *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 84-96.

237. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
238. *Грэхэм Л.Р*. Очерки истории российской и советской науки. – М.: Янус-К, 1998. – 312 с.
239. *Губерман И.М*. Бехтерев: страницы жизни. – М.: Знание, 1977. –160 с.
240. *Гульбе Д.* Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма // Под знаменем марксизма. 1924. № 8-9. С. 157-166.
241. *Гусельцева М.С*. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности [Текст] : историко-методологическое исследование : монография / М. С. Гусельцева ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральный ин-т развития образования, Психологический ин-т Российской акад. образования. - Москва : Акрополь, 2013. – 365 с.
242. *Гусельцева М.С*. Интеллектуальные традиции российской психологии. Культурно-аналитический подход [Текст] : монография / М.С. Гусельцева ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральный ин-т развития образования, Психологический ин-т Российской акад. образования. - Москва : Акрополь, 2014. – 423 с.
243. *Гусельцева М.С.* Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.01 / Гусельцева Марина Сергеевна; [Место защиты: Психол. ин-т Рос. акад. образования]. – Москва, 2015. – 459 с.
244. Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: Смысл, 2000. – 351 с.
245. *Давыдов В.В., Радзиховский Л.А.* Теория Л.С. Выготского и деятельностный подход в психологии // Вопросы психологии. 1980. № 6. С. 48-59; 1981. № 1. С. 67-80.
246. *Даян Г.* Второй психоневрологический съезд (некоторые итоги) // Красная новь. 1924. № 2 (19). С. 155-166; № 3. (20). С. 223-238.
247. *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма (с предисловием Г.В. Плеханова). – М.: Госиздат, 1922. – 376 с.
248. *Деборин А.М.* Октябрьская революция и диалектический материализм // *Деборин А.М.* Философия и марксизм. 3-е изд. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – С. 348-363.
249. *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – 164 с.
250. *Дмитриев В.Д.* Выдающийся русский ученый В.М. Бехтерев. – Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. – 136 с.
251. *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.
252. *Добренко Е.А*. Поздний сталинизм: эстетика политики. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – Т. 1. 712 с.; Т. 2. – 600 с.
253. *Доброва А.Д.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека. Библиография // Педология. 1931. № 1 (13). С. 66-68.
254. *Доброва А.Д.* Указатель диссертаций на соискание степеней кандидата и доктора педагогических наук, защищенных в педагогических и научно-исследовательских институтах Москвы за 1933-1940 гг. // Советская педагогика. 1940. № 8. С. 100-106.
255. *Доброва А.Д.* Указатель диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора психологических наук, защищенных в педагогических и научно-исследовательских институтах г. Москвы за 1940-1944 гг. // Советская педагогика. 1945. № 5-6. С. 62-66.
256. *Доброва А.Д.* Указатель диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора психологических наук, защищенных в педагогических и научно-исследовательских институтах за 1940-1944 гг. // Советская педагогика. 1945. № 11. С.58-63.
257. Доклады на [втором] совещании по вопросам психологии. 3-8 июля 1953 г. / Ред. коллегия: А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1954. – 348 с.

258. *Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. – М.: РГГУ, 2020. – 469 с.
259. Драма советской философии: Э.В. Ильенков: Книга-диалог / РАН. Ин-т философии; Сост. и ред. В.И. Толстых. – М., 1997. – 239 с.
260. *Дубровский А.В.* Материя и дух (Впечатления о Всесоюзном съезде по рефлексологии, психологии, педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии) // Просвещенец. – Л., 1924. № 3-4. С. 23-27.
261. *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.) – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 622 с. – (История сталинизма).
262. *Егоршин В.* К вопросу о политике марксизма в области естествознания // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 123-134.
263. *Енчмен Э.С.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (проект организации Революционно-Научного Совета Республики и введения системы физиологических паспортов). – Пятигорск: Издание Ин. К. О. Северо-Кавказского Революционного Комитета, 1920. – 55 с.
264. *Енчмен Э.С.* Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. – Петербург: Типография рабочего ф-та Петербургского гос. ун-та «Наука и труд», 1923. – 82 с.
265. *Енчмен Э.С.* Наука и философия – эксплуататорская выдумка // На переломе: Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение / Под ред. П.В. Алексеева. – Москва: Политиздат, 1990. – С. 224-231.
266. Енчмен Эммануил Семенович [биографическая справка] // *Алексеев П.В.* Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – С. 316-317.
267. Енчмен Эммануил Семенович [биографическая справка] // Большая Советская Энциклопедия. Т. 24. – М.: Советская энциклопедия, 1932. – Ст. 524-525.
268. *Есаков В.Д.* ... И академик Павлов остался в России // Наука и жизнь. 1989. № 9. С. 78-85; № 10. С. 116-123.
269. *Ждан А.Н.* Общая характеристика состояния зарубежной психологии в период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX в.) // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 5-16.
270. *Ждан А.Н.* Состояние и актуальные задачи истории психологии в СССР // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан. – М., 1988. – С. 4-13.
271. *Ждан А.Н.* История психологии (От античности до наших дней): Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
272. *Ждан А.Н.* История психологии как становление ее предмета: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора психологических наук. – М., 1994. – 68 с.
273. *Ждан А.Н.* Л.С. Выготский и научные школы Московского университета: единство в разнообразии // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 29-34.
274. *Ждан А.Н.* Научные школы отечественной психологии в историческом освещении // Материалы IV Всероссийского съезда РПО. 18-21 сентября 2007 г.: В 3 т. Т. 1. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «КРЕДО», 2007. – С. 362-363.
275. *Ждан А.Н.* Общий очерк истории психологии в России // Российская психология: Антология / Авт.-сост. А.Н. Ждан. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. – С. 3-26.
276. *Ждан А.Н.* Национальное начало в развитии науки: исследовательские традиции отечественной психологии в сопоставлении с всемирной психологической мыслью // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня – 03 июля 2009 г. / Отв. ред.

А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 32-36.
277. *Ждан А.Н.* История психологии на кафедре общей психологии: исследование и преподавание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №. 1. С. 3-11.
278. *Ждан А.Н.* История психологии: От Античности до наших дней: Учебник для вузов. – Изд. 9-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Трикста, 2012. – 587 с.
279. *Ждан А.Н.* П.Я. Гальперин как теоретик и методолог психологической науки // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 14-18.
280. *Ждан А.Н.* История психологии: учебник для студ. учреждений высш. образования. – М.: Издательский центр «Академия», 2016. – 400 с.
281. *Ждан А.Н.* История психологии: от Античности до наших дней: Учебник для вузов. Изд. 10-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2018. – 587 с.
282. *Ждан А. Н*. История психологии: от Античности до наших дней: Учебник для вузов. 12-е изд. – М.: Академический Проект, 2024. – 510 с.
283. *Жиру Ф*. Лу. История свободной женщины / Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой. – М.: Колибри, 2005. – 157 с.
284. *Журавлев А.Л., Кольцова В.А*. Введение: Уникальность научного подхода Б.Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2008. – С. 9-13.
285. *Журавлев А. Л., Стоюхина Н. Ю*. Совещание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 71-80.
286. За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки / Под ред.: Хайнеманн М., Колчинский Э.И. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 526 с.
287. За кулисами психоанализа: неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн, ученицы К. Юнга и З. Фрейда / Сост. Г.Ц. Лотан, В.Э. Шпильрайн; под науч. ред. Ф.Р. Филатова. – Санкт-Петербург: Скифия: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2023. – 583 с.
288. *Заика Е.В., Кузнецов М.А.* Исследования памяти в Харьковской психологической школе: история, современность, перспективы // Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / Отв. ред. Т.Б. Хомуленко, М.А. Кузнецов. – Х.: Изд-во ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2012. – С. 352-398.
289. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. – М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 608 с.
290. *Залесский К.А.* Кто есть кто в истории СССР. 1924-1953. – М.: Вече, 2009. – 752 с.
291. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Ленинградская Правда. 1930. 26 января.
292. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 2 (8). С. 161-164.
293. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 6. С. 19-24.
294. *Залкинд А.Б.* Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Вечерние известия. 1930. 31 января.
295. *Залкинд А.Б.* Наука по изучению поведения человека и педагогика // Учительская газета. 1930. 15 февраля.
296. *Залкинд А.Б.* Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Известия ВЦИК. 1930. 8 февраля.
297. *Залкинд А.Б.* Психоневрологические науки и социалистическое строительство // Педология. 1930. № 3 (9). С. 309-323.
298. *Залкинд А.Б.* Психоневрологический фронт и психологическая дискуссия // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 17-23.

299. *Залкинд А.Б.* Мои ошибки // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 2.
300. Залкинд А.Б. [Некролог] // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 4.
301. *Залкинд И.А.* Изучение человеческого поведения // Красная звезда. 1930. 24 января.
302. *Залкинд И.А., Фролов Ю.П.* Несколько поправок // Красная звезда. 1930. 11 февраля.
303. *Залманзон А.* В защиту объективного направления в психологии // Вестник Коммунистической Академии. 1926. № 18. С. 189-202.
304. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене вандер Веера. – Москва: Изд-во «Канон+»РООИ «Реабилитация», 2017. – 608 с.
305. *Зверева Т.В., Носкова О.Г.* Психологическое наследие К.К. Платонова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. –214 с.
306. *Зеньковский В.В.* Памяти профессора Г.И. Челпанова // Путь. 1936. № 50 (январь – март – апрель). – С. 53-56.
307. *Зинченко В.П.* Психологическая наука в России: новая хрестоматия [Рецензия на книгу: Российская психология: Антология / Авт.-сост. А.Н. Ждан. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 1279 с. («Summa»)] // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 163-164.
308. *Зинченко В.П.* К 80-летию Харьковской психологической школы // Вопросы психологии. 2012. № 6. С. 133-148.
309. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – 2-е изд. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.
310. Зрительные ощущения и восприятия / Отв. редакторы проф. С.В. Кравков и проф. Б.М. Теплов / Психологические исследования. Под общей редакцией В.Н. Колбановского. Т. II. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. – 272 с.
311. Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения / Под ред. П.Г. Костюка, С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1980. – 607 с.
312. *Иванов П.И.* Из истории советской психологии // Ученые записки Ташкентского педагогического института им. Низами. Вып. 15. Психология / Под ред. П.И. Иванова. – Ташкент, 1959. – С. 7-25.
313. Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 298 с.
314. Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 168 с.
315. *Ильин Г.Л.* История психологии: учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 389 с.
316. *Ильин Г.Л.* История психологии: учебник для вузов. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 389 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс).
317. *Индик Н.К.* Советская психология за 40 лет // Советская педагогика. 1958. № 1. С. 67-76.
318. Институт научной философии. Начало / отв. ред.-сост. А.В. Черняев, Т.Г. Щедрина. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 566 с. (Мысль и слово)
319. *Исаева Э.Г.* М.Я. Басов как психолог // Вопросы истории психологии / Ред. колл.: проф. А.В. Петровский (отв. ред.), доц. М.М. Нудельман, доц. Н.В. Лаврова // Московский ордена Трудового Красного Знамени гос. педагогич. ин-т имени В.И. Ленина. Ученые записки. № 352. – М., 1969. – С. 53-77.
320. *Исаева Э.Г.* Психологические воззрения М.Я. Басова. Дис. … канд. психол. наук. – М., 1973. – 153 л.
321. *Исаева Э.Г.* Вопросы прикладной психологии в деятельности М.Я. Басова // Вопросы истории общей и прикладной психологии. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 101-118.
322. Исследования мышления в советской психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1966. – 476 с.
323. Истоки и пути российской психологии (к 100-летию советской психологии): Материалы Молодежной секции I Международной научно-практической конференции / Сост.: А.А. Тюков, Д.В. Иванов, Л.Б. Смоловская. – М.: Издательство «Перо», 2019. – 325 с.

324. Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5-6 октября 1998 / Под ред. Ю. Л. Бессмертного (отв. ред.), М.А. Бойцова и П.Ш. Габдрахманова. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 308 с. (Российская Академия наук. Институт всеобщей истории)
325. История психологии. XX век: [хрестоматия] / ред. П.Я. Гальперин, А.Н. Ждан. – 6-е издание. – Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – 832 с.
326. История психологии в лицах. Персоналии / Под ред. Л.А. Карпенко // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 784 с.
327. История философской мысли в Московском университете / Под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 264 с.
328. Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6/VI 1931 г.) // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 1-12.
329. К 70-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1959. № 3. С. 143-146.
330. К 90-летию со дня рождения А.Р. Лурии (1902–1977) // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». 1992. № 2. С. 1–74.
331. К 100-летию со дня рождения А.Р. Лурии // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 3–131.
332. К 100-летию со дня рождения А.Р. Лурии (1902–1977) // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2002. № 4.
333. К 100-летию со дня рождения Б Г. Ананьева // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 32–110.
334. К 110-летию со дня рождения Александра Романовича Лурии // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2012. № 2. С. 5–137.
335. *Калягина Г.В.* Владимир Александрович Вагнер – основоположник сравнительной психологии в России //*Вагнер В.А.* Сравнительная психология / Под ред. Г.В. Калягиной. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – С. 5-22.
336. *Каппес О.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.
337. *Карев Н.А.* Рец. на кн. Н. Бухарина «Енчмениада. К вопросу об идеологическом вырождении» // Большевик. 1924. № 1. С. 148-150.
338. К.К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 270 с.
339. *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. – СПб.: Изд-во ФАРН, 1993. – 128 с.
340. *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 730 с.
341. *Клейн Л.С., Щавелёв С.П.* Александр Александрович Формозов (1928-2009): послесловие. – Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2011. – 110 с.
342. *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Том 2. Археологи советской эпохи. – 640 с.
343. *Коган Т.Л.* На повороте // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 13-16.
344. *Кожевников А.Б.* Рец. на кн.: Л. Р. Грэхэм. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе (М.: Политиздат, 1991. 480 с.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 2. С. 140-141.
345. *Козлов И.В.* Жизнь, деятельность и учение академика В.М. Бехтерева. – Таганрог, 1928. – 32 с.

346. *Колбановский В.Н.* Рецензия на книгу С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» // Под знаменем марксизма. 1941. № 5. С. 172-183.
347. *Колбановский В.Н.* За марксистское освещение вопросов психологии (Об учебнике С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии») // Большевик. 1947. № 17. С. 50-56.
348. *Колбановский В.Н.* О некоторых недостатках книги проф. С.Л. Рубинштейна // Советская педагогика. 1947. № 6. С. 103-110.
349. *Колбановский В.Н.* Письмо в редакцию // Советская педагогика. 1947. № 12. С. 120.
350. *Коллинз Р*. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.
351. *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 273 с. (Российская Академия Наук. Институт истории естествознания и техники. Санкт-Петербургский филиал)
352. *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). – СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. – 638 с.
353. *Кольцова В.А*. Уроки развития отечественной психологии в XX столетии // Философия психологии: возвращение к истокам (К 100-летию со дня смерти В.С. Соловьева). – М., 2001. – С. 3-8.
354. *Кольцова В.А.* Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 6-18.
355. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 416 с.
356. *Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 511 с.
357. *Кольцова В.А.* Парадигмальные основания советской психологии как единой научной школы // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня – 03 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 46-54.
358. *Кольцова В.А., Артемьева О.А.* К истории становления советской психологии как “нормальной” науки // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2013. Т. 2. № 1. С. 43-52.
359. *Кольцова В.А., Медведев А.М.* Об изучении истории психологии в системе культуры // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 3-11.
360. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 176-179.
361. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН, 2006. – 360 с.
362. *Кондаков И.М.* Психология. Иллюстрированный словарь. 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК», 2007. – 783 с.
363. *Константинов В.В.* История психологии: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2019. – 432 с.
364. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). – М.: Госиздат, б/г (1921). – 228 с.
365. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм: Автореферат доклада // Известия. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.
366. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41-50.

367. *Корнилов К.Н.* Диалектический метод в психологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 107-113.
368. *Корнилов К.Н.* Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. – 2-е изд., доп. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 91-106.
369. *Корнилов К.Н.* Наивно-материалистические тенденции в современной психологии: Тезисы доклада // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 326. П. 41. Ед. хр. 29. б/д.
370. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 9-24.
371. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм проф. Челпанова // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 231-242.
372. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. – 2-е, доп. изд. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 33-51.
373. *Корнилов К.Н.* Путь современной психологии // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. – 2-е изд., доп. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 76-90.
374. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. – Л.: Госиздат, 1925. – 107 с.
375. *Корнилов К.Н.* Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому) // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 185-212.
376. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. – Л.: Госиздат, 1926. – 164 с.
377. *Корнилов К.Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С. 195-217.
378. *Корнилов К.Н.* Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3-15.
379. *Корнилов К.Н.* Психика и закон сохранения энергии // Естествознание и марксизм. 1929. № 4. С. 223-224.
380. *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44-77.
381. *Корнилов К.Н.* Задачи педагогической психологии // За политехническую школу. – М., 1934. № 1.
382. *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. – 160 с.
383. *Корнилов К.Н.* Методика преподавания психологии в педагогических институтах // Педагогическое образование. 1935. № 5. С. 40-53.
384. *Корнилов К.Н.* О значении методов научного исследования в области психологии // Методы изучения детей и подростков. – М., 1935. – С. 116-121.
385. *Корнилов К.Н.* Рецензия на книгу С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» // Учебно-педагогическая литература. 1935. № 10. С. 1-3.
386. *Корнилов К.Н.* Реактология и марксистская психология (контр-тезисы) // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 25-27.
387. *Корнилов К.Н., Рыбников Н.А., Смирнов В.Е.* Простейшие школьные психологические и педологические опыты. – 5-е, перераб. изд. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – 122 с. (Б-ка педагога)
388. *Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Смирнов А.А., Рыбников Н.А., Шеварев П.А., Добрынин Н.Ф., Размыслов П.И., Шварц Л.М., Левитов Н.Д., Богословский А.И., Музылев Ф.И., Волков И.И., Додонова А.А., Шемякин Ф.Н., Георгиев Ф.И., Гурьянов Е.В., Менчинская Н.А., Ансон К.К., Занков Л.В., Акимов Н.Е.* Задачи психологии в создании марксистской науки о детях // Учительская газета. 21 марта 1941. № 35 (2827). С. 2.

389. *Корсаков С.Н.* Репрессированные сотрудники Института философии // Наш философский дом / Редколл.: А.А. Гусейнов (пред.), В.С. Степин, В.А. Лекторский, С.А. Никольский, М.Н. Громов (отв. ред.), А.В. Черняев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 508-520.
390. *Корсаков С.Н., Данилов С.И.* Психология и власть. К истории идеологических компаний в советской психологии 1930-х гг. // Психологос. 2016. № 1. С. 34-37.
391. *Корсаков С.Н., Данилов С.И.* Из истории советской психологии 1920-1930-х гг.: А.А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131-150.
392. *Костюк Г.С.* Радянська психологія за 30 років // Радянська школа. 1947. № 5. С. 55-69. (на укр. яз.)
393. *Костюк Г.С.* Психология // Большая Советская Энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1955. – Т. 35. – С. 238-244.
394. *Костюк Г.С.* Вопросы мышления в советской психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 66-90.
395. *Костюк Г.С.* Достижения советской педагогической психологии за 40 лет // Радянська школа. 1957. № 11. (на укр. яз.).
396. *Костюк Г.С.* Основные направления развития исследований в советской педагогической психологии за 40 лет // Ученые записки Киевского пединститута. Т. XXVIII. – Киев, 1958.
397. *Костюк Г.С.* Проблемы психологии мышления // Ученые записки Института психологии Министерства просвещения УССР. Т. VIII (Сборник «Советская психологическая наука за 40 лет») / Под ред. Г.С. Костюка. – Киев, 1958. (на укр. яз.)
398. *Костюк Г.С.* Вопросы психологии мышления // Психологическая наука в СССР: В 2-х т. Т. 1. – М., 1959. – С. 357-440.
399. *Костюк Г.С.* О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии // Ученые записки Института психологии УССР. 1959. Т. XI. С. 5-12. (на укр. яз.)
400. *Костюк Г.С.* Психология // Малая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 7. – М.: БСЭ, 1959. – С. 702-703.
401. *Кравков С.В.* Глаз и его работа. – М.-Л., 1936. – 354 с.
402. Краткий психологический словарь. Сост. Л.А. Карпенко / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М: Политиздат, 1985. – 431 с.
403. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2 изд., расш., испр. и доп. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998. – 512 с.
404. *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии. – М. URSS, 2012. – 319 с.
405. *Крих С.Б.* Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 320 с.
406. *Крих С.Б., Метель О.В.* Историография древности в советский период: учебное пособие. – Омск: Синяя птица, 2018. – 136 с.
407. *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности: структуры, люди, идеи : путеводитель по советской науке о древней истории. – Изд. 5-е. – Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2019. – 197 с.
408. *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 254 с.
409. *Кузьмин Е.С.* О современных задачах истории психологии // Вопросы психологии. 1957. № 2. С. 23-27.
410. *Куразов И.Ф.* Методологические итоги поведенческого съезда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. Вып. 1-2. С. 3-8.
411. *Куразов И.Ф.* Некоторые итоги I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. – Л., 1930. № 4 (28). – С. 3-8.
412. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. – М.: Изд. Музея Дарвина, 1935. – XVI, 596 с.

413. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. – М., 1914 (1922). Т. VIII. – 312 с.
414. *Левитин К.Е.* Мимолетный узор. – М.: Знание, 1978. – 80 с.
415. *Левитин К.Е.* Личностью не рождаются. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
416. *Левитин К.Е.* Мимолетный узор. 2-е изд., испр. и доп., с предисл. автора. –М.: [Б.и.], 1997. – 228 с.
417. *Левченко Е.В.* Психологическая концепция В.М. Бехтерева // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Серия 6. Вып. 1. С. 70-81.
418. *Левченко Е.В.* Методологические основания психологической концепции М.Я. Басова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Серия 6. Вып. 3. С. 71-84.
419. *Левченко Е.В.* История и теория психологии отношений / Отв. ред. А.А. Крылов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 312 с.
420. *Левченко Е.В.* Психологическая концепция В.М. Бехтерева: диахронический анализ // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 22-31.
421. *Левченко Е.В.* Михаил Яковлевич Басов: жизненный путь и психологическая концепция // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 4 (Направления и школы в психологии). С. 21-45.
422. *Левченко Е.В.* О прошлом и будущем российской советской психологии // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 32-42.
423. Лейбин В.М. Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. – М.: Когито-Центр, 2008. – 318 с.
424. Лексикон Л.С. Выготского / под ред. А.Д. Майданского, В.В. Рубцова. – М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 200 с.
425. *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. – С. 40-48.
426. *Ленин В.И.* Карл Маркс // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. – С. 43-93.
427. *Леонтьев А.А.* Л.С. Выготский: книга для учащихся 9–11 классов средней школы. – М.: Просвещение, 1990. – 158 с.
428. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
429. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Миф о разрыве: А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 14-22.
430. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Ранние работы А.Н. Леонтьева и его путь к психологии деятельности // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2003. – С. 3-24.
431. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2005. – 431 с.
432. *Леонтьев А.Н.* Педагогика и психология // Учительская газета. 6 апреля 1941. № 42 (2834). С. 3.
433. *Леонтьев А.Н.* Советская психология после постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» // Советская педагогика. 1946. № 7. С. 21-31.
434. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. – 495 с.
435. *Леонтьев А.Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48-56.
436. *Леонтьев А.Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 г. – М.: Наука, 1969. – С. 7-20.
437. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

438. *Леонтьев А.Н.* Психика // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1975. Т. 21. – С. 187.
439. *Леонтьев А.Н.* Октябрь и психологическая наука // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1977. № 3. С. 3-10.
440. *Леонтьев А.Н.* О творческом пути Л.С. Выготского (Вступительная статья) // *Выготский Л.С*. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М., 1982. – С. 9-41.
441. *Леонтьев А.Н.* О книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (Комментарии А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 147-151.
442. *Леонтьев А.Н*. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. унта, 1994. – 228 с.
443. *Леонтьев А.Н.* О книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (Материалы и дискуссии) // *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 226-229.
444. *Леонтьев А.Н*. Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2000. – 511 с.
445. *Леонтьев А.Н*. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2003. – 439 с.
446. *Леонтьев А.Н*. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл–ИЦ «Академия», 2004. – 352 с.
447. *Леонтьев А.Н*. Психологические основы развития ребенка и обучения / Под ред. Д.А. Леонтьева, А.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2009. – 423 с.
448. *Леонтьев А.Н.* Харьковская психологическая школа (Справка) // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. 134-138.
449. *Леонтьев А.Н*. Эволюция, движение, деятельность / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2012. – 560 с.
450. *Леонтьев А.Н., Лурия А.Р.* Психология // Большая Советская Энциклопедия. – Т. 47. – М., 1940. – Стлб. 511-548.
451. *Леонтьев А.Н., Ярошевский М.Г.* Психология // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1975. – Т. 21. – С. 193-196.
452. *Лихи Т.* История современной психологии / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 448 с.
453. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / под ред. В.А. Баженова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 423 с. (Философия России первой половины XX в.).
454. *Логинова Н.А*. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 285 с.
455. *Логинова Н.А.* Как сберечь и передать новым поколениям научные традиции // Актуальные проблемы истории психологии: материалы Всероссийского методологического семинара, г. Арзамас, 25-27 сентября 2008 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.С. Минькова, Э.В. Тихонова, под общ. ред. Е.П. Титкова; ИП РАН, АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С. 17-21.
456. *Логинова Н.А*. Антропологическая психология Бориса Ананьева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 366 с.
457. *Логинова Н.А*. Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 38–50.
458. *Лосский Н.О.* Философия и психология в СССР // Современные записки. Общественно-политический журнал. – Париж, 1939. Т. LXIX. – С. 364-373.
459. *Луппол И.К.* Рецензия // Под знаменем марксизма. 1924. № 8-9. С. 301-303.
460. *Луппол И.К.* Диалектика диалектики, или казус, приключившийся с философией марксизма в СССР в лето от Октябрьской революции восьмое // Воинствующий материалист. Кн. 4. – М., 1925. – С. 39-47.

461. *Лурия А.Р.* Московский Государственный Институт Экспериментальной Психологии // Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 244-252.
462. *Лурия А.Р.* Международный конгресс психологов в Америке (1-7 сентября 1929 г.) // Научное слово. 1930. № 4. С. 83-99.
463. *Лурия А.Р.* Пути советской психологии за 15 лет // Советская психоневрология. 1933. № 1. С. 25-35.
464. *Лурия А.Р.* «Основы общей психологии» // Учительская газета. 1941. 26 января. № 12 (2804). С. 3.
465. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. –184 с.
466. *Лурия А.Р.* Об изучении реакций и историческом развитии поведения человека // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 27-32.
467. *Лурия А.Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В.И. Белопольского. – М.: Когито-Центр, 2002. – 527 с.
468. *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. – М.: Смысл, 2003. – 431 с.
469. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии: учеб. пособие. – М.–СПб.: Питер, 2007. – 319 с.
470. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека. – СПб.: Питер, 2008. –624 с.
471. *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. – М.: Гнозис, 1994.– 219 с.
472. *Любимов П.С.* Практикум по экспериментальной психологии / Под ред. и с предисл. проф. К.Н. Корнилова. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1936. – 224 с.
473. *Люк Х.Е.* История психологии. Течения, школы, пути развития / пер. с немецкого М.В. Волковой, науч. ред. М.В. Волковой; послесловие В.П. Зинченко. – М.: Научный мир, 2012. – 272 с.
474. Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.– 352 с. (Психология социальных явлений)
475. *Мальцева А.* К биографическому изучению и к характеристике работ ленинградских психологов, погибших в 1941-1943 гг. (сообщение первое) // Проблемы психологии / Под ред. проф. Б.Г. Ананьева. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина университета, 1948. – С. 217-220.
476. *Маляров В.* Вульгарный материализм и идеализм под вывеской диалектического материализма [Рец. на кн.: *Боровский В.М.* Психология с точки зрения материалиста. Изд. 1-е. 1929.] // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 150-159.
477. *Марбург А.* Из лаборатории на стройку (На Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вечерняя Москва. 1930. 13 февраля.
478. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 7-544.
479. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 3-230.
480. *Марцинковская Т.Д.* История психологии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 544 с.
481. *Марцинковская Т.Д.* История психологии: учебник для студентов высших учебных заведений. 8-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 544 с.
482. *Марцинковская Т.Д.* История психологии: учебник для студентов высших учебных заведений. 9-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 544 с.
483. *Марцинковская Т.Д.* История психологии: учебник. – 10-е изд., испр. – М.: Академия, 2015. – 544 с.
484. *Марцинковская Т.Д., Юревич А.В.* История психологии: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Гардарики, 2008. – 413 с.

485. *Марцинковская Т.Д., Юревич А.В.* История психологии: Учебник для вузов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Трикста, 2011. – 521 с.
486. *Маслов К.С*. В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. – Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2014. – 560 с.
487. *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю*. Елена Антипова: русский апостол Бразилии (1892–1974). – М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2018. – 96 с.
488. Материалы [Первого Всесоюзного] совещания по психологии. Стенографический отчет / Редколлегия: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов // Известия АПН РСФСР. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953. Вып. 45. – 287 с. [Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 45. Материалы совещания по психологии. Стенографический отчет.]
489. *Медынский Е.Н.* О диссертациях по педагогическим наукам // Советская педагогика. 1941. № 6. С. 40-48.
490. *Менжулин В.И*. Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии. – Киев: Сфера, 2004. – 490 с.
491. *Менчинская Н.А.* Общепсихологические воззрения М.Я. Басова и их значение для педагогической психологии // Вопросы психологии. 1984. № 2. С. 148-160.
492. *Мерлин В.С.* Из истории советской психологической мысли (К вопросу о психологическом наследии профессора М.Я. Басова) // Вопросы психологии. 1965. № 5. С. 28-35.
493. *Мерлин В.С.* Психологические воззрения М.Я. Басова // *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1975. – С. 5-25.
494. Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 603 с.
495. Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / Сост. и отв. ред. Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин, А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. – 749 с.
496. *Мироненко И.А.* Отечественная психология и вызов современности // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 249-267.
497. *Мироненко И.А*. Образ российской психологии в мировой науке // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 200-206.
498. *Мироненко И.А*. Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 44-50.
499. *Мироненко И.А*. Российская психология в пространстве мировой науки. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 304 с.
500. *Мироненко И.А*. От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 119-123.
501. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. Э.И. Колчинского. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 672 с.
502. *Моложавый С.С.* Педология на I съезде по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 3 (9). С. 329-340.
503. *Мунипов В.М*. В.М. Бехтерев. – М.: Медицина, 1969. – 56 с.
504. *Мурзина Е.Б.* Психологические воззрения в творческом наследии И.А. Сикорского: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М.: Российский гос. социальный ун-т, 2011. – 20 с.
505. *Мясищев В Н*. Выдающийся русский ученый В.М. Бехтерев. – М.: Знание, 1953. – 32 с.
506. *Мясищев В.Н*. В.М. Бехтерев – замечательный ученый, врач, педагог, общественный деятель. – Киров, 1956. – 40 с.
507. *Мясищев В.Н.* М.Я. Басов (К 80-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 159-163.

508. На I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 2 (8). С. 290-296; 1930. № 3 (9). С. 407-419.
509. На переломе. Советская биология в 20-30-х годах / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 346 с.
510. На поведенческом съезде // Красная газета. 1930. 29 января.
511. *Натадзе Р.Г.* Психология к 20-летию Советской Грузии // Труды Тбилисского учительского института. – Т. 1. – Тбилиси, 1941. (на груз. яз.)
512. *Натадзе Р.Г.* Психология к 25-летию Советской Грузии // Наука за 25 лет Советской Грузии. – Т. III. Тбилиси, 1946. (на груз. яз.)
513. *Натадзе Р.Г.* Психологическая наука в Грузии за 50 лет // Вопросы психологии. 1967. № 4. С. 17-33.
514. *Натадзе Р.Г.* Психологическая наука в Грузии к 50-летию Советского Союза // Вопросы психологии. 1972. № 5. С. 24-37.
515. Наука в боях за нового человека // Вечернее радио. 1930. 8 февраля.
516. Наука в боях за нового человека // Вечерняя Москва. 1930. 5 февраля.
517. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Редактор-составитель Э.И. Колчинский. – С.-Петербург, 2003. – 1040 с.
518. Наука и тоталитарная власть // Философские исследования. 1993. № 3. – С. 1-251; 1993. № 4. – С. 252-504.
519. Науку о человеке на службу социалистической реконструкции // Ленинградская правда. 1930. 2 февраля.
520. Наш философский дом / Редколл.: А.А. Гусейнов (председатель), В.С. Степин, В.А. Лекторский, С.А. Никольский, М.Н. Громов (отв. ред.), А.В. Черняев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 528 с.
521. *Немов Р.С.* Психологический словарь. – М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
522. *Никифоров А.С.* Бехтерев. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 288 с.
523. *Никифоров А.С.* В.М. Бехтерев: Книга для учащихся 9–10 классов средней школы. – М.: Просвещение, 1988. – 127 с.
524. *Никифоров А.С.* Основатель отечественной неврологии и психиатрии В.М. Бехтерев: Зигзаги судьбы и научной жизни. – М.: Ленанд, 2015. – 272 с.
525. *Никольская А.А.* Задачи разработки истории психологии в России // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 14-22.
526. *Никольская А.А.* А.П. Нечаев. Жизненный и творческий путь // *Нечаев А.П.* Психология и школа / Под ред. А.А. Никольской. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – С. 7-20.
527. *Носкова О.Г.* Памяти И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна – основателей советской индустриальной психотехники // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 130-132.
528. *О'Коннор Т.Э.* Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1992. – 223 с.
529. О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1984. – С. 264-265. [Первоисточник: Правда. 1931. 26 января. № 25.]
530. О педологических извращениях в системе наркомпросов. Постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1936. № 183. 5 июля.
531. О педологических извращениях в системе наркомпросов. Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 6. 1933-1937. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – С. 364-367.
532. О состоянии и задачах психологической науки в СССР (отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2015. Т. 9. Вып. 1. С. 50-60. [Повторная публикация; С.А. Богданчиков – публикатор;

впервые опубликовано в журнале: Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 87-99. В конце отчета указаны инициалы автора: Г.Ф.]
533. Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России: Материалы международного научного коллоквиума / Сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. –М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014. – 327 с.
534. Обращение 1-го Всесоюзного съезда по изучению поведения человека к пролетариату Ленинграда // Ленинградская правда. 1930. 31 января. С. 4.
535. Общая психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 251 с.
536. *Огурцов А.* Подавление философии // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 353-374.
537. *Ойзерман Т.И.* Советская философия в середине 40-х – начале 50-х годов: философский факультет МГУ // Человек. 2007. № 2. С. 50-62; 2007. № 3. С. 72-84.
538. *Окунь М.* О духе марксизма и о букве его // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 113-124.
539. *Окунь М.* Механистические комментарии к диалектической критике // Под знаменем марксизма. 1928. № 7-8. С. 48-63.
540. *Осипов В.П.* Бехтерев. – М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1947. –92 с.
541. *Осипов В.П., Шнирман А.Л.* Отчет о деятельности Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга за 1929-30 г. // Вопросы изучения и воспитания личности. – Л., 1932. Вып. 3-4. – С. 70-80.
542. Отечественный психоанализ / Сост. и общая редакция В.М. Лейбина. – СПб.: Питер, 2001. – 448 с. (Серия «Хрестоматия по психологии»)
543. Очередное извращение марксизма. О «теории» Енчмена: Сб. статей / Под ред. С. Гириниса. – М.: Новая Москва, 1924. –139 с.
544. *Павлов А.Т.* Философия в Московском университете. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. – 288 с.
545. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. Сборник статей, докладов, лекций и речей. – М.-Пг.: Госиздат, 1923. – 244 с.
546. *Павлов И.П.* Письмо к молодежи // Павлов И.П. Избранные произведения / Под общ. ред. Х. С. Коштоянца. – М.: Гос. изд-во политической л-ры, 1949. – С. 19-20.
547. Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед: В 3 т. / Отв. ред. акад. Л.А. Орбели. – Том I. Протоколы 1929-1933 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 360 с.
548. Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед: В 3 т. / Отв. ред. акад. Л.А. Орбели. – Том II. Стенограммы 1933-1934 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 625 с.
549. Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед: В 3 т. / Отв. ред. акад. Л.А. Орбели. – Том III. Стенограммы 1935-1936 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 515 с.
550. Памяти В.Я. Струминского // Учительская газета. 1967. 22 июля. С. 4.
551. *Пархоменко О.Г., Ронзин Д.В., Степанов А.А.* С.Л. Рубинштейн в педагогическом институте имени А.И. Герцена // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 103-113.
552. *Пархоменко О.Г., Ронзин Д.В., Степанов А.А.* С.Л. Рубинштейн как педагог и организатор психологической науки в Ленинграде // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 3. С. 35-42.

553. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. И.А. Каиров и Ф.Н. Петров: В 4 т. – М.: Советская Энциклопедия, 1964-1968. Т. 1. 1964. – 832 стлб.; Т. 2. 1965. – 912 стлб.; Т. 3. 1966. – 880 стлб.; Т. 4. 1968. – 912 стлб.
554. Педагогический словарь: в 2-х т. / Гл. ред.: И.А. Каиров (гл. ред.), Н.К. Гончаров (зам. гл. ред.), Н.Д. Казьмин, Ф.Ф. Королев, А.И. Маркушевич, А.А. Смирнов. Т. 2. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 766 с.
555. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редколл.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.
556. Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918 / Науч. ред. А.П. Ненароков. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.
557. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2-3. С. 225-246.
558. *Перельман Ф., Рубановский Л., Великанов И.* Два уклона в марксистской философии // Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. № 2. – Вологда: Северный печатник, 1926. – С. 265-300.
559. Перестройка психологии: проблемы, пути решения (Круглый стол) // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 5-15; № 2. С. 5-18; № 3. С. 5-19; № 4. С. 5-14; № 5. С. 16-26.
560. *Перченок Ф.Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. – М., 1991. – С. 163-235.
561. *Петровский А.В.* К истории связи психологии и физиологии высшей нервной деятельности в советской науке // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов. 29 июня – 4 июля 1959 г. Вып. 1 / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. – С. 244-246.
562. *Петровский А.В.* К характеристике основных направлений в русской психологии накануне Октября // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов / Под ред. М.А. Мазманяна. – Ереван, 1960. – С. 73-80.
563. *Петровский А.В.* Об основных направлениях в русской психологии начала XX века // Из истории русской психологии / Под ред. М.В. Соколова. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – С. 358-438.
564. *Петровский А.В.* Об особенностях развития психологии в первые годы Советской власти // Тезисы докладов на съезде Общества психологов. Вып. 1. Общая психология. История психологии. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. – С. 188-190.
565. *Петровский А.В.* На подступах к марксистской психологии // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 239. Вопросы теории и истории психологии. – М., 1964. – С. 29-250.
566. *Петровский А.В.* Пути формирования основ советской психологии: Дис. ... докт. педагогич. н. (по психол.). Защищена в Московском гос. педагогическом ин-те им. В.И. Ленина 20.09. 1965. Утверждена 3.09.1966. – М., 1965. – 721, 30 л. (2 т.).
567. *Петровский А.В.* Пути формирования основ советской психологии. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра педагогических наук (по психологии). – М., 1965. – 34 с.
568. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. – М.: Просвещение, 1967. – 367 с.
569. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.
570. *Петровский А.В.* Непрочитанные страницы истории психологии – тридцатые годы // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4. С. 125-138.
571. *Петровский А.В.* Обездушивание науки, или продолжение Енчмениады // Наука и жизнь. 1989. № 11. С. 110-115; № 12. С. 100-105.
572. *Петровский А.В.* Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – С. 126-135.
573. *Петровский А.В.* Возвращаясь к В.А. Вагнеру // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 95-105.

574. *Петровский А.В.* Психология в России: XX век. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 312 с.
575. *Петровский А.В.* Записки психолога. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 464 с.
576. *Петровский А.В.* Психология и время. – СПб.: Питер, 2007. – 448 с.
577. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии: Учебное пособие для высшей школы. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 448 с.
578. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии: В 2 т. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 416 с.
579. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 528 с.
580. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 496 с.
581. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. Одобрено Ученым советом Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию в качестве учебного пособия для инженерно-педагогических работников профтехобразования. – М.: Высшая школа, 1981. – 175 с.
582. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий: Уч. пособие для учебных заведений профтехобразования. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1984. – 174 с.
583. *Платонов К.К.* Общее, особенное и единичное в критериях периодизации истории отечественной психологии // Актуальные проблемы истории психологии. – Т. 2. – Ереван, 1984. – С. 3-10.
584. *Платонов К.К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А.Д. Глоточкина, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, В.Н. Лоскутова. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – 310 с.
585. *Плеханов Г.В.* Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Избранные философские произв.: В 5 т. – М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. – С. 67-88.
586. Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос. Акад. наук. Ин-т философии; сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Изд-во «Голос», 2010. – 815 с.
587. *Помогайбин В.Н.* История психологии: эволюция основ. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 520 с.
588. Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки» // Правда. 11 апреля 1942 г. № 101 (8872). С. 1-2.
589. *Прангишвили А.С.* Психологическая наука в Грузии к 40-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции // Психология. 1947. – Т. XI. (на груз. яз.).
590. Проблемы современной психологии: Сб. статей [Т. II] / Под ред. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1926. – 252 с.
591. Проблемы современной психологии. Т. V. Вопросы изучения языка ребенка / Под ред. проф. Н.А. Рыбникова. – М.-Л.: Госиздат, 1930. 108 с. [РАНИОН. Институт экспериментальной психологии]
592. Проблемы современной психологии. Т. VI. Ученые записки Московского государственного института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 264 с. [РАНИОН. Институт экспериментальной психологии]
593. *Проппер Н.И.* Изучение поведения человека // Молодая гвардия. 1930. № 7. С. 97-104.
594. *Проппер Н.И.* Школа академика Павлова на поведенческом съезде // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 3. С. 5-13.
595. *Протопопов В.П.* Психология, рефлексология и учение о поведении. – Харьков: Научная мысль, 1929. – 115 с.
596. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (Колл. авт.: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков,

В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева) / Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 576 с.
597. Психологическая наука в СССР: в 2-х тт. / Ред. колл.: Б.Г. Ананьев, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Ф.Н. Шемякин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959-1960. Т. I. – 600 с. Т. II. – 656 с.
598. Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Смысл: 2006. – 389 с.
599. Психологическая хрестоматия. Составили ассистенты Московского Государственного Института экспериментальной психологии В.А. Артемов, Л.С. Выготский, Н.Ф. Добрынин, А.Р. Лурия / Под ред. К.Н. Корнилова. Допущено Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета. –М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. – 432 с. («Пособия для высшей школы»)
600. Психологические исследования / Под общ. ред. В.Н. Колбановского. Т. I. Инстинкты, навыки / Отв. ред. В.М. Боровский. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. – 199 с.
601. Психологические исследования / Под общ. ред. проф. В.Н. Колбановского. Т. II. Рефлексы, инстинкты и навыки / Отв. ред. В.М. Боровский. – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. – 224 с.
602. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.; Ред. колл.: В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, А.М. Матюшкин, А.В. Петровский. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.
603. Психологический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. / Авт.-сост. Копорулина В.Н., Смирнова М.Н., Гордеева Н.О.– Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 640 с.
604. Психологический словарь / Под общей науч. ред. П.С. Гуревича. – М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 800 с.
605. Психология / Под ред. К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова, Л.М. Шварца. Утверждено ВК ВШ при СНК СССР в качестве учебного пособия для пед. и учительских институтов. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Учпедгиз, 1941. – 376 с.
606. Психология. Учебник для педагогических институтов / Под ред. А.А. Смирнова (гл. ред.), А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова. – М.: Учпедгиз, 1956. – 575 с.
607. Психология в Московском университете: 1755-2005 / Научный редактор А.Н. Ждан. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. – 376 с.
608. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Сост. Л.А. Карпенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политизадат, 1990. – 494 с.
609. Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1925. – 242 с. [Проблемы современной психологии. Т. I]
610. Психология и марксизм («круглый стол») // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 3-17.
611. Психология человека в современном мире (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г.): в 6-ти тт. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. Т. 1. – 334 с.; Т. 2. – 404 с.; Т. 3. – 400 с.; Т. 4. – 378 с.; Т. 5. – 400 с.; Т. 6. – 412 с.
612. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека) / Отв. ред. А.Б. Залкинд. – М.-Л.: Медиздат, 1930. – 383 с.
613. Психоневрологические науки и социалистическое строительство СССР. Стенографический отчет 1-го Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А.Б. Залкинда. – Л.-М.: Госмедиздат, 1930. – 422 с.
614. *Раевский А.Н.* 30 лет развития психологической науки на Советской Украине // Материалы психологической конференции ЛГУ 1-5 октября 1947 г. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. – С. 18-24.

615. *Раевский А.Н.* Психология речи в советской психологической науке за 40 лет (1917-1957). – Киев, 1958.
616. *Размыслов П.И.* Об ошибках тов. Боровского // Книга и пролетарская революция. 1934. № 3. С. 105-107.
617. *Размыслов П.И.* О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия // Книга и пролетарская революция. 1934. № 4. С. 78-86.
618. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21-32.
619. *Резник С.Е*. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном. – СПб.: Алетейя, 2015. – 364 с.
620. Резолюция Педологической секции I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 3 (9). С. 341-346.
621. Резолюция съезда по патолого-клинической секции // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 5. С. 136-138.
622. *Рейснер М.А.* Проблемы психологии в теории исторического материализма // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 3. С. 210-255.
623. Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – 559 с.
624. Репрессированная наука. Вып. II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. – СПб., 1994. – 319 с.
625. Рефлексология или психология. Материалы дискуссии, проведенной Методологической Секцией Общества Рефлексологии, неврологии, гипнологии и биофизики с 4-го мая по 10-е июня 1929 года. – Л.: Издание Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга, 1929. – 80 с. [Методологические проблемы рефлексологии. Сб. 1]
626. Рефлексология и смежные направления. Материалы II конференции методологической комиссии Государственного рефлексологического института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева 24-30 сентября 1929 г. – Л.: Издание Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга, 1930. – 116 с. [Методологические проблемы рефлексологии. Сб. 2]
627. *Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке» (биография) / Пер. с нем. К.А. Петросян, И.Е. Попов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. –413 с.
628. *Робинсон Д.Н.* Интеллектуальная история психологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 568 с.
629. *Роговин М.С.* Введение в психологию. Одобрено Министерством высшего и среднего специального образования в качестве пособия для студентов, специализирующихся в области психологии. – М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.
630. *Родин А.М.* Из истории запрета педологии в СССР // Педагогика. 1998. № 4. С. 92-98.
631. *Розенцвейг Б.М.* Итоги работ патолого-клинической секции I Всесоюзного поведенческого съезда // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 5. С. 3-14.
632. *Роменец В.А*. О научной, педагогической и общественной деятельности С.Л. Рубинштейна на Украине // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 103-113.
633. *Рончевский С.* Работа патолого-клинической секции съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 33-36.
634. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993-1999. Т. 1. 1993. – 608 с.; Т. 2. 1999. – 672 с.
635. Российская психология: Антология / Авт.-сост. А.Н. Ждан. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 1279 с.
636. Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 1 [Пилотный]: Медицинские науки: XIX–первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. – 256 с.

637. Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX–первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. – 124 с.
638. *Рохлин Л.* Психогигиеническая работа среди партактива // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 3. С. 24-30.
639. *Рубинштейн П.М.* Основные направления в психологии: докторская диссертация. – М., 1940. – 586 с.
640. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 148-154.
641. *Рубинштейн С.Л.* Николай Николаевич Ланге (некролог) // Народное просвещение. Одесса, 1922. № 6-10. [См. то же: Вопросы психологии. 1979. № 5; *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М., 1997. – С. 175-176, 180.]
642. *Рубинштейн С.Л.* Предисловие редактора перевода // *Бине А., Симон Т.* Методы измерения умственной одаренности. Харьков, 1923.
643. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах К. Маркса // Советская психотехника. 1934. Т. 7. № 1. С. 3-20.
644. *Рубинштейн С.Л.* Вопросы преподавания психологии в педвузе // Педагогическое образование. 1935. № 4. С. 40-44.
645. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. Допущено Наркомпросом РСФСР. – М.: Учпедгиз, 1935. – 496 с.
646. *Рубинштейн С.Л.* Педагогика и психология // Педагогическое образование. 1935. № 6. С. 16-24.
647. *Рубинштейн С.Л.* Психолого-педагогическая характеристика учащихся начальной и средней школы // Вопросы педагогического образования. – М., 1935. – С. 13-18.
648. *Рубинштейн С.Л.* О программе по психологии (переработанная стенограмма доклада от 26 августа на совещании по педагогике и психологии) // Педагогическое образование. 1936. № 5. С. 21-29.
649. *Рубинштейн С.Л.* Мысли о психологии // Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Ученые записки. 1940. Т. 34. Кафедра психологии / Отв. ред. проф. С.Л. Рубинштейн. – С. 5-14.
650. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. – 596 с.
651. *Рубинштейн С.Л.* О задачах советской психологии // Учительская газета. 1941. 13 апреля. № 45 (2837). С. 2.
652. *Рубинштейн С.Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943. № 9-10. С. 45-61.
653. *Рубинштейн С.Л.* Проблема сознания в свете диалектического материализма (к философским основам психологии) (Доклад на заседании Отделения истории и философии АН СССР 18 июня 1945 г., посвященном 220-летию Академии Наук) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. Т. 2. № 3. С. 148-158.
654. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
655. *Рубинштейн С.Л.* Письмо в редакцию // Советская педагогика. 1947. № 12. С. 120.
656. *Рубинштейн С.Л.* Текст речи на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 16-25 июня 1947 г. // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 420-427.
657. *Рубинштейн С.Л.* Учение И.П. Павлова и некоторые вопросы перестройки психологии // Вопросы философии. 1952. № 3. С. 197-210.
658. *Рубинштейн С.Л.* Учение И.П. Павлова и проблемы психологии // Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии: Сборник статей / Ред. колл.: С.А. Петрушевский

(отв. ред.), Н.Н. Ладыгина-Котс, Ф.Н. Шемякин, Е.В. Шорохова. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – С. 194-228.
659. *Рубинштейн С.Л.* Выступление // Известия АПН РСФСР: Материалы Совещания по психологии. 1953. Вып. 45. С. 201-210.
660. *Рубинштейн С.Л.* Вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1955. № 1. С. 6-17.
661. *Рубинштейн С.Л.* Психологические воззрения И.М. Сеченова и советская психологическая наука [доклад на Совещании по психологии 1-6 июля 1955 г.] // Вопросы психологии. 1955. № 5. С. 26-37.
662. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с. (АН СССР. Институт философии).
663. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 145 с.
664. *Рубинштейн С.Л.* Принцип детерминизма и психологическая теория мышления // Психологическая наука в СССР: В 2-х т. Т. 1. – М., 1959. – С. 315-356.
665. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 354 с.
666. *Рубинштейн С.Л.* Проблема способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1960. № 3. С. 3-15.
667. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – 2-е изд. / Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
668. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101-108.
669. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 89-95.
670. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с. (Труды д. чл. и чл.-корр. АПН СССР)
671. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
672. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. [4-е изд.] – СПб.: Питер, 2004. – 713 с.
673. *Рубцов В.* Проблемы психофизиологии в РККА // Красная Звезда. 1930. 1 февраля.
674. *Рубцов В.* Необходимо уточнить (Ответ на статью «Несколько поправок») // Красная Звезда. 1930. 14 марта.
675. *Рудик П.А.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Научное слово. 1930. № 4. С. 64-82.
676. Русские и российские психиатры, невропатологи и психотерапевты / сост. А.Е. Архангельский. – СПб.: Алетейя, 2011. – 268 с.
677. *Рыбников Н.А.* Тематика советской психологии (1938-1939 г.г.). Краткая информация о научно-исследовательской работе по психологии институтов, лабораторий, кабинетов и других психологических и педагогических учреждений СССР // Советская педагогика. 1940. № 4-5. С. 166-177.
678. *Рыбников Н.А.* Литература по психологии (1938-1940) // Начальная школа. 1940. № 11-12. С. 78-80.
679. *Рыбников Н.А.* Историография советской психологии (к 25-летию советской психологии) // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 39-43.
680. *Рыбников Н.А.* К истории психологии (обзор диссертаций) // Советская педагогика. 1954. № 6. С. 150-153.
681. *Рыбников Н.А.* К истории психологической библиографии // Вопросы психологии. 1956. № 1. С. 109-112.
682. *Рыжов Б.Н.* История психологической мысли. Пути и закономерности: учеб. пособие для высших учебных заведений. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 352 с.

683. *Рыжов Б.Н*. Системная психология. Второе издание. – М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. – 356 с.
684. *Саломе Л*. Эротика / Пер. с нем. Л. Гармаш. – М.: РИПОЛ классик, 2022. – 416 с.
685. *Самойлов А.Ф.* Детская болезнь «левизны» в материализме. – Л.: Госиздат, 1925. – 255 с.
686. *Сарычев С.В., Логвинов И.Н.* История психологии. В 2 ч. Часть 1: учеб. пособие для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 279 с. (Серия: Университеты России)
687. *Сарычев С.В., Логвинов И.Н.* История психологии. В 2 ч. Часть 2: учеб. пособие для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 211 с. (Серия: Университеты России)
688. *Саугстад П*. История психологии. От истоков до наших дней / Пер. с норвежск. Э. Панкратовой. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2008. – 544 с.
689. Сборник, посвященный Владимиру Михайловичу Бехтереву. К 40-летию профессорской деятельности (1885–1925). – Л.: Госуд. психоневрологич. акад.: Госуд. рефлексологич. ин-т по изучению мозга, 1926. – 715 с.
690. *Свенцицкий А.Л.* Краткий психологический словарь. – М.: Проспект, 2009. – 512 с.
691. *Семенов И.Н.* Социокультурная рефлексия столетнего развития российской психологической науки: к 100-летию советской психологии (1918-2018) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. № 4. С. 4-31.
692. *Семенов И.Н.* Науковедческая рефлексия векового развития российской психологической науки (к 100-летию советской психологии) // Мир психологии. 2018. № 4 (96). С. 279-300.
693. *Семенов И.Н*. Обзор институционального развития советской психологии в контексте истории российского человекознания (к 100-летию советской психологической науки) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 6А. С. 98-115.
694. *Семенов И.Н.* Рефлексивно-культурологический обзор влияния научного творчества Г.Г. Шпета на развитие человекознания (К 140-летнему юбилею философа-психолога) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 188-208.
695. *Семенов И.Н*. Становление парадигмы деятельности как теоретико-методологической доминанты развития российской психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 2 С. 271–294.
696. *Сергеева Т.В.* Харьковская школа психологии: преемственность научных разработок // Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / Отв. ред. Т.Б. Хомуленко, М.А. Кузнецов. – Х.: Изд-во ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2012. – С. 406-413.
697. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – 440 с.
698. Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К.А. Абульхановой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 447 с.
699. *Сикорский И.А*. Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении. – Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1904. – [2], VIII, 576 с.
700. *Сикорский И.А*. Душа ребенка: С кратким описанием души животных и души взрослого человека. – Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1909. Т. IV. – [4], IV, 159 с.
701. *Сикорский И.А*. Начатки психологии. – Изд. 2-е, доп. –Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1909. – VI, 138 с.
702. *Сикорский И.А*. Всеобщая психология с физиогномикой, в иллюстрированном изложении. –2-е изд., существенно доп. –Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. –XIV, 770 с.
703. *Сикорский И.А*. Всеобщая психология с физиогномикой: в иллюстрированном изложении. – М.: Академический проект, 2022. – 602 с.

704. *Сироткин С.Ф.* Сабина Шпильрейн. Материалы к биобиблиографии. – Ижевск: ERGO, 2006. – 84 с.
705. *Сироткина И.Е.* Н.А. Бернштейн: годы до и после «Павловской сессии» // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – С. 319-326.
706. *Сироткина И.Е.* От реакции к живому движению: Н.А. Бернштейн в Психологическом Институте двадцатых годов // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 16-27.
707. *Сироткина И.Е.* Маргиналии: история книги Н.А. Бернштейна «Современные искания в физиологии нервного процесса» // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. Т. 35. № 1. С. 28-41.
708. *Сироткина И.Е.* Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. А.Г. Асмолов. – М.: Когито-Центр, 2020. – 258 с.
709. *Сироткина И.Е., Смит Р.* История психологии в России: краткий обзор с авторскими акцентами // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2015. Т. 9. Вып. 1. С. 5-39.
710. *Сироткина И.Е., Смит Р.* История психологии в России: краткий очерк с авторскими акцентами [Электронный ресурс] : препринт WP6/2016/01 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 60 с.
711. *Славская А.Н.* Методологические особенности интеграции психологической науки в творчестве С.Л. Рубинштейна // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – С. 122-133.
712. *Славская А.Н.* История создания научного труда «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26-29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. – С. 302-307.
713. *Славская А.Н.* Основы психологии С.Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития / Отв. ред. В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 344 с.
714. *Смирнов А.А.* Хороший учебник [Рецензия на книгу: *Теплов Б. М.* Психология: учебник для средней школы. М.: ОГИЗ, 1946. 223 с.] // Учительская газета. 1946. 14 декабря.
715. *Смирнов А.А.* Состояние психологии и ее перестройка в свете учения И.П. Павлова. – М.: Изд-во АПН РСФСР. 1952. – 63 с.
716. *Смирнов А.А.* Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И.П. Павлова // Советская педагогика. 1952. № 8. С. 61-88.
717. *Смирнов А.А.* Состояние психологии и ее перестройка в свете учения И.П. Павлова // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 9-45.
718. *Смирнов А.А.* О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии // Вопросы психологии. 1955. № 5. С. 38-54.
719. *Смирнов А.А.* О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии // Материалы [Третьего Всесоюзного] Совещания по психологии (1-6 июля 1955 г.). – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. – С. 3-18.
720. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9-56.
721. *Смирнов А.А.* 50 лет Института психологии // Советская педагогика. 1963. № 6. С. 129-141.
722. *Смирнов А.А.* Пути развития советской психологии (вечерняя лекция). – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 31 с. [XVIII Международный психологический конгресс]

723. *Смирнов А.А.* К 50-летию советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 13-37.
724. *Смирнов А.А.* Развитие педагогической психологии в СССР с 1945 по 1970 г. // Педагогическая психология в странах социализма 1945-1970. – Прага, 1971. – Т. I. – С. 9-93.
725. *Смирнов А.А.* Развитие психологии в СССР: К 50-летию образования СССР: Российская Федерация // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 9-35.
726. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. – М.: Педагогика, 1975. – 352 с.
727. *Смирнов А.А.* Советские психологи обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 13-30.
728. *Смирнов А.А.* Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. № 4. С. 124-126.
729. *Смирнов А.А.* Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1987. – 272 с.
730. *Смит Н.* Психология. Современные системы / Пер. с англ. под общ. ред. А.А. Алексеева. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2007. – 543 с.
731. *Смит Р.* История психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Пер. с англ. А.Р. Дзкуя, К.О. Россиянова; науч. ред. И.Е. Сироткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 416 с.
732. Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. – 700 с. (Методология, теория и история психологии)
733. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. – М.: Лазурь, 1993. – 706 с.
734. *Сойфер В.Н.* Красная биология: Псевдонаука в СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 264 с.
735. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. – 4-е изд. – М.: ЧеРо, 2002. – 1022 с.
736. *Сойфер В.Н.* «По личному указанию товарища Сталина»: псевдонаука в СССР. – М.: Триумф, 2007. – 392 с.
737. *Сойфер В.Н.* Очень личная книга. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 767 с.
738. *Сойфер В.Н.* Сталин и мошенники в науке. – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет, Городец, 2016. – 480 с.
739. *Соколов М.В.* Психология // Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. – 2-е изд. – Т. 50. Союз Советских Социалистических Республик. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1957. – С. 559-562.
740. *Соколов М.В.* Работы советских психологов по истории психологии // Психологическая наука в СССР: В 2 т. – М., 1960. Т. 2. – С. 596-654.
741. *Соколова Е.Е.* Колыбель психологии деятельности (предисловие к публикации текста А.Н. Леонтьева «Харьковская психологическая школа» /Справка/) // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. 127-133.
742. *Соколова Е.Е.* Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева): дисс. … д-ра психол. н. – М., 2021. – Т. 1. – 485 с. – Т. 2. – 120 с.
743. Соколова Е.Е. Психология деятельности: становление и перспективы развития. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. – 496 с.
744. *Сонин В.А.* Психологи мира от А до Я: учебно-методическое пособие. – СПб., 2012. – 368 с.
745. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – 696 с.
746. *Степанов И.* Диалектический материализм и деборинская школа. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 164 с.

747. *Степанов И.И., Тимирязев А.К., Левин и др.* Механистическое естествознание и диалектический материализм: Дискуссия о книжке Степанова «Современное естествознание и исторический материализм» в Совете НИТ′а 8 февраля 1925 г. – Вологда: Северный печатник, 1925. – 83 с.
748. *Степанов С.С.* Век психологии: имена и судьбы. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 592 с.
749. *Степанова Е.И.* Становление психологической школы Б.Г. Ананьева: Памятные даты и события. – СПб.: Изд-во «Симпозиум», 2003. – 215 с.
750. *Степанова М.А.* Культурно-историческая психология глазами П.Я. Гальперина. Об одном опыте прочтения Л.С. Выготского. (Предисловие) // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 112-117.
751. *Степанова М.А*. Психотехнический подход к практической психологии образования : школа П.Я. Гальперина : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.01 / Степанова Марина Анатольевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»]. – Москва, 2022. – 366 с.
752. *Степанова М.А*. Практическая психология образования сквозь призму психотехнического подхода : школа П.Я. Гальперина : монография / М.А. Степанова ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет психологии, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2023. – 344, [2] с.
753. *Стоюхина Н.Ю.* История советской психотехники: психология воздействия. Учебное пособие. – М.: Логос, 2012. – 324 с.
754. *Стоюхина Н.Ю.* Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921): Монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. – 307 с.
755. *Стоюхина Н.Ю.* Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг.: монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – 429 с.
756. *Стоюхина Н.Ю*. Изучение психологии воздействия на массы в истории советской психотехники 1920-1930-х гг. // Актуальные проблемы социальной психологии Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под научной редакцией О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2017. – С. 220-225.
757. *Стоюхина Н.Ю*. Психологические словари как источник поиска информации о психологах // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А.Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2017. – С. 142-145.
758. *Стоюхина Н.Ю., Мазилов В.А.* Забытый съезд: Первый всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 251-260.
759. *Стоюхина Н.Ю., Мазилов В.А.* Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 277-287.
760. Страницы истории: о том, как был уволен С.Л. Рубинштейн (из Архива МГУ) // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 73-101; 1989. № 5. С. 56-64.
761. *Стрельцова В.П*. Психологические воззрения В.Н. Мясищева. – Тверь: СФК-офис, 2009. – 288 с.
762. *Струминский В.Я.* Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. 1. Введение к изучению психологии. – Оренбург: Киргиз. госуд. изд-во, 1923. – 412 с.
763. *Струминский В.Я.* Ответ на рецензию Троицкого // Под знаменем марксизма. 1924. № 3.
764. *Струминский В.Я.* Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 207-233.

765. *Струминский В.Я.* Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 140-184.
766. Струминский Василий Яковлевич // Педагогическая энциклопедия. – М., 1968. Т. 4. – С. 169.
767. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.
768. Съезд по изучению поведения человека // Известия. 1930. 30 января. № 29 (3876). С. 1.
769. *Сэв Л.* Современная французская философия: исторический очерк от 1789 г. до наших дней / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1968. – 391 с.
770. *Талалаевский И.* Три фурии времен минувших. Хроники страсти и бунта. Лу Андреас-Саломе, Нина Петровская, Лиля Брик. – СПб.: Алетейя, 2020. – 840 с.
771. *Таланкин А.А.* Проблема военной психологии в нашей военной литературе // Толмачевец. 1926. № 1.
772. *Таланкин А.А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.-Л.: Госиздат, 1929.
773. *Таланкин А.А.* Итоги поведенческого съезда и Красная армия // Красная Звезда. 1930. 13 февраля.
774. *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24-43.
775. *Таланкин А.А.* Письмо в редакцию // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 160.
776. *Таланкин А.А.* Против меньшевиствующего идеализма в психологии // Психология. 1932. № 1-2. С. 38-62.
777. *Таланкин А.А.* О реактологическом искажении марксизма в области психологии// Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 22-24.
778. *Теплов Б.М.* Психология: Учебник для средней школы. – М.: ОГИЗ, 1946. – 223 с.
779. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет: стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 г. в Доме Союзов в Москве. – М.: Правда, 1947. – 32 с.
780. *Теплов Б.М.* Тридцать лет советской психологической науке // Сессия АПН РСФСР, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов. Отдельный оттиск: доклад Б. М. Теплова. – М., 1947. – 7 с.
781. *Теплов Б.М.* Об объективном методе в психологии // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 49-74.
782. *Теплов Б.М.* Об объективном методе в психологии. – М., 1952. – 46 с.
783. *Теплов Б.М.* Об объективном методе в психологии // Советская педагогика. 1952. № 7. С. 66-86.
784. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности / Под ред. Е.И. Игнатьева.– М.: Учпедгиз, 1960. – С. 8-20.
785. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов / Под ред. М.А. Мазманяна. – Ереван: Армучпедгиз, 1960. – С. 3-13.
786. *Теплов Б.М.* Избранные труды: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1985. – 360 с.
787. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // *Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1985. – С. 191-198.
788. *Теплов Б.М.* О работах С.Л. Рубинштейна 30-40-х годов // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 216-218.
789. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 218-220.
790. *Теплов Б.М., Шварц Л.М.* Рецензия на книгу: *С.Л. Рубинштейн*. Основы общей психологии // Советская педагогика. 1941. № 7-8. С. 96-107.
791. *Теплов Б.М., Шварц Л.М.* [Рецензия на книгу:] «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна// *Теплов Б.М.* Психология и психофизиология индивидуальных

различий. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: «МОДЭК», 1998. – С. 440-467.
792. *Теплов Б.М., Шварц Л.М.* «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна // *Теплов Б.М.* Психология и психофизиология индивидуальных различий: избранные психологические труды / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. – С. 515-548.
793. *Тимирязев А.К.* Диалектический метод и современное естествознание // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 115-132.
794. *Тимирязев А.К.* Естествознание и диалектический материализм: Сб. статей. – М., 1925. – 331 с.
795. *Тимофеев Д.С.* Психологические воззрения И.А. Сикорского: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М.: Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1995. – 16 с.
796. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 424 с.
797. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999. – 429 с.
798. *Тутунджян О.М.* О периодизации психологической историографии в СССР // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 103-109.
799. *Тымянский Г.С.* Логика и психология // Человек и природа. – Л., 1930. № 4 (28). – С. 9-14.
800. *Узнадзе Д.Н.* Психология в Грузии за 20 лет Советской власти // Комунистури агзрдисатвис. 1941. № 2-3. (на груз. яз.)
801. *Умрихин В.В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – С. 136-145.
802. *Умрихин В.В.* Неявные контексты явных драм истории советской психологии (к 80-летию «реактологической дискуссии») // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 56-65.
803. Умственно-отсталый ребенок / Под ред. Л.С. Выготского и И.И. Данюшевского. – М.: Учпедгиз, 1935. – 176 с. (Экспериментальный дефектологический институт им. М.С. Эпштейна. Психологические исследования. Вып. 1.)
804. Университеты и научные учреждения. – 2-е изд. – М.-Л.: Объединенное Научно-Техническое Издательство, 1935.
805. Уроки исторической правды: В Центральный Исполнительный Комитет СССР. Объяснительная записка к заявлению профессора А.П. Нечаева (Публикация подготовлена В.А. Кольцовой) // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 144-148.
806. Ученые записки / Под ред. К.Н. Корнилова. Т. III. – М., 1928. – 204 с. (Институт экспериментальной психологии. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) [Проблемы современной психологии. Т. III]
807. Ученые записки Научно-исследовательского института психологии Министерства просвещения УССР. Т. VIII. Советская психологическая наука за 40 лет (сб. статей) / Под ред. Г.С. Костюка. – Киев: «Радянська школа», 1958. – 478 с. (на укр. яз.)
808. *Федоров Л.Н.* Метод условных рефлексов в изучении высшей нервной деятельности // Человек и природа. – Л., 1930. № 4 (28). – С. 21-26.
809. *Фейгенберг И.М.* Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. – М.: Смысл, 2004. – 239 с.
810. Философия психологии / Под ред. В.А. Лекторского. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 396 с.
811. Философская энциклопедия: в 5-ти т. Т. 1. / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – 504 с.
812. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов: в 5-ти т. – М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. – Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 592 с.

813. Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии / Ред. комиссия: П.Н. Федосеев (председ.), П.К. Анохин, Э.А. Асратян, Ф.В. Бассин, Л.Г. Воронин, Н.И. Гращенков, Ф.В. Константинов, П.С. Купалов, А.Н. Леонтьев, М.Б. Митин, С.А. Саркисов, Е.В. Шорохова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 771 с.
814. Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 431 с.
815. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
816. *Формозов А.А.* Археология и идеология (20-30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70-82.
817. *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. – М., 1995.
818. *Формозов А.А.* О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // Российская археология. 1995. № 3. С. 225-232.
819. *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии // Российская археология. 1998. № 3. С. 191-206.
820. *Формозов А.А.* Рассказы об ученых. – Курск, КГМУ, 2004. – 124 с.
821. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – М.: Знак, 2004. – 320 с.
822. *Формозов А.А.* Человек и наука: Из записей археолога. – М.: Знак, 2005. – 224 с.
823. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – Изд. 2-е, дополн. – М.: Знак, 2006. – 344 с.
824. *Фортунатов Г.А., Соколов М.В.* Педология. Учебник для школьных отделений педологических техникумов. Допущен НКПросом РСФСР. – М.: Учпедгиз, 1935. – 237 с.
825. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм. I. Учение Бехтерева и марксизм. С предисловием проф. К.Н. Корнилова и вступительной статьей проф. А.Б. Залкинда. – Ленинград: Госиздат, 1924. – 79 с.
826. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм // Человек и природа. 1924. № 9.
827. *Франкфурт Ю.В.* Об одном извращении марксизма в области психологии // Красная Новь. 1925. Май. № 4. С. 163-186.
828. *Франкфурт Ю.В.* В защиту революционно-марксистского взгляда на психику // Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. – Л.: Госиздат, 1926. – С. 202-244.
829. *Франкфурт Ю.В.* Г.В. Плеханов о психофизиологической проблеме // Под знаменем марксизма. 1926. № 6. С. 37-60.
830. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм. II. Физиологическое направление. Историко-критический анализ учений И.М. Сеченова и И.П. Павлова. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 186 с.
831. *Франкфурт Ю.В.* Г.И. Челпанов в роли «марксиста»-психолога // Правда. 1926. № 246. 24 октября. С. 5. (Рубрика «Библиография». Рецензия на книги Г.И. Челпанова: 1) Психология и марксизм, 1-е изд., 1924; 2) то же, 2-е изд.; 3) Объективная психология в России и Америке, 1925; 4) Очерки психологии, 1926; 5) Психология или рефлексология, 1926; 6) Социальная психология или условные рефлексы, 1926.)
832. *Франкфурт Ю.В.* Г.В. Плеханов о психофизиологической проблеме // Под знаменем марксизма. 1926. № 6.
833. *Франкфурт Ю.В.* К борьбе за марксистскую психологию // Красная Новь. 1927. № 10. С. 169-196.
834. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов о диалектике в психологии // Вестник Коммунистической академии. 1927. № 22. С. 186-214.
835. *Франкфурт Ю.В.* К вопросу о марксистской психологии // Научное слово. 1928. № 5. С. 54-79.

836. *Франкфурт Ю.В.* Механистический «дух» ревизует психологические взгляды основоположников марксизма // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 125-139.
837. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов и классовая психология // Под знаменем марксизма. 1928. № 5. С. 82-102.
838. *Франкфурт Ю.В.* Учение В.М. Бехтерева и марксизм // Под знаменем марксизма. 1928. № 6. С. 48-79. (Рецензия на работы В.М. Бехтерева: 1) Объективное изучение личности. Вып. 1. 1923; 2) Психология, рефлексология и марксизм; 3) Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8.)
839. *Франкфурт Ю.В.* О различии между психологией и идеологией // Вестник Коммунистической академии. 1929. № 3 (33). С. 55-79.
840. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов и методология психологии. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 224 с.
841. *Фрумкин К.Г.* Любование ученым сословием : Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. – М.: СПб. : Нестор-История, 2022. – 352 с.
842. *Футер Д.* По поводу одного тезиса о природе преступности // Журнал невропатологии и психиатрии. 1931. № 1. С. 140-141.
843. *Хант М.* История психологии / Пер. с англ. А.В. Александровой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 863 с.
844. Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / Отв. ред. Т.Б. Хомуленко, М.А. Кузнецов. – Х.: Изд-во ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2012. – 461 с.
845. *Хаханьян Г.* Поведенческий съезд и Красная армия // Красная Звезда. 1930. 24 января.
846. *Хомская Е.Д.* Александр Романович Лурия. Научная биография. – М.: Воениздат, 1992. – 216 с.
847. Хрестоматия по истории психологии: период открытого кризиса: начало 10-х гг. – середина 30-гг. XX века / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.
848. *Челпанов Г.И.* Психология. Основной курс, чит. в Московском ун-те в 1908-1909 г. / Под ред. Г.О. Гордона и Н.А. Рыбникова. Изд-во общества взаимопомощи студентов-филологов под наблюдением А.Ф. Изюмова: В 2-х ч. Ч. 1. – М., 1909. – 279 с.; Ч. 2. – М., 1909. – 230 с.
849. *Челпанов Г.И.* Введение в философию. – 7-е изд. – М.-Пг.-Харьков, 1918. – 550 с.
850. *Челпанов Г.И.* Демократизация школы (По поводу проекта Государственного Комитета по народному образованию). – М., 1918. – 60 с.
851. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. – М.-Пг.-Харьков: Издание Т-ва «В.В. Думнов – наследн. Бр. Салаевых», 1918. – 319 с.
852. *Челпанов Г.И.* Учебник психологии. – 16-е изд. – М.-Пг.-Харьков: Издание Т-ва «В.В. Думнов – наследн. Бр. Салаевых», 1918. – 224 с.
853. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. – М.: Русский книжник, 1924. – 29 с.
854. *Челпанов Г.И.* Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). – М.: Изд-во Т-ва «А.В. Думнов и К°», 1925. – 79 с.
855. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. – 2-е изд. – М.: Русский книжник, 1925. – 30 с.
856. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). – М.: Русский книжник, 1926. – 59 с.
857. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексы»? – М.-Л.: Издание автора, 1926. – 38 с.
858. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии. – М.: Издание автора, 1927. – 47 с.
859. *Чучмарев З.И.* Природа и пределы методики условных рефлексов // Под знаменем марксизма. 1928. № 4. С. 129-163.

860. *Шабельников В.К.* История психологии. Психология души: Учебник для вузов. – 2-изд. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 391 с.
861. *Шардаков М.Н.* Проблематика диссертаций // Советская педагогика. – М., 1941. № 10. – С. 78-82.
862. *Шахвердов Г*. Об основах марксистской психологии // Красная газета. 1930. 1 февраля.
863. *Шварц Л.М.* Психология // Малая Советская Энциклопедия: В 10-ти т. – Т. 7. – М.: Советская Энциклопедия, ОГИЗ, 1931. – Стлб. 21-24.
864. *Шварцман П.Я., Кузнецова И.В.* Педология // Репрессированная наука. Вып. II // Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. – СПб., 1994. – С. 121-139.
865. *Ширвиндт М.Л.* На рельсы марксизма (К съезду по изучению поведения человека) // Красная газета. 1930. 27 января.
866. *Ширвиндт М.Л.* Психоанализ (доклад, сделанный на съезде по изучению поведения человека в Ленинграде) // Человек и природа. – Л., 1930. № 4 (28). – С. 26-33.
867. *Шиф Ж.И.* Развитие научных понятий у школьника. С вводной статьей Л.С. Выготского. – М.-Л.: Учпедгиз, 1935. – 80 с.
868. *Шнирман А.Л.* Рефлексологическая секция Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-го Всероссийского съезда по психоневрологии 3-10 января 1924 г.) // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы / Под общ. ред. акад. В.М. Бехтерева. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – С. 354-375.
869. *Шноль С.Э.* Герои и злодеи российской науки. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 464 с.
870. *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты российской науки. – 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. – 875 с.
871. *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. – Изд. 5-е.– М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 720 с. (Наука в СССР: Через тернии к звездам.)
872. *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии / Пер. с англ. А.В. Говорунов, В.И. Кузин, Л.Л. Царук / Под ред. А.Д. Наследова. – СПб.: Изд-во «Евразия», 2002. – 532 с.
873. *Щебетенко А.И*. Профессор Вольф Соломонович Мерлин. Жизнь в психологии и среди людей (Историко-психологический очерк). – Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2016. – 407 с.
874. *Щедрина Т.Г.* «Я пишу как эхо другого…»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. – М.: «Прогресс-Традиция», 2004. – 416 с.
875. *Щедровицкий П.Г*. «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира» как тип мыследеятельности Л. Выготского // Философия психологии / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 227–243.
876. *Щукина М.А.* Прогнозы Б.Г. Ананьева и тенденции развития современной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, вып. 3. С. 258–270.
877. *Щукина М.А*. Историография постсоветского периода отечественной психологии: к постановке проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 1. – С. 51-64.
878. Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. – М.: Биомедгиз, 1935. – 73 с.
879. *Эльконин Д.Б.* Воспоминания о соратнике и друге // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. ред.), О.К. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 244-251.
880. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20.
881. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – М., 1961. Т. 20. – С. 339-626.
882. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. – С. 269-317.

883. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РОИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
884. *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. – Петроград: Начатки знаний, 1923. – 37 с.
885. Юбилей ученого (к 85-летию В.Я. Струминского) // Советская педагогика. 1965. № 5. С. 150.
886. Юбилейный сборник трудов по психиатрии и невропатологии, посвященный В.М. Бехтереву (к 25-летию научной и педагогической деятельности – 1878–1903). Т. 1–2. – СПб.: Государственная типография, 1903. – 595 с.
887. *Юдин Б.Г.* Социальный генезис советской науки // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 16-31.
888. *Юдин Б.Г.* История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83-106.
889. *Южанинова А.Л.* История саратовской психологической школы в лицах. – Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. – 352 с.
890. *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. – М.: РГГУ, 2011. – 765 с.; – 2-е изд., стереотип., 2019. – 765 с.
891. *Юрганов А.Л.* Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 384 с.
892. *Юрганов А. Л.* Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 232 с.
893. *Юревич А.В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35-45.
894. *Юревич А.В*. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 28 с.
895. *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 272 с.
896. *Ярошевский М.Г.* История психологии. – М.: Мысль, 1966. – 565 с.
897. *Ярошевский М.Г.* Иван Михайлович Сеченов. 1829–1905. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1968. – 423 с.
898. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. – М.: Политиздат, 1971. – 368 с.
899. *Ярошевский М.Г.* Трехаспектность науки и проблемы научной школы // М.Г. Ярошевский. Социально-психологические проблемы науки. М.: Наука, 1973. С. 174–184.
900. *Ярошевский М.Г.* Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1974. С. 19–57.
901. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.
902. *Ярошевский М.Г.* История психологии. 2-е, перераб. изд. – М.: Мысль, 1976. – 463 с.
903. *Ярошевский М.Г.* Сеченов и мировая психологическая мысль. – М.: Наука, 1981. – 392 с.
904. *Ярошевский М.Г.* Психология [словарная статья] // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – С. 549-551.
905. *Ярошевский М.Г.* История психологии. – 3-е, дораб. изд. – М.: Мысль, 1985. – 575 с.
906. *Ярошевский М.Г.* Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – С. 9-33.
907. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский и марксизм в советской психологии: к социальной истории российской науки // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 84-99.
908. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. – СПб.: Международный фонд истории науки, 1993. – 301 с.

909. *Ярошевский М.Г.* Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки) // Репрессированная наука. Вып. II // Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. – СПб., 1994. – С. 24-44.
910. *Ярошевский М.Г.* История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. – 416 с.
911. *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 380 с.
912. *Ярошевский М.Г.* Две научные школы в отчем доме психологов России // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 8-12.
913. *Ярошевский М.Г.* Юность и начало творческого пути // А.А. Смирнов в воспоминаниях современников: Психологический портрет выдающегося ученого // Сост. В.В. Рубцов, Э.А. Фарапонова. – М.: Психологический институт РАО, Международный образовательный и психологический колледж, 1999. – С. 45-52.
914. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский: в поисках новой психологии / Предисл. Е.Е. Соколовой. Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 300 с.
915. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский: в поисках новой психологии / Предисл. Е.Е. Соколовой. Изд. 3-е. – М.: Либроком, 2013. – 300 с.
916. *Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А.* Пионер деятельностного подхода (к 100-летию со дня рождения М.Я. Басова) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 156-169.
917. *Ярошевский М.Г., Чеснокова С.А*. Уолтер Кеннон (1871–1945). – М.: Наука, 1976. – 376 с.
918. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931-1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 92-102.
919. *Ясницкий А*. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-1930- гг. // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 101-112.
920. *Ясницкий А*. «Когда б вы знали, из какого сора…»: к определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2011. – № 4. [Электронная версия // http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a1/2011n4a1.pdf]
921. *Ясницкий А.* К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60-97.
922. *Ясницкий А.* Психология в первой столице: история и современность // Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / Отв. ред. Т.Б. Хомуленко, М.А. Кузнецов. – Х.: Изд-во ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2012. – С. 309-351.
923. *Ясницкий А., Завершнева Е.Ю.* Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С.334-354.

924. Электронный ресурс: https://lists.memo.ru/index19.htm, сайт «Жертвы политического террора в СССР» (дата обращения 11.06.2024).
925. Электронный ресурс: Университеты и научные учреждения. – 2-е изд. – М.-Л.: Объединенное Научно-Техническое Издательство, 1935: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/Universytety_narkompros.html (дата обращения 11.06.2024).

926. *Bauer R.* The New Man in Soviet Psychology. – Cambridge: Harvard University Press, 1952. – xxiii, 229 p.
927. *Bauer Raymond A.* Der neue Mensch in der sowjetischen Psychologie. – Christian-Verlag, Bad Nauheim 1955. – 179 S.

928. *Birstein V. J.* The Perversion of Knowledge: The True Story of Soviet Science. – Cambridge: Westview Press, 2001. – 512 p.
929. *Boettcher, E.* Der neue Mensch in der sowjetischen Psychologie by Raymond A. Bauer // Osteuropa, Vol. 8, No. 1 (Januar 1958), pp. 68-69.
930. *Bogdanchikov S.A.* Anthology of Articles *Eidetic Memory and School Age* (1935): Present-Day Reflections and Comments // Journal of Russian & East European Psychology. 2020. Vol. 57, No 4, pp. 243-261.
931. *Boguslavsky George W.* Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by J. Ellis, M. Ellis, H. Milne, J. McLeish, N. Parsons and Brian Simon // Science, New Series, Vol. 126, No. 3282 (Nov. 22, 1957), p. 1072.
932. *Brown J.* The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 283, Meaning of the 1952 Presidential Election (Sep., 1952), pp. 222-223.
933. Der Mensch aus der Retorte. Reviewed Work: «The New Man in Soviet Psychology» by Raymund A. Bauer // Ost-Probleme, Vol. 5, No. 29 (16. Juli 1953), pp. 1230-1232.
934. *Eysenck H.J.* Review: Soviet Psychology. – Reviewed Work: Psychology In The Soviet Union by Brian Simon // The British Medical Journal, Vol. 2, No. 5043 (Aug. 31, 1957), p. 512.
935. *Fraisse P.* L'Homme nouveau dans la psychologie soviétique (The new man in Soviet Psychology) by R. A. Bauer // Esprit, Nouvelle série, No. 211 (2) (Février 1954), pp. 305-309.
936. *Gantt W.* The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // American Slavic and East European Review, Vol. 12, No. 3 (Oct., 1953), pp. 412-414.
937. *Graham L.R.* Science and Philosophy in the Soviet Union. – N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 1972. – xii, xvi, 584 p.
938. *Graham Loren R.* Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union. – New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey, 1987. – 565 p.
939. Haimson L. Soviet Psychology and the Soviet Conception of Man // World Politics, Vol. 5, No. 3 (Apr., 1953), pp. 414-421.
940. *Hans N.* Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // British Journal of Educational Studies, Vol. 6, No. 1 (Nov., 1957), pp. 91-92.
941. *Hastorf Albert H.* Review: Current Trends. - Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // The Journal of Higher Education, Vol. 29, No. 7 (Oct., 1958), p. 405.
942. *Hindley Colin B.* Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // The British Journal of Delinquency, Vol. 8, No. 2 (October, 1957), pp. 151-152.
943. *Joravsky D.* Russian psychology: a critical history. – Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1989. – xxii, 583 p.
944. *Ittelson W.* The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // The Russian Review, Vol. 12, No. 1 (Jan., 1953), pp. 51-52.
945. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; – London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. – Pp. 243-278.
946. *Kozulin A.* Psychology in Utopia. Toward a Social History of Soviet Psychology. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1984. – 179 p.
947. *Krementsov N.* Stalinist Science. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997. – xviii + 371 p.
948. *London Ivan D.* Psychology in the USSR // The American Journal of Psychology, Vol. 64, No. 3 (Jul., 1951), pp. 422-428.
949. *London Ivan D.* Contemporary Psychology in the Soviet Union // Science, Aug. 31, 1951, New Series, Vol. 114, No. 2957 (Aug. 31, 1951), pp. 227-233.
950. *Markham M.* Recent Western Books on Soviet Psychology // Soviet Studies, Vol. 5, No. 2 (Oct., 1953), pp. 184-192.

951. *Pavlov I.P.* A Brief outline of the higher nervous activity // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press, London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. Pp. 207-220.
952. *Pollock E.* Stalin and the Soviet science wars. – Princeton: Princeton University press, 2006. – 269 p.
953. Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press, London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. – XIX, 497 p.
954. Psychology in the Soviet Union, edited with an introduction by Brian Simon. Stanford: Stanford University Press, 1957. viii + 305 p.
955. *Rahmani L.* Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues. – N.Y.: International Universities Press, 1973. – 440 p.
956. *Razran G.* Psychology in the U.S.S.R. // The Journal of Philosophy, Vol. 32, No. 1 (Jan. 3, 1935), pp. 19-24.
957. *Razran G.* The Number of Articles of Psychological Interest Published in the Russian Language // The American Journal of Psychology, Vol. 49, No. 2 (Apr., 1937), p. 316.
958. *Razran Gregory S.* Offprints for the Scientific Men of Soviet Russia // Science, New Series, Vol. 96, No. 2488 (Sep. 4, 1942), p. 231.
959. *Razran G.H.S.* A Quantitative Study of Meaning by a Conditioned Salivary Technique (Semantic Conditioning) // Science, New Series, Vol. 90, No. 2326 (Jul. 28, 1939), pp. 89-90.
960. *Razran G.H.S.* A Simple Technique for Controlling Subjective Attitudes in Salivary Conditioning of Adult Human Subjects // Science, New Series, Vol. 89, No. 2303 (Feb. 17, 1939), pp. 160-161.
961. *Razran G.H.S.* Extinction, Spontaneous Recovery, and Forgetting // The American Journal of Psychology, Jan., 1939, Vol. 52, No. 1 (Jan., 1939), pp. 100-102.
962. *Razran Gregory*. Sentential and Propositional Generalizations of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli // Science, Apr. 29, 1949, New Series, Vol. 109, No. 2835 (Apr. 29, 1949), pp. 447-448.
963. *Razran Gregory*. Some Psychological Factors in the Generalization of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli // The American Journal of Psychology, Apr., 1949, Vol. 62, No. 2 (Apr., 1949), pp. 247-256.
964. *Razran Gregory*. Operant vs. Classical Conditioning // The American Journal of Psychology, Sep., 1955, Vol. 68, No. 3 (Sep., 1955), pp. 489-490.
965. *Razran Gregory*. Avoidant vs. Unavoidant Conditioning and Partial Reinforcement in Russian Laboratories // The American Journal of Psychology, Mar., 1956, Vol. 69, No. 1 (Mar., 1956), pp. 127-129.
966. *Razran G*. Soviety Psychology Since 1950 // Science, New Series, Vol. 126, No. 3283 (Nov. 29, 1957), pp. 1100-1107.
967. *Razran G*. K.N. Kornilov, Theoretical and Experimental Psychologist // Science, New Series, Vol. 128, No. 3315 (Jul. 11, 1958), pp. 74-75.
968. *Razran Gregory*. Pavlov and Lamarck // Science, Oct. 3, 1958, New Series, Vol. 128, No. 3327 (Oct. 3, 1958), pp. 758-760.
969. *Razran Gregory*. Reviewed Work: Experimental Psychology and Other Essays by I.P. Pavlov // The American Journal of Psychology, Vol. 71, No. 2 (Jun., 1958), pp. 465-469.
970. *Razran Gregory*. Soviet Psychology and Psychophysiology // Science, New Series, Vol. 128, No. 3333 (Nov. 14, 1958), pp. 1187-1194.
971. *Razran Gregory*. Pavlov the Empiricist // Science, Oct. 9, 1959, New Series, Vol. 130, No. 3380 (Oct. 9, 1959), pp. 916-917.
972. *Razran Gregory*. Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union. by Brian Simon // The American Slavic and East European Review, Vol. 18, No. 2 (Apr., 1959), pp. 255-256.
973. *Razran Gregory*. Russian-English Transliteration // Science, Aug. 28, 1959, New Series, Vol. 130, No. 3374 (Aug. 28, 1959), pp. 482-488.

974. *Razran Gregory*. Transliteration of Russian // Science, Apr. 24, 1959, New Series, Vol. 129, No. 3356 (Apr. 24, 1959), pp. 1111-1113.
975. Review. – Reviewed Work: Psychology by B. M. Teplov // Synthese, Vol. 6, No. 1/2 (May - Jun., 1947), pp. 72-73.
976. *Rubenstein S.* Soviet Psychology in Wartime // Philosophy and Phenomenological Research, Dec., 1944, Vol. 5, No. 2, A First Symposium on Russian Philosophy and Psychology (Dec., 1944), pp. 181-198.
977. *Rubenstein S.* Consciousness in the Light of Dialectical Materialism // Science & Society, Summer, 1946, Vol. 10, No. 3 (Summer, 1946), pp. 252-261.
978. *Rubinstein S.L.* The principle of creative self-activity // Soviet Psychology. A Journal of Translations. N. Y., 1989. Vol. XXVII. № 2.
979. *Schniermann A.L.* Bekhterev's reflexological school // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. Pp. 221-242.
980. *Simmel M.* The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // The American Journal of Psychology, Vol. 66, No. 4 (Oct., 1953), pp. 658-661.
981. *Smirnov A.A.* Reviewed Work: Psychology by B. M. Teplov // Synthese, Vol. 5, No. 11/12 (Mar. - Apr., 1947), pp. 503-505.
982. *Smirnov A.A.* Les réussites scolaires et les problèmes de la psychologie // International Review of Education / Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft / Revue Internationale de l'Education, Vol. 3, No. 3 (1957), pp. 308-321.
983. *Teplow B.M.* Kurze Geschichte der Sowjetpsychologie // Ost-Probleme, Vol. 3, No. 39 (29. September 1951), pp. 1203-1214.
984. The psychological register. Volume III. Edited by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts: Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1932. – 1269 p.
985. *Windholz G.* Emmanuil S. Enchmen – a soviet behaviorist and the commonality of Zeitgeist // The Psychological Record. 1995. V. 45. Pp. 517-533.
986. *Yaroshevsky M.* Lev Vygotsky. – Moscow: Progress Publishers, 1989. – 327 p.
987. *Yasnitsky A.* Vygotsky: An Intellectual Biography. – London & New York: Routledge, 2018. – 151 p.
988. *Yasnitsky A.* (Ed.). Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult. – London & New York: Routledge, 2019. – 194 p.
989. *Yasnitsky A.* (Ed.). A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science. – London & New York: Routledge, 2021. – 218 p.
990. *Yasnitsky A.* Cultural historical gestalt theory and beyond: Toward pragmatic anthropology // Gestalt Theory – An International Multidisciplinary Journal. 2021. – Vol. 43. No. 3. Pp. 293-308.
991. *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2008. V. 44. N 2. Pp. 119-145.
992. *Yasnitsky A., Ferrari M.* Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // History of Psychology. 2008. V. 11. N 2. Pp. 101-121.
993. *Yasnitsky A., Van der Veer R.* (Eds.). Revisionist Revolution in Vygotsky Studies. – London & New York: Routledge, 2016. – 334 p.
994. *Zirkle Conway*. Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 316, A Crowding Hemisphere: Population Change in the Americas (Mar., 1958), pp. 159-160.